

ПРОЛОГ

Большую часть своей жизни я прятался от властей.

У меня никогда не было ни дня покоя, никогда не было возможности обустроить дом, чтобы жить в нем, потому что с двадцати трех лет я никогда не задерживался на одном и том же месте более двух – трех недель. У меня не было возможности владеть машиной на протяжении долгого времени. Это был большой риск, так как моя машина становилась объектом постоянного отслеживания и преследования. Я не мог испытать радости от свадьбы в своей жизни, так как наспех организованная церемония, которую мне в конце концов удалось устроить, была омрачена смертоносной автоматной очередью и смертельным нападением.

Я никогда не мог себе позволить испытать удовольствие от собственных детей, никогда не наслаждался закатом солнца, не думая об убийце, который ждет, чтобы застрелить меня на заходе солнца, никогда не мог насладиться отдыхом на частном пляже без мысли о том, что беспилотник ударит и убьет меня и тех людей, которые меня окружают в одно лишь мгновение. Шторы на моих окнах всегда были закрыты. Я не мог себе представить, каково это ходить по улице, не скрывая своего лица и не утаивая личности.

У меня никогда не было роскоши есть в хорошем ресторане без того, чтобы моя пища не была накачана наркотиками или нервнопаралитическими веществами, благодаря подкупленным официантам и шеф-поварам. Я никогда не мог воспользоваться общественным туалетом, не боясь, что человек идущий позади, не убьет меня. И, наконец, я никогда не мог доверять тем, с кем я общался, мысли о том, что их наняли, чтобы убить меня, всегда были в моей голове.

Покушения на мою жизнь стали настолько распространенным явлением, что я перестал их бояться. Становилось довольно трудно найти убийцу или наемника, скрывающегося на каждом углу. Будь то посадка в поезд на станции метро или бронирование мотеля, все-равно был кто-то, кто подкрадывался и пытался засадить в меня нож. Я больше не мог стоять возле окон, не замечая пролетающей мимо меня пули. Человек, которого я считал своим отцом, нанял этих убийц, чтобы забрать мою жизнь. Для меня оставалась загадкой, что бы он получил, убив меня.

После смерти родителей я стал жить своей жизнью. Нелюбим в детском доме, где я провел свою юность посреди заснеженного пейзажа в Сибири. Огромная пустота в моей жизни была угнетающей, она плыла по течению вместе с одиночеством и трагедией. Но в этой обстановке я упорно держал себя в руках, благодаря безоговорочной любви, которую я почувствовал от своих русских товарищей. Я чувствовал себя на краю света и выживал каждый день, переживая воспоминания о любви, которую потерял. Но и эти воспоминания нужно было подавить.

Помня о прекрасном лице своей матери и добрых улыбках, которые захватывают мой разум, наполнили мое сердце горем. Я знал, что за мной некому присматривать. Поэтому, забота о себе самой стала моей второй натурой. Но на этот раз все было по-другому. Ощущение предательства было настолько острым, что я мог слышать его в своей голове. Человек, которому я доверял и считал, его почти своим отцом, бросил меня под автобус.

Я была незаменимой тенью в его мире, и как только я исчерпал свою полезность, у меня не было причин жить. Он хотел, чтобы я ушел из его жизни, он хотел, чтобы я исчез из жизни его дочери, и, наконец, он хотел, чтобы я страдал за то, что забрал его маленькое королевство.

Каким бы ужасным ни было его поведение по отношению ко мне сейчас, я не мог не вспомнить о его прошлой доброте по отношению ко мне. Как я мог забыть его бескорыстную помощь, спасти меня от самой страшной династии, частью которой я когда-то был? Он помог спасти меня из лап смерти - в то время, когда я был уверен, что надежды на спасение нет.

Октябрь 1975 года

После смерти матери и ареста отца за ее убийство, суд предоставил мне только один выбор: ничтожное существование в английском детском доме. По счастливой случайности или несчастью меня забрали из государственной приемной семьи в Лондоне и перевезли в Москву, в родной дом семьи моего отца. Они ненадолго приютили меня под своей крышей, пока мое существование не стало для них слишком обременительным. Мой дед утверждал, что я не из его родословной, и они сменили мою фамилию.

Без особых церемоний меня отправили в детский дом в Сибири, за тысячи миль от страны, где я родился. У меня не было с собой ни паспорта, ни других каких-либо документов. Я не смог вынести холода и голода, которые поразили государственное жилье, и к тому времени,

когда я достиг подросткового возраста, я сошелся с горсткой юношей и начал искать альтернативу для жизни.

Я не знаю, как я выживал каждую зиму в детском доме. Снег и град пробивали незакрепленные доски наших домов, а ледяной дождь просачивался внутрь, пропитывая изношенные одеяла, которые были поражены клопами и блохами. Полное истощение заставляло нас время от времени засыпать по ночам, не обращая внимания на голод, гложущий наши желудки. Я помню, как спал в обуви, пытаясь сдерживать холод, но от гнилых носков у меня ужасно зудели опухшие ноги.

День приносил мало облегчения нашим обветшалым телам. Многочисленные укусы вшей гноились, он стекал по ногам, что вдвойне затрудняло прогулки к флигелю. Большинство сирот страдало от чесотки и желтухи. Мое сердце особенно болело при виде страданий детей-инвалидов, которые были жили вместе с нами. Две трети детей страдали какой-то формой инвалидности, и, как я позже узнал, это не было совпадением, что все они оказались в государственном детдоме. Большинство из них не были сиротами – их родители жили в городах, иногда в богатых районах, но они отказались от своих детей вскоре после их рождения, когда медсестры или акушерки заметили видимые деформации или уродства.

Не знаю, вызвано ли это социальной стигматизацией или незнанием того, что заставило родителей бросить их в отдаленной деревне в Сибири, но мне было бы особенно жаль детей с синдромом Дауна. Яростно сочувствующие подростки каким-то образом умудрились донести до нас, что они всегда голодны. Однажды вечером, в разгар зимы, я решил им помочь. Я собрал несколько мальчиков из приюта и решил отправиться на улицу. Мне едва исполнилось тринадцать лет, а мои ровесники были немного старше меня. Мы договорились, что надо что-то делать с отсутствием еды, поэтому решили пойти на близлежащие рынки.

Пребывание там было более чем бесполезно. Владельцы магазинов убрали нас с рыбного рынка, когда заметили, что у нас нет денег. Я мужественно боролся с вечерней метелью и игнорировал пронзительный ледяной ветер, который врезался в мое тело, как бритва, когда я возвращался в приют, мое лицо было пронизано гневными слезами.

Я посмотрел на мальчиков. Они тоже плакали. Я заметила, что их распухшие лица горят от гнева и разочарования. Я пришел сюда, чтобы любить и заботиться об этих мальчиках, как будто они мои родные братья. Я уважал их терпение, честь и храбрость. Дети сибирского приюта были добры ко мне, а воспитатели относились к нам справедливо.

В следующий раз я решил пойти один и поискать еду для своих юных товарищей. На следующий день я пошел рано утром. Я шел по пояс в глубоком снегу, преодолевая километры и напряженно карабкаясь по грязным холмам, замёрзшим в скалистые темные курганы. Дважды я хотел вернуться назад к относительно теплу хижины, но круглые жадные лица моих менее благополучных товарищей заставили меня идти дальше. Я знал, что должен вернуться с какой-нибудь провизией для этих беспомощных детей.

Я искал часами. В этой части города ничего не было. Мне пришлось идти в другой конец деревни. Глубоко вдыхая, я как можно плотнее кутался в свое тонкое пальто и пытался укрыться от ледяного ветра, пересекая узкую, замерзшую реку. Мои обледенелые ноги сильно болели, вызывая слезы боли, наполняющие мои глаза. Но холодный сухой ветер не позволял мне плакать. Мои слезы застывали прежде, чем могли пролиться по моим щекам.

Я проголодался и хотел пить от напряжения, поэтому я черпал горсть снега и ел его, пока шел. Несколько рядов ранка мороженой рыбы были разбросаны по главной дороге. Я долго слонялся по округе, собирая все кусочки рыбы, которые упали на снег. Я поджидал внезапных порывов ветра, способных сдуть вяленую рыбу с витрин рынка. Мои усилия оправдались, и мне удалось запихнуть горсть замороженной рыбы под мое пальто. Но спускался вечер, и холодный воздух морозил мою голову; я едва мог думать о чем-то. Дрожа от холода и усталости, я вернулся в свой унылый край, держа несколько кусочков хлеба и вяленую рыбу, которую мне удалось добыть в различных лавках.

Проклятая жизнь

Друзья тепло встречают, но не уйдёт печаль,
Фальшиво улыбаюсь и спешно смотрю в даль.
Им слёз моих не видно, не ведома вся боль,
Которую скрываю, что в юности прошёл,

И как мои поверженные эмоций разбивают сердце на куски.
А сердце замирает из-под оков цепи,
Нет шанса жить свободно, любимые ушли.
В тоске я жил, оплакав товарищей своих,
Но будет ли кто плакать, коль я покину их?

Я никому неизвестный юноша, который жил один и без друзей.

Когда-то был я полон мечтаний и любви,
С тех пор я ждал ответа на все мольбы свои.
Мой дух скорбит и помнит всех тех, что потерял.
Я клялся склеить сердце скорей, чем крах настал.

Итак, я могу, наконец, попасть на небеса и жить подле моего Бога.

В потёмках зимней ночи снег в воздухе кружил,
Товарищ с ним на праздник нагрязнать предложил.
Не ненависть причина, я отказал от грусти,
Вдруг эти слёзы горя мою всю боль отпустят?

В темноту, в метель и как можно дальше от моего сжатого сердца.

Закрыв глаза, я вышел на холод зимней ночи,
Мелькнула мысль, и слёзы остановить нет мочи.
Боль от потери близких вдруг разгорелась снова,
Я был один, во мраке, и зарыдал свободно.

Пока сердце не забилося вновь, и горе не поглотило, уменьшив боль в груди.

Сбивают мысли с толка, нужда несёт потери,
Но плач мой сдержит страхи, что чувства одолели.
Безумие скорбящих и пустота на сердце
Собой напоминают ту боль, что знал я в детстве.

Тот день, когда родился, давно уже я проклял.
О, лучше б задушили, чем жить, неся обломки,
Терпя всё горе мира и вынося уроки,
И умереть лишь в старость, разбитым, одиноким.

Когда я вернулся в детский дом, дети столпились вокруг меня и взяли все, что я мог им отдать. Этого было недостаточно для всех нас, но каким-то образом мы все разделили это счастье. В тот вечер я впервые почувствовал себя как дома. Несмотря на то, что я родился и вырос в Лондоне, я видел себя настоящим русским мальчиком. Эти дети были моими товарищами, моими братьями. Внезапно, я понял, что люблю их, как свою семью. Мы разделяли с ними жилье, еду и маленькое счастье.

Страдания не облегчились в один миг, но я старался не поддаваться их влиянию. Холод был все еще ужасным противником. Обморожения на ногах гноились, но я научился жить с этими ранами.

К середине октября мы начали замечать, что наша одежда заплесневела от холода. У некоторых детей были варежки, но остальные храбро перезимовали в Сибири с голыми руками. Наши замерзшие пальцы местами трескались от холода, но вряд ли кто-нибудь жаловался. Я чувствовал сильную любовь, царившую среди детей, укрепляя нашу решимость выжить. Несколько месяцев подряд я продолжал добывать еду для детей из детского дома. Нам удалось добыть крупных рыб и обменять их у владельцев лавок. Иногда мы тратили добытые деньги на покупку местных деликатесов, таких как тонкая, нарезанная длинными ломтиками мороженная рыба и картофель.

Мой пятнадцатый день рождения прошел в разгар зимы, но мои русские товарищи праздновали этот день с размахом и каким-то образом умудрились подарить мне новую шубу. Это был первый предмет одежды, которым я обладал в течение многих лет и который не кишел ни вшами, ни жуками. Я был смирен и благодарен. Новый предмет одежды был чем-то больше, чем просто спасением зимой - я носил ее, чтобы идти дальше по деревням и городам. В центре одного города я познакомился с другими детьми, которые жили на улицах. Я был поражен их мастерством и идеями. Вскоре я присоединился к ним в их ночных похождениях. Только не вся их деятельность была совсем безобидной.

Одно похождение вело к другому, пока я не впутался в мерзкое ограбление. Я не знал, что мои товарищи собирались ограбить банк, но к тому времени, когда я узнал об их намерениях, было уже слишком поздно уходить. Верный своим страхам, произошла перестрелка с полицией, и пока мои товарищи бежали, я остался, чтобы проверить, жив ли еще менеджер банка, в которого стреляли. Это было безрассудство. Моя остановка позволила полиции обнаружить меня рядом с оружием убийства и трупом.

Российскому суду не потребовалось много времени, чтобы приговорить меня к казни. Когда судья вынес свой приговор, я не смог себя сдерживать. В состоянии истерики от страха и гнева я пытался

сбежать из зала, но жуткие стражники схватили меня за руки, прижав к деревянным скамейкам. Мои ноги колотили скамейку, я кричал и кричал на судью, обвиняя его в том, что он солгал. Мой порыв не произвел впечатления на сотрудников, и меня утащили из зала суда в кандалах.

Мне едва исполнилось шестнадцать, когда произошел этот инцидент.

Но у меня не было документов, доказывающих мой возраст. У меня не было ни паспорта, ни удостоверения личности, ни официальных документов.

Судья не изменил приговор. Каким-то образом комиссия по смертным приговорам согласилась использовать для казни концентрацию пентотала натрия. Я кричал весь путь до зала исполнения смертного приговора, пытаюсь освободиться, тщетно оплакивая мою покойную мать. В моем юном сознании я верил, что моя мать могла бы спасти меня от этой гибели. Впервые в молодости я почувствовал себя жертвой крушения судьбы, брошенного семьей и друзьями на безлюдном берегу смерти, и перед мной нескончаемо простирались только боль и страдания.

Мои крики отчаяния были заглушены рычанием палачей, которые вели меня в камеру обреченных. Когда они привязали моё тощее тело к каталке, я потерял сознание в страхе перед тем, как они действительно опустошили содержимое шприца, вводя в мой кровоток.

Эта жизнь меня предала ...

Судьба-злодейка отвернулась тенью
Хоть мир еще подглядывал за мной,
В чем же подвох земного приключения?
Прибыть в сей мир без приглашения
И неоплаканным исчезнуть в мир иной.

*My deceiving destiny was unfurled,
While the world continued to pry-
And rejoicing for this unreal world,
To arrive uninvited; unlamented to die.*

Когда я проснулся, я был уверен, что я в потустороннем мире. В белоснежной комнате должно быть, это был рай, потому что ад не мог быть таким тихим и холодным. Я лежал на койке, запертый в прямоугольной комнате без окон. Потом я услышал, как за дверью звенят замки, и вошел мужчина. Он был среднего роста, с очень светлыми волосами и ярко-голубыми глазами. Он выглядел достаточно по-человечески, но его устрашающая поза напугала меня. Мужчина ничего не сказал и медленно положил фото полароида на прикроватный столик рядом со мной. Это был неподвижный снимок кладбища. Я посмотрел на число участков, посчитал ряды и, наконец, увидел резьбу на надгробии. На нем было вырезано мое имя. Датой смерти был день, когда меня казнили, или я думал, что это произошло.

Апрель 1982 года

Мне был предоставлен леденящий жилов выбор: вернуться в могилу – на этот раз окончательно – или работать на организацию, которая спасла меня из камеры смерти. Это был не совсем выбор, честно говоря, это было похоже на ультиматум. Но я согласился работать на них.

Мои тренировки начались на следующий день.

В замаскированном дворе Лагеря меня познакомили с различными техниками ведения боя. Я научился рукопашному бою и разоружению, а также незаконному стилю ведения боя. Тренировки по стрельбе из оружия всегда проводились с боевыми патронами. Я

старался выложиться до предела и продолжал преуспевать в большинстве направлений.

Коренастый мужчина со снежно-голубыми глазами, который был первым, кто уговорил меня присоединиться к тренировке, всегда находился на расстоянии, наблюдая, как орел. Малейшая оплошность была замечена.

Бесконечные часы силовых тренировок, изнурительные физические упражнения и упражнения на ловкость стали нормой. Каждую неделю мы знакомились с различными боевыми искусствами и приемами борьбы из разных стран мира.

Как оказалось, голубоглазый мужчина был моим личным куратором; безжалостным тренером, который работал со мной вместе с другими новобранцами самым отчаянным образом. Его звали Михаил, но он хотел, чтобы мы обращались к нему как к Майклу, потому что мы практиковались в совершенствовании английского языка. Никакие упражнения или рутинные занятия не воспринимались легкомысленно. Если после тренировки я задыхался и должен был перевести дух, он вызывал меня на дополнительные пробежки.

Если бы вы тренировались достаточно усердно, то вы бы не боролись с отдышкой, так говорил Михаил. Я был возмущен этим строгим порядком и часто, когда наступала моя очередь участвовать в боях или рукопашном поединке, вместо того чтобы сражаться на боксерском ринге, я прибегал к балетному танцу, демонстрируя движения, которым научилась у своей мамы-балерины. Михаил не был впечатлен моими проступками и часто удваивал тренировки, но я все равно не хотел принимать новую жизнь в Лагере. Это заставляло меня чувствовать себя к загнанного зверя.

Я получил квалификацию оперативника всего лишь после шести месяцев обучения. Майкл открыто гордился моим достижением и после введения отслеживающего микрочипа в верхнюю часть моего позвоночника, он направил меня к директору лагеря, бывшему Полковнику, прослужившему несколько десятилетий в КГБ. Полковник дал мне первое задание: войти в ресторан и убить бывшего депутата Госдумы. Мне сказали, что цель якобы замешана в незаконной торговле оружием. В девятнадцать лет, только что окончив школу подготовки военных, я никогда не думал о лишнем вопросе своим командирам. Я верил в то, что сказал Полковник. Моей целью был злой человек, которого нужно было уничтожить.

Майкл высадил меня перед рестораном и передал мне оружие – пистолет Р-96. Он предупредил меня, что это проверка. У меня было пять минут, чтобы устранить цель и вернуться обратно в машину. После этого Майкл уехал, а я остался один. Он настаивал на том, что первая миссия всегда была экзаменом с целью оценки новобранца. Если бы я провалил миссию, то, скорее всего, меня бы отменили.

Только много месяцев спустя я узнал, что подразумевал термин "отмена".

Я вошел в элитный ресторан и увидел свою цель, сидящую в задней части зала. Он был окружен восьмью телохранителями. Я размышлял над вариантами. Стрелять в безоружного человека в общественном месте было непростой задачей; тем не менее, я должен был сделать то, что нужно было. Я стоял на расстоянии и пытался прицелиться. Несмотря на полгода тренировок и прохождение практики стрельбы с блеском, мне не удалось застрелить человека, который блаженно обедал со своими людьми. Через минуту колебаний я закрыл глаза и нажал на курок. Конечно, я промахнулся. Но это было только начало боя, который должен был развернуться. Я открыл глаза и нажал на курок, но услышал только пустые щелчки. В пистолете, который Майкл дал мне, не было пуль.

Я выдохнул с облегчением. Мне не пришлось никого убивать.

Однако, мой покой был недолгим. В своем рвении к выполнению миссии, я забыл обратить внимание на посетителей, которые шептались, указывая на приподнятый пистолет в моей руке. Моя цель взглянула вверх и увидела, что я держу в руках пистолет, и он закричал своим телохранителям. Они двинулись с молниеносной скоростью и вытащили из пальто автоматы-пулеметы и стали бросать в меня залпы пуль. Я замер на мгновение, но потом начали действовать мои полученные навыки. Я упал на землю и перевернулся, пока не нашел укрытие за баром ресторана. Стрельба продолжалась в моем направлении, и я, наконец, нырнул из-за стола и схватил одного из охранников, захватил его оружие и открыл ответный огонь. Я не помню, сколько времени мне понадобилось, чтобы выйти из ресторана, но противостояние было очень кровавым. Большинство посетителей покинули зал, и моя цель вместе с его восемью телохранителями были мертвы. Я застыл, смотря в ужасе на бойню. Я не мог поверить, что я был в ответе за смерть этих людей. Трудно было не устоять и не вырвать. Потом я услышал полицейские сирены и понял, что должен бежать.

Я бежал на улицу. Майкл ушел. Не было возможности вернуться в лагерь. Я разобрал оружие и вышел пешком, приехав в лагерь через пять часов. Когда я вошел, я увидел Майкла, ждущего в вестибюле. Он выглядел разочарованным и сказал мне, что я опоздал. Задание должно было быть выполнено через пять минут. До этого момента я силой заставлял себя успокоиться, но его голос заставил меня разозлиться. Я схватил Майкла и попытался задушить его. Я кричал на него за то, что он предал меня, за то, что дал мне пистолет, который не имел пуль, за то, что заставил меня убить всех тех невинных людей. Майкл был сильнее и одолел меня. Он сказал, что я слаб и у меня нет того, что нужно, чтобы стать международным российским агентом.

Миссия была испытанием, чтобы понять, смогу ли я работать под давлением. Очевидно, что возвращение в Лагерь целым и невредимым означало, что я прошел. Семьдесят процентов новобранцев погибают на первом задании.

Это было первое из многих заданий, которые мне пришлось выполнить. Часто это были убийства. Иногда мне поручали проникнуть на склад и собрать информацию. В редких случаях Полковник просил меня проникнуть в преступную банду, чтобы найти ее лидера или покровителя. Хотя многие из целей лагеря были боссами мафии и наркоторговцами, некоторые из них были честными политиками, мнение которых не совпадало с мнением Полковника. Он хотел, чтобы мы были послушными машинами-убийцами, которые бы уничтожали его врагов за него. Я был недоволен своими обязанностями. Я не хотел лишать жизни другого человека, но приказы были непоколебимыми. Невыполнение было наказуемо самым суровым образом. В первые несколько месяцев я заметил, что новобранцы исчезают в бездне лагеря. Позже мне сказали, что их отменили.

Любой, чья работа была ниже среднего, считался недостойным жизни. Моя первоначальная работа была неудовлетворительной, в результате чего меня отправляли в командировки, где я не участвовал в испытаниях, в течение шести месяцев подряд. Михаил, мой личный инструктор, который завербовал меня в этот Лагерь, был охвачен мимолетным чувством сострадания и сопровождал меня в моей первой смертельно опасной миссии. Он видел, как я боролся за то, чтобы прорваться через периметры сильно укрепленных зданий, которые, скорее всего, были укрытиями преступников. Я видел новобранцев, моих товарищей, которые были такими же оторопелыми, как и я, погибают рядом со мной, но не могли набраться храбрости, чтобы стрелять из своего оружия. Михаил сжалился надо мной и вместо того, чтобы сообщить о моей неудаче Полковнику, он прикрыл меня и стал сопровождать в большинстве этих самоубийственных миссий. По статистике, был только один процент вероятности, что кто-нибудь выйдет из этой миссии живым, но я выжил.

То, к чему меня призывали, было бескомпромиссно противоположно моей натуре. Мне приказывали убивать людей, которые не были моими врагами, уничтожать тех, кто не причинил мне ни малейшего вреда. Бывший полковник КГБ объяснил, что они враги государства, но мой молодой ум этого не мог распознать. Когда я усомнился в его приказах, он заявил, что мы находимся в состоянии войны, и эти цели должны быть уничтожены. Мы получили снимки мужчин или женщин, о которых нужно было позаботиться, уничтожить, чтобы Советский Союз был в безопасности от их саботажа. Иногда нам приказывали ознакомиться с профилем цели. Некоторые

из них были инженерами, работающими на электростанции или атомной станции. Политик в Латвии. Владелец фармацевтической компании в Украине. Они не были похожи на воинов, которые могли нанести вред ни Полковнику, ни родине. Я не хотел быть частью той анонимной войны.

Только на втором курсе обучения я понял из несанкционированных действий Полковника, что он не входил в тайные разведывательные программы советского правительства, что зловещая реализация затонула. Я был прав, казалось. Центральное правительство дезавуировало его много лет назад, но это не помешало решительному бывшему советскому офицеру проводить собственные радикальные операции. Он избегал проверок со стороны КГБ, проводя большую часть работы в бегах из Восточной Германии, где он был офицером связи в штаб-квартире "Штази" в Лихтенберге. Помимо того, что Полковник большую часть времени проводил в Восточном Берлине, он обучал новобранцев за колючей оградой своего замка на вершине холма на берегу реки Шпрее.

Я искренне презирал свою работу. Часто она включала в себя казни безоружных людей. Несколько раз я позволял своим потенциальным жертвам сбежать, даже давал им немного денег. Где я достал такие деньги, была другая проблема. До миссии или операции мы с Дастином сотрудничали в планировании или проникновении в преступную группу. Мы отслеживали их цифровой след, и Дастин использовал свои исключительные технические навыки, чтобы выкачать часть их нелегальных черных денег на офшорный счет. Вскоре было более пяти отдельных счетов, которыми я лично управлял. У Дастина была своя доля денег от рейдов, которые я проводил. Я не был недоволен результатами. Работа была рискованной. Полковник посылал целые тактические группы для налета на штабы преступников, но только маленькая горстка людей возвращалась с операций. Чаще всего они попадали под перекрестный огонь и получали ранения или увечья. Тяжелые ранения при исполнении служебных обязанностей приводили к смертельному исходу. Полковник не терпел ошибок и слабостей. Он отменял всех, кто проваливал три последовательные миссии.

Мне, на удивление, повезло, или не повезло, что я так долго был жив и невредим. Это означало, что меня не убьет Полковник, но это также означало, что мне придется быть исполнителем убийств десятков других людей, некоторые из которых вполне могут быть невинными. Эти мысли преследовали меня каждый раз, когда меня отправляли из лагеря. Я продолжал захватывать огромные куски наличности и другие ценные вещи и отправлял их на свои банковские счета в Таиланде и Нидерландах. Насколько мне известно, эти две страны были единственными, в которых были не отслеживаемые

банковские счета. Дастин помог мне открыть счета таким образом, что Полковник никогда не смог бы их отследить.

Не жадность подтолкнула меня красть деньги у преступников. Я всегда планировал и мечтал однажды покинуть лагерь Полковника, прежде чем он заставил меня убить слишком много людей, прежде чем я полностью потерял бы свою душу. Я знал, что мне нужно было купить поддельные документы самого высокого качества и примерить множество фальшивых личностей, и даже навсегда изменить свой физический облик. Для этого мне нужны были не отслеживаемые наличные. Лагерь платил своим сотрудникам очень скудную зарплату, и это тоже с помощью предоплаченной кредитной карты. Всё, что мы покупали, контролировалось центральным командным центром. Каждому новобранцу была предоставлена меблированная квартира на окраине Москвы, но в первый же день я обнаружил, что вся квартира прослушивается скрытыми камерами и микрофонами. Извлекая их, я бы предупредил Полковника о том, что я замышляю какой-то отступнический план, так что я обратился за помощью к Дастину. Он обещал сделать для меня устройство, которое будет временно заглушать микрофоны каждый раз, когда я его включаю. Мы никогда не были свободны. Ни на мгновение. Но в те несколько минут, когда в моей комнате работало устройство создающее помехи, я мог говорить, зная, что никто больше меня не подслушивает.

Май 1984 года

Одно из заданий, которое мне поручили, происходило в Соединенных Штатах. Эксперты по кибербезопасности в лагере снабдили меня фальшивыми документами и удостоверениями личности. Мне дали американское имя, и я практиковался в разговоре на американском английском и различных местных диалектах. Поскольку я еще выглядел относительно молодым, меня отправили в Америку в качестве восемнадцатилетнего старшеклассника. Мои документы были законными. Отсутствие опекуна или родителя было объяснено в документе, в котором говорилось, что я находилась под опекой государственного сиротского приюта. Майкл заверил меня, что как только я приземлюсь в аэропорту Нью-Йорка, меня примут другие русские агенты под прикрытием, которые уже привыкли к американскому образу жизни. Они помогут мне освоиться в новой жизни.

Втайне, я почувствовал облегчение. Убивать десятки людей каждый месяц было мучительно. Хотя я был уверен, что моими мишенями были осужденные преступники и боссы мафии, тем не менее, отнимать жизни у тех, кто был безоружен, было неприятной

задачей. Я надеялся, что отъезд из России означал для меня некий уровень свободы. У меня была слабая надежда стать свободным.

Мое прибытие в Нью-Йорк было бестактным. Делать было нечего. Лагерь прислал сообщение, что я должен залечь на дно и слиться с местными жителями. Я возобновил свой школьный статус и скупко общался с другими учениками. На одной из моих прогулок из школы я наткнулся на пару, которая переходила улицу. Женщина выглядела до боли знакомой.

Приближаясь, я заметил, что она русская. Знакомое лицо с родины, я думал инстинктивно, и следовал за ними на расстоянии. Так получилось, что пара жила всего в трех кварталах от моего школьного округа. В последующие несколько месяцев я видел женщину, прогуливающуюся по паркам Манхэттена, но ее сопровождал юноша около десяти лет. Он был именно моего роста, когда моя собственная мать умерла десять лет назад. Я был в недоумении, но вскоре узнал реальную историю ее сына. Пара усыновила двоих детей и воспитывала их как своих собственных. Я удивился удаче маленького мальчика, который теперь жил с русской женщиной и ее мужем. Хотя я уже не был маленьким мальчиком, я хотел бы иметь любящий дом, кого-то, кто любил бы меня безоговорочно, как своего собственного ребенка.

Я не знаю, что именно вызвало у меня ностальгию, но увидев эту женщину, я отчетливо вспомнил о своей собственной матери, которую я потерял в детстве. Это дало мне надежду, заставило меня осознать, что, возможно, в этом мире осталось что-то хорошее. Может быть, была надежда, что я смогу начать другую жизнь.

Тем временем, я закончил среднюю школу, в соответствии с моим американским прикрытием, мне было поручено поступить в колледж в Нью-Йорке. Именно в течение первого семестра пришло мое первое задание. Майкл отправил по почте закодированный документ из лагеря, который дал мне список людей, которых наш Полковник хотел бы уничтожить. Двумя моими целями были американские политики, интересы которых противоречили нашим.

Я начал готовиться к миссии, и когда мне представилась такая возможность, я приблизился к своей цели. Я проследил за одним из политиков до бейсбольного матча. Он присутствовал на игре в сопровождении сына. Я расположился напротив стадиона и прицелился, когда мое зрение упало на ребенка, сидящего рядом с политиком. Его сын был погружен в глубокую беседу с ним. Я прицелился, но колебался, нажимая на курок. Что бы чувствовал маленький мальчик, если бы увидел, как его отец умирает на его глазах? Это было бы слишком ужасно и так жестоко. Нет, я лучше подожду, пока политик останется наедине.

Но игра закончилась, и мужчина покинул стадион с сыном. Всю следующую неделю я искал возможность вывести его из игры, но он был окружен строгой охраной, и у меня никогда не было возможности подойти к политику. Тем временем, Майкл послал мне предупреждение на той неделе. Полковник с нетерпением ждал, что я не смогу выполнить свое задание. Три из четырех целей все еще были живы.

Очевидно, что американское правительство функционировало иначе, чем у других стран. Когда они заметили, что один из видных политиков был убит, они усилили безопасность для всех остальных. Мне становилось все труднее найти других людей и найти подходящее место для их ликвидации. Мои советские работодатели не интересовались оправданиями, им нужны были результаты. Я решил действовать необдуманно и проследил за одной из мишеней до его отеля в Вашингтоне и забронировал номер на его этаже. Когда я готовил свою снайперскую винтовку, несколько десятков человек вышли из тени, из-за дивана, из шкафов, и, подобно кошмару, они связали меня крепко и с повязкой на глазах, перед тем как перевезти меня в неизвестное место.

Я был в темной комнате с металлическими стенами. Когда мои глаза наконец приспособились к тусклому свету, я заметил человека, сидящего напротив меня за столом. Я с трудом встал на ноги, но мои руки были пристегнуты к столешнице стальными наручниками. Мужчина помахал мне рукой, чтобы я осталась на месте, и представился. Он был толстым тяжеловесом, одетым в хорошую одежду и в дорогую шляпу. Он сказал, что является директором Агентства национальной безопасности Америки, или АНБ, и отвечает за безопасность своей страны. Его отдел был подпольным подразделением АНБ, проводившим заграничную операцию, и он отвечал исключительно за уникальную программу "Черных оперативников".

Утонченный человек говорил с легким акцентом. Мне показалось, он звучит по-австрийски. Он рассказал мне, что мало кто в мире знал о его существовании, но он, казалось, знал обо мне все; мое имя, месторасположение моего лагеря, и даже знал о бывшем Полковнике КГБ больше, чем я сам. Он сказал мне, что знал, что я убил одного американского политика и собирался убить другого. Я знал, что наказанием за убийство является смерть, поэтому я умолял этого человека пощадить мою жизнь. Я честно поклялся ему, что хочу покинуть лагерь с тех пор, как приехал в Штаты. Я никогда не хотел убивать другого человека, но неподчинение приказам Полковника не было возможным. Я должен был сделать то, что мне говорят.

Он горячо слушал мои мольбы, а потом внезапно его манера поведения изменилась. Он приказал одному из охранников снять с

меня наручники и сказал, что я свободен. Он позаботился о том, чтобы правительство США никогда не узнало, что я убил политика. Я стоял в неверии. Был ли у меня еще один шанс в жизни?

"Есть одно условие, – сказал он мне. – Организация, на которую вы работаете, уже много лет находится в черном списке американского и российского правительства. Мы держим вас под постоянным наблюдением с того дня, как вы приземлились в США, и нам известно, что в настоящее время несколько советских агентов-шпионов, прошедших подготовку в Лагере, занимают ключевые посты в нашем правительстве. Если вы поможете нам уничтожить Полковника-изгоя и его лагерь, мы дадим вам неприкосновенность и поможем начать все заново".

Я с легкостью согласился на его предложение и предложил свою помощь. Не было ничего, чего бы я хотел больше, чем остановить круговорот убийств. Я не хотел быть убийцей. Я просто хотел быть свободным. Я рассказал офицеру разведки о маячке, который был вживлен мне в шею. Директор черных оперативников АНБ сказал, что он тоже знал об этом, и он хотел, чтобы я вернулся в штаб лагеря в России и получил имена всех агентов, которых они отправили за границу. Моим контактным лицом в Москве был бы старший лейтенант, который работал в Девятом управлении КГБ. Пятнадцать офицеров кремлевского полка охраняли бы меня, чтобы Полковник ни в коем случае не заподозрил меня.

Тем временем, мне было приказано следовать всем указаниям Полковника, которые были в письме, чтобы не вызывать подозрений. Я кивнул, пытаюсь понять свое положение. С этого дня я должен был стать двойным агентом. То есть предателем. Если меня поймают, меня могут осудить как шпиона в России и осудить за измену, преступление, наказуемое смертью.

Лучше не думать об этой дилемме, в которую я ввязываюсь.

Моя жизнь в качестве двойного агента не сильно отличалась от предыдущей, к которой я привык. Майкл был немного удивлен, когда я попросил вернуться в лагерь. Я не убивал политиков, но начальник отдела черных оперативников АНБ сообщил СМИ ложную новость о том, что три человека, которые были моими целями, уже погибли. Полковник был доволен моей работой и повысил меня до звания старшего агента. Мне поручили командование новобранцами, а также многочисленные задания в Париже, Берлине и Лондоне.

Я был в постоянном контакте с директором черных оперативников АНБ. Он давал мне периодические задания, а также информацию, которую я передавал ему, он сообщал правительству США. Им удалось задержать несколько известных российских агентов под прикрытием в Нью-Йорке и Вашингтоне. Полковник еще раз отправил меня в США для наблюдения за операцией. Я пошёл прямо в

офис АНБ и рассказал им всё, что узнал, находясь в лагере. Из улик, которыми поделился со мной начальник секретной операции АНБ, казалось, что Полковник был замешан во многих противозаконных делах.

Я был шокирован, узнав, что Полковник не был ни в одной из баз данных советской разведки, потому что он был дезавуирован Особственным правительством и был лишен своего статуса и авторитета, но это не помешало чрезвычайно умелому человеку расширить свою деятельность. Он создал Лагерь, в который набирал ничего не подозревающих, но талантливых молодых русских, таких как я, и заставлял их выполнять свои приказы. Директор черных оперативников АНБ показал мне доказательства того, что Полковник получал финансирование от восточноевропейских торговцев оружием и принимал активное участие в свержении демократических правительств нескольких южноамериканских стран. Он также заставлял меня и других новобранцев убивать многих невинных лидеров и политиков. Тем временем, будучи старшим агентом лагеря, я, наконец, узнал о том, что происходит, когда новобранцы проваливают операцию. Они действительно отменяются. Кроме того, когда Полковник кого-то отменяет, им не разрешается уходить или уходить в отставку. Их немедленно доставляют в подземное хранилище, где активируется чип слежения, который вживлен в основания позвоночника.

Чип слежения наполнен небольшим количеством взрывчатого вещества промышленного класса, а после взрыва – небольшим количеством остатков головы. Новобранец умирает мгновенно. Я считал этот метод настолько жестоким, что пытался его предотвратить. Но я вспомнил, что мой статус двойного агента очень затрудняет это. Соппротивление распоряжению Полковника может выдать меня за предателя. Меня бы тоже отменили.

На этот раз, когда я вернулся в Америку, я умолял директора АНБ помочь мне удалить извлечь чип слежения с задней части шеи. Он согласился на то, чтобы лучшие хирурги осмотрели меня. Я сказал ему, как смертоносен микрочип, и попытка извлечь его предупредит Полковника, что я скомпрометирован.

Директор АНБ развеял мои страхи и положил руку мне на плечо. "Не волнуйся, сынок, – сказал он почти по-отцовски. – Я прослежу, чтобы обо всем позаботились."

Мои глаза наполнились слезами, когда он говорил об этом. За двадцать лет моей жизни никто не говорил со мной с таким теплом и состраданием. У меня не было отца и я не знал его отцовской любви. Директор нашего приюта постоянно кричал на детей и обсыпал проклятиями. Я никогда не знал, каково это быть добрым. Никто никогда не называл меня своим сыном – мой собственный отец

унижал и бил меня до синяков. Мое последнее воспоминание о нем было о том, как отец пытался убить меня. Он действительно нажал на курок, и если бы мать не вмешалась, я бы не стоял здесь сегодня. Моя дорогая мама, женщина - ангел, по которой я каждый день скучал, оградила меня от пули своим телом, которая должна была стать моей гибелью. С того дня моя жизнь была наполнена только ужасом.

Эти мысли пролетели у меня в голове, когда я задумался о том, что так сильно изменилось в моей судьбе, что у меня будет кто-то, кто на самом деле позаботится обо мне. Будет кто-то, кто называет меня своим сыном! Я посмотрел в сторону, прежде чем директор АНБ увидел слезы радости, проливающиеся из моих глаз. Мое сердце было заполнено чувством благодарности, так как я молча надеялся, что он станет мне отцом, по которому я скучал всю свою жизнь.

Возможно, он понял, что меня переполняют эмоции, и он ненадолго обнял меня за плечо, прежде чем приказать мне вернуться с ним на его ферму в сельскую местность Вирджинии.

Именно в этом доме в Вирджинии я встретил самую красивую и очаровательную девушку. Темноволосая красавица поприветствовала меня в доме. Ее звали Ирина. Позже в тот же день я узнал, что она дочь директора АНБ. В тот день мы разговаривали очень долго, и ее отец, наконец, сказал, что мне пора уходить. Я с нетерпением ждал следующего случая, когда смогу вернуться на ферму. На наших последующих встречах Ирина много рассказывала мне о своей жизни. Ее мать умерла, когда она была маленькой, и отец воспитывал ее сам. Он был самым добрым человеком, которого она знала, и вскоре Ирина захотела стать похожей на своего отца и вступить в ряды правоохранительных органов. Таким образом, она поступила на работу в ЦРУ в качестве члена оперативной группы.

Большую часть недели Ирина проводила на ферме отца. Я заметил, что провожу больше времени в Вирджинии. Вскоре, каждый раз, когда меня посылали на задание спасти двойного агента из российского консульства или забрать украденный государственный документ, Ирина вызывалась добровольно сопровождать меня. Я чувствовал себя ожившим в ее компании. Это было здорово - иметь жизнь, в которой нет секретов. Она знала о моем происхождении, а также знала, что я пытаюсь освободиться от прошлой советской жизни, в которой меня заставили стать наемным убийцей коррумпированного Полковника.

Почти два года работы под прикрытием окупились, и Полковник вместе с Лагерем разваливался. Сотрудники штаба КГБ на Лубянской площади активно занимались поиском сообщников Полковника и созданием новых личностей для новобранцев, которых подготовил и заставил работать на него лже-Полковник. Это была крупная операция, требующая всестороннего сотрудничества американских спецслужб и

Комитета Государственной Безопасности, который до этого времени был занят исключительно искоренением деятельности антисоветских реформаторов в Польше и других соседних государствах. Используя поддержку директора АНБ, я смог обнаружить базу того человека, который завербовал меня в тюрьме. Полковник располагал действующими лагерями на территории многих советских республик-союзников и активно участвовал в антисоветской деятельности.

К счастью, советское правительство хотело нейтрализовать его так же сильно, как и американское правительство, и я хотел привлечь к ответственности этого преступника. Но репатриация не всегда проста в мире шпионажа, и вскоре вопрос о том, что будет с сотнями новобранцев и стажеров, работавших под Полковником, стал основным. Я отчаянно пытался добиться их помилования у государства и даже обсуждал возможность миграции. Директор АНБ, хотя и был благодарен за мои услуги, но он отказался от любого предложения привести несколько сотен высококвалифицированных советских шпионов на материк Соединенных Штатов.

По мере того, как мы определяли каждый блок программы Полковника, мои мысли все больше возвращались к моим товарищам, которые все еще были в ловушке в шпионском центре и которые усердно работали, рискуя своей жизнью - думая, что они служили Советскому Союзу. Я хотел спасти этих товарищей, которые попали в ловушку, в которой находился я сам, но у меня не было возможности их предупредить. Если я предупрежу новобранцев о том, что бывший Полковник КГБ, который командовал ими, действовал под ложным предлогом, это заставит его бежать, уничтожая любые попытки или преследуя его. С другой стороны, ему было нелегко сидеть и наблюдать за тем, как новобранцы выполняют свои ежедневные задания, многие из которых были явно незаконными.

Когда ЦРУ и АНБ проявили неспособность помочь мне в отношении моих российских товарищей, я поговорил с моим куратором в *Комитете Государственной Безопасности* и в обмен на мое сотрудничество попросил предоставить ничего не подозревающим новобранцам защиту от судебного преследования. После почти месячных переговоров комитет согласился принять новобранцев из лагеря, но при соблюдении строгих условий. Правительство посчитало слишком сложным выводить бывших заключенных на улицы Москвы, особенно с учетом того, что большинство агентов были официально мертвы. КГБ утверждало, что оно должно было предоставить им новые личности и позволить ассимилироваться в общество заново только под другими именами.

Тем временем я продолжал путешествовать из Москвы в Вирджинию и обратно, чтобы получать информацию и приказы. На

одной из последних недель я вернулся в Лагерь, чтобы установить в помещении с боеприпасами взрывчатку с таймером, чтобы в случае рейда вся система вооружения вышла из строя. Однако, во время считывания показаний устройства меня заметил новобранец, который немедленно загнал меня в угол, вытащил пистолет и отвел в камеру.

Полковник был проинформирован об этом и лично пришел, чтобы допросить меня. Я отрицал, что устанавливал бомбы. Я сказал Полковнику, что нашел ее и пытался обезвредить, когда новобранец заметил меня. Полковник усомнился в моих словах. Я думаю, что это произошло потому, что многие из целей, которых он мне приказал ликвидировать, недавно умерли очень подозрительным способом, и не один раз были замечены на следующий день после того, как я якобы убил их. Именно директор АНБ организовал такие театральные постановки.

Каждый раз, когда я получал от Полковника имя цели, я передавал информацию в АНБ. Затем директор использовал выбранных им людей, чтобы инсценировать их смерть, чтобы Полковник мог поверить, что я выполнил свою работу должным образом. Теперь, когда я лежал пристегнутым в серой комнате, эту комнату мы называли камерой пыток, я задавался вопросом, что же со мной будет. Полковник привел двух закоренелых следователей, которые носили портфели, полные игл и плоскогубцев. Там было как минимум шесть различных по цвету жидкостей. Я не знал, что эти растворы могут сделать с моим телом, но я, конечно, и не хотел это выяснить.

Старший дознаватель ввел мне ярко-желтую жидкость. Мне показалось, что это было обезболивающее. Вещество было разработано с целью не дать заключённому упасть в обморок от боли, когда его жестоко пытали. Я не хотел думать о том, что будет дальше. Второй дознаватель вынул из портфеля плоскогубцы, без лишних слов прикрепил их к моему пальцу и внезапно дёрнул за ноготь большого пальца правой руки. Я не помню, чтобы я так кричал когда-либо в своей жизни. Но в этот день я кричал от боли так громко, что мое горло пересохло и стало болеть. Каждое нервное окончание в моем теле горело от боли, а мозг онемел при обработке бурных эмоций, которые я чувствовал.

Мои мучители поговорили между собой и принесли еще один металлический кейс, полный орудий пыток. По мере того, как нарастала паника во мне, я закрывал глаза так сильно, как только мог, чтобы слезы не лились по моим щекам. Я знал, что через несколько часов я умру, разорван на сотни кусочков, умру в муках и стыде. Моя кожа стыла от мысли о гибели в этот неподходящий момент.

Меня забудут. Ирина никогда и не узнает, что со мной случилось. Я открыл глаза и посмотрел на свои окровавленные пальцы, с которых

снимали кожу скальпелем. Моя кровь капала непрерывно, пропитывая собой гранитный пол. Я мечтал увидеть Ирину и обнять ее. Именно сейчас я обрел желание выжить, думая о ее очаровательной улыбке и прекрасном лице. Слезы продолжали литься на мое лицо, когда я вспоминал о своей любви к Ирине. Она была ангелом во плоти. Я не думал, что в мире может быть кто-то настолько совершенен, как моя Ирина. Ирина была самой красивой, любящей и заботливой женщиной, с которой мне посчастливилось познакомиться, и ее постоянная самоотверженность пугала меня. Она никогда не думала о себе, всегда искала возможности пожертвовать своей жизнью и богатством. Ее щедрость произвела на меня неизгладимое впечатление.

Я был потрясен, когда узнал, что она продала свою квартиру, чтобы оплатить медицинские счета одного из своих друзей. Именно по этой причине, ей пришлось переехать ко мне, потому что ей нигде было жить. Ирина была из тех людей, которые с радостью отказывались от своего богатства, чтобы помочь нуждающемуся. Она снимала с себя пальто и жертвовала его бездомному, находящемуся рядом с ней. Было очевидно, что как только человек знакомился с Ириной, он никогда не мог прекратить любить ее. Я ничем не отличался от всех. Она была воплощением красоты и совершенства.

Ирина была моей семьей, она была моей надеждой и лучом света в моем сердце. Я говорил себе снова и снова - я должен пережить эти пытки, чтобы я мог обнять ее еще раз. Я не мог стать жертвой своей собственной судьбы.

Истязатели продолжали уничтожать мой второй палец, стук в дверь их отвлек. Двое охранников лагеря тащили новобранца в камеру пыток. Он яростно боролся и кричал, что невиновен. Охранники ненадолго поговорили с дознавателем. Человек, который только что вытащил ноготь из моего большого пальца, подошел и снял металлические цепи с моих запястий и сказал мне, что произошла ошибка, и Полковник извинился за то, что подозревал меня в том, что я «крот». Я нервно встал с каталки, на которой меня пытали несколькими часами ранее, и нервно двигался, сжимая синяки на руке. Колени дрожали, и в тот момент, когда я закрыл стальные двери позади себя, я вздрогнул бесконтрольно и расплакался. Я была удручен ужасными болью и страхом, которые я испытал, и облегчением от того, что я выбрался из камеры пыток. Всего этого слишком много для меня, но я пыталась сохранять спокойствие, когда сотрудники службы безопасности проходили мимо меня в коридоре.

Мне сказали, что в центр кибербезопасности лагеря только что поступило сообщение о том, что захвативший меня новобранец на самом деле был "кротом" и закладывал взрывчатку на объекте. По документам можно отследить, что он приобрел эти устройства. Я был

ошеломлен. Правда состояла в том, что это я был двойным агентом, решившим уничтожить лагерь раз и навсегда. Я понятия не имел, почему они поверили в то, что молодой новобранец был шпионом. Прежде чем я смог выразить несогласие или признать свою вину, меня увезли в кабинет Полковника. В конце коридора, как только дверь захлопнулась, я услышал резкий вопль новобранца. Теперь пытали его, как и меня, несколькими мгновениями ранее. В борьбе за то, чтобы сдержать слезы, наполнившие мои глаза, я крепко обхватил носовой платок вокруг пальцев и поклялся разнести проклятые стены этого Лагеря раз и навсегда.

Меня тепло принял Полковник, который сыпал извинениями за то, что подозревал меня в том, что я шпион. Меня еще раз повысили и отправили обратно в Соединенные Штаты.

На этот раз директор АНБ лично приветствовал меня. Я был рад быть дома, или, по крайней мере, так я думал, что его дом был домом и для меня. Его дочь Ирина была человеком, ради которого я хотел жить.

Полковник поручил мне еще одну миссию в Алуksне, городе на северо-востоке Латвии, недалеко от границ Эстонии и России. В этом холмистом районе находился химический промышленный химический завод. Полковник считал, что несколько организованных преступных организаций пытались создать химическое оружие и использовать его для подрыва его влияния. Мне было приказано забрать образцы из главной лаборатории и уничтожить объект. В соответствии с регламентом, я немедленно уведомил своего куратора в "Девятке" КГБ о месте нападения. Поскольку Девятое управление обеспечивало безопасность Кремля и других крупных государственных объектов по всему Советскому Союзу, они пообещали отправить советских агентов в лабораторию, чтобы оставаться на шаг впереди планов Полковника и конфисковать химикаты у преступников.

В день операции я сопровождал старшего агента из Лагеря. Нашей целью было забрать пробы из химической лаборатории и уничтожить объект. Мой партнер предложил установить заряды для сноса внутри главного здания, пока я оставался внутри, и оставил дополнительное дело для оперативников КГБ, которые должны были прибыть. Я использовал шприц, чтобы извлечь образцы и прикарманить их перед тем, как остановиться у электрогенератора. Мой напарник прикрепил тщательно продуманную детонирующую взрывчатку к электропроводам, она была сконструирована для дистанционной активации. Я быстро удалил передающий провод и уничтожил батарею, чтобы, когда мой напарник попытается взорвать заряды, взрыв не произошел.

Я поспешил обратно к месту встречи и обнаружил, что там ждет мой напарник. Он был немного взволнован тем, почему я задержался

на фабрике. Я пробормотал смутное оправдание, но он не слушал меня. Он вытащил из кармана маленькое устройство и нажал красную кнопку. Ничего не случилось.

Он был в недоумении и смотрел на меня в замешательстве.
"Детонатор не сработал!"

"Может быть, заряды не были должным образом прикреплены", – предложил я, пытаюсь выглядеть удивленным.

Мой напарник сильно покачал головой. "Я могу поклясться, что сделал все идеально", – настаивал он.

"Тогда я вернусь туда и все исправлю", – предложил я, но он схватил меня за руку и вытащил на землю.

"Не нужно. У меня есть запасной детонатор, на случай если первый не сработает."

"Что?" – я не мог поверить своим ушам.

"Я установил еще один комплект взрывчатых веществ по периметру, – объяснил он. – Они должны сработать, их должно быть достаточно, чтобы снести все сооружение".

Мое сердце сжималось от боли, я хотел кричать и умолять его не нажимать на кнопку, но я не мог этого сделать, я бы раскрыл себя. Я открыл рот, но звука не было. Мой напарник нажал на большую кнопку, и я увидел, как перед мной разворачивается ад. Химическая фабрика рушилась у меня на глазах. И ничего не знавшие агенты КГБ были внутри, и вот-вот останутся лицом к лицу со своей гибелью.

Я хотел вернуться на завод и спасти пятерых оперативников КГБ, попавших в аварию, но мой напарник сразу же призвал меня покинуть эти окрестности. Я никак не мог спасти их, не вызвав подозрений у моей команды.

Я пытался бороться с судьбой.

Ужасный огонь заставил землю трепетать, когда громадные облака дыма затуманили наш взор, что сделало движение вдвойне рискованным. Я оглянулся назад и увидел, как пожарные пытаются заглушить оранжевое пламя. Ни один смертный не смог бы выжить в этом взрыве. Мы с напарником использовали фальшивые удостоверения личности, чтобы пересечь пограничную зону через заставы и вернуться в лагерь. Полковник был доволен нашим успехом и взял образцы, которые мы извлекли.

Через две недели после миссии я доложил об этом своему куратору из КГБ, узнав о размерах ущерба, нанесенного химическому заводу в Алуksне. Все пятеро сотрудников КГБ погибли в результате взрыва. Их останки были привезены в Москву для погребения. Ошеломленный, я поднял голову, держа внутри скорбь и слезы, стараясь сдержаться. До государственной панихиды оставалось два дня. Я должен был присутствовать на службе и лично выразить

раскаивание храбрым людям, которые пожертвовали своей жизнью во имя Родины.

Я следовал за похоронной процессией, затерявшись сзади, когда женщины, прижимая своих детей близко к телу, плакали. Здесь были матери и жены погибших оперативников КГБ. Я молча стоял, наблюдая за теми жертвами, которые не смог предотвратить. Флаг несли люди в военной форме, в то время как российский военный композитор начал петь. Ноты были глубокими и болезненными.

Я склонил голову, чтобы скрыть слезы, которые грозили пролиться из моих глаз. Легкий удар по ногам заставил меня повернуться. Маленькая девочка хотела отдать мне чучело животного. Я посмотрел на маленькое личико и узнал ее. Она была дочерью одного из погибших русских оперативников, погибших во время того ужасного взрыва. Он был связным из Пограничного управления КГБ и добровольцем. Теперь его больше нет, он сгорел во время беспощадного взрыва, который стер с земли химический завод. Я покачал головой, чтобы очистить эти картинки горячей фабрики из своей головы.

"Не грусти больше, пожалуйста," – сказала девушка, протянув игрушку в вытянутой руке, умоляя меня не плакать. Переполненный эмоциями, я торопился убраться с глаз долой, быстро шел, стараясь создать как можно большее расстояние между мной и похоронами. Как только я добрался до главной дороги, я рухнул на землю и разрыдался. Было так трудно быть шпионом и оставаться при этом человеком.

Я понял, что я всего лишь испуганный мальчик, прячущийся за маской шпиона. Я содрогнулся от стыда и разочарования. Маленькая девочка понятия не имела, что ее отец умер из-за моей ошибки. Надо было проверить вторичный детонатор. Я должен был деактивировать бомбу. Пять оперативников КГБ погибли из-за меня. Пять прекрасных семей были разбиты, их вдовы беспомощны, их дети стали сиротами. Я был настолько потрясен печалью, что всерьез задумался о том, чтобы отказаться от двойной жизни и вообще покинуть мир шпионажа. Но Ричард отказался даже слушать об этом. Он настаивал, что я был их единственной надеждой уничтожить Полковника. Я был доверенным старшим агентом в Секторе и был посвящен в сокровенные тайны Лагеря. Если бы я не помог ЦРУ и КГБ навсегда закрыть лагерь, сотни хороших агентов продолжали бы умирать. Я должен был упорно выполнять свой долг.

Потребовалось еще полгода, чтобы Лагерь был полностью уничтожен. Я смог завербовать и обратить одного из хакеров Полковника и взял его с собой. Мы обнаружили, что у Лагеря были спутниковые модули в

тридцати городах по всему миру, и один за другим мы ликвидировали все, отрезав руки монстру, по одной, пока, наконец, база в России не была атакована американскими и российскими войсками, дислоцированными в Москве. К сожалению, единственный человек, которого мы не смогли захватить, был Полковник, хозяин всей организации. В хаосе налета ему удалось бежать.

Я не позволял этим мыслям беспокоить меня. Директор АНБ выполнил свою часть сделки, и я наконец-то освободился. Моя радость не имела границ, когда я увидел, что преступная организация, похитившая меня из тюрьмы, пала. Советский флаг был в последний раз спущен с Кремля. Спустя месяцы КГБ официально прекратило свое существование и было заменено Федеральной службой контрразведки.

Новый директор ФСК, или "*Федеральной Службы Контрразведки*", выразил большое радушие по поводу моей службы и предложил мне работать в правительстве России, но я хотел оставить двойную жизнь и начать все заново. Вернувшись в США, я получил новые документы, удостоверяющие личность, и мне разрешили путешествовать в любую точку мира. Я подумал, что сейчас самое время попросить Ирину съехать от отца и жить со мной в моей квартире.

Ирина была в восторге и хотела переехать ко мне. Однако, она попросила благословения отца. Он был очень близок ей и очень скучал бы по ней, если бы она ушла от него. Я видел, что они были очень близки. Это сделало меня счастливее. Мне бы очень хотелось, чтобы он стал моей семьей, человеком, который предложил мне еще один шанс в жизни, когда я был бродячим агентом под прикрытием из Советского Союза.

Мы ждали, когда директор АНБ вернется на ферму и мы обсудим будущее его дочери. За ужином мы с Ириной сказали отцу, что рассматриваем квартиру в Нью-Йорке. Мои слова, похоже, вызвали у него странную реакцию. Он выглядел одурманенным. После долгого молчания он спросил Ирину, как долго мы встречаемся. Все это время он понятия не имел, что я сближаюсь с его дочерью. Директор АНБ был искренне удивлен, но судя по тону, который он использовал, это звучало так, как будто он был очень недоволен мной. Я не знаю, что его так разозлило, но, наверное, мысль о том, что я встречался со его дочерью или она вышла замуж за человека, который занимался опасным шпионажем, его не радовала.

Отец Ирины опросил меня о моих планах на будущее и работе, и в конце концов сказал, что если я выполню для него несколько заданий и помогу ему с рабочей нагрузкой и несколькими делами ЦРУ, то он сможет гарантировать, что его дочь будет в безопасности со

мной. Моя работа в разведывательной службе официально закончится, и мы с Ириной сможем начать все заново.

На следующей неделе я получил все подробности своего задания. Химический завод в России использовался как центр незаконного обогащения урана, а балканская террористическая группа, конфисковавшая партию оружия у ВМС США, использовала завод для хранения краденного оружия. Моя задача состояла в том, чтобы забрать украденное и вернуть его непосредственно директору АНБ. Эта операция не была санкционирована ЦРУ. Из-за хрупких отношений Америки с российским правительством американское правительство колебалось, чтобы послать американского оперативника для завершения этой миссии.

Я сам немного боялся этого задания, потому что меня беспокоило, что я снова окажусь в России; место, откуда я так сильно пытался уехать. Я боялся, что мое прошлое догонит меня. Лагерь, может быть, и был разрушен, но Полковник все еще был на свободе, и к этому моменту он должен был знать, что я был двойным агентом, который разрушил работу его жизни. Но Ирина скоро должна была стать моей невестой, и я не хотел разочаровывать ее отца. Возможно, если бы он увидел, как сильно я люблю ее и как предан ему как будущему тестю, он был бы рад видеть свою дочь со мной. С надеждой думая о будущем, я отправился выполнять за него последнее задание.

Я установил координаты химического завода и месторасположение в течение нескольких часов после посадки в России. Используя навыки, полученные в Лагере как Коммандос, я просканировал местность и вошел на завод. Он был в основном пуст. Внутри никого не было. Я отправился обыскивать каждый уголок лагеря, надеясь быстро найти украденный товар и вернуть его отцу Ирины. Это помогло бы мне вернуться к нему в милость. Я тщательно искал любой материал для обогащения урана, но там ничего не было. Моя единственная мысль состояла в том, что директор АНБ каким-то образом, случайно дал мне ошибочные координаты. Или его источники предоставили неверную информацию.

Понимая, что я провел слишком много времени в ограниченной российской военной зоне и что это место бесполезно, я поспешил перейти к своей заранее спланированной стратегии выхода. Я отступил в тыл химического завода и направился к эвакуационной машине, но машина, которую я припарковал ранее за зданием, исчезла. Я был в замешательстве, но, не желая бродить в ограниченном пространстве и рискуя быть арестованным, я вышел пешком. Это была холодная ночь, и я едва добрался до шоссе, прежде чем ослепительные огни полицейской машины окружили меня. То, что случилось после этого, размылось в моей памяти. Меня посадили в полицейский фургон и

отвезли в отделение, там взяли мои отпечатки пальцев. В течение нескольких часов приехали несколько человек в штатском и дали мне укол прозрачной жидкости. Я потерял сознание. Когда я проснулся, я был в каменной комнате, почти как в древней пещере. Я догадывался, что меня забрали в одну из тайных тюрем под Уральскими горами.

Мне не пришлось долго размышлять о своем местоположении. Когда охранник увидел, что я пришел в сознание, он вызвал своего босса, тяжеловесного человека в форме врача. Я спросил его, является ли он тюремным врачом, на что он рассмеялся и сказал, что он известен в этой тюрьме как костелом. В тот день я впервые встретился со страшным человеком. Это был самый жестокий допрос, с которым я когда-либо сталкивался. Вопросы, которые он задавал, были идентичны. На кого я работал и что я делал на химическом заводе? Когда я был новобранцем в Лагере, меня учили противостоять пыткам и давать ложную информацию следователям. Однако мои встречи с костелом становились все более и более страшными. Мучительная боль, которую мне приходилось испытывать, была невыносимой, но гнев и адреналин поддерживали меня в здравом уме. Но ненадолго. Мой разум таял от отчаяния, и я начинал лихорадочно плакать каждый раз, когда металлическая дверь открывалась, объявляя моему ушибленному телу, что мучитель вернулся.

К третьему дню он хирургическим путем снял скальп и отколол несколько сантиметров кости с рук и ног. Это было сделано с помощью множества зубил и скальпелей без какой-либо анестезии. Мои непрерывные слезы оставили следы на моем бледном лице, но от боли и увечий не было спасения. Мучитель поклялся продолжать свои эксперименты на костях моего тела до тех пор, пока я не сломаюсь. Врач рассказал мне, что самая длительная продолжительность пытки в тюрьме десять дней. Я напряг мозги, чтобы вспомнить, как долго я пробыл в этой пещерной тюрьме. Это был мой шестой день. И мне стало очень страшно. Часами мои лихорадочные глаза гипнотически смотрели на металлическую дверь, отделявшую меня от мучителя, желая, чтобы она открылась и освободила меня.

Помощи из внешнего мира для меня не будет.

Никто не знал, что я здесь.

Я забыл упомянуть о своей поездке Ирине. Она бы удивилась, почему я не возвращаюсь домой. Мой работодатель, директор АНБ был единственным человеком в мире, который знал, что я уехал в Россию, но даже он не знал, куда меня увезли и кто меня схватил. Я только хотел, чтобы была хоть малейшая надежда или возможность сбежать. Я мечтал ускользнуть сквозь трещины на стене или между решетками тюрьмы. Я никого не ждал. Помощь не приходила.

Седьмой сеанс с костелом начался ранее в тот же день. Меня вытащили из камеры; в этот момент я стал настолько слаб, что не мог

ходить без посторонней помощи. Я страдал от истощения и голода. Охранники должны были отнести мое хрупкое тело в камеру пыток и повесить меня на руках над металлическим столбом. Врача еще не было в комнате. Через несколько минут металлические ворота затрещали. Инквизиция была здесь. Когда охранники повернулись, чтобы отпереть ворота и впустить мучителя, я почувствовал, как дрожал весь потолок. Потом я почувствовал, как вибрирует земля под ногами. Я узнал звук. Он был от самодельной взрывчатки.

Кто-то установил бомбу над головой. Потолок рухнул над моей головой, и цепи на моих руках развалились.

Мои руки были свободны!

Я балансировал и пробился к единственному выходу в камере. Охранники сбежали, опасаясь, что каменный потолок может рухнуть. Я слепо бежал по заваленному обломками проходу и обнаружил, что часть крыши обрушилась. Мусор все еще падал к основанию. Я услышал жужжание ротора вертолета. Это было спасение! Крыша была слишком высокой, поэтому я ждал, пока спасательный вертолет сбросит толстый трос. Моя свобода была близка. Когда веревка спустилась, я держался за нее всеми силами. Несколько рук в перчатках затащили меня в вертолет и закрепили на одном из сидений. Я чувствовал, как кто-то проверяет мои жизненные показатели и прикрепляет внутривенно иглу к моим рукам. Наполовину ошарашенный от истощения, я погрузился в прерывистый сон. Сзади вертолета я слышал шепот. *"Нам нужно выбираться отсюда быстро!"* Мои базовые знания о русском языке говорили мне, что мои спасители, скорее всего, русские военные.

Я был спасен.

По возвращении в Соединенные Штаты я узнал о том, что произошло. Мой друг-хакер Дастин, который покинул Лагерь вместе со мной после того, как узнал все о незаконной деятельности Полковника, был встревожен, когда услышал, что я исчез. Дастин взломал мировые спутники и отследил мое местонахождение до этого отдаленного региона России. Ему понадобилась еще неделя, чтобы набрать команду бывших российских спецназовцев для моего спасения. Они должны были определить мое точное местонахождение и ювелирно провести операцию в тюрьме в рекордно короткие сроки. Однако, меня больше беспокоила утечка информации. Как люди, захватившие меня, узнали, где меня искать? Кто сообщил им, что я собираюсь провести секретный рейд на отдаленном российском химическом заводе? Ответы на эти вопросы были неизвестны даже Дастину.

Я решил не вникать в эти неприятные мысли и поехал на встречу с Ириной. Она была искренне удивлена, увидев меня. Она думала, что я оставил ее навсегда. Я был шокирован, когда услышал это, и уверял ее,

что решил провести с ней каждую секунду своей жизни. Позже Ирина призналась, что, когда она выразила свою обеспокоенность по поводу моего отсутствия в целую неделю, отец предположил, что я, возможно, бросил ее из-за того, что не был воодушевлен идеей посвятить себя отношениям на полную.

Я был немного расстроен, когда услышал это. До этого я понятия не имел, что директор АНБ не одобряет меня как поклонника его дочери. Однако, если бы он только понял, как сильно я люблю Ирину, как отчаянно хочу сделать его дочь счастливой и быть рядом с ней навсегда, может быть, тогда он смягчил бы свое отношение ко мне. В конце концов, я встретил его, чтобы расспросить. Он выглядел искренне потрясенным, услышав о моих попытках. Он тоже не знал, как о моем прибытии узнали российские шпионские агентства и пообещали провести внутреннее расследование, чтобы раскрыть утечку. Я был доволен и убедил Ирину переехать ко мне. Изнурительная боль, которую мне пришлось пережить в советской тайной тюрьме, все еще преследовала меня, но я был рад, что женщина, которую любил, была рядом.

Несколько месяцев спустя директор АНБ снова связался со мной. Он извинился перед тем, как попросить еще об одной услуге. Я должен был выполнить для него последнюю миссию, на этот раз в Китае. Я должен был проникнуть в охранную фирму в центральном Китае и выяснить, что они знали об американской пусковой установке для ракет. Он обещал мне, что это будет чистая миссия. Я буду внутри и снаружи в течение пяти дней. Из-за прошлого фиаско, которое произошло в России, он назначил другого офицера ЦРУ сопровождать меня в этой поездке. Если что-нибудь случится, у меня будет запасной план.

Я нехотя согласился. Это была рискованная операция, но я надеялся исполнить его желания ради Ирины. На этот раз я сказал ей, куда еду и почему ее отец хочет, чтобы я поехал в Китай. Я также сказал ей, если я не вернусь через неделю, чтобы она предупредила федеральное правительство или американское консульство в России. Прощание не обошлось без слез.

Я прилетел в Пекин с моим новым напарником, Джеком. Он был ветераном ВВС США в возрасте девятнадцати лет, и ему было поручено привезти нас в страну. Джек умело маневрировал над ограниченным воздушным пространством Китая и приказал мне выйти из самолета над целевым районом, пока он направлялся в безопасное место для посадки. Он сказал, что сообщит мне о своем местоположении и присоединится ко мне в течение пары часов. Я схватил парашют и прыгнул с небольшого самолета. Ночь была холодной, и я чувствовал, как облака окутывают меня, душат мои легкие. Я натянул

кислородную маску на голову и понял, что воздуха в ней не было. С ужасом я понял, что маска неисправна.

Мой кислородный баллон был пуст! Я был настолько уверен, что он был функционален, когда заправлял его перед посадкой в самолет. Должно быть, в баке была утечка, из-за которой весь воздух ушел. Я задышался и растянул свободное падение настолько долго, насколько это было возможно, чтобы быстро добраться до земли. Оставшись менее мили до удара о землю, я потянул за шнур парашюта, замедляя свой спуск. Пятно травянистых земель, на которое я приземлился, было сырым от вчерашнего дождя. Я собрал снаряжение и пешком добрался до цели. Охранный комплекс, в который мне было поручено проникнуть, был подземным зданием, протянувшимся на одиннадцать этажей вглубь земли. Только один этаж был выше уровня земли. В квадратном здании не было окон. Стены были окрашены в черный цвет. Было так зловеще темно, что оно отблескивало даже в безлунную ночь.

Я подошел ближе. Очевидных барьеров безопасности не было. Мне ждать Джека или нет? Вопрос несколько раз появлялся у меня в голове, пока я не решил продолжать. Было бы легче проникнуть в здание под покровом ночи. Джек может даже не знать моего точного местонахождения. Он может быть скомпрометирован. Я установил таймер на 30 минут и ждал. Если бы его не было поблизости в течение этого времени, я бы предположил худшее и направился в китайское охраняемое здание.

Главные ворота были открыты. Я бесшумно бежал по парадному двору и остановился у дверей строений. Чтобы убедиться, что внутри нет враждебно настроенного персонала, я бросил одну из своих газовых гранат через двери. В вестибюле было пусто. Я подошел к лифту и нажал на стрелку вниз. Пара стеклянных дверей открылась, открыв округлое пространство. Лифт был по последнему слову техники. Я вошел в лифт и нажал на цифру самого нижнего подуровня, которая была доступна. Стекло двери бесшумно заскользило, и мотор, казалось, кружился над головой. Внезапно у меня закружилась голова. Мои глаза закрылись, и я упал на пол.

Я проснулся, прикованный к металлическому стулу. Я был без одежды. Мне было холодно. Я боялся неизвестности. Ничего хорошего здесь не могло произойти. Несколько китайцев окружили меня. Уставились на меня своими пустыми глазами и без выражения эмоций на лице. Я умолял их отпустить меня. Один из стариков подошел ко мне и потребовал от меня, в каком агентстве я работаю. Я сказал, что ничего не знаю и что я всего лишь турист. Он, конечно же, не поверил мне и попросил двух других мужчин крепко прижать меня, пока он доставал из своего ящика пару плоскогубцев. Он схватил меня за лицо и протянул мне руку в рот. Я пыталась кричать и бороться, но это было

бесполезно. Одним умелым движением очкарик схватил мой коренной зуб и аккуратно вытащил его из челюсти.

Иногда мне приятно осознавать, что я знаю, что такое боль, но я никогда не мог себе представить, как ужасно это ощущение, когда зуб вырывают без анестезии. Нервы в моем теле кричали от боли, и я чувствовала, как горят кончики пальцев ног от ощущения удара ножом. Он требовал ответы на те же вопросы и дал мне небольшую дозу морфина, чтобы облегчить мою боль. Когда он устал, мне снова задавали те же самые вопросы, обещая большую дозу лекарства, если я буду сотрудничать. Эта пытка продолжалась весь день, в течение которого я потерял четыре зуба. Я падал в обморок несколько раз и не мог сформулировать связное предложение. После этого меня оставили в покое.

Когда я пришел в сознание, я был один. В тусклой комнате мои глаза изучали окрестности. Что-то сверкало рядом с моим креслом. Человек, который брал плоскогубцы для удаления моих зубов, оставил инструмент лежать на полу. Потребовалась вся моя сила, чтоб перевернуть стул и отбросить его в сторону. Затем мне удалось сжать металлический инструмент связанными руками и с его помощью сломать ремни вокруг моего тела. Потребовалось пять долгих минут, чтобы освободиться. Я знал, что здание защищено, как форт, и сбежать через парадный вход было бы глупо, поэтому я дождался возвращения моих мучителей. Притворяясь связанным и без сознания, я ждал, пока приблизится главный истязатель. Когда он попытался проверить мой пульс, я обхватил его за талию рукой и схватил его за оружие. Оно было заряжено. Сначала я всадил все патроны в трех охранников, которые стояли позади него, а затем ударил его по голове прикладом.

Он отключился.

Я взял одну из мужских униформ и переоделся в этот комбинезон, прежде чем незаметно выйти из камеры. По коридорам ходили десятки сотрудников, но никто меня не заподозрил. Я смог благополучно покинуть территорию и прибыть на место встречи. Мое тело было сильно изранено, и я едва мог держать равновесие на ногах.

Место встречи была жутко тихим. Густой туман опускался, как призрак, когда влажный ветер беспокойно разносился по высоким травам. Не было никакой помощи. У меня не было больше сил стоять, и я рухнул на землю.

Когда я лежал в агонии, чувствуя душащую боль в венах, я задавался вопросом, что бы произошло, если бы у меня был шанс на нормальную жизнь, вдалеке от жестоких пыток и увечий, которые преобладали в моей повседневной жизни.

Какой была бы жизнь, если бы мне не приходилось каждую неделю летать в самые отдаленные уголки мира и врываться в

секретные объекты, красть государственные тайны или шпионить за ничем не подозревающими учеными или торговцами оружием? Был бы я в гораздо большей безмятежности и внешнем мире?

Хотел бы я, чтобы у меня была любящая жена; хотел бы я, чтобы мой друг был со мной, все еще жив.

Жаль, что у меня нет сына, которому я мог бы отдать всю свою любовь, которую отец никогда не давал мне.

Жаль, что я не могу спасти свою мать и заботиться о ней в самом красивом доме и саду, пока она не состарится.

Хотел бы я, чтобы в моей жизни был хоть один день наполненный миром или любовью.

Но у меня этого нет.

Страх управлял каждой моей мыслью и движением моей дьявольской жизни. Я опасался знакомиться, чтобы не навредить людям из-за себя самого, и вдвойне боялся за тех, кто испытывал ко мне какие-то чувства, потому что знал, что они пострадают. По этой причине я провел большую часть своей жизни как одиночка. Я старался не заводить друзей, особенно после того, как у меня жестоко отобрали всех. Я потерял всех своих старых друзей либо из-за пыток, либо из-за смерти. Теми, кто выжил, манипулировали до невозможности вернуться. Их обманывали, учили ненавидеть меня и считать своим врагом. Страдания в моей жизни заставили меня мечтать о том, чтобы я мог утонуть в дыре и утонуть в утопическом мире, где никто не пострадает из-за меня, и ни один враг не сможет одолеть меня.

Как было оговорено до полета, Джек должен был быть в этом месте, если бы от меня не было новостей по радиосвязи более часа. Я осмотрел эту местность. Он должен был быть здесь.

Когда я прождал достаточно долго, я решил найти альтернативный маршрут в Соединенные Штаты. Я связался с Дастином, моим старым приятелем из Лагеря. Хакер отследил мое местонахождение и направил меня на засекреченную квартиру, где я получил новые документы и удостоверения личности. Вновь я вернулся в Соединенные Штаты один, в грузовом самолете.

По прибытию отец Ирины ждал, чтобы поприветствовать меня на взлетной полосе. Я пожаловался ему на ряд недостоверных сведений, которые он мне предоставил, и он заверил меня, что главным виновником оказался Джек, которого каким-то образом подкупила китайская триада и тот согласился продать план. Его версия звучала искренне. Я немедленно отправился на поиски пилота ВВС, который предал меня. Мне потребовалось три месяца постоянных поисков, чтобы найти его. Джек жил на отдаленном шотландском острове под другим именем. Когда я появился у него на пороге, чтобы отомстить за

его предательство, он притворился удивленным. Я сообщил ему, что директор АНБ рассказал мне как он продал меня китайцам. Джек посчитал всю эту историю очень забавной и ответил, что он только выполнял приказы. Он утверждал, что отец Ирины приказал ему бросить меня в китайской деревне. Я не должен был возвращаться живым по плану, потому что китайские агенты должны были меня казнить.

Когда я вспомнил страшную боль, которую мне причинили китайские мучители, я почувствовал, как внутри меня кипит гнев. Я была готова убить Джека за то, во что, как я верил, он сделал со мной, но его история была правдой. Что, если он говорил правду? Это казалось невозможным, чтобы отец Ирины хотел, чтобы меня схватили, пытали и убили китайцы. Я вернулся к Ирине и поговорил с ней искренне. Я рассказал ей все о том, что рассказал мне Джек. Она очень разозлилась на меня за то, что я обвинил ее отца в предательстве. Ирина не поверила, что её отец способен причинить кому-то боль, и в тот день она сбежала и пошла на встречу с отцом. Директор АНБ со слезами на глазах сказал дочери, что он невиновен и его подставили. Он также предупредил ее, чтобы она была осторожна со мной, потому что я тоже могу быть скомпрометирован или могу стать шпионом иностранного агентства. Ирина пришла ко мне домой и предупредила, чтобы я больше никогда не говорил о ее отце плохо. Он был невиновен, она была уверена в этом без сомнений.

Проклят ли я болью и отчаянием?

Мне сетовать и плакать - смысла нет
Все что потеряно когда то, не вернется
Я жду увидеть пепел своих бед,
Когда мой мрачный мир покинет солнце.

*I will not lament, I cannot complain,
Because what I lost, I never can reinstate;
Soon, this world will no longer remain,
But for the ashes of my woes, I must await!*

Мученье будет изгнано навек
Когда мое здесь завершится время
Чтоб ни один живущий человек
Не обнаружил тягостное бремя.

*Oh, let that torment be banished from earth,
So no man ever must feel my pain,
Nor bear the weight of this dearth,
In which I lost my soul to disdain.*

Декабрь 1988 года

Год подошел к концу, и рождественское настроение развернулось на каждом углу города. Ирина успокоилась по поводу моего расследования китайской миссии и пригласила меня на семейное ранчо на каникулы. Я был в восторге. Возможно, ее отец простил меня за то, что я обвинил его в провале миссии в Китае. Когда я приехал к ней домой, меня тепло принял стареющий отец Ирины. Он больше не был директором АНБ. Президент повысил его до директора Национальной разведки. АНБ, вероятно, была самой высокой должностью в разведывательном сообществе. Я гордился и радовался за него, а Ирина была рада успехам своего отца. Мы наслаждались ранней рождественской вечеринкой и были заняты установкой праздничных гирлянд вокруг украшенного дома. Когда пришло время уходить на пенсию, отец Ирины стал заметно раздражительнее. Он предупредил нас, что мы должны соблюдать правила его дома, по

которым ни одна неженатая пара не может делить комнату. Я был разочарован, но Ирина настояла, чтобы мы уважали желание ее отца. Я с неохотой взял комнату, примыкающую к ее, и провел беспокойную ночь, думая о своей невесте.

На следующее утро я проснулся рано утром и бродил по просторному дому. Он был украшен со вкусом. Я бродил по чердакам и подвалу, изучая семейные портреты Ирины, украшавшие стены зала. Там были ослепительные картины Ирины с отцом. Семья казалась уютной. Однако я был озадачен отсутствием ее матери. Ирина никогда не говорила о матери, и ни одной фотографии женщины в доме не было. Я проводил много часов на чердаке, перебирая старые и пыльные фотографии, и в конце концов наткнулся на черно-белый образ прекрасной черноволосой женщины.

Запись внизу с датой была примерно того же времени рождения Ирины.

Портрет был подписан: Екатерина.

Резкое сходство лица с Ириной не оставило сомнений в том, что это ее мать. Мой разум пульсировал от волнения, и я поспешно прикармливал старую фотографию в надежде, что Ирина сможет рассказать мне больше о жизни своей матери.

Я поднял тему ее матери после ужина в тот день и показал Ирине фотографию, которую нашел в подвале. К моему удивлению, Ирина не была откровенно рада услышать о своей матери. Она бормотала, что ей уже все равно. Когда я немного надавил на нее, она объяснила, что случилось.

По словам отца, после рождения Ирины ее мать Екатерина, уроженка России, бросила ее и бежала из страны. Ее разыскивали в США по нескольким делам о шпионаже. Отец Ирины вынужден был воспитывать ее самостоятельно в течение нескольких лет. Когда ей исполнилось шесть лет, Екатерина вернулась и хотела снова стать частью семьи. Она впадала в приступы гнева и кричала на мужа. Однажды она бросила несколько тяжелых предметов в отца Ирины, который в то время был младшим офицером ЦРУ. Он немедленно вызвал полицию и после длительного судебного разбирательства убедил присяжных освободить его жену. К этому времени Екатерина потеряла интерес к своей дочери и снова уехала в Советский Союз. После этого Ирина больше никогда не видела свою мать.

"После того дня она была для меня мертва. Я больше никогда не говорила о своей матери". Ирина говорила мне со слезами на глазах: "Она причинила боль моему отцу. Моя мать никогда не была рядом со мной."

Я пытался анализировать всю информацию. "Послушай, Ирина, – я рассуждал. – Может быть, была причина для того, что она сделала.

Что если ее безопасность была под сомнением и она сбежала, чтобы защитить тебя и твоего отца от опасности, в которой она была?"

"Мне все равно, с чем она столкнулась, – горячо сказала Ирина. – Какая мать имеет право бросать своего ребенка?"

Я пытался успокоить ее и перевел тему.

Но любопытство время от времени закрадывалось в мою голову.

Я хотел узнать, что на самом деле случилось с Екатериной. Я любил Ирину и хотел знать ее семью, как свою.

Семья – это то, чего у меня не было. У меня никогда не было сострадательного отца или любящей матери. Я не знал, каково это – иметь братьев и сестер, делиться игрушками и радостями.

До того, как я встретил Ирину, единственное, что было ближе всего ко мне, это русская женщина, которую я видел, переходя через оживленную улицу на Манхэттене. Это было всего через несколько месяцев после того, как Лагерь отправил меня в США, чтобы я стал советским агентом под прикрытием. Я был один в большом городе, и знакомое лицо женщины напомнило мне мать, которая у меня когда-то была. Женщине было около тридцати лет, возможно, несколько моложе, чем была бы моя мать, если бы она осталась живой. Для меня это было как будто часть моего родного дома вернулась.

Я был 19-летним русским мальчиком, которого заставили стать негодяем для шпионского агентства, которое использовало нетрадиционные методы, чтобы заставить мировых лидеров выполнять их приказы. Я знал, что я просто пешка, которую можно будет убрать без предупреждения.

Жизнь, для меня, не имела большого значения. У меня не было ни семьи, ни друзей. Я был нелюбим, нежеланным. Мне было одиноко и грустно от бессмысленного цикла, в который мне приходилось вливаться. Америка отличалась от России тем, что улицы заполняли толпы людей из других стран. Было приятно видеть, что я не единственный аутсайдер на огромном североамериканском континенте.

Ноябрь 1971 года

У меня были лишь смутные воспоминания о моей матери. Мне было десять лет, когда она умерла, но события, предшествовавшие ее смерти, преследуют меня даже сейчас. Наша семья жила рядом с одной из узких дорог в Тоттенхеме. Это было то место, где мой отец поселился с моей матерью до моего рождения.

Я узнал намного позже, при каких обстоятельствах они прибыли в эту страну в качестве иммигрантов. Когда моей матери было шестнадцать лет, она стремилась стать моделью и выражала свое

горячее желание своим родителям. Ее семья, живущая в сплоченной общине Северного Кавказа, не хотела иметь ничего общего с такими дикими идеями и упрекала ее. Хотя мать и бабушка по материнской линии, родом из Рязани, поддерживали ее в ее начинаниях, мой дедушка искренне не одобрял этого. Когда я стал намного старше, я поговорил с несколькими родственниками матери и узнал, что ее мать работала в Москве, когда она встретила своего мужа, очаровательного грозненского мужчину. Вскоре они поженились и переехали на Северный Кавказ, где жили в супружеской гармонии и подарили жизнь прекрасной малышке. Местные жители прозвали мою мать алмазом Грозного. Из всего, что я помню о своей матери, я знаю, что жители Грозного не преувеличивали.

Упрямая, как и прежде, мама связалась с модельным агентством и сбежала в Москву, чтобы побыть с семьей матери и осуществить свою мечту. Она едва начала свою карьеру, когда ее яркие взгляды привлекли внимание местных преступников, которые, в свою очередь, переправили ее в сеть торговцев людьми, а в итоге продали ее известному сутенеру, который обслуживал московскую элиту. Ее единственным покупателем был не кто иной, как советский премьер, сменивший на этом посту печально известного Иосифа Сталина. Лидер русской преступной группировки предложил мою мать влиятельному вождю, чтобы получить благосклонность и награду за вручение такого подарка.

Премьером был распутный тучный старик, у которого была жена и взрослые дети, но, тем не менее, он был очарован прекрасной молодой моделью. Убедившись, что она стала его любовницей, мама попыталась бежать, но была схвачена сутенерами и вернулась к своему хозяину. Спустя месяцы она заболела, и врачи подтвердили, что она беременна. Сутенеры, которые продали ее премьеру, беспокоились о скандале, который создаст беременность, поэтому они планировали убить ее до рождения ребенка. Между тем, человек, который контролировал преступную группировку, был уроженцем русского портового города Санкт-Петербурга. Его племянник был одним из телохранителей советского премьера и сочувствовал судьбе моей матери. Он вступился за мою мать, предложил жениться на ней и потребовал отцовства для нерожденного ребенка, чтобы его дядя, который отвечал за московских сутенеров, не мог убить ребенка своего племянника. Мать согласилась выйти за него замуж, но охранник знал, что остаться в России будет небезопасно, поэтому он быстро оформил для них загранпаспорта и проездные документы и отправился в Северный Лондон, в Англию. Пять месяцев спустя родился я в больнице Южного Тоттенхэма.

В детстве я не сомневался, что человек, которого я знал как своего отца, был моим настоящим биологическим отцом. Моя мать никогда

не говорила мне обратного, хотя иногда я удивлялся, почему я выгляжу таким не похожим на этого высокого человека, который постоянно смотрел на меня. Мои единственные воспоминания из детства состоят из криков и воплей. Мой отец бил меня за каждую мелкую оплошность. В пять лет он избил меня настолько сильно, что сломал мне руку. В больнице врачи хотели узнать, что произошло. Отец появился из ниоткуда и прошептал мне на ухо. Он сказал, что если я скажу им, что он сломал мне руку, то в следующий раз он сломает мне ногу. Меня наказали за то, что я играл шумно после того, как стемнело. Я так боялся играть в доме, дабы отец не рассердился, что стал чаще играть на улице

Одним из моих товарищей в детстве был Олег, пухлый мальчик с карими глазами. Он делился со мной свой мяч. Мы часто играли вместе часами, пока родители звали его домой. Олег просил меня пойти к нему домой. Его родители были ласковыми людьми. Они обращались со мной, как с собственным сыном, и даже разрешали мне ужинать с ними. Я никогда не понимал, насколько я голоден и как много я способен съесть до того, как приходил к Олегу домой. Мой отец никогда не разрешал мне доедать. Половину недели он не разрешал маме давать мне еду за различные оплошности, которые я совершал. Если он кричал на мать, я кричал на него. В ответ он бил меня по голове кастрюлями и клялся не давать мне еду всю неделю.

Я помню конкретный случай, который произошел в день рождения моего отца. Мама приготовила для нас еду, а потом подала нам пиццу. Я видел, как отец пожирал кусочки, пока его глаза не сузились на кусочке в руке. Он взглянул на минуту, а потом бросил кусочек в мою мать и закричал. Я никогда не забуду того ужасного взгляда на его лице, когда он накричал на мою мать и ударил ее по голове тарелкой. Он неоднократно спрашивал ее, почему ломтик пиццы такой толстый. Каждый раз, когда он задавал этот вопрос, он становился все более жестоким. Я пытался оградить мать от его ударов, но он бросил меня в одну сторону и продолжал причинять ей боль. Я чувствовал себя таким беспомощным в этом мире.

Когда мне исполнилось девять лет, веселая семья переехала в двухэтажный кирпичный дом на улице напротив нашего дома. У пары было четверо детей-подростков. Младший сын был примерно моего возраста, и мы сразу же сблизились. Я узнал, что его зовут Чарльз. Мы ездили на велосипеде по холмистой дороге, и каждый вечер Чарльз водил меня к себе домой. Его родители были самыми вежливыми людьми, которых я когда-либо встречал. Они одаривали меня похвалой и вниманием. Когда лето закончилось, пришло время возобновить учебу. К моему удовольствию мы с Чарльзом в итоге посещали одну и ту же школу и были в одном классе.

Это было благословением для меня. Я с нетерпением ждал окончания уроков и стоял с Чарльзом перед детской площадкой. Когда его мать приходила за ним, она брала нас обоих к себе домой, а мне предлагали прохладные напитки и горячие блюда. Я мог есть до отвала – то, что отец никогда не разрешал мне делать. Я чувствовал себя в этом доме желанным и любимым и удивлялся, почему я не родился в этом прекрасном доме. У семьи Чарльза были многочисленные традиции выходных, такие как походы на футбольные матчи. Несколько раз они приглашали меня с собой. Как чудесны были эти счастливые моменты блаженства! Я втайне мечтал, что его семья сможет усыновить меня, чтобы я мог навсегда убежать от моего сурового властного отца.

Мать Чарльза готовила сытную пищу и ужин для меня и других своих детей. Никогда не думал, что семья может быть такой счастливой и мирной. У меня вошло в привычку каждый день ходить к Чарльзу домой. Его мать всегда кормила меня и даже одаживала мне одежду Чарльза. Однажды вечером наслаждаясь свежеприготовленной едой, я услышал, как Чарльз спорил с родителями. Они пытались убедить его отвезти меня домой. Его мать сказала, что это неправильно, что мальчик из другой семьи ужинает с ними каждый день. Они думали, что мои родители будут скучать по мне, а отец может даже разозлиться на меня за то, что я не вернулся домой вовремя. Мне было всего девять лет, но я чувствовал себя смущение и стыд. Я не хотел, чтобы хорошая семья чувствовала себя обязанной перед мной, но я также не знал, куда ещё пойти. Мой дом был для меня слишком пугающим и мрачным. Там был только ужас и избиения.

Однажды я вернулся домой немного позже, чем обычно. Мой отец лежал пьяный посреди гостиной, а мама тихо плакала в углу. Я увидел синяки на её лице и теле и понял, что он её бил. Я пытался утешить её, но отец вяло встал на ноги и попытался ударить меня кулаком. Я побежал в заднюю комнату и спрятался под кухонный стол.

На следующее утро мой отец наказал меня за опоздание домой. Он сказал, что я буду наказан дома и мне не дадут еды до конца дня. Ночью я забрался на кухню и везде искал еду. Все полки были закрыты. Кладовка была опечатана. Я сидел на полу в кухне и плакал, пока голод не утих. Мне было почти десять лет, и я очень сильно проголодался. Не знаю, разбудил ли маму звук моих слёз, но я слышал её шаги, которые двигались на кухню. Она увидела меня и поспешила приготовить что-то вроде хлеба с сыром. Через час еда была приготовлена. Мама наполнила тарелку тёплым хлебом и сыром и велела быстро есть.

Как только я начала есть, я услышала, как тяжелые шаги громыхают на кухню. Шум на кухне разбудил его. Увидев, что я ем, он

в ярости вскочил, схватил у меня тарелку и бросил в маму. Он накричал на нее и предупредил, что он запретил мне есть; никому в доме не разрешалось меня кормить. Моя мать плакала и говорила, что я всего лишь маленький ребенок, который не заслуживает наказания, что я растущий мальчик, которому нужно есть. Ее мольбы, казалось, еще больше возмутили его, и он схватил ее за волосы и, используя заднюю часть ладони, бил ее. Я никогда в жизни не чувствовал себя более беспомощным. Я был ростом едва в четыре фута и был примерно по талию отцу. Я ничего не мог сделать, чтобы остановить его, чтобы он не навредил маме. Я чувствовал, что во всём виноват я. Она была наказана за то, что пыталась накормить меня.

Когда мама кричала от боли и умоляла отца остановиться, я заметил охотничью винтовку, висящую на стене кухни. Она была так близко, в пределах моей досягаемости. Не задумываясь, я стянул ее вниз и направил в его сторону. Я закричал вслух и сказал ему остановиться. Должно быть, в моем тоне была какая-то серьезность, потому что он мгновенно остановился и повернулся. Я сказал ему, что если он не перестанет бить маму, я буду стрелять. Он посмеялся над моими угрозами и попытался схватить меня, но я отступил. Он был быстрее и вырвал оружие из моих маленьких рук. Я с ужасом смотрел, как он направил пистолет прямо мне в лицо. Я пытался использовать все свои силы, чтобы поднять передо мной обеденный стол, но он был слишком тяжелым. Мой отец шатался, пытаясь нажать на курок. Я закрыл глаза, чтобы бояться меньше. Пистолет выстрелил с оглушительным ревом, я услышал крик матери. Я открыл глаза и с ужасом смотрел на место преступления передо мной. Моя мать прыгнула на глазах у отца, пытаясь спасти мне жизнь, и пуля, предназначенная для меня, попала ей в грудь. Я увидел, как отец бросил оружие и был напуган. Я подбежал и присел рядом с матерью. Она смотрела на меня глазами, наполненными слезами, пытаясь погладить мои волосы. Не думаю, что она вообще что-то видела. Я звал ей снова и снова.

Но ответа не было.

Тем временем, вокруг меня появился шум. Соседи услышали выстрел и ворвались в дом. Они увидели меня лежащим над безжизненным телом матери и унесли меня от нее. Приехала скорая помощь и несколько парамедиков подбежали, чтобы отвезти ее в больницу. Полиция тоже была там. Они увидели ружье, лежащее на кухне, и предположили, что мой отец застрелил мою мать. Я видел, как они забирали его в наручники. Никто не спрашивал меня, что случилось. Один пожилой сосед отвез меня в свой дом и сказал, что теперь за мной присмотрит государство. Мне было приказано вернуться домой и забрать все, что мне принадлежало. Через несколько часов Чарльз и его родители пришли ко мне домой. Они

сказали, что слышали о том, что случилось, и хотели отвезти меня в больницу к матери. Очевидно, она была еще жива, но в критическом состоянии. Врачи сделали операцию и удалили пулю, но они не думали, что она выживет.

Я проследил за отцом Чарльза и поехал в больницу. Несмотря на трубки, закрывающие ее лицо, я мгновенно узнал маму сквозь стеклянные окна. Она казалась мне в глубоком сне. Я подошел ближе и встал у её кровати. Медсестры увидели меня и тихо ушли. Я смотрел на бледное лицо моей матери. Под глазами были синяки, но она выглядела спокойно. Я сидел у больничной койки и ждал, пока она проснется. Но смертельная тишина в комнате оставалась неизменной. Единственный звук, который я слышал снова и снова, был звук мониторов, которые были прикреплены к ее телу. Непрерывающиеся сигналы тревоги подталкивали меня к состоянию тревоги, когда я пытался найти хоть малейший признак жизни. Она была неподвижна. Я говорил с ней часами, говорил ей, что сожалею о том, что не смог спасти ее. Я сказал ей, что Чарльз был моим хорошим другом, чьи родители привезли меня в больницу. Каждый раз, когда я говорил, я хотел, чтобы она отвечала мне, но единственный звук, который отзывался в маленькой больничной палате, был звуковой сигнал аппарата искусственной вентиляции легких.

Этот шум все еще преследует меня, как будто в моих ушах до сих пор звучат зловеющие звуковые сигналы, которые раздавались в комнате, в которой я в последний раз видел свою мать. Хотя я был свидетелем трагического события десятилетия назад, я помнил его, как будто это произошло вчера. Я подвергся психологической травме настолько сильно, что во время миссии или жизненно важной секретной операции, требующей предельный сил, я вздрагивал от страха при малейшем шуме. Лицо моей матери на больничной койке заполняли мои мысли. Я хотел бы вернуться в прошлое и пережить те моменты, которые я провел в ее компании. Звуковые сигналы преследовали меня вечно. И я не боялся ничего, кроме шума жалкой тревоги, которая обрушилась на мою мать и отняла её у меня.

Ночью доктора пришли в отделение интенсивной терапии и выпроводили меня из палаты. Я не хотел оставлять маму, но медсестры схватили меня за руку и попытались увести. Я цеплялся за стальные перила больничной койки, изучая лицо матери на малейший признак жизни. Она все еще спала. Теперь она могла отдохнуть. Завтра, когда она проснётся, я расскажу ей всё, что случилось. Я вернулся в свой маленький дом, в котором теперь не было никого, и пошел в спальню матери. Ее одежда была разбросана по всему дому. Я собрал знакомые мне вещи и плотно сложил их, прежде чем аккуратно убрать все вещи в ее ящик. Я нашел большую коробку в нижнем ящике. Она была тяжелой. Я вытащил ее и увидел, что это

книга в кожаном переплете. Я умел читать, и заметил знакомые надписи. Это был почерк моей матери. Это был её дневник! Я аккуратно взял с собой кожаную книгу и положил её в сумку. В этом доме было всего несколько вещей, которые принадлежали мне. Я быстро собрал вещи. Пришло время покинуть это место навсегда.

Суд в Лондоне приговорил моего отца к пожизненному заключению. Поскольку у меня не было родных в Англии, было решено отправить меня в финансируемый государством интернат где-нибудь в восточном Лондоне.

Когда пришло время отправить меня в злосчастный детский дом, было начало 1975 года. Появилась женщина среднего возраста, которую я никогда раньше не видел и заявила, что она моя тетя. Она сказала, что она из Москвы и знакома с членами моей дальней семьи в России. Я надавил на нее, чтобы она рассказала мне больше, но она только и говорила, что мой отец – ее брат. Вскоре я понял, что эта женщина была довольно влиятельной, потому что в течение нескольких недель она смогла забрать меня из государственного приюта и перевезти в Советский Союз.

Это был первый раз, когда я ступил на эту сухую холодную землю. Моя первая остановка была в Москве, где меня познакомили с многими членами моей семьи, о большинстве которых я никогда не слышал. Их имена были странными. Я немного говорил по-русски, но мне было далеко до их уровня. Среди многих людей, которые утверждали, что являются моими родственниками и моего отца, один мужчина, который выглядел довольно старым, относился со мной грубо. Женщина, которую я считал своей тетей, была довольно доброй и заботливой и хорошо относилась ко мне, но счастье, которое я чувствовала, воссоединившись с отдаленными членами семьи, вскоре исчезло, когда пожилой мужчина стал часто навещать дом, в котором я жил. Он сказал моей тете, что я ублюдок, а не его внук. Он кричал на несчастную женщину и ругал ее до слез. Я был шокирован. Как он мог говорить, что я не его внук? Его сын был моим отцом. Мы с матерью всю жизнь жили с ним в Англии. Но суровый старик приказал своим дочерям изгнать меня из дома, так как я не был связан с ними кровью. Он также сопроводил меня в ЗАГС, чтобы поменять мою фамилию. Он настаивал, что моя фамилия не должна быть связана с его семьей.

Я был в двойном замешательстве. Как это возможно, что я не их родственник? Разве мой отец не был их родным братом? Но женщина, которая была щедра ко мне до этого момента, однажды утром извинилась передо мной. Она сказала, что ее отец был прав. Я не был сыном ее брата. Я не был ее племянником. Мой отец был кем-то другим, очень влиятельным, но у него была своя жена в то время, когда моя мать была беременна мной. Человек, которого я знал как отца, женился на моей матери из сострадания, чтобы спасти ей жизнь.

Моя тетя настаивала на том, что она бы с радостью взяла на себя ответственность за мое воспитание и оказала бы финансовую помощь, но больше не могла ничего сделать.

В моем деском сознании ни одна из историй не имела смысла, но я притворялся, что понимаю. Лично я не был слишком счастлив быть среди таких незнакомых мне людей. Я чувствовал холод и безразличие повсюду. Дальняя семья, которую я почти считал своей, решила, что этого достаточно, и они больше не будут иметь ничего общего с таким непослушным мальчиком, как я. Старик выгнал меня из их семейного дома и отправил в русский приют.

Моя жизнь в качестве подопечного государства не сильно отличалась от жизни в родительском доме. Меня избивали реже и реже общались с детьми, которые были там со мной. Однако через несколько недель после прибытия туда я пережил диарею и продолжительную лихорадку. Изменение климата было ужасным, но не таким страшным, как еда.

Может быть, мое детство и было тяжелым, но в Лондоне у меня всегда было достаточно пропитания. Несмотря на жестокость отца, который постоянно меня ругал, я искал утешения в коридоре начальной школы, где у меня появились замечательные друзья и я познакомился с уважаемыми учителями. В школе были щедрые порции каши, и единственное, о чем я должен был беспокоиться – это обращать внимание на уроки, которые задавали. Я был достаточно проблемным учеником в том смысле, что, оказавшись запертым в маленьком переполненном классе, я не слишком хорошо отзывался, поэтому чаще всего я пропускал утренние занятия и играл во дворе школы или на мощеной боковой улице, ведущей в учебное заведение.

Я был в пятом классе, когда однажды утром во дворе школы проходил преподаватель чтения, опытный автор и поэт, и увидел меня. Он согласился с тем, что маленькие дети должны иметь возможность играть, но сделал мне предложение. Он обещал дать мне десять пенсов, если я напишу для него стихотворение. Как заядлый писатель, он сказал, что если я буду писать хорошо продуманную прозу, он вознаградит меня денежными средствами и постарается напечатать их в ежемесячных школьных газетах. Моя писательская деятельность процветала больше, чем я ожидал, и те несколько фунтов, которые я получал в неделю в обмен на написание стихотворений, были самым выгодным делом, чем все, что у меня было до тех пор. Я был доволен своим достижением и поделился новостями с мамой. Она не очень хорошо владела английским языком, но мне удалось перевести для нее пару строк на русский. Моя мама так гордилась моим достижением, что не спала по ночам и старалась выучить английский язык, чтобы читать мои короткие стихи.

Она с любовью мечтала о том, что я стану таким же совершенным, как великий русский писатель Александр Пушкин. Я думаю, что именно усердие в изучении английского языка подтолкнуло ее к вечерним занятиям.

Моя мать очень старалась скрыть от отца свои занятия по языку, но безуспешно. Однажды вечером он застал ее, когда она возвращалась с занятий по подготовке к экзамену на аттестат зрелости, и он разозлился. Я никогда не забуду ту ужасную ночь. Мой свирепый отец жестоко избил ее за то, что она осмелилась выйти на улицу без его разрешения, а маму пришлось госпитализировать из-за перелома лодыжки и сотрясения мозга.

Мое сердце было охвачено чувством вины, потому что в то время я думал, что это из-за меня пострадала мама. Моя жизнь в Лондоне до 6 класса не сопровождалась насилием, и я превзошел своих сверстников по языку и искусству. В конце концов, моему учителю английского языка удалось опубликовать несколько моих стихотворений в местном школьном журнале. Школа предлагала ученикам образование и регулярное питание, поэтому я не понимал смысла слов бедности и заброшенности до тех пор, пока не попал в ветхий детский дом в России.

Когда полуразвалившийся автобус высадил меня на краю грязной дороги, замерзшей на темном холме, я в ужасе посмотрел на обычную приземистую хижину, которая должна была стать моим домом. Ничто в Англии не было похоже на эту убогую постройку. Пожилой мужчина помахал мне, чтобы я зашел внутрь. Я вошел в маленькую комнату с низким потолком и обнаружил, что она была плотно уставлена. Десятки детей, большинство из которых выглядели старше меня, смотрели на мою одежду безумными глазами.

Детский дом находился в Восточной Сибири, где зимы могли становиться очень суровыми. Мои родители были из России, я не сомневался, но чувствовал себя здесь чужим, живущим в одиночестве и без друзей. Я много времени проводил в доме и старался вспомнить красивое лицо матери и ее большие ярко-зеленые глаза. Мне было трудно поверить, что она действительно ушла. Глубоко в я часто мечтал о том дне, когда мама придет в детский дом и отвезет меня домой. Легче было думать, что она еще жива, живет в безопасном месте, ждет, когда я вернусь домой.

Это была небольшая комната, в которой места не хватало даже для десяти человек, но сорок подростков были заперты в ней целый год. Трое-четыре ребенка получали специальную койку, в которой не хватало предметов первой необходимости. Влажный слой соломы и сена покрывал дешевые деревянные доски. Когда я бесконтрольно дрожал и умолял товарищей дать мне одеяло, мальчик постарше предложил свое. Это одеяло было словно разорванный тонкий лист, в

котором было около двадцати дыр. Я отчаянно завернулся в одеяло и попытался заснуть. Но сон был роскошью, так как я не мог даже закрыть глаза на десять секунд, не будучи пробужденным крысами, которые бродили по комнате и прятались среди соломы и сена.

Каждое утро я просыпался со странными порезами и отеками на руках и ногах. Клещи были на каждом сантиметре грязных одеял и беспощадно кусали нас всю ночь. Я устал охотиться на блох, которые населяли мою постель. Сотни вшей копались в моей одежде, делая мою кожу шелушившейся от частых укусов. Я не знал, как от них избавиться. Место, где мы спали, было настолько плохо построено, что, несмотря на минусовую температуру, на улице было теплее.

Жизнь на заснеженных холмах снаружи была для меня угнетающе грустной. Это был не мой дом. Я чувствовал себя как незванный гость, поглощенный меланхолией и мраком. Безлунный вечер напомнил бы мне, как безнадежно было мое будущее. Здесь для меня ничего не было. Часто я плакал в отчаянии, и бледное ночное небо свидетельствовало о моей безысходной слабости.

Мы всегда были голодны. Я с детства был худым мальчиком, но в русском детском доме потеря веса тревожила даже меня самого. С каждой неделей я чувствовал, как моя рубашка все больше свободна на мне. Штаны соскальзывали и падали из-за сильного недоедания. Я думала, что голод - мой злейший враг в детском доме, пока не заболел хронической дизентерией. Мне приходилось пользоваться туалетом от двадцати до тридцати раз в день. Хотел бы я описать, какие муки я испытывал. Живот и кишечник перекручивались внутри моего тела, заставляя меня чувствовать себя так, как будто мне разрывали органы. Медицинской помощи не было, и лишь изредка мне предлагали активированный уголь для отдыха моего желудка.

Снова была зима, и моя диарея не ослабевала. Но жизнь стала в пять раз хуже. Мне пришлось покинуть слегка обогреваемое помещение, чтобы облегчить себе жизнь. Это означало пятиардовую прогулку по самой сильной метели, одетым только в тончайшие лохмотья. Иногда я не мог контролировать свой кишечный тракт, и мой кишечник сдавался, проливая водянистые экскременты вниз по ногам, испачкав мое нижнее белье. Эти случаи были куда более смертельными, чем простое смущение. Было минус пятьдесят и даже пятиминутная прогулка по этому холоду промораживала мою испачканную одежду и заставляла меня снова подхватывать пневмонию. Ночью я лежал на свободных досках, которые составляли мою постель и дрожали от холода, усталости и голода. Утром мои пальцы рук и ног почти обледенели.

Я начал верить, что это моя судьба – страдать. Единственное, чего я должен был ждать, это когда я, наконец, утону в собственном отчаянии.

Агония была бесконечной.

Голод и лихорадка вместе с сильным обезвоживанием от диареи заставили меня желать своей смерти. Жить было так тяжело, безрезультатно. Чтобы справиться с моим жалким состоянием, я ложился на живот, цеплялся за койку, надеясь, что какое-нибудь чудо избавит меня от этих невзгод, но помощь так и не пришла. Вши и тараканы мучили то скудное жилье, в котором я жил, и добавляли еще больше горя к общему несчастью.

Мои соседи по жилью не могли понять мои страдания. Они были местными, уроженцами этой земли. Большинство из них прожили в приюте всю жизнь. Я никогда не слышал, чтобы кто-то жаловался на высокую температуру или понос. Казалось, что у них не было аллергии на зараженную тараканами пищу, которую здесь подают власти. Раз в день нам предлагали пустой суп. Я не знаю, почему они называли его супом, потому что он был немного больше, чем соль и вода. С горящим голодом я глотал водяной суп одним глотком и ждал большего, но второй порции не было. Я почти мгновенно жалел о том, что проглотил еду, потому что тогда начинались боли в животе, и мне приходилось уходить, облегчаться, пробираясь сквозь сильный ветер. Я был так одинок – просто пятно среди снежных пустошей зимнего края России. Мое сердце наполнилось болью и печалью. Я скучал по маме. Чуть не забыл, каково это – быть любимым. В государственном детском доме я чувствовал себя отвергнутым обществом и семьей и был сведен к физической и психической гибели.

Иногда я кричал и кричал от разочарования. Никто мне не помогал. В беспомощной ярости я говорил остальным детям в детском доме, что я сбегу из этого проклятого места и никогда не вернусь. Их не тронуло мое разочарование. Старшие мальчики думали, что я отчаялся. Некоторые говорили, что я другой, что мой русский другой, слишком утонченный. Они часто группой издевались надо мной, утверждая, что я, должно быть, родился в богатой семье.

Спустя год после того, как меня высадили у сибирского приюта, мой желудок стал слегка приновился к скудной еде. Общее состояние здоровья улучшилось, несмотря на ужасное снижение веса. Но я смог посвятить больше времени учебе и стал считать себя ответственным.

В течение двух лет государственная школа, примыкающая к детскому дому, в котором я жил, предложила мне стипендию. Проводя детство в Англии, я смог добиться успеха, потому что превзошел своих сверстников в разговорной речи и в понимании английского языка. Результаты моих экзаменов были выше среднего, и мои учителя чувствовали, что я могу преуспеть и по математике, и по английскому языку. Русская литература также показалась мне увлекательной. К этому времени я уже оценил мастерство моей мамы

писать. Каждый вечер я читал несколько страниц из ее дневника как молитву. Изношенные страницы ее дневника были единственным напоминанием о милом человеке, который заботился обо мне, даже рискуя собственной жизнью. Я пережил младенчество и детство, благодаря ее бессмертной любви. Несмотря на ужасы, которые мой отец заставил меня пережить, я нашел цель в жизни, причину для ее продолжения.

Воспоминания из моего детства были не совсем нетронутыми. Я жил в мрачном доме, где малейшая ошибка могла дорого стоить. Я помню сцену с моего восьмого дня рождения. Я вернулся домой позже, чем обычно. Мы с Чарльзом катались с ним на велосипеде по очереди, когда, наконец, заметили, что потемнело небо, и поспешили домой, чтобы избежать сурового наказания, которое, как я знал, меня ожидало. Я попытался спокойно войти через переднюю дверь, но она была заперта. Попасть внутрь было бы невозможно – мой строгий отец мог бы быть дома, и я не хотел сдаваться так легко, поэтому я попробовал открыть заднюю дверь. С замиранием сердца я свернулся за террасой и заснул. Моя мать, должно быть, заметила мое отсутствие, и она открыла заднюю дверь, обнаружив, что я сплю на холодном бетоне. Я был безмерно благодарен, что она нашла меня, но моя радость была недолгой. Угрожающий рев моего пьяного отца приближался к кухне.

Я застыл в ужасе. Я знал, что со мной случится. Я умолял маму - она пыталась вмешаться и умоляла его успокоиться, но сильным ударом руки он бросил ее через кухню и схватил за воротник моей рубашки. Меня затащил в гостиную. Замерзший от страха и беспомощности, я свернулся для залпа проклятий и избиений, но мой отец не думал, что будет достаточно стукнуть меня кулаком. Он взял свой ремень, дважды сложил его и начал бить меня им. Раз, два, три... десять... двадцать. Я перестал считать, так как удары продолжали резать мне спину, разрывая рубашку во многих местах. На следующее утро я почувствовал, как моя кожа шелушится. На спине были выпуклости, которые мучительно горели. Я хотел остаться дома и плакать до тех пор, пока гнев и печаль не утихнут, но это был не вариант. Если бы мой отец узнал, что я прогулял школу, он нашел бы еще одно оправдание, чтобы побить меня, поэтому я надел две рубашки, чтобы спрятать шрамы на руках и спине, и послушно отправился в школу.

Это случилось снова через две недели. Он обвинил меня в том, что я нагло разговариваю, и снова началось наказание. Я цеплялся за ногу матери, пытаясь избежать его ударов, но отец вытащил меня, бросив через кухню пинком. В течение часа он неоднократно бил, пинал и толкал меня до тех пор, пока мой разум не перестал воспринимать боль.

Забыли

Не знаю, сколько горя жизнь выльет на меня,
Меняются сезоны, сменяет жар зима.
Но только боль и слезы несут ветра ко мне,
О грустных днях из детства напоминая мне.

Так тяжки катастрофы, что Красноярск принес,
Но с ними не сравнится та мука, когда рос
Я маленьким мальчишкой, что маму потерял,
Проститься не успели, как час ее настал.

Страдания как оковы преследуют меня,
Друзья мои, вы знали ту боль, как боль моя?
Продолжить эту жизнь мне, иль проще умереть?
Жизнь снова рассмеётся иль будет доброй впредь?

Я потерял улыбку, один ли я такой?
Другие еще любят? Смеются под луной?
Жаль, нет такого зелья, чтоб боли заглушить;
Жаль, что никто не может мне сердце починить.

Пожалуй, Смерть лишь может весь ужас прекратить,
Сотрет ли смерть, что гложет, иль может хуже быть?
Не знаю, не узнать мне, мне смерть врагом была:
Бесчувственной, холодной, что маму забрала.

Как мама поживает, теперь мне не узнать,
Но, всё же, я надеюсь, сойдемся с ней опять!

Жаль, не могу я с мамой сейчас поговорить,
И что не спас от Смерти, прощенья попросить.
О, как же я тоскую по свету её глаз,
Что путь мне освещали как звезды в ночной час.

Сдержу сегодня слёзы, хоть горе не унять,
Ведь если дать им волю, не кончатся опять.
Нет края тем страданиям, они внутри горят,
Дыхание и разум огнём испепелят.

Мой мозг пытался стереть эти темные воспоминания, но этот дневник освежал то, что воспоминания в нем были не моими, а моей дорогой матери. В одной из записей в дневнике я узнал о моей бабушке по линии матери. Я знал, что она иногда писала моей матери, когда мы жили в Лондоне, но я не знал, как она выглядела. В дневнике моей матери она с нежностью и гордостью писала о военных историях, которые слышала от своей матери. Казалось, что моя бабушка была партизаном во время Второй мировой войны и сражалась против немцев на фронтах. Ужасы той эпохи проявились в этих неразборчиво написанных записях. Особенно на меня повлияло то, как много страдали женщины Советского Союза во время Великой Отечественной войны. Почти миллион женщин служили в армии, время от времени преуспевая в снайперской стрельбе и полетах самолетов-бомбардировщиков.

Однако моя бабушка была из наземного войска которая вступила в ряды Советской Армии и принимала участие в местных наступательных действиях. Родившись в Лондоне, я мало знал об истории СССР и хотел узнать о повседневной жизни солдат Красной Армии. В одном из небольших отрывков дневника упоминалось о том, как моя бабушка оказалась в ловушке со своим отрядом посреди леса, и со всех сторон приближались карательные отряды немцев. Отряд прятался в болотах, где грязь глотала все, что в нее попадало.

Чтобы избежать поимки и смерти, советская команда несколько дней оставалась под водой, пытаясь скрыться от немцев, которые стремительно приближались к ним. Неделей ранее та же группа немцев уничтожила всю деревню поблизости и сожгли в костре ее мать и трех младших сестер и младшего брата. Все знали, что попасться – это не выход. Была женщина, которая недавно родила ребенка, и ребенок очень громко плакал от голода. Мать не могла ухаживать за ребенком, и немцы, которые охотились на него с собаками, были неподалеку. Если бы они услышали звук ребенка, их бы всех убили. Никто не просил мать приносить жертву, но женщина знала, что ей придется принять ужасное решение, и взяла медленно ребенка и держала под водой, чтобы заставить его замолчать. Она пожертвовала своим ребенком, чтобы пятьдесят восемь советских бойцов смогли выжить, но все в отряде чувствовали себя виноватыми и страдали от этого. Это была одна из многих жертв, с которыми советские женщины столкнулись во время войны.

Мой взгляд на жизнь кардинально менялся по мере того, как я читал все больше и больше ее дневник. Моя мать писала о своем происхождении, о своем рождении, об отце. Я был ошеломлен, узнав, что мать не была полностью русской по национальности. Ее мать была из Рязани, но вышла замуж за мужчину из Грозного и переехала с ним в регион Северного Кавказа. Я был удивлен, узнав, что мой дед по

материнской линии был влиятельным человеком в своем регионе с многочисленными предприятиями в Дагестане. Но на этом история благополучной жизни моей матери закончилась. На последующих страницах рассказывалось об очень страшном событии. Мне было любопытно и больно узнать об ужасах, с которыми столкнулась моя мать.

Она написала, что, когда ей было шестнадцать, она хотела стать моделью и танцовщицей. Ее друзья говорили ей, что среди всех кавказских женщин нет никого красивее. Не получив разрешения от строгого отца, который настаивал на том, чтобы девушки из хороших семей не становятся танцовщицами, мама в одиночку поехала в Россию и нашла небольшую академию, где она готовилась на балерину.

Она была прирожденной танцовщицей и через несколько месяцев стала частью танцевальной труппы, которая выступала в особняке члена местного совета. Среди зрителей было много знаменитостей и политиков. Изящное обаяние моей матери привлекло внимание фотографа, работавшего в модельном агентстве. Чиновник подошел к ней и предложил продефилировать в их одежде для короткого шоу в Москве. Мама была в восторге. Это была ее мечта – стать моделью в Москве. После шести месяцев обучения она получила возможность ходить по подиуму вместе с другими моделями. Она прекрасно справлялась и получала огромную похвалу от зрителей. Особый интерес к ней проявил один пожилой мужчина из зала. Мама, будучи застенчивой шестнадцатилетней девочкой, отказалась от его опеки и пошла своим путем.

Она ехала домой, когда несколько мужчин схватили ее на улице и посадили в фургон. Когда ей разрешили выйти из машины, она заметила, что находится у особняка президента. Низкий лысеющий мужчина, который был влюблен в нее из модельного агентства, на самом деле был верховным лидером Советского Союза. Мама замерла в шоке. Старик сказал ей, что она теперь принадлежит ему. Естественно, мать пыталась бежать. Она окаменела. В своем дневнике мама особо упоминает, что она была девственницей и не знала, что делать. Ее семья не знала, что она уехала в Москву. Если бы она пропала, никто бы ее не искал.

Сексуальные домогательства на нее начались почти сразу после того, как она прибыла к нему домой. Всякий раз, когда моя мать сопротивлялась или пыталась дать отпор, сутенер, привезший ее в особняк, угрожал жестоко расправиться с ней и продать обычным членам банды, если она не перестанет брыкаться. Она должна была принять, что является личной любовницей коммунистического советского лидера. Через несколько месяцев она забеременела, и это стало заметно. Телохранители мужчины хотели убить ее, потому что

любовницам не разрешается иметь детей от вождя. Ее смерть была неизбежна, но один из охранников сжался над девочкой-подростком и предложил жениться на ней, тем самым спас ей жизнь и потребовал отцовства ребенка. Мужчина, который женился на моей матери, немедленно вытащил её из сексуального рабства и переехал с ней в Англию. Я родился в Северном Лондоне, через пять месяцев после того, как моя мать вышла замуж. Молодой охранник советского премьера остался верен своему слову и сообщил работодателям, что ребенок принадлежит ему. Таким образом, я появился на свет под защитой человека, который не был моим биологическим отцом, но решил усыновить меня, чтобы спасти жизнь матери.

Я не знаю, почему моя мать никогда не говорила мне, что мужчина, который постоянно избивал меня и издевался над ней, не был моим настоящим отцом. Судя по тому суровому обращению со мной, я часто задавался вопросом, не был ли он случайным человеком, презиравшим меня. Думаю, он презирал меня, так как я вовсе не был его сыном. Я был незаконнорожденным сыном его работодателя, который был готов убрать мою мать, чтобы защитить свою тайну от мира. Читая дневник матери, я на мгновение позволил своим мыслям переместиться к человеку, которого, как я знал, был моим отцом. В течение десяти лет я страдал в тишине, когда он хлестал меня палками и ремнями. Я тихо плакал ночью, когда он избивал мою мать. Теперь он был в тюрьме за убийство женщины, которую не собирался убивать. Он целился в меня из своего ружья, надеясь прикончить меня, но моя мать заслонила своим телом меня от смерти. Ей стоило это жизни – спасти жизнь сына, который не мог ей помочь. В ту роковую ночь, когда отец схватил мать за волосы и бил её, у меня было полное намерение застрелить его, но отец или отчим жестоко схватил у меня оружие из рук и попытался выстрелить в меня в пьяной ярости. Как я, десятилетний слабый ребенок, мог знать, что моя мать в последний момент прыгнет перед ним, приняв пулю, которая предназначалась мне?

В течение многих лет я содрогался от гнева, когда видел, как моя мама терпит грубое поведение мужа и словесные и физические нападения. Я не понимал, зачем кому-то подчиняться и причинять столько боли, не отомстив за это. Но теперь, когда я думаю об этом, я задаюсь вопросом, была ли она благодарна ему за то, что он спас ей жизнь до моего рождения. Охранник сильно рисковал, женившись на любовнице советского вождя, и, по сути, подписал себе смертный приговор. Я десять лет не мог простить этого человека за то, что он оскорблял и унижал мою мать, и я не мог забыть о психологических попытках, с которыми мне пришлось столкнуться от него, но я не понимал, почему он был так огорчен мной. Мое существование было для него неприятным. Уже тогда я с потрясением осознал, что он

сильно рисковал, требуя отцовства, когда знал правду о моем рождении, что это может подвергнуть его жизнь серьезной опасности. Он никогда не говорил мне правду и позволил мне поверить, что он был моим настоящим отцом.

Несмотря на то, что он сделал, чтобы спасти жизнь моей матери, я никогда не смогу забыть или простить тот момент, когда он нажал на курок охотничьей винтовки и выстрелил из оружия, которое убило мою маму. Моя красивая добрая мать, которая никогда даже не ругалась, когда я жил с ней, которая всегда пыталась успокоить меня, когда отец кричал на меня, должна была умереть такой молодой только потому, что разгневанный мужчина пытался стрелять в меня из своего оружия. О, как бы я хотела, чтобы мама, была жива. Может быть, мне бы и удалось выжить... но мама не должна была умереть за меня. Это было так жестоко, что мир отнял ее у меня, когда я был напуганным маленьким мальчиком. У меня никого не было в этом мире. Никто не любил меня. Никого не волновало, жив я или умер. Мое существование было бесполезно. Для всех. Кроме моей матери.

Чтение дневника моей матери изменило мой взгляд на мир. Я больше не довольствовался тем, что оставался запертым в сибирском приюте. Я был несчастен здесь. Я хотела увидеть мир. Я надеялся, что смогу оставить позади бездну печали, в которой я появился на свет.

Я собрал достаточно денег, чтобы купить билет на поезд до Санкт-Петербурга и встретился там с другими брошенными детьми. Мне только что исполнилось шестнадцать, и я с нетерпением ждал начала работы. Я подошел к нескольким владельцам лавок и спросил, могу ли я что-нибудь сделать для них в обмен на деньги. Большинство из них от меня отвернулось, но один молодой человек замешкался и вручил мне конверт с лекарствами. Он сказал, что если я смогу их продать, то смогу оставить себе половину прибыли. Я понятия не имел, во что меня втягивают, но я пошел примерно в тот же день, предлагая пешеходам пачки таблеток и сигареты. Я заработал неплохо, а владелец лавки позволил мне оставить половину денег себе.

Через несколько недель мне стало комфортнее в городе, и я познакомился с еще несколькими подростками, которые бродили по улицам. Они замыслили ограбление и просили моей помощи. Сначала я колебался, но в конце концов, согласился пойти с ними. Оказалось, что это было вооруженное ограбление пункта обмена рядом со складом. Мои сверстники были заняты тем, что прикармливали товар, когда один из охранников протянул руку и схватил пистолет, который держал в руках мальчик. Пистолет выстрелил, и мужчина упал. Другие мальчики запаниковали и убежали. Я хотел уйти как можно дальше, но умирающий стонал и умолял о помощи. Он хотел что-то сказать. Когда я посмотрел ему в глаза, то увидел умоляющий взгляд моей матери, когда она была

застрелена пулей охотничьего ружья. Изображение в памяти преследовало меня, и когда я смотрел на человека, я замер на месте. Я не мог пошевелиться. Я вообще ничего не слышал. Все, что я видел, было прекрасное лицо моей матери. Я все еще был в оцепенении, когда приехала полиция и арестовала меня по обвинению в убийстве. Хотя оружия не было рядом со мной, они каким-то образом поверили, что это я застрелил человека. Возможно, это был очевидный вывод, потому что все мои сверстники сбежали, в том числе и тот, кто выстрелил.

То, что случилось после этого, было еще одной частью моей истории. Мне суждено было быть казненным по обвинению в непредумышленном убийстве, но из-за неожиданного поворота судьбы, датой моей казни был день, когда я родился заново и получил новую жизнь. Мне сказали, что это был второй шанс.

Последующие события длились десятилетиями.

Лагерь.

Полковник.

Михаил, человек, который подготовил из меня наемного убийцу. И который также много раз рисковал своей жизнью, чтобы защитить меня. Я вспомнил, как в первый раз меня заперли в секции для новобранцев на нижнем уровне лагеря.

Как и все новобранцы в Лагере, страх смерти и боль заставили меня присоединиться к неизбежной акклиматизации, но я отказался верить, что это моя судьба. Я не стал бы машиной для убийства Полковника или его группы. Когда мне впервые поручили убийство бывшего агента, который за несколько недель до этого бежал из Лагеря, я не мог ясно мыслить. Мой главный наставник, Михаил, передал мне свое личное оружие и сказал, чтобы я выполнил свою миссию, если хочу покинуть это место живым. Печаль и жестокость моей задачи были ошеломляющими. Мне приказали убить коллегу-новобранца, который сделал именно то, о чем я мечтал в прошлом году - сбежать.

В мире оставались только мрачные перспективы: Я не видел ни малейшего проблеска надежды, оставшегося для меня в будущем. Сопровождающая группа, которая должна была составить мне компанию, говорила с нетерпением, приказывая мне двигаться вперед, выйти на улицу. Я посмотрел на стоические лица вокруг меня, внезапно почувствовал тяжесть пистолета в моих руках. Я не мог этого сделать. Я бы никогда не смог выследить и убить того, кто не сделал ничего плохого. Неизвестно, мои глаза блестели от слез, когда я смотрел на оружие затуманенным взглядом. Я знал, что должен был сделать. Был только один путь к свободе. Я медленно поднял пистолет Михаила, вставил ствол в рот и нажал на курок.

"НЕТ!" - Михаил зарычал, подбежав ко мне, его крик раздавался по всему моему нутру. Он прыгнул вперед, схватив меня за руку, но я уже нажал на курок.

Не было ничего более разочаровывающего в моей жизни, чем услышать пустой щелчок оружия. Не успел я снова попытаться выстрелить, как Михаил вырвал его из руки и яростно прошептал: «Тебе повезло, что я всегда держу первую камеру пистолета пустой."

Неудачно предприняв попытку самоубийства, я упал лицом вниз на землю, разразившись припадком гневных рыданий, в ярости Михаилу за то, что он не дал мне умереть.

Он уходил от меня, когда без всяких объяснений, он повернулся и выстрелил в меня один раз. Его пуля прорвала мою ногу и разорвала несколько мышц. Я завыл от боли, сжимая ногу, но Михаил проигнорировал меня и направился к выходу.

Перед тем, как дверь закрылась за ним, он посмотрел мне в глаза. Михаил выглядел обеспокоенным. "Эта рана должна была занять тебя на некоторое время и отвлечь от миссий. Но запомни. В следующий раз я тебя не спасу", – добавил он перед тем, как закрыть за собой дверь.

Это было много месяцев спустя, мой инструктор провел со мной долгий разговор. Я только что вернулся из миссии под прикрытием на Балканах, и трое из моих напарников погибли. Это был сокрушительный удар для меня. Я отказался от медицинской помощи относительно моей раны, которая частично пробила мое легкое. В тот день появился Михаил и сказал мне, что знает, почему я веду себя как самоубийца. Он понял, что я отказался от лечения, потому что хотел, чтобы моя жизнь скоро закончилась. Казалось бы, совершенно несправедливо, что я вернулся с миссии живым, когда мои товарищи были убиты и часто подвергались пыткам до безумия. Я рассказал Михаилу, что жажду закончить свою жалкую жизнь и вернуться к маме в потусторонний мир. Услышав это, Михаил сурово упрекнул меня и заявил, что если я попытаюсь покончить с собой, то никогда не смогу увидеть свою мать в другой жизни. Самоубийство прокляло бы мою душу, сказал он, и навсегда отделило бы меня от матери. Услышав это, как бы тяжело мне ни было жить, я упорно продолжал.

Когда в конце концов, я закончил строгие миссии в Лагере, для меня открылась новая глава. В течение двух лет я наконец-то оказался в США как советский шпион под прикрытием.

Под прикрытием я был Джоном, американским подростком, который учился в средней школе. Однако, я не чувствовал себя чем-то похожим на американца. Я мог говорить с меньшим акцентом на английском языке в связи с моей историей жизни в Лондоне и изучения английского языка с юных лет, но я не мог иметь отношения к

культуре. Пока я не увидел женщину, которая выглядела практически идентично моей матери. Такие же большие глаза. Красивое круглое лицо, только она была на фут ниже. И она плакала. Женщина должна была быть не старше тридцати лет. Я вспомнил свою мать в том возрасте. Она тоже постоянно плакала. Инстинктивно я начал беспокоиться о ее благополучии. Ее насиловали и избивали, как мою мать? Что могло быть причиной ее грусти? Я решил выяснить это и проследил за ней до дома. Я обнаружил, что у нее есть муж, который был примерно ее возраста. Мужчина выглядел иностранцем, возможно, индийцем. Вечерние прогулки по Центральному парку. Я слышал, как они спорили. Женщина постоянно плакала, потому что у нее не было детей. Мне было так грустно за неё, что я желал, чтобы в будущем у неё появилось много прекрасных детей. Видя эту русскую женщину в слезах, мне было больно, потому что она напоминала мне мою собственную мать. Мои детские воспоминания были омрачены болью и печалью, потому что мой жестокий отец безжалостно избивал мою мать.

Единственные воспоминания о моих родителях были горькими и наполненными слезами и криками. Я помню, как отец избивал мою мать по мельчайшим причинам. Если ужин был холодным, или если корочка от пиццы была слишком толстой, он разбивал ей голову о стену.

Я помню один из худших эпизодов моего детства. Это было вскоре после моего восьмого дня рождения. Я был достаточно взрослым, чтобы понять, что моя мама страдала. Однажды вечером она получила письмо от мамы, моей бабушки, которая жила в Рязани, городе недалеко от Москвы. Она хотела, чтобы мама приехала к ней в Россию, так как она тяжело больна и не хотела умирать, не увидев дочь и внука в последний раз. Несмотря на то, что мать была изгнана из дома в раннем возрасте, она не держала обиды на своих родителей и отчаянно хотела в последний раз увидеться с матерью. Но когда она рассказала об этом моему отцу, он впал в ярость и стал бить ее всем, что нашел в доме. Он кричал так громко, что я был уверен, что соседи услышат. Он постоянно повторял: "Как ты смеешь уезжать от меня без разрешения – только навесить свою никчемную мать в России." Моя мама постоянно плакала, и бессильные слезы лились по её прекрасному лицу. Я плакал всю ночь, думая о ее печали и боли.

На следующее утро мама проснулась и приготовила мне завтрак. Я увидел темные синяки и следы на ее шее и руках, когда она работала на кухне. Этот ужасный жестокий человек избивал ее мучительно долго, что ее тело было покрыто шрамами. Когда моя мать мыла посуду, я схватил свою тарелку с кашей и, прислонившись к ней, стала доедать свой завтрак. Я хотел помочь ей, защитить ее, но что я мог сделать. Я был тощим маленьким мальчиком, который

боялся большого пьяного человека, который постоянно рычал и кричал. Моя мать заметила меня возле себя и погладила меня по голове.

Я посмотрел на ее красивое, но грустное лицо и сказал: "Мама, когда я вырасту, я куплю большой дом, где мы с тобой сможем жить вместе. Я никогда не разрешу отцу заходить в наш дом".

Моя мама улыбнулась и прижала меня близко к себе.

Я посмотрел на глубокий шрам на ее правой руке и провел по нему своими маленькими ручонками. "Я стану очень богатым и заработаю миллионы фунтов, чтобы отвезти тебя к пластическому хирургу и удалить эти отметины с рук, чтобы твоя кожа стала красивой, как раньше".

Всего за день до этого я узнал о пластической хирургии от учеников моей школы и знал, как я могу помочь маме с этим. Долгое время я рассказывал о своем списке желаний маме, которая эмоционально слушала мои мальчишеские мечты. Она не говорила много, но я видел томительную боль в ее глазах. Мое сердце болело, когда я видел, как она тонет в горе, поэтому я продолжал мечтать о будущем блаженстве.

Вскоре мне пришло время закончить американскую среднюю школу и поступить в колледж, где я должен был сохранить свое прикрытие. Лагерь продолжал посылать мне указания, и вскоре я оказался втянут в самую опасную игру. С тех пор я потеряла связь с русской женщиной и ее мужем. Я знал, что они переехали в Нью-Джерси и все еще были бездетны.

Иногда по выходным я ездил в Нью-Джерси, чтобы взглянуть на пару, которая напоминала мне родителей моей собственной мечты. У русской женщины все еще не было детей. Два приемных подростка, которые жили с ней, делили дом со своим биологическим отцом и этой женщиной. Позже я узнала, что мать детей была помещена в психиатрическую лечебницу, и у них не было родственников, которые могли бы о них позаботиться. Я еще раз удивился, как им повезло, что их взяли под крыло такая добродушная русская женщина, которая выглядела почти так же, как моя дорогая мама.

В ходе этого образа жизни я познакомился с Ириной. Она была дочерью директора черных оперативников АНБ, грациозного пожилого человека, который согласился мне помочь. В обмен на мою защиту все, что мне нужно было сделать, это предоставить правительству США имена всех членов Лагеря и помочь в их поимке. Тогда я был бы свободен. С новым именем я смог бы путешествовать по всему миру. Это было заманчивое предложение. Был большой риск, но я был готов бороться за свободу. Я окунулся в жизнь двойного агента и начал предавать организацию, которая обучала меня.

Мои отношения с Ириной немного улучшились, хотя я чувствовал себя виноватым в том, что отдалил ее от отца. Я видел, что он любил ее и хотел быть рядом с ней, но я также начал разочаровываться в его преданности. Он всегда настаивал, чтобы Ирина ужинала с ним. На семейных вечеринках он хотел танцевать с Ириной всю ночь. Я был втянут в борьбу по перетягиванию каната. Я любил Ирину, но было очевидно, что отец хотел, чтобы она знала, что он любит ее больше.

Именно в 1985 году случилось нечто, что заставило меня обрадоваться. Во время одного из моих визитов в Нью-Джерси я заметил, что элегантная русская женщина, которая так много лет мечтала о ребенке, наконец-то родила своего первенца. Это был мальчик. Я чувствовал, что ребенок для меня был чем-то вроде младшего брата. В последующие месяцы, всякий раз, когда я был в этом регионе для чего-то, всегда находил время, чтобы зайти и иногда сфотографировать малыша, если у меня под рукой был фотоаппарат, и посмотреть, как быстро растет малыш. Именно во время одного из таких визитов я увидел в доме еще одну женщину, которая, похоже, арендовала второй этаж огромной виллы семьи.

Высокая худая женщина с огненно-рыжими волосами жила в том же доме, что и пара. Мне показалось странным, что в доме молодой пары, у которой только что родился ребенок, будет жить женщина, не имеющая к этому отношения. Я регулярно посещал их дом в течение недели, чтобы наблюдать за происходящим, и заметил, что у мужа русской женщины, похоже, был своего рода роман с худой американкой. Мне стало интересно, откуда она взялась, и я однажды проследил за рыжеволосой женщиной до ее рабочего места. Я видел, как она входила в здание, построенное по неизвестному плану, в городе Ньюарк. Она вошла, используя ключ-карту безопасности, и затем встретилась с несколькими мужчинами. Я узнал ее имя. Джули Шрайвер.

Используя эту информацию, я проверил ее прошлое. Шрайвер была дежурным офицером ЦРУ, три года проработала оперативником в Китае и работала под прикрытием в этой страховой компании; я знал, что секретные агентства скрывали свои финансовые операции. Мне было интересно, чем занимается действующий офицер ЦРУ, снимая жилье у русской женщины. Было ли совершенно естественно для опытного офицера разведки бросить пост в Пекине и проводить весь день взаперти в маленьком пригородном домике с домохозяйкой и ее ребенком, и так отчаянно пытаться завести роман с мужем? Я продолжал наблюдать и заметил, что мать, за которой я присматривал в течение стольких лет, была на грани смерти. Дважды ее отвозили на скорой помощи. Я говорил с одним из врачей, который жаловался, что здоровье женщины ухудшается из-за инфекции после

родов, а ее психическое здоровье влияет на скорость ее выздоровления, и если ее не лечить должным образом, она может очень скоро умереть от болезни, связанной с беспокойством. Я был потрясен от усталости после того, как увидел все это. Я чувствовала себя таким виноватым и беспомощным.

Заключительный день недели был для меня принципиально новым. Я проследил за Шрайвер до ее офиса под прикрытием и увидел знакомое лицо, долгое время, разговаривавшее с ней. Пожилой мужчина был не кем иным, как бывшим директором секретной программы АНБ, моим давним работодателем, отцом Ирины. От любопытства я позвонил своему другу Дастина, специалисту по компьютерам, и сказал ему, чтобы он узнал все, что мог, о рыжей женщине. На следующий день Дастин перезвонил мне и сказал, что нашел значительную сумму денег на банковском счете Шрайвер. Один из чеков, который она обналичила, был прямо от отца Ирины. Я не мог понять, зачем отец Ирины платил молодой агенту ЦРУ столько денег.

Джули Шрайвер платили неплохие деньги за ее деятельность. В ней не было ничего существенного, кроме того, что она активно участвовала в разрушении прекрасного брака русской женщины. Я злился, что женщина, которую я считал почти матерью, попала в такое несчастье. Хуже всего было то, что женщина подружилась со своей квартиранткой, так как она помогала семье во всем, в том числе добровольно нянчилась с ребенком каждый день, и постоянно помогала мужу с его рабочими проектами и докторскими диссертациями. Она понятия не имела, почему так внезапно, через год после аренды, ее муж съехал и готовится к разводу.

Женщина только что родила второго ребенка и снова была госпитализирована. Теперь ее муж был временно сам и начал проводить больше времени с рыжеволосым агентом ЦРУ. Я не знал, был ли он просто разведен с женой или только подал заявление о разводе. Женщина, которую я считала второй матерью, находилась в отделении скорой помощи местной больницы, тяжело больна. Несмотря на то, что у ее мужа был роман, он оставался у ее постели и ухаживал за ней, но ей все равно было плохо. Из общения этой пары я знал, что они все еще любят друг друга, и мне искренне хотелось, чтобы они помирились. Если бы только другая женщина согласилась оставить чудесную семью в покое.

Я хотел помочь им спасти их брак и начал мозговой штурм, как лучше всего это сделать. Благодаря работе Дастина, я узнал, что Шрайвер была помолвлена с мужчиной во время проведения секретных операций в Китае в 1984 году, когда она работала школьным учителем под прикрытием. Я связался с женихом Шрайвер и попросил его переехать в Соединенные Штаты. Мне удалось устроить его на работу в Нью-Джерси, недалеко от офиса Джули

Шрайвер. Дастин уже звонил ей и угрожал сообщить в налоговую службу о ее незаконных денежных операциях, и она быстро поняла, что правда в конце концов будет раскрыта.

Месяц спустя мужчина приехал в Америку. Я умолял его встретиться с невестой и убедил ее переехать к нему. Я верил, что женщина оставит пару в покое и будет жить дальше. Потребовалось несколько месяцев, чтобы мой план сработал. В конце концов, рыжеволосый агент ЦРУ навсегда покинул дом пары. Неделию спустя она вышла замуж за своего жениха. И они переехали обратно.

Молодая пара, за которой я присматривал, пережила этот удар и снова обрела любовь. В течение следующих пяти лет у моей приемной матери родилось еще несколько детей, последний из которых умер в младенчестве. Я восхищался тем, какой счастливой была семья. С шестью детьми они путешествовали по многим странам, включая Индию, Японию, Германию, Дубай, Малайзию и Англию. Для меня было удивительно, что я помог спасти их брак и будущее.

Я был доволен тем, как протекала моя жизнь. Ирина была счастлива со мной, но я надеялся быть с ней навсегда. Я намекал на брак всякий раз, когда мы были вместе, но Ирина всегда колебалась. Она знала, что ее отец не одобряет меня. Я хотел сбежать, сбежать в какое-нибудь далекое место, но Ирина не хотела разочаровывать отца. Однако она пригласила меня на другую семейную встречу. Празднование дня рождения бывшего директора АНБ. Оно должно было состояться в другом его огромном поместье в Европе. Я согласился присутствовать на его шестидесятилетии в надежде создать положительное впечатление о себе у семьи Ирины.

Когда я приехал в Вену, дом, в который я был направлен, казалось, принадлежал древним королям. Это был массивный каменный особняк с двором для пикников и бассейном. По моему прибытию отец Ирины установил для меня основные правила. Ни одной неженатой паре не разрешалось делить комнату. Я подумал, что это смешно, зная, как давно мы с Ириной знакомы. Но старик был непреклонен. На этот раз я отказался играть по его правилам и убедил Ирину выскользнуть ночью, чтобы забронировать номер в близлежащем мотеле. Мы вернулись в особняк рано утром, но, когда я увидел отца Ирины, стоящего в вестибюле, его лицо темнело от злости, я понял, что он вскрыл нашу хитрость.

Лично мне было все равно, что он думает о нас. Но он ругал нас за то, что мы не подчинялись его приказам, и запретил Ирине говорить со мной снова. Он также велел мне немедленно покинуть его дом. Я чувствовал себя оскорбленным. Было унижительно, что со мной так плохо обращались, особенно перед женщиной, которую я любил. Не было смысла спорить, поэтому я схватил чемодан и переехал в мотель на оставшуюся часть моего пребывания в Австрии.

На завтрак на следующее утро я пошел в маленький ресторанчик, примыкающий к мотелю. Пожилой джентльмен узнал меня. Он видел меня на дне рождения в особняке Ирины и хотел узнать, что я делаю в этой стране. Я рассказал ему о своих отношениях с дочерью бывшего директора АНБ и выразил надежду, что скоро женюсь на ней. Как только я произнес эти слова, старик начал задыхаться и теряться. Он предупредил меня, чтобы я держался подальше от этой семьи и рассказал невообразимые факты об отце Ирины.

Старик сказал, что он польский еврей, который мигрировал в Америку в 60-х годах и приехал с единственным намерением – привлечь к ответственности директора АНБ. По его словам, отец Ирины был печально известным преступником в законе, который прославился тем, что казнил пожилых заключенных в концентрационном лагере.

Власти никогда не обвиняли отца Ирины в причастности к злодеяниям на территории тюрьмы. Человек нашел убежище на американской земле после того, как он заключил сделку с правительством США и получил убежище в спецслужбах. Он поднялся в звании с астрономической скоростью и был назначен начальником Агентства Национальной Безопасности. Файлы АНБ скрывали его преступное прошлое от общественности. Когда я услышал о его опасном прошлом, я пошел на встречу с Ириной и попросил ее встретиться с отцом. Она с яростью отвергла мои слова о преступном прошлом ее отца. По всей видимости, он рассказал ей, что он был жертвой в Бухенвальде, а не преступником, и что каким-то образом старик, который встретил меня в венском ресторане, ошибся и спутал его с другим мужчиной.

Я почти поверил его оправданиям, но решил встретиться с местным журналистом, который работал на ООН, немецкоязычную газету, базирующуюся в Линце, которая была основана американскими войсками, оккупировавшими Австрию вскоре после Второй мировой войны. Я поехал встретиться с журналистом в его доме. Он жил в полуразрушенной квартире один. И был калекой. Во время нашей встречи я спросил его, как он стал инвалидом. Он рассказал мне, что в конце 80-х годов написал статью, в которой раскрыл имя отца Ирины, как преступника в законе. Журналист также рассказал мне, как его многолетние исследования дали положительные результаты в том, что нет никаких сомнений в виновности бывшего директора АНБ. Несмотря на то, что отец Ирины мне не нравился, я все же подумывал о том, чтобы поместить добродушного старика на пантеон военных преступников.

Я хотел увидеть доказательства, которые он собрал, но он не доверял мне. Я показал ему фотографию матери Ирины, Екатерины. Журналист вздрогнул, увидев черно-белую картинку. Он сказал, что

отец Ирины – замаскированное чудовище, которое якобы пыталось убить Екатерину, а затем сослало ее в психиатрическую лечебницу в Финляндии. После этого он воспитывал свою дочь в одиночестве и был крайне добродушен к ней. Перед тем, как я покинул его скромное жилище, журналист прошептал мне, что после того, как он опубликовал статью о зверствах, совершенных в Германии в прошлом, неизвестный, напал на его рабочее место, сжег все бумаги и уничтожил его печатную машинку. Головорезы также сильно избили его, у него было около пятнадцати переломов по всему телу. С тех пор он стал калекой.

В течение всего оставшегося времени моего пребывания в Вене, история об отце Ирины проносилась в моей голове. В конце концов, я набрался смелости, чтобы встретиться лицом к лицу с делами ее отца. Как и в прошлый раз, она пришла в ярость и обвинила меня в необоснованном обвинении ее отца в преступлениях, когда он был жертвой нацистского режима. Я показал ей снимки, сделанные в Бухенвальде, которые доказали, что он был высокопоставленным нацистом. Ирина схватила снимки и побежала в особняк. Она предъявила отцу обвинение журналиста. Он упал на колени, плакал и утверждал, что никогда не был в Бухенвальде; он был в Бухенвальде как жертва. Это была вопиющая ложь, но Ирина, похоже, была полна решимости поверить в историю своего отца.

Со временем я начал удивляться ловкости его манипуляций. Отец Ирины становился все более увлекательным, и когда он говорил со мной по обычным делам, я уже не знал, во что из этого верить. Его деспотичные чувства становились все более агрессивными.

Поездка в Вену должна была продлиться еще один день. Я решил сделать покупки в местном книжном магазине недалеко от особняка и купил книгу по истории Вены. Отец Ирины утверждал, что он родом из Австрии, и я хотел узнать больше о его происхождении. Владелец магазина узнал меня, он был на дне рождения. Он тоже был старым другом отца Ирины.

Не разговаривая, я заплатил за книгу наличными и пытался уйти из магазина, когда охранник остановил меня. Он обвинил меня в краже книги. Я отрицал это и сказал ему, что заплатил за книгу наличными. Владелец магазина услышал шум и подошел. Он спокойно посмотрел на меня и сказал, что я вор. Я был настолько шокирован, что не смог ничего сказать. Почему старик соврал? Я ничего не сделал, чтобы навредить ему. Когда мой разум был потрясен, он приказал охраннику задержать меня, пока он звонил в полицию. Когда приехали полицейские, я говорил с ними на немецком языке, я выучил язык во время обучения в Лагере, заявив о своей невинности, но они опросили владельца магазина, который заверил их, что я занимаюсь воровством в магазине. Было очень неприятно.

Меня забрали в тюрьму. Мой телефонный звонок был предоставлен мне после восьмичасового ожидания. Я позвонил Ирине и рассказал ей, что случилось и как меня подставил владелец магазина. Она обещала внести залог на следующее утро.

После того, как Ирина забрала меня из тюрьмы, я направился напрямик в номер мотеля и начал искать владельца магазина, который солгал полиции обо мне. Я догадался, что старик действовал не в одиночку, а был убежден кем-то подставить меня и посадить в тюрьму. Моя теория оказалась верной, когда я просмотрел его финансовые записи. У него были необычайно высокие балансы на двух непонятных банковских счетах. Анонимный источник почему-то присылал ему деньги. Я начал подозревать, что причиной был я. Ему заплатили, чтобы он ликвидировал меня. Я не мог думать ни о ком другом, кто хотел бы заставить меня замолчать, кроме отца Ирины. Он решительно отрицал мои отношения с дочерью, и после того, как я заподозрил его в том, что он нацистский военный преступник, он был совершенно недоволен мной. Возможно, он нанял своего старого друга, чтобы он избавился от меня, пока я был еще в Европе. Я почувствовал, что эта поездка вышла из-под контроля и вернулся в Америку.

Ирина сказала мне, что прилетит с отцом через неделю и присоединится ко мне в Штатах. Я взял билет в одиночку и отправился в трансатлантическое путешествие. Стюардессы были необычайно дружелюбны. Несколько из них дали мне свои телефонные номера и хотели подружиться. Я получил приглашения, по крайней мере, в три дома. По прибытии в Америку мне было одиноко, поэтому я позвонил одной из женщин. Она была милой блондинкой, которая рассказала мне всё о неверности своего парня, пока мы были в самолете. Стюардесса была в восторге, когда я позвонил ей и сразу же пригласила меня к себе домой. Я чувствовал себя виноватым в том, что нарушил свои обещания перед Ириной, но не имел ни малейшего намерения изменять ей. Я лишь разговаривал с дружелюбной стюардессой и шутил, выпивая бокал. Вот и все.

Дружественная встреча была назначена на полдень. Я пришел пораньше в местный бар и увидел, что меня ждет женщина. Её звали Лора. Мы подружились почти мгновенно. Я не понимал, сколько времени прошло с тех пор, как я говорил с кем-то, не ругаясь по какому-то вопросу. Последние несколько месяцев каждый разговор, который я вел с Ириной, был связан с ее отцом, и это обостряло горькие чувства в нас обоих. Чтобы успокоить ее, я должен был аккуратно обходить темы и избегать фраз, которые могли бы ее разозлить. Обсуждения были утомительными.

С Лорой я снова могу быть собой. Я мог говорить свободно и смеяться до глубины души. В тот вечер Лора пригласила меня к себе

домой. Это была уютная пригородная обитель с аккуратными заборами. Она настояла, чтобы я остался выпить, и где-то между мы стали сближаться. Я сразу же пожалел об этом, и, не желая быть изменять Ирине, я хотел покинуть Лору. Однако, она была необычайно убедительна и начала рыдать. Она сказала, что не сможет полюбить снова, если я брошу ее. Я решил провести с ней еще несколько дней, прежде чем мягко объяснить, что моя давняя подруга, которая неофициально была моей невестой, скоро приедет в Штаты, и что я не могу продолжать никаких отношений с другой женщиной. Я много намекал на это, когда Лора умоляла меня поддерживать с ней платонические отношения. Она сказала, что не хочет потерять меня как друга. Я нехотя согласился.

Тем временем, мне позвонила Ирина, чтобы сообщить мне, что она прибудет в аэропорт Даллеса. Я поехал в аэропорт, чтобы встретить ее, но ее нигде не было. Позже я поехал к ней домой и обнаружил, что она лежит среди кучи фотографий.

Ирина была ярости, когда увидела меня и избиала меня. Я был поражен. Девушка, которую я так долго знал, вела себя как сумасшедшая. Я не знал причины её гнева, пока не взглянул на фотографии, которые она бросила в мою сторону. Там были сотни снимков моих встреч с Лорой, а также моих свиданий с другими стюардессами, с которыми я познакомился в самолете. Я даже видел фотографию пьяной женщины, которая практически приставала ко мне в пабе, но на снимке было видно, как будто я был рад этому. Я понял, почему Ирина была зла. Она чувствовала, что я предал ее. Но что еще больше меня беспокоило, так это то, кто меня фотографировал? Конечно, я был единственным человеком в доме Лоры той ночью. Никого не было в комнате, когда мы выпивали в ее гостиной. Думаю, в доме женщины была скрытая камера. Должно быть, кто-то следил за мной по аллее, когда была сделана фотография пьяной женщины. Кто следил за мной, мне было неизвестно, но, когда я увидел фотографии в доме Ирины, у меня появилось четкое представление о том, кто может стоять за этим делом. Я успокоил Ирину и спросил, кто дал ей конверт, наполненный фотографиями. Она сказала, что он лежал в ее почтовом ящике, когда она приехала из Вены. Но после этого она отказалась говорить со мной и заставила меня покинуть ее дом.

К этому времени в моей голове уже не было сомнений в том, что отец Ирины отчаянно пытался дискредитировать меня, и он, должно быть, нанял фотографов или частных детективов, чтобы они сделали эти снимки. Я признаю, что было аморально связываться с другой женщиной, пока моя девушка была в отъезде, но я порвал с Лорой и теперь поддерживал только платоническую дружбу. Я не мог извиниться за свое поведение, но фотографии также были сделаны

вне контекста. Эта пьяная женщина вовсе не была моей любовницей; скорее, это была неприятность, которую я пытался избежать. Но как Ирина сможет это понять? Я понял, что ее гнев не утихнет в ближайшее время, поэтому начал собственное расследование касательно фотографий. Я вернулся в дом Лоры, чтобы отыскать местоположение камеры, которая была установлена в доме. Я сопоставил угол, под которым мог быть установлен фотоаппарат, и нашел полое пространство за книжной полкой. Она была замаскирована под гигантскую энциклопедию. Мне было интересно, знает ли Лора о камере, но решил не спрашивать ее.

Вместо этого я пошел в бар, в котором фотограф, очевидно, сделал несколько моих фотографий. Я осмотрел шумный паб и заметил двух мужчин, которые вошли позади меня. Я не мог их узнать, но мог поклясться, что где-то их видел. У одного из мужчин из сумки на плече качался большой фотоаппарат. Я понял, что это, должно быть, они следили за мной, шпионили за мной и фотографировали меня. Когда я посмотрел в глаза одному из мужчин, пара сбежала через заднюю дверь. Я бежал за ними, желая расспросить их об их работодателе. Оба столкнулись в переулке, но я смог схватить толстяка с камерой. Он приземлился на спину, и прежде, чем я успел нанести мощный удар в челюсть, он поднял руки, сдаваясь. Я взял камеру и извлек карту памяти. Он отрицал, что знал имя своего работодателя, но с готовностью предоставил мне подробное физическое описание. Это совпало с отцом Ирины. Я предупредил его, чтобы он больше никогда за мной не ходил, и я его отпустил.

Было поздно вечером, когда мне позвонила Лора в панике. Она была в истерике и сказала, что кто-то пытался вломиться в ее дом. Я испугался за её безопасность и побежал прямо к ней домой. Входная дверь была приоткрыта. Я вошёл в дом и увидел её плачущей на кровати. Лицо было сильно ушиблено, как будто кто-то неоднократно ударил ее по лицу. Мое сердце разрывалось от гнева и сочувствия. Кто мог сделать что-то настолько ужасное с таким милым человеком, как Лора? Я попросил ее назвать имя человека, который сделал это с ней. Она просто плакала и качала головой. Всё, что Лора сказала мне, это то, что она не хотела, чтобы эта сумасшедшая вляпалась в неприятности. Я замер, когда услышал эту фразу. “Какую женщину?” – я закричал. Лора просто покачала головой и продолжала плакать.

Потом я заметил маленький красочный шарф на полу. Это был синий клетчатый шелковый шарф, который я видел у Ирины накануне. Я спросил Лору, здесь ли Ирина, сделала ли она это с ней? Лора плакала и сказала, что не хочет, чтобы у Ирины были неприятности. Но в тот момент я потерял всякое терпение, я сказал Лоре, что мои отношения с Ириной закончились, и я лично буду бороться с ней за ее подлый поступок, когда она ударила Лору. Лора пыталась остановить

меня, но я прямоиком направился к Ирине. Она пыталась удержать двери и запереть меня, но я прорвался внутрь. Я показал ей шарф и спросил, почему она избила Лору. Она отрицала даже то, кто такая Лора. Я обвинил её во лжи, но она плюнула мне в лицо и попыталась вытолкнуть меня. Это еще больше разозлило меня, поэтому я ударил ее настолько сильно, что она упала на кафельный пол в своем фойе. Как раз тогда вышел старик из спальни и закричал. Я поднял глаза. Это был отец Ирины и он держал пистолет. Он приказал мне отойти от его дочери. Я был сбит с толку, расстроен и чувствовал себя обманутым. Ирина настаивала на том, что ее никогда не было у Лауры, и я знал, что она не была обманщицей, и мне также было интересно, что ее отец делал в квартире Ирины. К тому времени он уже заряжал свое оружие, чтобы выстрелить в меня, поэтому я поспешил покинуть дом.

Мне нужно было узнать правду, поэтому я поспешил к Лоре домой, чтобы узнать, все ли у нее в порядке. Когда я приехал туда в окнах горел свет. Я заглянул в окно и увидел, что внутри мужчина, обнимающий и разговаривающий с Лорой. Они выглядели влюбленными. Из открытого окна я мог подслушать некоторые части их разговора.

Человек снова и снова извинялся за то, что ударил ее.

"О, но я хотела, чтобы это был ты, дорогой, – мило сказала Лаура. – Боже, неужели это того не стоило - видеть гнев на лице Джона, когда он думал, что его невеста избила меня!"

"Значит, тебя он не заподозрил?" – спросил мужчина.

"Ни в коем случае. Дурак думает, что я люблю его. Кроме того, шарф, который ты украл у Ирины, помог. Он, наверное, сейчас бьет ее до полусмерти", – Лора опять засмеялась.

"По крайней мере, у нас есть деньги", – сказал он.

"Я ревную, когда вижу тебя с ним, но старик сказал, что тебе нужно продолжать интрижку. Он удвоит сумму, если ты сможешь постоянно удерживать его подальше от его дочери. Заставь его жениться или еще что-нибудь."

"Я ведь женщина, милый, – возразила Лора. – Что я смогу сделать, если он не сделает предложение?"

"Тогда скажи ему, что ты беременна", – предложил парень Лоры.

"Но это не так."

"Ты будешь. Сегодня ночью мы проведем много времени вместе. А завтра ты позвонишь этому неудачнику и скажешь ему, что у тебя ты беременна от него. Потом, как только все это закончится и мы получим достаточно денег от старика, мы с тобой сможем жить долго и счастливо. С нашим ребенком"

Когда этот разговор закончился, я почувствовал, как моя кровь бурлит от гнева. Это было так несправедливо, что пара использовала меня и

давила на мои чувства. Я должен был догадаться, что стюардесса в самолете одаривала меня необычным вниманием и теплом. Все это было игрой. Я действительно верил, что Лора действительно заботится обо мне. Теперь я должен был услышать об их схеме. Она солгала мне об Ирине. Её парень ударил её по лицу, чтобы у неё были видимые синяки, и я поверил её истории о том, как Ирина пришла к ней домой и избивала её. Мне было интересно, сколько денег отец Ирины тратит на то, чтобы разрушить мои отношения с его дочерью, и как далеко он зайдет. Однако этот случай сделал меня более решительным. Я бы никогда больше не позволил ничему встать на моем пути с Ириной. Она была моей единственной настоящей любовью, и я намеревался бороться за ней с любыми препятствиями, которые вставали бы на моем пути. Я был зол на то, что меня используют так много людей. Лора солгала мне об Ирине, и в итоге я причинил боль женщине, которую любил. Я надеялся, что Ирина сможет простить меня.

Следующие несколько недель были трудными для меня. Я пытался восстановить свои отношения с Ириной и вел с ней глубокие разговоры. Я рассказал ей о том, как ее отец решил разорвать наши отношения и разлучить нас. Мы оба поклялись оставаться вместе, несмотря ни на что. Мы переехали в маленькую студию в центре города и начали обустраиваться там, где остановились. Тем временем, я почувствовал, что для меня это идеальная возможность начать исследование о местонахождении матери Ирины. Я связался с журналистом в Вене и попросил его прислать мне всю имеющуюся у него документацию о Екатерине.

Несмотря на то, что я сталкивался с препятствиями на каждом шагу, и огромное количество людей, которых я должен был опросить, попадали в таинственные несчастные случаи, я настойчиво продолжал свои поиски. Отец Ирины, казалось, отчаянно пытался сохранить в тайне существование матери. В семейном доме не осталось даже фотографий женщины. Чем больше препятствий он ставил на моем пути, тем решительнее я становился на своем пути к правде о Екатерине. Я просмотрел опечатанные медицинские карты и в конце концов отследил, что мать Ирины попала в белорусскую тюрьму. Последнее десятилетие она находилась в изоляции. Я совершил тайную поездку в Беларусь и смог узнать, где ее держат. После подкупа местной милиции мне разрешили встретиться с матерью Ирины. Охранники сказали мне, что она сумасшедшая и много лет находилась в психушке, но женщина, которая стояла передо мной, совсем не выглядела для меня сумасшедшей. Она была спокойна. Сначала она отказалась со мной разговаривать, но, когда я упомянула Ирину, она быстро кивнула и начала задавать вопросы о своей дочери. Она хотела знать все об Ирине. Я спросил ее, почему она здесь, и она рассказала мне страшную историю о предательстве и боли.

Екатерина рассказала мне о том, как она познакомилась с отцом Ирины. Оба они только что закончили шпионские тренировочные центры. Екатерина работала в знаменитом КГБ, в то время как Ричард был молодым новобранцем в отделе внутренней охраны ЦРУ. Они сблизились мгновенно и вскоре поженились. Однако, Екатерину отозвали в Москву через несколько месяцев после того, как она вышла замуж за Ричарда. Директор КГБ лично приказал ей разорвать отношения с Ричардом, так как конфликтующие шпионские агентства не должны были смешиваться. Екатерина выполнила свой патриотический долг и развелась с американским мужем. Затем она вышла замуж за своего куратора, агента КГБ, который был из восточной Румынии. Через год после свадьбы Екатерина родила красивую девочку и назвала ее Ириной.

Ричард все еще искал свою пропавшую жену, когда, наконец, встретил ее во время совместной советско-американской миссии на Балканах. Екатерина была тронута тем, как сильно Ричард все еще любил ее, и она решила переехать с ним в Америку. В американских суде они не были разведены. Они снова стали жить как пара, и Ирина выросла, зная, что Ричард – ее биологический отец. Однако после того, как Ирине исполнилось шесть лет, Екатерина захотела рассказать ребенку правду о том, кто ее отец.

Это был переломный момент в их отношениях. Ричард яростно сопротивлялся ее планам и предупреждал Екатерину никогда не раскрывать личность настоящего отца Ирины. Когда мать Ирины пригрозила оставить его, Ричард подставил ее за убийство нескольких сотрудников ЦРУ и арестовал. Ее экстрадировали в Россию, чтобы она предстала перед судом за убийство еще одного регионального директора ГРУ, а судьи приговорили ее к пожизненному заключению в изолированной тюрьме.

Я хотел проверить эту историю и поехал на встречу с румыном, за которого вышла замуж Екатерина. Он жил в доме престарелых, его тело было настолько худое и пораженное раком. Я рассказал ему все, что произошло между Екатериной и Ричардом. Он понятия не имел, что Ричард подставил свою жену за убийства стольких людей. Он дал мне контакты нескольких своих русских друзей и велел идти к ним с конкретной информацией. Он заверил меня, что эти люди знают, как лучше всего поступить с Ричардом.

В течение последующих недель я навещал его несколько раз. Человек доверил мне свое настоящее имя. Это был Габриэль Стефан. Каждую неделю я заходил к Стефану и приносил с собой его любимые газеты. Он был рад слышать, что я встречаюсь с его дочерью Ириной. Как и Екатерина, румын хотел узнать все об Ирине. Я рассказала ему отрывки из нашей повседневной жизни. Он сказал мне, что Ирина – его биологическая дочь, и никогда не принадлежала Ричарду. Когда я

спросил его, как он потерял связь с дочерью, Стефан сказал мне, что Екатерина и Ричард были близкими друзьями, и когда он женился на Екатерине, Ричард продолжал часто посещать их дом, и после рождения Ирины, они решили в случае, если с кем-то из них что-то случится, назначить Ричарда попечителем своего ребенка. Вскоре после рождения Ирины отношения с Екатериной испортились, потому что Ричард начал намекать своему старому другу, что Екатерина любила его, а ребенок на самом деле был его.

Стефан меньше интересовался Ричардом и хотел узнать, каким человеком стала Ирина. Я заверил его, что его дочь – великолепный человек, и что она живет с директором программы АНБ черные оперативники.

Я навещал биологического отца Ирины за неделю до Рождества. В качестве подарка я привез несколько альбомов фотографий, которые мы с Ириной сделали с тех пор, как начали встречаться. Стефан сиял от счастья, когда пролистывал воощенные страницы. Он сказал, что у Ирины его цвет волос. Я инстинктивно взглянул на его крахмальные белые волосы, и мы оба засмеялись. Я был поражен беспечностью этого пожилого человека. Прошло много времени с тех пор, как я смог смеяться от души. Он с трепетом относился ко мне и новостям об Ирине, это успокаивало меня и заставляло чувствовать себя любимым. Я был внутренне рад, что нашел настоящего отца Ирины. Он был хорошим человеком, и я надеялся, что однажды он станет моим тестем.

Перед отъездом отец Ирины попросил меня прогуляться с ним по заснеженному тротуару перед центральным управлением. Я помог обмотать шерстяной шарф вокруг его тонкого тела и надеть шляпу и присоединился к нему во время короткой прогулки. Однако зимний холод оказался слишком сильным для пожилого румына, и он подхватил легкую простуду. Опасаясь, что он не переживет простуды, Стефан хотел в последний раз увидеть свою дочь перед смертью, поэтому я пообещал ему, что привезу Ирину с собой в следующий раз.

Верный своему слову, я позвонил Ирине и рассказал ей о Екатерине и ее настоящем отце. Ирина не поверила ни единому моему слову, но она согласилась встретиться с умирающим румыном. Мы вместе пошли в старый дом и проследовали в комнату, в которой за ним ухаживали. Поднявшись по лестнице, я заметил, что у двух ухаживающих медсестер на ногах были странные туфли. Вместо рабочей обуви на них были тяжелые рабочие ботинки. Как будто они пришли прямо из химической лаборатории или оружейного завода. Я посчитал свои мысли как паранойю и вошел в комнату.

Мужчина, которого я встретила месяцем ранее, лежал неподвижно на больничной койке. Я поспешил к Стефану и посмотрел на эти широкие неподвижные глаза. В них не было жизни. Муж

Екатерины, биологический отец Ирины, был мертв. Ирина издала крик при виде трупа и поспешила вызвать медсестру. Я прислонилась к двери и пытался собраться с мыслями. Это было очень странно. Это было ужасно неправильно. Я понимал, что это не совпадение, что биологический отец Ирины умирает на следующий день после того, как он хотел познакомиться с Ириной.

Кто-то не хотел, чтобы он встретил свою родную дочь, и убил его до того, как у него появился шанс увидеть ее лицом к лицу. Я был несчастен. Я потерял единственного человека, который верил в меня. Я не смог его защитить.

Перед тем, как покинуть больницу, я собрал образец волос мужчины. ДНК-тест докажет, что он говорил правду о том, что был отцом Ирины. Я провел тест, не сказав Ирине. Результаты анализов доказали, что мои подозрения верны. Тест на отцовство совпал. Румын действительно был биологическим отцом Ирины. Когда я предъявил Ирине отчет из лаборатории, она остро отреагировала и заявила, что единственный отец, которого она знала, это тот, кто ее вырастил. Я настаивал, чтобы мы провели тест на отцовство, чтобы исключить любые сомнения. ДНК отца Ирины, директора АНБ, который воспитывал ее как свою собственную, еще раз не совпало с ее ДНК. На этот раз она действительно обратилась к нему и потребовала объяснений.

Бывший директор черных оперативников начал плакать и клясться, что любит Ирину, как своего собственного ребенка. Он умолял о прощении и говорил, что его никогда не волновали результаты ДНК. Все, что он знал, это то, что дочь Екатерины - тоже его ребенок. Я хотел предупредить Ирину, что старик, возможно, не говорит всей правды, потому что таинственная смерть ее биологического отца в тот самый день, когда он должен был встретиться со своей настоящей дочерью, не смогла бы остаться незамеченной. Но у меня не было доказательств, что Ричард убил его. Я не хотел оклеветать его и причинять еще больше боли Ирине.

Отец Ирины, или Ричард, как я теперь его называю, просил прощения и пригласил нас обоих к себе домой. Он был ласковым и добрым по отношению к нам, но чем больше я наблюдал за его поведением по отношению к Ирине, тем больше это казалось мне неестественным. Я сказал Ирине, что ее отец или отчим одержим ею. Она не поверила в мои слова и сказала, что он просто заботится о ее безопасности и хочет заботиться о ней как следует. У меня было тревожное ощущение, что у него есть скрытые мотивы. Ирина была в ярости, когда услышала мою точку зрения, но я был уверен, что на этот раз я не ошибся.

Я отчаянно пытался оградить Ирину от властолюбивого старика и предложил переехать в другой штат или страну. Ирина согласилась, и мы начали строить планы на серьезный переезд.

Неделю спустя я зашёл в магазин всяких мелочей к молодому человеку. Он был одет в форму охранника. Я был уверен, что видел его раньше, поэтому спросил, где он работал раньше. Он признался, что двенадцать дней назад оставил прежнее место работы в центре для пожилых людей и устроился сюда на работу. Я попросил его назвать точный адрес дома престарелых. Когда он назвал адрес, я сразу же узнал его. Это был дом престарелых, где неделю назад умер биологический отец Ирины. Габриэль был там постоянным жителем.

Я спросил охранника, помнил ли он каких-нибудь конкретных посетителей, которые приходили к жителю из Румынии, находящемуся на втором этаже центра. Охранник вспомнил хорошо одетого мужчину, который прибыл в тот же день, когда скончался пациент. Посетитель заявил, что он его старый друг, и пошел к румыну, но ушел в спешке. Я сделал фотографию Ричарда и попросил охранника подтвердить, был ли это последний посетитель у румынского пациента. Он его узнал.

Я не хотел верить, что Ричард способен на убийство, но казалось довольно странным, что биологический отец Ирины умирает через несколько минут после того, как Ричард посетил его в центре для престарелых. Хотелось верить, что это совпадение, но, когда я спросил Ричарда, посещал ли он когда-нибудь настоящего отца Ирины в центре для престарелых, он настаивал, что никогда не ходил и даже не знал, где находится тот дом престарелых.

Я был ошарашен его ложью и рассказал о своих подозрениях Ирине. На этот раз Ирина выглядела взволнованной. Она хотела знать, кто убил ее настоящего отца, но я признался, что у меня нет фактических улик, связывающих Ричарда с убийством, потому что дом престарелых, в котором он жил, был очень старым и в нем не было камер наблюдения.

Ирина сказала мне, что она попытается обманом выяснить правду от Ричарда. Я проводил ее до дома отца и ждал, пока она зайдет, чтобы встретиться с ним.

"Я видел это, папа", – говорила Ирина Ричарду.

"О чем ты говоришь?"

"Я уже не маленькая девочка, – сказала Ирина, ее голос постоянно повышался. – Не обращай со мной, как с ребенком. Я знаю, что ты сделал. Я видела запись с камеры наблюдения, установленной в доме престарелых. Ты был там. В комнате Габриэля Стефана."

"О какой камере ты говоришь?" – Ричард спросил. Похоже, он испугался.

"Камера наблюдения в центре для пожилых людей, где жил мой настоящий отец. Ты был последним, кто навещал его. Ты отрицаешь это?"

"Ирина, послушай меня. Это правда, я поехал к твоему отцу в дом престарелых, но это было только потому, что он попросил меня об этом".

"Мой настоящий отец хотел тебя видеть?" – огрызнулась Ирина. – Но зачем?"

"Твой отец знал, что он болен, – объяснил Ричард. – Он попросил меня позаботиться о тебе и твоей безопасности, если он умрет."

"Поэтому ты убил его?" – Спросила Ирина.

"Убил его? – Ричард повторил, с некоторой строгостью тона. – Моя дорогая, как ты можешь такое говорить! Я вырастил тебя и любил, как свою собственную дочь, и ты думаешь, что я способен на убийство?"

"Тогда почему камера наблюдения в комнате моего отца указывает на то, что ты задушил его подушкой? – Ирина заплакала. – Я видела. Это был ты. Ты душил моего отца, пока он не умер."

"Ирина, ты ошибаешься!" – Ричард умолял ее.

"Я видела это! Я видела, что ты сделал! – Слезы катились по лицу Ирины. – Как ты мог?"

Я слышал громкий стон. Казалось, что Ричард тоже плакал.

"Милая, если бы ты дала мне шанс все объяснить..."

"Нет, я не хочу с тобой разговаривать!" – Ирина закричала.

Однако, Ричард снова заговорил: "Пришло время сказать тебе правду. – Он говорил между приступами рыдания. – Признаю, я убил твоего отца, но только потому, что он попросил меня об этом. Когда я пошел к нему, он сказал мне, что болен, и что не хочет больше страдать. Он умолял меня избавить его от мучений в хосписе и попросил убить его."

"Я не верю, – сказала Ирина. – Зачем ему просить тебя убить его, если он должен был встретиться со мной в тот самый день?"

"Твой отец рассказал мне о тебе, – сказал Ричард дрожащим голосом. – Он сказал, что у него много врагов, и если бы они узнали, что ты его дочь, они бы навредили тебе. Поэтому он также умолял меня никогда не подпускать тебя к нему. Поэтому все эти годы я держал тебя при себе, чтобы защитить тебя."

"Но ты не должен был убивать моего отца, даже если бы он умолял тебя об этом! Это было неправильно!"

"Клянусь тебе, Ирина, я никогда не хотела навредить этому человеку, но он умолял меня сделать ему последнюю услугу. Мы были друзьями много лет назад, с тех пор как он женился на твоей матери. Я не мог отказать ему. Он хотел, чтобы я лишил его жизни, как можно милосерднее. Твой отец сказал мне, что, если я не убью его прямо сейчас, его враги придут, будут пытаться его и узнают о тебе. Тогда твоя

жизнь будет в опасности. Я должен был совершить этот подлый поступок, чтобы защитить тебя, Ирина".

"Правда? – Спросила Ирина. – Ты сделала это ради меня?"

"Дорогая, каждая морально предосудительная вещь, которую я когда-либо делал, только чтобы защитить тебя", – заявил Ричард.

Каким-то образом Ирина была удовлетворена объяснениями Ричарда и вернулась ко мне домой в хорошем настроении. Ирина заверила меня, что ее отчим действовал в ее интересах и что он не хотел убивать ее биологического отца, но чувствовал, что у него не было выбора.

Я был ошеломлен тем, как легко Ричард смог убедить Ирину. Она без сомнений простила его за то, что он убил ее собственного отца, потому что он сумел убедить ее, что это было для ее же защиты. Я ни на секунду не верил, что Ричард убил старика-румына из милосердия. Я получил медицинские отчеты из дома престарелых, которые показали, что его рак был в регрессии. Отец Ирины выздоравливал. Не было причин звонить старому другу и попросить об убийстве.

Я знал, что Ричард лжет, и он убил настоящего отца Ирины, чтобы помешать ему рассказать правду дочери, но опять же, мне не хватало доказательств. У меня не было возможности доказать Ирине, что ее обманывают. Это было съедающее меня чувство, поэтому я отвлёкся на другие аспекты своей личной жизни.

Америка была красивой и гостеприимной, но все равно я не чувствовал себя как дома. Я постоянно был на американских горках, разгадывал тайны, проводил опасные расследования и время от времени, в сотрудничестве с местными властями, останавливал крупные нападения. Я скучал по маме. Через год после приезда в Америку я приобрел нерегулируемые проездные документы. Я сразу же воспользовался не отслеживаемым паспортом, чтобы добраться до места своего рождения.

Лондон был все тем же, каким я помнил с детства. Я знал, где будет моя первая остановка. Прямо в аэропорту я арендовал автомобиль и поехал на кладбище, где похоронена моя мать. Хотя в последний раз я был в этой стране более десяти лет назад, я помнил о достопримечательностях. Мне не потребовалось много времени, чтобы найти место, где была ее могила. Место было покрыто кустарниками и выглядело заброшенным. Мое сердце ушло в пятки от такого неприглядного вида кладбища. Я решил отдать дань уважения и провёл остаток дня, очищая окружающие надгробия от опавших листьев. Я говорил с матерью и рассказал ей о небольшой части того, через что мне пришлось пройти с тех пор, как она умерла. Было столько всего, что нужно было рассказать. На следующее утро я рано вернулся на кладбище, чтобы продолжить свой рассказ. Я

почувствовал, что мне срочно нужно сообщить моей матери, что ее сын в безопасности и независим. Я знал, что она, должно быть, волновалась. И все же.

В течение нескольких недель я регулярно посещал это место. Пока однажды вечером не нарушилась спокойная аура кладбища. Под звуки сильного обстрела. Я нырнул за старое надгробие и попытался найти источник стрельбы. Двое мужчин в масках использовали с пистолетами и пулеметами распыляли магазины пуль в моем направлении. Они сидели в машине, и стреляли сквозь открытые окна машины. Я был безоружен и полностью прижат к месту. Оглядевшись, я увидел, что осколок надгробия, стоявший передо мной, разбился вдребезги. Я быстро сымпровизировал, снял пиджак и поместил одежду над этим небольшим надгробием так, чтобы выглядело, будто человек лежал, склонившись к гранитной плите.

Уловка сработала. Стрелки, устроившие засаду, вышли из своей машины и подошли к надгробию. Когда они были в пределах досягаемости моей руки, я прыгнул на них и в рукопашную хотел обезвредить их. Я не пытался их убить, я хотел задержать их, пытаюсь выяснить, на кого они работают. Стрелки оказались профессионалами и не предоставили никакой информации.

Я позвонил в городское отделение полиции и передал их. Британская полиция подумала, что я их разыгрываю, и спросила, что, черт возьми, не так. Я просил их прояснить, что произошло. Они сказали, что получили предупреждение обо мне. Анонимная наводка пришла с не отслеживаемого номера и в ней говорилось, что опасный человек посетит эту могилу и должен быть застрелен. Стрелявшие в меня бандиты были британскими агентами, у которых сложилось впечатление, что я террорист. Начальник полиции хотел меня арестовать, но я спокойно объяснил ситуацию и сказал ему, что это, должно быть, ошибка. Это была могила моей матери, которую я часто посещал в течение многих лет. Я не был угрозой для Англии. Каким-то образом офицер полиции поверил мне, и я, наконец, смог убедить его показать анонимную наводку, которая пришла в его участок. Сообщение действительно было зашифровано, но я сделал копию записи и отправил ее Дастину. Мой друг-хакер сразу же приступил к работе и начал отслеживать происхождение сообщения. Я знал, что тот, кто стоял за ужасным поступком осквернения могилы моей матери, также хотел, чтобы меня арестовала или застрелила британская полиция, если я появлюсь и попытаюсь их остановить. Мне нужно было узнать, кто был так зол на меня и мою семью.

Через пять дней со мной связался мой друг Дастин. Он был подавлен. Я хотел узнать, что он обнаружил. Неожиданно русский хакер сообщил мне эту новость. Он смог расшифровать голосовой скремблер и распознал глубокий голос диктора. Когда я услышал

оригинальную запись, кровь застыла в моих жилах. Это был отец Ирины! Это был точно он! Хотя он иммигрировал в Америку в молодости, австро-венгерские корни Ричарда были отчетливо заметны в его манерах и акцентах. Я знал, что отец Ирины часто угрожал мне и, возможно, даже злился на меня, но я не понимал, зачем он нанимает людей для моего убийства и такого вопиющего проявления неуважения к могиле моей матери. Что он мог получить от этого нелепого поступка?

С того дня я понял, что место захоронения моей матери стало мишенью, и я должен был что-то с этим сделать. Я использовал часть сэкономленных денег, чтобы нанять круглосуточную охрану для охраны кладбища и ведения постоянного наблюдения. Мужчины, которых я нанял, были проинструктированы сообщать мне о любых аномалиях и людях, как бы банальны они не были.

Видеть, как спокойное место посмертного отдыха моей матери было осквернено для меня было нестерпимой болью. После стольких лет я вернулся к своим корням, и все же дикари, напавшие на меня, не избавили мертвых от сцен этого бесстыдного нападения. Я не хотел, чтобы моя мать страдала из-за меня, поэтому я перестал посещать ее могилу. Однако, я регулярно беседовал с охранниками, которые были охраняли кладбище.

Зимней ночью в Колорадо я получил срочный телефонный звонок. Он был с незарегистрированного номера. Но я узнал код района. Звонок был из Лондона. Я сразу же ответил. Это был начальник команды охраны, которую я нанял. Он сообщил мне, что множество неизвестных рабочих разбили надгробие на могиле моей матери. У рабочих была шеститонный экскаватор могилы. Мне вдруг пришло в голову, что мужчины, возможно, намеревались эксгумировать тело! Я был на расстоянии нескольких континентов, и бессилён остановить мародеров, но я приказал охранникам остановить их во что бы то ни стало. Следующим моим звонком был звонок старому товарищу, которого я знал после ликвидации лагеря. Он был одним из немногих счастливчиков, кто прошел изнурительные испытания и упражнения и был локализован в Лондоне. Я обратился к нему и умолял о помощи. Могила моей матери была осквернена, и мне нужно было это остановить. Он согласился помочь и организовал небольшую группу людей, чтобы устроить засаду на мародеров. После часовой перестрелки злоумышленники сбежали с места происшествия. Моя мать была в безопасности. Пока что.

Я удвоил охрану вокруг кладбища и без потери времени на полеты в Лондон. Я знал, что люди, пришедшие это сделать, рано или поздно вернуться. Я должен был уберечь свою мать от этих ужасных людей. Я

должен был перевезти ее оттуда и найти ей новое место, где ее никто не потревожит. На этот раз я сделал все сам. Я лично проконтролировал весь процесс и просил эксгумировать ее останки только квалифицированными рабочими. Как только они загрузили грузовик герметично запечатанным гробом, они доставили ее на частном самолете в то единственное место, о котором мама упоминала в своих письмах. Ее отец - уроженец Грозного. Я знал, что в этом городе есть семейное кладбище, где покоятся многие члены ее семьи, в том числе и мой дедушка по линии матери. Правда, он отрекся от моей матери, когда она выразила желание стать моделью, я до сих пор чувствовал, что она каким-то образом найдет утешение, зная, что рядом с ней лежат ее кровные родственники. Что она не одинока в этом мире. Я искренне надеялся, что никто в мире не узнает об этом новом месте захоронения.

Для тебя
For you

Памяти моей любимой матери

Один среди листьев на кладбище мрачном,
Стою над могилою вашей и плачу
Нет мыслей моих, вспоминаю тот час
Когда смерть-воровка похитила вас.

*Alone among these leaves and lumber,
Alone and with no thoughts save thine,
I stand above thy grave and remember,
The day death plundered with her design.*

Сейчас тридцать лет пронеслось, как поверить?
Ведь сердце мое неизменно вас ждет
Никто из живущих не в силах измерить
Всю боль, что принес мне ваш горючий уход.

*Thirty long forlorn years have passed by,
Not a moment passed that I had not sought thee,
And no mortal beneath this vaulted sky,
Can measure the pain thy passing brought me!*

И даже когда потемнеет вдруг небо
И все мертвецы вдруг восстанут с могил
Где б я в суматохе заброшенный не был,
Я вас не забуду — я вас так любил.

*The suns and stars may one day darken,
And wind may strip leaves off every tree,
And the dead of yore may all awaken,
And still yet, I should not forget thee!*

Ах, если бы мог вдруг ускорить я время
Оно бы меня провело через сны.
Я вытер бы слезы и смог бы поверить
В те милые дни с ароматом весны.

*If only the time could infallibly hasten,
And bear me along life's somnolent ways,
Then would I wipe free my tears of depression,
And revive the memory of those darling days.*

Все радости жизни, отрады земные
Померкли. Без вас все вдруг стало темней.
Не знаю, как скоротить могут живые
Коль смерть уничтожила близких людей.

*Every happiness and joy in this life,
Thy death had so rendered void,
I know not how the living should strive,
When their loved one had been destroyed!*

Пускй небеса изольются сияньем
Над вашей могилой, нежнейшая мать
И вашей древнейшей душе, непрестанно,
Я буду любовь и тепло посылать.

*May the heaven shower her mystic shine,
Above this hallowed priceless hole,
Oh, the gentlest mother of mine!
Upon thy beloved but antique soul.*

В моем сердце был покой, зная, что моя мать останется
невредимой на своем маленьком семейном кладбище. Я знал, что

отдавать уважение усопшим может поставить под угрозу новое место захоронения, но я просто отречься от нее. В конце концов, я каждый месяц навещал Грозный. Мои поездки были недолгими. Я ни с кем не разговаривал, не вступал в контакт и не занимался делами. Моей обителью на время остановки была небольшим сараем в десяти футах от места захоронения матери, где я посадил высадил маленький вечнозелёной сад. Каждый раз, когда я приезжал, я пытался удостовериться, что никто за мной не следит. Я старался не отвечать на телефонные звонки, чтобы меня не могли прослушивать. Я был уверен, что моя тайна в безопасности.

Это было в ноябре 1987 года. Я помню эту дату, потому что мы на недели застряли в аэропорту. Ранняя снежная буря окутала северо-восточные штаты. Передвижение было рискованным, поэтому я рискнул отправиться в соседний город Нью-Джерси. Семья русской женщины или моя приемная семья, как я любил их называть, занимались подготовкой к праздникам. Я прочесывал их район и посетил местный общественный центр, который был украшен для празднования. Это была церемония крещения; женщина родила еще одного красивого мальчика. Такие чудесные новости! Я не хотел пропустить такой праздничный обряд, поэтому решил остаться поблизости и увидеть церемонию от начала до конца. Но втайне я хотел увидеть маленького мальчика. Я чувствовал себя так, как будто у меня только что появился второй брат. У меня никогда не было настоящей семьи, которая могла бы утешить меня, будучи в непосредственной близости от любящего дома и маленьких детей.

Церемония крещения была довольно необычной. Я был поражен, увидев, что она проходила посреди небольшой мечети, куда приходили люди и молились. Вечером был объявлен молитвенный призыв, и я, желая слиться с людьми, присоединился к молитве. До самого конца я не мог понять, что я был свидетелем того, как мусульманская община празднует рождение ребёнка. Это был интересный опыт для меня, и гости заметили мое неохоту сливаться с толпой, поэтому они предлагали мне напитки и десерты. Я принял их теплый жест и подождал, пока покажут малыша. Это был пухлый и здоровый мальчик. Я гордился своей маленькой семьей. Церемония завершилась после полуночи, когда мусульманский священник прочитал несколько строк арабской молитвы и благословил нас. Очередная снежная буря застала меня в пути, поэтому я не терял времени, возвращаясь в Нью-Йорк. Когда я встретил Ирину в доме ее отца, я рассказал им об уникальной церемонии крещения, которую я посетил. Не упоминая, где она происходила, я описал ритуал. Ирина была равнодушна, но Ричард выслушал мои переживания с жадным выражением лица. Вскоре после этого я уже совсем позабыл о

недолгом празднике и продолжил планировать переезд с Ириной навсегда.

Я довольно внимательно следил за новостями в мире. Один индийский автор из Британии, который ранее завоевал признание, написав книгу под названием "Полночные дети", написал еще одну провокационную книгу о боге и религии. Она была выпущена на рынок в 1988 году, и многие города Азии и Африки разразились протестами. Мирные демонстранты осудили содержание книги и потребовали от автора извинений. Некоторые лидеры радикальных религиозных групп осудили публикацию книги. Лондонская вечерняя газета напечатала заголовки, призывающий к казни индийского романиста. Я был сбит с толку и беспокоился, что эскалация насилия может привести к кровопролитию. Я поспешно принял решение навестить автора и обсудить с ним его идеологию. Когда я, наконец, выследил его в одном паршивом лондонском кафе, он испугался, увидев меня. Он подумал, что я убийца, посланный убить его. Я спросил его, почему он думает, что кто-то собирается его казнить. Писатель рассказал мне о своей встрече с со стариком в очках с седыми волосами, который подошел к нему несколько месяцев назад и дал ему несколько страниц печатного текста.

"Так, чего же он хотел?" – спросил я.

"Его указания были ясны, – сказал индийский автор. – Он сказал мне, что он был большим поклонником моей предыдущей книги и был впечатлен тем, что я получил награды. Он попросил меня написать книгу по его сюжетной линии".

"Что там было?"

"Я не могу это описать, – признался писатель. Он выглядел подавленным. – Это было богохульство. Унижения моей веры."

"Что ты сделал?" – я надавил на него.

Автор начал нервничать: "Я сказал ему, что не могу написать что-то настолько противоречивое и обидное. Но он настоял на том, что я должен, иначе он меня пристрелит. Я испугался и поспешно выполнил требования из текста. Название тоже не было моей идеей."

"Да, кто же сам напишет книгу и назовёт ее "Сатанинским писанием"? Я думал, что это ложь. Вот почему я пришел сюда. – я прокашлялся и попросил писателя подробно описать своего шантажиста. Прежде чем он закончил, я вытянул из бумажника фотографию отца Ирины. – Это был он?"

Автор начал задыхаться.

Его глаза расширились в ужасе, когда он начал кивать.

"Пожалуйста, не говорите ему, что я выдал его. Он клялся убить меня и мою семью, если я когда-нибудь признаюсь, что не был автором этой ужасной книги".

"Я удивлен, что ты беспокоишься об этом, – заметил я. – Тысячи верующих по всему миру также хотят твоей смерти, потому что верят, что ты написал что-то, чего на самом деле не писал. Забавно, куда заводит жизнь нас, да?"

"Этот человек, его зовут Рэймонд, – говорил автор заикавшись. – Я верил... верил ему, он был настолько убедительным".

"Ричард всегда убеждает, – сказал я, не задумываясь, невольно выдавая личность отчима Ирины. – Какое-то время я верил, что Ричард практически всемогущ в своих силах."

Я ожидал, что писатель будет выглядеть шокированным, но его лицо было без эмоций. Он знал Ричарда более близко, чем говорил? У меня не было возможности узнать наверняка, поэтому я решил не давить на него больше.

Как только мои подозрения подтвердились, я оставил хнычущего автора в покое. Его книга продолжала завоевывать мировую известность еще пару лет.

Январь 1988 года

Примерно в это же время, в конце 1988 года, в Европе разразился еще один кризис. Со мной связались некоторые из моих бывших коллег, которые работали в Госдепартаменте, и сообщили, что скоро начнется война между Сербией и ее соседями. Я связался с Дастином и сказал ему, чтобы он узнал, что на самом деле происходит. Он выяснил, что ряд сербских военных генералов и других влиятельных лиц планировали войну с соседними Боснией и Хорватией и даже с некоторыми частями Югославии с целью вернуть земли, которые они потеряли во время второй мировой войны. Я спросил у Ирины, знает ли ее отец что-нибудь о сербском вопросе, но он проигнорировал все наши усилия по вмешательству. Не ожидая от него никакой помощи, я решил лететь в Сербию, чтобы выяснить, кто стоит за этими волнениями в регионе. Ирина была готова отправиться со мной в эту поездку. Помимо Ирины, только Дастин поехал со мной в Сербию.

Мы летели на грузовом самолете под подставными именами и высадились в Белграде без каких-либо серьезных происшествий. По документам, изъятым из двух сербских военных штабов, я смог определить, кто стоял за этим делом. Похоже, что без согласования с Президентом Сербии около шести генералов заключили договор о вторжении в соседнюю Боснию, сперва организовав нападение под чужим флагом на собственные военные конвои и подставив для этого гражданских лиц Боснии. Я проник на еще один склад оружия и взял наглядные улики, подтверждающие план сербских генералов, и

попросил Ирину встретиться с известным журналистом, чтобы предать эту новость огласке. В течение нескольких дней сенсационные новости украсили все сербские газеты, а президент узнал о заговорах, которые его генералы приготовили за его спиной, а затем уволил военачальников и объявил, что Сербия не будет вторгаться в соседние страны.

По возвращению в Штаты я провел более тщательное расследование в отношении сербских генералов и посетил одного из заключенных. Позднее он признался, что встретился с несколькими производителями оружия из Восточной Европы, которые предложили ему значительную сумму денег в обмен на начало войны с Боснией. Я был шокирован от услышанного, но с облегчением вздохнул, что нам удалось предотвратить крупный конфликт в Европе.

Отец Ирины все еще был расстроен из моей поездки. Казалось, его сильно раздражает видеть Ирину, которая сопровождает меня за границей. Он обвинил меня в том, что я нанес вред его дочери. Я ожидал, что он попытается помешать мне поехать в Сербию, поэтому я попросил его дочь сопровождать меня. Ирина была более чем счастлива быть со мной в этой поездке, и хотя не было сомнений, что Ричард создал бы препятствия на моем пути, но он не хотел ставить под угрозу безопасность своей любимой Ирины, и поэтому нам было разрешено беспрепятственно путешествовать по территории Балкан.

21 февраля 1989 года

Со мной связался бывший куратор из Министерства обороны, который ранее помогал мне в моем деле об отмывании денег. Он сказал, что в Северной Корее происходит срочная встреча между посланником верховного лидера и неизвестной второй стороной. Мне нужно было снять встречу и выяснить, чем обмениваются обе стороны, и кто они. Правительство США полагало, что корейцы закупают материалы для строительства атомной бомбы. Я сказал ему, что покончил со шпионским делом, и он должен послать американского госслужащего или офицера ЦРУ, но он настаивал на том, что я подхожу для этой работы из-за своей малоизвестной истории. Мне также сказали, что отец Ирины порекомендовал меня на эту работу. Как только я услышал его имя, я дал им однозначный ответ. Нет, я не поеду в Корею. Это было слишком рискованно. Я до сих пор помнил те ужасы, с которыми мне пришлось столкнуться в Китае; я отказался пережить очередные пытки со стороны корейцев. Тем не менее, человек из Министерства обороны был настолько настойчив и показывал мне

большие графики и данные, уверяя меня, что если я не поеду и не помешаю Северной Корее приобрести смертоносное оружие, то произойдет глобальная катастрофа.

Неохотно, но я согласился. Это была бы последняя миссия, которую я бы выполнил для них.

Военный самолет, пролетавший над Южной Кореей, сбросил меня над корейской демилитаризованной зоной. Это была самая сильно укрепленная граница в мире, но я довольно легко справился с ней, используя поддельные документы, которые идентифицировали меня как врача Верховного лидера Северной Кореи. Не имея преданной помощи Дастина, я сильно нервничал в этой, но я сумел найти место встречи, используя карту, которую я выучил до полета. Помешать встрече было не так уж и сложно; покинуть защищенную локацию незамеченным становилось почти невозможно. Я спрятал фотографии мужчин, принимавших участие в собрании, в своем ботинке и следовал протоколу эвакуации, незаметно перемещаясь из опасного места в безопасное. Именно в третьем убежище ждали сотрудники государственной безопасности Северной Кореи. Они не задавали вопросов и в течение нескольких минут нашли сделанные мной фотографии. Меня сочли за шпиона, а затем отвезли в комнату для допросов.

Если до этого я утверждал, что китайская секретная полиция – была чемпионом по самым жестоким пыткам в мире, но теперь я ошибался. Они были добрыми по сравнению с северокорейцами. Они начали с разогрева – легкими электрическими разрядами и затем начали инквизицию. Мои следователи хотели узнать, был ли я офицером ЦРУ. Я ответил правдой и сказал, что это не так. Ответ их не удовлетворил. Они принесли большой галлон бензина и приказали мне пить бензин. Мой рот был заклинило открытым, мне в горло затолкали воронку, через которую заливали бензин. Это было так больно, что я был вынужден выплюнуть его. Дознаватели удерживали меня и продолжали заливать бензин в горло. Я чувствовал, как растворяются слизистые пищевода и желудка. Но я все равно ничего не говорил им.

Следующим уровнем пыток были скорпионы.

Большие азиатские лесные скорпионы.

Десятки.

Я сразу узнал этих гигантских синих скорпионов. Это был самый ядовитый вид. Когда существо укусило меня за руку, казалось, каждая вена в моем теле разрывается от боли. Я смотрел на предплечье. Мои вены лопались изнутри кожи. Я был удивлен, что яд скорпиона не убил меня. Хотел бы я, чтобы так и было. Потому что то, что было дальше, было намного хуже того, что я пережил до этого момента.

В комнату вошел пожилой мужчина. У него был стеклянный флакон с прозрачной жидкостью. По-английски он объяснил мне, что это за жидкость. Это была серная кислота, которая могла бы растворить части моего тела. Чтобы подтвердить свои слова, он налил несколько капель мне на бедро. Я смотрел в ужасе, как шипели брюки и появлялась дыра, которая кусала мою плоть и разрывала мышцы. Как будто мне в бедро вонзили нож. Боль была невыносимой, и я кричал, пока в моем мозгу не кончился кислород. Вскоре я потерял сознание.

На мое лицо брызгала ледяная вода, и я чувствовал, как холодный воздух бежит по моему телу. Мы были на свежем воздухе, подумал я с облегчением. Я открыл глаза и увидел, что привязан к длинному столбу. Отряд стрелков готовил свое оружие. Меня должны были казнить! Это было довольно необычно. Я представлял себе шпионов или тех, кого подозревали в шпионаже, что их удержали живыми для получения информации об обмене заключёнными. Конечно, Отдел Оборона ЦРУ послало бы помощь. Но, похоже, такой помощи не дожидаться. Я закрыл глаза и ждал, когда мучения закончатся.

Без предупреждений я услышал крики. И выстрелы. Еще крики и стоны. Мои глаза открылись. Те, кто должен был меня казнить, лежали мертвыми передо мной. Я никого не видел. Потом вошла тень фигуры. Это была Ирина в сопровождении двух южнокорейских мужчин. Она сказала мне, что узнала о моем задании от отца и прилетела в Северную Корею, чтобы присоединиться ко мне, но была захвачена в плен. Но отец немедленно выкупил и спас ее. Однако, получив свободу, Ирина отказалась уезжать, не найдя меня, она использовала своих телохранителей, чтобы начать за мной охоту и узнала, что моя казнь назначена на сегодняшнее утро. Трое из них затем заняли позиции по периметру и дождались прихода секретной полиции. Засада прошла успешно.

Поздний 1989

Меньше, чем через шесть месяцев после ужасного испытания, моя жизнь перетекла в другую огромную катастрофу. Развал Советского Союза был в самом разгаре, и в секторе государственных органов ходили слухи, что многие оппортунисты и наемники надеялись воспользоваться развалом безопасности, чтобы продолжать осуществлять свою политическую и финансовую повестку дня. Имели место быть стычки между обеими сторонами Железного Занавеса, и я был информирован надежными контактами из АНБ, что кто-то в Пентагоне планирует массивную атаку на большое число стран,

богатых нефтью. Большинство членов Военного Союза были уже устранены, и хотя эта элитная организация считалась ЦРУ и партнерами криминальным синдикатом, лидеры Союза, включая моего бывшего работодателя, Полковника, которого все боялись, пытались установить мир во всем мире несколько десятилетий подряд, контролируя национальные государства и регулировать продажу оружия и информации. Военный Союз был без каких либо сомнений замешан в торговле оружием, военными тайнами, промышленным шпионажем и медицинскими технологиями среди европейских стран, но большая часть логистики этой группы была в Берлине. Лично я сильно удивился, почему этой группе не удалось предотвратить серьезных масштабов войну.

Я нашел детали этой операции через несколько недель после того, как операция уже прошла. Грязная война началась, когда военные силы Ирака внезапно напали на Королевство Кувейта во время блиц-операции. Позже я узнал, что операция Августа 1990 разрабатывалась месяцами, большинство оружия, которым пользовались солдаты Ирака было доставлено Ричардом, человеком, которому я доверял свою жизнь. Я знал, что Ричард - человек амбициозный, но я просто не мог понять, зачем ему уговаривать и нанимать уязвимых офицеров иракской армии для нападения на соседский Кувейт.

До разгара этой войны, Министерство Государственной Безопасности Восточной Германии владело огромным влиянием на мировую политику, но официально не было частью транснационального Союза, но Штази знало и одобряло существование Лагеря. Я лично знал несколько командиров местного Штази, которые выполняли приказы бывшего Полковника КГБ. Кремль почти не подозревал о существовании Лагеря, но тем не менее подсознательно что-то подозревал, пытаясь сохранить Советский Союз целым, и по сути, у Кремля получилось.

Мой Полковник часто говорил нам, что большая часть мировых лидеров понятия не имеют, что он и его коллеги из советской военной разведки предотвратили Соединенные Штаты, Кубу и СССР от участия в горячей войне. Я никогда не одобрял до конца влияние Лагеря и Военного Союза на мировую сеть шпионов, предпринимателей, физиков и политиков, но я видел, как отчаянно главы разведки Советского Союза объединялись с другими агентствами, чтобы предотвратить войну. Большинство ветеранов Великой Отечественной Войны все еще служили вершущей, и они были свидетелями настоящего ужаса пугающей войны, никто не хотел очередной войны между сильными нациями.

Тем не менее, то, что командиры Лагеря в срочном порядке пытались предотвратить стычки на границе Ирака и Саудовской

Аравии - было очень тревожно. Ходили слухи, что военный корабль с ядерным оружием направлялся к южным границам Ирака, было известно, что там стояли очень доходные нефтяные вышки.

Ранним утром, я получил срочное сообщение на пейджер, оно пришло от бывшего работника Ричарда. Он сказал, что Ричард скорее всего планирует ужасную операцию, которая может дестабилизировать Ближний Восток и навредить американским отношениям со странами персидского залива. Отчет звучал очень драматично. Как один человек может развязать войну и уничтожить репутацию Америки? Но потом я вспомнил, что мы говорим не об обычном человеке. Это был Ричард. Он был главой самого печально известного отряда Блэк-Опс АНБ. До переезда в Америку, Ричард был старшим членом Восточно-Германской секретной полиции, и хоть и родился и вырос в Австрийской столице - Вене, большинство его рабочих дней он провел в Восточном Берлине. Государство Соединенных Штатов пригласило его в страну и предложило дипломатическую неприкосновенность в обмен на информацию о внутренней работе в Восточном Блоке. Он заработал доверие главы Центрального Разведывательного Управления и вскоре начал работать на АНБ. Когда я приехал в Америку еще подростком, Ричард был одним из первых лиц, кто встретил меня, и предложил работу в его отряде Блэк-Опс АНБ.

Но в течение года работы на него, я стал замечать, что он часто недоговаривает, и часто дает незаконные приказы своим сотрудникам, а также несанкционированные операции. На этот раз, я не был удивлен тем, что Ричард снова использовал свои источники в ЦРУ и АНБ в попытке узнать способы нападения на Ирак, Кувейт и Саудовскую Аравию.

Я провел независимое расследование и наткнулся на несколько фото, сделанных корреспондентом командования воздушно-космической обороны США, на которых было видно, что Ричард встречался с первыми лицами Баас, и другими административными агентствами, а также агентствами безопасности, связанных с Иракским лидером. Я хотел знать, что на самом деле происходило на Ближнем Востоке, и почему Ричард помогал randevу с боевыми ястребами. Я связался с несколькими контактами и умолял их дать информацию или пролить свет на эти события. Военный аналитик из Пентагона, который был моим хорошим знакомым, привел меня в библиотеку института Гувера, и показал мне архивные коллекции относящиеся к войнам и революциям. Один из секторов архива был посвящен архивам партии Баас, там было более 10 миллионов оцифрованных изображений и 1500 видеофайлов, которые были собраны на штаб квартире Баас и в других тайных источниках. Документы были длинными и запутанными. Не было записей о контракте между

Ричардом и верхушкой Ирака. Я знал, что мне нужно продолжать копать, чтобы решить эту загадку. Единственной подозрительной активностью на Иракской границе была пересылка горстки оружия непонятно откуда. Почему Ирак получал подкрепление? На горизонте курсировала предстоящая война?

Я попросил друга, который отвечал за спутники фото-корреспонденции, предоставить мне снимки в реальном времени, чтобы я понял, что означала доставка этого оружия.

Солнце уже заходило, тени становились темнее, часы пролетали, и я волновался о том, какая новая катастрофа может настичь весь мир. Меня сильно пугало то, что некоторые сильные команды наемников использовали американские военные корабли для начала внезапных атак на Багдад, Басра и Кувейт-Сити.

Я поговорил с Бобби Лоуренсом, моим другом, который также был моим боевым товарищем в АНБ. Бобби также был в отряде Блэк-Опс, в котором я работал под предводительством Ричарда, но через два года он ушел, став офицером армии ВМС. Когда я позвонил Бобби, чтобы услышать от него подтверждения направления американского корабля в сторону нефтяных вышек персидского залива, он уточнил это у нескольких командиров и ответил.

"Не поверишь, что я только что узнал," - Сказал Бобби, когда я поднял трубку. Не буду тянуть, друзья сказали мне, что ВМС сильно обеспокоены тем, что один из их кораблей сбился с курса.

"Какой корабль сбился с курса, Бобби?" - Спросил я с нетерпением.

"Фотографии со спутника указывают, что корабль был помечен и нацелен на другую траекторию, как мощная лодка. Он преследовал миноносец США, который раньше ходил по Индийскому океану." - Сказал он мне.

"Какой это корабль?" - Спросил я, ожидая поскорее узнать, какой же американский корабль был скомпрометирован.

"USS Рузвельт. Это десантный корабль первого эшелона. ВМС США установили в нее автоматическую ракетную систему с электромагнитными пушками. У военного корабля есть ракетная система дальнего действия - он может стрелять на дистанции до восьмидесяти пяти миль." Голос офицера ВМС задрожал, он звучал опечаленно. "Если они нацелились на этот миноносец, они скорее всего хотят развязать мировую войну."

Я осторожно спросил моего друга - "Слушай, Бобби, ты можешь контролировать развед-спутники? Ты разработал похожий вирус, еще когда был в Гарварде."

"Взлом спутника не так прост, но я могу попытаться найти способ связаться с командующим корабля."

"Нам нужно узнать, кто санкционировал другой курс корабля," - Потеропил я своего друга. "Какая бы сторона или группа не использовала американский корабль для начала массовой войны с остальным миром, будет выглядеть, будто ВМФ США атаковал первым."

"Что ты предлагаешь?" - Спросил он.

"Нужно связаться с верховным главнокомандующим соединенных сил юго-западного Средиземного моря. У него должны быть полномочия на отключение коммуникации кораблей оснащенных ракетами. Таким образом, человек, который отдает приказы кораблю атаковать какую-либо страну Среднего Востока не сможет больше связаться с кораблем."

"Оставь это мне," - Решил Бобби. "Надеюсь, что ты вылетишь первым рейсом в течение часа. Кому-то нужно физически быть недалеко от корабля, чтобы выяснить, какого черта там происходит."

Как только я поднялся на борт грузового самолета, который мы собирались использовать для операции, я увидел ожидающего меня Бобби. Он уже закончил настройку своих серверов и расшифровывал очередной слой алгоритма.

Он подозвал меня. "Ловлю много болтовни от командования Воздушных Стратегических Сил Ирака. Скорее всего, они заметили этот звонок."

"Из-за чего они так волнуются?"

"Уверен, что это из-за приближающегося корабля. Наверняка заметили массивный USS Рузвельт, который подкрадывается к гавани. Часов шесть назад, они издали приказ о повышенной готовности к запуску немедленной контратаки в случае нападения с воздуха. "Цели не указаны."

"Это невозможно!" - Воскликнул я. "Я немного успел поработать в Агентстве Противоракетной Обороны Пентагона. Это частное агентство, которое защищает от баллистических ракет Соединенные Штаты и их союзников, и что я понял из этого - У Ирака не может быть действующих пусковых систем. У них нет таких дальнобойных ракет, которые могли бы остановить корабль, размером с USS Рузвельт."

"Тогда что ты предлагаешь?" - Вопросил Бобби. "Ты думаешь, что кто-то еще санкционировал режим повышенной готовности к запуску?"

Я не сразу ответил, и изучил данные с графиков спутников, которые были отображены на экранах компьютера Бобби. "Если мои данные со спутников верны, я только что уловил муть в волновую вспышку четвертого калибра над Долиной Каган." - Сказал я своему другу.

"Видимо, это Тай." - Обозначил Бобби. "Он в стране. Пока мы не свяжемся с ним, компания шантажист не сможет выяснить его местоположение."

"Нам нужно остановить запуск ракет. Как быстро ты сможешь получить управление над Иракскими пусковыми установками?"

"Если кто-то сможет подобраться достаточно близко к их главному центру управления запусками, ему придется загрузить мой софт на центральный процессор кэша данных внутри командного центра Иракских сил обороны."

"Так, Тай знает куда?"

"Да, он запомнил карту. ИВР хранит свой арсенал тритиевых орудий в бункерах под воздушной базой Басра. Ему придется добраться до комнаты запуска, которая находится в трех с половиной километрах восточнее главных ворот. При помощи ската, он сможет забраться на вышку, которая ведет прямо к мобильному командному центру. Когда он окажется там, я смогу переписать коды запуска их ракет."

"Как ты собираешься это сделать?" - Спросил я, размышляя вслух.

"Если я смогу перехватить ракеты на средней фазе, после их запуска, я смогу изменить их траекторию. Но она пропадет с радаров через девяносто секунд. Вот зачем я только что связался с офицером перехвата РЛС. Он сказал, что подобные защищенные судна используют интернациональную систему передачи сигналов, чтобы передавать жизненно важные сообщения и предупреждения о катастрофах и навигации." - Объяснил Бобби.

"Ты сказал ему, в чем дело?" - Спросил я.

Бобби ответил. - "Отрицательно. Я лишь сказал, что система ПРО находится оффлайн. Попросил его проверить систему обороны. Чтобы понять, активна ли она."

"И что он сказал?"

"Ответил утвердительно." Бобби прочитал. - "Этот парень говорит, что военный флот оснащен системой противоракетной обороны средней дальности, которая может перехватывать прилетающие боеголовки во время инициации расчета полетной траектории."

"Слушай, Бобби." - Сказал я снова. "Скажи офицеру перехвата РЛС, что его судно скорее всего было скомпрометировано. Предупреди его о возможных кротах на его судне. Так как вручную разоружить ракетную систему невозможно, люди, которые взломали все эти спутники или заплатили или запугали кого-то, чтобы сделать это вместо них. И ему ни в коем случае нельзя делиться этой информацией ни с кем на корабле."

Бобби кивнул озадаченным лицом. "Интересно, как им удалось поменять информацию с радаров? Наши разведанные показывают, что противоракетная оборона корабля была отключена."

"Хорошо, ему придется проверить все вручную. Чему обучены офицеры перехвата РЛС, в основном?" - Спросил я, по сути, просто так.

"Следить за назначением орудий, находить аномалии на радарх, поддерживать радио коммуникацию и управлять навигацией."

"Скажи своему источнику, чтобы он пошел в двигательный отсек и вручную перезапустил все механизмы безопасности." - Приказал я своему другу. "Убедись, что он понимает, что на кону. Корабль может стать целью в любую секунду."

Я не стал медлить с полетом к ближайшей базе ВМФ на Ближнем Востоке. Я знал несколько человек, которые ранее работали на Комитет Обороны, которые контактировали с АНБ. Они пообещали разобраться с предстоящим фиаско.

Как только я покинул периметр средиземноморской оперативной базы, я переключился на защищенный телефон и активировал его, введя тринадцати-значный серийный номер. После первого гудка, я услышал теплый и знакомый голос Бобби.

Бобби заговорил первым. "Мне правда полегчало. Я боялся, что ты застрянешь на этой базе. Слишком много уровней безопасности." "Причин для волнения нет." - Бодро ответил я. "Где ты сейчас? Тебя плохо слышно."

"Я за границей на бизнес Боинге. Я считаю, что безопаснее взламывать опасных террористов на высоте несколько тысяч футов. Вероятность, что твой взлом отслежат гораздо меньше, если ты двигаешься со скоростью тысяча километров в час."

Я не стал тратить время на то, чтобы поделиться прогрессом. "Я загрузил твой софт в панель управления военной базы. Ты смог попасть в систему? На каком ты этапе?"

"Скажем так, есть плохие и хорошие новости," - Ответил Бобби с нетерпением.

"Начни с хороших." - Сказал я с оптимизмом в голосе.

"Из-за канала связи моего софта, мы теперь контролируем запуск ракет со средиземноморской базы."

"Отлично. Какие тогда плохие?"

"Они контролируют вообще все военные установки в Ираке."

"Они, в смысле *они*. Не правительство Ирака."

"Нет, я имею в виду шантажистов, которые заставили USS Рузвельт вторгнуться и застрять между Ираном и Ираком, и которые скорее всего пытаются начать глобальную войну."

"Еще кое-что, Бобби," - Начал я. "Нужна информация по одному человеку. Даг Фейнстин. Если верить словам ребят с базы, он член Агентства и возможно приказал первым лицам Иракской армии взломать собственную систему безопасности, чтобы устроить фальшивую воздушную разведку."

"Ищу имя в глобальной базе." - Ответил Бобби почти моментально. "Это псевдоним, принадлежит бывшему агенту ЦРУ. Судя по рассекреченным документам из архивов Совета Национальной Безопасности, Государственный Департамент окрестил его дезавуированным помощником шесть лет назад, из-за жалоб от его руководителей. Фейнстина обвинили в компрометировании государственной безопасности из-за снабжения третьих лиц ошибочными разведданными. Если он и есть тот человек, о котором говорят офицеры Иракской армии, он наверняка проворачивает свой очередной трюк.

"Или же шантажисты на корабле наняли его для того, чтобы он устроил этот розыгрыш над Ираком." - Предположил я. "Скажи мне, что мы будем делать с остальными пунктами управления ракетными комплексами?"

"Пока конкретных планов у меня нет, но на экране только что появилось что-то интересное. По-видимому, Фейнстин обменялся несколькими сообщениями по почте с главой Блэк-Опс АНБ. Угадаешь с кем?"

"Не хочу делать поспешных выводов. Говори." - Ответил я.

"Ричард. Австрийский чувак, на которого ты работаешь."

Я почувствовал возмущение. "Ричард больше не мой работодатель. У нас была перепалка, после которой я больше на него не работаю. Его активность казалась мне подозрительной, поэтому я перестал выполнять несанкционированные миссии по его велению."

"Судя по всему, твой Ричард придумал новый план-маскарад. Я смотрю на серьезные цифровые отпечатки, ведущие к эндшпилю Ричарда. Он точно замешан в краже, или, если угодно, влинии USS Рузвельта. Командир корабля был скомпрометирован.

"Смотри, я немного знаком со структурой работы военных США. Командир ВМФ никогда не стал бы предпринимать никаких операций против суверенных наций, если только приказ не придет прямо от Президента.

"Ты прав," - Сказал мне Бобби. "Но есть вероятность того, что командир флота считает, что выполняет приказы Президента. В конце концов, если за этим стоит Ричард, это все объясняет. Он один из первых лиц в АНБ. Наверняка использовал свои контакты в Пентагоне, чтобы отдать приказ.

Я пытался быть спокойным, но значение этой атаки становилось все более и более очевидным. Я не хотел думать, какие могли быть последствия удачного нападения, если бы мир увидел огромный американский корабль, нападающий и бомбардирующий суверенное государство Ирак. Никто не поверит, что правительство Соединенных Штатов и понятие не имело, что чуть не произошла подобная катастрофа. Любому рационально мыслящему человеку было бы

тяжело поверить, что влиятельный директор Блэк-Опс АНБ самостоятельно манипулировал адмиралом военного корабля, после чего тот развернул курс в сторону персидского залива и запустил несколько ракет в не враждебное государство. К тому времени, когда Пентагон и Департамент Обороны Соединенных Штатов узнают об атаке, катастрофу будет уже не предотвратить.

С высоты полета было ясно, целью неизвестных было организовать морское нападение на берега Ирака, и, возможно, Кувейта. И USS Рузвельт был миноносцем, который ходил по Персидскому Заливу, собирался запустить ракеты в ближайшую нефтяную нацию.

В отчаянии и с опаской, я наблюдал, как спутник GPS указывал миноносцу кратчайший путь к берегам. Когда американский корабль был в пятидесяти милях от побережья Басра, я заметил беспорядочное движение на северном конце Ирака. Сотни небольших стелс-самолетов были направлены в сторону Басра из столицы Ирака.

Видимость была плохая, и я не понимал, к какому сектору относились самолеты. Я связался с человеком, которому доверял: мой близкий контакт, который преподавал в Лагере. Мы оба тренировали друг друга, когда работали на полковника КГБ, после детдома в Сибири. Мой дорогой друг Алеша, который спасал мне жизнь бесчисленное количество раз, во время тайной миссии в дальних уголках Восточного Блока, или даже в диких условиях Южной Америки. Я доверял ему свои самые сокровенные страхи и мысли, и я знал, что он сможет подсказать мне что угодно, направить в правильную сторону.

Так как я не могу связаться с командиром USS Рузвельт, капитан американского миноносца не может узнать, что его используют, как пешку в войне, которая не была санкционирована Белым Домом.

Мне нужно было знать, кто стоит за этим ужасным фиаско, которое может произойти, поэтому, я решил позвонить по телефону, который знаю на память.

"Да," - Кратко услышал я из телефона, после третьего гудка.

На сердце стало теплее. Я моментально узнал этот голос. Это был мой дорогой друг Алеша. Хотя мы и не говорили с тех пор, как я приехал в Америку, его успокаивающий голос положительно повлиял на мою нервозность, и не тратя время, я быстро извлек его о деликатной ситуации, которая разворачивалась в Персидском Заливе. Я объяснил, что судно ВМФ США село на мель, и было использовано одним диким чиновником из США, чтобы начать нелегальную атаку на Ирак, и, возможно, Иран.

"Да," - Ответил мой друг, после короткой паузы. "Несколько членов политбюро одобрили оборонный маневр ранее на этой неделе. Они считали, что Соединенные Штаты собираются атаковать ни в чем

неповинный Ирак. Багдад попросил помощи, а верхушка СССР не одобряет ненужные войны, как ты знаешь."

Я был обескуражен этим заявлением. "СССР планирует оборонные маневры против американского миноносца? В смысле?"

"Советские боевые корабли будут производить предупредительные действия, а если их не услышат, тогда они станут пускать предупредительные выстрелы, а затем и боевые. Наше государство не хочет, чтобы США атаковало Ирак без каких-либо на то причин."

"Знаю, знаю. Алеша, никто не хочет этой войны. Белый Дом, Пентагон, Государственный Департамент, никто из главных американских агентств и понятия не имеет, почему этот миноносец ВМС США направляется к берегам Ирака. Он перестал отвечать по радио, и у нас есть причины полагать, что корабль был захвачен наемниками. Но скажи мне, кто принял решение стрелять боевыми по USS Рузвельту?"

"Только в крайнем случае," - Уверил меня Алеша. "Это было единогласным решением, принятым в Центральном Комитете Коммунистической Партии Советского Союза."

"Очень хорошо," - Я глубоко вздохнул и попытался мыслить логически. "Есть еще вопрос. Ты не знаешь, почему геопространственные спутники пентагона захватили изображения движения рядом с границами России?"

"Если ты имеешь в виду отправку оружия - это из-за надвигающейся атаки США на Ирак."

"Отправка оружия?" - Повторил я, обескураженно.

Алеша просто объяснил. "Шестьдесят грузовиков с ракетами из гарнизонов Владикавказа движутся в Эрбиль."

"По дороге?" - Спросил я, думая о том, где находится этот город. "Это очень далеко."

"Да, но частично оружие доставили на самолете с военной базы в Тбилиси. Но вот в чем дело - наша нация жаждет помочь Ираку, потому что мы не хотим еще одной войны. Разве Америка недостаточно постаралась?" - Вздохнул мой друг и снова заговорил. "Сначала Корея, затем Вьетнам, а теперь Ирак."

"Я не удивлен, что политбюро хочет установить мир. Естественно, они жаждут установкой стабильности в этом регионе. И говоря о логистике - Насколько далеко Владикавказ от Ирака?"

Алеша мирно ответил - "Владикавказ - столица Республики Северной Осетии - Алании. Это находится на одной из границ России. Далеко от Багдада, но это был бы самый быстрый способ доставить подкрепление к Ираку. Один из телеведущих советского телевидения, на канале Орбита, сказал, что Ирак хочет остаться мирным и нейтральным, и не будет поддерживать никаких стычек в Персидском

Заливе. Но никто не мог знать, что на самом деле происходит в американских головах."

"Спасибо за то, что поделился такой полезной информацией," - Сказал искренне. "Ты хороший друг, и я постараюсь связаться со своим контактом в Государственном Департаменте, и дать им знать, что следует остановить миноносец ВМС США как можно скорее."

Последовала долгая пауза, прежде, чем Алеша заговорил. "Тебе будет интересно это услышать, товарищ." - Сказал он с азартом. "Я только что получил отчет от судна Адмирал Горшков. Есть серьезное развитие событий. Три часа назад, американский миноносец, который шел к Персидскому Заливу, был перехвачен Лениным, советским ядерным миноносцем. Они задержали USS Рузвельт, предотвратив атаку на Ирак, и успешно уведомили Белый Дом о том, что их корабль зашел не в те воды. Командир американского корабля ВМФ также признался, что получил прямой приказ от источника, близкого к первым лицам АНБ, который использовал коды аутентификации, принадлежащие Президенту, и приказал атаковать все ближайшие нефтяные регионы Ирака и Кувейта."

"Но перестрелки не было? - Нервно спросил я.

"Нет, друг мой," - Радостно сообщил Алеша. "Конфликт разрешился мирно. Было серьезно недопонимание, и военные командиры подтвердили, что не было никаких санкций к атаке какой-либо нации. Это был фальшивый приказ, они проводят расследование, на предмет человека, ответственного за саботаж американского военного корабля."

Комитет Разведки Сената Соединенных Штатов санкционировал закрытое совещание по слушанию о деле, касающегося человека, ответственного за этот проступок. После шестимесячного суда и расследования, они решили, что командир отряда Блэк-Опс АНБ был ответственен за манипуляции несколькими командирами ВМФ, которые привели к развороту курса кораблей и их команд в сторону Персидского Залива. Министр Обороны лично снял Ричарда с его позиции в АНБ после того, как получил неопровержимые доказательства того, что он лично отдал приказ на запуск ракет по Ираку, без подтверждения от Белого Дома или Пентагона. Ричарду назначили суд по делу о саботаже и измене, но каким-то образом его помиловали в последнюю минуту. Я не знаю, как ему удалось избежать тюрьмы, но Ричард был очень влиятельным человеком в Вашингтоне, и я не удивился тому, что ему удалось отделаться легким испугом. Конгрессмен, которого я встретил на военном параде несколькими днями позже, сказал мне, что Ричард пообещал снабжать правительство США засекреченными разведданными о секретных ядерных программах нескольких воинственных наций, и

благодаря его сотрудничеству, правительство решило проявить снисходительность, а также избавить его от обвинений.

Тем не менее, я был сильно обеспокоен тем, что натворил Ричард. Он действительно пытался использовать американский корабль для нападения на Ирак, чтобы захватить контроль над нефтяными регионами. Я знал, что он владеет несколькими глубоководными нефтяными вышками в Тихом Океане, но и представить не мог, что он попытается развязать несколько войн ради топлива. Но зная, насколько он отчаянно желает заработать денег и природных ресурсов, я попросил своего друга Бобби приглядывать за бывшим директором Блэк-Опс АНБ. Мне нужно было быть уверенным, что он не попытается напасть на другие страны при помощи своих хорошо натренированных наемников.

Два месяца спустя, после того, как удалось избежать войны, в мире воцарилось спокойствие. Но я получил срочное сообщение от Бобби Лоуренса, оперативника АНБ, который работал на Ричарда несколько лет назад. Он сказал мне, что ужасное происшествие произошло в Балтийском море. Несколько иракских и чеченских террористов, по видимому, похитили советскую ядерную подлодку, и попытались врезаться в авианосец, но у них ничего не вышло, когда на судне закончился кислород, и вся команда задохнулась. Мне нужны были сведения об атаке, но Бобби попросил меня проверить конкретные координаты, и убедиться в том, что происшествие действительно было актом саботажа.

В редком случае солидарности, правительство Соединенных Штатов провело совместное расследование с Комитетом Государственной Безопасности и решило, что ни одна из наций не была виновна в начале войны. Ричард получил выговор от Белого Дома, который отобрал у него всю власть, после того, как СССР предоставил обильное количество доказательств его вины.

Данное развитие событий не обрадовало Ричарда, и он периодически набрасывался на Российское правительство за слежку за ним, но сенаторы из Вашингтона игнорировали его жалобы, а также пригрозили больше не перехватывать военные судна США.

К тому моменту, я прибыл на конспиративную квартиру Государственного Департамента в Таллине, и узнал, что субмарина уже спасена. Она шла по курсу Балтийского моря и была обнаружена недалеко от Финского Залива. Первичные отчеты от советских морских властей гласили, что судно было похищено, но личности воров были неизвестны. Тела оставили на базе ВМФ, находящейся острове Котлин, к западу от Питера. Санкт-Петербурга. Я позвонил своему старому другу, который был специальным оперативником КГБ, работал на Лубянской Площади, и сказал ему, что могу использовать базу данных

Соединенных Штатов, чтобы определить личности людей, которые находились на атомной подлодке. Он предоставил мне доступ на военно-морскую базу, чтобы я установил личности похитителей, чьи тела были найдены на советской ядерной подлодке.

К тому времени, технологии уже хорошо скакнули вперед. Мой американский друг, Бобби, предоставил мне необходимое оборудование для идентификации погибших, я сканировал их лица и сохранил копию их зрачков в универсальный органайзер, который запрограммирован для сравнения личностей с базой личностей по всему миру, в которой был один миллиард экземпляров. Я надеялся, что эти гаджеты помогут и Советам и американскому Правительству идентифицировать личности, ответственные за эту ужасную кражу.

Моя поездка на остров Котлин была короткой. Я успешно зафиксировал изображения двадцати человек, чьи тела были найдены внутри советской подлодки. Иронично, что вся команда, которая была предполагаемой командой похитителей, была одета в военную униформу с камуфляжем. Когда я прибыл к установке Соединенных Штатов в Кувейте, меня встретил глава состава Лагеря - Арифан. Он был офицером с высоким званием в корпусе морпехов США, он пообещал мне помочь с идентификацией погибших, чьи фотографии я привез с острова Котлин. В следующие восемь часов, меня содержали в сборном бетонном здании и усердно опрашивали.

Два военных эксперта в сфере разведки изучили фотографии и попытались определить личности людей с ядерной подлодки.

"Все очевидно," - Решительно ответил аналитик систем данных.

"Почему очевидно?" - Спросил я.

"Если присмотреться, можно заметить, что все эти люди были уже мертвы, когда их доставили на подлодку."

"Как можно определить подобное по фотографии?" - Спросил я.

Эксперт по Анализу Видовой Информации Корпуса морской пехоты показал мне складки на униформе погибших. "Они были одеты в эту форму уже после смерти. Физическая форма тел не военная. Значит, эти иракцы были гражданскими."

Тимоти, Геопространственный Аналитик, который слушал разговор, наконец заговорил. "Да, вы оба правы. Этот чувак точно гражданский. По черствым кистям рук, я могу сказать, что он был фермером."

"Откуда все эти выводы?" - Спросил я, все еще удивленный.

Было странно, что советское правительство решило, что люди, похитившие ядерную подлодку были иракскими солдатами, но американские агенты разведки выяснили, что иракцы с подлодки были на самом деле гражданскими.

"Они тебе не сказали?" - Спросил Тимоти. Геопространственный Аналитик прокашлялся и пояснил. "Последние три года мы работали в

связке с Ираком, и я точно могу сказать, что пятеро мужчин, которые на фото - гражданские. И говоря на чистоту, я уже отправил изображения коллеге в посольство Соединенных Штатов в Багдаде. Он прогнал изображения через национальную базу распознавания лиц, и подтвердил, что люди, которых посчитали похитителями, были похищены из своих домов в Эрбиле, и, скорее всего, были убиты, а затем переодеты в солдатскую форму."

Видовой Аналитик Корпуса морской пехоты покачал головой. "Но настоящий вопрос в данной ситуации - какого черта кто-либо станет так изгаляться, похищать случайных селян Ирака, а затем похищать советскую ядерную подлодку, убивать весь ее персонал, а затем сбрасывать туда тела этих иракцев?"

"Хм, кто бы это не делал - он хотел, чтобы русские подумали, что Ирак - воинственно настроенная страна." Тимоти вздохнул. "Слушайте, мне это не нравится. Попахивает грязной работой. Это классическая подстава. Даже если мы скажем Советам о том, что эти люди были похищены против собственной воли, не думаю, что они нам поверят."

"Если преступники, похитившие тех граждан Ирака, хотели, чтобы СССР возненавидел Ирак, и перестал им помогать, тогда их план сработал превосходно," - Информировал нас Аналитик Данных Разведки. "Россия публично отказывается от поддержки Ирака, пока мы говорим."

"Плохо для иракцев," - С сочувствием сказал Тимоти. "Мне все равно никогда особо не нравился иракский диктатор. Я очень рад, что Россия их больше не поддерживает. То есть, теперь мы можем спокойно напасть на них."

Я не мог сдержаться, и прервал его. - "Ребята, я понимаю, что Ирак подставили, но это так же означает, что он стал жертвой огромного криминального заговора. Зачем Соединенным Штатам или кому-либо еще атаковать Ирак? Войны бессмысленны."

"Эй, мы морпехи," - Засмеялся Тимоти. "Война - это то, чем мы живем. Это наша работа. И спасибо за информацию. Теперь, мы хотя бы знаем, что армия Ирака не ответственна за похищение советской подлодки."

Трое поспешно попрощались со мной, и сопроводили меня к выходу с военной базы.

Прежде, чем я прилетел в Кувейт, я позвонили другу из Басры. Он - бывший Лингвист-Шифровальщик, который работал со мной в отряде Блэк-Опс АНБ.

После того, как я рассказал ему, что узнал, и что советская подлодка была похищена группой преступников-наемников, и что иракцы не были ответственны за эту атаку, он пообещал мне узнать побольше о данном происшествии, а также, что случилось с

гражданскими, которых похитили. Я умолял его встретиться с семьями погибших иракцев, и расспросить их, есть ли свидетели похищений.

Пять часов спустя, мой иракский контакт перезвонил. Трезвым голосом, Лингвист-шифровальщик сказал мне, что он получил доступ к терминалу данных, и узнал, что несколько иракских полицейских были застрелены пятьюдесятью боевиками в масках, которые ворвались в деревню и похитили двадцать молодых иракцев, а затем загрузили их в металлические грузовики и уехали. Двенадцать часов спустя, тела похищенных молодых ребят из Ирака были найдены внутри советской подлодки, из анонимного звонка на Лубянку донеслось, что Ирак планировал стать враждебным к СССР, хотя на тот момент эти нации были союзниками.

Я попросил своего друга отправить мне запись телефонного звонка в Москву. Он позволил мне прослушать телефонный звонок, предоставивший убедительное заявление КГБ. Конечно, голос был изменен, чем я не был удивлен. Но я уже создал приложение, которое успешно дешифровало оригинальный голос из измененной записи.

Но даже прежде, чем я дослушал запись до конца, я узнал знакомый тон. Это был Ричард!

Я оцепенел от знания подобной информации. Поначалу, я не понимал, зачем приемный отец Ирины, мой бывший работодатель, мог говорить по прямой линии с Кремлем, и давать им ложную информацию о предстоящем похищении.

Объяснение было только одно. Ричард знал что-то, что никто не знал даже в Государственном Департаменте.

Я немедленно включил жучок, который я поставил в домашний телефон Ричарда. Он сделал тринадцать звонков в Брюссель, Вену и Онтарио утром, перед похищением. После изучения финансовых транзакций Ричарда, я заметил, что на утро похищения, он лично перевел десять миллионов долларов компании-фальшивке в Таллине, с инструкциями по захвату и похищению советской подлодки.

Тем не менее, вовлечение Ричарда было неизвестно ни американскому, ни российскому правительству. Он аккуратно подстроил все так, чтобы похищенные иракские и чеченские гражданские стали для всех виновниками ужасной катастрофы.

Я был шокирован, узнав, как он манипулировал мной, и американскими развед-агентствами столько лет, но я надеялся, что однажды правда всплывет наружу.

Знает ли об этом Ирина? Она наверное и понятия не имеет о том, чем занимается ее отчим? Она была слишком наивна, и верила всему, что ей говорил Ричард? С грустью, я осознал, что все это время меня обманывали.

Бесконечные вопросы с пустыми ответами бежали через мою голову, когда я поднял свой взгляд наверх, пытаясь расслабиться, в

надежде, что короткий сон позволит моим эмоциям остыть и подарить мне свежую голову утром.

Затем началась война.

Что позже стало известно, как Война в Персидском Заливе, произошло через шесть месяцев после саботажа советской подлодки. Первый день был наводнен массивными бомбардировками ВМФ.

Я беспомощно наблюдал, как союзники США проводили бомбардировку Ирака, сбрасывали тысячи смертоносных бомб на целые населенные гражданских, и я отчаянно надеялся, что Москва вмешается, и попытается остановить войну, но этого не произошло, потому что Советский Союз был полностью убежден в том, что иракские силы пытались получить контроль над их ядерной подлодкой. Соединенные Штаты и их союзники также знали, что Москва давно была союзником Багдада. У нее был договор о союзе, а также совместная операция с Саддамом Хусейном, на протяжении двух десятилетий они тренировали иракских военных, снабжали их оружием и снаряжением на миллиарды долларов. Но ситуация быстро менялась, потому что Ричард успешно подставил Ирак за преступление, которое совершили его наемники. Он аккуратно провернул свою подставу, потому что хотел, чтобы Москва перестала помогать Ираку и защищать его, чтобы он смог использовать американские военные силы и НАТО для вторжения в Ирак и Кувейт, чтобы захватить их резервы нефти. Хотя Москва и отказалась физически вмешиваться в войну в Персидском Заливе, она все еще не хотела пролития крови. Во время напряженной войны, советский лидер отчаянно пытался развернуть шести-точечный план по установлению мира, направляя посланников из Москвы в Персидский район, пытаясь его внедрить.

Прошел почти год после того, как война закончилась, и я мог связаться со своим другом детства, который было местным директором КГБ, и я смог поделиться своей информацией, а также показать ему доказательство того, что люди на советской ядерной подлодке были не солдатами из Ирака, а обычными селянами, которых похитили из Басры и Эрбиля. Я сказал своему другу, что за всем этим оркестром стоял Ричард, контролируя весь саботаж, чтобы заставить Москву прекратить поддержку Ирака. Ричард все еще был зол из-за проваленной подставы с американским кораблем USS Рузвельт, который должен был атаковать Ирак, благодаря вмешательству Москвы. Это была колоссальная неудача для Ричарда, который сильно надеялся получить выгоду от несанкционированной войны, чтобы захватить нефтяные поля Ирака и Кувейта.

Казалось, правда больше не важна.

Все равно, было слишком поздно.

Война в Персидском Заливе окончена, тысячи людей погибли, назад их уже не вернуть. Это было ужасное время в моей жизни. Я был свидетелем настоящей бойни.

За два дня до того, как американские корабли приблизились к Персидскому Заливу, более миллиона фунтов взрывчатки было сброшено на полуостров. Казалось, никто не мог выжить в такой бомбардировке. Когда Солнце село, война на пустынном полуострове только началась.

Я смотрел записи с воздуха на следующий день. Территория Ирака была испещрена бомбами, горела из-за взрывов. В обжигающей пустыне, зона стала огромным кладбищем, с тысячами раненых и шокированных жертв, которые оплакивали умерших.

Следующие несколько месяцев-

С середины 1990 до следующего года, мир встретил последствия brutальной войны, которая опустошила иракскую нацию. Москва пыталась просить о мире, и пыталась примирить воюющие стороны, но война продолжалась. Война в Персидском Заливе - почти современная мировая война, потому что, хоть и была спланирована Соединенными Штатами, более тридцати наций создали коалицию против Ирака. Они хотели остановить вторжение Ирака и аннексирование Кувейта, а также контролировать растущие цены на нефть, которые подкосили глобальные потребление и производство.

К тому времени, я нашел серьезные доказательства, что Ричард манипулировал всеми всю войну, и ранее пытался украсть Американский военный корабль, USS Рузвельт, а также использовал своих наемников для запуска не спровоцированной атаки на Ирак, подставляя все так, будто за этим стояло правительство Соединенных Штатов. К счастью, Москве удалось остановить USS Рузвельт от вторжения в гавань Ирака, но она не смогла предотвратить Войну в Персидском Заливе. Так как у Ричарда было много своих чиновников в Сенате и в палате Конгресса. Один из тех, с кем Ричард встречался неоднократно - Фрэнк Ашкроф, Помощник Секретаря Штата по Международным Отношениям, который поддерживал идеи Ричарда по вторжению в Ирак. Ашкроф был крупным акционером в личной нефтяной компании Ричарда, и оба получили бы хорошую прибыль из этой войны.

Но я не хотел полагаться лишь на косвенные улики, поэтому немедленно вылетел в офис Ричарда в Вашингтоне, и попросил его объяснить записи разговоров. Это была чистая запись того, как Ричард звонил в Кремль и говорил им, что Советская подлодка была

похищена недалеко от Финского залива. Это произошло вскоре после того, как Москва успешно сорвала попытку Ричарда использовать Американский военный корабль как отвлечение, для атаки на суверенную нацию Ирак.

Я обвинил Ричарда в том, что он играет с человеческими жизнями, но он опроверг мои аргументы, и сказал, что звонил в Москву по поводу подлодки только потому, что его близкий друг попросил его об этом.

"О каком друге идет речь?"

Ричард провел рукой по волосам и с тяжестью ответил. - "Дорогой, ты не знаешь его лично, но он очень харизматичный лидер, который не остановится ни перед чем, чтобы получить то, чего хочет."

"Кто он?"

"У. Х. Бьюкканир. Заместитель Министра Иностранных Дел," - с простотой ответил Ричард. "Мы работали вместе в Государственном Департаменте."

"Ты думаешь, я поверю, что Бьюкканир был ответственен за кражу Американского военного корабля и почти атаковал Ирак без приказа?" - Покачал я головой с раздражением.

"Я не ожидаю, что ты мневеришь, сынок, но это правда."

"На записи твой голос," - Настоял я.

"Да, мой," - Признал Ричард. "И я сделал этот звонок в Кремль, потому что Бьюкканир попросил меня. Он все это время использовал меня."

"Я не верю. Наемники, нанятые для кражи Советской атомной подлодки были под твоим руководством. Я видел денежные транзакции прямо с твоего офшорного банковского счета."

"Ах, но тебе следует знать, что у нас с Бьюкканиром уже давно был один счет. Наверняка, он использовал мои данные."

"Если ты прав, то я хочу поговорить с твоим другом, Бьюкканиром."

С тяжестью кивнул Ричард. "Мы вместе встретимся с ним, потому что я заставляю его заплатить за то, что он со мной сделал." - Заговорил он с неожиданными эмоциями и рвением, я почти поверил в возможность того, что Ричарда подставили. "У. Х. Бьюкканир обедает у Конституционных Садов. Там мы его и найдем."

Прежде, чем мы вышли с квартиры Ричарда, я увидел, как он достал из-под стола закрепленный там маленький пистолет. Он прикрутил глушитель и положил пистолет к себе в куртку.

Я не спрашивал, зачем ему пистолет, но казалось необычным, когда старик вооружился летальным оружием, особенно, когда мы находились в самом защищенном в мире городе.

Пока мы шли по Национальной Аллее, Ричард рассказал мне, как часто бывал в Персидском заливе для установления мира и

предотвращения войны. Я не знал, верить ему или нет, но я был уверен, что, если я смогу поговорить с Бьюкканиром, я получу ответы на многие вопросы.

У.Х. Бьюкканир был худым высоким человеком. Он гордо сидел на лавочке, рядом с зеленой лужайкой, увидев Ричарда, он с энтузиазмом поднялся. Двое обменялись теплым приветствием, и говорили в пол тона. Я подошел ближе и представился. Бьюкканир смутился в моем присутствии и нервно посмотрел на Ричарда.

"Все нормально," - Сказал Ричард своему другу. "Малой работает на меня. Мы вместе прогуливались и встретили здесь тебя."

Я испугался, услышав ложь, и быстро перебил Ричарда. "Мистер Бьюкканир," - Сказал я, настолько уважительно, насколько мог. "Я недавно наткнулся на некоторые доказательства того, что Ричард использовал свои деньги, чтобы финансировать восточно-европейских террористов, которые пытались украсть Советскую ядерную подлодку ранее в этом году - сразу после фиаско с USS Рузвельтом."

"Это секретная информация, сынок," - Перебил меня Бьюкканир. "Откуда у твоего источника подобная информация?"

Я проигнорировал его вопрос, и спросил его, действительно ли он использовал деньги со счета Ричарда, чтобы нанять наемников для кражи подлодки.

Бьюкканир был в шоке от вопроса, и прежде, чем ответить, Ричард достал пистолет из-под куртки и выстрелил старику прямо в лоб. Я услышал, как пуля пронзила череп дипломата, но прежде, чем я отреагировал, он уже был мертв. Холодный сэндвич, который он ел на обеде, выскользнул из его рук и упал на газон.

Я беспомощно взглянул на Ричарда. Я знал, что он отчим Ирины, но я больше не мог говорить спокойным голосом. "За каким чертом ты это сделал?" - Крикнул я.

Ричард спокойно убрал пистолет под куртку, и так же спокойно ответил. "Люди, вроде Бьюкканира, меня ужасно раздражают. Это лживые, хныкающие ублюдки, которые проводят всю свою жизнь, подставляя людей."

"Но я же только из-за этого сюда с тобой и пришел!" - В ярости сказал я. "Я сам хотел задать ему пару вопросов, чтобы узнать, кто тебя подставил. Зачем ты застрелил его прямо на улице?"

"Если ты хотя бы на секунду подумал, что Бьюкканир сказал бы тебе правду, тогда ты еще наивнее, чем я полагал. Я закончил его лживую и никчемную жизнь. Лучше бы поблагодарил меня за то, что я подобным образом убил предателя."

"Ты не можешь убивать людей без суда и следствия," - Протестовал я. "Ты казнил Помощника Секретаря по Международным Делах на территории Вашингтона, прямо перед мемориалом Линкольна. Это неправильно."

"Дай-ка я скажу тебе, что на самом деле неправильно, сынок. Ты не понимаешь, на что способны эти коррумпированные бюрократы Вашингтона. Помощник Секретаря Бьюкканир в одиночку попытался атаковать Ирак, обошел Советский патруль безопасности, а затем обвинил и подставил во всем меня. У меня были все причины на то, чтобы убить его."

Услышав, как Ричард говорит об этом со страстью, я решил не спорить с ним.

По пути обратно в Лэнгли, Ричард дал мне подробный отчет и объяснение всего, что происходило перед войной в Персидском Заливе. Я почти поверил, что он невиновен. Он показал мне доказательства того, что У. Х. Бьюкканир попытался провести все эти саботаж и использовал его счет, чтобы финансировать их, все выглядело так, будто Ричард был зачинщиком угона Советской атомной подлодки. Объяснения Ричарда были небезосновательны, и я не стал дальше спорить. В конце концов, единственный свидетель, единственный человек, который мог подтвердить или опровергнуть заявления Ричарда - Бьюкканир, и он уже был мертв.

Я неохотно извинился перед Ричардом за то, что обвинил его в планировании террористической атаки на Ирак и саботажа с подлодкой, и к моему удивлению, он был добродушен и быстро простил меня за предыдущий шквал обвинений.

Спустя год, меня замучила совесть, и я решил навестить могилу моей дорогой матери. В моей жизни слишком много произошло, я с нетерпением хотел поделиться испытаниями и приключениями, через которые прошел, с моей матерью, которая, я уверен, наблюдала за мной все эти годы.

Проведать место погребения моей матери было для меня очень эмоциональным опытом, мне было больно, из-за травмирующих событий, произошедших пару лет назад. Это произошло вскоре после моего переезда в Америку, я все еще докладывал своему руководителю в Лагере, когда мне предоставили засекреченные документы о перемещениях. Я ликовал, из-за возможности полететь в Лондон и посмотреть на благоприятную землю, в которой похоронили мою мать два десятилетия назад.

Но все пошло не по плану.

Предполагался сентиментальный визит, но он перетек в жестокую драку, потому что за мной следили. Мои враги заметили, что я часто посещаю конкретное кладбище в Лондоне. Они стали что-то подозревать, и когда я вернулся в Штаты, смотрящий за кладбищем позвонил мне, чтобы сказать, что несколько неопознанных работников сломали памятник могилы моей матери. Это было как ножом по сердцу. Мне сказали, что у работников был шести-тонный экскаватор,

и они пытались провести эксгумацию могилы! Я был за несколько континентов оттуда, бессилён перед ужасными бесчестными преступниками, но я позвонил в лондонскую полицию и стал молить о помощи. Могилу моей матери оскверняли, и я должен был прекратить это. Один из шерифов согласился, и они смогли направить патрульную машину на место, а затем начать преследовать расхитителей могил. Они сбежали, но я знал, что люди, которые пришли обесчестить священную могилу моей матери, ещё вернутся. На следующее утро, я полетел в Лондон, и начал идти к самой сложной цели в моей жизни. Обезопасить свою мать...

На последних записях в её дневнике, моя матушка писала о своих родителях и членах семьи. Это было странно, я их и не видел ни разу. Не знал своих дядю, тетю или бабушку с дедушкой по материнской линии. Я даже не знал, есть ли у меня живые братья или сестры в Советском Союзе.

Чаще всего, в дневнике упоминались эти места: Москва и Грозный.

Из её журналов, я узнал, что её отец был из Грозного, а некоторые её дальние родственники жили неподалёку от деревни Самашки, к западу от Чечни. Её отец давно умер, был похоронен на семейном кладбище в нескольких километрах от Грозного, в одном отрывке, моя мама написала, что она очень хотела бы после смерти оказаться рядом со своим отцом, бабушкой и другими членами семьи.

Когда я перечитал начало дневника, я понял, что делать. Лондон был слишком опасен для моей матери. Здесь она не в безопасности.

Нужно было перезахоронить её, подарить ей покой где-то в мирном месте, в котором ей не будет одиноко. Она была бы счастлива, если бы провела вечность в компании её ушедших членов семьи в Грозном. Я немедленно начал выполнение этого задания, и я лично наблюдал деликатную процедуру эксгумации её останков квалифицированными работниками, которые затем перевезли их в летном гробу. Арендванный самолет, который я нанял, перевез гроб моей матери на родину её отца, в Грозный. Я знал, где находится кладбище её семьи, там было большое количество членов её семьи, включая могилу дедушки по линии матери. Помогая рабочим перевезти гроб на новое место, я надеялся, что она найдет покой, зная, что её кровная родня лежит с ней бок о бок. Что она не одна в этом жестоком и абсолютно не священном мире.

С того дня, я возвращался на это место несколько раз в год, и говорил своей матери о том, что происходит на моей работе.

Это был ранний 1994, когда я посетил её. Как обычно, я трижды пересаживался на разные самолеты, ехал в объезд на арендованной машине, затем прибыл на священное место. Я был так аккуратен,

чтобы никто в мире не узнал, где находится место погребения моей матери.

Меньше, чем через неделю после того, как я навесил могилу своей матери в СССР, развернулись драматические события. Когда я вернулся в Соединенные Штаты, Ричард сказал мне, что грядет война на российской границе, народные волнения против правительства росли по экспоненте.

Это было для меня шоком, когда я был в Санкт Петербурге и Грозном, все казалось таким спокойным и мирным. Поначалу я не верил Ричарду, но мне довели, что скоро начнется трехсторонняя война, бывший генерал Советских Воздушных Войск получил небывалую поддержку от местного населения и победил на чеченских выборах. Как только он стал президентом, он декларировал независимость от бывшего Советского Союза. Данный акт считался изменой, российские войска были отправлены в Грозный для установления порядка.

Я был в растерянности, не понимал, что делать. Мысль о еще одной войне на родине моей матери была пугающей. Я обсудил наши варианты с несколькими командующими офицерами в Разведывательном Управлении. Чиновники из Пентагона настояли, что войска Соединенных Штатов не должны вмешиваться во внутренние дела Советского Союза, но каждый раз, натываясь на новости, мое терпение кончалось. Сотни этнических русских граждан умирали под перекрестным огнем.

Затем, к моему удивлению, Ричард согласился полететь со мной в Москву, и встретиться с его контактами, которые служили в Государственной Думе. Они были против этой войны, и очень хотели установить мирные переговоры между чеченскими лидерами и советской стороной соглашения.

Было сложно представить, что Чеченский Конфликт был первой серьезной войной в регионе, после распада Советского Союза, и когда я приземлился в Международном Аэропорту Нижнего Новгорода морозным утром, я почувствовал ностальгию, прокручивая память о моем юношестве, которое я провел здесь. Но времени на раздумья о прошлом у меня не было. Ричард информировал меня, что один из его доверенных друзей хотел встретиться со мной неподалеку от исторического Автозаводского Района. Три армейских офицера планировали остановить наземное вторжение, когда полковник Воздушных Сил согласился на переговоры и остановил бомбардировку гражданских. Я был очень благодарен Ричарду, за то, что он позволил мне и Дастину прилететь в Россию, чтобы помочь установить мир.

Хоть мы и летели отдельно, мой дорогой друг Дастин встретился со мной в Аэропорте Домодедово, в Москве, и вместе, мы начали свое

транснациональное путешествие. Ему повезло, что он смог взять с собой все компьютерное оборудование, и когда мы ехали на арендованных машинах, он был достаточно осторожен с мобильным трансмиттером и перехватчиком спутниковых сигналов, которые лежали в его большой сумке. Я был благодарен за его присутствие, потому что я знал, что Дастин - один из лучших хакеров в мире. Блестящий компьютерный программист был моим коллегой во время тренировок в Лагере, и часто, во время миссий, Дастин спасал мне жизнь. Прежде, чем встретиться с нашим контактом, мы решили развернуть небольшую базу неподалеку, и ждать утра, чтобы начать работу, мы вышли из арендованной машины у временного отеля, в тридцати километрах к юго-востоку Москвы.

Дастин и я подготовились к встрече на следующее утро, но прежде, чем выдвигаться, я связался с Ричардом, и предупредил его, куда мы пойдём, а также рассказал общие детали операции. Я сказал ему, что мы скоро встретимся с одним из его контактов. Ричард звучал восхищенно, и сказал, что надеется на скорейшее окончание войны. Я нанял такси и направился на точку randevu.

Через шесть минут на дороге, я заметил, что нашу машину преследуют. Я попросил водителя такси сменить полосу, но преследующая машина все еще была за нами. Дастин, занятый загрузкой нового ПО в свой портативный компьютер, забыл об опасности того, что нам предстоит сделать, но прежде, чем я успел его предупредить, грузовик перед нами остановился. Одновременно, машина позади въехала в наше такси на огромной скорости, я почувствовал жесткую тряску на своем сиденье. Я быстро посмотрел на Дастина. Компьютерный хакер рухнул вперед, скорее всего без сознания от столкновения. Бедный водитель, который пытался ехать по ледяной дороге был мертв. Я потянулся к ручке двери, но она заклинила. Затем, я попытался выбить окно, чтобы выкарабкаться, но к нам подошел человек в маске и разбил стекло молотком. Осколки полетели мне в лицо, моя голова была в крови.

Дальше я ничего не помню. Когда я очнулся, paramediki загружали меня в скорую. Видимо, свидетели позвонили в полицию.

Когда меня закатали в скорую, я был в смятении, я только и думал о том, что же с Дестином. И представить не мог, что я сделаю, если он пострадал. Затем я увидел его. За Дестином ухаживала медсестра, которая обматывала его голову толстым бинтом. Тем не менее, я был рад увидеть своего друга в сознании.

Я попросил paramedika приостановиться. "Ты в порядке, Дастин?" - спросил я его.

Компьютерный программист посмотрел на меня пустым взглядом, будто в трансе. "Все пропало," - прошептал он мне.

"Что пропало, Дастин?"

"Мой компьютер, все мои инструменты, все данные, которые я успел собрать. Ребята, которые атаковали нашу машину, забрали все с собой."

Я пытался успокоить своего друга. "Слушай, не волнуйся об этом сейчас. Главное, что ты жив и в безопасности."

Дастин коротко кивнул. "Мой диск с данными теперь у них. Но они не смогут его прочитать."

"Почему ты так уверен?" - возразил я.

"Потому что он зашифрован по схеме пяти тысяч байт." - Радостно ответил Дастин.

"Хорошая работа."

"Значит, даже с последними технологиями, у воров уйдет минимум десять лет на расшифровку кода, даже используя суперкомпьютер."

Я слабо улыбнулся, когда парамедик увез меня на каталке.

За следующие два дня, я приходил в себя в частном госпитале. На третий день, Ричард связался со мной по защищенной линии. Он сказал, что слышал о происшествии, и волновался о моем здоровье. Затем, Ричард дал мне контактную информацию других его контактов. Этот мистический подрядчик базировался в военных бараках недалеко от российской границы.

Стелс-спутники АНБ установили изображения российских войск, которые двигали в Грозный с трех сторон. В Декабре 1994, первый бой был в деревне Братское, Надтеречного Района, но прежде, чем интернациональное сообщество вмешалось, жестокость вышла на новый уровень.

Я был в защищенном бункере в Светлограде, услышал новости об ужасной бойне в различных городах Чечни. Дастин успешно получил доступ к данным развед-спутников этой местности, кругом были шлейфы черного дыма.

Одна из самых душераздирающих новостей, которые я услышал о бойне в деревни Самашки в Апреле 1995. Международные новостные СМИ докладывали, что российские солдаты поджигали и грабили дома, насиловали и убивали гражданских. Я не мог независимо проверить эти утверждения, поэтому мне не хотелось в них верить без доказательств. Тем не менее, снимки с воздуха, доступ к которым удалось получить, показывали, что деревня была разорвана на кусочки. На душе было горе, я думал, что все дальние родственники моей матери и члены ее семьи, скорее всего, были мертвы, большинство из них жило в той деревне.

Я отчаянно пытался придумать какую-нибудь стратегию, чтобы остановить бойню, но мой дорогой друг Дастин смог найти Советского дипломата, который согласился установить мирную сделку. Мы

проехали двести километров к северо-востоку от Ставрополя, и нашли человека, который назвался переговорщиком.

Прежде, чем я покинул Россию, я, как и международное сообщество, был шокирован новостями о том, что конфликт процветал и развивался в сторону российской границы, когда Советский лидер решил, что Чечня вела себя очень враждебно.

Ричард показывал огромный интерес в развитии гражданского беспокойства в Чечне. Несколько раз он говорил мне, что грядет великая война, и мы должны быть готовы.

Тогда я еще не понимал. "В смысле, готовы?" - Спросил я Ричарда.

"Оу, я имел в виду, что мы должны внимательно наблюдать, так как война на Балканах и в Советском Союзе нас не касается."

"Война всегда должна нас беспокоить," - Напомнил я ему. "Разве мы в АНБ не для этого столь усердно работаем? Мы выполняем миссии под прикрытием каждый день, чтобы предотвратить войны и сражения."

"Поправочка," - Ричард прокашлялся. "Мы стремимся предотвратить войну на Западе. В Северной Америке. Какая нам разница, кусаются ли между собой обитатели России?"

Снисходительный голос Ричарда расстроил меня, но я попытался поспорить с ним. "Если ты прав, и в Советском Союзе грядут гражданские беспорядки, я считаю, что наш долг - остановить их. Если мы ничего не сделаем, тысячи гражданских пострадают."

"Пусть эти дикари поубивают друг друга," - Растянул Ричард, но заметив, как я побледнел, он сказал голосом помягче - "не волнуйся, если ситуация выйдет из-под контроля, я уверен, что Государственный Департамент даст разрешение АНБ и ЦРУ вмешаться."

Один из моих бывших инструкторов в Лагере был командиром 131ой Бригады Майкоп. Он был Советским офицером, ответственным за отправку молодых солдат на верную смерть, потому что на ранних стадиях войны, почти все члены Бригады были уничтожены во время безответственной атаки. Мое сердце кровью обливалось, потому что я не мог терпеть еще больше смертей. Но ни смотря на то, как сильно я надеялся на мир, сражение продолжалось.

Я питал гнев к людям, которые начали эту ужасную войну, беспощадную к молодым военным. Их бросили на линию огня ни смотря ни на что. Им было наплевать, даже если они потеряют тысячу человек за день? Самой печальной частью этой войны была легкомысленность гражданских в городах Чечни.

Моя третья остановка должна была быть в заброшенной текстильной фабрике на пустующей аграрной земле в Рождестве, плодородной территории в Брянской области. Дастин сказал, что он

знал двух других компьютерных инженеров, которые могут сотрудничать с нами, и могут помочь в использовании нового ПО для перехвата коммуникаций между войсками, сражающимися на земле. Этот подход казался необходимым, когда Дастин узнал, что огромное число зарубежных соотечественников вернулись в бывший Советский Союз, за две недели до начала конфликта в Чечне. Один из снимков с воздуха с наступающими враждебными войсками показал, что они перемещались на стелс-самолетах, принадлежащих австрийскому производителю оружия. Я узнал логотип на этом самолете. Это была зубчатая серебряная линия, символизирующая вечную власть Восточно-Германской секретной полиции. Также, я узнал одного из людей, которые летели в Россию. Это был Вернер Люгер, австрийский бизнесмен, который был близко знаком с отчимом Ирины. Я думал, зачем старый друг Ричарда из Австрии прилетел в бывший Советский Союз прямо за несколько дней до жестоких событий в стране.

Объяснить это я не мог. Но Дастин с нетерпением сказал мне кое-что сильно волнующее.

Компьютерный программист подозревал, что нашу линию коммуникаций могла взломать и перехватить третья сторона. Когда я настоял на объяснении, он сказал мне, что последние четыре раунда с нашими российскими контактами были скомпрометированы.

Я признал, что это было странно, но причин на то я не видел. Может, просто линия неудач.

"Но это не просто саботаж," - Быстро прошептал Дастин.

"О чем ты?" - Спросил я.

"Ты не заметил?" - С недоверием сказал Дастин. "Каждый раз, когда Ричард назначает нам встречу с кем-либо, нас атакуют, а затем крадут наше оборудование."

"Нас подслушивала третья сторона," - Предположил я.

Дастин настойчиво помотал головой. "Невозможно," - Сказал он прямо. "Я использовал самый сложный на данный момент шифр, чтобы позвонить по прямой линии Ричарду. Этот разговор было невозможно перехватить."

"Тогда что ты предполагаешь?" - Спросил я, подозревая худшее.

"Единственным объяснением было то, что Ричард продал нас каким-то наемникам."

"Ты не понял, Дастин," - Я успокоил своего друга. "Мы не нужны Ричарду мертвые. Он отправил нас сюда, чтобы мы встретились с его контактами, чтобы мы смогли быстро закончить эту войну."

"Не знаю," - С неуверенностью сказал Дастин. "Я всего лишь хочу сказать, что кто-то оповещал преступников о нашем местоположении каждый раз, когда ты передавал Ричарду новую информацию."

"Хорошо, я знаю, что это не просто. Может ты и прав." - Сказал я.

"Так, что нам делать?" - Кратко спросил Дастин. "Нам отменять встречу с компьютерными инженерами?"

"Нет, слишком поздно," - Сказал я. "Но я не стану подвергать тебя опасности. Я пойду на место встречи и поговорю с твоими друзьями инженерами."

"Хорошо, а мне что делать?" - Хотел узнать Дастин.

"Сиди спокойно," - Сказал я ему. "Оставайся в убежище. Никто не знает об этом месте, значит и навредить не смогут. Я скоро вернусь."

"Хорошо, но возьми с собой трансмиттер," - Дастин прицепил небольшую кнопку на мою куртку. "Так я буду знать, что ты в порядке."

"Пожелай мне удачи." Я взял свой маленький чемоданчик и поехал на неопознанном грузовике на место встречи.

Когда я зашел через железные ворота, на складе было достаточно тихо. Замки были сломаны.

Я достал свой фонарик и обследовал все вокруг. Не было ни звука. Лишь острый запах в углу кладовки.

Я зашел внутрь, чтобы узнать, отчего исходит запах. Я увидел пятно свежей крови на гранитном полу. Я аккуратно переступил через лужу крови и затем увидел нечто ужасное. Два молодых человека лежали на полу. Их тела были изрешечены дюжинами пуль. Я осмотрел их одежду и просветил инфракрасным фонариком, отпечатков не было. Я понятия не имел, кто был виновником преступления. Видимо, работали профессионалы, потому что они не оставили за собой ни единой улики.

Я хотел остаться, и вызвать скорую, но понимал, что это бесполезно. По их холодным телам, я мог сказать, что два компьютерных инженера были мертвы минимум несколько часов. Затем моя кровь застыла, когда я подумал о Дастине. Он был один в убежище. Мой друг не был тренирован для боев, и, если наше местоположение и коммуникации были скомпрометированы, он больше не был в безопасности в той секретной локации.

Я побежал к грузовику и на всей скорости поехал к убежищу. За километр, я увидел, что из небольшого каменного дома исходит темный дым. Я припарковался подальше, и аккуратно подошел. Я молился, чтобы Дастин был в порядке, но когда я подошел ближе, я увидел, что двери были взорваны какой-то взрывчаткой. Я игнорировал дым, и вошел внутрь.

Дастина не было!

Мой друг пропал. Но на его столе остался радио-трансмиттер Motorola, который Дастин нашел на месте аварии, и проанализировав частоты, у него получилось перехватить коммуникации наших врагов.

Его компьютер все еще был включен. Прежде, чем Дастина похитили, он искал имя Вернер Люгер на своем компьютере. Люгер

был австрийским бизнесменом, который оказался старым другом Ричарда еще когда он был в Штази. На компьютере Дастина было не много информации, но я предположил, что его похититель был этим австрийцем. Мой друг пытался оставить за собой подсказки, чтобы я смог найти и спасти его.

Я знал, что блестящий хакер был похищен, но я надеялся, что он был еще жив. Программиста не стали бы убивать амбициозные похитители. Дастин знал слишком много, и все это держал в голове, поэтому он будет полезен похитителям живым. Но это лишь вселяло в меня ужас, потому что я и думать не хочу, каким пыткам будут подвергать молодого человека.

Нужно было найти его, пока не поздно.

Я инстинктивно собирался попросить Ричарда о помощи, но что-то, что Дастин сказал мне ранее, проскользнуло у меня в голове. Дастин был уверен, что это Ричард подставил нас, и сдал наше местоположение преступникам, и то, что его старый знакомый мистически оказался в России за недели до большого регионального конфликта было правдой.

Нет, я не могу просить его о помощи. Я только подвергну Дастина опасности.

Я позвонил единственному, кому доверял. Это был Капитан Песков, старший дипломат, у которого было огромное влияние в Российском Сенате, а также в Государственной Думе. Песков был моим коллегой, когда я тренировался в Советском Лагере, и мы оба были отобраны для выполнения миссий во Франции и Британии. Это все еще была Коммунистическая Эра и наши штабы размещались в Восточном Берлине. Во время первой недели слежки и наблюдения в Восточной Германии, нас арестовала полиция Западной Германии, нас держали как шпионов. Британские агенты жестоко допрашивали нас, и когда она перевозили нас в еще более жалкое место, я отвлек троих охранников, которые нас окружали, и позволил Пескову сбежать. Он был благодарен за то, что я спас ему жизнь, и пообещал мне вернуть должок, однажды.

Я поискал его имя в глобальной базе данных Дастина, и нашел не отслеживаемый номер.

Голос, который ответил мне, звучал знакомо.

Я не стал тратить время на любезности и прямо попросил о помощи. Я рассказал ему, что случилось с Дастином, и попросил его помочь мне найти компьютерного программиста.

Капитан Песков сразу согласился. "Конечно, я помню Дастина. Я бы не стал звать его другом, но только потому, что кроме компьютера у него друзей нет, да?"

"Он влез в эту передрыгу из-за меня," - Сказал я Пескову. "Ты можешь как-нибудь отследить его местоположение?"

"Да, я отправил тебе адрес моего командного центра. Приходи. Я дам тебе полный доступ к системе отслеживания нашего отдела разведки. Если Дастин в Российской Федерации, мы об этом знаем."

"У тебя есть снимки с воздуха этой местности?" - Спросил я.
"Может будут улики, указывающие на личности похитителей."

Песков спокойно ответил - "У нас здесь система контрразведки по последнему слову техники. Если твой друг хакер оказался в ней, они быстро это заметят."

"Хорошо, я говорил тебе про австрийца" - Начал я, но Капитан Песков перебил меня.

"Об этом мы позаботились. Он нужен КГБ так же, как и тебе, у нас есть снимки Вернера Люгера и его сообщников, которые нелегально пересекли границу Советского Союза. Я уже прогнал снимки лиц через государственный биометрический сканер КГБ. Мы скоро найдем их."

"Что насчет автострад?" - Спросил я снова. "Они наверняка Дастина увезли на фургоне или вроде того."

"Скорее всего, поэтому я уже соединился с городской спутниковой системой наблюдения Москвы. Теперь, мы наблюдаем почти за всеми крупными дорогами."

Я начал благодарить его за помощь, но Капитан Песков отмахнулся от моей благодарности. "Не волнуйся, мы найдем твоего друга."

Уже ночью, я оказался внутри периметра базы. Капитан Песков, который предоставил мне местоположение его здания, предупредил меня о том, что здание серьезно защищено электронными воротами и пуленепробиваемыми окнами, но тепловизоры новых результатов не дали. Я знал, что Дастина держали где-то в развалинах, поэтому решил начать с подвальных этажей. Первый этаж был пустым. Тем не менее, в одном из машинных отделений, я услышал стабильное жужжание двигателя. В здании был источник питания, что означало, что кто-то использовал его, как базу для проведения операций.

Я проследовал за звуком двигателя, и нашел заблокированный дверной проем к задней части склада. Так как дверь была заперта, пришлось выпустить целый магазин из моей винтовки, и у меня получилось сломать замок. Но весь этот шум наверняка привлек внимание смотрящих охранников: как только я прошел через металлическую дверь, я получил удар по голове. Он был таким тяжелым, что я был уверен, что мой череп раскрошило. Я упал на пол и потерял сознание.

Внезапно я очнулся от шока и полной темноты. Мои глаза быстро начали искать за что можно зацепиться, но тени были всепоглощающими. Единственное, что я слышал - это мое неровное дыхание в тишине комнаты, которое отражалось эхом от бетона. Я попытался пошевелить ногами, но они были крепко привязаны к жесткому металлическому стулу. Мой язык был ватным, а на кончиках губ чувствовалась веревка. Мое сердце ужасно громко билось в моих ушах, и стало биться еще громче, когда паника начала распространяться по моим костям.

Сначала, все, что исходило из моего рта - было жалкой серией стонов, когда я попытался прокашляться. Затем, я попытался говорить, крича в темноту. Моя глотка была расцарапана, словно наждачной бумагой по коже, и большинство звуков глушилось куском ткани, который использовали как кляп. Волна безнадежности прокатилась по моему телу, я даже сбился с дыхания. Я попытался справиться с волной эмоций, мои глаза бегали по всему помещению. Я попытался найти ответы в своей памяти.

Как я сюда попал?

Где я?

В комнате воняло гнилью, и я начал понимать в какой я ситуации. Я пытался вырваться из веревок, но они были сильнее, впивались в кожу вокруг запястий и рук. Стул и на миллиметр не сдвинулся; он был прикручен к полу. Я заставил себя глубоко вздохнуть, чтобы успокоить свои мозги, напоминая себе о суровых тренировках, но кляп во рту усложнял мое дыхание. Внезапно, я почувствовал боль в носу и запах железа.

Мой нос. Он сломан. Страх в холодном поту, комок подкатился к горлу.

А затем, дверь открылась.

Моя голова инстинктивно повернулась в сторону скрипа металлической двери. Я услышал звук тяжелых шагов, и мое сердцебиение подскочило. Я успел услышать несколько слов по-немецки, прежде чем группа людей встала передо мной.

Первый был среднего роста. Он был седоватым блондином, и я сразу узнал его голубые глаза. Это был австрийский политик, который был многие годы партнером по бизнесу Ричарда.

Мужчина вытащил кляп у меня изо рта и обратился ко мне на немецком. "Ты знаешь меня?"

"Вернер Люгер." - Сказал я холодно. "Теперь, скажи мне, где Дастин?"

Люгер злобно хихикнул. "Твой дружок жив, и таким и останется, до тех пор, пока будет сотрудничать с нами."

Я задумался. Я хотел понять, что эти австрийцы делают в Российской Федерации, и спросил его, что они здесь забыли.

"А, раз ты так вежливо спросил, пожалуй, расскажу тебе о своих планах," - Улыбнувшись, ответил австриец. "Видишь ли, как только вы со своим другом дадите мне всю нужную информацию, я обещаю, что вы оба умрете очень быстрой и безболезненной смертью." Мужчина взял паузу. "И, если будете хорошо себя вести, может даже похороню вас с почестями. И так, ты хотел узнать, зачем я прилетел на Советскую пустошь. Мы с моими дорогими коллегами озолотимся от прибыльной войны, которая, надеюсь, будет идти еще несколько лет."

"Как вы получите прибыль от войны?"

"Дурачок!" - Злобно посмеялся Люгер. "Ты знаешь, зачем моя команда пристрелила российского пилота в Долинском? Я приказал им устроить саботаж с обеих сторон и развязать войну, моим планом было получить красочный Новый Год, но люди из моей команды не могли дождаться и начали битву в Долинском в последнюю неделю Декабря."

"Твои люди запустили ракеты по Российским войскам? - Вопросил я. Я вспомнил, сколько российских солдат и офицеров было убито при чеченской атаке.

"Конечно, мы сделали так, чтобы казалось, будто чеченские силы атаковали вооруженные российские войска ракетами, и мы знали, что россияне попытаются отомстить, и проведут атаку с воздуха. Нападение считалось первым громким столкновением, так как Москва отправила солдат в отсоединяющуюся республику. Вернер Люгер энергично потирал руками, пока говорил со мной. "Теперь, скажи мне, кто дал тебе информацию о местоположении моего командного центра? Эта информация должна была быть секретной."

Я покачал головой в непонимании. "Я ничего тебе не скажу, пока не увижу своего друга."

Радостный взгляд австрийца пропал с его лица. Он выглядел очень злобно, и повторил вопрос. Я настоял на том, что хочу сначала увидеть Дастина, и убедиться, что он жив. Это разозлило его настолько, что он зарядил мне по челюсти.

Мое лицо почувствовало раздирающую боль, и на секунду мир завертелся, как карусель. Рой звезд закрутился перед глазами в темноте, и я с силой выдохнул, вакуум внезапно заполнил мои легкие. Я упорно пытался снова начать дышать.

Была полная темнота, и прежде, чем я осознал острую боль в челюсти, я почувствовал прилив адреналина. В считанные моменты воздух вернулся в мои легкие, и я невольно всплакнул, мое тело задрожало, я был в ужасе от того, что может последовать дальше.

Еще один удар прилетел мне в лицо, теперь уже в нос, который Люгер вбил еще глубже в череп. Крик, который я издал, был диким и полным страданий и ужаса. Боль окутала меня, и я снова услышал

немецкий голос. Хотя я и владел немецким на разговорном уровне, пришлось потратить какое-то время на перевод слов в моей голове.

"Дорогой мальчик, если ты не дашь мне информацию, которая мне нужна, я убью тебя." Голос Вернера Люгера был спокойным и собранным, пропитанным наслаждением от садизма.

Я подавил дрожь и глубоко вздохнул. "Я расскажу тебе все, после того как увижу своего друга."

Австриец посмотрел на мое непоколебимое лицо, и возможно, понял, что какую бы боль они мне не причинили, я не расскажу им ничего. Он наконец вздохнул. "Хорошо, мы тебя приведем к нему."

Он гавкнул приказ своим людям, и быстро развязал мне руки и ноги. На секунду, я почти почувствовал себя свободным, но высокие охранники взяли меня под руки и потащили в комнату в конце слабо освещенного коридора.

Я быстро думал. Как только они приведут меня к Дастину, я перейду ко второй части своего плана.

Я изначально ожидал захвата, потому что я знал, что это единственный способ найти моего друга. Но мне нужно было, чтобы они привели меня к нему.

Через пару минут мы прибыли в темную подвальную комнату. В центре ее была металлическая клетка, и мой дорогой друг был заперт внутри. Две огромные собаки злобно лаяли в паре футов от нас, казалось, что они собираются напасть на Дастина и покусать его. Я закричал в страхе, потому что знал, как Дастин боится собак. Молодой хакер никогда в руках даже пистолет не держал, а сейчас его жизнь была под угрозой - из-за меня.

Когда Дастин услышал мой голос, он подбежал к металлической двери и схватился за прутья. Он сказал мне вытащить его из клетки как можно скорее.

Я коротко кивнул ему, и попытался рухнуть на каменный пол. Один из охранников попытался схватить меня, но я выхватил оружие из его кобуры и приказал второму бросить пистолет. Когда я разоружил обоих, я взял у одного из них ключи и освободил Дастина из его ужасной клетки. Также, я заставил этих двоих забраться внутрь клетки, и закрыл их там.

Побег из защищенного здания был сложнее, чем я представлял, но к моему везению, Дастин был со мной. Прежде, чем его похитили, Дастину удалось хакнуть систему и загрузить чертежи здания. Он знал короткие пути, но нас все еще преследовали вооруженные охранники, которые оповестили всех о побеге.

Я попытался бежать, но понял, что у Дастина была повреждена правая нога. Ему было тяжело идти. Пришлось поддерживать его, и вытаскивать из здания - это нас сильно замедлило. Но мы выбрались и покинули периметр, запрыгнули в один из бронированных грузовиков

австрийца. Дастин знал, как завести машину без ключей, запустил ее при помощи проводов, и мы наконец смогли оторваться от наших похитителей.

Я думал, что худшее позади, но это было лишь начало предстоящего ада.

В следующие три дня мы скрывались. Частные наемники, нанятые австрийским политиком и его поставщик оружия преследовали нас по всей России. Дастин смог найти нам убежище в одном из домов своего друга хакера, но мы не хотели подвергать опасности невиновных людей, поэтому продолжили двигаться дальше.

Мы пытались выжить, Дастин рассказал мне, какую информацию он нарыл по финансовым операциям Вернера Люгера.

"Что конкретно ты нашел?" - Спросил я, заметив, что Дастин боится говорить дальше.

"Приказ пришел напрямую от Ричарда. Твой босс из отряда Блэк-Опс АНБ."

Я замер. "В смысле?" - Спросил я. "Ричард организовал нападение на нас?"

"И мое похищение," - Настоял Дастин. "Есть доказательство. Он перевел больше миллиона долларов за неделю до приезда Вернера Люгера в Россию. Он сказал Люгеру похитить меня.

"Зачем ты им нужен? Я не понимаю."

Дастин нервно слотнул слюну. "Вернер попросил меня взломать российские гражданские спутники и использовал тепловизоры, чтобы найти семнадцать военных баз."

"Так вот что нужно этим австрийским наемникам," - Сказал я вслух.

Наконец все обрело смысл. Вернер Люгер охотился за оружием России, и он знал, что семнадцать официально не существующих военных баз хранили все ядерное оружие страны. Вот, что он имел в виду, когда говорил, что эта война принесет ему прибыль и новые сделки по продаже оружия.

"Да, но зачем Ричарду платить ему за кражу российского оружия?" - Спросил меня Дастин.

Я покачал головой. "Мы не узнаем, пока не спросим Ричарда. Я обещаю, на этот раз я выпрыгну из него правду."

"Мы возвращаемся в Мэриленд? - Хотел знать Дастин. "Я скучаю по своей маленькой спокойной лаборатории в Рэнделстауне." Хакер нервно посмеялся. "Там меня хотя бы никто не пытается и не хочет убить."

"Слушай, пока что мы не можем вернуться," - Сказал я компьютерному программисту. "Смертельная война все еще идет на границах России. Чеченские и российские гражданские умирают

каждый день из-за страшной войны, которая началась из-за коррумпированного австрийца. И мы единственные, кто знает правду, и может остановить эту войну. Мы должны попытаться остановить убийства."

"Но как?" - Безнадежно спросил Дастин. "Как ты можешь остановить эту войну? Обе стороны озлоблены. Смотри! Почитай заголовки сегодняшних новостей. Две тысячи гражданских были убиты в Грозном шесть часов назад. Видишь, сколько гнева с обеих сторон? Что мы можем поделать?"

"Дастин, нам нужна надежда," - Резко ответил я. "У тебя есть все нужные доказательства. Ты смог загрузить файлы на Вернера Люгера и Ричарда, я перешлю их копии Капитану Пескову. Если мы сможем доказать российскому правительству, что война в Чечне началась из-за австрийского торговца оружием, он поймут, что вся эта резня бесполезна. Россияне не станут убивать россиян. Мы сможем убедить их пойти на мирную сделку."

Дастин не выглядел убежденным. "Но что по поводу чеченцев. Российские пилоты бомбардировали столько деревень - население очень озлоблено. Что, если они продолжат сражаться?"

"У меня там семья," - Просветил я Дастина. "Семья моей матери все еще живет в Грозном. Я все равно поеду туда, провести ее могилу, и ты поедешь со мной. Вместе, мы встретимся с чеченскими лидерами, и расскажем им, что натворили наемники Вернера Люгера. Когда они узнают, что австрийские преступники подставили их, и атаковали российские войска, они прекратят огонь, я уверен."

Дастин не очень горел идеей поездки в сердце войны в Грозном, но мы оба согласились, что это лучший вариант на данный момент.

Спустя два дня, мы полетели на частном самолете в деревню, неподалеку от города Стодеревская. Оттуда, мы с Дастином продолжили наш путь пешком. Много встречалось на пути, но после нескольких сложных месяцев, долгожданный день настал. Два чиновника Государственной Думы и один чеченский командир согласились встретиться для мирных переговоров.

Это был уже 1995, и я искренне надеялся, что скоро настанет конец войны.

На этот раз, когда я вернулся в Соединенные Штаты, я очень хотел узнать правду. После посадки в аэропорту Кеннеди, я полетел прямо в Вирджинию, чтобы встретиться с Ричардом в его частном офисе. Я захватил с собой чемодан, наполненный доказательствами и записями, на которых Ричард прямо приказывал своим людям атаковать и похитить Дастина - я зашел в здание его офиса. Его секретарша пыталась остановить меня, но я прошел мимо нее и вошел в офис.

Ричард широко улыбнулся, увидев меня. "Ты вернулся," - Сказал он с теплотой. "Рад, что ты в безопасности."

Я чувствовал предательство в его неискренности - поэтому я на повышенных тонах сказал ему, - "Ты пытался меня убить. Из-за тебя Дастина пытали и чуть не убили."

Ричард выглядел удивленным. "Не понимаю, о чем ты."

"Больше не нужно лжи," - Сказал я раздраженно. "Мне нужна правда. Послушай эти записи. Все эти звонки исходили прямо из твоего офиса, и все записанные разговоры между тобой и твоим старым соратником из Австрии, Вернером Люгером. Ты заплатил ему за саботаж Российской Федерации, и когда Дастин узнал о твоих планах, ты попытался запытать до смерти его и меня."

Ричард быстро утонул в своем кожаном кресле. Он спрятал лицо за ладонями и взвыл. Я думал, что он заплакал. И наконец, мужчина средних лет заговорил. "Слушай, я знаю, что ты мне не поверишь, но правда не так проста. Да, я совершал эти звонки. Мне нужно было приказать Вернеру убить тебя, но это самое сложное решение в моей жизни. Меня заставили."

"Я тебе не верю," - Немедля сказал я. "Я слышал записи. Ты радостно приказал своему австрийскому другу пытать Дастина и получить от него информацию."

Ричард взглянул на меня. У него на глазах наворачивались слезы. "Мне жаль, что ты не веришь, но правда в том, что передо мной стоял один из моих коллег. Он направил на меня пистолет, и приказал позвонить Вернеру, отдать приказ об убийстве. Я не хотел, но он сказал, что пристрелит меня, если я не подчинюсь. Поверь мне, я правда надеялся, что ты выживешь и вернешься."

Ричард говорил с такой теплотой и добротой, что я не смог найти слов, чтобы описать свои чувства. Он был отцом Ирины, и я хотел поверить ему.

Ричард увидел, что я запутался, поэтому наклонился ко мне через стол и обнял. "Я рад снова увидеть тебя," - Сказал он мягко, слезы навернулись ему на глаза. "Я правда рад. Мне больно думать, что ты мог представить, что я бы смог тебе навредить. Ты - сын, которого у меня никогда не было."

Он говорил в очень отцовском стиле, и на секунду, я полностью поверил ему. Я часто представлял его своим отцом. Я решил довериться ему, и покинул его офис как можно скорее.

Я сел на поезд и отправился на свою съемную квартиру в Фэрфаксе. Прежде, чем я открыл дверь, я услышал легкий шум. Это были помехи радио. Я понял, что звук исходит из моего почтового ящика, я открыл его и нашел передатчик. Я взял его, и услышал голос. Человек из передатчика сказал мне, чтобы я был в архивной секции

местной библиотеки через час. Он утверждал, что у него есть ответы на все вопросы, по поводу произошедшего с Дастином и мной в России.

Я хотел сказать ему, что все ответы у меня и так есть, потому что Ричард, глава отряда Блэк-Опс АНБ уже рассказал мне все, но мне так же было любопытно узнать, кто действительно стоял за саботажем на российской границе. Множество соотечественников умерло у меня на глазах, и я хотел узнать, за что они отдали свои жизни.

Я согласился на встречу и прибыл в библиотеку в архивную секцию, нашел книгу на верхней полке, на которой была приклеена записка. На ней было написано "открой книгу."

Я быстро открыл книгу и нашел маленький шприц между страниц. Еще одна маленькая записка гласила, что мне нужно вколоть себе содержимое шприца.

Я сомневался. Жидкость внутри шприца могла быть опасной, но я безнадежно хотел узнать ответы. Чем бы не был этот химикат, это точно была не отравка. Зачем человеку назначать встречу, на которой он скажет мне совершить самоубийство? Если бы он хотел меня убить, он бы пристрелил меня прямо перед дверью моей квартиры. Я подождал немного, затем закрыл глаза и ввел себе эту прозрачную жидкость.

Спустя секунды, я почувствовал слабость и упал на пол.

Я очнулся внутри офиса почти без мебели вокруг. Длинный деревянный стол стоял по центру и престарелый мужчина сидел за ним. Я узнал его лицо, но не мог вспомнить имя.

"Я уже видел тебя," - Сказал я мужчине.

Когда он увидел, что я очнулся, он подошел ближе и сел на кресло. "Спасибо, что пришел," - Сказал он. "Меня зовут Нил Купер. Я директор Отдела по Кибершпионажу, и я работаю вместе с комитетом по расследованию международных дел.

"Но ты в военной форме," - Выдал я.

Нил Купер кивнул. "Да, потому что до этого года, я был на высокопоставленной должности в Центральном Командном Центре Воздушных Военных Сил США к Юго-Западу Азии."

"Где мы сейчас?" - Спросил я Купера.

Армейский командир махнул рукой. "Оу, мы в моем штабе ВВС США в Арлингтоне, Вирджиния. Ты ведь узнал местность?"

"Зачем подобная секретность?" - Хотел я узнать. "Мы могли встретиться в парке, или любом другом обычном месте."

Нил Купер вздохнул. "Мне нужно было убедиться, что за тобой нет хвоста. Есть вещи, которые мне нужно рассказать тебе о моем работодателе."

"Ричард?"

Командир кивнул головой.

"Сколько ты знаешь Ричарда?" - Спросил я.

Командир Купер слегка нахмурился. "Когда я впервые встретил Ричарда, он уже работал на Специальную Секретную Службу, по высоко засекреченной правительственной программой, ее спонсировали нелегально, которая была создана, чтобы сражаться с глобальным терроризмом и защищать Америку от ее Врагов. Это был союз ЦРУ - АНБ по программе шпионажа по всему миру. Ричарду дали автономный отдел, который он позже превратил в свой собственный отряд Блэк-Опс АНБ, группа, на которую ты тоже успел поработать.

Я все еще не до конца понимал, и сказал - "Да, но почему ты хотел встретиться именно со мной?"

"Потому что отдел армейской разведки кое-что узнал о Ричарде. Хотел задать тебе пару вопросов, может ты что-то знаешь.

"У меня было несколько записей разговоров, где он отдавал приказы об убийствах, но Ричард уже все мне объяснил. Он сказал, что его угрожали убить."

"Ричард тобой манипулировал, сынок." Купер грустно покачал головой.

Представитель разведки показал мне улики, которые доказывают, что Ричард использовал свое логово Блэк-Опс АНБ, чтобы заниматься нелегальной активностью, находил наемников, которые занимались торговлей оружием на черном рынке, военными тайнами, промышленным шпионажем, медицинскими технологиями, компьютерным программным обеспечением по его приказу. Его клиентами были целые государства, корпорации, состоятельные граждане, и даже влиятельные семьи.

Я был в шоке. Я знал, что Ричард не всегда соблюдал протокол, но хотелось верить, что он был честным человеком. Как он мог говорить со мной и Ириной столь красноречиво при том, что он преступник?

Нил Купер, по-видимому, читал мои мысли. "Твоего бывшего босса волновала только собственная выгода. Все что ему интересно, это мировая власть при помощи контролирования национальных правительств и торговля оружием и развед данными для получения выгоды и власти. Именно поэтому он и использовал своего старого друга Вернера для начала войны в России. Он хочет заработать на продаже оружия, и ему наплевать, сколько умрет гражданских."

"Если у Пентагона есть столько улик против него, почему его не судят?" - Спросил я командира.

"Это не так просто," - Пояснил он. "Ричард хорошо замечает следы. Он подставил своих бывших союзников во всех своих преступлениях. Например, все в Министерстве Обороны видели кассету с признанием У. Х. Бьюкканира. Старый политик оставил предсмертную записку, в которой детально объяснил, как Ричард

убедил его в том, что нужно взять на себя ответственность за кражу Советской атомной подлодки. Мы уже знаем, что Ричард нанял наемников, чтобы проверить саботаж, чтобы расширить сферу своего влияния на бывшем Советском Союзе, есть доказательства того, что он использовал личный банковский счет для спонсирования тех операций, но мы почти бессильны. Суд определит, что большинство этих обвинений базируются на бездоказательных совпадениях."

"Но почему вы не можете просто арестовать его, временно, допросить? Я уверен, он расскажет вам правду."

Я увидел отвращенный взгляд Нила Купера. "Это старый больной человек сейчас в бегах. К счастью для него, потому что, если бы этот массовый убийца попался мне в руки, я бы его уничтожил."

"У меня были доказательства того, что он причастен к нелегальным делам," - Признался я командиру, - "Но Ричард убедил меня в том, что он невиновен. Он застрелил одного из своих друзей у меня на глазах. Бьюкканира."

"Да, конечно. Чтобы спрятать доказательства, и заткнуть единственного свидетеля, который мог бы дать против него показания." Командир Купер неодобрительно цокнул языком. "Но Ричард забыл одну переменную уравнения."

"Что это?" - Спросил я, указав на CD плеер на его столе.

"Признательное видео, которые Бьюкканир оставил перед смертью." Нил Купер нажал кнопку воспроизведения. "Если ты посмотришь все полностью, ты заметишь - он утверждает, что Ричард его старый друг, который умолял его взять на себя вину за некоторые из его преступлений, но он знал, что Ричард не всегда играет чисто, поэтому хранил запасной вариант, на случай, если Ричард обернется против него - в этом случае диск разнесется по миру."

"Значит, он был невиновен?" - Вздыхнул я. Я все еще помню ужасную сцену, в которой Ричард и глазом не моргнув, застрелил старика в Вашингтоне среди бела дня.

"Боюсь, что Ричард за последние годы убил очень много невиновных людей." - Ответил мне глава по Операциям Кибершпионажа. "Он каждый год платит сотни миллионов долларов террористической организации в Литве, известной, как Фракция Белуга. Они ответственны за подрывы минимум пяти церквей и торговых центров."

"Тогда почему ЦРУ просто не нейтрализует членов европейской криминальной группировки Ричарда?"

Нил Купер кратко ответил. - "Потому что мы все еще не знаем, кто ими командует. Кроме того, наш эшелон перехватчик захватил аудио запись, которая указывает, что Фракция Белуга пытается получить новый вид оружия."

"Какое оружие они пытаются получить?" - Спросил я.

Армейский командир выглядел нервно. "Что-то загрязняющее воду. Может всю экосистему уничтожить. Мы знаем об этом, потому что Ричард уже получил пробник Рацекадотрила, но он планирует использовать Фракцию Белуга для заказа компаунда. Мы не уверены, какие у них цели, но выглядит так, будто они планируют использовать его против бывших государств сателлитов Советского Союза.

"Ричард нацелился на Россию?" - Тон моего голоса поменялся из-за волнения.

Нил Купер посмеялся. "Ты правда удивлен? Ричард - человек, который нанял своего старого друга наемника, чтобы нелегально попасть в Россию в прошлом году, развязал искусственную войну с Чечней, напав на российские войска от лица чеченских бойцов. Я также перехватил сводку, которая доказывает, что Ричард прямо угрожал российскому лидеру ужасными последствиями, если он не станет нападать на Чечню. Его приказы были недвусмысленны. Сравнять с землей всю территорию."

"Почему именно Чечня" - Вопросил я. "Что Ричард мог получить, уничтожив этот регион?"

"Мы пока не уверены, но был один конкретный приказ - убедиться, что все до единого в деревне Самашки, на границе между Чечней и Ингушетией - будут мертвы."

"Ричард отдал такой приказ?" - Вздохнул я. Мое сердцебиение ускорилося.

Командир Купер заметил панику у меня на лице, и спросил в порядке ли я. "Эта деревня чем-то важна для тебя?"

"Семья моей матери жила там," - Прошптал я, пытаюсь связно говорить. Комок подкатил к горлу, и я с болью пытался сдерживать слезы, которые наворачивались на глаза. "Тетя моей матери, братья и сестры жили неподалеку от этой деревни."

"Это было опрометчиво," - Задумчиво сказал Нил Купер. "Эта деревня не имеет стратегической важности для Ричарда, но он хотел убить там всех гражданских. Это может быть связано с тобой?"

Я тоскливо покачал головой. "Я не знаю. Мне уже наплевать, зачем он это сделал. Вся моя семья уже мертва. Все. Мертвы. Ты должен помочь мне со спасательными операциями на российской границе. Слишком много людей погибло."

Директор по Операциям Кибершпионажа внезапно разозлился. "Эти гребаные российские солдаты ответственны за резню. Они подрывали места, где живут гражданские, и убили тысячи людей в Грозном. Что за дикари убивают своих? Я американский военный офицер, и я обещаю тебе, что ни один американский солдат не согласится подрывать ни один штат. Ты можешь себе представить, чтобы техасский пилот устроил бомбардировку жилых домов в Нью-

Джерси или Калифорнии? Ни один солдат США не согласится убивать американского брата. Но русские согласились."

"Командир, ты сам сказал мне, что Ричард ответственен за бойню. Он заставил российского лидера ввести войска."

"Я понимаю," - С нетерпением ответил Купер. "Но сами солдаты не должны были убивать этнических русских и чеченцев в Грозном. Они могли отказаться подрывать невинных людей. По последним подсчетам, около тридцати тысяч гражданских были убиты российскими войсками. Звери."

"Многие солдаты отказались сражаться, Командир Купер," - Быстро ответил я.

"Брехня!" - Шикнул Купер. "Я всегда знал, что русские е**нутые. Не понимаю, почему ты продолжаешь волноваться об этих психопатах."

"О чем ты вообще?" - Сказал я, ожидая услышать что-то еще о своих соотечественниках.

"Ты понимаешь, о чем я," - Сказал Купер. "Русские все сумасшедшие. Кто станет бомбить собственный народ? Представь американские ВВС и ВМС; они бы в жизни не стали бомбить Филадельфию, Неваду или Коннектикут. Они бы не согласились с подобным приказом."

"Никто в здравом уме не согласился бы на подобное," - Сказал я американскому командиру. "Но еще я знаю, что большинство российских солдат не согласилось с этими приказами, и отказалось воевать в Чечне. Большинство отступили, уволились, а несколько генералов протестовали. Некоторые специально выводили из строя технику и оружие, чтобы не бомбить чеченцев и этнических русских, которые там жили. Но что тут скажешь? Это все было ужасной манипуляцией Ричарда."

"Дай-ка проясню кое-что, сынок. Ричард не летал над Россией на F16 и не подрывал детей. Российские пехотинцы занимались подобным."

"Это правда, но я работал в отряде Ричарда Блэк-Опс АНБ, и я знаю, как он заставляет людей совершать странные поступки. Он обхватывает тебя пальцами как куклу. Он втирается к тебе в доверие, притворяясь, что он беспокоится о тебе, так на него и работало огромное количество людей. Их души принадлежат ему. И моя принадлежала ему на протяжении десяти лет. Каждый раз, когда на миссии что-то шло не по плану, я выражал ему свое недовольство, но он всегда находил отговорки, хоть и весьма странные, но я ему верил. Или, может, я хотел ему верить." Я вспомнил, что мне говорил Капитан Песков ранее. "Российский офицер сказал мне, что большинство его людей отказались начинать вторжение в Чечню даже когда Высшее Командование приказало атаковать."

"Где ты это слышал?" - Скептически спросил Нил Купер.

"Я знаю это, потому что это факт," - Сказал я, подавляя гневные слезы. "Сотни солдат, которых отправили на границу с указаниями о нападении на Чеченю отказались вести войну против соотечественников, они бросили свои позиции, а некоторые ломали технику, чтобы предотвратить наземное вторжение. Так что, видишь ли, ты не прав, когда говоришь, что российские солдаты с радостью убивали российских граждан. Никто не хотел этой безумной войны."

"Может какой-нибудь молодой солдат и не хотел, хорошо, но российские командиры без проблем направили тысячи солдат на линию огня."

"Но многие российские офицеры и даже генералы уволились в знак протеста. Они тоже не хотели этой войны." Я немедленно воспротивился. "Слушай, командир, я знаю, что ты считаешь всех русских дикарями, но это просто не правда. Большинство российских граждан были против этой войны."

Директор по Операциям Кибершпионажа симпатизировал, но его слова были резкими. "Хорошо, сынок, я вижу, что ты пытаешься защитить свою родину, и это отлично, но российские войска должны взять на себя ответственность за все военные преступления и бойни, которые они устроили в Грозном, потому что Ричард лично не убил ни одного невинного ребенка в Чечне."

"Посмотри на это," - Я передал командиру американской разведки копию файлов Дастина. "Это записи, которые мой друг получил с защищенной базы в России, где один из поделщиков Ричарда держал нас в плену. И целая команда внутренних войск, которая была нанята для карательных операций в Грозном работала по прямым приказам Ричарда. Им было приказано бомбить всех без разбора. Ни один российский офицер не стал бы отдавать своим людям подобных приказов."

"Может, ты и прав," - Наконец сказал Нил Купер. "Думаю, сейчас, нам лучше сфокусироваться на последней миссии Ричарда."

"Какой?" - Спросил я, уже растерянный, после недавнего разговора.

"Судя по нашим развед данным, Ричард строит огромный резервуар на своей базе. Если информация верна, он планирует загрязнить водоснабжение в Российской Федерации."

Я задрожал в ужасе, думая о том, какие еще ужасные вещи Ричард планирует сделать в России. "Где находится его база?"

Нил Купер посмотрел на свою карту, и ответил. "Сейчас, его операции проходят на выведенном из эксплуатации химическом заводе, к северу от индустриальной зоны Мылинки."

"Как вы настолько точно определили местоположение?" - Спросил я, удивленно.

"Мой хакер смог получить его конкретное местоположение, базируясь на расшифрованных файлах КГБ, и некоторых спутниковых снимках с тепловизора. Этот завод был под спутниковыми тепловизорами, и наш департамент контрразведки создал точные чертежи зданий. Держу пари, он планировал российско-чеченскую войну, пока жалко скрывался там."

Я хотел еще информации. "Что тебе известно об участии Ричарда в этой войне?"

Купер показал список чисел. "Ричард отправил своих наемников, сначала в Чечню, чтобы начать местное восстание, затем воспользовался хаосом для прикрытия, и приказал президенту Российской Федерации устроить бомбардировку единственного города в Чечне, и он надеялся, что когда новости попадут в СМИ, сработает эффект домино из независимых движений на обширной территории Российской Федерации, из-за чего начнутся многочисленные конфликты. А победителем из всей этой бойни вышел бы Ричард и его поделники по нелегальной торговле оружием и наркотиками. У нас есть убедительные доказательства того, что он ответственен за кражу советской атомной подлодки в 1989."

"Откуда ты все это знаешь?" - Спросил я. "Даже если ты прав, и Ричард виновен во всем этом, он слишком умен, чтобы оставлять за собой очевидные следы."

"Ричард хорошо замел за собой следы," - согласился со мной командир разведки. "Но я подбросил жучок ему домой. Он контактировал с лидером подпольной восточно-европейской группировки за тридцать минут до того, как подлодку украли, прежде, чем Кремль или кто-то еще узнали об инциденте. Звонок был зашифрован, но я установил местоположение. Небольшой остров в Персидском Заливе. Мои работники хакнули камеры отеля и нашли это."

Нил Купер передал мне стенограмму дюжины телефонных звонков, вместе с фотографиями звонящих, но читать я не стал.

"Все еще, в этом нет смысла," - Сказал я командиру разведки. "Если Ричард прошел через все это, чтобы развязать войну в Грозном, зачем он отправил туда меня и Дастина?"

"Я не знаю, зачем он отправил тебя туда, сынок, но вот в чем я уверен. После того, как ты покинул территорию штатов, когда ты приземлился в Москве, твоя жизнь и жизнь твоего друга подверглись нескольким серьезным нападениям. И ты наверняка не удивишься, но мы отследили почти все звонки, которые делал Ричард по своей защищенной линии. Во время первых двух недель, он сделал дюжину международных звонков. Мы не смогли идентифицировать личность человека на другом конце телефона, потому что эти звонки были

перенаправлены через ретрансляторы, но мои инженеры смогли установить местоположение. Это была Россия."

"Я знаю," - Признал я с нетерпением. "Ричард сказал мне, что ему пришлось приказать убить нас с Дастином, потому что один из его коллег направил на него дуло пистолета, и заставил. Он извинился передо мной."

"И ты ему поверил?" - Сказал Нил Купер с недоверием.

"Я надеялся, что он говорил правду." - Признался я.

"Это уже второй раз, когда твой босс скормливает тебе чушь собачью. Он упорно пытался начать первую Персидскую Войну, затем не прошло и трех лет, прежде чем он решил развязать еще одну войну, но уже в России, и оба раза, ты ведешься на тот бред, который он тебе говорит."

"Почему ты так уверен, что эту войну начал Ричард? Сражения были настоящими. Российское правительство решило вмешаться в Чечне, чтобы подавить восстание."

"Есть два вопроса, которые тебя должны интересовать," - Сказал мне директор по Операциям Кибершпионажа. "Первый - кто стоял за восстанием. И второй - кто ответственен за первую атаку, которая спровоцировала наземное наступление? Когда двадцать пилотов были убиты после бомбардировки их базы ракетами. И мы знаем, кто выпустил ракеты."

Командир разведки напечатал на лазерном принтере две страницы цифр с пробелами и местоположениями. Он передал их мне, объясняя, как каждое число содержит одиннадцати-значный номер чека банковской транзакции - безошибочное доказательство гигантских платежей, которые перечислялись в три фазы. Каждый банковский трансфер был на разных людей, их личности не установлены из-за защиты, установленной при помощи дарк-веба. Он объяснил, как Ричард перечислил эти суммы нескольким подпольным преступным контактам в Германии, Австрии и Литве.

"Все три трансфера одинаковой суммы?" - Спросил я.

Нил Купер посмотрел на распечатанный листок прежде, чем ответить. "Две транзакции идентичны. Пятнадцать миллионов каждая. Последний перевод завершился два дня назад. Двадцать миллионов долларов США."

"Вы узнали, кто получил деньги?" - Спросил я.

"Нет, но я нашел способ установить связь с анонимами на другом конце. Они не просто использовали защищенную линию для передачи денег, они передавали сообщения. Я не могу прочитать все, о чем они общались, очевидно, но наш сканер сбора данных получил несколько изображений высокого разрешения. Директор Блэк-Опс АНБ отправил сообщения трем людям. И два изображения размером с паспорта. Узнаешь их?"

Я резко вздохнул и взглянул на листок. Там была цветная фотография Дастина и фото моего лица. Небольшая записка ниже изображения упоминала, что обе цели должны быть допрошены и устранены. Это были классические термины оперативников разведки, использующиеся вместо слов пытка и убийство. Было очень больно представлять, что Ричард отдаст приказ своим людям убить и пытать меня с Дистином. Я доверял Ричарду, он даже нравился мне, иногда считал его отцовской фигурой, но все бывшие эмоции умирали у меня в сердце. Я думал только об одном: как он мог приказать российским войскам устроить бомбардировку деревень неподалеку от Грозного? Зачем было убивать тысячи гражданских? Мир так жесток, у меня отобрали моих последних родственников. Разве смерти моей матери не достаточно? Но боль накапливалась и накладывалась на то, что я только перенес ее останки туда, где теперь все разлетелось на кусочки. Семейное кладбище семьи моей матери в Грозном также было разгромлено, в дыму и осколках памятников. Место упокоя моих бабушки и дедушки также были осквернены вместе со всеми потомками. На секунду, мне стало грустно из-за того, что мои убийцы не смогли выполнить свою миссию. Если бы я был мертв, мне бы не пришлось страдать от этой ужасной грусти на душе, и мне бы не пришлось наблюдать, как все члены моей семьи сгорели заживо под воздушными бомбардировками. Все эти жизни, потерянные в бесполезной войне, битве, которую развязал и оплатил коррумпированный директор отряда Блэк-Опс АНБ. Какая потеря! Я раньше и представить не мог, что мир может быть столь жесток.

Я так глубоко погрузился в мысли, что почти забыл о том, что передо мной стоит Нил Купер. Он снова заговорил. "Пересылка изображений цели - это классический метод анонимных убийств, где ни заказчик ни убийца не знают друг друга. Думаю, что огромные суммы денег, которые Ричард потратил на киллера были потрачены с одной целью: убить тебя и твоего друга хакера."

После месяцев сражений, как во времена Советской войны в Афганистане, первая чеченская война также зашла в тупик, потому что Россия согласилась вывести войска, после мирного соглашения, которое позволило людям в чеченском регионе перейти на самоуправление.

Но потери не вернуть. Ричарду не удалось выполнить свой план, но из-за войны, тысячи людей с обеих сторон пострадали. Все эти новости меня сильно шокировали, и я знал, что политический круг, а также разведка Ричарда начала напоминать миф об Икарусе, персонажа из греческой мифологии, который упал на землю из-за того, что игнорировал все предупреждения о том, что крылья из воска расплавятся, если он подлетит близко к Солнцу. Ричард зашел слишком далеко.

Нил Купер включил видео на проекторе. Я быстро глянул на него, и заметил, что это признание У. Х. Бьюкканира.

Я видел, как Ричард казнил его публично, из-за чего видео меня сильно взволновало. Я спросил Купера, почему он снова включил запись.

"Пытаюсь показать тебе, насколько тебя ввел в заблуждение Ричард," - Сказал мне Купер. "Ричард играл тобой все время, как пешкой."

"Я уже знаю," - С нетерпением сказал я. "Ричард подставил Бьюкканира за собственные преступления, но поменять что-то уже поздно, ведь он мертв. Что я не понимаю - почему ты показываешь это мне сейчас, когда Бьюкканир мертв уже четыре года?"

"Хочешь знать правду? Анонимный чиновник из Пентагона получил и поделился копией видео с признанием старика, и с тех пор, мы прослушивали телефон Ричарда, а также в целом, приглядывали за ним. Тем не менее, мы не могли использовать видео в суде, как улику против него, потому что Бьюкканир признал, что он был близким другом Ричарда, и был готов взять на себя ответственность за преступления Ричарда, но он также упоминает, что он очень хорошо знает Ричарда. Он знал, что Ричард часто убивает людей, которых использует для своей выгоды, в случае смерти, эта видеозапись автоматически отправилась в Департамент Архивов Пентагона."

"Значит, ЦРУ ничего не знает?" - Спросил я.

Купер замешкался. "И да и нет. В видео-признании, он сказал, что Ричард попросил его взять на себя вину за саботаж USS Рузвельта и нападение, но в итоге, он знал, что его могут убить, поэтому решил сохранить оригинальные записи о транзакциях и улики в своей папке, и отправить их в головной офис Лэнгли в случае смерти. Из-за чуткой природы материалов, ЦРУ их зашифровало, и уволило большинство сотрудников, которые участвовали в расшифровке информации."

"Что ты знаешь о другом человеке, о котором мне говорил Ричард?"

Нил Купер на секунду задумался. "А, да, коллега, который возможно держал на мушке Ричарда, чтобы тот приказал убить тебя? Это Клэрэнс Хилл."

"Знаком тебе?"

Купер кивнул. "Да, нам всем. Клэрэнс Хилл был заместителем директора Агентства Информационной Безопасности, и на этой неделе, он сдался отделу полиции Мэриленда, где признался, что он ответственен за начало чеченской войны."

"В какой тюрьме его держат?" - Спросил я.

Директор по Операциям Кибершпионажа выглядел встревоженно. "А зачем ты спрашиваешь? Это секретная информация. Заместитель Директора Агентства Информационной Безопасности - не

обычный заключенный, и его держат в высоко защищенной тюрьме, ожидая суда."

"Слушай, командир, я уважаю это, но мне правда нужно встретиться с ним лично. Мне нужно спросить, почему Клэрэнс это сделал. И почему он шантажировал Ричарда. Мне нужно узнать правду."

Купер тяжело вздохнул. "Я сделаю пару звонков в федеральный пенитенциарий, и узнаю, смогу ли я достать тебе пропуск." Он провел меня к двери офиса. "Проверь почтовый ящик завтра утром, если тюремный смотритель одобрит мой запрос, там будет лежать твой пропуск."

Я поблагодарил его и покинул гранитное здание.

В полдень следующего дня, я был у тюремных ворот, когда охрана подтвердила подлинность моих документов. Все было в порядке, и мне позволили пройти внутрь высоко защищенного бетонного здания без окон.

Когда я ожидал у камеры Клэрэнса Хилла, я заметил, что он выглядел не важно. Бывший заместитель директора Агентства Информационной Безопасности не ожидал меня увидеть.

"Молодой человек, мы знакомы?" - Спросил меня Хилл хриплым голосом.

"Нет, но я работал на Ричарда," - Сказал я ему.

"Ричард послал тебя?" - Сказал старик, внезапно осматриваясь вокруг коридора.

Я поднял руку, чтобы успокоить его, и рассказал ему обо всем, что произошло в Чечне и на границе России. Я описал ему войну, которая только закончилась, и затем, наконец, ознакомил его с тем, в чем его обвинил Ричард.

"Ричард сказал, что ты держал его на мушке, и заставил его заказать мое убийство?"

Прежде, чем я закончил вопрос, старик начал кивать. "Да, да, я все сделал. Пожалуйста, поверь мне, я ответственен за все эти преступления."

"Что насчет убийства российского посла?" - Сказал я. "Это тоже твой приказ?"

Клэрэнс Хилл снова кивнул. "Да, конечно мой. Ричард здесь не при чем. Я лично хотел, чтобы ублюдок умер, так что, пришлось его заказать."

Я открыто насмехнулся. "Мистер Хилл, теперь я знаю, что ты лжешь. Я спросил это только для проверки. Не было никаких покушений на убийства российских дипломатов. Но ты с нетерпением соглашаешься, что все эти преступления были совершены тобой. Зачем тебе это?"

Бывший заместитель директора Агентства Информационной Безопасности не ответил.

"Ты боишься Ричарда? Поэтому защищаешь его?" - Спросил я снова.

И опять, Клэрэнс Хилл не ответил. Я немного подождал, затем положил небольшой CD плеер на стол, и проиграл запись с признанием У. Х. Бьюкканира, человека, который признал вину в преступлениях Ричарда до войны в Персидском Заливе. Также, я рассказал заключенному, как Ричард убил его среди бела дня, потому что он боялся, что Бьюкканир не признает вину.

После того, как я проиграл всю запись, я умолял его рассказать мне правду. "Человек на записи - У. Х. Бьюкканир. Он был политиком из Вашингтона, как и ты, а также, был другом Ричарда. И знаешь что, после того, как Бьюкканир стал бесполезен, Ричард застрелил его прямо передо мной. Так он обращается с людьми, которые оказывают ему услуги. Я знаю, что вы хороший человек, мистер Хилл. Вы бы не стали убивать тысячи невинных гражданских."

"Тысячи гражданских?" - Повторил Клэрэнс Хилл. "Мертвы?"

Я рассказал ему, как десятки тысяч гражданских пострадали в чеченских городах и деревнях, и как тысячи детей умерли во время воздушных налетов, которые произошли за год. "Ричард сказал, что ты ответственен за весь план, также он сказал мне, что ты развязал войну. Это же не правда, не так ли?"

Бывший заместитель директора Агентства Информационной Безопасности глубоко вдохнул. "Я согласился взять на себя вину за все - Ричард пообещал, что тогда невинные люди не пострадают. Он сказал, что просто хотел подзаработать денег на войне в России."

Я был в растерянности. Как Ричард собирался заработать на этом?"

"Кроме увеличенного количества продаж оружия, Ричард сказал, что несколько аналитиков из Сбербанка уверили его в том, что курс рубля упадет в случае войны, и он с его бизнес партнерами смогут нажиться в случае подобной катастрофы. Он собирался убедить сенат США в том, что нужно ввести ограничения на гос. долг России, это спровоцировало бы мультимиллиардные продажи долларов, что увеличило бы долг Кремля. Это пошатнуло бы экономику России, а также набило бы карманы Ричарда деньгами.

"То есть, он попросил тебя взять на себя ответственность за его преступления. Почему ты согласился?"

"Я согласился, потому что он убедил меня в том, что для него очень важно остаться на его государственной позиции. Я думал, что Ричард сможет сделать много хорошего, если останется в кресле Блэк-Опс АНБ. Его таланты принесли бы нашей стране много пользы."

"Тебя ввели в заблуждение," - Прокомментировал я. "Ричард развязывал смертельные войны в различных частях мира. И как и в прошлый раз, Ричард убедил одного из своих доверенных коллег взять на себя вину за свои преступления. Нам нужно остановить его. С твоей помощью, у нас получится."

"Что я могу сделать?" - Спросил Клэрэнс Хилл.

"Ты можешь дать против него показания в суде. Расскажи судье, как он заставил тебя взять на себя вину за его преступления."

"Моя жизнь окажется под ударом," - Протестовал Клэрэнс Хилл.

"Если я пойду против него, он разрушит мою жизнь."

"Это твой шанс поступить правильно," - Сказал я старику.

"Хорошо, я сделаю это, но с одним условием," - Медленно сказал заместитель директора Агентства Информационной Безопасности.

"Тебе придется договориться о полном помиловании, смягчить мое наказание, и получить участие в программе по защите свидетелей. Тогда я дам против него показания в суде, и скажу, как Ричард отдавал приказы на эти убийства, а также нанял наемников для нападения на российские военные сооружения."

После того, как я получил признание от Клэрэнса Хилла, я выехал из тюрьмы. Я был рад, что наконец нашел кого-то, кто не боится высказать правду. Через два часа, я получил звонок от моего друга Дастина. Он позвонил сказать, что Клэрэнс Хилл мертв.

Человек, с которым я говорил несколько часов назад, был найден мертвым в своей камере, тюремные медики заключили, что это самоубийство. Я подозревал, что здесь что-то не так, потому что он умер вскоре после того, как согласился дать показания против Ричарда. Я попросил Дастина проверить записи о посетителях, чтобы узнать, кто еще был у Клэрэнса Хилла. Хакер связался со мной через пару минут и сказал, что немедленно после того, как я покинул тюремный комплекс, у Клэрэнса Хилла появился еще один посетитель: брат, с которым он давно не общался, из Арканзаса.

Я был удивлен от услышанного. Зачем брату старика убивать его?

Затем, я попросил Дастина просмотреть записи с тюремных камер, но хакер сказал, что все записи были удалены. Это было очень необычно. Я и представить не мог, кто способен удалить абсолютно все записи с камер наблюдения целого тюремного комплекса, но когда я прочесал окружающую местность, я заметил несколько магазинов стройматериалов в паре кварталов от входа в тюрьму. Небольшая камера была установлена на газоне.

Я получил пленку и восстановил записи. На них был человек в длинном пальто с небольшим чемоданом, который зашел на территорию тюрьмы через пару минут после меня. Прежде, чем

пройти через ворота, человек на секунду повернулся в сторону камеры.

Я замер, когда увидел его лицо. Это был Ричард!

Тысяча вопросов пролетела у меня на уме.

Что он делал в этой тюрьме? Он преследовал меня?

Теперь, когда я знаю, что Ричард был в тюремном комплексе, я решил расспросить тюремных охранников, даже принес его старое фото. Они подтвердили, что этот человек пришел к Клэрэнсу Хиллу после того, как я ушел, но в следующий раз, когда они проверили его камеру, он был уже мертв.

Мое сердце было разбито из-за этой потери, потому что я не смог защитить старика. Он был в ужасе от дачи показаний против Ричарда, и теперь уже был мертв. Других серьезных улик против Ричарда и всех его военных преступлений у меня не было. Меня повергло в шок то, что Ричард был настолько отчаянным, что убил собственного друга в тюрьме, чтобы тот не давал показаний в суде.

Мой друг Дастин провел свое расследование, и через неделю, он позвал меня в свою компьютерную лабораторию, чтобы рассказать мне, что он узнал.

Дастин сказал, что он вел наблюдение за моими передвижениями последние несколько лет, и каждый раз, когда я навещал могилу своей матери на юге России, Ричард отправлял двоих доверенных наемников Блэк-Опс, чтобы те шпионили за мной.

Я был шокирован этими новостями. Это означало, что мой секрет был раскрыт. Если Ричард преследовал меня до Грозного, он узнал информацию обо всех членах моей семьи в кавказском регионе. Братья и сестры моей матери и другие родные, которые жили там. Но важнее всего, я был подавлен новостями о том, что семейное кладбище, на котором я перезахоронил свою мать, было подвергнуто бомбардировке.

После небольших размышлений, не желая того, я решил перенести останки своей матери с полуразрушенного кладбища в Лондоне на ее родину в Грозный, чтобы она смогла обрести там вечный покой, рядом с родителями и бабушкой с дедушкой. Но мои планы были совершенно некорректны, потому что не смотря на всю мою осторожность, мои враги узнали местоположение семьи моей матери, и разрушили там все.

Дастин также показал мне сводку разговоров, прямоком из офиса АНБ Ричарда с Кремлем, он пытался убедить первых лиц в Государственной Думе устроить бомбардировку конкретных деревень и городов рядом с Грозным. На записях было видно, что, если российские чиновники не подчинятся его приказам, он откроет всему миру серьезные государственные тайны.

Москва решила сделать так, как он хотел, и военные решили взорвать и убить десятки тысяч гражданских на юге России. Одной атакой с воздуха, родной город моей матери был уничтожен. Все члены ее семьи, все мои оставшиеся родственники были мертвы. Не осталось никого на свете, в ком еще течет кровь моей матери.

Я ужасно пожалел о том, что перенес ее останки в Чечню. Почему-то, мне казалось, что если я перенесу ее туда, война не случится. И все родные моей матери не умерли бы тщетной смертью.

Позже, в том же году, я наткнулся на инкриминирующую информацию. Бывший глава Комитета Безопасности Польши связался лично со мной, потому что он был одним из моих инструкторов в тренировочном Лагере КГБ Полковника.

Человек сказал мне, что получил отчет о некоторых неопознанных морских агентах, которые проводили операции из сети баз на искусственных островах в южном Балтийском Море. Это был агрессивный жест, и Российские ВМФ решили перестраховаться - запустили огромное число стратегических морских бомбардировщиков, даже задействовали подлодки особого назначения в Балтийском и Черном Морях, которые были носителями ядерного оружия - они патрулировали удаленные уголки западной Арктики. Эти подлодки были вооружены ядерными боеголовками, передвигались на огромных скоростях, и работали на реакторах. Шквал движения под Арктикой спровоцировал американские ВМС отправить собственные корабли, а также перевели подлодки США в Атлантическом Океане в режим готовности.

Однажды, я спросил коллегу - зачем собирать такие огромные флоты кораблей и подлодок, это же можно расценивать, как акт агрессии. Но он сказал, что правительство США знало первичную роль противоракетных воздушных судов - для защиты советской земли от эсминцев США, и пока они находятся в состоянии повышенной бдительности, конкурирующие стороны не станут вести себя безответственно. Министерство Обороны США знало, что основная цель этих подводных патрулирований - сбор данных. Эти подлодки часто перехватывали линии переговоров НАТО, протягивающиеся по Северному Атлантическому Океану, между Европой и Северной Америкой, и таким образом, российские лидеры могли убедиться, что на Земле пока еще царит мир.

Когда Дастин позвонил мне воскресным утром, я знал - что-то не так. Хакер звучал напуганным. "Привет, есть новая информация."

"Что такое, Дастин?" - Спросил я. "У тебя нервный голос."

"Это не просто так." - Признал российский хакер. "Кое-что случилось."

"Слушаю."

"Я только что получил предупреждение со спутника командования воздушно-космической обороны Северной Америки. Кажется, американская система воздушной обороны в полной готовности, радары персональных штурмовых орудий, которые сканируют моря - также принимают враждебные сигналы от российской атомной подлодки."

"Откуда ты все это знаешь?" - Спросил я.

Дастин прокашлялся. "Я перехватил данные, которые идут напрямую на командный пост НОРАД внутри горы Шайенн. Отчет утверждает, что были замечены гигантские российские атомные подлодки, которые готовятся к запуску торпед в сторону Соединенных Штатов."

"Это безумие. Это спровоцирует ядерную войну."

Мой друг вздохнул перед ответом. "Я знаю, *но* это фальшивая тревога."

"В смысле, Дастин?" - Спросил я в непонимании.

"Я попытался проверить достоверность информации, связался со своим другом, который работает на Военно-Морской Базе в Севастополе. Он сказал мне, что это просто бред. Российские ВМФ не собирались даже целиться в сторону Америки. По-видимому, это подставная операция."

"Как НОРАД может ошибиться?"

Блестящий хакер медленно заговорил. "НОРАДу предоставили фальшивую информацию. Я дважды проверил источник. Они получили звонок от бывшего сотрудника Лиги 13, которые служил директором Блэк-Опс АНБ."

"О нет," - Простонал я. "Опять Ричард."

"Боюсь, что выглядит все так, но Ричард заправляет всем через доверенности, поэтому для него все это делают его бывшие работники."

"Я думал, что Ричард сейчас под следствием в Комитете Разведки при Сенате." Напомнил я Дастину.

"Он был, но, когда он оповестил Министерство Обороны о надвигающемся ядерном ударе от России, он вернул к себе доверие, Министерство Юстиции решило прекратить расследование."

"Как Ричарду удастся продолжать делать все это?"

"Его восстановили в должности главы АНБ после того, как он передал эту информацию," - Сказал мне Дастин. "Белый Дом был рад его прогрессу в работе - его должным образом повысили, и доверили оперативный контроль над запусками ракет."

"Но только президент Америки может отдать приказ на запуск ядерных ракет, не так ли?"

"Это правда, и Президент дал USS Морскому Волку разрешение на запуск ядерных ракет по России." - С грустью сказал Дастин. "Он верил в Ричарда, и считал, что США под угрозой атаки."

"Правительство США не глупые ребята," - Настоял я. "Они не стали бы просто так запускать ядерные ракеты по сильной стране, вроде России."

"Ими снова манипулировали," - Прямо ответил Дастин. "Белый Дом уверен, что русские готовятся запустить морские баллистические ракеты, и Президент отдал приказ отомстить, чтобы уравновесить баланс сил."

Я думал о последствиях возможной катастрофы, и спросил, - "Какие меры отмщения приказал принять Президент?"

"Он дал зеленый свет USS Морской Волк, вооруженной минимум тридцатью ядерными боеголовками подлодке. Ты знаешь, что произойдет, если хоть одна американская торпеда достигнет Родины? Бомбы, содержащие пятнадцать мегатонн взрывчатки - эквивалентно всем разрушениям, которые произошли со всех сторон во времена Второй Мировой Войны. Смертельная сила уничтожит все вокруг."

"Насколько смертельная, Дастин?"

"За всю Вторую Мировую Войну, лишь пять мегатонн взрывчатки было использовано всеми воюющими сторонами вместе взятыми, и всего одна ядерная ракета Трезуб с подлодки USS Морской Волк содержит достаточно мощи, чтобы эффективно стереть с лица земли самые большие города России в считанные секунды."

"Где сейчас USS Морской Волк?"

"Морской Волк был дислоцирован в области Арктики в прошлом месяце, значит, она ближе всего к российской границе. Вот почему Президент приказал этой подлодке заняться ответным ударом."

"Хорошо, Дастин, когда поступил приказ?"

"Только что," - Сказал хакер, - "это означает, что командир американского морского судна Морской Волк собирается запустить ракеты в течение часа."

"Должен быть способ связаться с ними - передать командиру подлодки, что ему нужно подождать немного и отменить запуск. Нужно узнать, как остановить запуск ракет."

"Что думаешь?" - Спросил Дастин.

"Единственный способ предотвратить катастрофу - связаться с американской подлодкой и убедить капитана отменить запуск."

"Он не станет слушать тебя, он выполняет приказ Президента Соединенных Штатов."

"Станет, если мы сможем доказать, что Россию подставили, и что российские подлодки не устанавливали цели на территории Соединенных Штатов, или любой другой страны. Это был блеф, который Ричард осуществил при помощи группы хакеров, которые

взломали системы радаров и подстроили все так, будто Россия собралась запустить ядерные ракеты по США."

"Но американские командиры и Белый Дом единогласно согласились с Ричардом, и решили, что нужно контратаковать Россию, прежде чем у нее появится шанс на атаку, а нынешний Президент дал зеленый свет на ядерный удар, атаку, которая уничтожит город размером с Москву в считанные секунды. Не понимаю, как мы можем остановить это."

Будь я проклят! Я не могу просто сидеть и смотреть, как мир рушится на глазах. Если американская подлодка запустит ядерные ракеты, миллионы граждан России умрут. И в случае катастрофы у России не будет выбора, кроме как организовать ответный удар ядерным оружием. Многие густонаселенные города Америки будут уничтожены. Миллионы россиян и американцев умрут в бесполезной и опасной войне."

Дастин затих на время, а затем заговорил. "Молю бога о том, чтобы мы смогли вовремя прекратить это."

"Найди способ связаться с командующим офицером подлодки." - Сказал я ему.

"Хорошо." Дастин замолк, и я услышал как он начал бешено вводить что-то с клавиатуры. "Капитан Аллан Гилмор. Он главный на USS Морской Волк, ему и приказали произвести запуск ядерных ракет."

"Организуй мне телефонный звонок. Попытайся узнать конкретное положение USS Морской Волк."

"Будет тяжело отследить судно, потому что ядерные подлодки не используют активных сонаров, потому что это может выдать их позицию врагу. Морской Волк - большое судно. Это классическая 19000 тонная вооруженная ядерным оружием подлодка с функционирующим ядерным реактором."

"Лодка мне не интересна, Дастин. Просто скажи мне, какая у них навигация?"

"Они используют инерциальную навигационную систему. Это по сути GPS система, которая использует акселерометры и гироскопы для записи последней известной GPS точки, и берут ее за точку отсчета."

"Ты наверняка знаешь какой-нибудь способ отслеживания подлодок."

"Я пытаюсь, но к сожалению не могу получить доступ к защищенной линии для связи с Капитаном Гилмором." - Сказал Дастин, извиняясь.

"Я не понимаю. Должен же быть какой-то способ связаться с американскими моряками."

- Вопросил я. "Как с ними связываются их родные?"

"По электронной почте. Каждый моряк на подлодке имеет уникальный адрес, по которому они связываются с ними, но они серьезно скрыты."

"Тогда используем защищенный радиоканал." - Предложил я.

"Боюсь, что, когда подлодка погружается в соленую воду, большинство радиоволн не проходят сквозь океанскую воду."

"Тогда как они общаются?" - Хотел я знать.

"Большинство подлодок США общаются между собой при помощи низкочастотных волн - ОНЧ передатчиков."

"ОНЧ сигналы могут проходить сквозь соленую воду?"

"Да, но они имеют очень узкую полосу — значит, они очень медленные. Значит, мы можем передать сообщение, но не в режиме онлайн."

"Но получают ли моряки наше сообщение?"

"Получат," - Подтвердил Дастин. "Но они не смогут ответить по ОНЧ. Чтобы ответить нам, им придется подняться на глубину несколько сотен футов, чтобы отправить ответ, или подтверждение."

У Дастина ушел почти час на установку защищенной линии с палубой подлодки. Я использовал военные коды допуска и запросил разрешение на разговор с командиром USS Морской Волк.

Аллан Гилмор ответил на звонок, и после того, как услышал важные новости о ядерных ракетах, он сказал мне оставаться на линии, пока решает другую срочную ситуацию.

Капитан положил трубку, и я услышал смутные разговоры на заднем плане.

Звучало так, будто Капитан Гилмор делал заявление по центральной громкоговорительной системе подлодки.

"Тревога. Сообщение о внештатной ситуации." - Послышалось эхо голоса робота.

Прозвучал еще один запуганный голос. "Капитан, мы получили конкретные указания от Национального Военно-политического Руководства на стратегический запуск ракет, сэр."

Капитан Гилмор кратко ответил. "Пусть шкипер проверит торпеды, подготовиться к стратегическому запуску."

"Сэр, запрашиваю разрешение на аутентификацию."

"Даю разрешение." Это был голос Капитана Гилмора.

С моей стороны линии, я услышал несколько морских шифровщиков, которые читали последовательность из восемнадцати букв и цифр, для подтверждения президентского приказа на запуск ядерных ракет.

"Альфа, Эхо, Танго, Бета, Эхо, Девять, Чарли..."

Через две минуты Капитан подтвердил, что сообщение подлинное, и согласился с приказом на активацию своим ключом. "Изменить состояние на статус кво для стратегического запуска."

Капитан Гилмор заявил безжалостным голосом. "Подготовка и запуск ядерного оружия были разрешены. Ввести ключи запуска."

"Но сэр," - Другой дрожащий голос проговорил. "Капитан, мы вне зоны ОНЧ. Связь обрывается."

Аллан Гилмор спокойно ответил - "Значит расширьте радиус действия антенны и попытайтесь восстановить связь с Пентагоном."

Спустя минуту, его голос стал громче, и он снова обратился ко мне. "Я не знаю кем ты себя возомнил, но судя по развед данным, российский ВМФ готовит ядерную атаку на нашу страну, уже готовят подлодки. Пентагон заявил, что они будут готовы к запуску в течение 60 минут. Мне отдали приказ на запуск ракет, и это я и собираюсь сделать."

"Капитан, вам нужно выслушать меня. Это вопрос жизни и смерти. Если вы запустите эти ракеты по Российской Федерации, они организуют ответный удар. Это развяжет масштабную ядерную войну!" - Сказал я, в попытке убедить командира подлодки, в надежде, что он увидит смысл в моих словах.

Но Капитан Гилмор ответил решительно. "У меня приказ прямо от президента Соединенных Штатов, и как военный человек, я обязан выполнять приказы от главнокомандующего."

"Капитан, я знаю, что вы хороший человек, и вы служите в Армии потому что хотите защитить свою страну. Подумайте, что произойдет с Америкой, если вы это сделаете."

"Я защищаю свою страну. Я пытаюсь защитить Америку от российского удара."

"Я уже говорил вам, это все подстава. Кто-то устроил саботаж на системе радаров НОРАД и поднял ложную тревогу, чтобы убедить Белый Дом подготовить ядерную атаку на Россию. Но на самом деле они и не собирались нас атаковать. Если вы атакуете первыми, у России не будет другого выбора, кроме ответной атаки. Капитан, спросите себя, сможете ли вы с этим жить. Вы можете позволить миллионам американцев погибнуть просто так, пока сидите в этой подлодке?"

"Что вы от меня хотите? Чтобы я отказался выполнять прямой приказ?" - Спросил Гилмор обеспокоенно.

"Я всего лишь прошу вас подождать немного, пока мы не сможем подтвердить информацию по ситуации. На данный момент, российское Министерство Обороны отрицает все обвинения, они сказали, что они не нацелились на Соединенные Штаты. Если это правда, Белый Дом определенно пошлет вам коды отмены."

"Вы просите меня пойти на огромные риски."

"Капитан, я не собираюсь просить вас поступать неправильно. Просто спросите себя самого, используйте здравый смысл, сэр."

Командир американской подлодки медленно заговорил. "Ваша трансляция исходит на очень низкой частоте. Мы хорошо вас слышим."

"Сэр, я всего лишь прошу вас подтвердить приказ, и еще раз посоветоваться с Белым Домом."

"Отрицательно," - Сказал Капитан Гилмор. "Мы слишком глубоко, чтобы пользоваться радио коммуникациями. Передача радио сигналов крайне ограничена."

Я немедленно ответил. "Значит, поднимитесь с глубины, чтобы установить связь. Кто-то использует вас для начала Третьей Мировой Войны."

"Слишком поздно, сынок. Я уже подтвердил коды запуска."

"Капитан, умоляю вас, не запускайте ракеты. Это будет крупнейшей ошибкой этого века. Россия не планирует атаковать Соединенные Штаты. Пожалуйста, доверьтесь мне всего раз."

Я все еще говорил с командиром подлодки, когда связь оборвалась. Я не знал, специально ли он оборвал связь, или подлодка погрузилась глубже под воду. В любом случае, я все больше беспокоился. Дастин хотел помочь, но мы были бессильны. Я не мог позвонить в Белый Дом и сказать им, что нужно отменить запуск ракет. Я знал, что они не послушали бы ни единого моего слова.

Я вспомнил старого наставника, которые ранее говорил со мной о подозрительной активности отчима Ирины. Ричард был младшим членом Государственного Департамента, адмирал предупреждал, что с ним нужно быть осторожнее.

Контр-Адмирал Кент Хоган был необычным человеком. Он был блестящим, но также у него была отличная интуиция. Впервые я встретил его, когда Ричард рекрутировал меня для работы на ячейку Блэк-Опс АНБ.

Кент Хоган был главой Национальной Контрразведки и Центра Безопасности, был бывшим директором Службы Безопасности Пентагона.

Я набрал номер Хогана по памяти и подождал.

Из трубки донесся голос автоответчика, но я быстро оставил сообщение с объяснениями срочной ситуации. Я сказал Адмиралу, что он обязан сделать все, что в его силах, чтобы предотвратить запуск ядерных ракет по Российской Федерации.

Когда я оставил эмоциональное голосовое сообщение, Кент Хоган ответил на звонок. "Вот это сюрприз."

Я с облегчением вздохнул. Я знал, что он сможет помочь мне и подсказать, что делать дальше. "Пожалуйста, Адмирал. Мне нужно знать, что происходит?"

Контр-Адмирал вздохнул. "Чиновники Пентагона заявили, что военные силы США нужно перевести в повышенную боеготовность."

"Что?" - Почти крикнул я. "Последний раз, когда Америка перешла в повышенную боеготовность - был еще во времена Карибского Кризиса."

"Вашингтон считает, что этот раз еще более опасный, поэтому они дали разрешение USS Морскому Волку на начало потенциального превентивного удара." - Заявил Кент Хоган.

"Но сэр, вы же понимаете, что это неправильно. Россию подставили. Они не собирались запускать ракеты по Америке. Кто-то дал ложную информацию Пентагону."

"Я подозревал подобное," - Спокойно сказал Контр-Адмирал Хоган. "И единственный способ предотвратить катастрофу - связаться с влиятельным чиновником в Кремле напрямую из Пентагона, чтобы уладить это недоразумение."

"Как нам связаться со столь влиятельным человеком?" - Спросил я, в непонимании.

"Э, не *нам*," - Утвердил Хоган. "Ты российский гражданин, тебе и придется связаться с контактом, которому я доверяю. Я не могу просто позвонить в российское посольство. Понимаешь, в моем положении это будет выглядеть очень подозрительно для Пентагона, я потеряю свою работу. Но тебе лучше звонить немедленно. Человек, нужный тебе, находится на изоляции в американском посольстве в Москве."

"Консульство США находится под угрозой?" - Спросил я, интересуясь, почему чиновники из посольства были на изоляции.

"Официально нет," - Сказал Контр-Адмирал, - "сотрудники посольства доложили о протоколе повышенной безопасности из-за ракетного кризиса. Но они не сильно обеспокоены. Посольство США в Москве было построено полностью автономным. Это практически крепость с собственными генераторами, установкой для фильтрации воды, канализацией и личной пожарной станцией, даже собственной интернет-линией в обход российской."

"Им правда страшно?" - С грустью заявил я.

"Конечно. Мы все сильно обеспокоены," - Ответил американский Адмирал. "ВМС США верит, что Россия готовится запускать ядерные ракеты по восточному побережью."

"Это же абсурд," - Заявил я. "Я проверил из доверенных источников в Москве - они сказали, что никакой ядерной подлодки нет даже близко к Соединенным Штатам."

"Не могу сказать, насколько верны источники, но РУМО и АНБ в режиме повышенной готовности. Они утверждают, что получили анонимные данные с радаров, которые показывают, что российские корабли с ядерным оружием мобилизуются. Полагаю, скоро произойдет смертельная конфронтация."

"О каком масштабе идет речь? В плане атаки."

Контр-Адмирал Кент Хоган взял паузу перед ответом. "Они умны, и не собираются запускать ракеты земля-воздух, потому что защита НОРАД блокирует любые воздушные снаряды, но, если русским удастся запустить ядерную ракету с подлодки, это *точно* закончится полной разрухой."

"Они же взрываются только под водой?" - Спросил я с опаской.
"Гражданские не должны пострадать."

"Ядерное оружие работает не так. Если ядерный удар произойдет по восточному побережью, Нью-Йорк, Филадельфия, Вашингтон и даже Массачусетс немедленно подвергнутся массивному цунами, которое произойдет из-за подводного взрыва."

"Сколько жизней это унесет? Цунами или землетрясение?"

"Тяжело сказать, но в этих местностях живет минимум двадцать миллионов человек. И мы даже не рассчитывали, насколько смертельной и заразной станет вода, и на сколько долго мы будем бороться с последствиями - более сотни лет."

В следующие пятнадцать минут, Контр-Адмирал Кент Хоган продолжил давать мне детальную информацию от своих контактов, а также сказал мне позвонить им всем одновременно, и попытаться разрешить ядерный кризис.

Я вспомнил разговор недель ранее с развед-аналитиком, который просил меня помочь ему прекратить торговлю оружием в Балтийском регионе.

Мне были любопытны мистические международные торговцы оружием, и я спросил его, чем конкретно они торгуют.

"Торговцы орудиями," - Сказал мне Чак. "Они торговали дальнобойными ракетами, безымянными суднами и противокорабельными орудиями в обмен на отмытые деньги. Недавно, они заказали подпольный склад, связанный с Ледяным Коробом."

Я был в растерянности. "Что за Ледяной Короб?"

"Это кодовое название российской ядерной базы неподалеку от озера Пясино. База серьезно оснащена, имеется минимум пятьдесят ракет с системой МИРВ. Если доступ к базе получат плохие люди, они смогут вооружиться несколькими дюжинами смертельных орудий."

Чак был одним из главных чиновников национальной безопасности в администрации Джорджа Буша Старшего, и на данный момент работает в Центре стратегических и международных исследований в Вирджинии. Он показал мне несколько фотографий.

Я взглянул на несколько миниатюрных изображений территорий.
"На что я смотрю?"

"Это снимки спутников, которые показывают возобновленную активность на советском ядерном заводе." - Проинформировал меня Чак. "Внутренние источники сказали, что коммунистический режим готовится к началу или уже начал производить плутоний для ядерного оружия."

"Откуда у тебя это изображение?" - Хотел я знать.

"Это запечатлел коммерческий спутник. На фото из маленького здания в Радиохимической Лаборатории на Урале исходил дым, а также двигались огромные количества техники. Лаборатория известна переработкой топливных элементов реакторов, для производства ядерных бомб."

"Есть предыдущие снимки со спутника этой местности?"

"Вообще-то, есть. Предыдущие снимки со спутников показывают подозрительную активность и серьезные тепловые отпечатки в последние недели."

"Но ЦРУ об этом уже знает," - Напомнил я Чаку. "Кто попросил тебя провести это расследование?"

"Оу, ты помнишь того милого старичка из отряда АНБ."

"Ты говоришь об отряде Блэк-Опс?" - Вопросил я.

Чак кивнул. "Да, я зову его Ричард. Вот, он попросил меня накопать что-нибудь обличающее Кремль, чтобы использовать это как рычаги давления. Я немного покопал, и что хочу сказать - СССР, или то, что от него осталось, возобновил попытки производства ядерного оружия."

"Если ты помогаешь Ричарду, я не думаю, что тебе нужна моя помощь, Чак. Удачи."

Встреча Чака со мной длилась всего минут десять, но я понял, что это, скорее всего, был очередной трюк Ричарда в Евразии.

Мой разум вернулся в сегодняшний день, когда я получил оповещение на компьютере. Дастин переслал мне радио передачу, которая пришла напрямую от Капитана Гилмора. Похоже, что командир USS Морской Волк отменил череду запусков ракет, и решил все таки послушать меня. Я обрадовался новостям, но моя радость было не долгой. Момент спустя, второе сообщение было перехвачено спутником Дастина, которое показало новую цепочку приказов для американской ядерной подлодки.

Дальнейшее расследование показало, что капитана подлодки арестовали, и его заместитель занял пост командования. Я немедленно связался с новым командиром, который был молодым неопытным моряком, и я умолял его отложить запуск ракет, но молодой командир твердо не согласился со мной. Новый командир сказал, что протокол действий в чрезвычайных ситуациях был четким и ясным. Протокол Действий в Чрезвычайных Ситуациях был

уникальным кодом, использовавшимся военными США для отдачи приказов на запуск ядерных ракет с подлодок при помощи специальных передатчиков, разработанных для связи со стелс-подлодками.

Он также сказал, что получил прямой приказ от директора Блэк-опс АНБ и Пентагона арестовать Капитана Гилмора за невыполнение прямого приказа Президента. Я сказал молодому человеку, что ему ни при каких обстоятельствах нельзя соглашаться на запуск ракет, но он отказался и прервал радиосвязь.

Евгений был прокурором Бабушкинского районного суда в Москве. Я позвонил ему по прямой линии в офис, и рассказал ему, в какой опасности находится его город. Он был очень напуган новостями, и пообещал связаться с первыми лицами Государственной Думы для экстренного собрания с американскими коллегами. Евгений также сказал мне, что он подозревает конкретного хакера в создании фальшивых данных с радаров НОРАД.

"Что за хакер?" - Спросил я Евгения.

"Я знаю только его фамилию. Доктор Ленц, вроде бы."

"Очень хорошо. Буду держать тебя в курсе событий, когда узнаю побольше о Ленце."

Как только я договорил с Евгением по телефону, я позвонил своему другу Дастину, и сказал ему найти все, что сможет на Ленца. Через пять минут, блестящий хакер уже сказал мне домашний адрес и телефон Ленца.

"Еще вопрос, Дастин. Что особенного в этом Ленце?"

"Малой - гений. Закончил Массачусетский Институт Технологий. Лучший в классе. Получал награду лучшего международного хакера три года подряд. Пропал из Португалии, когда встретился с этим человеком. Узнаешь?"

Я изучил черно-белое фото лысого человека. "Я его знаю. Он один из доверенных союзников Ричарда. Что им нужно от хакера, вроде Ленца?"

"Им нужны его компьютерные навыки," - Ответил Дастин. "Он был экспертом по мониторингу радаров подлодок. И мы считаем, что он также знал, как манипулировать морскими данными."

"Значит ли это, что Ленц мог создать фальшивые данные с радаров так, чтобы казалось, что Россия готовится устроить ядерную атаку на Америку?"

Дастин взвесил слова, перед тем как ответить. "Спутниковые снимки, к которым удалось получить доступ, указывают на то, что хакера похитили в Португалии, и сейчас он в руках похитителей."

Я также узнал от Дастина, что Ленц окончил МИТ с почестями, со степенью в нелинейных крипто-алгоритмах и анализе стохастических

систем. Я узнал, что ДАРПА наняла Ленца сразу, как он окончил университет МИТ, затем он покинул ДАРПА в Арлингтоне, Вирджиния, чтобы построить собственную лабораторию. Позже, он проводил нелегальные хакерские эксперименты, и Федеральное Бюро отобрало его лицензию, а также запретили ему доступ к электронике.

Я планировал связаться с ФБР и доложить о пропавшем человеке, чтобы найти хакера, но прежде, чем я это сделал, на горизонте появился еще больший кризис.

Когда новый командир USS Морской Волк решил продолжить цепочку запусков, он инициировал протокол локдауна, и этот сигнал быстро получил российский морской патруль. Спутники НОРАД засекли радио передачи российского ВМФ, которое трижды предупредило подлодку, и приказало отменить все цепочки запуска ракет. Иначе, России придется произвести ответный удар своими ракетами.

Когда я прочитал сообщение, я знал, что российский ВМФ наконец понял, что их нация вот-вот будет уничтожена американскими ядерными боеголовками - они просто пытались защитить родину, но также, я знал, что в ядерной войне победителей нет.

Я немедленно связался со своим другом, который был активным членом Российского Флота Черного моря, и сказал ему остановить любые готовящиеся удары. Я плачущим голосом говорил на родном языке, и умолял командира Российского Флота послушать меня. Я сказал ему не отдавать приказов на запуск ракет по Соединенным Штатам, потому что в этом случае Белый Дом посчитает Россию провокатором.

Командир сказал мне, что ему придется нанести ответный удар по агрессии американцев, но я умолял его подождать, и убедиться, что атака настоящая. Я попросил его не пускать ракеты даже в том случае, в котором USS Морской Волк запустит в них ракету, потому что весь фарс был создан кем-то, кто ужасно хотел начать войну между Америкой и Россией, разрушив обе великие нации в процессе.

Я думал, что меня никто не послушает, но наконец, один юный телеграфист услышал, что я говорил - обратился прямо ко мне и сказал, что он верит, что я говорю правду, и согласился доложить своему начальству о том, что запуски американских ракет были ложными. За считанные минуты, российский ВМФ перестал целиться и отменил запуск ядерных ракет.

В это время, чиновники из Пентагона наконец заметили, что российские войска разоружились и дезактивировали ядерные боеголовки, больше не пытаясь атаковать Америку. Министр Обороны России также связался с Белым Домом напрямую, и объяснил серьезное недопонимание - они не собирались начинать войну.

Министр также доложил Пентагону, что предатель в АНБ пытался начать войну при помощи ложных данных.

Министр Обороны США связался с американской подлодкой, и приказал командиру USS Морской Волк полностью отменить запуски ракет. Так как на Ричарда поступило уже много жалоб, Комитет Разведки при Сенате собрал месячное слушание о его дурном поведении, и хоть я так и не узнал финального вердикта Комитета, я узнал, что Ричард лично выступал в свою защиту, а также пытался убедить Комитет в том, что он пытался подставить Россию только ради благополучия Америки.

Октябрь 1990 года

Несколько месяцев спустя, когда я вернулся в квартиру Ирины, которую я разделял с ней, я услышал отчаянный крик, доносящийся с опустевшего склада. Звуки напоминали будто женщину били. Я замер, и мои инстинкты снова вырвались наружу.

С тех пор как умерла моя мать, я создал вокруг себя оболочку, которая, как я надеялся, защитит меня от страданий. Моя мать защищала меня ценой своей жизни и, в конце концов, приняла смерть, чтобы я мог дальше жить. Но я не хотел жить. Я никогда не думал, что будет хоть какое-то утешение или смысл в том, чтобы жить без защиты и любви своей матери. Но, несмотря на мою отчаянную боль быть с ней рядом, я пытался выжить, помогая другим. Сцены избиения и нападения моего отчима каждый вечер преследовали меня все время. Я знал, что в этом мире есть и другие беспомощные женщины, любящие и красивые женщины, такие как моя мама, которым нужна была помощь, которые нуждались в ком-то, кто мог спасти их, чтобы в итоге их не убили, как мою маму. Я был чувствителен к зрелищам страданий женщин. Даже случайная стычка на улице или в баре, где женщина выглядела так, как будто с ней плохо обращались мужчины, будоражила адреналин в моей крови и толкала меня к действию. Я не мог слушать, как другая женщина плачет от боли – как и я в детстве, когда не мог спасти свою мать. Теперь, я был полон решимости спасти эту женщину, которая кричала.

Я вбежал в заваленное здание, чтобы узнать, кто попал в беду, но в огромном складском пространстве никого не было. Потом, когда я приблизился к источнику крика, я увидел большую коробку с микрофоном. Это был предварительно записанный звук. В опасности никого не было. Но меня обманули, и я поверил, что кому-то нужна моя помощь. Мое чутье подсказало мне, что это ловушка, поэтому я повернулся, чтобы уйти. Только тогда я почувствовал жало на шее. Это

была толстая игла. Я выдернул острый предмет, когда вдруг другой ударил меня в бедро. Мгновением позже все потемнело.

Я уверен в одном: ни одна боль в мире не может быть более страшной, чем электрический шок в вашем теле. Как будто твои глаза горят. Твои мышцы горят и рвутся под кожей. Я знаю это, потому что я почувствовал это на себе. Даже малейший отказ сотрудничать заставит моих похитителей выпустить в мое тело шквал высокого напряжения. На мне экспериментировали тысячи различных методов пыток; как долго это длилось, я не знал, но был уверен, что это неприемлемо. Когда я пришел в сознание, я уже не был на складе. Я был в лаборатории, без окон, привязанный к металлической каталке, иглы прилипли к моей шее и рукам. Я не мог двигать телом, оно казалось парализованным. Там были люди в хирургических масках,двигающиеся в поле моего зрения, но я не мог их отчетливо разглядеть. Они были в лабораторных очках. Мне надели тяжелые наушники, а в ушах звучала странная жуткая музыка. Непередаваемый звук охватывал мой мозг, я ничего не слышал кроме мелодии. Я пытался двигаться, но это было бесполезно. Пластиковые ремни, которые прижимали меня к каталке, были настолько туго затянуты, что они прорезали мне кожу.

Мои мысли возвращались назад, к началу, когда я впервые познакомился с такими ужасами. Это было сразу после моего шестнадцатилетия. Я сбежал из сибирского приюта, в котором изнемогал пять лет.

Когда меня посадили в тюрьму и приговорили к смерти, страх овладевал моими чувствами, когда я томился в темных камерах сибирской тюрьмы. Однако мое спасение пришло в виде призрачной смертельной работы. Меня забрали в шпионский лагерь и дали мне второй шанс на жизнь. Там я потерял себя и чуть не забыл о своей человечности. Мне дали новое имя, новые инструменты. Для всего мира я был мертв.

Обычная процедура для новобранцев была причудливо условной. Часами нам приходилось тренироваться, чтобы стать бойцами и диверсантами. Дисциплина была жесткой. Малейшее несоблюдение было чревато тяжелыми последствиями. Иногда меня переполняло чувство беспомощности и одиночества. Мои дни были омрачены неуверенностью. Новобранцы, которые плохо справлялись со своими обязанностями, отменялись. Я погрузился в эту жалкую работу, никогда не зная, буду ли я следующим.

Физическими упражнениями руководил главный инструктор, Михаил. Он был блестящим тактиком, но неустанно работал с новобранцами. Я не хотел подчиняться приказам. Действительно,

слушая проклятия и лай инструкторов, я вспоминал о том, как служил в собственном отцовском доме, где мы с матерью по очереди были унижены и избиты его свирепой яростью. Я не был склонен, даже отдаленно, возвращаться к жизни в рабстве и поэтому восставал при любой возможности. Я не появлялся вовремя на ежедневных тренировках или брифингах. Именно на одной из этих физических тренировок мне был вынесен суровый выговор, и я был приговорен к десяти дням лишения свободы. Новобранцам было приказано стать в пары и практиковать кулачный бой и рукопашный бой.

Я легко смог пересилить новобранца, который был в паре со мной, поэтому один из инструкторов решил проверить мои силы и начал наносить удары в моем направлении. Я отклонил несколько ударов до того, как был сбит с толку. Я отчаянно ударил в ответ, как будто боролся за свою жизнь. В моем сознании призрачные образы моего отца, избивающего меня своим ремнем, кружились, как торнадо. Я почувствовал кулак инструктора на руке, но увидел только румяное лицо моего разгневанного отца, который в своей пьяной ярости бьет мамино лицо сжатым кулаком. В ярости я завыл и сжегился посреди мягкого пола.

Мой тренер хотел, чтобы я встал на ноги, поэтому дал мне пощечину, чтобы я поднялся, но тогда я сорвался. Как витая пружина, моя ярость взорвалась, и я схватила мужчину за лицо и прыгнула на него, ударив его со всей своей силой. Он пытался заманить меня в ловушку, но я вывернул тело и так сильно укусил его за ухо, что оно отвалилось. Он закричал в агонии и отшатнулся от меня. К сожалению, мой всплеск не остался незамеченным. За непрозрачным стеклянным окном своего кабинета Полковник увидел, что я сделал, и захотел отправить меня в комнату на подуровне, чтобы меня отменили. Он чувствовал, что я был слишком диким, чтобы поддаться обучению и стать шпионом, но Михаил серьезно вмешался и смягчил приговор. Меня не убили, но должен был бы провести несколько дней в изоляторе.

Мое поведение оставалось далеким от совершенства. В лагере Полковника я чувствовал себя загнанным в угол животным. Я едва мог сохранять спокойствие, даже несмотря на то, что Михаил пытался контролировать мое непредсказуемое поведение. Неоднократно я видел, как он давал Полковнику различные отговорки о том, почему я разбил то или иное снаряжение. Я не знал причины его безответной доброты, но помню, как рассказывал ему о своем пребывании в приюте. Молчаливый человек, его глубокие глаза, казалось, понимали мою боль на душе.

До приезда в тренировочный лагерь я был по-настоящему глуп в плане технологии и управления оружием. Я даже никогда в жизни не видел компьютера. Первый раз, когда мне разрешили войти в

компьютерную лабораторию, был захватывающим. Меня поразил округлый предмет, который направлял стрелку на экране.

Инструктор по компьютерам, худой мальчик с темными узкими глазами, который выглядел моложе меня, сообщил нам, что предмет назывался мышью. Это было поразительно! Компьютер произвел на меня огромное впечатление; у меня ушли недели на то, чтобы научиться нажимать правой кнопкой мыши на главную кнопку и идентифицировать ключи. Как только я овладел компьютером, я решил сделать подарок компьютерному технократу. Я собрал несколько мышей из кухонной зоны Лагеря и поместил их в закрытую коробку. Я подарил их хакеру. Когда он открыл подарочную коробку, он закричал от страха. Я смеялся, потому что тогда это казалось таким уморительным, но почему-то никто не разделил мое чувство юмора. Я думал, что отдаю дань уважения компьютерной мыши, но ему было не смешно.

Иногда я дорого платил за свое упрямство. Я был вынужден чистить все оружие на складе боеприпасов и делать сотни дополнительных отжиманий. Полковник неоднократно угрожал казнить меня, если я не улучшу навыки стрельбы. Мои инструкторы, считавшие меня безумным дикарем, каждый день давали мне дополнительно работу, чтобы привести меня в порядок. До наступления вечера я был бы настолько измучен, что мог только дойти до спального места и упасть в мою постель в полном снаряжении и форме. Почти два года моя жизнь шла в этом бессмысленном круговороте, пока Михаил не почувствовал, что больше не может меня защитить. Полковник думал, что я изжил себя и от меня не было пользы, и хотел, чтобы меня отменили.

Михаил поспешно отправил меня с небольшой миссией в Париж, где вдали от любопытных глаз Полковника я мог пожить несколько месяцев, не убивая людей. Оттуда меня перевели в Лондон, и я пробыл там несколько недель. Я собирал информацию у различных бывших агентов Лагеря, которые жили в Великобритании. В конце концов, Полковник согласился, что я пригоден для миссии под прикрытием в Америке. С моими бледными светлыми волосами и плоскими голубыми глазами, они подумали, что я выгляжу очень по-американски. Мой родной английский язык был дополнительным бонусом. Никто не заподозрил бы, что я русский.

Прибыв в Америку, я вдохнул свежий воздух свободы. Я был уверен, что Полковник больше не сможет причинять мне боль или принуждать. Я был в безопасности.

Но больше нет. Мой разум устремился в настоящее, когда меня везли в другое ярко освещенное пространство. Это было похоже на операционную.

Вначале я боялся, что эти люди хотят ослепить или покалечить меня, или навредить мне ментально, но позже я понял, что у них был более злобный план. Меня отвезли в комнату со сверкающими верхними лампами, а санитар ввел анестезию, чтобы вырубить меня. Я был окружен необычным медицинским оборудованием. Один из людей в маске проткнул капельницу иглой и опустошил ее содержимое в мое тело. Я проснулся с онемением в нижней части тела. Было холодно. С шоком я понял, что я голый, но не было никаких ограничений, которые прижимали бы меня к металлическим носилкам. Я вообще не мог двигаться и не чувствовал ноги.

Я посмотрел вниз и увидел окровавленную марлю вокруг моего туловища. Правой рукой я отодвинул повязку и увидел, что части моих органов отсутствуют. В дымке, которая затуманивала мои глаза, я не был уверен в том, что произошло, но мои яички исчезли, как будто кто-то хирургическим путем удалил их. Я закричал в ужасе, но моя шейная мышца все еще была парализована. Я не знал, чего эти люди хотели от меня, но я знал, что мне нужно было сбежать из этого ужасного места, прежде чем они отрежут еще какие-то части от моего тела. Однако, мечта о побеге была недолгой. Около полдюжины мужчин заплыли в комнату и отвели меня в комнату со звукоизоляцией, где начался мой первый сеанс промывания мозгов.

В течение нескольких месяцев мне делали уколы адреналина в правую руку в больших дозах, в то время как анестезирующие препараты закачивались в левую. Это было сделано, чтобы разрушить защиту моего разума и сделать меня неспособным бороться против методов, которые они применяли ко мне. В течение нескольких часов я был подвергнут различным уровням электрического напряжения, большинство из которых были применены непосредственно к центру моего черепа. Хирурги в масках постоянно делали разрезы на моем туловище и говорили мне, что я не мужчина. Говорили, что я женщина, которой нужна помощь в восстановлении моих репродуктивных органов. Я был в замешательстве. Проходили дни, и мое замешательство только подчеркивалось. Я действительно забыл, как меня зовут. Согласованная речь перестала быть тем, на что я был способен. Я не знал, что со мной происходит, но я знал, что они разрушают мою личность, ломают мою решимость, шаг за шагом.

Беды

Глухое бесконечное отчаяние
Все договоры темные вершило
Украло радость и очарование
Лишь на любовь мои остались силы.

*Unending despair struck a deal,
With the blossoms joy has since blown,
And still- the love I now feel,
Rests in my heart, silent and unknown.*

Все беды что так бережно я прятал
И боль в груди, как тяжкая пучина
Ах, если б мертвым показать расплату,
Они бы умоляли о кончине.

*And if all the woes I left unsaid,
The pain I hold in a single breath,
If ever dissipated amongst the dead,
They would long for another death!*

Сны – это то, что ты не можешь контролировать. Это замечательно, потому что это значит, что другой человек тоже не сможет это контролировать. Я осознал это, когда мне постоянно промывали мозги в лаборатории. Мне снились сны о моем детстве, о времени, когда моя мать была еще жива, и в худших кошмарах я видел день, когда она умерла. Это было так давно, но сны были отчетливыми. Женщины в темных плащах шли за погребальным костром; они плакали. Это были похороны. Похороны моей матери. Милую, добрую и красивую женщину, которая всегда защищала меня от хулиганов. Я помнил ее смерть. Больше я ничего не мог вспомнить из своего прошлого, но последний раз, когда я видел ее живой, был вытравлен из моего подсознания. Я просыпался от этих кошмаров, в лихорадочных слезах. Затем мужчины в масках возвращались и начинали очередную тираду оскорблений и издевательств, почти убеждая меня в том, что я женщина, которой нужно спариваться с мужчиной, чтобы жить осмысленной жизнью. То, что они шептали мне на ухо, было бесчувственным, но я каким-то образом обнаружил, что верю их словам. Я смотрел на собственное изуродованное тело. Я не был похож на мужчину. Мои мужские органы были отрезаны. Мой мозг чувствовал, как будто его разрывали изнутри. Я жил в рукотворном кошмаре.

Электротерапия уменьшилась и в конце концов прекратилась. Как только я начал думать, что худшее позади, меня поместили в бетонную ячейку с небольшим окном, обращенным к небу. Мне не давали никакой еды в течение нескольких дней; это могли быть недели, но я никак не мог определить время в камере без света. Поднос с теплой едой подвозили к окну, как раз за пределами досягаемости, пока я не начал стонать в отчаянии и голоде. Я был уверен, что они убьют меня с голоду. Потом дали ужасную еду, миску с гнилым рисом, кишасим личинками. Это была моя единственная пища за последние семь дней полнейшего голода. Я не мог заставить себя проглотить заполненную зловонием гниющую еду и меня вырвало. Я пытался найти убежище в моем прошлом, счастливые моменты в детстве, поэтому я просеивал воспоминания сквозь обломки молодости, пытаюсь найти хоть одно воспоминание, которое не усилило бы боль, которую я уже чувствовал.

Это было безнадежно.

Следующая фаза моих пыток ждала меня в камере рядом со мной. Я и заключенный, которому промывали мозги вместе со мной, был привязан к стулу. Коротышка, который был ответственен за ввод электрического шока в мою голову, вручил мне маленький нож и сказал, что, если я убью другого заключенного, я буду освобожден. Я отбросил их предложение и, естественно, отказался убивать заключенного.

Последствия моих действий были тяжелыми. Меня снова поместили в голодный бункер, и на этот раз мое пропитание состояло только из мертвых крыс. За этим последовали еще семь дней голода. Тюремщик принес мне сочный бургер и размазал его по лицу. Я умолял их дать мне крошечный кусочек еды, но они снова отвели меня к заключенному по соседству и сказали, что единственный способ получить еду – это убить этого человека.

Еще раз, я категорически отказался. Потом они привели пленника ко мне и начали его пытать. Охранники начали ампутировать беспомощному руки и ноги. Они пригрозили разрезать его на куски и выколоть глаза. Заключенный плакал от боли и мучений и умолял освободить его. Но я не мог заставить себя убить его. Охранники заверили меня, что будут продолжать мучить его, если я не убью его. Я не знал, почему они были одержимы идеей заставить меня убить невинного человека, что они проводят часы, причиняя ему боль, чтобы я согласился совершить ужасный поступок.

Когда охранники отрезали уши невинному человеку, заключенный умолял меня положить конец его страданиям. На этот раз я без колебаний ударил его ножом в живот. Я слышал удовлетворительное хихиканье главного тюремщика. Он сказал, что я должен был подчиниться ему раньше. Садистская стража была рада, что смогла заставить меня убить человека, и в конце концов снабдила меня свежей едой и одеждой.

Этот цикл продолжался некоторое время, и я был вынужден убивать больше людей. Я не знаю, почему я повиновался каждой их прихоти, как будто у меня не было чувства добра и зла. Я стал роботом, машиной для убийства. Мой мозг был в хаосе. Электротерапия продолжалась время от времени, и после каждой процедуры я становился все более растерянным. Кем я был? Что я делал до того, как пришел сюда? Где меня держат? Вопросы проносились через мое подсознание каждый день, но я не мог сформировать целостные воспоминания. Я не был уверен, что потерял память, но мой разум был странно пустым и безжалостным.

Декабрь 1993 года

Так же внезапно, как меня похитили, но как-то вечером я оказался вне тюрьмы, лежа на влажном тротуаре. Буквы и знаки на улице выглядели знакомо. Это был Таиланд. Я зашел с недоумением в магазин и набрал единственный номер, который смог вспомнить. Коммутатор ЦРУ. Моя память была затуманенной; я не мог вспомнить много вещей из своей прошлой жизни. Но кто-то, должно быть, узнал мой голос и попросил меня подождать в том же месте, откуда я

звонил. Я ждал несколько часов, пока не пришел человек и тепло поприветствовал меня. Одна из первых вещей, которую он спросил меня, это причина моего исчезновения в течение двух лет. Я не знаю, что делать с этим странным вопросом. Почему этот человек настаивал, что меня не было два года? По моей оценке, прошло не больше нескольких месяцев с тех пор, как я сбежал от своих похитителей.

Меня перевезли в Америку чартерным рейсом и сопроводили на военную базу в Бруклине, штат Нью-Йорк. Последующие недели были хуже, чем те два года, которые я провел в плену. Мне было приказано пройти многочисленные тесты на детекторе лжи, и мне пришлось перечислить каждую мелочь из моих исчезнувших лет. Это было тяжелое занятие. Мой мозг чувствовал, как будто его разрывают на части.

После одного из допросов старший армейский инструктор по наблюдению отвез меня с базы и согласился высадить рядом с моим домом, или, как я думал, с местом жительства. До этого момента мне нигде было жить. Мой мозг был частично стерт – мои воспоминания перемешались.

Я дрожал от стремительного давления этого перехода: за два дня я перебрался из самой мрачной дыры ада на свободу. Военный говорил со мной, успокаивая меня, возможно, но я не слышал. Мои уши жужжали от странного звука свободы. Когда мужчина предложил высадить меня возле перекрестка, я кивнул головой, но не мог смотреть на него. Мои глаза снова наполнились слезами, и я знал, что не смогу остановить плач. Каким-то образом, будучи свободным после столь долгого времени, я чувствовал гораздо больше боли, чем когда был взаперти. Я прочистил горло и вышел из машины.

Почти три года я был заперт в тюрьме без окон, где меня систематически унижали, морили голодом и пытали. Там я потерял часть себя. Теперь, когда я смотрю на ночное небо, мне трудно поверить, что это реально, что я был действительно свободен. Любимые звёзды всё ещё сверкали над городом, но теперь они сияют другим светом.

У меня не было с собой ни наличных, ни удостоверения личности, но я надеялся, что моя старая квартира все еще будет на месте. Я направился в центр Манхэттена и слепо бродил по знакомым улицам.

На дороге был тонкий слой снега, но я чувствовал смертельный холод. В изношенных туфлях я продолжал идти. В конце концов, необходимость спать переполнила меня, и я упал на придорожную скамейку и потерял сознание. Когда я проснулся, мой желудок болел от голода, и каждый сантиметр моего тела дрожал от холода. Не было ни товарища, который помог мне, ни семьи, которая ждала бы меня дома. Я стоял на оживленном перекрестке, мрачно глядя на десятки

дорог, которые протянулись на мили вокруг меня. Сотни дорог - но ни одна не вела к моему дому.

Позже в тот же день я собрал достаточно решимости, чтобы пойти на мою старую квартиру, надеясь, что она пуста. Это было бессмысленно - у меня не было ключей, но и не было другого выбора. Я прошел по пешеходной дорожке моста Трайборо, слепо позволяя моей зараженной памяти диктовать дорогу домой. Солнце тускнело. В ослепительных лучах сумерек я увидел город, который однажды назвал домом. Прямо напротив меня стоял Манхэттен; высотные здания жутко светились под палящим солнцем.

Мои глаза затуманились эмоциями, когда я поворачивал ручку двери. Дверь была заперта. Это был мой дом, но я не мог войти. Дергаю дверную ручку, я постучал в дверь. Раз. Два. Дверь распахнулась, показалось большое разгневанное лицо. Мужчина спросил меня, чего я хочу. Я был безмолвен. Я хотел сказать ему, что *это* мой дом, но слова застряли у меня в горле. Конечно, эта квартира больше не принадлежала мне.

Как это *могло случиться*?

Я не жил там много лет. Два года я был в тюрьме, я не платил за квартиру. Я не имел права на это место. Преодолевая тоску по дому, я поспешил из здания и заплакал во тьме.

Сны о мёртвых

Жизнь как погребенье, нет совсем надежды.
Чувства онемели, я один как прежде,
Только ритм свой сердце дальше отбивает,
А скорбящих стопы всё вперёд шагают,
И уныло песня с уст их мрачно льётся,
Боль забытых мёртвых в дали унесётся.

Серость плит могильных думать заставляет,
Что есть быть любимым – мёртвые не знают?
Но, увы, не слышат и не видят даже,
Нет от них ответов, я один всё так же.

Ночь моя бессонна, страхом дни полны,
Не любим, я плачу подо мглой луны,
Я не сплю, иначе горе поглотит,
Не был храбрым раньше, видел лишь мечты.

Маялся среди жизни безнадёжных волн,
Только безысходность, смысла нет не в чём.
Словномышь, что скачет в веренице дней,
Без любви, без цели, всё так пусто в ней.

Ведь когда-то сердце радость разрывала,
Но конец уж близок; страх – меня сковал он.
Страх холодной смерти, семьи что ломает,
Заглушает речи, силы разрушает!

Дух мой не находит больше утешенья
Из-за прошлой боли и судьбы лишений.
Проклинаю карму, что несёт страданья,
Я в лесу заблудший, одинокий странник.

И ловцы, и волки гонятся за мною,
Я бежал от жизни, горя, дикой боли,
Оглянувшись, понял: всё ещё в оковах,
Смертью и мученьем, как железом, скован.

Как звезда, что гаснет из-за тяжбы мира,
Жил один, от счастья, от любви гонимый.
Но подобно звёздам, что горят в ненастье,
Я добра не сделал, что заслужит счастье.

Не был я безгрешным, и душа не свята,
Не был беззащитным, сам лишь виноват я.
Но теперь гадаю, сжалится ли Боже,
Упасёт ль от кары и возмездья тоже?

Будет ли мне место в небесах, под тенью?
Хоть того не стою, будет ли прощенье?
Лучше тяжесть долга, коль мне всё простится,
Нежели извечно в безнадёге биться.
В моём сердце грязно от агоний мирских,

Должно быть, я заснул на обочине, потому что, когда я проснулся, уже ярко светило солнце. Я проголодался и дрожал от влажного холода. Мне некуда было идти. Я очень скучал по маме. Я скучал по ее любящей улыбке. На мгновение я истерически надеялся, что она жива, живет в безопасном месте. Мысль о моей матери вызвала бурные эмоции в моей голове. Я вспомнил русскую женщину, которая так похожа на мою маму - женщину, которая напомнила мне о доме, когда я приехал в Америку потерянным русским подростком. Я вспомнил, что она жила недалеко отсюда.

Как будто в трансе, я прошел еще одну милю, пока не подошел к отдельно стоящему дому на окраине Манхэттена. Я не знал, чего ожидать. Семья едва знала меня, но я неоднократно видел, каким великодушным могут быть родные этой семьи. Муж русской женщины приглашал в свой дом путешественников, пеших туристов и даже студентов и давал им домашнюю еду. Я рассчитывал на их привычное гостеприимство, когда после долгих раздумий я мягко постучал в дубовую дверь. Маленький мальчик открыл дверь. У меня стал ком в горле. Это был ее первенец, ребенок, чье рождение принесло мне огромное счастье и облегчение. Я чувствовал себя так, как будто у меня впервые появился брат. Как быстро пролетели годы! Десятилетний мальчик с любопытством изучил мое потрепанное лицо и спросил, не хочу ли я поесть. Ошеломленный, я кивнул. Он исчез внутри и взволнованно закричал матери. Он говорил ей, что у двери был бездомный и ему нужна была еда. Я подслушал, как женщина отвечала с кухни. Она просила сына пригласить меня войти.

Два младших мальчика были у двери. Должно быть, они были двумя другими сыновьями русской женщины. Спустя несколько минут я услышал трудные шаги в коридоре. Вернулся старший ребенок, у него было несколько одноразовых тарелок, покрытых алюминиевой фольгой. Я нахмурился в смятении, но он передал мне тарелки и попросил зайти внутрь. Я поблагодарил его, но он отказался войти в дом. Я был беспомощным незнакомцем для них, который не имел права навязывать им свое гостеприимство. Еда была свежеприготовлена, и ее тепло передалось в мои замерзшие пальцы. Я отошел несколько шагов от дома и сидел на тротуаре со скрещенными ногами. Аромат приготовленного мяса и соуса прошел сквозь фольгу, и я начал жадно есть.

В течение десяти минут я чуть ли не вдыхал еду. Это была первая нормальная еда с тех пор, как меня похитили два года назад. Эта мысль заставила мои глаза наполниться слезами, но, когда я поднял глаза, я увидел трех мальчиков, сгрудившихся у их дверей и наблюдающих за мной – бездомным, который ел, как клоун. Внезапно мне стало стыдно и ужасно грустно. Я знал, что русская женщина добрая, как моя родная мать. Казалось, что она излучает вокруг себя

счастье. Я чувствовал, что русская женщина живет для других, но по какому праву я должен был просить ее о помощи?

Я быстро встал на ноги и направился в никуда. Я прошел полмили, пока проселочная дорога не привела к маленькому мотелю. В ту ночь мне негде было остановиться, поэтому я вошел в мотель и попросил номер. Они вручили мне ключи и сказали, что я должен заплатить при выезде. Мое сердце замерло. У меня не было с собой денег. Все мои личные вещи исчезли за два года плена. Я даже не мог вспомнить, были ли на мое имя банковские счета; даже если бы они были, то доступ к средствам был бы невозможен без надлежащих документов. В тот вечер мой мозг был слишком истощен, чтобы заикливаться на будущих опасностях. Я очень устал и заснул в номере мотеля.

На следующее утро я проснулся рано утром и попытался выйти через парадную дверь, но ночной менеджер перекрыл путь.

"Вы никуда не пойдете, мистер, – сказал он резким голосом. – Я знаю таких, как вы. Я не позволю вам покинуть этот мотель ни на шаг, пока вы полностью не заплатите. Двадцать баксов за ночь".

"Хорошо, – я пытался успокоить его. – Клянусь... Я не уйду. Я вернусь. Просто нужно уехать, чтобы взять немного денег от друга".

Когда я говорил с ним, я не врал. Я всецело намеревался связаться с офицерами ЦРУ, которые допрашивали меня с момента моего возвращения в Америку, и попросить у них немного взаймы. Но сколько бы я ни обещал вернуться в мотель и заплатить ему, менеджер был полон решимости в своем решении.

Некоторое время я ненавидел себя, но не мог уйти, поэтому я вернулся в номер мотеля и ждал до наступления ночи. Затем я сбежал через окно, прыгнув вниз из узкой комнаты на третьем этаже. Это был один из мучительных моментов для меня, когда я узнал, что должен был покинуть мотель, не имея возможности оплатить счет, но я поклялся себе, что однажды заработаю достаточно денег, чтобы вернуть их.

Мои допросы продолжались. Я не мог вспомнить большинство вещей, которые ЦРУ просило меня вспомнить. Я не знал, кто меня похитил. Они хотели знать, почему у меня в крови было такое высокое содержание необычных лекарств, которые были разработаны, чтобы блокировать действие гормона тестостерона. Я помню, что мне приходилось проходить феминизирующую гормональную терапию, и мои похитители отчаянно пытались промыть мне мозги, чтобы я поверил в то, что я женщина. Но я до сих пор понятия не имел, почему они хирургическим путем удалили мои яички и ввели мне эти лекарства. Конечно, это была не та информация, за которой они охотились. Я забыл упомянуть офицерам Агентства, что я убивал

невинных людей во время моего плена. Я надеялся забыть тот эпизод своей жизни. Я хотел, чтобы никто не знал, с чем я столкнулся.

Стройная брюнетка пришла ко мне в изолятор. Мне показалось, что она выглядит знакомой, но я не помнил ее имени. Женщина обняла меня и плакала в истерике. Я закрыл глаза и заснул; долгая прогулка по пляжу, игривые снежные бои в Национальных парках, экскурсия в дикие горы Колорадо. Я отчетливо вспомнил звук ее голоса. Это была Ирина! Она была моей невестой. Я пытался вспомнить больше деталей из своего прошлого. Я сказал ей, что потерял большую часть памяти, но Ирина заверила меня, что говорила с лечащими врачами. Они были уверены, что я страдаю от кратковременной потери памяти, и все это должно постепенно вернуться ко мне.

Я заручился помощью Ирины в попытке раскрыть тайну моего похищения. Я прошел через все события, предшествовавшие роковой ночи моего исчезновения. Мы не смогли найти никаких подсказок. Я не помню имен ни одного из моих похитителей. В течение нескольких часов Ирина составляла мне компанию и говорила о наших отношениях, пытаясь вернуть мне память. Я начал вспоминать отрывки из прошлого. Чтобы помочь мне вспомнить все, Ирина пригласила меня к себе домой на ужин. Она рассказала мне, как я довольно часто бывал в доме ее отца, и знакомое окружение может оказаться полезным.

Идя С Ириной, по ведущей по дороге, я с осторожностью вошел со вкусом украшенный дом. В мраморном вестибюле нас ждал старик, чуть старше шестидесяти лет. Он тепло обнял Ирину, и чтобы ответить на мой смущенный взгляд, Ирина объяснила, что это ее отец. Меня привели в огромную столовую. Во главе стола стоял мужчина. Я никогда его раньше не видел. Он встал, когда мы вошли и поцеловал Ирину в щеку. Опять же, я стоял в стороне, не зная, кто эти люди.

"Это Ной. Мой муж. –Ирина сказала мне поспешно. –Я не знала, что отец тоже попросил его прийти."

"Вы женаты? – Я выкрикнул эти слова. –Ты сказала, что ты моя невеста."

Я не хотел показаться оскорбленным, но каким-то образом мои слова вышли в обвинительном тоне. Ирина выглядела оскорбленной. Муж оглядывался туда-сюда, жестикулируя ей объяснить. Я мог сказать, что он был недоволен тем, что я вторгся в их личное пространство.

"Тебя не было два года, Джон. Я искала везде. Я подала десятки заявлений о пропаже людей. – Ирина умоляла меня. – Ной был рядом со мной все это время. Он поддерживал меня в худшее время моей жизни".

Если бы ты любила меня

Моменты, что помню и помню,
Уже никогда не вернуть,
Не знаю, насколько же долго
Блюсти одиночества путь.

Она, лишь её мог любить я,
Все чувства мои предала,
Оставила в сердце мне рану,
Спалив моё сердце дотла.

И чувства, и то, что на сердце,
Давно я открыл перед ней,
Не знал, что другие мужчины
Своё отдадут счастье ей.

Казалось, любил, но сменилась
Любовь лишь сплошной пустотой,
Когда её сущность раскрылась,
Забвенье неся за собой.

И мне всё равно, кем же стала
Она, совершенно плевать,
Ведь жизнь лишь моя теперь, снова
Шагаю свой путь я опять.

Любви смысл был ясен, я думал,
Теперь мне любовь не понять...
Смогли бы и те, кто не любит,
Ту боль, как моя, испытать?

Смогли бы небесные души
Боль в сердце стереть наконец?
Но сил ждать ответа нет больше,
Я знаю, мой близок конец!

"Худшее время в *твоей* жизни? – закричал я. Все эти годы пыток и промывки мозгов, казалось, падали у меня над головой. Мое тело дрожало от ярости от несправедливости мира. Я смотрел на Ирину. – Думаешь, ты страдала? Ты хоть представляешь, хоть представляешь, через что я прошел?"

"Джон, я знаю, что ты через многое прошел", – начала она.

"Ты ничего не знаешь! – Зарычал я, прежде чем перевести дыхание. – То, с чем мне приходилось сталкиваться каждый день. Промывание мозгов. Боль. Игры разума. Единственное, что поддерживало меня в здравом уме, это знание того, что кто-то был рядом со мной. Раньше я думал о нас, о времени, проведенном вместе. И у тебя хватает смелости сказать мне, что ты страдала."

Я так сильно ударил кулаком об обеденный стол, что зазвенело столовое серебро. "Это *меня били* током, я голодал, я – изуродован и унижен во всех смыслах."

"Пожалуйста, Джон. Пожалуйста, успокойся. Ной не виноват, что он здесь. Когда ты исчез, я никогда не думала, что увижу тебя снова, так что я двигалась дальше. Что я должна был делать?"

"Ирина, знаешь... если бы это была ты, я бы подождал, – хрипло сказала я. – Я бы не отказался от нас".

Я чувствовала, как мои глаза горят, как горячие слезы накапливаются над зрачками, поэтому я вышел из комнаты и стал в коридоре, пытаюсь перевести дыхание. Я не имел права злиться на Ирину. Мы были помолвлены до моего исчезновения, но не были женаты. Она мне ничего не должна.

Но мое сердце все еще болело. Тогда меня осенило, что я одинок в этом мире. Я потерял своего настоящего отца до рождения. До моего десятого дня рождения моя мать умерла. Моего отца, со всеми его издевательствами и мучениями, также забрали у меня, когда лондонская полиция обвинила его в смерти моей матери. Я бы врал, если бы утверждал, что скучал по этому жестокому человеку, но в то время я был уверен, что он был моим настоящим отцом, и я боялся его так же сильно, как и ненавидел; ненавидел его за то, что он причинял боль моей матери, ненавидел его за то, что он заставлял ее плакать, и ненавидел его за то, что он избивал меня.

Мне едва исполнилось шесть лет. Я слышал пронзительные крики. Мучительные крики эхом звучали из комнаты моей матери. Я побежал вверх и тщетно пытался открыть дверь. Она была заперта. Мама громко плакала, но её слезливые мольбы заглушались пьяным ревом человека, которого я уже давно ненавидел. Он был моим отцом, но я искренне желал, чтобы это было не так. Острые пощечины с последующими ударами.

Даже в детстве я знал, что моя мать в опасности. Тот злой человек бил ее. По хрустящему шуму я мог сказать, что он толкал ее хрупкое тело своими тяжелыми кулаками. За дверь я закричал: "*Мама, мама!*" Я так отчаянно хотел помочь ей, защитить мою прекрасную мать. Я должен был ей помочь, но как? Я продолжал звать ее через трещину под дверью, надеясь, что она откроет дверь и впустит меня. Тогда я бы защитил её и не дал бы отцу ударить её.

Но меня как будто никто не слышал. Избиение продолжалось. И продолжалось. Пока я не рухнул у порога, трясся от беспомощной ярости и спорадического страха. Через несколько лет в моей жизни открылась новая глава, когда умерла моя мать. Я стал подопечным государства и, как обычный ребёнок-сирота, меня перевозили из одного места в другое.

Из сиротского приюта, куда меня отправили, я был изгнан, а беспризорных детей, с которыми я играл, арестовали за преступную деятельность. Когда меня приговорили к смертной казни за убийство, которого я не совершал, я все еще любил свою родину, но в Сибири для меня не было никакой надежды. Бывший Полковник КГБ, давший мне новый шанс на жизнь, настаивал на том, что я принадлежу ему за то, что он спас меня из камеры смерти, но я хотел умереть в возрасте шестнадцати лет в той жалкой тюрьме. Каждое утро я просыпался в Лагере с безнадежностью и грустью, потому что не был мертв. Я брался за самые рискованные миссии, самые смертоносные перестрелки - в надежде, что милосердная пуля пронзит мое сердце и утолит всю боль, которую я чувствовал.

Этого никогда не было.

Я был вынужден выполнять приказы Полковника, несмотря на то что ненавидел убийства, которые он заставлял меня совершать. Я был хорош в своей работе. Мое мастерство было моим проклятием. В глубине души я был москвичом, но в России у меня ничего не оставалось. Я был там беглецом. Предателем, который предал не только свою страну, но и своих друзей.

У меня никого не было. Ни друзей. Ни семьи. Ни жены. Как только я начал верить, что Ирина принадлежит мне, я понял, что у нее тоже есть своя собственная жизнь. Мои жалкие мысли были прерваны звонком телефона. Он исходил из кабинета. Отец Ирины постоянно занимал это место. Я взглянул на дверь столовой. Мягкий смешок вылетел из царского обеденного зала. Не желая прерывать семейный ужин, я решил ответить на звонок и оставить сообщение для Ирины или ее отца. Прокашлявшись, я поднял трубку на четвертом звонке.

"Ричард, хорошо, что ты наконец-то ответил на мой звонок. – Зашипел знакомый голос. – У нас могут быть проблемы с субъектом, которого ты нам прислал. Я боюсь, что воздействие наркотиков,

которые мы задействовали на нем, может быть обратимым, и что мальчик Джонни может начать вспоминать вещи, в том числе его отношения с Ириной, особенно если он останется в ее компании в течение слишком длительного времени. Я сделал все возможное, чтобы стереть его память, но он сопротивлялся всем нашим методам. У вас есть какие-нибудь приказы или предложения для меня?"

Человек ждал бездыханно на другом конце телефона. Он все еще верил, что разговаривает с Ричардом, отцом Ирины, человеком, который спас меня от русского шпионского агентства и завербовал на работу. Я держал трубку подальше от уха и пытался думать. Голос этого человека звучал невероятно знакомо. Он был одним из врачей в масках, которые проводили операцию на моем теле и удаляли мои яички. Он действительно действовал по указанию отца Ирины? А Ирина знала? Она была с ним? Это Ричард передал меня больному ублюдку, чтобы меня разрезали и пытали два долгих мучительных года? Какой у него был мотив заставить меня выглядеть женщиной и стереть мою память? Как Ирина была связана с моими страданиями? "Алло, алло! Ричард! Ты еще там?"

Я вырвался из своих грез и уронил телефон. Мой мозг жужжал. Только одна мысль занимала мое сознание сейчас. Мне пришлось покинуть этот дом, прежде чем Ричард снова передал бы меня людям в масках. Я был дураком, не осознавая, что эти люди – мои враги.

Влияние моего плена на мое тело и душу было продолжительным. Я чувствовал себя сломанной версией своего старого "я", несмотря на то, что большая часть моей когнитивной памяти функционировала удовлетворительно. Я воссоединился с моим дорогим другом Дастином, хакером, которого я спас из советского лагеря несколькими годами ранее. Но мне было трудно находиться в общественных местах. Часто мне не хватало воздуха в присутствии людей, которые имели даже отдаленное сходство с людьми, которые похитили и пытали меня. Между тем, Ирина и её муж несколько раз приглашали в свой дом, и, хотя мне было больно видеть, что она так счастлива с мужем, я был благодарен за её поддержку.

Через полтора месяца мне позвонила Ирина со слезами на глазах. Она была в истерике и просила меня сразу же приехать к ней домой. Я взял такси и приехал менее чем через пятнадцать минут. Зрелище передо мной было ужасным. На полу были темные пятна. Рубашка Ирины была забрызгана кровью, и она выглядела ужасно. Я попытался успокоить её, но она подошла к двери в ванную комнату своей квартиры. Я вошел осторожно и отшатнулся. Мужчина лежал в ванной, совершенно мертвый. Должно быть, его много раз ударили ножом.

Кровь брызнула на кафельный пол и раковину. Я посмотрел поближе и увидел, что это Ной, муж Ирины.

Не выдержав ужасной картины, я пошел в гостиную. Ирина дико плакала. Я умолял ее рассказать мне, что случилось. В конце концов, она сказала мне, что в тот вечер она вернулась из заграничной поездки и вернулась домой одна, потому что Ной не поехал в аэропорт, чтобы забрать ее. Когда она вошла в ванную, чтобы освежиться, её взгляд упал на изуродованное и изувеченное тело её мужа. Я спросил ее, почему она не позвонила в полицию сразу же. Ирина сказала, что помнит, что как советского шпиона, меня учили выявлять несходства в расследовании убийств, поэтому она надеялась, что я смогу раскрыть личность настоящего преступника, который убил ее мужа. Я обещал ей помочь и остался с ней, когда детективы из отдела убийств прибыли на место происшествия.

Мой старый друг из Центрального разведывательного управления продолжал помогать мне в моих поисках. Несмотря на то, что мне удалось восстановить почти все воспоминания о своей жизни, мне было трудно связать эмоции с конкретными моментами. Дастин, мой старый товарищ той поры, когда я был в русском Лагере, навещал меня несколько раз в неделю. Проведя независимое исследование образцов крови и мозговых волн, Дастин пришел к выводу, что большую часть срока заключения я вынужден был проходить процесс очистки мозга, который требовал от специалистов по психике вводить барбитураты в одну руку и одновременно закачивать амфетамин в кровь в другую. Этот двойной процесс в сочетании с манипуляциями с кратковременной памятью привел меня в состояние беспомощности.

Ирина несколько раз навещала меня в офисе, где я общался с Дастином. Она все еще оплакивала смерть мужа. Я пытался сочувствовать ее потере, но мои воспоминания все еще были слишком нестабильны. Попытки вспомнить события последних двух лет заставили бы мою голову кружиться.

Однажды вечером она пришла ко мне в сопровождении двух малышей. Девочки были примерно одного возраста. У одной были глаза Ирины и такие же выщипанные волосы. Я не хотел в это верить, но почему-то знал.

"Твои дети?"

Ирина загорелась гордостью: "Эльза и Джессика. Мои дочери."

"Но... они выглядят старше двух лет", – сказал я, изучая энергичных девочек.

"Они родились через 18 месяцев после твоего исчезновения", – объяснила Ирина.

"Их отец – Ной?" – я хотел узнать.

Ирина покачала головой: "Я каким-то образом забеременела. Я думала, что это был Ной, но мы сделали тест на отцовство. Они не были его, так что мне пришлось пройти через беременность одной. Папа был со мной все время. Он лично помогал мне с родами".

"Тогда, эм, когда ты вышла за Ноя?"

"В их первый день рождения, – ответила Ирина. – Ной сделал мне предложение. Сказал, что я замечательная мать, и он хочет быть рядом с моими девочками".

"Ты узнала, кто настоящий отец?"

"Нет, Джон, я провела тесты, но совпадений не было. Папа говорит, что я должна просто любить их, потому что они моя кровь".

Я проглотил воздух громко: "Да, я уверен. Они восхитительны".

После этого разговора Ирина реже стала посещать мою резиденцию, и я смог проводить больше времени с моим другом Дастином и проходить упражнения для восстановления утраченных воспоминаний. Я делал успехи и часто был завален неожиданными воспоминаниями. Это было беспомощное чувство – неумение вспомнить, где я был более двух лет, что я делал или пережил, как выжил. Часть меня хотела забыть эти два года, которые когда-то были, и часть меня хотела взглянуть в лицо реальности. Я надеялся на завершение.

Помимо того, что Дастин помогал мне восстановить память, у него всегда были новости, которыми он мог поделиться, даже носил с собой газеты. Один из первых заголовков, который я заметил, был о войне, бушующей в Европе. Жирные чернила на бумаге кричали: *В войне за Боснию единственный победитель – это отчаяние*. Я не мог понять. И был в замешательстве. Я отчетливо помнил, как в 1989 году ездил с Ириной в Сербию. Мы предотвратили войну, которая грозила опустошить регион. Почему газеты писали, что в Боснии идет война? Дастин поспешно объяснил мне, что через несколько месяцев после моего исчезновения президент Сербии Радован Караджич объявил войну Боснии и приказал своим войскам завоевать Сребреницу, обозначенную ООН как безопасный район. Именно там сербский генерал Ратко Младич убил десятки тысяч мужчин-мусульман. Самый страшный геноцид в современной истории произошел в Сараево, когда я был заперт в клетке, мне промывали мозги по приказу Ричарда. Несправедливость этих событий была ошеломляющей.

Я вернулся на прежнее место работы и начал просматривать оставшуюся информацию, которую я пропустил после исчезновения. Пока я делал копии, Ирина позвонила мне по телефону и спросила, не хочу ли я с ней встретиться и поужинать; я не мог отказаться. Дастин поощрял меня проводить больше времени с бывшими соратниками. Он верил, что это поможет вернуть мои воспоминания. Я согласился на

время и место, а во время обеденного перерыва купил пиджак из кожи, чтобы надеть его на ужин. Перед отъездом я хотел получить мнение от других.

"Эй, чувак, есть минутка?" – позвал я лысого мужика, который спешил куда-то мимо моей двери.

Кёртис МакДоннелл высунул голову: "Как дела, Джон?"

"Я только что вспомнил, до того, как ты поступил на работу в разведку, разве ты не был редактором модного журнала на полставки?"

"Это было давно, – сказал Кертис, мечтательно изучая потолок. – Есть какая-то конкретная причина, по которой вы запомнили эту информацию?"

"Да, я веду Ирину на свидание – на подобии официального, так что ты думаешь?" – я крутился, чтобы показать пиджак, который я купил по этому случаю.

Кёртис осмотрел на меня сверху вниз. "Это безнадежно, – сказал он с насмешкой ужаса. – Эй, просто шучу. Ты мог бы выбрать тонкий блейзер, но этот хорошо сидит на твоём теле. Хороший выбор."

"Ты думаешь?"

"Абсолютно. Ты зажжешь, и твоя девушка будет в восторге".

"Отец Ирины, конечно, не в восторге от этого, но я могу с ним справиться. Он хороший парень".

"Хороший? Я *знаю*, как опасен Ричард! – выпалил Кёртис. – Я был низкоуровневым аналитиком данных в АНБ, когда Ричарда привезли со всеми почестями".

"Привезли? Откуда?"

"Из Восточной Германии. Я думал, ты знаешь."

"Я знал, что он родом из Австрии или Венгрии, – сказал я ему. – Ричард упоминал, что он родился в Германии".

"Ну, часть, о которой он забыл упомянуть, это то, что он много лет работал с восточногерманской секретной службой."

"Он был Штази?" – я не мог поверить в то, что говорил мне мой коллега.

Аналитик данных кивнул: "В течение десяти лет. Потом он якобы дезертировал к американцам, утверждая, что у него много информации. ЦРУ носилось с ним. Думали, Ричард носил в голове золотую жилу. Его звали Рейнхард, но он работал под псевдонимом Ричард. Он сдал много своих бывших восточногерманских партнеров и помог американской разведке идентифицировать несколько двойных агентов в Америке. Это помогло начать его карьеру. С тех пор парень взлетел по карьере. И стал управлять собственной криминальной империей".

"Да ладно, Кёртис, я знаю этого парня, – я слегка возразил. Мне было больно слышать, что репутация Ричарда запятнана. – Он станет моим тестем. Он не может быть настолько плохим."

"Ты ведь понятия не имеешь? Я был там, когда Ричард начал свою маленькую группу черных оперативников, – Кёртис МакДоннелл сделал глубокий вдох, прежде чем довериться мне. – Он нанял опытных людей из контрразведывательного бюро и заставил их делать за него его работу. Он сказал им, что это было санкционировано Госдепартаментом".

"Тогда они были легальны?" – спросил я.

"Сначала да, но Ричард выкачивал средства со счетов Агентства на оффшорные банковские счета, которые были зарегистрированы на подставных лиц."

"Откуда ты знаешь, что он брал деньги?"

"Я аналитик, помнишь? – Кёртис громко вдохнул. – Кроме того, Управление внутренних дел провели три отдельных расследования финансовых дел Ричарда. Директор АНБ хотел его отстранить, но Агентство отклонило его просьбу. Полагаю, Ричард использовал эти деньги, чтобы нанимать наемников для выполнения своей грязной работы."

"Он не стал бы нарушать закон", – настаивал я.

"Тогда как ты объяснишь, что он сделал в Лэнгли в этом месяце?"

"О чем ты говоришь? Что он сделал?"

"Ричард был под следствием за раскрытие данных, которое повлекло убийства трех наших старших агентов. Директор нашел зацепку, и впоследствии было созвано специальное заседание для выяснения личности преступника".

"Кто был кротом?"

Кёртис МакДоннелл выглядел подавленным: "Мы никогда не узнаем, потому что Ричард застрелил подозреваемого".

"Застрелен? Как с пистолета?"

"Да, выстрел в упор. В течение заседания. Перед главой всех департаментов".

"Кого убил Ричард?"

"Заместителя директора Миллс по тайным операциям. Он сидел за столом заседания вместе со всеми остальными. Ричард вошел в комнату, вытащил пистолет и выстрелил в него".

"А как же охрана? – спросил я. – Никто не пытался его остановить?"

Кёртис наморщил брови: "Этот старик запечатал двери электронным способом после того, как вошел. Убив заместителя директора, Ричард показал остальным членам команды доказательства того, что заместитель директора Миллс на самом деле был "кротом", потому что на телефоне, который был у него в кармане,

было много украденных данных, включая реквизиты банковского счета с незаконными банковскими переводами".

"Значит, все думали, что заместитель директора по тайным операциям был кротом?"

"Да, и к счастью для Ричарда, они были так рады видеть, насколько эффективно он определил виновника, что они действительно повысили его. Повысили его допуск, – Кёртис закусил губу. – Я имею в виду, что за сумасшедшую казнь высокопоставленного офицера разведки прямо посреди конференц-зала. И он сказал своим коллегам, что если бы он не пристрелил Миллса прямо сейчас, то где-то в Америке произошла бы катастрофа. Он убедил их, что действовал в национальных интересах".

"Я могу спросить Ричарда об этом... Я имею в виду, я не верю, что он хладнокровно убил бы кого-нибудь без веской причины."

"Без причины? Джон, послушай себя. Я знаю, что ты встречаешься с его дочерью, и у тебя, наверное, есть к нему слабость, но я знал заместителя директора Миллса. Ричард убил невинного человека. Миллс был самым честным парнем, которого я когда-либо встречал. Он написал мое рекомендательное письмо для аспирантуры".

"Иногда мы думаем, что знаем людей..." – я начал.

Кёртис поднял руку: "Нет, нет, я знаю его в том смысле, что у меня есть доступ к его личному серверу. В прошлом году заместитель директора Миллс дал мне свой пароль, потому что мне нужно было провести какой-то диагностический тест в его сети. Есть кое-что, что я нашел, когда читал его коммюнике. Сразу после того, как услышал о его смерти".

"Что ты нашел?"

"Миллс оставил голосовое сообщение на коммутаторе Белого дома. Я не мог в этом разобраться, казалось, что это загадка, но зам директор просил о встрече с Моникой Кудлоу, которая является помощником президента и заместителем советника по национальной безопасности. Он упомянул что-то об идентификации высокопоставленного крота внутри АНБ, – Кертис сделал паузу. – Тогда вот как странно. Через несколько часов после того, как он оставил это сообщение, Ричард убивает его".

Я не знал, что сказать. То, что сказал Кертис, было правдой, но как я мог доказать, что Ричард действительно был виновен в убийстве заместителя директора по тайным операциям, чтобы защитить себя от обвинений в этом преступлении?

Аналитик данных вздохнул и похлопал меня по плечу. "В любом случае, мне нужно наверстать упущенное. Спасибо, что дал мне поговориться, чувак".

"Конечно, в любое время".

Я помог Ричарду уничтожить Полковника и уничтожить последние остатки его Лагеря и тренировочных центров в Восточной Германии. Я думал, что это правильно. Бывший Полковник КГБ, в конце концов, был агентом-изгоем, который не был связан ни с какими государственными органами. Он действовал независимо от советского правительства и был в розыске не только правительством США, но и Кремлем и Лондоном. Но после того, как Лагерь был разрушен, я понял, что *это* был эндшпиль Ричарда. Он хотел, чтобы Полковник сдался, чтобы взять на себя непревзойденную власть. Как и советский Полковник, Ричард управлял своим собственным маленьким лагерем, используя ресурсы американского правительства для финансирования своей дивизии черных оперативников в АНБ. Но в одиночку он не добился большого прогресса. Мой советский Полковник использовал свои огромные превосходящие ресурсы и двойных агентов внутри Америки и Европы, чтобы подорвать усилия Ричарда по завоеванию мировой известности.

Ричард знал, что он никогда не сможет стать могущественным, пока функционирует советский лагерь, поэтому он искал кого-то, кто был бы уязвим, кого-то, кто бы верил в его дело. Он использовал меня, чтобы нейтрализовать своего величайшего соперника, чтобы он стал бесспорным лидером в криминальном мире. Больше никому было помешать его продвижению, остановить его деятельность, проследить за его сделками. Полковник, хотя и действовал иррационально, но верующим в глобальный мир. В течение двух десятилетий он контролировал мировые правительства, он не позволял развязывать какую-либо крупную войну.

К тому времени, когда мне удалось полностью нейтрализовать Лагерь и уничтожить ключевых игроков, это было в начале 1990-х годов. Я был освобожден от работы. Группу негодяев закрыли навсегда, и я верил, что теперь мир станет лучше.

Но мое облегчение было недолгим.

Я чувствовал, как будто жизнь бросила меня через разбитые мосты прошлого. Я переживал кошмары, которых я боялся больше всего.

В августе того же года мир содрогнулся, услышав о вторжении Ирака в Кувейт. Началась война в Заливе. За ней последовала Война в Персидском заливе. Хаос продолжал расходиться на Ближнем Востоке и Балканах. Вскоре после этого сербское вторжение в Боснию заполнило новости. Оно было омрачилось гражданской войной в Руанде. Геноциды в Африке разбивали сердце. Война в Южной Осетии уносила тысячи жизней в Грузии до тех пор, пока в 1992 году не было прекращено кровопролитие при посредничестве России. Я знал, что, если бы Полковник был у власти и в его Лагере действовала армия элитных агентов, он мог бы остановить эти войны. Он бы послал горстку своих лучших людей, чтобы уничтожить военачальников или

убить людей, ответственных за начало кровопролития, и поместить лояльного агента в верхние эшелоны этих правительств.

Хотя его методы часто были нетрадиционными и требовали внесудебных казней, Полковник считал, что он действовал в интересах народа, убивая полевых командиров и главарей банд, которые косвенно или непосредственно участвовали в развязывании войн и осуществлении геноцидов. Я никогда не думал, что придет день, когда я буду сожалеть о своих действиях, но я это сделал.

После распада Лагеря я беспомощно наблюдал за тем, как вспыхивали войны и разворачивался ужас.

Я видел, как Европа вышла из-под контроля. Зачинщики этих войн и насилия свободно царствовали.

Я помню свое время в Лагере. Полковник часто выбирал меня для выполнения самой сложной задачи, такой как захват или ликвидация политического деятеля или кандидата, который был посланником войны. Часто я колебался между хладнокровным убийством людей и захватом их в плен в Лагере. Но я сразу же жалел об этом. Чтобы получить информацию, Полковник приказал своим дознавателям попытаться получить информацию. Многие из этих заключенных умерли после допросов. Я чувствовал себя виноватым. Когда я захватывал их в плен, я верил, что спасаю их жизни, а не обрекаю на адскую судьбу. Я никогда не смогу оправдать все незаконные поступки негодяя Полковника КГБ в его Лагере, и его неоправданные действия заставили меня обратиться против него и сотрудничать с врагом, чтобы уничтожить его, но я только сейчас задаюсь вопросом, был бы мир лучше, если бы я остался в Лагере - если бы я никогда не встречался с Ричардом и не помогал ему.

18 января 1989 года. Я так ярко запомнил эту дату. Я пошёл на первое свидание с Ириной. Я был очарован ее красотой и состраданием.

Она была настоящей. Душевым человеком. Любовь к Ирине наполнила мое сердце и каким-то образом мы могли часами быть в компании друг друга, не разговаривая и при этом понимая все. Я считал себя счастливым, что смог найти в своей жизни кого-то похожего на нее. Несмотря на явное недовольство ее отца нашим союзом, я был в восторге от перспективы провести с ней остаток своей жизни.

Я помню наш разговор на прогулке к дому Ирины.

"Могу я тебе кое-что сказать?" – я прошептал ей на ухо.

Ирина кивнула, смеясь.

Я сказал: "Ты согласишься со мной, если я скажу, что, если мы доживем до сотни, я все равно буду любить тебя?"

"Я не знаю, – игриво сказала Ирина. – Наверное, нет".

"Ты права, – ответил я. – Потому что с каждым годом я буду любить тебя все больше и больше, пока в мире не будет другой пары, которая могла бы любить друг друга так отчаянно".

"Ух ты!" – ответила Ирина.

Я не знал, что она обо мне думает, но в тот момент я почувствовал, что должен сказать ей правду и сказать, что у меня на уме. Я имел в виду эти слова с предельной искренностью.

Я надеялся провести зиму с Ириной, но у ее отца были другие планы. Он позвал меня к себе в офис и передал мне папку. Это было резюме миссии. Он попросил меня выполнить для него важное задание. Я должен был извлечь актив из Восточного Берлина.

"Восточный Берлин? – слабо возразил я. – Это место кишит Штази".

"Я знаю это, – раздраженно сказал Ричард. – Именно поэтому я посылаю *тебя*, Джон. Ты единственный человек, которому я доверяю и который говорит по-немецки. Ты также знаешь местность. Как часто ваш Полковник посылал вас в Восточную Германию?"

Я пытался запомнить точное число, но не смог. "В секретных местах на территории Германии есть множество вспомогательных подразделений лагеря, – сообщил я ему. – В местечке Лихтенберг в Берлине есть рекрутинговый центр. После того, как Полковник спас меня из тюрьмы, меня отправили в Восточную Германию. В Бранденбурге был средневековый замок, который служил его штаб-квартирой. Почти все новобранцы должны были оставаться там в течение одного года."

Ричард выглядел немного удивленным. "У меня сложилось впечатление, что советский офицер проводил свои нечестные операции, управляя из Москвы?"

"Нет. Пока был лагерь в Воронеже, это было транзитное место. Большинство стажеров были немедленно отправлены в ГДР. Полковник считал рискованным действовать под бдительным присмотром альфа-директората КГБ."

"Понятно", – Ричард расплылся в улыбке.

Не желая быть бесполезным, я поспешил. "Я могу найти предлог и зайти на одну из локаций, но это было бы слишком рискованно. Если Полковник узнает, что я был там без его приказа, он получит очень подозрительно".

"Именно поэтому вы не будете вступать в контакт с филиалами КГБ, – твердо заявил Ричард. – Я назначу вам проводника. Он свяжется с вами на конспиративной квартире в Саксен-Анхальт. Оттуда вас отведут в тюремный комплекс, где наш актив попал в ловушку. Это чистая операция. Если все пройдет хорошо, вы сможете войти и выйти через четыре дня".

Конечно, в то время я не знал, что к этому времени в следующем году я стану свидетелем воссоединения Германии.

Ричард дал мне адрес своего контакта в Восточном Берлине и предоставил соответствующие документы для поездки. Когда я приземлился в аэропорту Шенефельда, водитель ждал, чтобы отвезти меня на конспиративную квартиру. Я почувствовал ностальгию по возвращению в место, где единственными воспоминаниями были напряженные тренировки и насмешки над военными учениями. Полковник считал, что Восточная Германия – идеальное место для тренировок, чтобы стать мировыми воинами.

Когда я прибыл на конспиративную квартиру, мой проводник с нетерпением ждал меня. Он был волосатым парнем, одержимым любопытством. Он бомбил меня вопросами о жизни в Соединенных Штатах. Его миниатюрный рост и открытое выражение лица успокаивали меня. Во время нашей поездки он сказал мне обращаться к нему по его кодовому имени, Макс. Проводник сопровождал меня в нашей первой поездке на поезде и дал мне новые копии карты С-Бана. Я был впечатлен тем, что все в этом регионе выглядело именно так, как много лет назад, когда я тренировался здесь под железным присмотром советского Полковника.

Мы остановились на Шиллингштрассе. Остановились и высадились. Я повернулся, чтобы найти своего проводника, но он ушел. Пока я шел к выходу, семь человек в штатском звали меня. Я попытался проигнорировать их, продолжая свой путь, меня остановила твердая хватка за руку. Мужчина держал газету.

"Ministerium für Staatsicherheit, – он говорил с авторитетом и жестами показывал ожидающую машину. – Bitte".

Мое сердце остановилось, когда я понял, что меня взяли под стражу Штази. Даже советские чиновники с отвращением смотрели на секретную полицию коммунистического правительства Восточной Германии. Их страшная тактика и навыки допроса приобрели дурную славу и превзошли своих нацистских предшественников.

Меня должно было утешить то, что я оказался в советской зоне оккупации, но меня осенило, что я здесь не как советский шпион. Я был американцем, которого послали за помощью. Моя личность должна была остаться неизвестной.

Я закрыл глаза и перешел к особенностям моей фальшивой личности в моем сознании. Я был Андре, французом, который пришел купить антиквариат. Я не был шпионом. Мне было интересно, как Макс справлялся с этим. Мой гид нигде не был замечен. Он вовремя исчез за несколько минут до моего ареста.

Полиция Штази заметила, как я чуть не свернул шею, искав своего друга: "Твой Макс, – сказал он по-немецки. – Он хорошо выполнил свой долг. Тебе не стоит волноваться".

С тонушим чувством в сердце я понял, что мой гид был информатором. Он сдал меня Штази, секретной службе Восточной

Германии, которую все боялись. После этого мои похитители не разговаривали.

Внутри зловещего бетонного комплекса в Берлине-Лихтенберге возобновили свою работу два члена *Государственной безопасности*. Я знал, что КГБ разместили офицеров связи в каждом из пятнадцати районных штабов Штази в Восточной Германии, но я не мог их предупредить. Из внутренней обстановки тюрьмы я понял, что меня содержат в печально известном комплексе "Хоэншёнхаузен", который был известен тем, что в нем люди исчезали. В течение трех недель меня строго допрашивали, но я сохранял свое прикрытие. Избиение было настолько сильным в первый день, что охранник выбил мне передние зубы. Я был уверен, что моя левая рука была сломана. Я опасался худшего: что я умру здесь и исчезну под подставным именем в мрачных стенах этой бетонной цитадели.

Опросы продолжались, но я не мог сказать им, что работал в советском подразделении черных оперативников, которое посылало меня шпионить за американцами. Предоставление им этой информации означало бы, что они попытаются проверить ее, связавшись с моим Полковником. Это само по себе поставило бы под угрозу все, над чем я так усердно работал. Полковник задался бы вопросом, что я делал в Восточной Германии. Он не санкционировал никаких миссий в Германской Демократической Республике и заподозрил бы меня в том, что я двойной агент. Если бы он пересмотрел все мои действия за последние три года, то обнаружил бы расхождения во всех миссиях, которые я выполнял для него. Он бы понял, что я крот. И он бы казнил меня.

Я знал, что я был очень близок к тому, чтобы сбить Полковника во всех секторах своего Лагеря, так что новости об этом, могли бы уничтожить все, что я сделал. Это временно освободило бы меня от коммунистической тюрьмы, но ценой, которую я не хотел платить. Я сохранил историю, которую Ричард репетировал со мной перед полетом в Европу. Он упомянул, что в Восточном Берлине было большое скопление полицейских, и если меня поймают, я должен сохранить свою фальшивую личность и попытаться сбежать, потому что о спасении не могло быть и речи. Тюремщики отказались верить, что я гражданин Франции по имени Андре, хотя я безупречно говорил по-французски.

Если бы я знал, что Берлинская стена обрушится в течение нескольких месяцев, мой страх и опасения были бы гораздо слабее, но в то время я действительно верил, что не будет ни передышки, ни спасения. Несколько дней я был оставлен в темной камере без контактирования с людьми. Это было похоже на жизнь в гробнице.

Неделю спустя полиция Штази начала подозревать, что совершила ошибку. Мои избиения время от времени уменьшались, когда я

демонстрировал знание французского языка на родном уровне. По их выражениям лица я мог сказать агентам Штази, которые допрашивали меня, что я говорю правду, но они не хотели мне верить.

Дважды мне разрешили провести несколько часов среди населения. Это было и облегчение, и бремя. Я мог скупо разговаривать с другими заключенными, но мне приходилось видеть остатки ужаса, который им пришлось пережить.

Это было во время короткой прогулки, я шел наравне с молодым человеком. У него были длинные темные волосы и любопытные глаза. Я был удивлен, когда он говорил по-английски. У него была очень британская манера говорить.

Когда я представился, у мужчины загорелись глаза: "Ты англичанин, приятель?"

Я кивнул, боясь сказать это вслух, чтобы охрана не подслушала.

Он протянул мне руку, чтобы пожать. "Йен Годфри".

"Андре", – я сказал ему свое вымышленное имя и возобновил ходьбу.

Йен внимательно изучал мое лицо и понизил голос: "Они действительно издевались над тобой, Андре."

Я кивнул, прикрывая синяки волосами. Мои скулы были соломенного цвета, они сровнялись со щеками: "Штази думают, что я им вру".

"Как давно ты здесь?" – британец спросил.

"Две недели. Я не знаю, продержусь ли я намного дольше, – я взглянул на него сбоку. – Из какого ты района Лондона?"

"Суррей. Там жили мои родители, но я переехал в Северный Лондон на тренировки".

Мои глаза засияли от знакомого названия: "Я родился в Тоттенхэме. Там моя мать... сейчас".

"Я был в Тоттенхэме много раз. Ты там закончил школу?"

Внезапно, мысль о моем месте рождения заставила мое сердце болеть. Лондон был в моим детстве. Там я жил с моей дорогой матерью. Я не мог думать об этом месте, не возродив память о тех дорогих мне днях. Это возродило во мне безнадежное чувство; напомнило мне о том, как много я потерял. Когда я сказал Йену, что моя мать в Тоттенхэме, я не лгал. Она была там. Она жила и умерла там, но для меня моя мать никогда не могла умереть.

Желая сменить тему, я спросил Йена, почему восточногерманская полиция держит его под стражей и в чем он обвиняется.

Ян резко нахмурился: "Немцы знают, кто я, – сказал он грустно. – Они показали мне копию моего досье в СРС."

"СРС? – я был удивлен, узнав, что этот молодой человек работал на Секретную Разведывательную Службу. – Что они собираются с тобой сделать?"

Британец побледнел: "Если меня не обменяют, они меня казнят". Я начал громко задыхаться, что еще один заключенный поблизости застыл на месте. "Они не могут просто взять убить тебя!" – я возразил.

"Это шпионский бизнес, – сказал Йен, остановившись. – У меня больше нет никакой информации, которой можно было бы поделиться с ними. Они выжали меня досуха, так что я для них ничего не стою".

"Британская разведка обменяет вас, верно?" – я надавил.

"Как я уже сказал, приятель, я не настолько ценен. Если мой напарник с западной стороны не поймает одного из людей под прикрытием Штази, то надежды нет, – Йен склонил голову и засунул руки в карманы. – У этих парней не будет причин держать меня в живых гораздо дольше".

Я посмотрел на его бледное испуганное лицо. Молодой человек пытался сохранять самообладание, говоря кроткими предложениями, которые находили друг на друга. Он был полон жизни и энергии. Я не хотел, чтобы британский офицер разведки погиб. Впереди у него было столько всего.

"Что, если бы у тебя было больше информации?" – сказал я задумчиво.

"Нет, приятель. У секретной разведки всегда есть запасной план на случай, если кого-то из нас возьмут. Мы отбиваемся от допроса на несколько дней, а потом рассказываем им все. Это дает нашим парням в Лондоне возможность поменять все коды доступа и уйти с конспиративных квартир. У меня нет никакой другой информации".

Я прищурил глаза: "Да, Йен".

Британец застыл на своем месте. Его челюсть отвисла: "Я не понимаю".

"Слушай меня очень внимательно", – начал я.

В течение следующих пятнадцати минут я заставил Йена запомнить серию шестнадцатизначных чисел с соответствующими кодовыми словами. Это были коды доступа к моим пронумерованным банковским счетам в *Госбанке* и *Внешторгбанке*.

Йен дико покачал головой: "Я даже не знаю, что означают эти слова".

"Не волнуйся об этом. У меня есть лицевые счета в государственном банке, а также во внешнеторговом банке. Там не так уж много, но каждый раз, когда тебя берут на допрос, давай им комбинацию одного из банков. Время от времени смешивая цифры. Скажи им, что ты забыл, но воспоминания возвращаются".

"Но зачем?"

"Я знаю, как работает коммунизм. Если они думают, что у вас есть деньги, спрятанные на различных банковских счетах, они захотят

получить долю и сохранить вам жизнь немного дольше - достаточно для того, чтобы СРС придумала план, как вытащить вас отсюда".

Йен выглядел одурманенным: "А как же ты?"

"Не волнуйся обо мне, – ответил я. – Я постараюсь вырваться.

Помнишь, последние три номера, которые я тебе говорил, они принадлежат счетам *Внешторгбанке*. Цифры, заканчивающиеся тремя нулями – это счета в *Госбанке*. Они должны быть счастливы получить их. Я дал тебе еще один номер – четырнадцатизначный. Не давай им это сразу. Он содержит сотни тысяч марок на моем франкфуртском счете в Бундесбанке. Если вам удастся проскользнуть в Западную Германию, вы можете снять его и приобрести необходимые вещи, чтобы вернуться домой".

Йен внезапно схватил меня за предплечье: "Почему ты делаешь это для меня?"

"Я не хочу, чтобы ты умер, приятель, вот и все. А теперь иди, пока охранники не заподозрили".

"Послушай, Андре, я придумала другие способы выбраться отсюда. Тогда мне не понадобятся номера твоих банковских счетов".

"Даже если тебе удастся сбежать, следи за HVA", – предупредил я моего нового друга.

"Что такое HVA?"

"*Hauptverwaltung Aufklärung*, – я проинформировал его. – Это служба внешней разведки Восточной Германии. Штази проводит свои операции по иностранному шпионажу через этот отдел".

Следующие девять дней Йен Годфри был жив. Офицеры Штази даже дали ему дополнительную куртку. Я был рад видеть, что они не причинили ему вреда. Информация, которую он им поставлял, последовательно окупалась, и его жизнь была сиюминутно пощажена. Я отчаянно надеялся, что британская Секретная разведывательная служба освободит его до того, как допрашивающие обнаружат, что у него нет никакой дополнительной информации и что она несущественна.

Два дня спустя я заметила, что Йен выглядел необычайно яростным. Из узкого окна моей кельи я увидел, что он нес маленькую сумку, наполненную его вещами. Двое охранников Штази вели его к бронированной машине. Я горячо молился, чтобы его обменяли на другого заключенного и не привели к казни. Мой спутник заверил меня, что у него есть контакты в западногерманской разведке, которые попытаются добиться его освобождения или организовать обмен. Надеюсь, что так и было.

Я знал, что у Штази и КГБ были сотни информаторов во внутренней разведке Западной Германии, но эти знания не помогли. Даже если бы я знал личности этих двойных агентов, у меня не было возможности послать им весточку за помощью без ущерба для моего шаткого

положения в элитной организации Полковника. Я знал точное местонахождение подпольного советского военного учреждения. Это было в двух километрах к северу от здания Штази. Но если я пойду туда, это разрушит мое прикрытие и поставит под угрозу мою миссию. Моя единственная надежда состояла в том, чтобы дожидаться, пока моим похитителям станет скучно, и, в конце концов, они освободят меня. Я изо всех сил пытался заставить их поверить, что я французский предприниматель и коллекционер произведений искусства, но, если бы они как-то заподозрили, что я работаю на секретную американскую черную опергруппу, меня бы застрелили в течение нескольких часов. Эти мысли были удручающими, так что я пытался перестать о них думать.

Прошло 12 дней с тех пор, как Йена Годфри увезли из комплекса *Хоэншёнхаузена*. Я пытался поговорить с одним или двумя заключенными, но в основном это были восточногерманские диссиденты, которые пытались бежать на Запад.

Мой допрос возобновился после двухдневного перерыва. После одного строгого сеанса немецкий тюремный врач осмотрел мое сломанное ребро и прописал мне отдых, но теперь перерыв закончился. Меня плотно сковали тяжелыми цепями и заставили лежать на металлической каталке. Офицеры облили меня ледяной водой, когда спрашивали, кто я такой.

Вопросы были излишними. Я цеплялся за свою заглавную историю и отвечал по-французски. Потом появился пожилой мужчина. Он внимательно слушал, прежде чем схватить меня за челюсть и наклонить голову. Я чувствовала, как кровь стекает с моего лица. Он узнал меня?

Его багровые глаза устали от моих. Я пытался сохранить безразличие на лице, но мой лоб начал потеть. Я чувствовал, что он может сказать, что я не француз. Может быть, что-то в моем лице или структуре костей выдавало тот факт, что я русский.

Как только врач подошел ко мне, старик отпустил меня. Он залаял на приказ. Тюремный доктор бросился в его сторону. Я не слышал их, поэтому я прочитал по их губам, чтобы понять разговор, который происходил. Старик инструктировал врача, чтобы он подготовил меня к операции. Казалось, они поверили, что я утаиваю информацию и что экспериментальная операция на мозге усилит нейростимуляцию и заставит меня раскрыть свои секреты.

Через несколько минут мою каталку везли в операционную. Должно быть, это был тюремный лазарет. Двое мужчин в длинных хирургических халатах готовили стол. Лампы над столом горели механически. Слегка согорбленный мужчина, которого я принял за хирурга, снял маску и улыбнулся мне во все зубы. Я боялся того, что приближалось, и отчаянно боролся с цепями. Но они были слишком

тугими. Два ассистента подняли меня к операционному столу и обвязали руки и ноги кожными ремнями.

Я умолял их дать мне немного времени, но пожилой хирург наклонился надо мной и говорил успокаивающим тоном.

"Не волнуйтесь, молодой человек. Мы проведем простую процедуру. Вы не должны бояться".

"Что ты собираешься делать с моими мозгами?"

"Это небольшая операция, которая способствует нейростимуляции. И побуждает ваш разум вспоминать события, которые вы, возможно, в противном случае пропустили или не смогли поделить с нами".

"Операция инвазивная?" – спросил я, пытаюсь сохранить дыхание.

"Мы просверлим отверстие в вашей черепе и используем черепной шунт для отвода воды из вашей черепной коробки – это должно быть безболезненно. И как только вы потеряете сознание, я удалю скальп и начну нейростимуляцию".

"Как?"

"Как мы стимулируем мозг? – хирург поднял свои снежные брови. – Эта трубка будет качать воздух и увеличит внутричерепное давление вашего мозга. Боюсь, это заставит тебя почувствовать, что твой мозг может взорваться. Но это всего лишь стимулированное ощущение".

Я не хотел показывать страх, я спросил: "Будут ли побочные эффекты?"

"Хотя мы не протестировали эту процедуру на достаточном количестве людей, чтобы с уверенностью сказать, каковы могут быть побочные эффекты, но два выживших субъекта получили необратимое повреждение мозга. И потерю долговременной памяти. Таким образом, вы можете забыть языки, которые вы изучали в детстве, – немецкий хирург посмеялся. – Не нужно бояться. На этот раз я буду гораздо осторожнее".

Мое сердце так яростно билось, что я думал, что умру от сердечного приступа.

"Пожалуйста, не надо", – умолял я доктора, но он отрегулировал свой одноразовый головной убор и опустил кислородную маску мне на лицо. Ассистент хирурга начал вводить анестезию в мою кровь.

Я начал чувствовать сонливость, когда лекарства начали действовать.

Потом я услышал громкий разбивающийся шум. Я хотел открыть глаза, но чувствовал себя слишком измотанным.

Я услышал крики.

Потом выстрелы.

В меня ввели адреналин, и я внезапно почувствовал себя бодрым. Кто-то снимал кожные ремни с моих ног. Мои руки были освобождены. Я протянул руку и сдёрнул кислородную маску с лица. Комната была заполнена остатками цветной дымовой шашки.

Я чувствовал, как несколько человек борются и ворчат от боли. Ассистент хирурга прислонился к моей каталке. Он поднял пистолет навстречу злоумышленникам и приготовился стрелять, так что я быстро схватил подкожную иглу со стола операционной и вколол в него все содержимое шприца. Он мгновенно упал в обморок.

Дым рассеялся. Кто-то помогал мне встать на ноги. Боковым зрением, я взглянул на руку возле плеча. Заострённый шрам был безошибочным.

"Йен?" – я вдохнул.

Британец улыбнулся мне: "Ты в порядке, приятель?"

Я чуть не упал от облегчения и благодарности. Йен Годфри заставил меня прислониться к нему, когда он проводил меня по короткому пути через лазарет к служебному туннелю.

"Ладно, ребята, мы разделимся здесь. Я везу Андре на конспиративную квартиру. Остальные направляйтесь к месту встречи в СРС".

У меня было, по крайней мере, сотня вопросов к моему британскому другу, но Йен просил меня отдохнуть, пока я снова не почувствую себя хорошо. Потом он рассказал мне, что именно произошло.

Из-за потока информации, которую он постоянно снабжал своих восточногерманских захватчиков, они решили отложить его казнь до тех пор, пока СРС не предложит обменять его на офицера Штази, арестованного в Западной Германии.

После возвращения в Лондон Йен Годфри был допрошен и отправлен обратно в Германию для сбора разведданных. Он рассказал мне, как связался с западногерманскими чиновниками, и смог одолжить одного из их людей для этой работы, предложив ему деньги на пронумерованных банковских счетах, к которым я дал ему доступ, когда мы были сокамерниками. Чиновник Штази, работавший на британскую разведку, использовал эти деньги, чтобы нанять небольшую спасательную группу, состоящую из пяти восточногерманских диссидентов.

Перед штурмом тюремного комплекса они получили информацию о том, что меня должны были перевести в лазарет на операцию, поэтому Йен ждал, пока меня туда отвезут. Он знал, что безопасность в центре медицинского обслуживания самая слабая, и освобождение будет проходить без особых осложнений.

Я был безмерно благодарен британскому агенту, который спас не только мою жизнь, но и память. До сегодняшнего дня я вздрагиваю от мысли о том, что бы произошло, если бы хирург смог продолжить операцию. Если бы спасательная бригада опоздала хотя бы на несколько минут, то, возможно, меня бы уже не было. Остался бы мой

мозг невредим? Благодаря моему дорогому другу Йену, мне так и не удалось это узнать.

В течение следующих нескольких месяцев мы поддерживали связь. Йен первым поздравил меня, когда обрушилась Берлинская стена. Воссоединение Германии было победой для всех, особенно для британских офицеров разведки, таких как Йен Годфри, которые должны были страдать в руках коммунистической полиции.

Было приятно видеть, что грядут перемены.

Я был рад, что эта глава моей жизни закончилась.

Слёзы моего прошлого

И даже океану печаль не потушить,
Пытался быть не тронут, но боль не заглушить,
Что въелась в моё сердце, похитив жизнь мою,
А небеса страдания дождём своим прольют.

С надеждой в мраке прячусь, заплаканы глаза,
Что та, кого люблю я, мелькнёт из-за угла,

Но тянутся моменты, идёт за годом год,
И нет здесь человека, что боли унесёт.

Лишь слёзы – мой попутчик, с горящих глаз текут,
Мою людскую слабость для мира предадут.

Я плачу, страх отказа так страшен для меня –
Вдруг мне она откажет, я не могу стоять.
Дрожат мои колени, я падаю на снег.
И тех, кто мог утешить, со мною рядом нет.

Жизнь в постоянном страхе и в боли от потерь,
Они не затянулись – те раны, что теперь
Слезами орошают лицо моё опять,
И муки в моём сердце проходим не понять.

Июль 1994 года

Начало 1994 года было для меня сложным. Меня втянули в транснациональную террористическую схему, которую спонсировал Ричард своими отмытыми деньгами. Это произошло после того, как он узнал о моей приемной семье, которая была ко мне добра.

Я знал эту женщину из России и ее мужа, с момента переезда в Соединенные Штаты.

Я жил через дорогу от них, с другими эмигрантами. Две другие русские семьи жили в этом районе, и женщина, которая была похожа на мою мать, иногда приносила мне и моим соседям по дому еду. Я помню, как один из моих соседей по квартире приболел сезонной простудой, россиянка увидела это, и отправила к нам своего мужа с едой и топленым молоком. Я был тронут ее вниманием и знал, что, если бы моя мать была еще жива, она бы заботилась обо мне точно так же. Позже я понял, насколько эта женщина с ее мужем на самом деле добродушны. Она часто оставалась с детьми дома, пока ее муж ходил по району и спрашивал у соседей, все ли у них в порядке. Я был поражен скромностью ее мужа. Ему нравилось заботиться о незнакомцах по соседству, он предоставлял еду и ночлег бездомным и бедным людям. За несколько лет жизни в этом районе, я заметил, что женщина из России усыновила и удочерила несколько детей-сирот. Я был благодарен тому, что знаю эту россиянку и ее семью. Я будто все еще жил в России среди любящих родственников.

Моя комфортная жизнь длилась не долго, потому что вскоре, женщина со своим мужем решили завести несколько собственных биологических детей, и им пришлось переехать из Нью-Йорка по работе. Ее муж стал очень занятым после того, как защитил докторскую степень в Принстонском Университете, и я стал их видеть все реже, но память о них осталась в моей голове навсегда. Они были очень разными, жена очень пылкая и громкая, но очень заботливая, а ее муж постоянно говорил мягко и со всем соглашался. Я ценил эту память, и надеялся, что я когда-нибудь стану частью их семьи. Но в один уикенд, когда я навещал свою приемную семью и их сыновей, которые играли в саду, я заметил, что меня преследовал Ричард. Он также попытался убить эту семью, потому что он считал, что женщина из России и ее дети были моими родственниками. Но эта семья еле знала меня лично, и я лишь хотел считать их своей приемной семьей.

Муж моей приемной матери был из Восточного Пакистана, иногда водил своих сынишек в мусульманские мечети, но я никогда там не бывал из-за своей глубокой православной веры. Тем не менее, Ричард ошибся, и подумал, что я приверженец пакистанской религии. Он думал, что я мусульманин, и захотел отомстить мне, навредив всем

мусульманскими нациями и людям. Он уже попытался уничтожить родину моей матери в Грозном, и Ричард также поддерживал войну в Сараево, где боснийские мусульмане были убиты тысячами. Но на этом его гнев и мщение не закончились.

Он планировал кое-что еще более ужасное.

За месяц до того, как Ричард воплотил свой план в жизнь, он исключил меня из своего отряда Блэк-Опс и сказал мне уехать в отпуск в Европу.

Я что-то заподозрил, и подбросил несколько не отслеживаемых жучков в офис Блэк-Опс АНБ в Мэриленде. Из-за этой прослушки, я смог узнать, что планирует Ричард.

Он активно рекрутировал наемников для закладки бомб в подвалах четырех зданий ФБР в Нью-Йорке и Мичигане. Он хотел взорвать их и обвинить в этом местных мусульман.

Также, я узнал, что Ричард использовал оперативников Блэк-Опс для похищения нескольких мусульман и арабов из Америки, заставил их записать пять пропагандистских видео-признаний, в которых они рассказывали, что они взорвали конкретные здания. Это было странно, потому что на тот момент, здания еще не были взорваны. Но из-за этих записей, я смог вычислить и идентифицировать здания, которые хотел подорвать Ричард.

Я был шокирован местами атак. Это были хорошо защищенные офисы американского Федерального Бюро Расследований.

Я немедленно связался с несколькими специальными агентами ФБР и предупредил их, что кто-то собирается подорвать их здания, а затем повесить это на арабско-американское сообщество. Большинство агентов считало, что я устроил розыгрыш, и это все большая шутка.

Лишь один поверил мне. Это был Заместитель Директора ФБР - Маргарет Хайн. Она была престарелой женщиной, но удивительно воодушевленной и смелой. Она направила Полицию Штата для расследования, в ходе которого, государственные служащие смогли арестовать человека, который в это время закладывал мощную взрывчатку на первом этаже здания ФБР. Когда полиция допрашивала преступника, он признался, что его нанял директор отряда Блэк-Опс АНБ, и его планом было взорвать бомбу в пятницу, чтобы все подумали, что это сделали мусульмане. Заместитель Директора ФБР также узнала остальную часть плана Ричарда. Он планировал повесить преступление на мусульман и заставить правительство США арестовать всех американских мусульман, а затем запереть их внутри концлагерей.

Когда Ричард узнал, что его план провалился, он был в ярости, и попытался остановить расследование Заместителя Директора Хайн, которое раскрыло бы его преступления - он похитил ее дочь и приказал ей прекратить дело.

Маргарет Хайн связалась со мной, сказала, что ее дочь похитили, и я лично искал маленькую девочку, и наконец нашел ее на заводе, обложенном взрывчаткой. На дезактивацию взрывчатки ушло восемь часов прежде, чем я смог спасти дочь Заместителя Директора. Я мог предотвратить взрывы зданий ФБР, но мне была необходима помощь чудесной и доброй женщины. Я был впечатлен тем, что женщина-директор ФБР пошла против своего начальника, и продолжила расследование дела даже тогда, когда ее дочь похитил Ричард. Иногда, одна сильная женщина может оказаться смелее тысячи мужчин.

Только в конце 1994 года я смог вернуться в Сербию и вывести из строя их систему запуска ракет. К тому времени было уже слишком поздно. Сербские националисты уничтожили и убили бесчисленное множество гражданских в Сараево. Сербские силы нацелились на боснийские города, проводя безжалостную этническую чистку. Боснийское правительство, возглавляемое мусульманами, находилось в разрухе. У них нет ни оружия, ни людских ресурсов для борьбы с сербами. Почти три миллиона человек проживают на территории, которая управляется неадекватными боснийскими силами. Все они столкнулись с неминуемым уничтожением.

Тысячи боснийцев и хорватов погибли; миллионы стали бездомными беженцами. Мужчины были заключены в концлагеря, а их женщины были вынуждены работать в публичных домах. Я не мог поверить, что мир может так сильно измениться за такое короткое время. За те два года, что я был оторван от внешнего мира, уже был нанесен слишком большой ущерб. Я связался с частным банкиром в Бангкоке, у которого был доступ к моим средствам. Я попросил его перевести крупную сумму денег и нанять группу наемников для проникновения в сербские вооруженные силы. Мне нужно было знать, кто эти игроки, прежде чем я попытаюсь закончить эту войну. Еще один мой близкий знакомый в Бюро работал в Белом доме. Я поделился с ним своими выводами и передал ему копию отчета, который доказывал, что сербские генералы, при поддержке российских танков и оружия, планировали захватить всю Восточную Европу, фактически столкнув Россию и Америку на грань очень жаркой холодной войны. Очевидно, что мое послание дошло до предполагаемого адресата, и в августе 1995 г. администрация Клинтона решила немедленно вмешаться в дела Боснии. Ужасная война была, наконец, остановлена.

Я не забыл тот телефонный звонок, в который я случайно вмешался во время ужина в доме Ричарда. Я был полон решимости найти личность

человека, который говорил по телефону, поэтому я вернулся в дом, когда он был незанят, и поместил провода отслеживания на телефон. Это позволило бы мне отследить, откуда исходил звонок. Ожидая в припаркованном фургоне напротив дома, я прослушал все телефонные разговоры Ричарда. Я вел запись телефонных разговоров в качестве улики и узнал, что отец Ирины участвовал во многих теневых сделках, в том числе в организации восточноевропейского бизнеса по торговле людьми и в китайской индустрии по пересадке органов. Это объяснило, почему у него было столько богатств. Это было подозрительно, что директор отдела черных оперативников АНБ имел в своем распоряжении столько денег. Через пять дней после перехвата телефонного разговора мне позвонили. Человек, похитивший меня по указанию отца Ирины, наконец-то снова связался с ним. На этот раз я уловил каждое его слово.

Разговор был кратким, но достаточно долгим, чтобы я мог отследить звонок. Отправная точка находилась на складе медицинского оборудования в шестидесяти милях от дома. Я запрыгнул на водительское место своего фургона наблюдения и поехал по указанному адресу. Комплекс был сильно укреплен по периметру заборами под напряжением. Я использовал плоскогубцы из ящика с инструментами, чтобы вырезать отверстие внутри забора, и сумел попасть на территорию объекта, не подняв тревогу. Интерьер был удивительно непринужденным, почти как в санатории. Шкаф был забит прессованной формой. Я схватил лабораторный халат и накинул его на плечи, чтобы смешаться с ними. В лаборатории была закрытая детская площадка и тренажерный зал. Я прошел мимо чистых коридоров, которые вели в детские комнаты и классы. Дверь была приоткрыта. Я видел, как несколько медсестер сутили над новорожденным. Я подождал, пока останется только одна женщина, а затем вошел в комнату.

Пять младенцев спали в своих кроватках. Я задал ей вопрос, кому принадлежат эти дети. Медсестра, которая выглядела испуганной, увидев незнакомого мужчину в своих ясельках, отказалась дать мне какую-либо информацию. Я сказал ей, что я главный инспектор, посланный правительством. Она сказала, что знала только то, что эти дети принадлежали очень влиятельному человеку, который использовал суррогатных матерей, чтобы иметь много потомства, но человеком, который отвечал за внутренние дела, был менеджер, доктор Гэррет.

Я кивнул, обрабатывая информацию: "Где я могу найти менеджера?"

"Обычно он находится в своем офисе, в восточном крыле этого учреждения, – сказала медсестра. – Все технические процедуры

проводят там. Мы доставляем ребенка сюда, но лаборатория находится рядом с кабинетом менеджера".

Я поблагодарил медсестру, но перед выходом провел рукой по голове ребенка и зацепил три-четыре пряди волос. Я должен был знать, кому принадлежат эти дети.

Когда я вернулся в свою студию, мне позвонил Дастин. Мой старый товарищ из лагеря Полковника КГБ связался со мной, он проводил собственное расследование истинного виновника моего исчезновения. Он предложил помочь с анализом ДНК образцов, которые я собрал в лаборатории санатория. Я отправил ему по почте все пряди волос детей, а он брал за основу результаты предыдущих тестов, которые я проводил, в том числе образец ДНК Ирины, а также Ричарда, человека, который упорно продолжал играть роль ее отца. В тот же день Дастин позвонил мне, чтобы рассказать о странных результатах тестов, которые показали на его аппарате.

Дети, чей образец волос я принёс из лаборатории, были стопроцентно родными с Ириной. То есть, эти дети принадлежали моей бывшей невесте.

Дикие мысли пробегали у меня в голове, и, хотя я не думал, что эти дети мои, я умолял Дастина сказать мне, смог ли он идентифицировать отца той дюжины детей. Он не ответил сразу, а вместо этого дал уклончивый ответ. Я продолжал ругаться на него, пока он не пробормотал, что отцовство детей безошибочно. Ричард был отцом всех детей в медицинской лаборатории. Мой разум был в шоке. Ирина была падчерицей Ричарда. Тем не менее, есть десятки детей, рожденных от суррогатных матерей, отцом которых был Ричард, и не мог найти никого, кроме своей собственной падчерицы, в качестве биологической матери. Я не знал, что сказать.

Когда я восстановил самообладание, я позвонил Ирине и сказал, чтобы она срочно встретилась со мной. Я дал ей время и место и собрал все доказательства из записанных телефонных разговоров, а также отчет по ДНК детей из лаборатории. Я ждал.

Ирина не перебивала меня, когда я говорил. Я объяснила все расхождения, которые я узнал о медицинской лаборатории. Я показал ей все лабораторные отчёты, но аккуратно пропустил ту часть, где были показаны результаты теста на отцовство. Я знал, что это разобьет Ирине сердце, если она узнает, что человек, которого она считала своим собственным отцом, когда-нибудь украдет у нее ДНК и отдаст ее суррогатным детям. Единственное, о чем я упомянул, было то, что те дети имели ее ДНК и были ее биологическими детьми.

Ирина, кажется, не слишком удивилась этому факту, вспомнив об операции, которую ей пришлось пройти по указанию своего семейного врача, доктора Гэррета, который предложил частично удалить ее яичник. Время проведения операции на яичниках Ирины совпало с

рождением суррогатных детей. Ирина с ужасом смотрела, что столько детей родилось с помощью ее яйцеклеток, и она умоляла меня рассказать ей, кто отец и кто несет ответственность за этот вопиющее действие. Я убеждал ее о своем незнании, но Ирина схватила документы из моей руки и прочитала отчет целиком. К счастью, она не смогла узнать, кто отец этих детей, так как я вынул эти страницы, прежде чем привести ее в эту лабораторию. Мне не нравилось хранить секреты от Ирины, но я также не думал, что она достаточно сильна, чтобы справиться с этой ошеломляющей правдой.

Тем не менее, тот факт, что ее яйцеклетки были изъяты без ее разрешения, вызвал у Ирины шок и гнев, но меня больше беспокоило то, что врач был тем человеком, который похитил меня и пытал в течение двух лет. Медленно начинает приобретать смысл одержимость Ричарда Ириной, его отвращение ко мне. Я мог понять, почему старик был зол, но думать, что он пойдет на такое, чтобы держать меня подальше от Ирины, было недоумением.

Правда, кажется, выходит наружу несмотря ни на что. Для меня это была вопрос жизни. Я должен был знать, с чем имею дело. Когда меня отвезли в советский тренировочный Лагерь, чтобы заставить войти в мир шпионажа, я знал, где я и чего от меня ждут. Не было никаких ложных надежд. Полковник в первый же день кристально ясно дал понять, что "отменит" любого, кто не будет действовать на максимальном уровне. Провал миссии не был вариантом. Жизнь в страхе была подавляющей, но не было никакого личного нападения на меня или любого из новобранцев. Когда мне надоело совершать несанкционированные убийства для Полковника, я пытался покинуть группу, но, согласно его основному правилу, любого, кто покидает ряды, нужно было отменить.

Я бежал в Америку под предлогом работы под прикрытием и шпионажа в его интересах и нашел убежище у директора программы черных оперативников АНБ, который случайно оказался отцом Ирины. Он согласился помочь мне в обмене информацией о Лагере и его "спящих" агентах, которые были размещены в США. Он также познакомил меня с двумя оперативниками КГБ, которые действовали в качестве моих кураторов, когда мы вместе работали над уничтожением преступной организации, частью которой я являлся. Я был готов заплатить любую цену, чтобы вырваться из удушливой лагерной жизни, и с готовностью согласился на предательство своих бывших коллег. Мое предательство не осталось незамеченным. Полковник послал своего лучшего киллера убить меня. За мной охотились. Каждый переулок стал для меня опасным. На утренних пробежках я пробегал каждый квартал дважды, чтобы выманить потенциальных убийц. Некоторые из наемников, которые пытались убить меня, были моими товарищами, с которыми я тренировался.

Мы были товарищами по скамейке запасных и даже друзьями. Больше ничего не имело значения. Они знали, что если они не сделают то, что приказал Полковник, они будут следующими в списке целей.

Современный мир не был таким черно-белым, как я надеялся. Я постоянно впутывался в невозможные ситуации и причудливые инциденты – такие, как в медицинской лаборатории, с которой я случайно столкнулся. Ирина сопровождала меня и была ошеломлена, когда увидела интерьер медицинской лаборатории. Она осмотрела детские сады и обнаружила свое странное сходство с несколькими детьми. Большинство из них были малышами. За ними ухаживали профессиональные специалисты по уходу.

Внутри куполообразного сооружения в задней части лаборатории мы обнаружили около сотни инкубаторов. После сильного принуждения один из лаборантов признал, что это были новые образцы той же самой партии средств для лечения бесплодия. В журнале было отмечено, что матерью этих детей была Ирина, а отец был внесен в список *засекреченных активов*. Впервые за много лет я увидел, как Ирина вскрикнула от разочарования и гнева. Она схватила огнетушитель и с его помощью разбила все стеклянные емкости, которые были установлены на лабораторной машине. Она не хотела, чтобы ее яйцеклетки использовались навязчивым преследователем, и обратилась за помощью к отцу. Она знала, что у Ричарда были контакты в ЦКЗ и АНБ, которые смогли бы выяснить личность отца детей, проведя авторизованные тесты на отцовство. Я пытался отговорить Ирину от поездки к Ричарду, потому что чувствовал, что правда разобьет её безупречное сердце, но Ирина упорно продолжала.

Когда она говорила с Ричардом по поводу медицинской лаборатории, он отрицал все улики и сказал, что я преступник и лгун, который манипулировал его Ириной. Он начал показывать ей все доказательства моих прошлых преступлений, подробно описывая все убийства, которые я совершил под принуждением во время пребывания в Лагере. На следующий день Ирина вернулась в мою студию и предъявила мне фотографические доказательства. Она достала свой пистолет, направила его на меня и сказала, что сдаст меня полиции. Для нее я был обычным убийцей. Я умолял ее думать. Я объяснил все о своем прошлом и о том, как некогда Полковник КГБ использовал смертельный микрочип, который был имплантирован в основание наших черепов, чтобы контролировать нас. Если бы мы не убивали плохих парней, нас бы немедленно казнили. Я сказал ей, что Ричард знает, кто я и чем зарабатываю на жизнь, и поэтому он согласился помочь мне выбраться из советского тренировочного Лагеря. Он знал, что я не хладнокровный убийца, но заставил Ирину поверить, что я по своей природе зло.

Каким-то образом Ирина поняла мою позицию, спрятала оружие и решила не звонить в полицию. Но она также не хотела иметь со мной ничего общего и сообщила, что встречается с коллегой с работы - и была рада, что он честный человек, а не убийца, как я. Я был ошеломлен и пытался сказать ей, что Ной умер всего за несколько недель до этого, и она должна воспринимать вещи немного спокойнее, но Ирина отмахнулась от моей заботы и ушла из квартиры.

Я не знаю, что Ирина сделала после этого, но думаю, что она вернулась к отчиму и потребовала объяснения моей истории в шпионском бизнесе. Ричард признался, что знал о моем прошлом, но показал ей еще одно видео. Ирина еще раз убедилась, что я виновен, и поспешила ко мне домой. Она включила видео в моем компьютере. На видео был случай *после того, как я покинул лагерь*.

На видео я стою в комнате с ножом для стейка. Затем резко врезаюсь острым краем в брюшную полость хрупкого заключенного, привязанного к стулу. Сцена выглядела смутно знакомой. Я понял, что это было во время моего двухлетнего плена, во время которого мне промывали мозги и многократно пытали. Вымотав меня голодом целую неделю, мои похитители заставили меня совершить убийство после того, как пригрозили замучить человека до смерти, отрезав ему конечности, кусок за куском. Когда я отказался от убийства предыдущего мужчины, они замучили его до смерти. Прямо напротив меня, сказав, что это моя вина, что он страдает. Я встал на колени, умолял и плакал, но они сказали, что уже слишком поздно, и больше не надо повторять ту же ошибку.

Я ни секунды не колебался со следующим мужчиной. Кто-то все записывал на видео, и тот факт, что у Ричарда был доступ к видео, наводит на мысль, что он, возможно, стоял за моим похищением.

Я рассказал Ирине, что, как я думал, на самом деле произошло, но она все равно хотела, чтобы я сдался властям и был обвинен в убийстве. Я знал, что это не вариант, и сбежал из квартиры. Примерно в этот раз я услышал роковую новость. Новый парень Ирины Тим был найден мертвым на своем рабочем месте. Однако, смерть посчитали самоубийством, хотя не смогли определить тип яда, который использовался, и полиция отказалась открывать дело по расследованию убийства, потому что Тим оставил напечатанную предсмертную записку, утверждая, что не любит Ирину. Я подозревал, что здесь что-то нечисто – каковы были шансы, что два интимных партнера Ирины умрут в течение нескольких месяцев друг за другом, при, казалось бы, необъяснимых обстоятельствах?

Кто-то шутил над добродушной молодой женщиной. Ричард не мог смириться с тем, что кто-то приближается к Ирине, и, наверное, пытался сделать все, что в его силах, чтобы прогнать всех мужчин от ее жизни, но кто бы это мог быть? Мне нужно было знать. Поэтому я

снова обратился за помощью к Дастину и попросила его достать мне копию всех записей с камер наблюдения с рабочего места Ирины. Дастин был рад услужить, пока не обнаружил, что камеры почищены. В здании не осталось фотографических улик.

Я был в шоке. Кто пойдет на такие меры, как уничтожение видеозаписей со всех камер наблюдения, чтобы скрыть самоубийство? Но я должен был выяснить, что на самом деле случилось с парнем Ирины, поэтому поехал на место происшествия, чтобы провести расследование. В кабинете, где он покончил с собой, было большое окно, обращенное в сторону улицы. Я взглянул в окно и заметил, что прямо напротив прозрачного стекла был магазин транспортных средств. Если бы я мог получить доступ к камерам, выходящим на улицу, возможно, там была бы копия того, что произошло в кабинете перед смертью Тима.

Два дня спустя мне удалось извлечь несколько длинных видеозаписей с камер наблюдения, и с помощью Дастина я смог увеличить изображение офисного здания, которое находилось напротив камеры наблюдения магазина.

Сцена, которая воспроизводилась, казалось, вышла из плохого фильма ужасов. Во второй половине дня на видео было видно, как фигура двигается в кабинете Тима, и после того, что казалось часом глубоких дискуссий, человек подошел к своему столу. В этот момент камера впервые смогла четко запечатлеть его лицо. Это было безошибочно квадратное, ровное лицо Ричарда. Что отец Ирины делал в кабинете у ее парня? Спустя секунду я нашел ответ на свой вопрос.

Ричард продолжает открывать бутылку с водой и предлагает ее содержимое молодому человеку, который причудливым движением головы отказывается от сердечного жеста. После этого Ричард отбросил все почести и насильно вылил жидкость Тиму в глотку. Мгновениями позже Тим лежал склонившись на мраморном полу своего кабинета. Уже мертвый. Камера показывает, как Ричард положил на стол хрустящую бумагу и ушел из офиса так же целенаправленно, как и пришёл.

Я не был так ошеломлен событиями, как должен был бы, потому что к этому времени у меня появилось некоторое представление о том, каким жестоким может стать Ричард. Отчим Ирины опустился так низко, что похитил меня, удалил мои мужские органы и ввел мне высокие дозы женских гормонов, и все это потому, что он презирал мою интимную близость со своей падчерицей. Ее последний парень, Тим, заплатил самую высокую цену. Но Ирина забыла о злодеяниях своего отчима. Она верила, что он ее любит и защищает. Я хотел, чтобы она увидела правду, поэтому позвал ей в свою квартиру и показал видео. Ирина отказалась верить в то, что видео было

реальным, но после того, как я проверил подлинность видео, она взревела. Ее вопросы были истеричными и лишними: зачем ее любимому отцу убивать ее парня.

Я пытался утешить ее, но это было бессмысленно. В бешеном движении Ирина бросилась из моей квартиры и села в свою машину. Я подумал, что она недостаточно спокойна, чтобы вести машину, поэтому я сопровождал ее. Она поехала прямо к отцу. Ричард ответил на первый звонок и открыл дверь. Он поприветствовал ее внутри и выразил соболезнования в связи с кончиной Тима, но Ирина подняла руку и ударила отца по его лицу. Ричард выглядел ошеломленным и пораженным, но Ирина продолжала бить его со всей силой. При этом я почувствовал, что должен вмешаться и попытаться схватить Ирину за руку.

Не имея возможности больше бить своего отца, Ирина, вопреки ожиданиям, освободилась и предстала перед своим отцом. "Ты убил Тима! Я видела это!" – она закричала.

Когда Ричард не ответил, Ирина снова закричала: "Не смей отрицать это! Ты был в офисе, когда Тим умер. Я знаю это. Почему? – она плакала громче. – Зачем ты это сделал, папа?"

Ричард выглядел так, как будто собирался заплакать: "Дорогая, я должен был. Это было для того, чтобы защитить тебя".

При этом мое лицо покраснело от злости. Я вспомнил, что он сказал то же самое много лет назад, когда убил биологического отца Ирины в центре для престарелых.

"Ты убил невинного человека, Ричард, и это не имело ничего общего с защитой Ирины", – я с холодом сказал, держа руку на плече Ирины.

"Не говори мне, как я должен защищать свою собственную дочь, – ледяно сказал мне Ричард. – Я верил, что Тим поставил бы под угрозу жизнь Ирины, поэтому я сделал то, что любой отец сделал бы для своего ребенка. Я убил его, чтобы спасти ее".

Разговор становился излишним. Мне стало противно, что Ричард настаивал на том, что он должен был убить Тима, чтобы защитить Ирину, что я покинул его дом и вернулся в больницу, которая зарегистрировала смерть Тима. В морге все еще было его тело для вторичного вскрытия, поэтому я проскользнул внутрь и взял образец его крови. Если Тим был действительно отравлен, я должен был знать, какой токсин был использован. Это дало бы мне подсказку, кто снабдил Ричарда ядовитым раствором.

Я отправил образец крови Тима в отдел лабораторных исследований в Анкоридже. Они прислали мне результаты через неделю. Яд, который Ричард использовал для убийства парня Ирины, был вариантом *Новичка*, нервнопаралитического агента советской эпохи, который не производился в России в течение десятилетий.

Кроме того, лаборатория в Омске, где впервые был разработан *Новичок*, была выведена из эксплуатации российским правительством и отправлена на склад в Казахстане. Известно, что сотрудники американской военной разведки конфисковали груз и перевезли лабораторию на базу ВВС Ванденберг в Калифорнии, где нервнопаралитический агент производился и хранился в контролируемой среде.

Военные нервнопаралитические агенты, такие как *Новичок*, были способны убить субъекта в течение нескольких минут после воздействия. В результате производство таких ядов было ограничено во многих странах, но Центральное разведывательное управление сохранило за собой привилегию удерживать некоторое количество, чтобы тайно нейтрализовать врагов эпохи Холодной войны. Это был самый простой способ устранить нежелательных объектов, обвиняя при этом в убийстве Россию, поскольку она публично производила их несколькими десятилетиями ранее.

Использование яда для убийства популярных или спорных фигур имело тенденцию к жесту в отношении участия России, и ЦРУ не раз использовало эту возможность для устранения угроз или создания раскола в отношениях между Америкой и Россией. Вряд ли это был первый раз, когда Агентство или сотрудник АНБ взяли на вооружение этот опасный курс.

За последнее десятилетие мне пришлось трижды содействовать проведению экстренных встреч между британской разведкой и российской "*Федеральной службой безопасности*", чтобы они могли прояснить недоразумения по поводу якобы имевшего место убийства нескольких политических диссидентов, которые проживали в Англии в изгнании. Похоже, что российские граждане были отравлены чем-то, и МИ-6 быстро обвинили российское правительство в совершении этих нападений, но после кропотливого расследования мне удалось доказать, что Россия не имела никакого отношения ни к отравлению двух бывших офицеров ФСБ России, ни к пяти российским оппозиционерам. Позже один из ведущих активистов проходил лечение в Берлине, где агенты Федеральной службы разведки Германии обнаружили, что один из его собственных помощников подливал ему несмертельную дозу яда, чтобы поднять популярность и подорвать действующее правительство Российской Федерации. Я с облегчением узнал, что этот человек полностью выздоровел.

Заместитель директора ФСБ позже подтвердил, что они арестовали в Москве двух финских диверсантов, которые планировали применить тот же яд при убийстве другого откровенного критика со стороны правительства, чтобы показать международному сообществу, что российское правительство систематически убивает политических

оппонентов. К счастью, заговор был вовремя сорван российской разведкой, но они не выяснили, кто руководил этой операцией.

Отравление лидера российской оппозиционной партии послужило толчком для того, чтобы СМИ сфокусировали риторику о страхе на российских гражданах-мигрантах, проживающих в Великобритании. Хотя в течение нескольких недель английские суды отклонили обвинения в отравлениях, был нанесен ущерб. Распад советского блока развеял страх перед ядерной войной, но стычки между российским правительством и Западной Европой продолжают. Когда десятью годами ранее я дезертировал из лагеря, я надеялся, что, навсегда удалив последние остатки нечестных операций Полковника КГБ, это восстановит часть утраченного доверия после ложных обвинений в отравлениях.

Ирина была опустошена потерей своего парня, поэтому она решила на путь возмездия и попросила передать ей копию видео, на котором Ричард убивал Тима. Так как эти кадры не были приобретены законным путем, доказательства из них были неприменимы в суде. Тем временем, когда Ричард узнал, что Ирина подала в полицию противоестественное заявление о смерти, он обнародовал ложное заявление о смерти Тима, утверждая, что российские агенты убили его, используя запрещенное в советское время химическое вещество. Хотя новость была далека от правды, популярные СМИ цеплялись за каждое слово этого отчета и начали перезапускать эту историю заново.

Я не мог поверить, что Ричард распространит такую гнусную ложь о России, поэтому я связался с Дастином и попросил его найти мне убедительные доказательства, которые развеяли бы подобные слухи. Я также связался с заместителем директора подразделения контрразведки ФБР и поделился с ним видеозаписью Ричарда. Увидев, что бывший директор отдела черных оперативников АНБ хладнокровно убил Тима, он согласился начать независимое расследование и заявил в новостном бюллетене Бюро, что Россия не имеет никакого отношения к отравлению.

Общеизвестно, что антироссийская риторика, используемая популярными средствами массовой информации, такими как телевидение и газеты, усиливает страх перед Россией до критического уровня и способствует выполнению Великобританией и Соединенными Штатами антироссийского законодательства. Это вызвало множество изменений в государственной политике Соединенных Штатов, которые отрицательно сказались на Москве, но я надеялся, что, доказав, что Россия не причастна к отравлению, я смогу помочь нормализовать отношения между двумя великими нациями. Это была нелегкая задача, так как антироссийские настроения все еще были заложены в кожу американского общества.

Риторика оказала сильное влияние на податливое население, которое с готовностью поверило, что российское правительство – хладнокровный убийца, которому нет ничего лучше, чем расстреливать политических оппонентов, кормя их радиоактивными или нервнопаралитическими веществами. Что еще хуже, американская и британская общественность, казалось, была якобы склонна принять Россию в качестве террористического государства и с радостью приняла отравляющие нарративы. Некоторые амбициозные сенаторы и конгрессмены сплотились вокруг этого пункта, чтобы заручиться поддержкой для сохранения статуса-кво, в котором они могли бы сохранить политическую и социальную власть над своими избирателями.

Когда отчим Ирины узнал, что я разоблачаю его ложь о России, он оставил анонимную наводку на коммутаторе ЦРУ, утверждая, что я ответственен за отравление Тима. Я чувствовал, что моя жизнь снова и снова распутывается. За мной охотились, поэтому я ушел в подполье, используя небольшую группу доверенных источников, чтобы вливать деньги, которые я сэкономил, работая с бывшим Полковником КГБ. В различных иностранных банках были доступны миллионы долларов, но я все еще пытался привезти их в Америку, чтобы использовать их для покупки имущества, транспорта или оружия. Когда Ричард пытался связаться со мной, я проигнорировал его звонки. Он угрожал отправить копию моих финансовых записей в Министерство финансов США, если я не встречу с ним немедленно, и помочь ему с приобретением нескольких артефактов у коллекционера произведений искусства на черном рынке. Я не замечал его существования и продолжал организовывать свою жизнь.

Через два дня после того, как Ричард попытался связаться со мной, маленькая посылка оказалась в моем почтовом ящике. Это была пара сережек Ирины. К ней была прикреплена набранная на машинке записка, в которой говорилось, что она была похищена. Похитители дали список требований. Они хотели, чтобы я приобрел прототип нового спутника, который строили ВВС США.

"Спутник "Навигация-9"? – Дастин повторил, когда я сказал ему, чего требуют похитители в обмен на свободу Ирины.

"Зачем им это, Дастин? – я хотел знать. – Что такого особенного в этом спутнике?"

"Он еще не построен и не запущен, – ответил мой друг-хакер. – Есть только один прототип, он существует внутри закрытого пещерного бункера в Чикопи, штат Массачусетс. Никто не может войти без высшего разрешения".

"Это база ВВС?"

Дастин кивнул: "Точнее, бункер – это командный пункт 8-ми ВВС. Что касается спутника, о котором идет речь, то это аппарат следующего поколения. Технология, встроенная в него, позволяет ему функционировать в среде, запрещающей использование GPS. Исследовательская лаборатория ВВС спроектировала эту высокотехнологичную систему космической связи, чтобы сделать этот спутник стойким к взлому".

"Как что-то может быть доказательством взлома?"

"Н-9 включает радиочастотные и визуальные датчики и передает данные непосредственно в наземный приемник. Спутник оснащен многонаправленными антеннами, которые могут настраиваться, чтобы избежать помех при передаче РЧ-сигналов. Способ, которым эта птица предотвращает заклинивание от внешних источников, заключается в использовании программно - определяемого радио, которое переключает форму волны. Как я уже говорил, это крутой гаджет".

"А если плохие парни доберутся до него?"

"Они смогут запускать ракеты из любой точки Земли, и мы не сможем взломать эти огненные траектории и остановить их. – Дастин сделал паузу. – Эти спутники идеально подходят для посылаения сигналов в высоко угрожающей боевой космической среде, и было бы круто, если бы США держали их у себя, но, если группа негодяев доберется до них, они смогли бы победить глушители NORAD и нанести удар куда угодно".

"Теперь я понимаю, почему похитители Ирины хотят получить это оружие, – сказал я медленно. – Дастин, продолжай работать над записной книжкой – посмотри, найдешь ли ты что-нибудь, какую-нибудь подсказку, где оно было напечатано. Я хочу попытаться спасти ее, не выполнив их требования".

"Тот, кто ее забрал, профессионал, – сказал Дастин с недовольством. – Я пропустил ее через все виды тестов. До сих пор не знаю, где они ее держат".

"Смотри, Дастин, – я просил. – Если я не доставлю прототип, они убьют ее".

Дастин застыл.

"Я заберу прототип с защищенной базы ВВС, – объяснил я, – и в следующий раз, когда они свяжутся со мной, я скажу им, что готов к обмену".

"Тогда тебе придется встроить в изделие трекер, работающий по расписанию. Как только Ирина будет в безопасности, активируйте его, и я верну его на базу США".

"Как ты попадешь в бункер в Чикопи?" – Дастин спросил с тревогой. – Ты помнишь, что я говорил тебе об уровне безопасности там".

"Да, и я также знаю, что в структуре должно быть слабое место. Дастин, можешь поднять план военной базы?"

Русский хакер покачал головой: "Это не так просто. Существуют только печатные копии плана".

"Где?"

"Внутри здания Рузвельта в Нью-Хейвене. Охраны там больше, чем в Белом доме. Вам понадобится высшее разрешение, чтобы войти в хранилище этого объекта".

"Дайте мне удостоверение технического персонала. Я войду в здание Рузвельта, достану план бункера и затем получу прототип. И, Дастин, подумай. Если похитители подумают, что мы тянули время, они могут навредить Ирине".

Следующие двенадцать часов были самым напряженным временем для меня. Я боролся за сохранение самообладания и сумел вернуть прототип, который требовали похитители. Было душераздирающе не знать, убита ли моя любимая Ирина или все еще жива. У меня не было никакой помощи извне, и похитители строго запрещали обращаться за помощью в полицию или ФБР. Я знал, что есть только один человек, который хотел бы помочь мне незаметно и спасти Ирину - ее отец. Поэтому я позвонил Ричарду и умолял его помочь мне найти Ирину и задержать похитителей. Ричард согласился и предложил обмануть их, в то время как он поручил мне обследовать это место и оставаться на расстоянии в качестве его подстраховки. Я поспешил следовать указаниям.

Похитители Ирины вышли на контакт в полночь. Они дали координаты местоположения в Южном Джерси и сказали оставить прототип под скамейкой в парке в Стаффордсвилле. Ирину высадил фургон, как только их человек на месте подтвердил, что я доставил оригинал. Обмен состоялся в соответствии с их указаниями, но Ричард вмешался и настоял, чтобы я присутствовал на месте в Южном Джерси и принял Ирину, пока он будет доставлять прототип спутника похитителям. Я не стал подвергать сомнению его звонок и сказал ему, где Дастин установил трекер. Я показал Ричарду, как именно его активировать. Он заверил меня, что это будет сделано, и призвал меня забрать Ирину.

Ирина была потрясена, но невредима. Я нашел ее связанной внутри Ауди в том месте, которое мне сказали похитители. Я был безмерно рад вернуть мою дорогую Ирину живой. Когда я спросил ее о том, кто ее похитители, Ирина настаивала, что понятия не имеет. У нее были завязаны глаза на протяжении всего времени плена. Однако она не пострадала и не подвергалась никакому насилию. Я был благодарен, что это испытание закончилось. На следующий день Дастин сообщил мне, что сигнал от следящего устройства так и не был активирован, поэтому у него не было возможности узнать, куда

похитители Ирины перевезли этот предмет. Мое сердце кануло в пятки. Я взял один из самых ценных предметов у американских военных и случайно передал его террористам, которые могут использовать его против интересов США. Теперь мы понятия не имели, где он находится.

Я вспомнил, что специально попросил отца Ирины активировать трекер, поэтому позвонил ему по прямой линии и потребовал объяснений.

"Как ты смеешь меня допрашивать?" - Ричард сказал разгоряченно, его голос вибрировал по телефонной линии.

"Почему вы не активировали трекер на прототипе спутника? - я повторил. - Это была единственный прототип правительства США. Теперь, благодаря тебе, они его потеряли".

"Думаешь, я этого не знаю? - Ричард закричал. - Я не активировал трекер, потому что похитители бы подметили на нем жучки, и если бы они даже заподозрили нечестную игру, они бы убили мою дочь".

"Ты прекрасно знаешь, что трекер был пассивным, - напомнил я ему. - Его бы никогда не обнаружили".

"Это было мое решение, - сказал Ричард, - и я почувствовал, что для Ирины будет безопаснее, если я удалю трекер из устройства".

"Ты удалил его?" - Я не мог поверить. Один из самых ценных предметов из ВВС США исчез.

"Я не хочу слышать твои жалобы, - продолжил Ричард холодным голосом. - Если бы не ты, жизнь моей дочери не была бы в опасности. Это была твоя вина, что ее похитили".

Я почувствовал, как моя челюсть отвисла: "Сэр, как это была моя вина?"

"Потому что, очевидно, похитители хотели что-то от тебя, поэтому они использовали Ирину, чтобы получить это. Так что, с этого момента, я приказываю тебе, если ты вообще заботаешься об Ирине, ты оставишь ее в покое".

"Я люблю Ирину, - мой голос ломался, - и я останусь с ней, одобряешь ты это или нет".

"Если ты любишь мою дочь, ты порвешь с ней", - громко сказал Ричард.

"Что?"

"Заставь ее презирать себя, - пояснил Ричард. - Сделай все, что угодно и скажи все, что заставит ее ненавидеть тебя. Только так ты сможешь обезопасить ее. Если она будет держаться подальше от тебя, покушения на ее жизнь прекратятся".

"Ты спятил?"

"Правда? Все, что я знаю, это то, что ее жизнь оказалась под угрозой из-за ее связи с тобой! - Ричард громко кричал. - Я предупреждаю тебя. Никогда больше не связывайся с моей дочерью.

Она не должна иметь ничего общего с таким сумасшедшим русским, как ты!"

Даже спустя несколько часов после того, как Ричард бросил трубку, я не мог ясно мыслить. То, что он говорил, не имело смысла. Я не верил, что похитители забрали Ирину из-за меня. Они не должны были знать, что мы пара. Мы были так осторожны.

Однако разговор с отцом Ирины дал мне стимул уехать от него как можно дальше. Я отключил телефонную линию и улетел в Читре, прибрежный город Панамы.

Дастин сопровождал меня в дороге к моему новому дому. Я не беспокоился о том, что у меня не будет достаточно наличных денег, потому что я смог собрать около четырехсот миллионов долларов с побочных миссий с Полковником. Во время тренировок в российском Лагере мы с Дастином работали как команда, чтобы собрать и отмыть деньги, прежде чем копить их в банках Таиланда и Скандинавии. Единственная дилемма, с которой я сейчас столкнулся, заключалась в том, чтобы привезти наличные деньги в США и перевести их в немаркированные долларовые купюры.

Я обратился за помощью к нескольким людям, чью жизнь я спас в прошлом, пока работал наемным убийцей в советском тренировочном Лагере. Полковник называл нам имена целей, которые он хотел убить, но через несколько недель после того, как я приступил к полевой работе, я начал брать все в свои руки. Хладнокровно убивая людей, я не хотел этого делать, поэтому я заключил сделки с предполагаемыми жертвами и спрятал их от Полковника после того, как инсценировал их смерть.

Когда меня впервые спасли из тюрьмы, Полковник, представившийся бывшим начальником советской военной разведки, выступил со своей краткой речью, в которой заявил, что он является эмиссаром различных разведывательных групп внутри Советского Союза. Я не нашел причин не верить ему. Я искренне желал, чтобы каждое его слово было правдой. Мои предыдущие годы в сибирском приюте не оставили мне приятных воспоминаний. Годами я, вместе с несколькими десятками сирот, томился в похожих на тюрьму жилищах, где ледяной ветер и сон просачивались сквозь большие трещины на стенах, и мыши шныряли по нашим тонким телам. Меня постоянно атаковали вши, чесотка и обморожения, и единственной защитой от горьких зимних холодов было изношенное одеяло, которое было кишело жуками и вшами.

В то время я был разочарован тем, что попал в такую убогую ловушку, но, когда я переехал в США, я высоко оценил все благословения и доброту, которыми меня наградила российский детский дом, потому что в Америке я видел, как ужасно обращаются с

детьми в государственных приемных семьях. Детские дома там были заполнены страданиями, издевательствами и избиениями. Из того, что я узнал от своих друзей из колледжа и старшей школы, маленькие дети и подростки систематически подвергались жестокому обращению в детских домах, и даже когда некоторые американские семьи усыновляли сирот, они часто попадали в худшие ситуации. Приемные семьи иногда крайне жестоко обращались с детьми, одна девочка из американского колледжа, с которой я как-то разговаривал, сказала мне, что в девять лет гей-пара усыновила ее, чтобы она работала у них в качестве рабыни. Они заставляли ребенка работать весь день и выполнять все домашние обязанности, а по вечерам приемные родители держали ее в кандалах и жестоко обращались с ней физически и сексуально, и она редко получала еду. В течение нескольких недель девочка голодала и была вынуждена есть газеты, чтобы утолить голод.

Ужасное обращение закончилось для нее только после того, как она сбежала несколько лет спустя. Это была одна из многих историй о горе, которые я слышал от своих американских коллег, и она заставила меня осознать, как мне повезло, что я вырос в российском детском доме. Хотя условия в Сибири были менее чем идеальными, там я не сталкивался с жестоким обращением. Никто из моих товарищей не подвергался физическому или сексуальному насилию со стороны персонала или воспитателей. В учреждении было чувство товарищества, и я был благодарен за то, что избежал от ужасов американского сиротского приюта.

Кроме горстки сирот, которые относились ко мне с теплом и добротой, мой мир был пуст, без надежды на счастье. Естественно, я сбежал из мерзкой обители и оказался в аду другого рода. Этот был более формальным. Я оказался в тюрьме за преступление, которого не совершал, но суды решили, что в шестнадцать лет меня должны судить как взрослого, и поэтому они вынесли приговор и объявили его. Смерть от инъекции.

Во второй раз в жизни я почувствовал себя совершенно беспомощным. Окруженный толстой каменной стеной, я тонул в отчаянии. Я не хотел, чтобы моя жизнь погасла в зловещем зале камер смерти, осужденном как преступник, без друзей и с презрением. Удушьясь в слезах, я молился всем тем, кого любил - я не мог перестать плакать, когда думал о своей матери. Она умерла, чтобы спасти меня, а я все равно собирался умереть. Какая неудача! В приюте священники сказали бы, что умерший может видеть нас из другого мира. Если бы действительно существовал другой мир, разве моя дорогая мать наблюдала за мной? Знала ли она, что ее сын должен был умереть? Я понятия не имел. Мысль была настолько

болезненной, что я хотел онеметь. В моем юном сердце была только пустота и страх.

Мои молитвы были услышаны, или я так думал.

Я умер, но был жив.

Элегантный Полковник, спасший меня от пасти смерти, предложил мне второй шанс; дисциплинированную жизнь, в которой я мог бы все начать заново. Его тонкое аристократическое лицо светилось патриотизмом, так как он заверил меня, что его тренировочный лагерь был секретной ветвью советской разведки. Во время испытательного срока меня активно тренировали. К тридцатой неделе я закончил оружейную подготовку и знал, как пользоваться пулеметом. Новобранцев отправили в укрепленный замок в Восточном Берлине, где нас обучали ориентированию на земле, сносу домов, безоружному бою, подготовке к холодной погоде и ближнему бою.

Инструкторы требовали абсолютного послушания. Я презирал принудительное рабство, но не осмеливался ставить под сомнение их приказы и погружался в изучение навыков обращения с веревкой, языковых и снайперских курсов. Я сдержанно гордился своими достижениями. Во время перерыва я видел, как инструкторы-тренеры комментировали мои исключительные достижения. Мне сказали, что мой допуск был повышен. Вскоре я вступлю в ряды старших должностных лиц лагеря, а это значит, что мои следующие назначения будут проходить за границей.

Михаил объяснил мне, как Полковник управляет этой мощной организацией. Он готовит новобранцев, чтобы они свободно владели десятками языков, и снабжает их фальшивыми удостоверениями личности, прежде чем посылать юношей и девушек для проникновения в британский МИ-6, аргентинский *Секретариат Интеллигенции*, западногерманский *Бундеснахрихтендинг*, французскую разведку, канадскую Службу безопасности КККП, американские фармацевтические компании и ЦРУ.

Я был в восторге от того, что я стал частью такой элитной команды, но после того, как я переехал в Америку, я понял, что Полковник обманул меня, так же, как и других новобранцев. Он не был официальным сотрудником российских внутренних или зарубежных спецслужб. Он действительно был Полковником в КГБ, но несколько лет назад ушел в подполье и открыл свой собственный частный лагерь, где обучал осужденных преступников и использовал их для выполнения заданий за него. Поскольку большинство его новобранцев были официально мертвы или находились в пожизненном заключении, Полковник считал их расходным материалом. Меня тоже посылали под обстрелы большое количество

раз, чем я помню, и, хотя многие из моих товарищей гибли налево и направо, я почему-то всегда выживал.

Каждый раз, когда я выходил из подземного бункера Полковника, я думал, что это будет последний раз, когда я вижу чистое небо. Но была другая миссия, другой человек, которого нужно было уничтожить. И так, я начал свою собственную параллельную миссию - спасти тех осужденных мужчин и женщин, которые были приговорены к смерти. Проведение этих контр-миссий было нелегкой задачей, потому что, если эти люди, которых Полковник попросил меня убить, появлялись живым в любом другом месте, он бы послал других не менее опытных новобранцев Лагеря, чтобы уничтожить их. Одной лишь их жизни было недостаточно. Им нужна была постоянная защита. Мне нужны были огромные суммы денег, чтобы спрятать их, инсценировать их гибель и держать их в безопасном месте.

Часто мои усилия были тщетны, потому что, когда мои цели обнаруживались *живыми*, для завершения работы посылался другой новобранец из Лагеря.

Полковник наблюдал за своими агентами внимательно, оставляя мало места для проведения дополнительных миссий. Если бы я был пойман, занимаясь внелагерной деятельностью, он без колебаний отменил бы меня. Это был огромный риск для меня, но все опасности, которые мне пришлось испытать, казались мне стоящими, когда я посещал сиротский приют в Сибири. Число детей с каждым годом увеличивалось, а деревянные хижины не могли их эффективно разместить. Я с нетерпением ждал ежемесячного посещения, где у меня была бы возможность вручить чеки воспитателям и просить их построить каменные домики, в которых сироты могли бы укрыться от горьких зим.

*****

Мое сердце разбито

Эта боль заставляет бороться,
Ведь любовь никогда не отступит,
Победив испытанья эмоций
Волшебством сохраняю рассудок.

Боль все бьет, не дает отключиться.
Сердце снова наполнится кровью
Жизнь могла быть совсем измениться
Если б боль заменилась любовью.

Может быть, что огромные дыры
Там где боль и тоска были в сердце?
Есть ли выход из жизни унылой,
Из тоски и отчаяния дверца?

Есть ли способ не бегать по кругу?
И любовь получить в этом мире.
Безусловно любить тебя - мука,
И приносит терзания гири.

Я знал, что каждый ребенок имеет право жить в достоинстве и комфорте. У них было право на достойное детство. Каждый месяц я приезжал в свое первоначальное пристанище, чтобы оценить прогресс жилищного проекта. Я вспоминал о нехватке продовольствия, с которой мне приходилось сталкиваться, когда это было моим домом, поэтому каждый месяц я привозил грузовики с припасами для детей. Свежих фруктов и еды хватало бы на несколько недель.

Те сироты, которые воспитывались вместе со мной, были разбросаны по всему Советскому Союзу и жили в жалких условиях. Я

искал их один за другим, я сумел открыть для них надежные банковские счета, чтобы они могли начать жизнь заново. Некоторые сироты сидели в тюрьме за различные мелкие преступления - их заставляли воровать и обманывать из-за крайней нищеты, другие жили в обветшалых зданиях, похожих на тюремные комплексы. Позже я узнал, что детей с ограниченными возможностями, когда им исполнилось восемнадцать лет, в основном переводили в закрытые государственные учреждения для взрослых.

Было душераздирающе видеть, как эмоциональные и любящие дети, с которыми я рос, томились в учреждениях для взрослых, вдали от своих близких, имея жесткие ограничения на свою свободу. Некоторые сотрудники государственных учреждений имели привычку насильно переводить детей-инвалидов во взрослые учреждения по достижении ими 18-летнего возраста.

Многие из них были перемещены в эти места без их согласия. Я инвестировал значительную часть своих недавно заработанных денег в то, чтобы нанять юристов по правам инвалидов и медицинских работников для оказания им помощи.

Значительная часть моих денег была потрачена на то, чтобы спасти людей, у которых были мишенями. Им нужны были фальшивые документы и новые удостоверения личности, чтобы избежать обнаружения Полковником, поэтому я вызвался предоставить им поддельные документы. Я не смог спасти всех. Некоторые из жертв отказывались бросать своих близких и оставались в укрытии, в то время как другие паниковали и безуспешно пытались убежать обычными способами. Но те, кого мне удалось спасти, считали себя должными мне. Один человек, у которого был опыт в отмывании денег, согласился перевести мои деньги. Этого было недостаточно, и вскоре налоговая служба обнаружила одного из моих контактных лиц, и мне пришлось прекратить общение с ним.

Тем временем Ричард разослал мои данные охранникам, чтобы меня арестовали. Я сопротивлялся законно, нанимая корпоративных юристов, чтобы они отмывали мои деньги и переводили их вглубь страны. Ричард начал использовать Ирину, чтобы выманить меня, но я подумал, что лучше держать ее на моей стороне. Я посылал ей щедрые подарки и драгоценности. Я нанял флориста, чтобы он каждый день посылал ей цветы. Лучшие бутики города присылали ей и двум ее дочерям бесплатные модели их последней коллекции дизайнерской одежды. Близнецам было уже восемь лет. Они были рады получать коробки с подарками каждый день. В дополнение к посылкам я нанял миланских производителей обуви, чтобы они еженедельно посещали Ирину.

Ирина была очень рада и вскоре захотела переехать ко мне. Мы начали наши отношения заново, но на этот раз я переехал со

смущением, потому что я не был тем же человеком, который влюбился в Ирину. Ее близнецы быстро росли. Они были умными детьми. Однажды, когда Эльза спросила меня, буду ли я их новым отцом, я потерял дар речи. Ее сестра Джессика сообщила Эльзе, что я, вероятно, буду парнем их матери.

Девятилетние девочки говорили с таким авторитетом, что это заставило меня улыбнуться. Я знал только одного человека, который так говорил. Я изучал шоколадно-карие глаза девочек. Они очень похожи на Ричарда. Тот же оттенок. Я провел рукой по голове близнецов и сказал им играть на улице. В тот день я позвонил Дастину и дал ему образец волос девочки. Мне нужно было провести последний тест, чтобы избавиться от подозрений.

Два дня спустя Дастин позвонил мне. На мгновение хакер замолчал. Потом он сказал: "Откуда ты знаешь?"

"Это его, не так ли?" - сказал я.

"Положительное совпадение. 99,99 процентов, - Дастин, казалось, был расстроен. - Близнецы определенно принадлежат Ричарду. О чем черт возьми, думал старик? Оплодотворить его собственную дочь?"

"Ирина на самом деле его падчерица. И да, это ужасно. Меня больше беспокоит, как Ричард это провернул? Как он мог сделать Ирину беременной близнецами, а она ничего об этом не знает?"

"Хочешь спросить ее?" - Дастин сказал.

Я вздохнул: "Нет, если сказать Ирине правду, это ее уничтожит. Она не смогла бы с этим справиться. Человек, которого она любит как собственного отца - что он может сделать что-то настолько ужасное... В любом случае, спасибо за информацию. Я буду на связи".

После того, как я закончил звонок, я пошел к Ирине. Она хотела пойти со мной на свидание. Я видел, как она излучает счастье. Она так гордилась своими прекрасными дочерьми, что я не хотел разрушать её счастье, сообщив ей, что каким-то образом, пока меня похитили, её отчиму удалось оплодотворить её искусственно.

Вместо этого я рассказал ей, что случилось во время моего плена и что ее отчим стоит за изменениями, которые пришлось пережить моему бедному телу. Я показал ей свое тело, объяснив, что Ричард приказал хирургам удалить мои мужские органы, чтобы я больше никогда не мог с ней общаться. Ирина была в ярости на отца за то, что он сделал это со мной, и она пообещала мне, что будет любить меня независимо от того, что он сделает, и поклялась остаться со мной. Она хотела доказать Ричарду, что он больше не может контролировать ее жизнь.

Через полгода после того, как Ирина переехала ко мне, я проснулся однажды утром, и увидел, что она уехала. На прикроватной тумбочке была записка. Это была написанная в спешке записка, в которой упоминался Ричард. Отчим Ирины был неизлечимо болен

редкой формой радиоактивного отравления и перед смертью надеялся снова увидеться с дочерью. Не желая оставлять ее наедине со стариком, я поехал в поместье Ричарда. Внутри я нашел его лежащим на веранде. Его лицо было бледным, на лице и шее были пигментные пятна, но он не выглядел так будто собирался умирать. Ирина была на кухне, готовила суп для своего отца. Я замер, когда увидел ее. Ее одежда была странной.

Я прокашлялся и спросил: "Ирина, почему на тебе платье 60-х годов?"

"О, Джон, я так рада, что ты здесь. Ты слышал, что случилось?"

"Ричард болен, я видел это", - я сказал.

Ирина покачала головой: "Это намного хуже. Я только что говорила с врачом, который его лечит. Папа осматривал радиоактивный завод, как он подвергся воздействию радиации. Он умрёт, Джон, если мы не сможем найти лекарство".

"Есть лекарство?"

"Не совсем, но папа, я имею в виду, Ричард рассказал мне, что во время его пребывания на первом курсе Агентства, он и моя мама выполняли миссию в Украине, где он спас ученого от советских силовых структур, - Ирина со слезами на глазах рассказывала дальше. - Мой папа считает, что единственный человек в мире, который знает, как повернуть вспять последствия этого отравления – это украинский физик".

Я молчал, поэтому Ирина подошла ближе и понизила голос: "Я знаю, что прошу многого, но папа всегда был добр ко мне. Он делал непростительные вещи, но он был мне как настоящий отец и всегда старался защитить меня. Прошу тебя. Я не могу позволить ему умереть".

Я кивнул: "Скажи мне, где живет украинец. Я привезу его сюда."

"В этом часть проблемы. Радиация воздействует на мозг отца. Он не может вспомнить, где спрятал ученого. Это было давно. В 1960-х годах."

"Подожди, это поэтому ты надела это платье? Ирина. Скажи мне, что происходит!"

"Пожалуйста, не сердись. Семейный врач пытался заставить папу вспомнить расположение украинского ученого, но он думает, что сможет вспомнить, если вернется к тому времени".

Я повернул голову и заметил цветочные шторы вокруг витевато́й усадьбы. "И эти все декорации. Они все тоже были изменены. Дом должен выглядеть так, как будто он в примерно 1960 году. Я до сих пор не знаю, почему ты одета в жалкое платье".

"Папа думает, что, если я оденусь, как мама, его подсознание подумает, что я Екатерина. Тогда он смог бы вспомнить именно те события, которые произошли во время их миссии в Украине".

"Мне это не нравится, - я сказал категорически. - Как долго ты должна притворяться его женой?"

"Все не так, - запротестовала Ирина. - Я просто хочу, чтобы он вылечился, Джон".

Я проигнорировал мольбы Ирины и покинул нелепо украшенную комнату. Меня немного тошнило от того, что я увидел свою девушку в доме ее отца, одетую в одежду, которая принадлежала ее матери.

Ричард действительно выздоровел после своей якобы смертельной болезни и успешно вспомнил имя чудесного украинского врача после того, как Ирина переделалась в мать Екатерину и ухаживала за ним в течение недели. В этот момент я заподозрил, что Ричард инсценировал свою болезнь, чтобы забрать у меня Ирину, но у меня не было доказательств этого и я молчал.

Однажды днем ко мне в гости пришел мой друг-хакер. По его сверкающим глазам было видно, что он узнал нечто очень важное.

"Что это?" - спросил я без приветствия.

"Я нашел его!" - Дастин счастливо объявил.

Я ждал, надеясь, что хакер продолжит, но он стоял там и сиял.

"Нашёл что, Дастин?" - спросил я, немного нетерпеливо.

"Прототип спутника "Навигация-9", который нам пришлось украсть с базы ВВС в Чикопи".

"Да, - сказал я вслух. - Мне пришлось отдать его похитителям Ирины, чтобы добиться ее освобождения. Разве он не пропал? Мы потеряли маячок".

"Если быть точным, Ричард потерял трекер, - поправил меня Дастин. - Кроме того, это был только второстепенный. Я имплантировал высокочастотное устройство слежения внутрь прототипа спутника".

"Как? Мне сказали, что похитители проверили его перед обменом".

"Я знал, что они это сделают, - продолжал хакер. - Итак, я установил пассивный трекер с таймером, который активировался только через семьдесят два часа".

"Как это возможно?"

"Да, я настолько хорош, - Дастин засиял и продолжил. - Полагаю, ты хочешь знать, где сработал сигнал. Я принес координаты с собой прямо сюда".

"Дастин, ты замечательный, - искренне сказал я. - Покажи мне точное место. Я поеду за ним как можно скорее".

Через два часа я был на одном из арендованных Дастином вертолетов, на котором не было установленных транспондеров ADS-B, то есть его нельзя увидеть на летных радарх. Я направлялся в Терребонну, пригород Монреаля. По данным трекера, прототип был

неподвижен внутри подземного бомбоустойчивого бункера. Тепловые данные показали, что только двое сотрудников обслуживали объект. Мне показалось странным, что только двое охраняли такой ценный объект. Я обнаружил бункер с небольшим затруднением и пробил периметр, не подняв тревоги. Перед тем, как войти в бункер, я использовал не смертельный инкапситурующий агент, одобренный Министерством обороны, чтобы вырубить любого, кто мог находиться в бункере. Я вошел без препятствий, но передо мной сначала появился не прототип спутника. Огнеупорное хранилище было наполнено сотнями картин и редких артефактов!

Я узнал многих из них. В течение первых нескольких лет я работал под руководством Ричарда, он посылал меня на многочисленные миссии с целью поиска редких рукописей, картин или художественных ремесел у торговцев на черном рынке. Ричард заверил меня, что миссии были санкционированы правительством США, и их целью было не допустить, чтобы военные преступники и главарь банд наживались на продаже этих предметов. Я был готов рискнуть своей жизнью и обеспечить безопасность этих предметов для Ричарда. Я был уверен, что он отправлял эти предметы на конспиративные квартиры АНБ или под опеку министра обороны. Я даже не знал, что Ричард использовал меня, чтобы приумножить свое личное богатство. Он поручал мне выполнение миссий, утверждая, что это было на благо Соединенных Штатов, когда он прикармливал все вещи себе.

Я думал, что это открытие было достаточно шокирующим, пока не открыл большой металлический ящик в центре комнаты с контролем температуры. Прототип спутника ВВС! Он лежал в бункере, обернутый девственным фольгированной пленкой. Медленно, ко мне пришло осознание. Я наконец-то понял, что произошло тремя днями ранее.

Так называемое похищение Ирины.

Странное требование похитителя.

И необычная реакция Ричарда на инцидент.

Это начало приобретать смысл. Я никогда не представлял, что он сможет использовать собственную дочь для получения пополнения в свои коллекции, но ему удалось обмануть меня и убедить в том, что жизнь моей возлюбленной Ирины в опасности. Он знал, что я бы отправился на край света, чтобы спасти ее, и сумел бы украсть любой объект, если бы это означало обеспечение ее безопасного освобождения, поэтому он использовал мою слабость, инсценировав ложное похищение. Я должен был понять это в тот самый момент обмена, когда он вызвался совершить обмен с похитителями. Я сказал ему, где именно находится трежер, за исключением того, что я не знал, что мой друг-хакер поместил в прототип второе устройство.

Не дожидаясь больше, я позвонил Дастину и попросил его связаться с полевым отделением ФБР в Оттаве, чтобы они отправили спецназ бюро в этот бункер. Перед возвращением домой я оставил подробное электронное письмо, адресованное исполняющему обязанности директора ФБР и генеральному инспектору Министерства юстиции, в котором объяснялось, что это за вещи и что они по праву принадлежат правительству Соединенных Штатов.

Когда я узнал, что Ирина на самом деле не была похищена, а Ричард организовал весь инцидент, чтобы использовать мои чувства и уговорить меня совершить еще один акт воровства для него, я, наконец, понял, что Ричард одержим своей падчерицей. Он любил Ирину почти как любовницу, это не была любовь отца к дочери, и он уничтожал любого человека, который осмеливался подойти к ней. Он не только убил больного биологического отца Ирины, он также был ответственен за смерть Ноя, ее мужа, а также за то, что ее мать была заключена в тюрьму.

Я любил Ирину и хотел спасти девушку от ее тирана - отца. Но он отказывался отпускать ее без боя и сошел с ума от гнева и ревности. Ричард выбрал меня в качестве цели во всех своих нападениях. Вряд ли это был честный бой. Он был умным, влиятельным, имел связи с сенаторами и сидячими президентами, в то время как я был без гроша в кармане, бессильным бывшим преступником, который был намного моложе его. У меня не было политических связей, но я его не боялся. Чем больше он хотел владеть Ириной полностью, тем упрямее я становился.

Не знаю, было ли это глупо с моей стороны. Ричард поклялся стать моим кровным врагом и уничтожить все, что я любил. Он начал нападать на людей, которых я любил, так как я забрал у него его приемную дочь - принцессу.

Его первым шагом против меня была попытка подставить меня за преступления, которых я никогда не совершал. Ричард знал о моей прошлой деятельности, в том числе о том, как мне удалось уклониться от контроля Полковника КГБ и выкачать миллионы рублей на оффшорные счета. Я поделился всеми подробностями своих заданий с отцом Ирины. В тот период моей жизни он был единственным человеком, который поверил в мою историю. Он признавал существование Лагеря, а не называл меня обманутым русским дураком.

Как директор программы АНБ по черным оперативникам, Ричард использовал свое уникальное положение, чтобы обеспечить мое прикрытие во всех операциях, которые я саботировал, действуя в качестве двойного агента. Однако, все эти совместные операции теперь стали моей уязвимостью. Ричард слишком много знал обо мне.

Мои сильные и слабые стороны. Он использовал знание моих финансов, чтобы шантажировать меня, и заставил Госдепартамент выдать ордер на мой арест. Я запаниковал; было нелегко прожить жизнь беглеца. Дастин изо всех сил старался замести следы, но были бумажные записи, которые было нелегко стереть. Даже лучший хакер в России не смог спасти меня от тюрьмы.

Я верил в то, что установлю для себя набор правил и буду считать себя ответственным за их соблюдение. Шантаж, похищение, убийство или вымогательство не были моими любимыми занятиями. Я пытался избежать их любой ценой. Но неустанное преследование Ричарда за мои прошлые преступления и его решимость заставить меня страдать заставили меня действовать решительно. Я связался с несколькими богатыми банкирами и предпринимателями, у которых, как я знал, были скелеты в шкафах. Я раскрыл некоторые из их теневых сделок и пригрозил разоблачить их, если они не согласятся дать показания Казначейству и Государственному департаменту о том, что деньги, которые я перевел Соединенным Штатам, на самом деле принадлежали им. Однажды владелец автомобильной компании отказался удовлетворить мою просьбу. Я пригрозил похитить его детей, если он не согласится дать показания от моего имени. План сработал, и дело против меня было прекращено. Судья отозвал ордер на мой арест. Я снова освободился от угрозы тюремного заключения.

Ричард думал, что его план разрушить мою жизнь был безупречен. Но потом он снова проиграл. Как раз тогда, когда я надеялся, что он отстанет от меня, Ричард продолжил свою игру и подставлял меня за убийства одно за другим, но я раскрывал по одному делу за раз, передавая настоящего преступника властям, пока он не потерял надежду.

Война со мной становилась проигрышной. Когда старик чуть не потерял надежду победить меня, он нашел свой джекпот. В одном из своих рейдов на мою квартиру, он захватил горстку изображений с камер наблюдения, которые я хранил в моем сейфе. Это было изображение русской женщины, которую я видел много лет назад. Я иногда ходил к ней домой и смотрел, как ее дети играют во дворе. Для меня они были почти родными братьями и сестрами. Последний раз я видел их восемь месяцев назад, когда она была госпитализирована, чтобы родить своего шестого ребенка. Я почти считал ее матерью, поэтому мысль о ее потере напугала меня. Я провел ночь возле больницы, надеясь, что ее пятеро старших детей не станут сиротами. Я заплатил врачу десять тысяч долларов наличными, чтобы он лично оказал ей лучшую медицинскую помощь. После того, что казалось вечностью, врач, которого я нанял, сообщил мне, что родился прекрасный здоровый малыш. Я был доволен. Он подарил мне бесплатные фотографии и отпечаток ноги ребенка. Я был доволен, что

русская женщина в безопасности. Моя вторая мать была в безопасности среди своих детей и супруга. Освободившись, я улетел за границу, чтобы выполнить свою следующую миссию.

Ричард не переставал посылать за мной киллеров. Я не злился на людей, которых Ричард нанял, чтобы убить меня. Я знал, что их заставили согласиться на это убийство. Возможно, они были из малоимущих слоев населения, росли в разбитых домах или были втянуты в нищету или в долги. Я знал, что они, должно быть, отчаянно нуждались в деньгах, если согласились убить человека, который никогда не причинял им вреда или вреда. Ричард сделал им выгодное предложение - миллионы долларов в не отслеживаемых чистых купюрах были бы их, если бы они смогли успешно меня казнить.

Годы тренировок в советском шпионском Лагере вооружили меня достаточными навыками, чтобы выжить в самых неблагоприятных условиях. Меня учили распознавать, преследует ли меня кто-нибудь. Мои инстинкты вопили, если за мной следил даже самый неуловимый. У тех, кто охотился и хотел убить меня, была трудная задача. Они хотели закончить мою жизнь быстро и эффективно, но не могли этого сделать. Эти киллеры не справлялись с последовательными миссиями, потому что я всегда умудрялся их избегать. Но их стойкость поразила меня. Независимо от того, сколько попыток убийства мне удалось избежать, убийцы продолжали приходить. Я помню, как зашел в местный магазин на Манхэттене, кассир предложил проверить мои вещи. Я открыл рот, чтобы поблагодарить его, когда заметил ствол дробовика, направленного на меня из-под прилавка. Я не мог придумать, что сказать.

Почему этот порядочный человек, который месяцами продавал мне вещи, вдруг решил застрелить меня? Я спросил его, что происходит и почему он целится в меня оружием. Он ответил, что, к сожалению, такой хороший покупатель, как я, должен был умереть, десять миллионов долларов — это большие деньги, и он их получит, если доставит мое тело своему работодателю. Я умолял его отпустить меня и сказал, что нанявший его человек не выполнит условия сделки. Я не лгал, потому что за те долгие годы, что я работал в подразделении Ричарда по работе с черными оперативниками в АНБ, я никогда не видел, чтобы он платил своим внештатным сотрудникам наличными или электронными деньгами. Он не верил в политику, не вооружал и не укреплял своих врагов, а чаще всего, устранял наемников после того, как работа была завершена.

Кассир повторил, что у него не было угрызений совести убить меня за эту сумму денег. Я умолял его, что деньги неважны, особенно если он не доживет до этого, но человек покачал головой и выстрелил. Я почувствовал, что его палец нажимал на курок, и бросился к двери.

Очевидно, что я был недостаточно быстр, и пуля задела верхнюю часть левого плеча, вызвав зияющее отверстие на куртке. Кровь капала из руки, пока я бежал со всех ног. Убийца преследовал меня, но я спрятался в общественном контейнере для мусора, пока он не прошел мимо.

Рвение кассира убить меня заставила задуматься, что может заставить кажущихся порядочными людей стать убийцами. Я подозревал, что Ричард, должно быть, рассказал им ужасные вещи обо мне. Те люди, которые хотели меня убить, наверное, верили, что я чудовище. Я сам однажды видел портфолио, сделанное Ричардом, в котором он обвинил меня в более чем дюжине убийств, которые он совершил. Это было, когда я начал встречаться с Ириной. Ричард не одобрял мои отношения с его падчерицей с первого дня и делал все, что в его силах, чтобы вбить клин между нами.

Убийцам также вбивали, что я худший человек на свете. Если бы я знал что-нибудь о Ричарде, то не сомневался, что он дал каждому из наемных убийц подробное досье по всем предполагаемым преступлениям, включая убийства и взрывы, предположительно совершенные мной.

Всякий раз, когда киллер загонял меня в угол или пытался убить, я делал все возможное, чтобы немедленно покинуть окрестности. Вступать с ними в перестрелку не нравилось мне, потому что я не винил их и не ненавидел за то, что они со мной делали. Я не пытался убить их в ответ. Я даже не удосуживался их арестовывать, потому что они не были виноваты в том, что их выбрали убийцами.

Ричард был стариком, который был ранен и чувствовал себя преданным, потому что я продолжал отношения с его падчерицей, несмотря на его неодобрение. Теперь он хотел, чтобы я исчез с лица земли и нанял сотни людей, чтобы убить меня. Я не мог оправдать его действия, но я понимал, откуда он взялся. Что касается несчастных наемных убийц, то я надеялся, что они бросили свою жалкую работу и оставили меня в покое. Но этого так и не случилось. Где бы я ни прятался, наемники всегда находили меня. Я не был слишком шокирован. В их распоряжении была технология ИИ, и Ричард, должно быть, дал им доступ к серверам АНБ, чтобы следить за моими передвижениями.

В свое время я начал определять триггерные точки. Каждый раз, когда я связывался с Ириной любым способом, будь то телефон, защищенные приложения для обмена сообщениями или зашифрованная электронная почта, я замечал, что мое местоположение было скомпрометировано. Это происходило много раз, пока я не начал подозревать, что моя система коммуникаций отслеживается Ричардом и его командой.

Я понял, что Ричард, должно быть, держал телефон Ирины и ее сообщения под наблюдением, но я не мог не связаться с ней время от времени. Я не мог не слышать ее голос и не разговаривать с ней. Каждый раз, когда я пытался встретиться с ней лично, моя жизнь подвергалась нападкам вскоре после того, как мы расстались, или если Ирина уезжала даже на несколько минут. В конце концов, я понял, что Ричард, скорее всего, следит за Ириной, и всякий раз, когда я давал ей свое местоположение, чтобы встретиться с ней, он посылал за мной своих киллеров. Они находили мое местоположение, следуя за ней, но так как убийцы работали под началом Ричарда, у них был приказ не причинять вреда его падчерице. Пока Ирина стояла или сидела рядом со мной, убийцы оставались в стороне, но как только они находили меня одного, кавалерия вступала, чтобы устроить засаду. Я столько раз чудом выживал, но промахов было много. Я очень любил Ирину, но встречаться с ней лично было очень опасно. Каждый раз Ричард либо отслеживал телефон Ирины, либо следил за ней, либо даже манипулировал ею, чтобы она отказалась от встречи. Мои товарищи советовали мне временно прекратить встречаться с Ириной до тех пор, пока мы не узнаем, как Ричард использовал ее для слежки за мной. К сожалению, я ненадолго с ней расстался.

Покушения на мою жизнь временно прекратились, но я начал получать сведения и информацию из анонимных источников, которые наводили на мысль о предстоящих нападениях на различные городские центры в Северной Америке и Европе. Известный сотрудник британской военной разведки сообщил мне, что на площади Лестер было установлено радиоактивное оружие, которое должно было взорваться. Считалось, что преступники принадлежат к группе восточноевропейских наемников, однако местонахождение взрывного устройства было неизвестно. Я с ужасом узнал об этом, поскольку знал, что это важный туристический объект и одно из самых посещаемых мест в мире. Если бы бомба взорвалась, последствия были бы катастрофическими. По просьбе моего британского друга я прилетел в Лондон в надежде найти точное местонахождение взрывчатки и деактивировать устройство, пока никто не пострадал.

По моему настоянию Площадь была очищена и в сопровождении инженеров по обезвреживанию бомб, мне удалось сузить область обнаружения бомбы до перекрестка недалеко от Крэнборнской улицы. Бомба была заложена под бетонную плиту, всего в нескольких метрах от бокового входа в театр Уиндхэма. Она была установлена на таймер, и по внешнему медному слою я мог сказать, что при малейшем изменении или вмешательстве устройство взорвется. Я связался с заместителем директора по оборонной разведке по прямой линии и проинформировал его о ситуации. Он предостерег меня от попыток обезвредить его самостоятельно и приказал ждать, пока

саперы доберутся до места, но я проигнорировал его совет и приступил к обезвреживанию бомбы.

Я склонился, чтобы заглянуть под цементную плиту, когда пуля пролетела мимо моего лба, сбивая защитный шлем с моей головы. Я посмотрел на чистый выстрел. Это было из снайперской винтовки! Кто-то пытался меня убить. И он или она ждали, пока я буду в этом месте, обезвреживая бомбу. Через мгновение она попала в меня. Я не был случайной побочной жертвой. Наверное, снайпер все это время ждал, когда я прибуду на эту площадь, и удобно разместил бомбу в таком месте, чтобы ему было удобно стрелять. Если бы я не наклонился, чтобы проверить сердцевину бомбы, пуля прошла бы прямо через мой череп. Убийцы знали, что я не смогу устоять прийти сюда и лично попытаться обезвредить взрывное устройство. Площадь Лестер была идеальной. Ричард хорошо обучил убийц. Он должен был сказать им, что я не могу вынести зрелище, как убивают гражданских лиц, и сделал бы все, чтобы предотвратить взрывы бомб. Я невольно представился легкой мишенью для тех снайперов, которые прятались внутри близлежащих башен и зданий, ожидая подходящего момента, чтобы убить меня.

Во второй раз, когда я получил предупреждение о том, что ядерное устройство будет активировано для взрыва, я знал, что это, скорее всего, обман. Я был почти уверен, что убийцы, которые все еще пытались убить меня, планировали выманить меня, подбросив ложную информацию. Но когда я услышал о местонахождении бомбы, моя кровь застыла в жилах. Ядерная бомба находилась внутри сербской церкви Святого Саввы, которая была одной из крупнейших православных церквей в мире. Тысячи людей посещали это место, и я никогда не слышал о том, чтобы кто-то поехал в Белград, и он не был очарован изысканностью этого сооружения.

Чтобы сбить убийц с пути, я решил поехать на автобусе в белградский аэропорт имени Ниша Константина Великого и, путешествуя под другим именем, пошел в православную церковь, которая находилась в восточной части площади Светосавского, и начал искать бомбу. Во время прочёсывания внутреннего зала я был поражён великолепием древнего дома молитв. Не было никаких следов бомбы. Как раз в тот момент, когда я собирался прекратить поиски, я почувствовал тепло в ногах. Я спросил священника, почему земля такая теплая, и он ответил, что в этой церкви есть система подогрева полов, которая проходит на метр ниже зала, отделанного мрамором. Эта информация замкнулась у меня в голове, и я побежал в комнату с отоплением и в течение нескольких минут я смог найти круглое пикающее устройство. Оно было едва больше футбольного мяча, но бомба была наготове. Я достал свой телефон и набрал номер офиса ЦРУ "Подпольной службы" в Белграде. Звонок не проходил,

потому что я был на несколько метров ниже уровня земли. Я отступил от пульсирующего устройства и побежал вверх по узкой лестнице, чтобы получить четкий сигнал. Когда я поднимался по лестнице, круглое устройство взорвалось, разбросав горячие осколки и осколки по всему подвальному этажу. Я упал на спину и получил легкое сотрясение мозга, но, к счастью, я оказался достаточно далеко, чтобы избежать каких-либо серьезных повреждений.

Этот почти проигрыш был изматывающим. Я знал, что кто-то снова напал на меня, поставив ловушку внутри переполненного места, чтобы я появился и принес себя в жертву. Нанятые Ричардом снайперы и убийцы выяснили, как работает мой разум, и использовали мою слабость, чтобы найти и убить меня.

Как мышь, которая никогда не может устоять перед сыром, я всегда попадал в эти ловушки, хотя инстинкт подсказывал мне, что эти атаки, скорее всего, были подставой. Несмотря на это, я не мог ничего с собой поделать, потому что даже если бы была хоть малейшая вероятность того, что бомбы действительно взорвутся, я знал, что погибнет много невинных людей, и я никогда не мог этого допустить. Я не мог терпеть сидеть и смотреть, как страдают мирные жители.

Каждый раз, когда я приближался к месту взрыва, чтобы деактивировать устройство, я попадал в засаду со всех сторон. Снайперы заранее прятались на крышах близлежащих зданий, просматривая меня сквозь свои мощные винтовки, ожидая, что я приду на открытую площадку и выведу себя на их линию огня.

Бомба, которая была тщательно размещена в центре Таймс-сквер, была еще одной ложной тревогой, но она отличалась от лондонских терактов. Там была дополнительная бомба рядом с основным устройством, и когда я успешно удалил триггерный чип с первой бомбы, человек побежал навстречу мне, кричал на меня, чтобы я ушел от бомбы. Я подумал, что он испуганный мирный житель, поэтому я попытался оттащить его с дороги, но он держал меня, прижав к фонарному столбу, а затем резко бросил меня к деревянной скамейке. Дополнительная бомба, установленная там, взорвалась мгновенно, швыряя обломки, летящие навстречу мне, ослепляя меня пылью и дымом.

Это был самый болезненный эпизод, как физически, так и психологически. Я был в двух секундах от того, чтобы пожертвовать своей жизнью ради того, кто пытался убить меня. Ирония моей жизни поразила меня, но я знал, что должен поддерживать свои принципы, независимо от того, с каким нетерпением эти люди хотят забрать мою жизнь.

Я не знал, почему они так отчаянно хотели моей смерти. Я не знал этих людей, никогда не причинял им вреда и никоим образом не угрожал их безопасности. Возможно, Ричард говорил им ужасные

вещи обо мне... Могут ли деньги действительно сделать людей такими плохими? Я думал, что людей заставляют убивать ради какой-то праведной цели. Я никогда не чувствовал гнева к тем людям, которые пытались убить меня. Я чувствовал только жалость.

Деньги действительно могли бы стать опасным стимулом, если бы кто-то поверил, что эта земля была их постоянным местом жительства. Мир и его богатство могли бы превратить человека в того, кто совершает непростительные поступки, потому что люди придавали им ценность. Деньги были всего лишь дешевой бумагой, а золото - всего лишь обычным металлом, но именно за эти скудные вещи внештатные наемники были готовы убивать друг друга, обострять кровавые отношения, подпитывать ревность и неприязнь к партнерам и соседям и разрушать при этом свое собственное будущее.

1 марта 1996 года

У тебя может быть больше одного дома? Или вообще ни одного? Я думал, что невозможно любить сразу два места, но дом для меня – это место, где меня любят. Ирина была моим домом. В детстве моя дорогая мама была моим домом. Когда мама умерла - оставив меня одного в этом мире - испуганного ребенка, который стал беспризорником и уехал томиться в центры для несовершеннолетних и тюрьмы для взрослых, я почувствовал, как часть моего сердца рушится на части. Во взрослом возрасте меня отправили в Америку мои советские и восточногерманские работодатели, и, хотя новая страна была предосудительно чуждой для меня, я вновь обрел дом в объятиях моей любимой Ирины, великолепного офицера ЦРУ, которая случайно оказалась дочерью моего американского спасителя. Впервые с тех пор, как умерла моя мать, я был в восторге от того, что нашел постоянное пристанище, место, где меня будут уважать и лелеять. Мы с Ириной любили друг друга. Мы были неразлучны. В этом мире не было никого, кого бы я любил или кому бы я доверял больше, чем ей.

Отец Ирины был не совсем рад моим отношениям с его дочерью. Он чувствовал, что я не могу быть его зятем из-за моего наполненного бурями прошлого. Правда, я не мог предложить Ирине уют и роскошь, которых она заслуживала, но я отдал ей свое сердце. Она заполнила каждый сантиметр моего сердца и каждую клетку моего мозга. Во время небольшой вечеринки в честь Дня благодарения Ирина пригласила меня к отцу, чтобы присоединиться к традиционным праздникам. Я почувствовал, что для меня это большая честь, что со мной обращаются, как с членом ее семьи, но ее отец, Ричард, выглядел раздраженным, когда я появился. Я изучал его лицо, которое стало темным от злости. Он холодно спросил меня, что я

делаю на их семейном мероприятии, и прежде, чем я успел ответить, к счастью, Ирина встала на мою сторону и умоляла отца разрешить мне остаться. Я был вне себя от благодарности за то, что смог немного пообщаться с Ириной.

В тот вечер отец Ирины пригласил группу из трех человек спеть для нас. Музыка была настолько мелодичной и эмоциональной, что я почувствовал, как любовь к Ирине разгорается в моем сердце. Я был так влюблен в нее и хотел танцевать под нежную музыку. Я искал ее и обнаружил, что она сидит за столиком с отцом. Ричард, казалось, был так же взволнован, как и я, и с закрытыми глазами, они с Ириной качались от музыкальных ударов. Я подошел к ее стороне стола и прокашлялся. Ирина открыла глаза и улыбнулась. Это была самая красивая улыбка, которую я видел за все эти годы. Я умолял ее потанцевать со мной, но она оглядывалась в поисках отца.

Ричард заметил мое присутствие и в ярости прыгнул к ее ногам. "Не пытайтесь забрать у меня дочь, молодой человек, - сорвался он. Затем, наклонившись вниз, он поднял Ирину. - Моя дочь будет танцевать со мной сегодня вечером".

И вот, я провел следующие пять часов, наблюдая за тем, как Ирина и ее отец танцуют всю ночь напролет. Дважды я набирался смелости, чтобы пригласить ее потанцевать со мной, но Ричард упорно отказывался ее отпускать. На следующее утро я зашел к Ирине, когда она нарезала фрукты на кухне. Я все еще был расстроен вечером накануне и хотел, чтобы она знала, что я чувствую.

"Твой отец даже не разрешает мне с тобой разговаривать, - горько пожаловался я. - Я так тебя люблю, но он не разрешал мне с тобой танцевать... ни разу. Это так несправедливо".

Ирина улыбнулась мне и понизила голос: "Послушай, мой отец только пытается защитить меня, Джон. Пожалуйста, не сердись на него".

"Как я могу не злиться, Ирина? Мы встречаемся уже много лет. Он не должен пытаться вести себя так, как будто я чужой!"

"Он меня очень любит, - сказала Ирина со слезами на глазах, проходя мимо меня. - Это не так уж плохо. Я знаю, что ты хотел потанцевать со мной прошлой ночью, но я должна была остаться с ним. Он же мой отец, в конце концов".

Я покачал головой, расстроенный: "Ладно, я иду домой".

"Когда ты вернешься?"

"Я не знаю, - ответил я гневно. - Не утруждай себя звонками. Я, наверное, буду на работе весь день".

После этого жаркого обмена словами я вернулся в свою квартиру и попытался успокоить свои нервы. Мне было грустно видеть, что единственная женщина, которую я любил, недостаточно сильно

боролась за меня. Я знал, что Ричард был собственником, но он должен понять, что его дочь не может жить с ним вечно.

Искушение

В сердце боль всё больше, с каждым днём сильнее,

Холод тёмной ночи лишь печалью веет.

Хрупкую надежду я в душе сжимаю,

Не любить так страшно, я дрожу, рыдаю!

Что, если отвергнут, вопреки молитвам,

Буду ли я проклят без друзей и близких?

Или в сон бескрайний смерть меня отправит,

Где сотрётся память всех моих печалей?

Знаю, гнев небесный смертных покарает,

Что таит дорога впереди – не знаю.

Разум полон страхов и сомнений горьких,

Дух меня оставить норовит безвольно.

Я украдкой плачу, чтоб забыть когда-то

Всех ушедших близких, страхи и утраты.

Время, что несу я, с каждым днём всё больше.

Некому помочь мне, я устал!

Я тонул в страданиях, когда резкий стук в дверь разбил мою мечту. Я не ждал посетителей, поэтому внимательно посмотрел сквозь щель двери. Женщина в порванной одежде и с растрёпанными волосами, стояла у моего порога. Я открыл дверь, и молодая женщина рухнула на мои руки. Я удивился, увидев эту незнакомку, но она выглядела раненой, поэтому я отнес ее в свою гостиную и налил воды на ее потрескавшиеся губы. Казалось, что она мгновенно пришла в себя, стала настороже и схватилась за мою руку. Она умоляла меня помочь ей и спасти ее от жестокого мужа, который преследовал ее. Когда она впервые вышла на свет, я заметил в ней что-то знакомое.

"Фиона?" – сказал я, что не верю, что она Фиона Янг, жена моего коллеги из АНБ. Я запомнил ее лицо, потому что она иногда приходила за Тони из офиса. Что жена моего друга делала в моей квартире?

Фиона поспешно излила потоки объяснений, она утверждала, что в последнее время ее муж стал проявлять по отношению к ней насилие. Ей не к кому было обратиться и думала, что я смогу защитить ее от Тони. Хотя мне было трудно поверить в то, что Тони способен причинять вред женщинам, я обещал Фионе, что она будет в безопасности и заверил ее, что она может провести ночь в моей квартире. Может быть, она действительно была жертвой домашнего насилия. Вернулись воспоминания о моей покойной матери, и я вспомнил, как отец жестоко избивал ее. Я был так молод. Я не мог помочь ей тогда, но сейчас я бы помог другим женщинам, которые страдали от этой горькой судьбы. Той ночью я отдал свою спальню молодой женщине и спал на диване.

Я открыл глаза где-то после полуночи. Гостя моего дома стояла на коленях. Я чувствовал, как Фиона гладит мое лицо. Я пытался сесть, но она нежно оттолкнула меня назад и сказала, что боится остаться наедине и хочет прилечь со мной. Я подумал, что просьба была странной, но не хотел с ней спорить. Через несколько минут я был подавлен своей усталостью и заснул. На следующее утро Фиона все еще спала на диване, когда я собирался на работу. Я планировал прийти в офис пораньше, чтобы как можно спокойнее поговорить с Тони и затронуть тему касательно его жены. Я нежно разбудил Фиону и предложил ей позавтракать, но она отказалась. Я обещал вернуться с едой и пообедать с ней. В голове у меня были вопросы, которые все еще путались.

Я приехал на свое рабочее место в пригороде Джанкшн Сити. Месторасположение объекта находилось всего в милях от Форт-Хейли, армейской базы, расположенной в Северно-Центральном Канзасе. Тони еще не было там, но офис был переполнен людьми в форме и штатском. Я заметил отличия в их униформах: полиция округа.

Как только сотрудники правоохранительных органов увидели меня, они вытащили оружие и приказали мне лечь на землю. Через несколько минут меня арестовали и забрали в окружную тюрьму. Лишь на следующий день я смог узнать причину своего ареста. Полиция обвинила меня в убийстве Фионы Янг, жены моего коллеги Тони. Сказать, что я был шокирован, было бы преуменьшением, потому что я не смог понять ни одного слова, сказанного мне шерифом. Мой разум плавал в неуверенности и страхе. Фиона Янг не могла быть мертва. Она была совершенно здорова, когда я оставил ее утром. Как она могла умереть через час после того, как я вышел из квартиры? Но полиция не сомневалась в моей вине. Жена моего друга была в моей квартире и умерла при загадочных обстоятельствах. Я не винил их в подозрениях.

Мне была предоставлена возможность сделать один телефонный звонок. Я набрал номер Ирины и ждал. Она не ответила, поэтому я

оставил голосовое сообщение, объяснив, что случилось и как мне жаль, что я причинил ей боль. Я не знаю, получила ли она голосовое сообщение или нет, но она приходила ко мне, пока я был в тюрьме. Это было слезливое воссоединение, и я умолял Ирину поверить в мою невиновность. Казалось, что мои коллеги из АНБ верили в мою виновность, а Тони Янг, муж покойной, был наедине с собой от горя. Судья исключил залог, и безотлагательное рассмотрение дела судом началось в следующем месяце.

Жизнь в исправительном учреждении становилась все более и более напряженной по мере продвижения моего дела. С каждым днем охранники становились все более агрессивными. Некоторые распространяли слухи среди заключенных, что я был убийцей жен. Местные новости процитировали мэра, который сказал, что у меня был роман с женой коллеги, и я хладнокровно убил ее, чтобы скрыть доказательства этого романа.

Суд длился меньше недели. Я был удивлен, когда увидел так много людей, которые подходили к стенду свидетеля и утверждали, что видели, как я выходил из квартиры за несколько минут до того, как Фиона была убита. Судмедэксперты дали показания и подробно описали смерть. Это был первый раз, когда я узнал, как умерла бедная женщина. Ей перерезали горло. Орудием убийства был один из ножей на моей кухне. Мое сердце замерло, когда я услышал это: это означало, что орудие убийства должно было быть покрыто моими отпечатками. Я не мог обвинять полицию в том, что они поверили в мою виновность.

Люди, которых я никогда раньше не видел в этом районе, появились в суде и под присягой дали показания, что видели меня с орудием убийства. Я понятия не имел, зачем они сфабриковали такую вопиющую ложь. Другие давали причудливые ложные показания, например, видели, как я спорил или дрался с Фионой Янг в день ее смерти. Я знал, что меня подставили под убийство, но ничего не мог поделать. Защитнику, назначенному государством, было все равно, виновен я или нет. Он слепо верил в ложные показания. Первые несколько дней я внимательно слушал, желая узнать, кто настоящий преступник. Бедная женщина умерла в моей квартире, а я даже не знал, кто ее убийца. Мне все еще было интересно, по какой истинной причине Фиона пришла в мою квартиру в ту роковую ночь. Ее кто-то послал? Почему она утверждала, что подвергалась насилию и избиениям со стороны мужа? Мое сердце болело за Тони, трудолюбивого коллегу, который думал, что я предал его и убил его жену. Он никогда бы не узнал, кто забрал у него любимую жену.

Присяжные столкнулись с подавляющим количеством доказательств моей вины и вынесли вердикт о моей виновности. Два дня спустя судья объявил и вынес смертный приговор. В тот момент я

понял, что, к сожалению, мой судебный процесс в государстве, которое все еще применяет смертную казнь. Теперь было уже слишком поздно - я должен был умереть через шестьдесят дней.

Каждый день я просыпался в своей камере, пытаюсь преодолеть мучительную пустоту в своем сердце. Я был безнадежен, скучал по дому, мое сердце разрывалось. И все же, чего еще я мог ожидать от своей жизни? Я был никем, сиротой, который никогда не вносил значительного вклада в мир. У меня не было ни семьи, ни чести, ни наследия. Когда я сбежал из сибирского приюта, я жил на улицах, как беспризорник, выпрашивая и крадя хлеб насущный.

Я был обычным вором.

И когда я подумал, что хуже для меня быть не может, я оказался в тайной советской тюрьме, где меня несправедливо приговорили к смертной казни. В то время я плакал, умоляя охрану пощадить меня. Я верил, что заслуживаю жизнь, стареть и путешествовать по богатым русским землям. Но каким-то образом я пережил казнь и был завербован на работу в тайный тренировочный Лагерь, где меня учили быть шпионом, но, по сути, моя работа была для идеального убийцы.

Когда я, наконец, приехал в Соединенные Штаты, я был благодарен за то, что смог начать новую жизнь. Я не думал, что заслуживаю второго шанса. В конце концов, я был вором и убийцей. Во мне не было ничего святого. Мир ничего мне не должен, но я упорно старался и зашел так далеко. Однако на этот раз, когда американский суд приговорили меня к смерти, я не стал отрицать этого. К этому давно все шло.

Может быть, я заслужил умереть, как бродяга, один - нелюбим и не оплачиваемый никем.

В моей тюрьме по утрам не было весело. Они не приносили мне никакой радостной весточки. Я проводил утро, глядя на висящий календарь в камере, проверяя день. Я сканировал дату снова и снова в голове.

Сегодня было 12 апреля 1996 года. Мне оставалось жить 46 дней.

Ирина прислала мне еще одно письмо. Оно было таким же милым, как и последнее. Она упомянула, что ее дочери заняты. Близнецы ходили в частную начальную школу, и им нужно было помочь с домашним заданием. Наверное, я перечитывал письмо тысячи раз, поэтому каждое слово въедалось в мою память.

Ирина прислала мне еще одно фото. Часами я смотрел на ее нежное лицо, на которое смотрело солнце, и на круглые карие глаза, которые сверкали жизнью. Ее надежда в глазах поддерживала меня в здравом уме. Из двадцати четырех часов в камере я провел более двадцати трех часов, думая об Ирине. Ее письма были единственными частичками надежды в этой холодной камере. Я отвечал на письма так часто, как только мог, но охранники в камере смертников мучительно

жестоко обращались со мной. Они, несомненно, верили, что я виновен, но казалось, что моя русская фамилия усиливала их недоверие ко мне.

Тюремные охранники обращались со мной, как с диким и опасным. Я был озадачен их враждебностью, но подслушал, как однажды утром они говорили о том, что я дежурил на передовой во Вьетнаме. Эти охранники были военными ветеранами и сражались в войне во Вьетнаме. Неудивительно, что они ненавидели меня за то, что я русский, так как они, несомненно, верили, что все русские - коммунисты.

Их антагонистическое поведение все больше усложняло мирную жизнь в тюрьме. Во время еды охранники намеренно роняли мой поднос с едой на землю, чтобы мне пришлось собирать куски хлеба с грязного пола и есть его. Иногда они придумывали оправдания, чтобы отказать мне в праве на посещение. Я терпел разлуку с Ириной, слушая ее записи, десять или двадцать минут ее разговора, она отправляла мне эти кассеты. Я использовал выпущенный в тюрьме портативный кассетный проигрыватель, чтобы слушать спокойный голос Ирины и ее добрые слова. Это давало мне луч надежды в темной камере.

Не скорби, если помнишь меня

Над могилой моей я прошу не рыдать
И над прахом моим не тужить бесконечно.
Ведь никто из скорбящих не в силах прервать
Глубочайший мой сон под луной безупречной.

*Shed not tears above my grave,
Nor beside the dust where I shall lie,
No grieving mortal can disengage,
My sleep beneath this unsullied sky.*

Мой сон блажен, неведения полон,
Что я укрытый снега покрывалом.
Когда земные тяжкие заботы
Охватят шар земной агонии пожаром.

*I shall be blissfully unaware,
When heaps of snow will cover me,
Or when earthly toil and care,
Would fill this ground with agony.*

Через несколько дней я буду охвачен несчастьем. В другие дни я бы сидел бесстрастно, без надежды и веры, зная, что в будущем у меня ничего не останется. Каждый день я считал дни и часы жизни,

которые у меня остались. Ирине разрешалось навещать меня раз в две недели, но и это тоже прекратилось. Я написал длинное письмо Ирине и попросил охранника отправить его по почте. То, что я получил в ответ, шокировало меня до неузнаваемости. Ирина написала короткую записку, горько ругая меня за то, что я говорю о ней в таких унижительных выражениях. Я понятия не имел, о чём она говорила, пока охранник, который должен был доставить и отправить моё письмо, не прошёл мимо ворот камеры и не рассмеялся открыто над моими страданиями.

Я умолял его об объяснении, и он, наконец, признался, что поменял мое последнее письмо на другое. Этот заключённый, видимо, написал своей девушке очень ненавистный отрывок, но охранник отправил его Ирине, создав впечатление, что я его написал. Я был так зол и беспомощен, что весь день плакал. Ирина перестала навещать меня после того инцидента. Я знал, что писать ей будет более чем бесполезно, потому что охранники просто поменяют мои письма и мои отношения с Ириной станут еще более горькими. В этой мрачной тюрьме мне больше всего не хватало теплых объятий Ирины каждое утро и ее поцелуев. Я знал, что даже если я умру, моя любовь к ней останется нерушимой. Смерть не могла разлучить нас. Я был слишком предан ей.

Я унывал и попросил охранников дать мне больше материала для чтения. Они отказали мне, но потом я заметил чернокожего американского охранника, идущего с довольно новой мягкой обложкой. Я спросил его, что это, и, к моему удивлению, он ответил, что сам написал этот роман. Впечатленный, я спросил, могу ли я прочитать его, и он с радостью согласился и одолжил его мне. Новый материал для чтения дал мне маленький проблеск надежды в мрачной клетке.

Мне сказали, что у меня посетители. Двое мужчин хотели меня видеть. Охранники сказали, что они утверждают, что они мои братья.

Когда мужчины вошли, я сразу их узнал. "Васька!" Я засветился из-за толстого стекла. Мой старый друг ответил мне на приветствие и передал трубку второму мужчине.

"Игорь?" - спросил я. Мне не верилось, что главный инспектор Инспекционного управления ФСК посетит меня лично.

Игорь кивнул и заговорил в трубку: "Мы слышали о приговоре, Человек с седой бородой пристально смотрел на меня. - Мы можем что-нибудь сделать, чтобы отменить казнь?"

Различные эмоции пронеслись сквозь мое сердце. Это были старые друзья, с которыми я не разговаривал много лет. Я помню Василия. Он был моим партнером по миссии в Лагере Полковника и был отправлен для отмены. Когда я узнал, что его должны были казнить, я уничтожил половину объекта, чтобы вытащить его. Спрятал

его в Казани на двенадцать недель, я устроил ему побег в Усть-Каменогорск, административный район Восточного Казахстана.

Игорь Викторович Корабельников был одним из руководителей высшего звена ГРУ, когда стал мишенью международного "эскадрона смерти". Я уже тогда работал над ликвидацией Лагеря и решил спасти его жизнь.

Он был в одном из самых безопасных районов Восточного Берлина. Полковник и его коллеги Штази проводили частную встречу неподалеку, когда Игорь подслушал их разговор. Бывший Полковник КГБ был *резидентом* и начальником бюро в Восточном Берлине и налаживал прочные отношения с многочисленными агентами Штази с тех пор, как в 1971 году, будучи молодым офицером КГБ, он был дислоцирован в Дрездене. Однако приезжий офицер ГРУ нечаянно услышал гораздо больше, чем ему было разрешено, и был шокирован, узнав, что Полковник планировал использовать здание штаб-квартиры восточногерманской спецслужбы Штази для реализации своей цели, чтобы в итоге достичь мирового господства с помощью железного кулака, контролирующего организованную преступность и торговлю разведывательными данными. До того, как Игорю Корабельникову удалось передать эту информацию своему начальству в ГРУ, "эскадрон смерти Штази" единогласно решил отменить его и инсценировал продуманный план ликвидации его и его семьи.

Я хорошо помню этот инцидент; вся семья старшего шефа ГРУ оказалась в ловушке внутри автомобиля, оснащенного взрывчаткой, и мне удалось деактивировать спусковой механизм и спасти их. После этого Игорь пообещал мне, что однажды оплатит мне.

Но это было почти восемь лет назад. Как они узнали обо мне? Я почувствовал, как новое горе наполняет мою грудь. Умру ли я и исчезну из этого мира, не попрощавшись с моими уважаемыми товарищами, не посетив родину матери, не попрощавшись с ней в последний раз?

Василий говорил в трубку телефона: "Я позвонил Игорю Корабельникову, как только услышал о твоей ситуации. Он использовал свои связи, чтобы занести нас в тюремный журнал. Скажи нам... что мы можем сделать? Игорь уезжает в Москву сегодня днем".

Я взглянул на человека, который поклялся отдать свою жизнь за меня, но ни ничего не могли сделать. Приговор был окончательным.

Захватив телефон обеими руками, я пытался говорить спокойно. "Спасибо, Василий. Ты был отличным другом. Я смирился со своей судьбой. Нет ничего, что ты можешь сделать, что изменит решение суда, но есть кое-что, что ты можешь сделать для меня".

"Что угодно!" – объявил Игорь.

"Моя мать, ее семья... они будут беззащитны. Я беспокоюсь об их безопасности. Просто постарайся, чтобы о них позаботились".

"Я буду заботиться о них, как о своих", - поклялся Игорь.

Василий кивнул: "Запиши адрес своей семьи. Я найду их... и буду держать их под особой охраной."

Я быстро нацарапал домашний адрес в Нью-Джерси и передал лист моим любимым русским друзьям.

Василий изучал бумагу: "Твоя мать живет там?"

По его смущенному внешнему виду я знал, о чем он думает.

Василий знал, что моя мать умерла, когда я был еще ребенком.

Я быстро объяснил: "Когда я приехал в США, я был один, и там была русская женщина, которая жила со своим мужем и несколькими приемными детьми; она жила рядом с моей квартирой. Я почувствовал ностальгию, когда увидел ее. Это напомнило мне о доме, как будто у меня вдруг появилась вторая мать, - я посмотрел на своего друга. - Она выглядела почти идентично моей собственной матери, Вася. Я стал считать их своей семьей".

Перед тем, как я закончил свою речь, Василий и Игорь пообещали позаботиться о моей семье, а затем ушли. Я долго всхлипывал после того, как они вышли из кабинки для посетителей. Я чувствовал, как слезы намочили щетину на щеках, когда охранники проводили меня обратно в мою узкую камеру. Слезы не прекращались - я чуть не чувствовал во рту вкус соли. Визит знакомых лиц из России разжег эмоции, которые я давно спрятал в своем сердце. Теперь мне было страшно думать о том, что смерть так близка, а я так далеко от родных земель. Страшно было представить, что меня похоронят незнакомцы, за тысячи километров от дома, навсегда вдали от родных и близких.

По мере того, как дни шли, моя дата казни приближалась. В отчаянии я стал обращаться к тем немногим коллегам, которым доверял. Никто из них не знал, что я был приговорен к смерти. Я написал множество писем оперативникам ЦРУ и АНБ, которые вместе со мной участвовали в миссиях, но так и не получил никакого ответа. Через несколько недель я понял, почему так вышло, охранники отказывались отправлять мои письма; ни один из предполагаемых получателей никогда не получал моих умоляющих сообщений. Однажды днем, во время проверки охранников, черный охранник совершал обход по камерам. Я сидел в камере и плакал, когда его тяжелые шаги остановились рядом с металлическими прутьями.

Я не ищу ни траура, ни боли,
Ни памяти, ни горя мне не нужно.
Я б не хотел чтоб мой уход позволил
Жизнь омрачить ко мне равнодушным.
Все это принесет мне лишь страданья,
В стране, где будет кратким пребыванье.

*I seek not their mourning,
Nor excess remembrance or grief,
I would not my death should bring,
A bout of darkness in their belief-
It will but increase my suffering,
In a land where my sojourn would be brief!*

Пока лежу в молчаньи одиноком
Надеюсь, память все еще жива.
Болезней бремя в жизни столь жестокой
Умрет со мной, очистившись сперва.
А вся любовь, испытанная мной.
Со мной останется, взлелеяна душой.

*And while I lie silent and alone,
O' do not think my memory had perished;
All the love I ever had known,
Shall remain with me to be cherished-
And all the blight this life had shown,
Shall die with me, thoroughly unblemished.*

Жизнь в американской тюрьме была ужасна. Я смог вытерпеть убогие условия содержания, но было все сложнее и сложнее терпеть издевательства американских зрителей. Тюремный надзиратель и его офицеры постоянно проклинали меня. Они знали, что я русский, и желали мне мучительной смерти, каждый раз, когда я попадался им на глаза.

Когда я мучился в тюрьме. Я вспомнил кое-что. Я вспомнил времена, когда я был в приюте для сирот в Сибири, мне было почти пятнадцать лет.

Я вставал рано и бродил по мирным дорогам.

Я помню, как одним утром, я встал пораньше - Солнце было ярким и освещало все вокруг. Я вышел на улицу и ощутил мягкую теплоту. Теплый солнечный свет стелился по заснеженному холму. Я стоял на Солнце. У меня было так много надежд в тот день. Я был так

счастлив. Я был полон свобод и надежд. Я был так рад, что я жив этим утром. Знал ли я, что это один из последних свободных дней? Что я больше ни дня не проживу, как нормальная личность, как человек, не убивая никого и не шпиона ни за кем?

Эх, вовремя я вспомнил об этих временах! Эти мысли принесли грусть и жалость. Внезапно, я громко заплакал.

Я не хотел здесь умирать. Я хотел умереть в России. Я хотел, чтобы меня похоронили рядом с моей матерью; не в Америке, как предателя, на земле, на которой меня считали врагом. Эти болезненные мысли чуть не свели меня с ума.

Охранник, должно быть, заметил мои страдания и поинтересовался, почему ко мне не приходили ни посетители, ни близкие. После небольшой паузы я рассказал ему о том, что случилось с моими письмами. Никто из моих друзей не получал писем, которые я им написал. Охранник проявил сочувствие и предложил помощь. Он был менее враждебен ко мне, чем другие охранники, и даже позволил мне прочитать его книгу, поэтому я решил попросить его о помощи. Я передал ему два написанных от руки письма и умолял отправить их другу, который работал в Агентстве.

Невероятно, он согласился.

Я ждал в ожидании следующей недели, надеясь, что мое письмо дойдет до товарищей, которые могли бы мне помочь. Мои молитвы были услышаны. Пять дней спустя ко мне пришел мой первый посетитель. Это был Сэм Кларк, дорогой коллега, который последние пять лет вместе со мной принимал участие в различных миссиях. Я почувствовал облегчение, увидев дружелюбное лицо после ужасного ожидания в камере смертников. Сэм был потрясен подробностями моего дела и сразу же заявил, что вынесение мне смертного приговора за преступление, которого я не совершал, было грубо несправедливо по отношению к суду. Он нанял четырех независимых адвокатов и вызвал моих коллег из АНБ в качестве свидетелей. Мои новые адвокаты смогли привести многочисленных свидетелей, которые видели, как я выходил из квартиры задолго до того, как эта женщина была убита. У меня было надёжное алиби. Изучив новые доказательства, суд согласился с тем, что судопроизводство было неудовлетворительным, и отклонил выдвинутые против меня обвинения.

Тем временем Сэм продолжал расследовать убийство Фионы. Ее муж Тони, наконец, убедился в моей невиновности и начал помогать Сэму выяснять, кто настоящий убийца его жены. Много месяцев спустя я узнал правду о том, что случилось той ночью в моей квартире. Я обнаружил, что жестокое обращение с подавляющим большинством охранников по отношению ко мне было не случайным. Им были

переведены значительные суммы денег, чтобы сделать мое пребывание в тюрьме как можно более ужасным. Мой адвокат провел отдельное расследование их поведения и выяснил, что охранники были проинструктированы их неизвестным работодателем на предмет изъятия и уничтожения моих писем. Вся моя корреспонденция была отфильтрована, и охранники признались в получении инструкций по поводу моих писем. Коррупция в тюрьме была почти заразой, и несколько членов присяжных, а также свидетели, которые давали ложные показания, позже были объявлены пропавшими без вести, так как они были из других штатов, они давали ложные показания, являлись в суд и вынесли несправедливый вердикт, а также давали ложные показания под присягой. Тюремные охранники, которым было приказано не передавать мои письма Ирине, признались, что получали взятки от человека без имени, и они должны были явиться в суд за эти проступки. Двое из них были уволены без сохранения заработной платы, а один получил незначительное наказание за жестокое обращение с заключенным.

Быть в камере смертников было ужасным испытанием, но я нашел некоторое утешение в разговоре с другими заключенными, которые были приговорены к смерти. Перед тем, как войти в огороженную колючей проволокой тюрьму, я предчувствовал, что эти осужденные будут социально закаленными проторадикалами, но не все из них были суровы или опасны. Некоторые из них были невинновы, как и я, и стали жертвами несовершенной системы правосудия. Почти все заключенные были афроамериканцами, и они положительно отреагировали на мое существование. У заключенных не было проблем с моим русским характером. Они не обращались со мной как с пришельцем. Я подружился с двумя соседями. Мы разговаривали в камерах, и они рассказывали мне, как их ложное осуждение привело к этой проклятой судьбе.

Пожилой афроамериканец жил в камере справа от меня. Он сидел в камере смертников три года, а до его казни оставалась всего неделя. Мужчина был безутешен и порой впадал в истерику, когда подробно рассказывал, как его сообвиняемый подставил его за вооруженное ограбление и тройное убийство. Он никогда не прикасался к пистолету, но его друг оставил его в своем доме, чтобы полиция его нашла. Суд также не сомневался в его виновности и быстро вынес смертный приговор. Мы говорили о нашей общей судьбе. Однажды я рассказал ему правду частично - то есть, я работал на разведку США. Я обещал разобраться в его деле и попытаться доказать его невинность, если когда-нибудь выберусь отсюда.

Эта гарантия дала ему некоторое облегчение. Когда я услышал грохот ключей, у меня возникли мысли, как оправдать пожилого

человека: появились охранники и проводили соседа по камере в другой блок.

"Что происходит? – спросил я. Охранники не ответили, я схватился за решетку своей камеры и повторил свой вопрос. - Куда вы его забираете?"

"А куда думаешь, умник? - Один из охранников ответил. – Это не курорт. Твой приятель должен умереть сегодня".

"Мы забираем его в камеру", - сказал другой охранник, немного мрачно.

Его ответ вызвал множество эмоций у моего афроамериканского друга-заключенного. Он начал кричать в знак протеста, но охрана проигнорировала его. Они схватили его за руки и потащили через узкую камеру, когда его выводили из камеры. Я пытался вдавить лицо между решётками, чтобы как следует взглянуть на него.

Смертник увидел меня и разрыдался. "Ты обещал спасти меня", - умолял он.

Я посмотрел на его темное выстроенное лицо и седые волосы и не мог придумать, что сказать. "Прости, чувак, прости", - я продолжал повторять.

"Ты сказал, что можешь доказать мою невиновность", - повторил мужчина, на этот раз сжимая прутья клетки моей камеры.

"Я знаю, - ответил я тихо, стараясь не онеметь. - Я верю тебе. Я знаю, что ты невиновен. И я клянусь, чувак, клянусь, если бы я был снаружи, я бы нанял лучших адвокатов и отменил твой приговор".

Заключенный сжимал глаза, слезы струились по его лицу: "Они убьют меня сегодня, чувак. Они убьют меня, и никто мне не поможет".

Я знал, давая ему ложную надежду будет безрезультатно, поэтому я схватил его за пальцы твердо, пытаясь придать силу его больному сердцу. "Ты был хорошим другом", - сказал я медленно.

Человек покачал головой: "Ты обещал помочь мне, брат! Ты сказал, что можешь помешать им убить меня!"

Я пыталась сохранять спокойствие снаружи, но моя душа горела от ярости, гнева и ярости, и я чувствовала себя таким беспомощным. Я не мог поверить, что он умрёт; когда я пообещал ему, я думал, что действительно, смогу спасти его. Мне было так трудно удержаться от криков, проклятий и слез. Я забыл о своей собственной судьбе. Я крепко держался за него, словно желая чуда. Надеясь на помощь, не принимая судьбу, проклиная судьбу в молитве и отчаянно надеясь на последнее единственное чудо.

"Я не забуду твоего брата. И весь мир узнает, что ты был невиновен".

Мои слова, казалось, немного успокоили его, и, несмотря на цепи вокруг запястья, он зажал мои руки.

Один из тюремных охранников подтолкнул его и приказал двигаться. "Уходите", - он закричал.

Мой друг не отпустил мою руку, и я тоже отказался отойти от ворот камеры. Охранники разозлились и использовали металлическую дубинку, чтобы поразить руку заключенного. Он кричал от боли и опускал руки.

Моя голова кружилась. Я был так зол, что не мог говорить. Я хотел проклясть стражников и проклясть их на полный позор, но я был безмолвен в муках, гневе и неверии. Моего друга вели на казнь, и я не мог ничего сделать, чтобы остановить это. Я случайно дал ему надежду, и теперь его жизнь вот-вот закончится самым бесцеремонным образом. Я чувствовал себя таким виноватым и с разбитым сердцем. Его скудные протесты раздавались в моих ушах еще долгое время после того, как охранники забрали его из моей части. Он умер в тот вечер.

За три месяца, что я сидел в камере смертников, произошло несколько казней. Меня осенило, что афроамериканские заключенные составляют подавляющее большинство в этой тюрьме. Интересно отметить, что после вынесения смертного приговора их быстро приводили в исполнение. Несправедливость была мучительной. Я подружился с несколькими моими афроамериканскими сокамерниками и нашел их удивительно терпимыми. Они считали меня братом - им равным. И это также радовало то, что меня не дискриминировали за принадлежность к великому русскому народу.

Но я бы хотел сказать то же самое о страже. Тайна открылась, что я русский, но охранники неумолимо унижали меня, часто обращаясь ко мне как к коммунистической свинье. Но эта боль была ничем по сравнению с тем, что я испытывал там.

Я был обречён наблюдать, как умирают мои соседи по камере, один за другим. Боль, которую я чувствовал в сердце каждый раз, когда заключенного затаскивали на смерть, настолько затягивала мой разум, что я мгновенно переставал вспоминать о том, что я тоже должен был умереть в течение месяца. Для меня мир был пуст.

Только смерть была настоящей. Жизнь казалась такой лживой и временной. Реальность безнадежности и ужаса атаковала со всех сторон.

Охранники были холодны и властны, но я не злился на них. Я знал, что только жестокая необходимость сделала их такими, какие они есть. Они охраняли осужденных - людей, которые якобы совершили непростительные преступления.

Когда меня наконец-то освободили из тюрьмы, я пошел прямо к Ирине и поспешил объяснить ей свою версию истории. Я рассказал ей, как охранники мстили по отношению ко мне, и меняли письма, которые я ей писал.

Я умышленно забыл упомянуть ей, что именно ее отец нанял этих охранников для подмены моих писем, а также приказывал охранникам уничтожать все письма, которые я писал своим адвокатам и друзьям в Агентстве. Он приложил все усилия, чтобы подставить меня в убийстве жены моего коллеги, но я чувствовал, что Ирине не нужно было слышать, как ее отец пытается подорвать мою репутацию.

Я любил ее и знал, что она набросится на своего отца с этими обвинениями, но Ричарду, будучи мастером манипуляции, потребуется всего несколько минут, чтобы убедить ее, что это я - тот, кто фабрикует ложь о нем. Мне не нужно было винить ее отца, потому что Ирина верила мне, когда я сказал, что никогда не писал этих ненавистных слов, и, скорее, это были выдержки из писем других осужденных, которые выражали гнев по отношению к своим супругам.

Короткое испытание, наконец, закончилось, и я сосредоточился на возрождении своих отношений с ней.

Декабрь 1996 года

Я не знал, что с моей дальней семьей что-то не так, пока мне не позвонили из больницы. Один из врачей, которому я щедро заплатил за не связанный с этим инцидент, связался со мной, чтобы поделиться новостями. Он сообщил мне, что моя приемная мать, которую я хотел спасти, была госпитализирована из-за какого-то отравления. Врачи беспокоились, потому что женщина была беременна седьмым ребенком. Я записал адрес больницы и поспешил в отделение скорой помощи. Русская женщина, которую я встретил более десяти лет назад на улицах Манхэттена, когда был хрупким подростком, прилетевшим прямо из Москвы, чуть не умерла. Я приказал врачам провести анализы, чтобы определить истинную причину ее болезни, а также сказал им, что если нужно выбирать между спасением ее жизни и спасением ребенка, то они должны спасти женщину.

На обратном пути из отделения скорой помощи я наткнулся на двух тяжеловесов. Их длинные пальто выглядели подозрительно. Зачем двум мужчинам носить теплые пальто летом? Я намеренно наткнулся на одного из них и почувствовал внутри длинный ствол пистолета-пулемета. Это были вооруженные убийцы! Я схватил одного и бросил его за перила лестницы, в то время как другой ударил меня кулаком. Я блокировал удары и вырубил его уколom в спину. Я вытащил его из больницы и положил в багажник. Съехав с дороги на несколько миль, я сделал резкий поворот через гравийную дорогу и, наконец, открыл багажник, чтобы допросить его. Убийца был измучен и был готов говорить правду.

Правду мне было труднее услышать, чем ему рассказать. Я был ошеломлен, узнав, что люди Ричарда наняли двух киллеров, чтобы убить мою приемную мать, добрую и сердечную маму шестерых детей. Зачем Ричарду это делать? В этом не было никакого смысла. Я мог бы понять его гнев по отношению ко мне, но что эта невинная женщина сделала ему? Ответы лежали в моей квартире. Должно быть, он обнаружил фотографию детей, которую я хранил в своем сейфе. Маленький мальчик, младший ребенок моей приемной матери, был очарователен и выглядел как я на моем детском фото, когда я был ребенком, поэтому я сохранил фотографии всей семьи по сентиментальным причинам. Внутренне мне не хватало здорового детства. И в моем сознании они были моей семьей. Они все были моими приемными братьями и сестрами. И я хотел однажды поделиться с ними своим счастьем, если когда-нибудь смогу быть в безопасности раз и навсегда, от всех моих врагов.

Моя биологическая мать безоговорочно любила меня, но в нежном возрасте была отнята у меня. Я был обречён жить в одиночестве, спасая остатки её почти забытой любви.

Я очень скучал по ней. Не думаю, что я бы так сильно оплакивал свою мать, если бы она умерла естественной смертью. Но сам факт, что она умерла из-за меня, причиняло боль моему сердцу. Эта трагедия была по моей вине! Она умерла из-за моей глупости. Почему я вмешался в тот роковой день? Моя мама была застрелена из-за меня. Ее тело было разорвано на части из-за ошибок сына, которым она была проклята. Я никогда не смогу простить себя. Я никогда не мог забыть об этом ужасном инциденте. Он преследовало меня тогда и преследует до сих пор. Если бы я мог попросить у нее прощения.

Если бы я однажды смог простить себя.

Тем не менее, именно куски той яростной любви сохранили мне жизнь и разум, когда я томился в русском детском приюте, за тысячи миль от семьи или друзей. Три года я жил под опекой государства и вместе с десятками детей проводил дни, голодая и болея в переполненной хижине, которая была полна вшей, крыс и тараканов. В сибирском приюте я узнал, каким грозным врагом может стать зима. До переезда в Россию я испытывал только предсказуемую лондонскую погоду. Теперь мне приходилось мучиться от снежных бурь и пустынных метелей, которые сбивали с ног меня в тот момент, когда я отважился выйти на улицу.

Наша зимняя одежда была ужасно худой. Целый год мне не давали носков и приходилось прибегать к обертыванию старого нижнего белья вокруг ног, чтобы они не обмороживались. Тысячи

вшей кусали меня под одеждой и царапали мою кожу, вызывая болезненные язвы.

Мои пальцы на ногах горели от тех ботинок, которые я взял с собой одиннадцатью месяцами ранее. Месяцами позже я заметил, что это было связано с размером моих ног - я рос, и маленькие туфли больше не вмещали мои длинные ноги.

Небольшой размер я компенсировал тем, что не носил носки, так что в старые рваные туфли мне было легче влезть, но это стоило мне денег: мои пальцы ног превращались в лед в течение нескольких минут после того, как я шел по снегу. Самым ценным моим имуществом в приюте было тонкое плесневелое одеяло, которое служило защитой от ледяного ветра, свистевшего по жилищу. Годами я страдал от поноса, голода и холода. Но я волею остаться в живых ради моей матери, которая умерла, пытаясь защитить меня. Я должен был жить, чтобы продолжать любить ее и беречь память о ней. Я должен был жить, чтобы ее смерть не была напрасной. И я пообещал построить детские дома и приюты для бездомных, а также открыть множество благотворительных организаций во имя матери. Я выжил.

Годы спустя, когда меня отправили в Соединенные Штаты, я столкнулся с загадочным дежа-вю, как только мои глаза пали на мою приемную мать, которая жила по соседству. Она готовила суп всякий раз, когда болели соседи. Она помогала всем, чем могла. Она спрашивала нас, нужна ли нам еда или лекарства. Она всегда приходила с маленьким мальчиком, не старше десяти лет - именно моего возраста, когда умерла моя собственная мать. Я чувствовал, как тянет мое сердце, как будто моя мать вернулась в этот мир и присматривала за мной. Должен признаться, я слегка завидовал маленькому ребенку, которого, как я позже обнаружил, усыновила русская женщина, но, тем не менее, любовь семьи повлияла на меня до такой степени, что я решил присматривать за семьей, как за своей собственной.

Ричард, должно быть, сделал драматические выводы о моих отношениях с приемной матерью и, возможно, даже заподозрил, что дети принадлежат мне. Ничто другое не могло пролить свет на то, почему он нанял профессиональных убийц, чтобы хладнокровно убить ее.

Я знал, что как только Ричард пойдет за кем-то, никто не сможет защитить его или ее. Поэтому я стал посвящать часть своего времени защите русской женщины и ее шестерых детей. Я не хотел, чтобы она знала, что она в опасности, поэтому я держался на расстоянии и пытался защитить их издалека.

Однако вторая катастрофа произошла вскоре после того, как я убрал двух убийц из больницы моей приемной матери.

Это было в начале января 1997 года, когда вот-вот должна была начаться страшная бойня. Я был в Вашингтоне на брифинге для миссии. Старший сын моей приемной матери, Адам, возглавлял общину в местной церкви в пригороде Бруклина. Это была ночная молитва, и тринадцатилетний мальчик, которого я всегда считал своим родным братом, выполнял священнические обязанности в божественной манере рядом со своей старшей школой.

Нападение произошло около полуночи. Три вооруженных автоматами боевика ворвались на территорию и открыли огонь по верующим. К счастью, жертв не было, поскольку в то время молитва приближалась к своему завершению, и верующие падали на молитвенное прощание, которое обычно происходило в конце каждого цикла молитвы. В то время как нападавшие открыли огонь, пять сотрудников службы безопасности, которые защищали мальчика, быстро перехватили нападавших и передали их полиции Нью-Йорка в 63-й участок.

Я узнал о нападении на Адама на следующее утро из местных новостей. Чего я тогда не знал, так это кто такие эти охранники, которые волшебным образом явились, чтобы защитить моего брата. Слишком поздно я узнал, что охранников наняли Василий и Игорь, мои старые друзья из России, которые приехали навестить меня, пока я томился в тюрьме, ожидая неминуемой казни. Когда они спросили меня, не нужно ли мне чего-нибудь, я ответил, что у меня есть семья в Нью-Йорке. Я умолял их присмотреть за ними и заботиться о моей семье, как о своей собственной - если я умру. Прежде чем выйти из комнаты для свиданий, Василий и Игорь пообещали позаботиться о моей семье и ушли. Я долго всхлипывал после того, как они вышли из комнаты для свиданий. Игорь буквально понял мои слова и нанял охрану из двух человек, чтобы защитить каждого члена моей приемной семьи. Только когда Игорь заметил, что появились злоумышленники, он усилил охрану и нанял дополнительных людей, чтобы защитить мою маму.

Мне хотелось верить, что нападение на Адама было случайным преступлением на почве ненависти или ужасным совпадением, но это было второе нападение на семью моей приемной матери, которое поразило и ужаснуло меня.

Летом 1998 года люди Игоря задержали группу из шести человек, которые вломились в дом моей приемной матери. Она была одна, только с двумя младшими детьми. Нападавшие несли мешки с молотками, гвоздями, скальпелями и прочими ужасными приспособлениями для пыток.

Надежды, молитвы и сожаление

Сердце кровоточит, я боюсь, что Боже
Позади оставил душу мою тоже.
Но когда надежду жизнь мне посылает,
Я её лелею, она боль стирает.

Среди дней рутины был я терпеливым,
А ночами плакал, муками томимый.
Слёзы утомили, дали выжить силу,
В мире, где я гость лишь, за дверьми могила.

Знать хочу я только, что судьба готовит,
И когда покинуть мир мой час приходит.
Чтоб никто не видел, плачу я ночами,
Ведь друзья судили все мои печали.

Не узнать им болей, сердце что сжигают!
Небеса однажды грешных покарают,
В страшный час от смерти упасёт ли это,
Когда голос стихнет, когда слов уж нету?

Сны своим безмолвьем истощили силу,
Мой язык отрёкся говорить, без сил он.
Имена любимых в пустоту шепчу я,
Горько их оплавав, смерть к себе впускаю я.

Птицы надо мною в тишине летают,
Может быть, и птицы о своём страдают.
Им не поделиться горем, только песней,
И прячут над морем, и летят над лесом.

Коли пожелают, улетят от страха,
Вдаль, к своим любимым, через крыльев взмахи.
Коль сожжёт стихия хрупкий дом пернатой,
Вновь, расправив крылья, улетит куда-то!

Декабрь 1998 года

Меня пригласили для организации охраны пресс-конференции на Южной Лужайке Белого Дома в Вашингтоне, где американский президент собирался встретиться с зарубежными сановниками. Вместе с тремя специальными агентами Блэк-Опс АНБ, одиннадцать членов Секретной Службы патрулировали территорию, потому что неделей ранее, Департамент Обороны получил анонимную угрозу о том, что кто-то может попытаться убить американского лидера. Охрана была усилена и тренирована перед встречей, и я был готов воспользоваться своим дальнобойным оружием.

Я согласился стать частью президентской охраны, потому что Ричард умолял меня согласиться на работу, и сказал, что раз президент знает меня лично и доверяет мне, то я смогу его защитить.

Да, я знал президента, потому что он лично дал мне несколько заданий в Сербии, хотел, чтобы я узнал правду о Боснийском геноциде. Американский президент очень хотел остановить резню невинных боснийских граждан в Югославии и пытался использовать НАТО для остановки сербских военачальников от убийства людей.

После моего возвращения с миссии с командой морских котиков, он наградил каждого члена команды серебряной медалью за отвагу, но так, как я технически не был гражданином США, президент подарил мне свои часы, в виде жеста благодарности. Я был польщен и благодарен его доброте. Когда я узнал, что его жизнь в опасности, я согласился помочь Секретной Службе защитить его.

Я не помню, что случилось этим вечером в Белом Доме. Я оставил без присмотра свое оружие на пару секунд, чтобы помочь престарелому политику пересечь газон, когда моя винтовка с оптикой пропала. Я не мог ее нигде найти. Это было волнительно, потому что президент стоял на подиуме и начинал речь, а я не могу найти свое служебное оружие. Я думал оповестить моего супервайзера, и предупредить его о том, что мое оружие пропало, но в этот момент, я услышал выстрел. Кто-то стрелял в президента США!

Я осмотрелся вокруг места, откуда произошел выстрел - пытался найти преступника, но я уже ничего не видел.

Секунды спустя, дюжина агентов Секретной Службы накинудись на меня, повалили на землю и арестовали жесточайшим образом.

Я понятия не имел, что происходит, пока они не показали мне, из какой винтовки стреляли в президента. Это была моя винтовка! Кто-то использовал ее в попытке убить президента. Я неистово протестовал, и говорил охране, что прежде, чем был открыт огонь, я потерял свою винтовку. Никто не поверил мне, они считали, что я пытаюсь прикрить свое преступление, заявляя, что я потерял оружие. На ней были мои

отпечатки, агенты Секретной Службы проклинали меня в ярости, называя меня российским хладнокровным убийцей. Подобное отношение шокировало меня, потому что я знал некоторых из них. Несколько часов назад, я бок о бок с ними нес службу и защищал Белый Дом. А теперь, они будто и не знали меня. Президентская охрана отказалась даже обращаться ко мне по имени, или просто смотреть на меня.

За несколько часов, меня перевезли в секретную тюрьму ЦРУ вне Лэнгли. Я испытал жесточайшую пытку в ЦРУ. Пять дней меня держали без еды, непрерывно пытали меня и оставляли в сознании. Охрана звенела тюремной решеткой каждые десять минут, чтобы я не спал. Небольшая камера была сильно освещена флуоресцентными лампочками, в ней звучала громкая музыка из динамиков.

Затем, они стали допрашивать меня. Бесполезные слова повторялись тысячу раз. Они спрашивали меня, почему я хотел убить их президента. Каждый раз, я отвечал честно, и говорил им, что я пытался защитить его. Но мои ответы только злили допрашивающих, они сотни раз били меня, топили в воде между допросами. Это было для меня суровым испытанием.

Особенно мне было грустно из-за того, что мне сильно нравился американский президент. Он был добрым человеком, и он искренне хотел остановить войны на Балканах и в Югославии. Он также был очень благодарен мне за то, что я спас его от сербского террориста-смертника, который хотел убить его, отомстив за бомбардировку Белграда. Я закрыл его своим телом от убийцы, и с тех пор, президент пообещал заботиться обо мне.

Мне было любопытно, как сербский убийца смог так близко подобраться к американскому лидеру, потому что охрана была очень жесткой, но позже, я узнал, что киллера пустил внутрь запретной зоны кто-то из АНБ. Я так и не узнал настоящего имени человека, но я знал, что некоторые члены Секретной Службы были коррумпированы и помогали сербскому убийце. Я не понимал, кто хочет смерти президента, но скорее всего, причиной была его внешняя политика. Он не нравился кому-то из разведки, и его пытались отстранить от власти. Также я знал, что президенту пытались устроить импичмент - та же группа, что запугивала членов Конгресса. Когда у них не получилось его отстранить, они снова попытались его убить, но на этот раз, киллер хотел подставить меня за преступление, и использовал мое оружие, чтобы стрелять в президента.

Я все это рассказал одному из менее агрессивных офицеров ЦРУ, который допрашивал меня, и он наконец согласился - послушал меня и начал расследование о нападении на президента. Через неделю, он вернулся ко мне в камеру и сказал, что он лично говорил с

Президентом - спросил его обо мне. Президент сказал, что знал меня хорошо, и доверил бы мне свою жизнь.

Наконец, тайный комитет расследований ЦРУ узнал личность настоящего стрелка, который пытался подставить меня. Это был военный американский лейтенант, который также был близким союзником отчима Ирины. Ричард и капитан-лейтенант работали в АНБ давным-давно, и вместе, они хотели избавиться от американского президента.

ЦРУ выпустили меня из ужасной тюрьмы и не стали обвинять меня в преступлениях. Мне было экстремально больно от отмеренной мне "терапии". Я был так молод, я был очень верен, рисковал своей жизнью бесчисленное количество раз, чтобы спасти рядовых граждан Америки, но эти люди поверили, что я убийца.

Когда меня отпустили, я поклялся больше не жить в этой стране, уехать из нее сразу, как появится шанс, я бы уехал в Европу, подальше от Америки. Было неприятно наблюдать, как некоторые американцы могут быть столь дружелюбными и радушными снаружи в один момент, а в другой уже яростными и безжалостными. На тот момент, я верил, что все американцы такие, но спустя годы, я узнал, что люди, которые меня допрашивали и пытали - не были преступниками. Они правда верили, что я убийца. Они не знали, что меня подставили.

Я узнал личность человека, который подставил меня в столь ужасном преступлении. Это был Ричард, австриец, которому дали безграничную власть в АНБ с собственными отрядом Блэк-Опс, работающим лично на него.

Я был верным патриотом, и мне стало ужасно грустно осознавать, что я стал врагом из-за того, что пошел против всех, защищая эту нацию.

Я поклялся, что не останусь здесь и дня, покину эту страну сразу, как меня освободят, и перееду в Европу.

Я не мог поверить, что они были экстремально дружелюбны снаружи, но в то же время столь ненавистны тогда, когда им это нужно. Я думал, что все американцы такие. Но я ошибался.

Ни один американец не подставил меня за что-то, чего я не делал, и никто из них никогда не всаживал нож мне в спину, никто из них не развязывал войн и ненависти. Они делали так, как считали правильным. Я понял, что они были жертвами манипуляций.

Когда я понял, что капитан-лейтенант был преступником, и действовал по инструкции Ричарда, я перестал ненавидеть американских служащих. Я ценил их, и простил их, потому что даже в грязной клетке ЦРУ, я встретил отличного друга, Мэтью. Он был офицером ЦРУ, который решил провести собственное расследование

моей истории, не называл меня лжецом и раскрыл все преступление, проведя много работы. Из-за него, я снова стал свободен.

Хоть я и вышел на свободу, я не смог предотвратить вторую войну, которая произошла следом.

Люди Игоря Корабельникова были его бывшими сотрудниками, которые верно служили под его началом в ГРУ. Он нанял несколько американских внештатных охранников, чтобы приглядывать за семьей моей приемной матери. Охранники провели тщательный допрос злоумышленников и выяснили, что их наняли, чтобы пытать мать и убить ее, прежде чем похитить двух маленьких детей. В то время люди Игоря не смогли установить, кто нанял нападавших. Единственной подсказкой был одноразовый телефон мужчин, который они носили с собой, но работодателя сразу же отследить не удалось.

Игорь вынес суровый выговор службе безопасности за то, что они позволили нападавшим подобраться так близко к семье, и после проведения независимого расследования Игорь обнаружил самое ужасное. Более чем один американский охранник получил большую сумму денег в обмен на разрешение злоумышленникам войти в заднюю дверь дома.

Чтобы проверить, верны ли его подозрения, Игорь провел небольшой эксперимент. Он выдавал себя за третью сторону, предлагал каждому из своих охранников миллионы долларов и просил их предать семью. Он хотел посмотреть, скольких мужчин выманит наживка. К его удивлению, большинство мужчин взяли деньги и сразу же доложили ему. Они передали деньги и сообщили ему, что кто-то нанял их, чтобы навредить той самой семье, которую они должны были защищать. Только два охранника взяли деньги и согласились работать на воображаемого человека.

Игорь был доволен результатами, но прежде, чем сделать вывод о том, что его охрана безупречна, он применил другую тактику. На этот раз он выдавал себя за безжалостную банду и посылал угрожающие сообщения своим охранникам, с клятвами причинить вред их близким, если они не передадут детей профессиональным похитителям. На этот раз подавляющее большинство его людей согласилось сотрудничать с преступниками. Это была тяжелая работа, сказал Игорь после, и он признался, что не может гарантировать защиту уязвимой семьи навсегда.

Второе нападение на эту семью произошло в начале 2000 года. Я узнал об этом много лет спустя, потому что за это время Ричард снова подставил меня за несколько тяжких преступлений и посадил в тюрьму. Двое из бывших сотрудников ГРУ Игоря Корабельникова были найдены застреленными на школьной игровой площадке младшего ребенка.

Русская женщина, которую я считал своей приемной матерью, жила в своем просторном особняке в пригороде Нью-Йорка. Все четверо ее сыновей учились в школах-интернатах в Лондоне и Швейцарии. Единственным ребенком, который был с ней, была младшая, шестилетняя дочь.

Маленькая девочка посещала элитную католическую школу недалеко от семейной резиденции. Поскольку это была единственная девочка в семье, мать неохотно разрешала ребенку уезжать учиться за границу. Наемники Игоря внимательно следили за девочкой, когда она училась в школе, а также когда она возвращалась домой каждый вечер, но после того, как двое из его лучших офицеров были найдены мертвыми, он поднял тревогу и провел проверку каждого учителя, который преподавал в школе для маленькой девочки. Двое из учителей ее католической школы для девочек использовали подставные имена. Когда Игорь провел детальное расследование, он обнаружил, что одна из преподавательниц естественных наук была недавно освобождена условно-досрочно и ранее дважды осуждена за торговлю детьми. Другой подозрительный персонаж - учитель английского языка в классе маленькой девочки, который два года назад был арестован брюссельской полицией по обвинению в руководстве группой педофилов, издевавшихся над детьми всего несколькими месяцами ранее. Когда полиция арестовала его, они обнаружили на его компьютере двадцать терабайт изображений жестокого обращения с детьми.

Игорь сообщил мне, что после того, как его люди сбежали из банды педофилов, они обратились за помощью к местным правоохранительным органам, чтобы задержать оставшихся преступников. Это была сложная миссия, с которой его люди не смогли справиться.

На прошлой неделе его группа заметила двух мужчин в масках, устроивших засаду на мою приемную мать и заставивших ее под дулом пистолета войти в переулок. Мужчины, одетые во все черное, прыгнули с внедорожника и связывали ей руки, когда вмешалась охрана безопасности. Позже Игорь обнаружил, что один из его людей получил полмиллиона долларов в обмен на содействие в похищении. Он сказал, что знает, что ни одна служба безопасности в мире не может быть неподкупной, и решил взять дело в свои руки. Оставаться в Америке было небезопасно для семьи, поэтому он послал сообщение родителям маленькой девочки о том, что они должны серьезно подумать о переезде за границу. Спустя год вся семья переехала в Индию. На какое-то время прекратились нападения на жизнь моей приемной матери.

С тех пор я смог сосредоточиться на своей собственной жизни, не беспокоясь о благополучии своей приемной матери и ее семьи.

Еще одно десятилетие прошло без инцидентов. Я говорю «без инцидентов», потому что единственный ад, с которым я столкнулся, был мой личный. За мной ходили убийцы, которые пытались убить меня еженедельно. Это означало, что мои поездки к маме, отдыхающей в Грозном, стали ограниченными. Мне было больно, что я мог отдать ей дань уважения только раз в несколько месяцев. Я хотел ездить каждый месяц, но особенно трудно было избежать обнаружения и лететь в Грозный через Санкт-Петербург, чтобы никто за мной не следил. Я постоянно была начеку, наблюдал за движением каждой тени, которая проходила мимо меня. Я слишком сильно любил свою маму, чтобы позволить кому-либо узнать место ее захоронения и нарушить спокойствие в месте ее отдыха.

Каждые две недели я усиливал меры предосторожности и менял локацию. Однажды ночью я особенно устал и закрывал шторы в спальне, когда ветер подул из открытого окна. Трое мужчин в шерстяных и неопределенных балаклавах прятались за шторами, ожидая, когда же я засну, что и я. Мне удалось успешно от них отбиться, но в моей жизни не было покоя. Я разбивал стекло и присыпал осколками возле входной двери, чтобы я мог услышать потенциальных убийц. Каждый раз, когда я регистрировался в отеле, я укреплял дверь и окна лазерными лучами и сенсорными детекторами. Я постоянно был бдительным, всегда боялся.

Август 1999 года

Знойная августовская жара почти застопорила мои обычные занятия на свежем воздухе. Я представлял, что эта неделя будет беззаботной. Как раз когда я готовился к вечерней тренировке в помещении, я получил предупреждение от Дастина. Мой друг, компьютерный эксперт, без усталости следил за всеми чатами и сообщениями Даркнета. Он предупредил меня, что согласно двум десяткам перехваченных сообщений, которые проходили по трансатлантическим кабелям, ряд российских чиновников готовились к скоординированному нападению на несколько подмосковных городов.

Для меня эти новости показались нелепыми. Казалось очень маловероятным, что российские чиновники начнут атаковать собственную землю. Я попросил Дастина провести тщательное расследование финансовых записей и операций причастных к этому лиц. Он обратился за помощью к русскому хакеру Павлу Говорову, которого я спас из тюрьмы два года назад. Павел смог прислать нам

копии расшифровок телефонных звонков, а также квитанций о крупных покупках.

Мы отследили материалы для изготовления бомбы до центра научно-исследовательского института *"Росконверсвзрывцентр"* в Москве. Видимо, это был нелегальный бизнес, торгующий взрывчаткой и тротилом. Через институт прошли тысячи тонн взрывчатых веществ. Институт закупал взрывчатые вещества у военных для утилизации и переработки или на химических заводах для исследований. Затем он продавал взрывчатые вещества потребителям, в число которых входили реальные и законные коммерческие предприятия. Внимательно следя за траекторией взрывчатых веществ, я обнаружил, что огромное количество материалов для изготовления взрывчатых веществ доставляется в различные точки России, но, несмотря на все усилия, мы не смогли положительно идентифицировать намеченные цели или конкретные места.

Это было очевидно. Планировалась огромная террористическая атака. Кто организовывал ее, до сих пор остается загадкой.

Потом это случилось. То, чего мы боялись и с грустью ожидали, случилось 9 сентября 1999 года. Огромный взрыв разрушил здание в России, убив сотни людей. Четыре дня спустя второй взрыв уничтожил еще одно здание в трех милях отсюда и убил еще сотню гражданских лиц. Однако, за неделю до первого взрыва в России, возле многоквартирного дома, в котором проживали российские солдаты, взорвалась бомба в автомобиле в городе Буйнакске, который расположен в Республике Дагестан. Взрыв унес жизни более шестидесяти человек. Шесть дней спустя за ним последовала бомба в грузовике, разрушившая девятиэтажное здание в городе Волгодонске Ростовской области, в результате чего погибли десятки человек. Я бежал наперегонки со временем, чтобы найти источник взрывов и идентифицировать тех, кто его организовывал. СМИ были бесполезны. Я смотрел по телевизору, как российский премьер обвинял террористов в Чечне во всех взрывах и приказал провести масштабную воздушную кампанию в северокавказском регионе. Я связался с человеком, который работал старшим консультантом в российской разведке. Он дал Павлу доступ к нескольким соответствующим секретным правительственным файлам, которые показали, что депутат Госдумы знал о взрывах. После дальнейшего изучения я установил личность депутата Госдумы и провел с ним конфиденциальную беседу. Он признался, что офицер ГРУ встретился с ним за несколько недель до взрыва в Москве и сказал, что серия взрывов произойдет в крупных городах России. Депутат Госдумы рассказал мне, что человек из ГРУ подробно рассказал о готовящемся теракте и даже передал ему имена террористов, участвовавших в

теракте. Павел подтвердил его версию и обнаружил, что несколько человек, работающих во Втором центральном управлении Генштаба, знали о теракте, но никто не предпринял никаких мер для его предотвращения.

Я спросил его, почему он не пытался предотвратить нападения, но депутат настоял на том, что он попытался. Госдума предупредила ФСБ и предупредила, что возможен теракт. Удивительно, но сотрудник ФСБ, возглавляющий отдел оценки угроз, не предпринял никаких действий, чтобы предотвратить теракты или задержать террористов.

Было понятно, что зверское нападение было с одобрения кого-то очень влиятельного человека. Дастин позже обнаружил, что это была дело самих ФСБ. Горстка офицеров ФСБ планировали нападения и активно участвовали в них. Однако, что-то было не так. Я хотел лично встретиться с сотрудниками ФСБ, чтобы подтвердить историю депутата Госдумы. Мой связной в ФСБ работал в Департаменте защиты конституционного порядка и борьбы с терроризмом. Он подтвердил, что в терактах принимали активное участие десятки высокопоставленных представителей российского разведывательного сообщества. У агентов госбезопасности России были доказательства того, что теракты в Москве были делом рук ФСБ, но их предупреждали, чтобы они прекратили расследование.

Я установил личность старшего должностного лица, которое отдавало приказ воздержаться от расследования. Это был человек по имени Георгий Каганович. Я немедленно отправился на поиски его по последнему месту жительства. Естественно, эта информация не была указана ни в одном официальном справочнике, но у Павла был друг детства, работавший в кибер подразделении военной разведки ГРУ, известном под именем 26061. Он дал нам неограниченный доступ к правительственной базе данных. Я отправился домой к Кагановичу на короткую разведку. Он был под усиленной охраной. Я не удивился этому. Но благодаря своим мощным объективам, я узнал одного из тех, кто охранял резиденцию. Это был один из тех людей в масках, которые несколькими месяцами ранее входили в команду, осквернявшую могилу моей дорогой матери в Лондоне! Одна только мысль заставила дрожать мои колени, когда мои глаза наполнились слезами. Я не хотел верить, что это произошло на самом деле, что кто-то пытался убрать останки моей матери с последнего места ее покоя, чтобы причинить мне невыразимую боль и страдания.

Священность могилы моей матери была настолько безумно привязана к моему сердцу, что я не был уверен, что смогу пережить если что-то случится с этим священным местом. Нарушение этого пространства было кощунственным, как ничто в мире. Для меня это было самое святое место. Это было продолжением моего сердца. Корень души. Ее кладбище было моей душой. Это было место, где

боль моего сердца успокаивалась. Я представлял, как она покоится с миром.

Я потерял мать в юном возрасте. Меня силой забрали у нее.

Она была единственным человеком, который любил меня.

Единственный человек, который противостоял миру ради меня.

Человек, который ежедневно переносил ради меня оскорбления, боль и пытки. Она была моим сердцем, моей душой и причиной, чтобы оставаться живым. Ее любовь и ее терпение поддерживали меня на протяжении всего моего подросткового и юношеского возраста.

И когда бесчувственные злоумышленники попытались стереть ее могилу, мне было больнее, чем если бы они попытались причинить ей боль, когда она была жива.

В тот день я горько плакал, стоя на коленях перед Богом.

Моя беззащитная мать! Разве она не была в безопасности от пыток мужчин даже *после* смерти?

Она была вынуждена заниматься проституцией в юном возрасте. Она была беременна мной и из-за несчастного поворота судьбы, была вынуждена выйти замуж за самого ужасного мужчину, чтобы дать мне будущее. Она принимала унижение и пытки за меня. Она никогда не переставала защищать меня, как бы ни было хуже. В конце концов, она отдала свою жизнь за меня.

Я вырос, не имея сил защищать ее. Я вырос, наблюдая, как ее бьют за мои недостатки. Теперь, после стольких лет, когда я, наконец, получил возможность отдать дань уважения ее месту покоя, я почувствовал, как будто снова нашел свою душу. Ее могила была моей святыней. Каждый месяц я приезжал к ней по религиозным мотивам и разговаривал с ней часами, надеясь, что она может услышит меня за пределами этого времени и пространства.

Как же больно было видеть, как ее останки тревожатся больными даже после ее смерти! Ей пришлось страдать из-за меня даже после смерти? Разве она не обрела бы покой? Неужели она никогда не получит передышку от бессердечных больных мучителей? Моя мать, мой ангел-хранитель, моя причина жить - и все же мне пришлось снова забрать ее из ее дома. Это было худшее время в моей жизни.

Меня преследовала моя прошлая жизнь, мое детство, мои воспоминания. Мне было интересно, что моя мать думает обо мне. И я плакал и просил у Бога защитить мать, которая умерла, пытаясь спасти меня - даже если бы этого не было при жизни, то, по крайней мере, после смерти.

Когда я, наконец, вернул ее останки на родину в Россию, я не мог перестать плакать. Снова и снова я просил ее простить меня. Она была моим единственным защитником, моим единственным сторонником

и единственным помощником, но я подвел ее больше раз, чем мог сосчитать.

Грехи и боль в сердце

Люди отказали в милости нечистой.
Судьи исключили оправдание твёрдо.
Все грехи я скрою, не от Бога только!

Слабость человечья – путь к любви и страху,
Пока слёзы были, я от горя плакал.
Я стыжусь, что смертен, слаб и безнадёжен,
Я ищу лишь то, что дать никто не может.

Я люблю, не важно, что мне скажут люди,
Буду ль ненавидим, иль враги осудят.
Я за горем прячусь, но молю я Бога,
Чтоб впустил однажды в Храм под небосводом!

Штормы жизни этой оглушают уши,
Всё же, свою веру в Бога буду слушать.
Верю в Божество я, хоть оно незримо,
А иначе жизнь была б невыносима.

Не могу конец я свой принять беспечно,
Что страданья эти – всё, что будет вечно.
Ведь должна быть Сила, что залечит раны,
Что поможет биться с горем окаянным.

Сила, что вернёт мне матушку однажды,
Боже, что услышит и ответ мне скажет.
Хоть не вижу Бога, знаю, всё же, есть Он,
Хоть не слышу голос, знаю, он ответит.

Теплится надежда: коль рождён я снова,
Я с родными встречусь, их увижу скоро.
И больную душу щит любви укроет,
Толика надежды зову сердца вторит.

Коль мерцает блеском луч сквозь боль всю эту,
Должен я поверить: не конец уж света.

В тот день я почувствовал новую боль, как в тот день, когда она умерла. На этот раз я как будто умер вместе с ней, как будто в очередной раз лежал, чтобы упокоить мою дорогую маму в безымянной могиле, спрятанной от друзей и врагов.

Местность, которую я сейчас обследовал, угрожала затопить мозг еще большим количеством воспоминаний, поэтому я вдыхал носом, чтобы оставаться бдительным в настоящем и не допустить проскальзывания в полосу воспоминаний.

Шансы на то, что такого человека случайно наймут охранять российского разведчика, были низкими, тем более что Дастина узнал, что именно отец Ирины отдал приказ о нападении на место захоронения моей дорогой матери. Значит ли это, что за взрывами в Москве стоит и Ричард? У меня пока не было конкретных доказательств, но отец Ирины не в первый раз пытался подставить кого-то за совершенные им преступления.

Я вспомнил инцидент с матерью Ирины много лет назад, когда он заложил взрывчатку в одном из мест и сказал АНБ, что именно она пыталась убить американских агентов. Даже в то время я не смог вовремя оправдать ее, но только после того, как я встретился с Ириной и рассказал ей правду о ее матери, старую женщину не смогли казнить американские суды по обвинению в измене.

Я не мог поверить, что сотрудники госбезопасности убьют сотни москвичей, взорвав жилые здания, поэтому я поручил Дастину и Павлу проследить за каждым звонком, который был сделан им за месяцы до нападений. Я побывал в Москве на *Комсомольском проспекте*, где большинство сотрудников спецслужб проводили свободное время, и поговорил с несколькими клерками. То, что я обнаружил, немного удивило меня, но я не был шокирован. Офицеры ФСБ, которые якобы приобрели взрывчатку, действительно были наняты за несколько месяцев до этого. У каждого из них отслеживались случайные суммы в долларах США и просьбы сделать определенные покупки и подбросить улики в дом москвичей чеченского происхождения. Я узнал, что все нападение было совершено исключительно с целью подставить чеченских граждан, чтобы это нападение могло быть использовано в качестве предлога для вторжения в Чечню.

Россия взглянула на доказательство, которые ей предоставили американские спецслужбы, а точнее, отец Ирины, и пришла к выводу, что Чечня действительно виновна. После того, как Москва пришла к выводу, что чеченских боевиков следует обвинить во взрывах многоквартирного дома в сентябре 1999 года, она объявила о нападении на крошечную нацию в ближневосточном стиле. В течение нескольких лет российским военным удалось вернуть большую часть Чечни под контроль Москвы.

После первых трех взрывов я отчаянно пытался предотвратить дальнейшие нападения и лично прилетел в Москву для проведения наземных расследований. Я анонимно связался со штабом ФСБ и делился своей находкой. Я также получил копию отчета Кремля. К 23 сентября 1999 года внутренние подразделения ФСБ завершили собственное расследование и установили личность всех участников терактов в Буйнакске, Москве и Волгодонске и подтвердили, что среди них нет ни одного этнического чеченца. Позднее я связался с московским отделением Центрального разведывательного управления и поделился с ними своей информацией, чтобы они могли отследить анонимного спонсора, который финансировал взрывы в Москве. Я не хотел обнародовать свой доклад, чтобы российское правительство не начало думать, что Америка воюет с ними.

Взрыв в Москве произошел через девять дней после взрыва в Буйнакске. После трех дней постоянных путешествий и поисков я обнаружил, что взрыв в Москве был третьим по счету из предполагаемых четырех взрывов в жилых домах в России в течение двенадцати дней в сентябре, в результате чего сотни российских граждан погибли, нация в панике; это была одна из самых смертоносных серий терактов в мире до 11 сентября.

После взрыва двух зданий московская милиция проверила около тридцати тысяч квартир, включая нежилые помещения и первые этажи зданий, подвалы и полуподвалы. Они также осмотрели - общественные здания, в том числе сотни гостиниц и общежитий, и более пятисот развлекательных мест в Москве. Это была безрезультатная игра. Тысячи мест еще не были обысканы. Затем, по какой-то странной необъяснимой причине, я подумал о письмах моей матери. В них она упоминает свою мать или мою бабушку-матери, которая была уроженкой Рязани. По одной лишь догадке я предупредил местную полицию в Рязани о проведении масштабного обыска жилых домов недалеко от района, в котором жила моя бабушка. Они были благодарны. Через день я снова вздохнул.

Моя догадка была верной.

Четвертый взрыв должен был произойти в Рязани.

К счастью, взрывы в жилом доме в Рязани не увенчались успехом, когда московская милиция вовремя задержала подозреваемых. Однако во время задержания сотрудники ФСБ, планировавшие взрывы, поспешили назвать это учениями. Но каждый российский военный знает, что никакие учения никогда не проводятся с использованием настоящих взрывных устройств. Более того, если бы это были учения, то местная полиция была бы предупреждена об учениях. Местная милиция предположила, что попытка взрыва в Рязани была предпринята российскими спецслужбами, которые готовили эти операции под фальшивым флагом, чтобы свалить вину на

чеченских террористов. Правда никогда не была такой простой. Все нападения на российские города были совершены несколькими сотрудниками ФСБ, которым платил или принуждал к действию очень коррумпированный руководитель программы АНБ черных оперативников.

Бывший депутат Госдумы Алексей Ермаков, который неустанно пытался предотвратить нападения и раскрыть истинный мотив взрывов, заверил меня, что есть доказательства того, что планирование московских взрывов не происходило на седьмом и девятом этажах здания по улице Большая Лубянка, номер 1, а планировалось и осуществлялось по четким указаниям штаба черных оперативников АНБ в Вирджинии, где у Ричарда были неоспоримые полномочия.

Ноябрь 2000 года

Месяц выборов закончился. Новый президент, сменивший Билла Клинтона, был не похож на харизматичного человека, с которым я работал в прошлом и который помог нам предотвратить гуманитарный кризис в Сербии. Клинтон не был таким активным, как я думал, но он действительно ответил силой, когда Сербия нарушила все международные законы и устроила резню ни в чем не повинных хорватов и боснийцев. Новый американский президент, который переехал в Белый дом в 2000 году, тоже не имел никакого криминального прошлого, но его близкие отношения с Ричардом беспокоили меня. Семья Буш управляла могущественной династией, и меня не удивило, что отчим Ирины проводил с ними много времени в их поместье. Он лично финансировал президентскую кампанию за год до ноябрьских выборов. Не было сомнений, что он выиграет от итогов выборов.

Я решил ослабить преступную империю Ричарда, которую он построил, используя свое могущественное положение в американском правительстве, путем систематического разоблачения коррупции в его бизнесе. Я прослеживал его финансовые сделки с несколькими крупными нефтедобывающими корпорациями. За несколько месяцев до этого он встретился с иранским торговцем оружием и заключил сделки с рядом недобросовестных агентов Моссада в Ливане. Я хотел узнать, что он задумал, и решил проследить за ним. Однажды вечером я проследил за ним до британского консульства. Он встретился с командой руководителей. Большинство из них были главными акционерами нефтяных и газовых компаний, включая британскую нефть. Это было защищенное не прослушиваемое место, так что я не мог перехватить разговор, но я заплатил информатору, чтобы тот

рассказал мне, о чем шла речь на встрече. Казалось, что Ричард и его группа планировали самую крупную атаку на американскую землю. Где и как должна была произойти атака, было неизвестно. Я сообщил об этом Министерство обороны и попросил Ирину помочь мне остановить ее отца, чтобы он не навредил невинным людям.

Как обычно, Ирина не хотела идти против своего отца. Она поставила мне ультиматум. Если бы мне нужна была ее помощь, я должен был бы показать ей веские доказательства того, что ее отчим коррумпирован. Как вы найдете улики против человека, который десятилетиями работал в разведывательном бюро? Ричард подчистил свои записи настолько тщательно, что даже Дастин не смог их раскрыть. Я пыталась взломать хранилище данных ЦРУ и нашел бумажные следы дел, которые Ричард раскрыл в первые дни своей работы в Агентстве. Его иностранным контактом была Екатерина Глазова. Его жена в то время. Мать Ирины.

Я знал, к кому мне нужно было обратиться, чтобы уничтожить Ричарда. Единственным человеком, который знал его с раннего детства, была Екатерина, бывший агент КГБ, которого в советское время отправили в Америку. Она была готова помочь мне, потому что сама стала жертвой манипуляций Ричарда. Ирина была ее единственным ребенком, и Ричард изгнал ее из Штатов, прежде чем навсегда украсть у нее малышку. Я подумал, что Екатерина может быть заинтересована в мести своему бывшему мужу.

Место встречи было запланировано в Праге. Екатерина прислала зашифрованное сообщение с указанием времени встречи. Я должен был поехать один. Когда я туда приехала, местность была пустынной. К оконному стеклу была прикреплена только бутылка прозрачной жидкости. Табличка на ней говорила: Пей. Я колебался. Миллион вещей может пойти не так. Сосуд бесцветного раствора может быть опасным химикатом, разработанным, чтобы вывести меня из строя. Но я решил рискнуть. Если бы мать Ирины хотела убить меня, она могла бы нанять убийцу, чтобы застрелить меня. Кроме того, я был ее единственной надеждой уничтожить Ричарда. Я проглотил жидкость без запаха и стоял, шатаясь. Мгновениями позже, появился эффект от вещества. Я упал на колени и упал на землю. Потом я потерял сознание.

Я постепенно пришел в себя. Вокруг меня говорили. Компьютеры взывали. Отдавались приказы. Я открыл глаза. Округлая комната выглядела как армейский командный центр. Сотни сотрудников суеились вокруг выложенных столов и сверялись с картами от пола до потолка.

"Ты проснулся, Джон, - темноволосая женщина появилась передо мной. - Мы боялись, что у тебя может быть передозировка

снотворного". Она говорила с почти безупречным американским акцентом.

"Где я?"

Женщина покачала головой: "Чем меньше ты знаешь, тем лучше". Она посмотрела мне в лицо и нахмурилась. Это был гнев в ее глазах?

"Вы Екатерина Глазова?" – спросил я.

Она проигнорировала мой вопрос и продолжала наблюдать за мной. Когда она заговорила, ее тон смягчился: "Как моя дочь?"

"Ирина? - Я хотел уточнить. - У Ирины все хорошо. Её повысили до старшего звена в Агентстве".

Мать Ирины ненадолго улыбнулась. Я видел ее странное сходство с дочерью. Я так много хотел узнать о таинственной женщине, но знал, что было бы неразумно задавать слишком много вопросов. Бывший оперативник КГБ не знал, может ли она мне доверять.

Екатерина щелкнула пальцами. По обе стороны от нее появились двое мужчин. Она обратилась ко мне: "Эти двое будут сопровождать вас до нашего оружейного склада. Вы получите мою поддержку.

Ричард - опасный человек, и я полна решимости уничтожить его. Но сначала мне нужно кое-что от тебя".

"Да, конечно. Что угодно."

"Отведи меня к моей дочери".

Я возмутился: "Послушайте, не хочу показаться грубым, но вы были в розыске в Америке в течение двадцати лет. Вы не можете просто появляться в стране и встречаться с Ириной. Кроме того, я не знаю, сколько и что Ричард рассказывал ей о Вас, но каждый раз, когда я поднимаю твою тему, она расстраивается. Ирина все еще думает, что Вы предал Америку и что бросил ее".

"Тебе нужна информация, которая уничтожит Ричарда? - Екатерина потребовала. - Ну, я не буду оказывать тебе никакой помощи, пока не встречу свою маленькую девочку".

"Ладно, ладно, я поговорю с ней. Попробую убедить ее связаться с вами в Праге, - Я понизил голос, стараясь звучать менее агрессивно. - Говорю вам, если Ирина не согласится встретиться с вами, не думаю, что кто-то из нас что-то сможет с этим сделать".

После возвращения в Соединенные Штаты я связался с Ириной и попытался затронуть тему ее матери. Как и ожидалось, она впала в ярость и заявила, что не будет иметь ничего общего со своей матерью.

Я объяснил, что Екатерина - жертва двух конфликтующих ведомств и что она не зла, но Ирина не убедить. Она настаивала на том, что ее мать - ужасная женщина, которая совершила преступления против США и предала своего отца советскому правительству.

Я понял, что эти переговоры будут безнадежными, поэтому позвонил Екатерине и сказал, что не могу привезти ее дочь к ней. Если

бы она захотела мне помочь, ей пришлось бы это сделать без всяких предварительных условий.

Екатерина Глазова спокойно слушала. Она повесила трубку, не сказав ни слова.

Несколько дней спустя я был в Лэнгли, чтобы забрать Ирину с работы, когда передо мной остановились десятки машин федеральной полиции. Я был в замешательстве и вошел в здание ЦРУ для расследования. Сотрудники стойки регистрации подтвердили, что высокопоставленный заключенный только что сдался американскому шпионскому агентству.

Через несколько мгновений Ирина направилась ко мне в машину. Она была в слезах. "Это моя мама, - сказала она мне. - Она под арестом".

Я не поверил своим ушам. Это не могло быть правдой. Женщина пряталась в Праге. "Ты говоришь о Екатерине Глазовой, советской шпионке времен холодной войны?"

Ирина кивнула: "Она была в розыске у Агентства десятилетиями, а теперь она просто взяла и сдалась ЦРУ".

"Почему?" - я покачал головой, пытаюсь разобраться в путанице.

"Из-за меня", - Ирина сказала, вытирая слезы с глаз.

"Я не понимаю."

"Моя мать знает, что она является ценным активом для правительства США. Она согласилась сотрудничать с Агентством и делиться всей своей информацией о российских спецслужбах в обмен на иммунитет".

"Согласится ли директор ЦРУ?"

"Он уже это сделал", - Ирина задушила еще одно рыдание.

Ее горе не заканчивалось, поэтому я спросил ее: "Почему ты так расстроена из-за сделки о признании вины?"

"Моя мать поставила единое проклятое условие. Она сказала, что будет говорить только со мной. Больше ни с кем. Все опросы миссии, любая информация. Она будет делиться только со мной"

"Эта женщина очень хотела познакомиться с тобой", - заметил я.

"Я не виню мать за то, что она это сделала. Она сильно рисковала, выходя из своего укрытия. Правительство США могло бы легко решить казнить ее как шпиона. Но она пришла к вам".

Ирина посмотрела мне в глаза: "Но я не хочу этого. Она исчезла двадцать лет назад, и теперь у нее хватает наглости появиться из ниоткуда, а мать - как будто я что-то для нее значу. Я не могу этого сделать, Джон. Говорить с ней часами каждый день. Как будто она все спланировала. Приехать в Америку. Сдаться Агентству. Она знала, что я здесь работаю, и использует свое положение, чтобы сблизиться со мной".

Я не сразу заговорил. Когда Ирина немного успокоилась, я попросил ее дать матери еще один шанс. Я знал, что ее сотрудничество жизненно важно для моей операции. Екатерина согласилась бы помочь мне разрушить империю Ричарда, только если бы рядом с ней была ее дочь. Я отчаянно хотел, чтобы это произошло.

Еженедельные подробности стали интереснее. Ирине приходилось каждый день присутствовать в камере матери, чтобы получать информацию об огромной сети шпионов, имеющих связи с Екатериной. Посланники Госдепартамента были довольны. Они согласились на требование Екатерины. Ирина была бы единственным человеком, который бы с ней контактировал. Чиновники агентства были бы на заднем плане.

С течением времени Екатерина начала разглашать больше подробностей о своих отношениях с Ричардом. Она рассказала о том, как они познакомились и как Ричард намеренно подорвал ее статус агента под прикрытием и подверг ее жизнь большой опасности. Казалось, что она налаживает хорошие отношения с дочерью, потому что я видел, как однажды вечером Ирина шла, чтобы встретиться со своим отчимом. Ричард был в ужасе от обвинений, которые Ирина предъявляла ему.

Екатерина Глазова рассказала дочери, что из-за Ричарда ей пришлось бросить ребенка и сбежать из США, и с тех пор она скрывается. Ричард выглядел больным и умолял Ирину не торопиться с выводами. Он сказал ей, что Екатерина - шпионка, и что она зарабатывает на жизнь ложью. Он также показал ей доказательства того, что Екатерина Глазова убила многочисленных офицеров ЦРУ в те дни, когда она была двойным агентом.

Ирина была в ярости и отдала матери доказательства, которые ей дал Ричард. Екатерина не опровергла все обвинения, но настаивала на том, что действовала в порядке самообороны. И что она никогда не предавала своих американских коллег своему советскому куратору.

Я получил удаленный доступ к секретным архивам Лэнгли и сделал копии файла на мать Ирины. Внутренняя комиссия, которая занималась ее расследованием, в своем отчете написала, что настоящее имя ее матери - Екатерина Глазова, супершпионка эпохи Холодной войны, руководившая шпионской программой в США по приказу Советского Союза. В деле упоминалось, что после того, как Екатерина начала отношения с Ричардом, ее советский куратор был убит. Все улики указывали на Екатерину как на убийцу, и за ней охотились КГБ. Файлы были длинными и утомительными, и я нашел в них мало значимой информации. Я поделился своими знаниями с Ириной и велел ей спросить мать об этих сведениях об убийстве. Мне было не очень понятно, зачем советскому шпиону убивать своих соотечественников и куратора. Ирина забрала эти файлы и предъявила

обвинение своей матери. Екатерина Глазова пришла в ярость и сказала, что Ричард знает ответ на все эти вопросы. После долгих обманов женщина призналась, что ее подставили в этих убийствах. Двое ее советских коллег были отравлены, и кто-то предупредил КГБ, что за всеми тремя смертями стоит Екатерина. После этого ее жизнь превратилась в ад, и только через несколько отчаянных месяцев другой российский разведчик, друг детства Екатерины, сумел найти настоящего убийцу: Ричарда.

Тем временем заместитель директора ЦРУ давил на Екатерину, чтобы она выполнила свою часть сделки и предоставила Агентству все адреса конспиративных квартир в Европе, которые находятся во владении федеральных спецслужб России. Бывший шпион КГБ согласился помочь и передал месторасположение бункера времен Холодной войны, спрятанного под белорусским лесом. Координаты были перепроверены, и Агентство направило группу для подтверждения ее данных. Ричард настаивал на том, что Екатерина по-прежнему играет роль двойного агента, и ее конечной целью было заслужить доверие Агентства и продолжить шпионаж в защиту своей Родины. Отчим Ирины также предупредил ее, чтобы она не встречалась с матерью так часто, потому что она может попытаться убить ее или причинить ей вред. Когда Ричард услышал о местонахождении бункера, который Екатерина предоставила ЦРУ, он заявил, что это ловушка, но Ирина отказалась ему верить. Вместо этого она решила сама сопровождать тактическую группу Агентства и участвовать в операции: "Если моя мать использует меня для нападения на американцев, то вы можете посадить ее в тюрьму навсегда, – сказала она Ричарду и начальникам ЦРУ. – До тех пор мы позволим ей помогать нам".

Ричард использовал свои связи с Агентством, чтобы остаться в командном центре в качестве консультанта. Заместитель директора ЦРУ позволил Ричарду вмешаться, потому что у него ранее была связь с Екатериной. Когда команда приземлилась в Беларуси, на спутниковых снимках было видно, что они движутся по периметру бункера. Ирина лидировала. Мама заверила ее, что вокруг нет мин-ловушек и бомб. Пересекать лес было безопасно.

Когда они собирались прорваться через вход в бункер, Ричард использовал спутниковый телефон, чтобы позвонить Ирине, и попросил ее отступить на минутку, пока он проводил очередную проверку безопасности на территории комплекса. Он поручил техническому оперативнику ЦРУ использовать спутник NASA, оснащенный тепловым инфракрасным датчиком, и просканировать территорию вокруг белорусского леса. Оперативник выполнил это поручение. Затем он начал задыхаться. Из-за высокой температуры

поверхности на получившемся изображении засветились тепловые инфракрасные волны. Весь бункер был набит тоннами взрывчатки.

Ричард схватил телефон и позвонил Ирине. Он сказал ей уходить из бункера как можно быстрее. Ирина начала поспешное отступление и приказала команде следовать за ней. Прогремел оглушительный взрыв, за которым последовала ослепительная вспышка огня. Спутники GPS потеряли изображение на несколько минут. Потом был слышен голос Ирины. С ней все было в порядке, но двое членов команды были слишком близко к взрыву и мгновенно погибли. Заместитель директора Агентства приказал Ирине вернуться в Штаты и отправил команду американских маршалов для сопровождения Екатерины в тюрьму для особо опасных преступников в Калифорнии, где ее будут судить за убийство шестнадцати офицеров Агентства, в том числе и за гибель двух человек, погибших во время взрыва бункера в Беларуси. ЦРУ отказалось от ранее заключенной с Екатериной Глазовой сделки об иммунитете и предъявило ей обвинения в шпионаже по 73 пунктам. Минюст объявил, что советский шпион будет казнен, если его признают виновным. Ричард убедил их, что мать Ирины хотела убить ее вместе со всей тактической командой, сначала завоевав ее доверие и дав им ложную информацию о бункере. Она, должно быть, знала о бомбах, но намеренно забыла об этом упомянуть.

Ирина вернулась в Лэнгли в слезах. Она не могла понять, почему ее мать пыталась ее убить. Я хотел утешить ее, но не знал, что сказать. Ричард был занят подготовкой дела против Екатерины и нанял известного прокурора, чтобы обвинить свою бывшую жену. Его энтузиазм беспокоил меня. Я не сомневался, что Екатерина виновна, но все же хотел быть уверен, поэтому я поговорил со старым знакомым, который работал в офисе Маршалла США, и попросил его дать мне пять минут наедине с матерью Ирины. Он согласился. Я долго стоял за камерой хрупкой стареющей женщины. Она выглядела унылой.

"Зачем ты это сделала?" – спросил я наконец.

Екатерина Глазова посмотрела вверх. Ее лицо показало, что она удивлена: "Почему я здесь? Я согласилась говорить только с дочерью".

"Ну, этого не случится, – сказал я ей, – учитывая, что ты пыталась убить ее вчера".

"Что? – воскликнула Екатерина. – С Ириной все в порядке?"

"С ней, нет, благодаря тебе. Почему ты не сказала ЦРУ, что посылаешь их в смертельную ловушку?"

"Бункер в Беларуси? – шпионка КГБ прошептала. – В этом районе никогда не было взрывчатки. Что случилось?"

"Произошло то, что команда Ирины пошла в лес, доверяя информации, которую вы ей предоставили, чуть не убила их. Если бы

не Ричард, у которого хватило ума провести тепловое сканирование местности и заметить, что тепловые сенсоры загорелись от взрывчатки, Ирина была бы разбросана по кусочкам".

Она начала задыхаться: "Слава богу, с Ириной все в порядке. Я не знала ни о какой взрывчатке. В бункере не было бомбы. Кто-то, должно быть, ее подбросил".

"Ты хоть представляешь, кто бы это мог быть?"

"Нет! – Екатерина ответила хрипло. Ее глаза были дикими. – Я только хочу, чтобы Ирина была в безопасности. Прошу тебя. Защити ее".

Я кивнул и в спешке покинул федеральную тюрьму. Что-то в том, что сказала женщина, имело смысл. Она действительно понятия не имела, что ее дочь чуть не погибла. Это не было похоже на холодную вопиющую ложь. Если Екатерина Глазова говорила правду, то кто-то другой, наверное, подложил взрывчатку вокруг бункера, чтобы дискредитировать ее разведданные и заставить ЦРУ отменить ее иммунитет, чтобы ее могли судить за убийство и шпионаж, и казнить. У меня было четкое представление о том, кто это может быть, поэтому я отследил GPS на телефоне Ричарда. Я попросил Дастина точно определить каждую его остановку за последние семь дней. Через два дня после того, как Ирина объявила, что возглавит команду и отправится в Беларусь, чтобы проследить за информацией своей матери, Ричард поехал в центр города и встретился с латвийским торговцем оружием, у которого было несколько оперативных баз в Резекне. Я отследил местонахождение преступника и выяснил, что он был бывшим членом *Долгопрудненской* братвы, которая управляла организованными преступными группировками на территории Беларуси. Поначалу он не сотрудничал, но я пригрозил закрыть всю его операцию, если он не будет сотрудничать. Он признался, что встречался с Ричардом несколькими днями ранее. Отчим Ирины заплатил ему пятьдесят тысяч долларов наличными в обмен на простую работу. Все, что ему нужно было сделать, это связаться с членами его банды, которые базировались в Минске, и приказать им заложить высококачественную взрывчатку вокруг бункера времен Холодной войны. Это все, что он знал.

Именно от Екатерины Глазовой я узнал о том, как они с Ричардом познакомились и поженились. Советская шпионка рассказала мне о времени, когда она была в бегах от собственных работодателей. Ее куратор был убит в Праге, а два других агента КГБ были отравлены в Москве. Все три смерти были повешены на Екатерину. Это было до рождения Ирины. И отношения Ричарда и Екатерины развивались. Не имея возможности вернуться на родину, она осталась в США. Ричард использовал свои достижения, чтобы обеспечить ее свободу от американских спецслужб и предложил ей убежище в собственном

доме. Екатерина была благодарна австро-венгерцу за то, что он предоставил ей убежище в тяжелое для нее время. Несколько месяцев спустя с Екатериной связался бывший коллега в КГБ. Он пришел сказать ей, что российское шпионское агентство больше не считает ее подозреваемой в убийстве трех погибших шпионов. Они не думали, что она убила своего куратора. Екатерина, естественно, почувствовала облегчение и согласилась встретиться с российским следователем. Он передал ей неоспоримые улики, свидетельствующие о том, что Ричард был в Москве, когда были убиты эти двое. Они также нашли доказательства того, что куратор Екатерины был убит человеком, чье описание совпадало с описанием Ричарда, но они также нашли следы ДНК Екатерины в окрестностях, доказывая, что кто-то, должно быть, подбросил его туда, чтобы подставить ее. Екатерина была опустошена, узнав о предательстве Ричарда. Он не только солгал ей, но и поставил под угрозу ее жизнь и репутацию, убив трех ее коллег, и подставив ее за это.

Ричард был способен на массовое убийство! Мой разум онемел от осознания. Я знал, что должен предупредить Ирину, но боялся, что она мне не поверит. Екатерину Глазову хотели принести в жертву, потому что Ричард решил подставить ее за убийство двух полевых оперативников ЦРУ. Он также убедил Ирину, что ее мать хочет ее смерти. Я знал, что это далеко не правда. Может быть, эта женщина и была русской шпионкой, но я могу сказать, что она искренне любила свою дочь и была яростно защищающей матерью. Она не заслуживала казни за преступления, которые не совершала.

Я решил действовать в одиночку и достал аудиозапись своего разговора с *Долгопрудненской* Братвой. Я отправил копию в Минобороны и ЦРУ. Я сказал им, что это Ричард заложил бомбы, которые убили двоих их людей, Екатерина невиновна и поэтому ее иммунитет должен быть восстановлен. Мои мольбы не были услышаны. Заместитель директора ЦРУ отмахнулся от любых разговоров об иммунитете и настоял на том, чтобы они судили Ирину за предыдущие преступления, в которых она обвинялась. Что касается Ричарда, то ФБР объявило его врагом народа за установку взрывчатых веществ, которые собирались убить десятки американских агентов, поэтому они выписали ордер на его арест. Однако, как американский гражданин, ему не грозила смертная казнь, как его бывшей жене. Но он все еще был на свободе, сбежав в тот день, когда был подписан ордер на его арест. Кто-то из АНБ, должно быть, предупредил его.

Я вернулся домой, несчастный от неудач. Ничего не получилось так, как я хотел. Екатерина Глазова должна быть свободна. Ричард должен быть за решеткой. Когда я вошел в квартиру, свет был включен. Ирина сидела в моей гостиной. Ее лицо горело от ярости. Она спросила меня, не я ли рассказал Минобороны о причастности

Ричарда к организованной преступности. Я пытался успокоить ее и объяснить, как именно Ричард заплатил боссу мафии за установку взрывчатки в бункере. Это могло убить Ирину, но он все равно рисковал только потому, что хотел, чтобы Ирина возненавидела свою мать. Он хотел, чтобы все знали, что Екатерина Глазова убьет собственную дочь. Ирина все еще злилась на меня за то, что я разрушил жизнь ее отца, но она ушла от меня, не спорив дальше.

Тем временем Министерство юстиции приняло решение о продолжении казни Екатерины. Маме Ирины оставалось жить всего три дня. Я не хотел, чтобы Ирина потеряла мать, потому что этого у меня ее никогда не было, поэтому я связался с несколькими сотрудниками ФСБ, которые, как я знал, были знакомы с Екатериной. Двое из них ответили на мои сообщения, и когда я сказала им, что их коллега по КГБ должна быть убита, они пообещали организовать спасательную операцию. Я не хотел знать, что они планировали, но надеялся, что эти люди из ФСБ смогут предотвратить убийство матери Ирины за преступление, которого она не совершала.

Неделю спустя я получил панический звонок от Ирины. Были плохие новости. Екатерина Глазова, знаменитая советская шпионка, сбежала из тюрьмы. Женщину разыскивали по всей стране, но она, похоже, бесследно пропала. На следующий день Ирина пришла ко мне домой, срочно постучала в дверь. Она сказала мне, что ее жизнь в опасности. Ночью накануне к ней в дом ворвались двое мужчин в масках и выстрелили в нее несколько раз. Хотя они пропустили намеченную цель, она запаниковала и убежала. Я подъехал к ее дому и обнаружил, что стрельба была бессистемной, как будто стрелок намеренно промахнулся. Я вытолкнул параноидальную идею из головы, пока мне не стало известно о следующем покушении на Ирину. Она переходила дорогу, когда внедорожник чуть не переехал ее, ударившись коленом. Она выжила от удара. Ирина запомнила номера. Они принадлежали бывшему агенту КГБ, который жил в США уже десять лет. Он также был известным сообщником Екатерины Глазовой.

В последние дни весны Ирине позвонил заместитель директора ЦРУ, который попросил ее расследовать случай химического отравления на испытательном полигоне на востоке Украины. Ирина сообщила мне о своих планах уехать за границу, но я не хотел отпускать ее одну. Я любил Ирину и хотел, чтобы она была в безопасности. Если бы были люди, которые пытались ее убить, то Украина могла бы стать смертельным местом для нее. Я настоял на том, чтобы сопровождать ее. Медицинская испытательная лаборатория находилась в центре Луганска. В этом районе было зарегистрировано 57 необъяснимых случаев заражения крови, и власти были потрясены масштабами кризиса. Агентство уточнило, что

наша миссия заключалась в том, чтобы взять у пациентов пробы крови, чтобы выяснить, какой вид яда или химиката был применен. Мы с Ириной прибыли в лабораторию и осмотрели здание. Внутри, похоже, не было никаких видимых угроз. Я решил проследить за тремя выходами, чтобы убедиться, что не зашли к нам гости, и послал Ирину взять образцы крови у нескольких случайных пациентов. Операция должна была быть чистой, поэтому я не видел необходимости сопровождать ее. Ирина вошла в палату на первом этаже и взяла несколько стеклянных шприцев. Она направилась во взрослые бактериологические инкубаторы и начала брать образцы крови у пациентов, которые содержались в индуцированной коме.

Я стоял у двери, пряча оружие под белым лабораторным халатом. Ирина просунула руку через иллюминаторы, на которые были натянуты длинные резиновые перчатки, и продолжила вставлять иглу в женщину средних лет.

Внезапный крик заставил меня прыгнуть. Ирина закричала. Ее руки застряли в инкубаторе. Я побежал к ней и посмотрел внутрь. Пациентка проснулась и схватила Ирину за руку. "Екатерина!" – это слово, которое пациентка повторяла снова и снова.

Ирина дрогнула и наклонилась ближе к стеклу. "Почему ты называешь меня маминым именем?" - она спросила.

Пациентка смотрела на Ирину из-за стеклянной коробки и повторяла: "Екатерина, зачем ты так со мной поступила?"

Похожий на жертву захват руки Ирины обездвижил ее. Я потянул Ирину, чтобы вытащить ее из инкубатора, но это казалось безнадежным. Я побежал обратно в палату и наполнил шприц успокоительным. Используя иллюминатор, я ввел раствор в истеричную пациентку. В конце концов, хватка ослабла, и Ирина освободилась.

Когда мы вернулись из Украины и передали образцы в Центр по контролю и профилактике заболеваний, они сообщили, что пациенты были заражены нервнопаралитическим веществом, но им потребуются недели, чтобы идентифицировать химические вещества, которые находились в их организме.

Тем временем отчим Ирины все еще был в бегах от властей, но он сумел протянуть ей руку помощи и попросил ее быть очень осторожной. Ричард убедил Ирину, что ее мать - психопатка, сбежавшая из федеральной тюрьмы, чтобы убить ее. Он также сообщил, что его источники в ЦРУ и АНБ сообщили ему, что Екатерина Глазова использовала лабораторию в Луганске для тестирования нелегальных химических веществ и биооружия на ничего не подозревающим гражданском населении. Ирина рассказала ему о странной встрече, с которой она столкнулась в лаборатории, где один из пациентов принял ее за мать. Ричард почувствовал облегчение и

заверил ее в том, что ее странное сходство с матерью заставило этих жертв думать, что это она их отравила. Ирина поверила ему, бесспорно, и убедилась, что ее мать - монстр, который испытывает опасные химические вещества на невинных мирных жителях.

На Ричарда был объявлена ориентировка в розыск, но он отказался сдаваться полиции, потому что чувствовал, что должен защитить Ирину от ее матери. Он сказал, что пытался остановить Екатерину, но это было невозможно, потому что у бывшего советского двойного агента был открытый контакт с Ириной. Пока Екатерина Глазова жива, Ирина никогда не будет в безопасности. Ричард сказал Ирине, что единственный способ спасти себя — это убить мать до того, как ей удастся осуществить план убийства.

Каким-то образом все, что утверждал Ричард, звучало для меня абсурдно. Он уже доказал, что не заслуживает доверия, когда установил взрывчатку в белорусском бункере, чтобы подставить свою бывшую жену. Я не верил, что мать Ирины пыталась ее убить. Ирина со мной не соглашалась. Она была настроена остановить свою мать.

Я выследил двух бывших коллег Екатерины по КГБ в Лондоне и рассказал им, кто я и в каком затруднительном положении оказалась бывшая шпионка. Они хорошо ее знали и утверждали, что Екатерина Глазова - почетная женщина, которая никогда не убивала ни одного американского агента. Ее миссия в США заключалась в том, чтобы просто быть наблюдателем и собирать данные из Центрального разведывательного управления. Коллеги Екатерины были убеждены, что ее подставил ее бывший муж - отчим Ирины - и дали мне несколько досье, содержащих доказательства против Ричарда. Имелись фотографические свидетельства того, что Ричард входил в здание, где был убит куратор Екатерины. Казалось, что он подставил ее за многочисленные убийства, чтобы заставить правительство США казнить ее как шпиона.

Я собрал доказательства, которые могли бы оправдать мать Ирины, и лично отправил файлы Ирине по почте. Я попросил ее дать матери еще один шанс, потому что она, скорее всего, невинная женщина. Ирина согласилась передать доказательства отцу, чтобы подтвердить их подлинность.

Два часа спустя мне позвонила Ирина; ее голос был смущен от ошеломления. Она сказала мне немедленно приехать к ней домой. Я был сбит с толку срочностью, но был вынужден ехать. Через полчаса я был у ее двери. Ирина увидела меня и провела в гостиную.

На мониторе ее главного компьютера проигрывалось видео. Это было похоже на видео ее матери. Она призывала меня посмотреть ролик целиком.

Я смотрел на десятиминутную видеозапись. На ней Екатерина Глазова, сидящая в студии, говорила прямо в камеру. Она была слегка

заплакана, когда призналась, что делала ужасные вещи в жизни. Она призналась, что казнила пять офицеров американской разведки и предала трех советских оперативников в Нью-Йорке. В последние две минуты мать Ирины призналась, что похитила меня два года назад, потому что хотела промыть мне мозги и экспериментировать с незаконными наркотиками. Она также подробно описала операции, которым я подвергся в неволе, утверждая, что все это было сделано с ее строгого разрешения.

Эти новости были слишком опасны для меня. Я только начал верить, что мать Ирины невиновна, но теперь запись признания противоречит всему, за что я боролся. Мой разум откатился назад, когда меня пытали и промывали мозги хирурги в масках, которые резали меня, как морскую свинку. Шокировало то, что Екатерина Глазова стояла за моим двухлетним пленом и последующей потерей памяти.

Мне было любопытно узнать, как к Ирине попала такая жизненно важная улика. Она сказала мне, что отец передал ей видео, чтобы доказать ей, насколько злобной на самом деле была ее мать. Ричард настаивал на том, что Екатерина - злая женщина, которую не стоит спасать.

"Я не знаю, Ирина, но не думаешь ли ты, что мы должны противостоять твоей маме?" - я сделал это предположение случайно, как только видео закончилось.

"Противостоять этому монстру? - Ирина прошипела. - Джон, она убила американских агентов. Она убийца. Ты сам ее слышал".

"Я знаю это, но я также знаю, что твоя мать - умная женщина. Зачем ей оставлять такие улики с признанием на пленке, чтобы все видели? Оперативники КГБ намного лучше".

"Может быть, у нее была сиюминутное угрызение совести, - сказала Ирина. - Мне все равно, зачем она сделала это видео, Джон, но теперь, когда я знаю, что она виновна, я хочу, чтобы она заплатила. Моя мать заслуживает смертной казни за измену и лишение жизни американских оперативников".

"Если она действительно виновна", - сказал я сурово.

"Джон, она похитила тебя. Отняла тебя у меня. И пытала тебя два года. Она призналась во всем этом! Я никогда не прощу ее за то, что она причинила тебе столько боли!" - Ирина почти кричала.

"Ирина, слушай, я не знаю наверняка, стояла ли она за моим похищением, но даже если и стояла, меня это не волнует. Все это было в прошлом. Мы теперь вместе".

"Я не позволю, чтобы ей это сошло с рук".

"Ирина, она все еще твоя мать, - я пытался рассуждать с ней. - Даже если она делала ужасные вещи, мы должны дать ей шанс объяснить".

"Я больше никогда не буду с ней разговаривать, - сорвалась Ирина. - И я не хочу больше видеть свою мать, если только она не привязана к каталке в камере смерти".

После этого я перестал спорить с Ириной и забрал видео с собой. Было кое-что, что я хотел проверить, прежде чем выносить приговор бывшему шпиону КГБ.

Когда я услышал, что доказательства пришли не от кого иного, как от человека, который пытался подставить советскую шпионку, я захотел проверить подлинность видео, прежде чем делать какие-то определенные выводы по этому делу.

Я посетил эксперта ФБР по выражениям лица, с которым был связывался ранее.

"Я помню тебя, - воскликнул человек, когда увидел меня в комнате ожидания. - Джон, не так ли? Неважно, я уже знаю, что это не твое настоящее имя".

"Подождите. Откуда именно вы знаете?"

"На случай, если вы забыли, я 20 лет работаю психологом-криминалистом в ОПА. Я знаю, когда кто-то врет", - Кельвин Пилато помахал рукой проходить в его кабинет.

Я последовал за ним: "Я надеюсь использовать ваши уникальные навыки сегодня для чего-то другого. Это важно".

"Что это?"

"На кону жизнь женщины. Она в камере смертников, приговорена к смертной казни за преступления, в которых призналась сама. На этом видео".

"Зачем приходить ко мне?" - Кельвин наклонил голову. - Вообще-то, записи исповеди не являются предметами фантастики. В них люди говорят правду".

"Я знаю, но было кое-что, что я не мог объяснить. Назовем это интуитивным чувством. Я не такой эксперт, как вы, Кельвин, но, может быть, вы бы увидели в нем что-то, что я пропустил".

Я включил тридцать секунд записи исповеди Екатерины Глазовой для поведенческого аналитика.

"Что вы об этом думаете?" - спросил я.

"Анализатор голоса показывает высокий уровень стресса".

"Ее принуждали?" - спросил я.

"Скорее всего. Да, вы слышите подачу последнего слова предложения. Нормальные люди так не говорят. У этой дамы определенно был приставлен пистолет к голове. Сколько данных мне нужно проанализировать?"

"Это всего лишь десятиминутное видео, - продолжил я. - Мне нужно проверить, говорит ли она правду".

"Думаете, это ложь?"

"Я не верю некоторым упомянутым вещам, вот и все".

Эксперт по мимике сухо засмеялся: "Точно. Я не могу винить вас за то, что вы не слишком верите словам. Знаете ли вы, что этот обычный человек говорит три лжи за каждые десять минут разговора?"

"Что? Нет. Я не согласен. Я знаю некоторых честных людей, которые никогда не лгут".

"Конечно, я не говорил все. Просто статистически. Итак, давайте посмотрим, что эта загадочная женщина на самом деле пытается сказать".

Я включил пленку, несколько раз останавливая ее, пока специалист ОПА делал заметки.

"Это единственная запись, которая у вас есть?" - Кальвин нервно поцарапал свой висок пальцем.

"Да, только эти десять минут. Почему?"

"Женщину, вероятно, держали в заложниках. Ее уровень стресса высок, и она определенно лжет. Но меня интересуют брови. Они выстреливают, а потом падает челюсть. Женщина очень удивлена, когда слышит себя. Она понятия не имеет, за что на самом деле она берет на себя ответственность".

"Значит ли это, что она не делала ничего из того, за что берет на себя ответственность?" - спросил я.

"Это логический вывод, - эксперт нахмурился. - Помогло бы, если бы я мог встретиться с ней лично... ну, знаете, чтобы установить исходную точку для ее микро-выражений".

"Если привезти ее сюда невозможно, что еще вы можете рассказать мне об этом видео?"

"Вы видите, как она двигается, когда рассказывает о похищении этого парня? Она дает классические односторонние пожимания плечами".

Я наклонился ближе к экрану: "Что это обычно значит?"

"Подлинное недоумение. Она понятия не имеет, о каком похищении она говорит. И когда женщина заявила, что несет ответственность за убийство американских оперативников, ее тело снова противоречит словам".

"Как?"

"Она утверждает, что виновна, но ее подёргивание правого глаза... Ну, это говорит об обратном", - эксперт по выражению лица откинулся на спинку стула.

"Она солгала о своей вине?"

"Да", - с простотой ответил он.

"Как вы думаете, настоящая ли это эмоция или действие?"

"Настоящие эмоции нельзя подделать, Джон. Ее движение глаз длилось меньше секунды. Значит, это не было преднамеренным. В поведенческом анализе мы называем эти микро-выражения. Если бы

это длилось больше секунды, я бы сказал, что она не лгала о своей вине".

"А как же ее рот? - я указал на экран. - Женщина приподняла уголок своих губ. Мгновенно".

"Стыд, гнев и презрение, - объяснил Кельвин. - Презрение предположительно для человека, который заставляет ее говорить такие вещи".

Я прокашлялся и обратился к эксперту: "Я должен был сказать вам, что эта женщина - русская. Может ли национальность иметь какое-либо отношение к специфическим выражениям лица или жестам?".

Кельвин покачал головой: "Не-а. Эти выражения универсальны. Страх написан на всем ее лице. В этом нет сомнений".

"Вы не думаете, что эти микро-выражения различаются в зависимости от национальности человека?"

"Я всю жизнь изучал лица. Я знаю почти о всех сорока трех мышцах, которые в совокупности дают более десяти тысяч выражений."

"Ух ты. По-моему, это похоже на разговор нормального человека".

Кельвин приостановил видео: "Я не знаю, заметили ли вы, что ее плечи отступили, когда она сказала, что предала своих советских кураторов. Это было жестикуляционное отступление. "

"Что это значит?"

"Это значит, что она не верит ни единому только что сказанному слову".

"Другими словами, Екатерина не предавала своих кураторов, - я пробормотал. - Кто-то другой предал".

"Скорее всего. Мое профессиональное мнение - что все, что она говорила на этом видео - ложь".

Я сохранил видеозапись и связался с Ириной. Когда она услышала об оценке, которую дал поведенческий аналитик, она была непреклонна и настаивала на том, что виновата ее мать. Ирина сказала мне, что она вызвалась участвовать в розыске ФБР, чтобы найти свою мать. Ирина хотела схватить Екатерину и передать ее Министерству Юстиции, чтобы они могли выполнить приговор русской шпионке.

Однако через три месяца после побега Екатерины из федеральной тюрьмы ее так и не нашли, несмотря на общенациональную охоту. А убийцы продолжали преследовать Ирину. Мне показалось ненормальным, что обученным киллерам так трудно сделать один выстрел. Как будто тот, кто заказывал убийства, *хотел, чтобы* Ирина выжила. Покушения на убийство, скорее всего, были фарсом, чтобы заставить Ирину поверить, что ее мать - преступница.

В марте 1999 года Верховный командующий объединёнными силами в Европе получил прямой приказ Генерального секретаря НАТО начать воздушные операции над Федеральной Республикой Югославии. Командующим объединёнными силами, исполнившим этот приказ, был не кто иной, как генерал Стэнли из Вооружённых сил США. В последующие недели тысячи бомб НАТО обрушились на сербские города, нанося огромный ущерб инфраструктуре и унося жизни людей.

Дастин напомнил мне об исторических событиях, его тон стал более решительным: "Кипрская компания по изготовлению снарядов направила два миллиона долларов на счет Драко Тешича, капитана боснийской сербской армии, который активно сражался против сил НАТО в 1999 году. Его видели в компании печально известного сербского торговца оружием".

"Ну и что?" - я слушал только вполвину.

"Брокер по продаже оружия был арестован УТБ и признался в продаже химической бомбы Тешичу, который поклялся использовать ее для того, чтобы заставить американского генерала, который был ответственен за нападение на его семью, заплатить".

"Дастин, мне нужно, чтобы ты нашел все, что сможешь о семье сербского капитана".

"У него их нет", - сказал хакер.

"Что ты имеешь в виду?"

"Его жена и семилетняя дочь погибли во время бомбардировок НАТО во время воздушного вторжения 1999 года".

"Кто был ответственен за командование НАТО?"

"Генерал Стэнли".

"Хорошо, его жизнь может быть в опасности. Дастин, можешь определить местонахождение генерала прямо сейчас?"

"Вообще-то, он в безопасности".

"Что ты имеешь в виду?"

"Генерал Стэнли сейчас встречается с вице-президентом. Он в Белом доме".

"Тем не менее, наш торговец оружием сказал, что бомба была доставлена на Манхэттен. Зачем капитану Тешичу бомбить Нью-Йорк, когда его цель находится в Вашингтоне?" - подумал я вслух.

"Подожди, я провел еще один обыск, - резко ответил Дастин. - У генерала Стэнли есть дочь, которая учится в частной школе на пятой авеню".

"Немедленно свяжись с директором школы по телефону, - кричал я. - Скажи им, что есть угроза взрыва, и им нужно эвакуировать детей из школы".

"Я думаю, мы можем опоздать, - сказал Дастин. - Два часа назад школьная охрана зарегистрировала доставщиков макарон. Доставщики отвезли ее прямо в подвал школы, рядом с кафетерием. Я связался с курьерской компанией. Школа никогда не заказывала макароны".

"Это была бомба", - вздохнул я. Страх крался к моим щекам, так как я недоумевал, сколько детей погибнет, если взорвется химическая бомба. - Речь шла о мести. Дочь Тешича погибла во время бомбардировок НАТО, и теперь он винит в смерти своей семьи генерала Стэнли. Он хочет отомстить, хочет, чтобы Стэнли почувствовал боль, которую он испытывает, наблюдая за смертью своей дочери. Дастин, ты предупредил ФБР?"

Русский хакер кивнул: "Сапёры уже в пути".

"Хорошо, скажи им поторопиться. И установки сигнал помех на территории, - приказал я ему. - Если сербский капитан узнает, что мы обнаружили его драгоценную бомбу, он может попытаться взорвать ее дистанционно".

"Интересно, почему бомба еще не взорвалась, - задавался вопросом Дастин. - Они установили ее еще два часа назад".

Я посмотрел на часы. Было десять утра. "Вероятно, она взорвется во время обеда. Ты сказал, что бомба была заложена возле школьного кафетерия, верно?"

Хакер кивнул.

"Дайте мне поговорить с директором", - сказал я.

Когда директор школы ответил на телефонный звонок, я попросил ее вывести детей погулять на улицу до обеда и ни при каких обстоятельствах не позволять детям возвращаться в здание школы. Она согласилась.

Я наконец-то смог снова дышать, зная, что дети будут в безопасности.

Июнь 2004 года

Меня до сих пор беспокоил случай в Украине. Если бы Екатерина не отравила тех пациентов, то кто? Как они узнали, кто стоит за этим? Я решил вернуться в Украину и искать ответы. На этот раз я поехал один.

Я сел на рейс в Москву, откуда стыковочным рейсом добрался в Украину. Когда я пролетал над знакомой скалистой местностью, мои воспоминания начали возвращаться. Я заглянул в окно самолета, пытаюсь определить месторасположение Лагерея, в котором меня

впервые обучали навыкам шпиона мирового класса. Полковник. Лагерь. Михаил и новобранцы. В моей голове промелькнули неподвижные образы моего мрачного прошлого.

Лагерь предложил мне новую жизнь, но она была мрачной, лишенной свободы и полноправности. Новобранцы не имели права выходить на улицу. Мы жили как в тюрьме, подчиняясь прихоти властного Полковника. Мой наставник Михаил был единственным человеком, кто понимал меня. Я был диким подростком, с бешеными голубыми глазами и светлыми волосами. Новобранцы называли меня сумасшедшим, но не понимали, что я просто боюсь попасть в ловушку или быть снова брошенным.

Я нервничал только потому, что мысль о том, что меня снова поработят, меня очень напугала. Как только я сбежал из-под крыши своего жестокого отца, я больше никогда не хотел возвращаться туда. Я хотел быть свободным. Но в тренировочном Лагере мне казалось, что меня поработили или посадили в тюрьму. Поначалу мои результаты были плохими. Я возмущался при исполнении приказов. Во время спаррингов, в которых мне приходилось участвовать, это напоминало мне отца, который бил мою мать, поэтому я часто отказывался драться. Когда меня заставляли тренироваться, я чувствовал, что возвращаюсь в детство, где я представлял, что он снова меня бьет.

Я боялся, что Лагерь научит меня быть похожим на отца, и эта идея заставила меня потерять хладнокровие. Я был безумен. Иногда я продолжал бить соперника долгое время после того, как он сигнализировал о тайм-ауте. Несколько раз я так жестоко избивал своего партнера по спаррингу, что ему приходилось остаться на ночь в лазарете. Я думал, что меня накажут за мои действия, но Михаил смеялся над моими выходками и приказывал снимать гнев на боксерских мешках и не забивать до смерти новобранцев. Именно в те дни, когда я тонул в отчаянии, жестокости и презрении, поддержка Михаила спасла меня от полной гибели.

Я вдруг почувствовал, что у меня сводит горло. Я вернулся в Лагерь, в полном боевом снаряжении и тактической экипировке, в сопровождении шестидесяти элитных членов примерно семи шпионских агентств. У них была одна цель: штурмовать Лагерь и захватить или ликвидировать весь личный состав.

В течение трех лет я сотрудничал с высокопоставленными должностными лицами АНБ, которые, в свою очередь, сотрудничали с более широким кругом российской разведки и работали вместе над уничтожением бывшего Полковника КГБ, который вел несанкционированные операции в России, Европе и Америке. Завоевать доверие американских спецслужб было нелегкой задачей. Чаще всего меня исключали из залов критических брифингов. Мое

русское происхождение казалось им первородным грехом. Многие младшие офицеры ЦРУ считали, что мне нельзя доверять. Я был свидетелем наиболее распространенной и губительной формы американской русофобии, распространяемой политическими лидерами, которая была контекстуализирована в ходе операций под фальшивым флагом и передавалась спецслужбам. Но я стерпел оскорбление и продолжил суживать оперативный центр моего бывшего работодателя.

Полковник совершал ужасные вещи и был ответственен за смерть нескольких моих дорогих друзей, и я хотел снести его дивизию и заставить его ответить за эти преступления, но я также хотел спасти Михаила и других ничего не подозревающих новобранцев и спасти их от преследований. Я знал, что Михаил всегда ненавидел преступную деятельность Полковника, поэтому я надеялся привезти его в Америку и дать ему шанс начать все сначала. Но мои планы изменились. Я не смог спасти ни единого человека, которого так отчаянно надеялся спасти.

Перед операцией я всеми силами пытался предотвратить операцию зачистки. Это был план действий на случай непредвиденных обстоятельств, разработанный правительством. Если захват комплекса оказался слишком рискованным, они хотели начать процедуру очистки доказательства того, что такие несанкционированные лагеря вообще существовали. План состоял в том, чтобы направить в вентиляционную систему лагеря цистерну с газом Ви-Экс. В течение пяти минут химический боевой агент превратил бы мой бывший тренировочный центр в братскую могилу. Я не мог этого допустить и, опасаясь, что мое предложение могут отклонить, скрыл жизненно важную тактическую информацию, необходимую им для нанесения удара. Я лоббировал создание подразделения для нанесения физического удара, чтобы прорваться через периметр, спасти новобранцев и захватить Полковника. Мое начальство нехотя с этим согласилось, и миссия прошла так, как и планировалось.

Я знал, что мой тренер Михаил будет на территории комплекса, поэтому лично присоединился к тактическому подразделению, чтобы искать его, стремясь спасти до того, как люди убьют или схватят его. Я направился в восточное крыло, где, как я знал, находился его офис. Михаила нигде не было. Затем я услышал быстрые выстрелы со стороны оперативного центра Полковника. За конференц-залом был секретный выход, так что я заподозрил, что Полковник может использовать это пространство, чтобы сбежать. Я направился в кабинет, он был наполнен обломков. Мгновениями ранее здесь была ожесточенная перестрелка, тактическая группа объявила, что нейтрализовала цель.

Полковник? Мертвый? Я не мог в это поверить. Я должен был увидеть собственными глазами. Я побежал в оперативный центр и искал тело старого Полковника, но его там не было. Захлёбывающийся звук привлек мое внимание. Я осмотрел все вокруг и увидел тело, лежащее позади металлического стола. Я поспешил к нему.

Он был жив! Я перевернул его и осмотрел исполосанное пылью лицо. Глаза мужчины мерцали. Сверкающие голубые глаза расширились. Это был Михаил.

Воспоминания о роковом дне возвращались.

"Миша, - умолял я, используя сокращение от имени Михаил. - Пожалуйста, не умирай".

Я держал на руках своего бывшего куратора по обучению. Его лицо было окровавлено, и всякий раз, когда он открывал рот, свежая кровь проливалась из его рта, она душила его. Я поднял его голову, чтобы помочь ему дышать. Его жалкое состояние довело меня до слез. Череп Михаила был пробит в двух местах, куда прорвались высокоскоростные пули. Его твердые черты были искажены, щеки треснули, подбородок расколот. Он тяжело дышал, как будто у него заканчивался воздух. Я держал его ближе, безумно надеясь, что это как-то продлит жизнь и спасет его от неизбежной смерти. Кровь Михаила вытекала из его ран, пропитывая мою боевую форму. Его лицо стало расплываться. Разочарованный, я понял, что слезы затуманили зрение, чуть не ослепили меня. Я продолжал его звать, говорил, что я здесь, обещал помощь, но которая никогда не прибудет вовремя.

Потом я услышал ужасный звук. Почти смертельный удар. Я не хотел в это верить. Михаил, самый сильный человек из всех, кого я знал, тот, кто спас меня из темной дыры камеры смерти и дал мне новую жизнь, кто стоял рядом со мной, когда я был самым уязвимым, он не мог просто умереть. Но когда я смотрел на пустые глаза, я не мог больше контролировать себя. Я начал рыдать. Я не собирался плакать так сильно, но слезы были упрямыми и не останавливались. Как потоп, мои страдания лились, и я плакал над мертвым телом моего учителя.

Моя скорбь быстро превратилась в своего рода праведный гнев. Михаил был хорошим человеком. Он не заслуживал такой жестокой смерти. Ему не следовало быть здесь. Полковник должен был умереть – а не он!

Но я понял, что сделал Михаил. Он знал, что Полковник был главной целью, поэтому он занял место Полковника и прикрыл его ото огня, что позволило ему бежать. Я не был слишком удивлен. Михаил однажды рассказал мне, как Полковник КГБ спас ему жизнь, и за это он ему должен. Казалось, что он возвращает долг. Много лет Михаил рисковал для меня жизнью и защищал меня от гнева Полковника.

Полковник однажды спас ему жизнь. Михаил был благородным человеком и ответил добром.

Я покачал головой, чтобы стереть эти воспоминания.

Самолет быстро спускался. Я прилетел в Украину. Моя первая остановка была на медицинском испытательном полигоне. Я изучил журналы безопасности и изучал имя каждого посетителя за несколько недель до нашего визита. Я заметил, что каждую пациентку сопровождала скорая помощь. Водителя звали Юлией Ольга. Я отследил ее адрес и обыскал ее дом. Я обнаружил потайной отсек за ее кухонной раковиной и нашел пожаробезопасный сейф. Мне понадобилось чуть больше получаса, чтобы открыть его. Внутри было три флакона с прозрачной жидкостью. Я спрятал раствор и заменил крышку. С вытянутым оружием я ждал, когда женщина вернется.

Когда приехала Юлия Ольга, она не выглядела слишком удивленной, когда увидела меня, но когда она подошла, я увидел, как она протягивает руку в маленькую боковую сумочку. В ней был пистолет. Я схватил его у нее до того, как она успела зарядить, и задал ей конкретные вопросы. Сначала она отказалась от сотрудничества, но позже я решил блефовать и сказал ей, что точно знаю, кто отравил этих пятьдесят пациентов медицинской лаборатории в Луганске. Я добавил, что у милиции есть копии ее ДНК и отпечатков пальцев, и что я приехал ее арестовывать - если она не скажет мне правду, - и в этом случае я могу позволить ей сбежать.

Юлия стала более покорной уволенной и начала говорить. То, что она сказала мне, повергло меня в шок. Водитель украинской "скорой помощи" говорила, что получила сообщение с номером банковского счета. Она зашла на счет и увидела на нем миллион гривен. В анонимном сообщении ей обещали удвоить эту сумму, если она выполнит конкретные действия. Все, что ей нужно было сделать, это забрать дюжину стеклянных флаконов из точки сброса и ввести их нескольким пациентам. Но инструкции были ясными. Пациенты должны были проснуться и видеть ее лицо четко во время укола.

"Почему ваш работодатель требовал, чтобы пациенты видели лицо заразившего их человека?"

Юлия вздохнула в отчаянии: "Он сказал..."

"Он? - Я повторил. - Откуда ты знаешь, что это был мужчина, который посылал тебе сообщение?"

"Потому что в день работы я получил телефонный звонок. Его голос был искажен, но я знал, что это был мужчина. Он сказал, что важно, чтобы я показала свое лицо жертвам перед тем, как делать им инъекции, иначе моя оплата будет отменена".

Такая странная просьба! Я заглянул в ровное лицо Юлии и попытался разглядеть загадку, стоящую за странным требованием

шантажиста. Может, он и хотел подставить ее, но были и другие способы.

Я оглянулся на Юлию. Конечно! Она казалась мне такой знакомой, что я не мог определить эти черты. Она была почти идентична Екатерине Глазовой, матери Ирины, которую обвинили в отравлении этих больных. Теперь все стало понятно. Отчаяние Ричарда доказать Ирине, что ее мать была злой. Я приказал Юле передать мне телефон, чтобы я мог забрать его обратно в Америку, чтобы Дастин отследил происхождение звонка, который был сделан бедной женщине - внутри я чувствовал себя подавленным. Вряд ли эта женщина знала, что поразительное сходство с Екатериной сделало ее мишенью в опасной схеме.

По возвращении Дастин ждал меня в своей компьютерной лаборатории.

"Ты знаешь кого-нибудь по имени Арндт Кессельринг?" – спросил хакер.

"Арндт? - я повторил, пытаюсь вспомнить, где я встречал этого человека. - Да, мы пересеклись, во время транзита. Он дезертировал из Восточной Германии в 80-е годы. Я видел его через три года после воссоединения Германии. Я был там, чтобы встретиться с другом, который однажды мне помог".

"Он послал коммюнике по моему открытому каналу - оно предназначено только для твоих глаз", - сказал Дастин.

"В смысле?"

"Ты должен будешь сделать виртуальное сканирование сетчатки до того, чтобы прочитать его. Или услышать".

Я встал на колени перед монитором: "Ладно, давай покончим с этим".

Дастин прокрутил закодированное сообщение: "В заметке говорилось, что аудиозапись касается Гансйорга Гюлиха."

"Я никогда не слышал о нем."

"Я проверил его прошлое, - Дастин продолжил. - Гюлих был командиром операций под прикрытием в УБН".

"Транскрибировано ли сообщение?"

"Нет, оно передается прямо сейчас. Надеюсь, ты понимаешь немецкий так же хорошо, как и говоришь на нем. Надень гарнитуру".

Был небольшой момент статистики. Затем на заднем плане начала проигрываться запись разговора. Голоса были приглушены, как будто это было записано на улице.

"Что делают на крыше этого здания, Рейнхард?" - Холодный голос задал вопрос.

Когда я услышал ответ, я замер. "Есть некоторые частные вопросы, которые нам нужно обсудить", – это был голос Ричарда.

Что отец Ирины делал в Германии?

"Да, что это?"

"Мой дорогой Ганс, - говорил Ричард, - ваши запросы о моих внебрачных занятиях отвратительны."

"Что вы имеете в виду?" - командир УБН резко сказал.

"Вы просили о встрече с директором ЦРУ? Мне любопытно, почему вы почувствовали в этом потребность".

"Это вас не касается, Рейнхард", - человек ответил ледяным тоном.

Ричард выпустил безрадостный смех: "Надеюсь, Ганс, вы не собираетесь делиться информацией о нашем прошлом".

"Наше прошлое не секрет, - ответил Гансйорг Гюлих. - Американцы знают, что мы сотрудничали со Штази. Это было необходимым злом, чтобы покончить с коммунизмом".

"Я согласен, - сказал Ричард, с насмешкой веселья. - Возможно, мы могли бы продолжать вести дела в будущем".

Гюлих ответил леденящим молчанием.

"Ага, пойдете внутрь? - Ричард говорил в сердечном тоне. - Ветер становится сильным, и моя дочь ждет, что я вернусь следующим рейсом".

Командир УБН повторил: "Ваша дочь?"

"Да, да, ты помнишь мою Ирину?"

Гансйорг Гюлих ответил через долгое время: "Я хорошо помню ее мать".

"Ну, у Ирины не так уж много воспоминаний из ее детства, - с воодушевлением сказал Ричард. - Насколько она знает, ее мать Екатерина предела ее".

"Райнхард, ты не сказал ей правду?"

"Правда не нужна, когда все, что нужно знать Ирине, это то, что я люблю ее".

"Значит, она не знает?" - Гансйорг Гюлих надавил.

Была напряженная тишина.

Командир УБН по секретным операциям повторил: "Ирина не знает, что ты с ней сделал? - его голос стал резким, - а о ее матери? Насчет лабораторий? Детей через ЭКО? О твоих экспериментах?"

Наконец-то Ричард заговорил: "Ирина никогда не узнает, Ганс".

"Дети растут, и в конце концов все узнают. Они заслуживают знать".

"Могу я кое-что сказать, дорогой Гансйорг? - Ричард спросил, говоря очень медленно. - У меня есть искренние намерения щедро говорить о твоей чести и честности".

"Поговорить обо мне? - Начальник немецкого разведывательного управления звучал встревоженным. - Что ты имеешь в виду, Райнхард?"

"Я обещаю, что твоя смерть будет казаться героической", – Ричард сказал тихо.

"Ты сумасшедший", – закричал Гюлих.

"Нет, я человек слова, – ответил Ричард. – Ваше самоубийство будет зарегистрировано полицией завтра утром. Они будут удивлены, почему человек твоего роста прыгнул с крыши собственного офисного здания, а? Ну, я оставляю краткую предсмертную записку, объясняющую, почему вы думали, что самоубийство будет лучшим для Германии".

"Я уйду..."

Слова были прерваны, и я услышал крик. Запись закончилась мгновениями позже.

Я снял свои тяжелые наушники и упал на пол.

Это было невозможно! Как Ричард мог хладнокровно убить своего коллегу по УБН. Это было самое злобное предумышленное убийство, которое я когда-либо видел, в данном случае, слышал.

Моя забота о благополучии Ирины превзошла заботу о ее матери. Екатерина все еще отсутствовала. У правоохранительных органов не было никаких зацепок о ее местонахождении. Ни одного следа за несколько недель. Пограничные агенты США подтвердили, что бывшая шпионка КГБ не покидала страну. Интересно, как беглецу удастся выжить в городах Америки без документов, денег и безопасного места жительства. Мне показалось странным, что женщина, у которой было очень мало контактов в США, смогла бы успешно сбежать из тюрьмы и остаться в бегах, уклонившись на несколько месяцев от работы в шести разных агентствах.

Однако Ирина была убеждена, что ее мать прячется где-то в Америке и неизбежно окажется в плену. Я был менее уверен. Сердце верило, что Екатерина любит свою дочь, и если бы она добровольно оказалась в бегах от властей, то нашла бы какой-нибудь способ связаться с Ириной. Хуже всего я боялся, что бывший сотрудник КГБ мертв.

Эта мысль не успокаивала, и у меня не было желания делиться своим страхом с Ириной. Вместо этого я был занят, сосредоточив свою энергию на поисках Ричарда. Отчим Ирины тоже был беглецом, но он вступил в контакт с Ириной, чтобы передать ей доказательства вины ее матери. Я решил проследить за его следами и выяснить, чем он занимался.

Мой друг Дастин помог найти последнее местоположение, которое посетил Ричард. После трех недель изучения записей камер наблюдения спутниковые снимки сузили круг возможных мест нахождения Ричарда до паба недалеко от Майлз-Сити, штат Монтана.

Мне пришлось самому проверять местоположение, поэтому я полетел внутренним рейсом в аэропорт Миссулы и поехал в округ

Кастер. Я показал фото Ричарда бармену в пабе Майлз-сити, но он отрицал, что когда-либо видел кого-то, подходящего под это описание. Я был уверен, что фотография Дастина не была ошибочной, и Ричард был здесь, что означало, что бармен намеренно лгал. Я показал фотографию и нескольким другим посетителям, но они утверждали, что никогда не видели человека на фото. Разочаровавшись, я начал ездить по округу в надежде найти подсказку, которая помогла бы мне найти Ричарда.

Я приехал в заброшенный кирпичный дом, в тринадцати милях к югу от дороги Кинси. Местность была неровной, поэтому я позвонил Дастину и попросил его заново опробовать спутник и просканировать его на предмет подозрительных движений или скопления машин. Русский хакер перезвонил мне в течение часа. Он обнаружил небольшую поляну между несколькими скалистыми холмами. Рядом были припаркованы два бронированных грузовика.

Я подозревал, что это может быть то место, где прятался Ричард, поэтому я проехал рядом и спрятал свой внедорожник за кустами.

Я обыскал территорию пешком, используя портативный магнитный локатор для обнаружения ловушек или спрятанных мин. Я собирался переступить через низкий кустарник, когда увидел слабый свет, излучаемый из куста. При ближайшем осмотре я заметил, что это был детектор движения! Единственная причина, по которой активный датчик движения мог быть установлен в отдаленном необитаемом месте, заключалась в том, что кто-то или что-то находилось внутри небольшого замаскированного помещения.

Мне понадобился еще час, чтобы прорваться через периметр, не подавая сигналов тревоги. Я обнаружил вход, который был спрятан под скалистым холмом и прошел через грубо вырезанный узкий туннель.

Место казалось заброшенным. Никаких следов Ричарда. Я погрузился глубже в темную яму. Потом я услышал болезненные хныканья. По мере того, как мои шаги отражались на влажном каменном полу, крики становились громче. Это был женский голос!

Я побежал вперед и оказался лицом к воротам из тяжелого металла. Они были закручены болтами с замками из тяжелого металла. Я прикрыл лицо левым локтем и многократно стрелял по замкам, пытаясь взломать ворота. В конце концов, стальной навесной замок сломался, и я смог сбить барьер.

Внутри, самое жалкое зрелище постигло мои глаза. Хрупкая женщина была прикована цепью в маленькой круглой комнате; тяжелая металлическая цепь на шее была прикручена к крыше. Я не мог сразу распознать ее засохшее лицо, но ее серебристо-седые волосы выглядели странно знакомыми.

Она увидела меня и начала кричать, задыхаясь: "Джон!"

Я был шокирован, увидев, что она меня знает. Потом я узнал голос. Это была Екатерина Глазова!

Мать Ирины все эти месяцы была в плену! Это было слишком шокирующе для меня, чтобы сразу осознать.

Я разорвал цепное звено одним выстрелом и вывел женщину из подземного туннеля. Бывшая сотрудница КГБ, наверное, месяцами голодала, потому что она весила чуть больше среднего ребенка. Когда я выводил ее подальше от страшного места плена, Екатерина рассказала мне о том, через что она прошла за последние восемь месяцев.

Она сказала мне, что ее сестра Анна, которая в настоящее время является заместителем директора СВР, держала ее под стражей. Каждое утро Анна Глазова приезжала на место и пыталась ее уникальными способами. Каждый день она била Екатерину током, пока не страдала от сердечных приступов. Анна приводила ее в сознание снова и снова подавала на нее повышенное напряжение.

"Зачем ей это делать?" - я спросил бывшего офицера КГБ.

Екатерина вздохнула. "Не знаю", - она вытирала слезы со щек. - Анна продолжала спрашивать. Все, что я знала о "*Росатоме*".

"Что такое *Росатом*?"

"Государственная корпорация по атомной энергии России, - сказала мне Екатерина. - У меня были знакомые в "*Росатоме*", которые много знали об атомных базах в нашей стране".

"Почему вашей сестре не все равно?" - спросил я, смущенный нелогичным поворотом событий.

Мать Ирины продолжила: "В России одиннадцать атомных электростанций с сорока действующими реакторами. *Росатом* контролировал энергозатраты и следил за местами хранения ядерного оружия. Моя сестра хотела, чтобы я рассказала ей, как получить доступ к штаб-квартире. Анна также хотела узнать все оперативные детали *Ростехнадзора*. Именно этот департамент отвечает за реализацию безопасных операционных процедур и обеспечивает безопасную транспортировку ядерных материалов. Думаю, Анна пыталась выяснить место хранения всего нашего ядерного арсенала".

Дастин, который все это время слушал наш разговор, говорил по моим каналам связи. "Что-то в истории леди не сходится", - предупредил хакер.

"Что ты имеешь в виду?" - я взглянул на Екатерину и ждал.

"Мать Ирины говорит, что ее сестра, Анна Глазова, держала ее в заложниках и пыталась ее несколько месяцев, так? Но вот в чем проблема. По данным сайта СВР, заместитель директора Анна Глазова была застрелена полгода назад".

"Это было примерно в то же время, когда Екатерина исчезла", - я закончил.

"Это так странно, потому что единственный человек, которого я смог опознать в радиусе десяти миль от туннелей, был Ричард, но Екатерина не видела его во время своего плена. Вместо этого она видела свою сестру, - Дастин сделал паузу. – Значит, если ее пытал не сестра, то кто же это был?"

"Я перезвоню тебе, Дастин".

"Что ты собираешься делать?"

"Мне нужно кое-что спросить у матери Ирины, - я проинформировал хакера. - Я начинаю думать, что Екатерина Глазова видела то, что Ричард *хотел*, чтобы она увидела".

После перекрестного допроса русского оперативника я смог подтвердить свои подозрения. В течение шести месяцев Екатерину держали в темной изолированной камере. Единственный человеческий контакт с ней был через громкоговоритель на стене. Голос, который говорил с ней и допрашивал, принадлежал старшей сестре Анне Глазовой. Екатерина призналась, что никогда не видела, кто напал на нее и похитил.

Ее похититель был идентифицирован как Анна и использовал металлические цепи для подачи высокого напряжения электричества к женщине среднего возраста. Екатерина не смогла установить, действительно ли похититель была ее сестрой или самозванкой. Когда я сказал матери Ирины, что Анна Глазова была убита примерно в то же время, когда ее держали в плену, женщина плакала в истерике.

Она не могла поверить, что думала о том, что ее сестра способна нанести ей вред. Екатерина рассказала мне, что ее сердце постоянно отрицает происходящее, но каждое утро, когда она просыпалась от пронзительного крика сестры, она начинала верить, что заместитель директора СВР действительно зло и замучает свою собственную сестру до смерти.

Декабрь 2006 года

Мне было любопытно узнать, как поживает моя приемная мать и ее семья, и однажды вечером я зашел к ней домой. Перед кирпичным домом были припаркованы седаны. Я был сбит с толку и осторожно подошел к затемненному окну одной из машин. Окно опустилось, и охранники в униформе авторитетно кивнули. Когда я представился и хотел узнать, что он делает на этой улице, охранник признался, что его нанял человек по имени Филипп. Слегка акцентируя внимание, этот человек также добавил, что его единственной задачей является защита семьи. Я был склонен не верить ему, но потом он произнес код - ряд слов, которым я однажды научил моего дорогого друга Лиам Флитвуда, бывшего офицера Спецслужбы, с которым я работал во

время службы в АНБ. Если Лиам стоял за этой охраной, я знал, что могу доверять этим людям. Я использовала эту возможность, чтобы спросить охранника, все ли в порядке с моей семьей. Он сказал, что они остановили попытку похищения, но не смогли опознать или поймать похитителей. Я хотел знать, кто был целью. Ответ поразил меня. Это была дочь моей приемной матери. Подросток, очевидно, попал в засаду по дороге в среднюю школу, но охранники вмешались и спасли её.

Я стал волноваться. Прошло десять лет, но покушения на жизнь моей приемной матери не прекратились. Стало хуже. Годами я пытался защитить ее. Она напомнила мне мою собственную мать - женщину, которая укачивала меня в младенчестве и выносила самые суровые наказания, чтобы вырастить меня.

Русская женщина, с которой я познакомился с тех пор, как приехал в Америку, оказалась в такой же дилемме, как и моя собственная мать, когда я был совсем маленьким. Ее жизнь была в опасности. Ее дети стали мишенями. Я знал, что за этим стоит Ричард, но удивлялся, почему эта женщина так ценна для него. Похоже, он переключил свое внимание на девочку. У женщины уже было трое взрослых сыновей, которые активно участвовали в образовании в школах и в колледжах, но не было ни единого нападения на их жизнь. Нападение на девочку должно было быть его конечной целью. Мое чутье подсказало мне, что это была еще одна больная игра Ричарда. Он хотел наказать, причинив боль тем, кто был рядом со мной. Я был сиротой, приехавшим из России. У меня не было ни семьи, ни друзей в Америке. Очевидно, отчим Ирины считал, что эта семья много значит для меня, тем более что мои бывшие коллеги из АНБ предоставили им защиту от спецслужбы. Также у меня в сейфе оказались фотографии детей.

Я стал немного беспокоиться о безопасности маленькой девочки и ее братьев. Они были для меня самыми близкими для меня. Они были задорными, безбидными во всех отношениях, хотя и яростно играли до такой степени, что даже в подростковом возрасте мальчики практически не заботились ни о чем в жизни, кроме прыжков и игр. Мне было больно узнать, что семья - моя семья - в опасности. Если бы не я, или если бы они не были как-то связаны со мной, безопасность семьи никогда бы не оказалась под угрозой. К тому времени, как маленькая девочка пошла в старшую школу, нападения на ее жизнь участились. Я стал более бдительным и часто следил за их домом, чтобы обеспечить их безопасность. Не знаю, представлял ли я себе, но много раз я замечал, что за моей приемной матерью и ее детьми следили мужчины. Они не пытались застрелить членов семьи, но, казалось, намеревались схватить ее живой.

Всё это время я размышлял сознательно. Должен ли я физически подойти к семье и открыть им своей личность? Сказать им, кто я? Будет ли это полезно, если они узнают, что вся их семья становится мишенью из-за меня? Нет, это было бы слишком болезненно и шокирующе осознавать для них. Они были обычными гражданскими лицами. Они бы запаниковали и попытались бежать. Я больше не смог бы их защищать. Поэтому я оставался под прикрытием и наблюдал за ними издалека. Так как дети моей приемной матери были новейшей целью Ричарда, я старался держать их в поле зрения все время.

Пока что я надеялся, что они будут в безопасности.

В том же году МИ-6 слило досье, в котором они обвинили подразделение 29147 в совершении убийства. Пострадавший был дезертиром из России с британской национальностью, который работал на спецслужбы ГРУ до переезда в Англию. Мне трудно было поверить в то, что подразделение 29147, которое является специализированным подразделением военной разведки России, совершит такое ненужное убийство. Но британские СМИ с удовольствием распространили слух, в котором МИ-6 обвинили Россию в убийстве бывшего офицера ГРУ. Человек был отравлен нервнопаралитическим агентом. Я сомневался, что приказ об убийстве поступил из Москвы, поэтому обратился к своему другу Дастину, который был знаком с несколькими хакерами на постсоветском пространстве.

Дастин поговорил со своим знакомым из подразделения 32335, которое является самым продвинутым по кибер вопросам в ГРУ, он сказал, что офицер ГРУ, погибший в Англии, был убит не русскими, а агентом-изгоем, который работал в британской разведке. Британский агент, вероятно, наблюдал за его встречами с несколькими российскими гражданами и сразу же после этого отравил его, чтобы свидетели могли подтвердить, что именно русские убили его. Депутат Госдумы, который говорил со мной на условиях анонимности, настаивал на том, что Кремль не стоит за отравлением бывшего офицера ГРУ. Отравленный британцем офицер ГРУ был ценным активом для Москвы. У России не было причин желать ему смерти.

Только полгода спустя я загнал в угол британца.

Он прятался на непонятном острове у побережья Шотландии. Я предъявил ему факты, которыми поделился со мной Дастин, и потребовал объяснения действий, которые он предпринял в отношении офицера ГРУ. Он был умелым агентом и пытался сбежать, выбравшись через окно, но я вовремя его поймал. После тщательного допроса он сказал мне, что только выполнял приказы, но не знал, кто его работодатель. В его инструкциях было только одно условие: российское правительство должно быть подставлено за убийство. Я не

мог себе представить, кто же может выиграть, подставив Россию за одну смерть, но как только я узнал, кто его нанял, в моем онемевшем сознании начал просачиваться здравый смысл.

Мои глаза отказались верить в это, когда я увидел, что отчим Ирины нанял англичанина для убийства офицера ГРУ. На тот момент я не знал, каким был мотив Ричарда в убийстве русского офицера, но правда стала мне очевидна почти год спустя.

Я был настолько занят разрушением миллиардной империи Ричарда, что забыл, что есть и другие насущные вопросы, затрагивающие мир. Региональные конфликты в различных частях Африки выходили из-под контроля. Дастин выявил проведение крупных сделок касательно оружия и наркотиков между европейскими преступными сообществами. Он был уверен, что осуществляется какой-то масштабный план. Но как и где мне до сих пор неизвестно.

Ричард был главным акционером пяти нефтяных компаний. Он также подписал сделку по строительству газопровода с совместным предприятием с Texas Oil Co и BP. Все это казалось мне безобидным, пока я не выяснил большой запас оружия, перевозимого в нью-йоркскую гавань.

Один из моих знакомых в подпольной преступной группировке предупредил меня, что несколько грузовиков с динамитом доставляются в центр Манхэттена. Грузовики были укомплектованы динамитом промышленного назначения, который обычно используется для разрушения железобетона. Я попытался отследить место назначения грузовиков, пытаюсь перехватить их, но попал под обстрел. В хаосе полиция в штатском арестовала меня и поместила в камеру. Я потребовал встречи с адвокатом, но мне сказали, что никто не может помочь мне выбраться из этого. Меня обвиняли в бытовом терроризме.

Это было шокирующее откровение для меня. Детективы приходили ко мне в камеру весь день, с каждым приходом добавляя новые улики. Очевидно, они обнаружили тайники с оружием и динамитом в моей квартире. Само собой разумеется, что на всех бомбах были мои отпечатки пальцев. До сегодняшнего дня меня никогда так тщательно не подставляли. Министерство юстиции хотело предъявить мне обвинение, по крайней мере, в десяти случаях нападения и терроризма. Я не признавался и был отправлен в тюрьму на пожизненное. Я помню дату вынесения приговора: декабрь 2000 года. В Белый дом только что был избран новый президент. Люди все еще протестовали против возможной фальсификации голосования. Но все, о чем я мог думать, это о грузовиках со взрывчаткой, которые были на свободе, потому что я не смог вовремя нейтрализовать угрозу. Кто знал, сколько невинных людей погибнет от этого динамита?

Нападения на Нью-Йорк в сентябре 2001 года были событием, в которое я никогда не мог поверить. Я бежал против времени, пытаясь остановить атаки, обезвредить ракеты, которые запускались в направлении Вашингтона, но каждый раз мои враги были на шаг впереди меня. Намного позже я узнал личности людей, которые планировали атаку на финансовые районы Америки. У них был тщательно разработанный план, чтобы объявить переворот и свергнуть демократически избранное правительство. Многочисленные богатые нефтью страны должны были вторгнуться сразу после введения военного положения, но, к счастью, мне удалось попасть в Вашингтон и ликвидировать бомбы. Ракета, которую американские власти хотели назвать рейсом 93, должна была попасть в Белый Дом, и, как и Башни-близнецы, старинный Дом должен был быть снесен, а Конгресс, Сенат должны были быть уничтожены. Конституция США должна была быть уничтожена утром 11 сентября 2001 года.

В душе я был рад, что ФБР слило общественности сфабрикованную историю и сообщило, что рейс 93 разбился в Шенксвилле, штат Пенсильвания после того, как пассажиры одолели захватчиков. Правда была бы слишком горькой для Интернет-пользователей Америки. Но некоторые люди замечали даже сквозь щели, как, например, мэр Кливленда, который утверждал, что утром 11 сентября рейс 93 получил угрозу взрыва бомбы и был направлен на посадку в международный аэропорт Кливленда Хопкинса и был эвакуирован. Пассажиры были перевезены в исследовательский центр NASA, и их больше никогда не видели. Мэр настоял на том, что федеральное правительство решило избежать этот кризис, заявив, что рейс 93 упал в Пенсильвании, убив всех пассажиров на борту.

Многие пользователи Интернета начали сомневаться в фактах и задаваться вопросом, если Рейс 93 сел в Кливлендском аэропорту, тогда что именно упало в Шенксвилле. Я надеялся, что они так и не узнают, что Дастин сбил там ракету, которая должна была попасть в ротонду здания Капитолия.

Мои мысли вернулись к прошлому году, к концу 1999. В последний день августа я получил сообщение. Я получил наводку от контакта в Москве, который сказал мне, что ФСБ координирует большую операцию под фальшивым флагом в российской столице. Человек, который предупредил меня, был бывшим сотрудником КГБ, которого я спас много лет назад. Однако в рамках административной перетасовки в новом режиме, который пришел к власти, Кремль сменил КГБ на ФСБ. Часть меня хотела лететь в Москву и расследовать подозрения, но я искренне боялся. Мне было стыдно признаться в этом себе самому, но меня пугала мысль о возвращении в страну, где

все это началось. Моя Родина. Место, где убили мою мать. Земля, которую я называл домом. Нация, которая приговорила меня к смерти только для того, чтобы воскресить меня и превратить в безжалостного шпиона. Все, чем я был, я должен был за это СССР. Но я никогда больше нигде не страдал. Когда я бежал из Лагеря, я никогда не собирался снова ступить на эти земли.

Было уже 1 сентября 1999 года. Согласно полученной информации, нападение на гражданское население Москвы было неминуемым. Хотя раньше человек, обратившийся ко мне за помощью, был агентом КГБ, сейчас он является депутатом Государственной Думы, работающим в законодательной ветви российского парламента. Он получил информацию о взрыве в Москве от офицера ГРУ за несколько недель до этого и рассчитывал на то, что я его предотвращу. Я не был в России много лет, но знал, что ГРУ – это термин, используемый людьми, когда речь идет о сотрудниках Второго Центрального управления Генерального штаба.

Мы с Дастином обсудили, что можно сделать. Нам нужно было провести наземные расследования, чтобы выяснить, что планирует ФСБ. Не ворвавшись физически в их штаб-квартиру на Лубянке, я не мог узнать, кто и каких целей они преследуют. Русские хакеры были так же хороши, как Дастин, если не лучше. Я подумал о том, чтобы обратиться за помощью к Ричарду в этом деле, поэтому позвонил по его личному номеру. Он не ответил на мой звонок, поэтому я попросил Дастина отследить местонахождение его телефона. Через несколько долгих минут Дастин выглядел бледным.

"Что это?" – спросил я.

"Он там, - сказал хакер. - Ричард. Он в Москве".

"Что! - я приблизился к экрану компьютера и увидел, как на Лубянской площади светится красная точка. - Что отец Ирины делает в штабе КГБ?"

Дастин покачал головой, чтобы выразить свое незнание в этом вопросе: "Как ты думаешь, Ричард может знать немного больше о нападении, которое должно было произойти в Москве?"

Хакер, похоже, был взволнован. Я знал, что брат Дастина живет где-то в советской столице. Я не мог винить его в том, что он беспокоился о собственной семье.

Я придумал другую стратегию, чтобы решить дилемму: "Дастин, ты можешь взломать телефон Ричарда и дать мне номер каждого человека, с которым он разговаривал или получал сообщения с момента приезда в Москву?"

"Работаю над этим, – хакер ответил мгновенно. – Это не очень длинный список. У меня есть шесть активных номеров. Один не был в списке и теперь деактивирован".

"Хорошо, давай позвоним этим людям. Используй автоответчик... давай подумаем, как насчет того, чтобы сказать, что план должен быть перестроен. У нас проблема".

Дастин смотрел на меня: "Это все? *План нужно перестроить. У нас проблема.* Готово. Сообщение должно быть в почтовом ящике их сотового телефона в любую секунду".

"Давай дождемся звонка, – я улыбнулся ему и начал крутить свой мобильный телефон. – О, прежде чем они перезвонят, мне нужны голос Ричарда. Как быстро ты можешь настроить распознавание голоса, чтобы, когда я буду с ними разговаривать, я звучал в точности как Ричард?"

"Я уже это сделал. Голосовая почта, которую я им отправил, была голосом Ричарда, помнишь? – Дастин сказал. – Теперь, когда они позвонят, просто говори, как обычно, как можешь. Они ни на секунду не засомневаются, что ты самозванец".

"Хорошая мысль", – я глубоко вздохнул и изучил телефон.

Дастин подождал несколько минут, прежде чем спросить: "Почему депутат Госдумы, я имею в виду твоего связного, который предупредил нас, почему он не предупредил власти о надвигающихся нападениях?"

"Депутат Госдумы действительно предупредил ФСБ и предупредил, что теракт, скорее всего, произойдет в ближайшее время, но спецслужбы отказались от его опасений".

"Что означает, что они, скорее всего, замешаны?" – Дастин остановился.

"Или кому-то в их рядах заплатили или заставили", – предположил я. Как раз тогда зазвонил телефон. Я дождался третьего звонка и ответил в медленном тоне, который Ричард обычно использует при разговоре со своими старыми знакомыми.

"Ричард, ваше сообщение беспокоило нас, – пронзительный голос говорил в трубке. – Насколько серьезны проблемы, с которыми вы столкнулись? Должны ли мы полностью прервать миссию?"

"Все зависит от вас, старый друг, – я ответил медленно. – Вы выполнили план?"

"Три локации были установлены полностью, – ответил мужчина. – Я отправлю наших доверенных оперативников ФСБ на четвертое место, как только мы получим ваш груз".

"Сколько еще вам нужно?" – сказал я, пытаюсь казаться уверенным в себе.

"Желательно другой грузовик со взрывчаткой аналогичного класса."

"Превосходно. Скажи мне, когда и где", – я ждал, что он клюнет на уловку, надеясь, что он скажет местонахождение здания-мишени.

Человек с готовностью зачитал адрес жилого дома в Рязани и сказал мне, что это будет четвертая и последняя цель.

Эта новость меня не сильно удивила. Я подозревал, что Рязань была главной мишенью. Отец Ирины явно следил за мной и знал всё о семье моей матери. Моя бабушка по линии матери была из пригорода Рязани. Я просто почувствовал, что это может быть мишенью, поэтому днем ранее я предупредил местную полицию, чтобы она провела оперативный обыск в городе, чтобы найти тайник с оружием, которое может быть использовано для бомбардировки города.

Через два месяца после взрывов в Москве мой связной в ФСБ, работавший в Департаменте защиты конституционного порядка и борьбы с терроризмом, сообщил мне, что в терактах активно участвовали десятки высокопоставленных представителей российского разведывательного сообщества. Кроме того, у агентов госбезопасности России были доказательства того, что теракты в Москве были делом рук ФСБ, но их предупреждали, чтобы они не занимались этим направлением.

По словам агента ФСБ, Россия намеренно взорвала многоквартирные дома в Москве, чтобы оправдать начало военных действий на Северном Кавказе. Это была раскрытая тайна. Взрывы произошли непосредственно перед предвыборной кампанией, а после прихода к власти нового президента все взрывы внутри страны прекратились. Но когда я провел дальнейшее расследование, то узнал, что именно из-за меня в сентябре 1999 года погибли сотни москвичей. Именно из-за меня отец Ирины решил сеять смерть на родине моих родителей. В терактах он обвинял воображаемых террористов, но на самом деле он заплатил за это и заставил многих российских спецслужб пропустить эти взрывы. Если бы я не прилетел в Москву вовремя, Ричарду удалось бы совершить много других нападений на Москву и другие соседние города.

Буйнакск был первой жертвой. Взрыв в Москве произошел через девять дней после взрыва в Буйнакске. В течение двенадцати дней было совершено три крупных нападения. Я вспомнил разговор с человеком, чей номер я получил с телефона Ричарда. Он случайно назвал место четвертого взрыва, поэтому мне удалось предупредить местную московскую полицию о возможном взрыве в здании. По моим данным, специалисты московской полиции провели обыск в здании и сумели предотвратить четвертый взрыв в том же месяце. Когда полицейские задержали подозреваемых, они были шокированы, увидев, что это сотрудники ФСБ заложили взрывчатку. Во время допроса сотрудники спецслужб поспешили назвать свою миссию учениями. Однако я знал, что отчим Ирины сыграл огромную роль во всем этом, но я не хотел, чтобы российское правительство думало, что бывший директор отдела черных оперативников АНБ

вмешивается в работу их спецслужб. В любом случае, я не смог предотвратить три других взрыва на той неделе. К тому времени погибли сотни российских граждан, и страна была в панике; это была одна из самых смертоносных серий терактов в мире в то время.

В то время мне показалось странным полагать, что сотрудники госбезопасности, которые помогли убить сотни москвичей, планировали взрывы в своих кабинетах по улице Большая Лубянка, номер 1, но мой собеседник заверил меня, что все это был политический маневр. Офицеры разведки понятия не имели, что должна быть взорвана настоящая бомба, но несколько бывших агентов ФСБ, нанятых Ричардом, позволили совершить взрывы. Приоритетом Ричарда было подставить чеченских граждан за взрыв в Москве, чтобы, как только теракт произойдет, он слил бы новость о том, что за этим стоит Чечня.

Я не мог себе представить, почему Ричарда интересовала крошечная область на Северном Кавказе России, но позже я узнал, что это богатая нефтью провинция, объявившая о своей независимости. Взрывы в сентябре 1999 года имели далеко идущие последствия. Когда Москва смогла обвинить чеченских боевиков во взрывах многоквартирных домов в 1999 году, она объявила о нападении на крошечный народ в блицкригском стиле. Это событие стало известным как Вторая Чеченская война.

Никогда бы не подумал, что такая масштабная бомбардировка будет иметь место в жизни. Меня все еще преследовало мое относительное бездействие. Если бы я прилетел в Москву несколькими месяцами раньше, то, возможно, мне удалось бы предотвратить все бомбардировки, но внутренний страх во мне возобладал. Я боялся призрака бывшего Полковника КГБ, который завербовал меня из тюрьмы. Я боялся лагеря и всех ужасных вещей, которые мне пришлось там делать. Независимо от того, какое оправдание у меня было, всякий раз, когда я думаю о русских вдовах и матерях, потерявших любимого человека в этих бомбардировках, мое сердце горит.

Я продолжил отслеживать связь Ричарда с терактами в Москве и пришел к выводу, что хотя несколько бывших агентов ФСБ установили бомбы в московских многоквартирных домах, Ричард финансировал операцию и снабжал их взрывчаткой. Неоднократно он угрожал российским агентам и их семьям, если они отклонятся от плана теракта. Несколько недель спустя я нашел его мотив для совершения международного теракта. Его нефтяная компания приобрела значительную долю в российской государственной нефтяной компании "Бреснефть", которая, в свою очередь, позволила ему построить нефтеперерабатывающий завод в Чечне. Нефтяная промышленность России зависела от чеченской нефти, которую она

транспортировала по крупному трубопроводу, проходящему через Кавказскую республику.

После того, как Дастин проанализировал банковские счета Ричарда, он пришел к выводу, что Ричард получил прямую выгоду от вторжения в Чечню и смог получить дешевую нефть премиум-класса, которую он, в свою очередь, продавал американским авиакомпаниям по гораздо более высокой цене. Я использовал анонимный сайт, чтобы отправить информацию в АНБ, чтобы они смогли заставить окружного прокурора выдвинуть обвинения против отца Ирины, но вместо того, чтобы уволить его, они понизили его сетевые привилегии на время своего расследования. Официально Ричард все еще не был уволен с должности.

Когда я расследовал взрывы в Москве в 1999 году, я и представить себе не мог, что на этот раз в следующем году сяду в холодную камеру. В жизни для нас хранится столько неожиданных поворотов, что предвидеть их просто невозможно.

Тюрьма, в которой я был заперт, была ужасной. Кроме одиночной камеры, здесь не было доступа к внешнему миру. Почти одиннадцать месяцев мне не давали читать газету. Я не знал, что происходит в мире снаружи. Именно в том году я узнал, что самая большая боль, которую можно причинить кому-то, – это незнание. Оставаясь в забвении перед миром, я выедал душу. Я был в отчаянии.

Сентябрь 2002 года

Я встретился с Александром Собяниным, председателем комитета Госдумы по иностранным делам, который согласился предоставить мне информацию по инциденту 11 сентября в Нью-Йорке и Пенсильвании.

"Здравствуйте, Александр Собянин, - поприветствовал я его, обращаясь к нему по имени. - Спасибо, что согласились встретиться со мной".

"Честно говоря, я хотел предотвратить нападение на мою народ, - ответил чиновник комитета по иностранным делам. - Российская Федерация направила группу депутатов на встречу с американскими коллегами. Мы здесь для того, чтобы спасти наши национальные отношения. Мы разъярены этими обвинениями в том, что каким-то образом Москва стоит за американскими нападениями".

"Как сообщается, у чиновника из АНБ есть доказательства того, что за терактами 11 сентября стоял Кремль", - сказал я, не выдавая имени Ричарда. Я не хотел, чтобы отчим Ирины стал мишенью российской разведки.

"Москва никогда не санкционировала убийства дружественных американцев. Мы хотим мира и процветания в наших соседних странах. Это позор, что некоторые люди винят наше правительство в том, что мы - убийцы".

"Я думаю, вы имеете право расстраиваться, - сказала я ему. - Мой друг - хакер. Он взломал газету, которая впервые опубликовала эту статью о предполагаемой причастности России к терактам 11 сентября 2001 года. Статья пришла с не отслеживаемого почтового ящика, который был перенаправлен через все континенты перед тем, как отскочить со спутника в Лос-Анджелесе. Мне удалось лично отследить электронную связь и выяснить, кому принадлежит защищенный спутник".

"Кто этот коварный человек?" - Собянин спросил.

"Позвольте мне разобраться с ним, но если вам интересно, он один из бывших директоров АНБ, но сейчас ведет программу тайных черных оперативников. Он не американец".

"Не американец?" - русский политик повторил. - Я не понимаю".

"Человек, который был ответственен за попытку подставить Россию за нападения на Юашни-близнецы 11 сентября, австро-венгерского происхождения, но родился и вырос в Гамбурге. Он переехал в Соединенные Штаты в начале двадцатых и был завербован АНБ для шпионской работы. Он был частью американской разведывательной сети, но в настоящее время, по сути, является наемником мирового класса, который несет ответственность, по крайней мере, за десятки крупных атак по всему миру".

"какую выгоду он получит, ваш черный оперативник, натравив американцев на русских?" - Собянин спросил.

Я нахмурился на русского политика: "Вы должны понимать, что человек, с которым мы имеем дело, безжалостный наемник. Он не верен ни одной стране, меньше всего Соединенным Штатам. Как вы думаете, если бы у него была хоть капля сострадания к американцам, он бы организовал множество нападений на мировые торговые центры и Пентагон?"

"Если он напал на американцев, тогда почему Россия – подозреваемый?"

Я ответил тихо: "Офицер АНБ усердно работал над тем, чтобы подставить некоторых высокопоставленных российских чиновников за нападение. Теперь вы должны помочь мне, чтобы мы могли работать вместе и выяснить личности настоящих преступников и освободить Кремль от любой причастности". Я решил не упоминать о том, что когда некоторые американцы слышат о России, у них в головах появляется облик идеального злодея.

"Российские спецслужбы не имеют никакого отношения к американскому инциденту, как и мы не имеем ничего общего со

взрывами в Москве в 1999 году, как и то, с каким нетерпением некоторые СМИ обвиняют спецслужбы в том, что они позволили этому случиться, - спокойно заявил председатель комитета Госдумы по иностранным делам. - Наше ГРУ, которое сейчас известно Главное управление, отвечает за борьбу с иностранными угрозами в адрес России. Они пришли к выводу, что последние новости о причастности Москвы к каким-либо племенным боевикам являются фальшивыми. Это кампания клеветы против нашей страны. Но хватит о наших проблемах. Вы вызвали меня сюда, чтобы обсудить кое-что еще, да?"

"Да, Александр Собянин. Ваше понимание инцидента 11 сентября 2001 года было бы полезно", - сказал я, с облегчением констатируя, что, наконец, узнаю что-то ценное.

"У меня доброжелательные отношения с директором Объединенного центра командования и управления войсками. В тот роковой день командный центр следил за протоколами безопасности и обнаружил нечто странное. Казалось, что американская система обороны находится в состоянии высокой боевой готовности, с ее ядерными пусковыми установками".

"Американские оборонные системы запрограммированы на вооружение, если нация находится под атакой", - я пытался объяснить.

Александр Собянин прокашлялся: "Это была бы естественная реакция, если бы американское оружие было активировано после бомбардировки Башен-близнецов, но нет, это произошло до этого. Причина, по которой я сегодня нахожусь здесь, заключается в том, что утром 11 сентября 2001 года в здании на Лубянке меня инструктировали наши офицеры ФСБ. Москва очень беспокоилась по поводу тревоги боеготовности США, в частности, из-за того, что американские ядерные бомбы были установлены и готовы к запуску".

"Узнало ли ФСБ, куда должны были быть запущены ядерные бомбы?"

"Это хороший вопрос, - заметил Собянин. - Который сильно беспокоил и напугал нас. Ядерное оружие было нацелено на Россию. И прежде чем вы зададитесь вопросом, почему это было так, позвольте мне сказать вам. Российские самолеты-разведчики долгое время наблюдали за небом США, и мы действительно столкнулись с разговорами о том, что атака на ключевые города неминуема".

"Почему вы не предупредили Вашингтон?" - сказал я, ужасаясь.

"Мы хотели, но когда поняли, что некоторые элементы в правительстве США планировали эту атаку, наш зарубежный офис ФСБ решил подождать и посмотреть, - председатель комитета Госдумы по иностранным делам сделал паузу. - Наш посол все-таки отправил сообщение в ЦРУ, но без компроментирования каналов сбора разведанных мы не смогли раскрыть наши источники. Но Агентство было недовольно нашим вторжением, и в день фактической атаки кто-

то из высшего военного командования приказал готовить ядерные бомбы в сторону России. Это было предупреждение. Нам угрожали ядерным оружием, если ФСБ опубликует свой доклад".

"Какой доклад?"

"Ах, вы все еще в замешательстве, - посмотрел российский политик на мое бескровное лицо и вздохнул. - Понимаете, пока весь остальной мир верил, что на Америку напали ближневосточные террористы, Россия знала правду. Наши спецслужбы в течение нескольких месяцев знали, что некоторые американские военные и правительственные чиновники координировали ракетные удары по башням-близнецам, Пентагону и Белому дому. Именно туда должен был попасть рейс 93, если я правильно помню. За ним должен был последовать переворот, которого Россия не хотела".

"Какое России дело до переворота в Америке?"

"Военное положение не слишком хорошо нам служит. У нас были обоснованные причины беспокоиться о безопасности нашей нации. Если бы столица США была уничтожена, то генералы, которые пришли бы к власти, возможно, решили бы запустить эти ядерные бомбы по России. Нет, мы хотели предотвратить эти атаки".

"Тогда почему вы этого не сделали?" – сказал я с болью в груди. Я так ярко запомнил утро 11 сентября. Я бежал по проспекту Конституции, пытаясь предупредить Секретную службу об эвакуации Белого дома. Это разбивало мне сердце, когда я понял, что российская разведка знала о надвигающейся катастрофе и могла что-то сделать, чтобы предотвратить кровавую бойню. Я глубоко вздохнул и спросил: "Почему российское правительство ничего не сделало и не спасло тысячи американских жизней?"

"Как я уже говорил, в американских агентствах были люди, безнадежно коррумпированные. Мы посылали предупреждения и другие подсказки, но это было проигнорировано. Кто-то из АНБ или ЦРУ хотел, чтобы эти нападения произошли. И я думаю, что поскольку мы уже знали эту информацию, то тот, кто планировал теракты 11 сентября, хотел навсегда заставить замолчать матушку Россию и поэтому вооружил ядерные пусковые установки, нацелив ракеты на Москву, Санкт-Петербург и Новосибирск".

"Вы уверены? Соединенные Штаты не сделали бы что-то настолько драматичное".

"Как только мы обнаружили, что правительство США проводит какой-то крупный незаконный эксперимент, ФСБ передало эту информацию российскому президенту. К этому времени Башни-близнецы были разбиты, и российские самолеты-разведчики хорошо знали, что это вовсе не теракт, а тщательно скоординированный военный удар. Один из наших командиров ПВО рассматривал возможность разоблачения инцидента, но руководители,

ответственные за планирование атаки, сразу же пригрозили разоблачить ядерную мощь России, если мы осмелимся раскрыть правду. Ядерная боеголовка с авиабазы ВВС Барксдейл была установлена и готова на столкновение с несколькими крупными российскими городами. Конечно, Россия не нуждалась в дальнейших угрозах, и наш лидер немедленно позвонил президенту Бушу, чтобы выразить соболезнования и заверить его, что российские самолеты-разведчики забудут обо всем, что они видели. Россия согласится с американской версией событий. Эта мудрая проницательность нашего премьера предотвратила потенциальную ядерную катастрофу. Когда Америка предъявила России ультиматум о том, что Соединенные Штаты захватят Афганистан вместе со всеми советскими базами в Центральной Азии, мы решили, как говорят американцы, играть по их правилам. Считаете ли Вы случайным совпадение, что Россия первая из государств, которая официально выразила соболезнования в день терактов 11 сентября? Мы были должны".

У меня были сомнения и я надавил слегка: "Ваш источник, возможно, ошибся. В Америке только президент имеет право запустить ядерную ракету".

"Это правда, но есть одно исключение. Помните, я упоминал "Глобал Гардиан": *массовые* учения по шантажу ядерным оружием? Ну, "Глобал Гардиан" спроектировала учения, в которых была определенная лазейка для запуска ядерных ракет без ссылки на ядерные коды запуска, которые якобы были под монопольным правом президента. Какой-то румяный генерал или политик мог легко запустить ядерные ракеты с военно-воздушной базы Барксдейл без помощи президента Буша".

"Но они этого не сделали, не так ли? Я имею в виду, в конце концов, ни один генерал или политик в Америке не был настолько глупым".

Председатель комитета Госдумы по иностранным делам зашевелил губами: "Заслуга предотвращения ядерной катастрофы принадлежит России. Наш президент знал, что может произойти дальше, если он не будет действовать осторожно, поэтому он сразу же позвонил своему американскому коллеге и попросил заверить, что американская боеготовность Дельта не является прикрытием для термоядерной атаки на нашу страну. Именно по этой причине Путин стал первым мировым лидером, который позвонил Джорджу Бушу, чтобы избежать возможного обмена термоядерным оружием. Он также сообщил Бушу, что отдал приказ об отставке российских стратегических сил, то есть отменил запланированные маневры над Арктическим регионом. В свою очередь американский лидер сказал ему, что термоядерные наведения с территории США в сторону Ближнего Востока и других регионов были делом рук мошенников, а

не правительства, но мы знали лучше. С тех пор наш лидер уступил на практически всем, о чем просила администрация Буша, включая захват Афганистана и использование всех советских баз в Азии".

"Александр Собянин, есть еще одна причина, по которой я пришел к вам. Речь идет о сообщении, которое вы отправили. Откуда у вас появилась идея связаться с Дастином?"

"Дастин? - Собянин повторил. – Парень с восхитительными компьютерными навыками! Да, я помню. У меня был связанной в КГБ, который говорил об этом блестящем парне, обладающем достаточными навыками для создания суперкомпьютера. Официально он был мертв. Для российского правительства я имею в виду. Он жил в Америке, прятался. За месяцы до терактов 11 сентября 2001 года я отправил ему несколько сообщений о предстоящих атаках, и он сказал мне, что один из его друзей проведет расследование. До этого дня я так и не узнал, что именно с ними случилось и что парень сделал с информацией, которую я ему послал".

Я внутренне улыбнулся, зная, что без своего осознания, депутат Госдумы имел в виду моего дорогого друга Дастина. Я хотел быть уверен, поэтому спросил: "Как его зовут?".

"Его имя? - Собянин хихикал. - Этот мальчик сменил имя несколько сотен раз за последние несколько десятилетий. Никто не знает, каким именем он сейчас пользуется".

"Да, да, я уверен в этом", - я бормотал про себя.

Александр Собянин с любопытством смотрел на меня, но я отбросил его опасения: "Я благодарен за ваш вклад. Спасибо, что уделили мне время".

Я покинул российского политика и направился во временную резиденцию Дастина на виллу на берегу озера в Питцбурге. На расстоянии она выглядела как обычная вилла, уютно устроившаяся в зеленом оазисе из деревьев, которые шикарно прятали ее от посторонних глаз. Хакер укрепил стеклянную виллу военной охраной, в том числе незаметными инфракрасными лучами, которые пересекали периметр. Я прошел через парадную дверь, игнорируя невидимые сигналы тревоги и оружия. За долгие годы знакомства с ним я понял, что Дастин не имеет себе равных по эффективности и мастерству. Он бы засек меня за милю.

Мои мысли восходят к долгим годам в советском учебном лагере, где я впервые познакомился с компьютерным гением. Он был подростком, преданным своим компьютерам и гаджетам. Я был новичком, который был компьютерно-неграмотным, но Дастин научил меня основным навыкам, которых было достаточно, чтобы выжить в смертельном мире разведки. Я мало что знал о его личности, кроме того, что, как и большинство людей в Лагере, его семья считала его мертвым.

Дастин родился в городе Екатеринбурге Свердловской области, но прожил там недолго. В пятнадцать лет он наткнулся на советский военный исследовательский центр недалеко от своего города. По чистой случайности и бессистемности он взломал автоматические замки на пуленепробиваемом входе и незаметно проскользнул внутрь. Когда он был задержан и доставлен в отдаленный тюремный комплекс под Уральскими горами, он был на полпути к загрузке массивного объема секретных данных. Вскоре офицеры военной разведки увидели гения в молодом юноше и начали обучать его профессиональному делу программирования. Его отстранили от гражданской жизни, наделили новой личностью и отправили в учебный Лагерь КГБ в Красноярске.

В Лагере меня повысили до старшего агента из подразделения 61, укрепленном замке в Восточной Германии. Это было шпионское агентство под прикрытием, неизвестное даже большинству агентов ГУ или ФСБ. Подразделения 61 была настолько подпольной, что не было никаких документов, доказывающих ее существование. Когда мы там работали, Дастин был главой ИТ-отдела до тех пор, пока меня не отправили в Америку и, в конце концов, не дезертировали.

Когда Полковник понял, что перестал быть преданным Лагерю и больше не занимался убийствами для него, он приказал каждому агенту в моем отделе найти и отменить меня. Лидер сектора начал международную охоту за людьми для меня и компьютерный эксперт отдела, Дастин, отвечал за отслеживание меня, что, как гений, он выследил меня почти мгновенно. Полковник использовал разведанные Дастина и захватил меня в течение недели. Вернувшись в Лагерь, меня безжалостно пытали и несколько раз чуть не убили.

Дастин, который контролировал все технические приспособления подразделения 61, наблюдал за тем, через что я прохожу через камеры наблюдения, и его человечность превзошла его страх перед Полковником.

Он не смог терпеть мои страдания и взял на себя инициативу взломать мою камеру. Дастин отключил камеры и помог мне сбежать. Я боялся, что Полковник может узнать, что Дастин помог мне, поэтому я хотел спасти его, но Дастин настоял на том, чтобы остаться. Некоторое время спустя компьютерные студенты Дастина отслежили его работу и узнали, что он помог мне сбежать из 61-й отдела. Они сообщили о нем командиру, и он был немедленно заперт в камере пыток. К этому времени я вступил в контакт с внештатными сотрудниками службы безопасности и начал масштабную спасательную операцию, в ходе которой нам, наконец, удалось вывести Дастина из ужасного Лагеря.

У меня также было несколько связей в АНБ, которые помогли ему попасть на материк Америки и снабдили его вычислительным

оборудованием, в котором он нуждался. Вскоре Дастин снова начал взламывать и помогал мне на многих сопутствующих работах в американских спецслужбах. Я могу сосчитать, по крайней мере, сто отдельных случаев, в которых Дастин спас мне жизнь и защитил меня от определенного и болезненного конца.

Когда я впервые приехал в Америку, я был напуган и никому не мог доверять. Но был один человек, к которому я думал, что смогу обратиться, и он был человеком, который обещал мне свободу. Он был бывшим главой подразделения черных оперативников АНБ и имел свою личную подпольную программу, которая осуществлялась параллельно с деятельностью его правительства. Несмотря на то, что сначала он помог нам бежать из России, позже я стал настороженно относиться к его способам и нетрадиционным методам. Я начал изучать всепроникающие и пагубные методы, с помощью которых этот человек управлял своими тайными программами. Некоторые из миссий, на которые он меня посылал, явно не были санкционированы ЦРУ или Госдепом. Мои подозрения усилились.

К концу 2000 года я поверил, что мой спаситель объединился с европейской компанией, чтобы украсть большое количество золота из федеральных резервов Нью-Йорка. Дастин прослушивал свой спутниковый телефон и обнаружил, что хранилище, которое должно было подвергнуться налёту, находится под зданиями Центра всемирной торговли.

Я знал, что под этими гигантскими башнями хранились золотые слитки на миллиарды долларов, и это золото пропало из подвального хранилища Башен-близнецов после терактов 11 сентября.

Это заставило меня заподозрить, что нападения на здания Центра всемирной торговли были отвлекающим маневром, чтобы сбить с толку власти. Я подозревал, что мой бывший помощник из АНБ намеревался свергнуть американское правительство и захватить власть, потому что из его журналов поездок казалось, что главной целью атак 11 сентября были Белый дом и здание Капитолия.

Дастин перехватил срочные уведомления, которые были помечены в его приложении по оценке угроз, и утром 11 сентября 2001 года он предупредил меня, посоветовав лично проверить места, которые могут стать объектами нападения. Я сразу же поехал в Вашингтон, округ Колумбии, чтобы поговорить с местными сотрудниками Секретной службы и самостоятельно оценить безопасность зданий.

За неделю до этого я лично был свидетелем того, как человек из АНБ перевозил большие грузовики со взрывчаткой, так что я догадался, что под туннелями Белого дома могут быть заложены бомбы. Были также сообщения, в которых Ричард упоминал о том, что он закладывал бомбы в туннели под подвалами Белого дома и хотел

запустить снаряд в ротонду. Я должен был остановить атаки, но не знал, кому можно доверять.

В то утро я направлялся в здание Капитолия. Пока я проезжал через авеню Конституции, мое сердце колотилось. Я должен был добраться до главных ворот вовремя. Как раз тогда грузовик врезался в бок моей машины и ударил меня. Когда я пришел в сознание, я почувствовал стальную хватку на горле. Я не мог дышать! Сражаясь, чтобы открыть глаза, я увидел мужчину у водителя. Он сжимал мне шею двумя большими руками. Я использовал свои раненные руки, чтобы сжать его в подобной хватку, но безрезультатно. Нападавший медленно выжимал из меня жизнь. С последним всплеском энергии мне удалось переключить передачу на задний ход и хлопнул ногой вниз по газу. Машина взвыла в ответ, выбивая убийцу из равновесия. Как только я оказался на безопасном расстоянии, я споткнулся о машину и слепо следовал за уличными знаками, пока не добрался до дома охраны. Люди из Секретной службы собрались по этому поводу. Когда увидели меня в окровавленном состоянии, они немедленно взяли меня под стражу.

Секретная служба даже не подпустила меня к месту назначения. Они арестовали меня и отвезли в комнату для допросов на подуровне. Когда один из охранников начал допрашивать меня, я заметил, что камеры мигали. Я был в замешательстве, но знал, что всё, что я говорил в этой комнате, записывалось и инспектировалось теми, кто потенциально стоял за нападениями. Я не мог отвечать на вопросы. Я не мог сказать старшим агентам секретной службы, что Белый дом подвергся нападению и может быть взорван в любую минуту. Поэтому я действовал импульсивно и встал на ноги. Я схватил агента, который допрашивал меня в головном уборе и прошептал бесшумно то, что я знал о нападениях 11 сентября. Я сказал ему, что в одном из западных туннелей Белого дома, скорее всего, была заложена бомба замедленного действия. Он в ужасе посмотрел на меня, но тут же покинул комнату. Через час он пришел с набором ключей и снял с меня наручники. Он сказал, что я свободен. Казалось, что они действительно нашли бомбу, но их было трое, а не один. Агент секретной службы сказал мне, что кто-то важный поручился за меня, чтобы он знал, что мне можно доверять. В то время я не знал, кто это был, но, как я позже узнал, бывшая первая леди, которая знала меня с тех пор, как я помогал ее мужу, позвонила главе Секретной службы и сказала им, что у меня есть достоверная информация, и что я должен быть освобожден.

Хакерство Дастина тоже не могло зайти слишком далеко, но, к счастью, я обратился за помощью к бывшей первой леди, которая также была сенатором. Она поверила мне, когда я сказал ей, что здание Капитолия и Белый Дом скоро могут взорваны бомбой. Она

дала мне доступ в здания, и я смог вытащить мощную бомбу из подземных туннелей, но как только я вдохнул облегчение и подумал, что худшее позади, Дастин получил плохие новости. Он получил предупреждение на своем компьютере, что ракета направляется в Вашингтон.

Траектория была направлена прямо на здание Капитолия. Когда Дастин поделился со мной зловещей новостью, я запаниковал. Мои глаза были приклеены к небу, как сумасшедшие, и я сказал Дастину остановить ракету любой ценой, но он ответил очевидным. Как только ракета была запущена, не было возможности обратить атаку вспять. Затем я попросил его взломать ракетный комплекс и отвлечь ее от Капитолия. Дастин подчинился моим инструкциям и делал именно это, когда на экране его компьютера вспыхнули еще два предупреждения. Еще одна местная ракета обстреливала Пентагон. Потом еще два снаряда разгонялись в сторону Башен-близнецов. Дастин пытался снова связаться со мной, но я был в подземных туннелях Вашингтона, пытаюсь найти другие бомбы, которые могли быть там размещены. Мой друг-хакер не знал, что делать, поэтому он продолжил то, что, как он думал, я просил его сделать: любой ценой спасти американский Капитолий.

Дастин остался на ракете, нацеленной на здание Капитолия, и замедлил ее, заглушив ее антенну, прежде чем разбить на пустых сельскохозяйственных землях в Шенксвилле, штат Пенсильвания.

Хотя обломков самолета там не было, ФБР решило, что в интересах местного населения поверить в то, что Шенксвилль был местом крушения самолета рейса 93. Они поспешно распространили официальную историю о том, что пассажиры рейса 93 якобы пытались одолеть захватчиков, находившихся в самолете, и в ходе борьбы рейс 93 разбился в Шенксвилле, штат Пенсильвания, в 10:00 утра.

Однако мы с Дастином были единственными двумя людьми, которые знали, что снаряд, врезавшийся в Шенксвилль, не был рейсом 93. Это была ракета, в которую врезался мой российский друг-хакер, чтобы не дать ей попасть в Вашингтон. Если бы она достигла своей цели, Америка не была бы такой, какой она является сегодня. Переворот произошел бы в течение нескольких часов после разрушения столицы США, и Российская Федерация, которая была тщательно подготовлена к катастрофе, столкнулась бы с ядерным гневом американских сил обороны. Я преумножаю, когда говорю, что Америка не была бы такой же, если бы мы с Дастином не вмешались в траекторию ракеты, потому что правда в том, что мир был бы астрономически другим, а родина моей матери была бы сожжена навсегда. Я видел русофобскую индустрию в США, которая была посвящена систематической и структурированной демонизации России, сведению всех москвичей в единый недифференцированный

класс злобных шпионов. Я знал, что такой масштабный инцидент, как теракт 11 сентября 2001 года, уничтожил бы любую добрую волю американцев по отношению к русским.

Ракета была большой и нанесла некоторый урон земле, но Дастин позаботился о том, чтобы место, где он разбил ракету, было пустым. К счастью, в этом районе не было значительных обломков. Большинство людей забыли об инциденте и никогда не искали воображаемый самолет.

Я гордился трудолюбием и преданностью Дастина. По сути, он спас все конституционное правительство Соединенных Штатов.

До нападения 11 сентября 2001 г. Дастин провел исследования и пришел к выводу, что нападения утром 11 сентября 2001 г. были заранее спланированы и совершены местными. Поскольку я был единственным человеком в мире, которому он мог доверять, он проинформировал меня о ситуации. Я сказал ему продолжать копать в этом направлении и лично поехал в Нью-Йорк, чтобы расследовать все дело. Мы не знали, кому доверять в правительстве США, поэтому я решил обнародовать то, что нам известно. Я отправил кинорежиссеру некоторые из наших файлов, чтобы сделать телешоу. Продюсеры согласились, и шоу наконец-то вышло в марте 2001 года. Это был ролик на билбордах, но я надеялся, что *"Одинокие земляки"*, название, которое я выбрал для шоу, удержит тех, кто планировал теракты 11 сентября, от кровавой бойни. Я был благодарен каналу "Фокс" за трансляцию шоу, потому что в нем я добавил линии сюжета, которые предполагали, что Башни-близнецы скоро будут атакованы.

Председатель комитета Госдумы по иностранным делам Александр Собянин, с которым я встретился вскоре после терактов 11 сентября, щедро поделился некоторыми файлами из своего офиса в ФСБ. У него были схемы, планы полетов и планировки зданий. Он сказал, что его информатор в ЦРУ сказал ему, что какое-то крупное здание в Нью-Йорке и Вашингтоне будет подвергнуто нападению. Следуя его указаниям, Дастин выследил необычный груз, прибывший в Нью-Йорк, и сразу же сообщил мне об этом. Я отправился туда, чтобы перехватить его, и неудивительно, что это были грузовики с взрывчатыми веществами, которые использовались для подрыва.

Русский хакер сделал все, что в его силах, чтобы ракета не попала в Капитолий. Это было вдвойне сложно, потому что в те времена мало кто умел управлять беспилотниками, а Дастин не был специалистом по управлению беспилотниками, но он знал достаточно, чтобы отвлечь ракету. Но было еще несколько одновременных целей. Мы решили спасти Капитолий, а значит и правительство США. Я знал, что если правительство рухнет, будет полный хаос. Мы сделали это, чтобы предотвратить военное положение, но в конце концов, мы не смогли спасти слишком много людей. Башни-близнецы все же рухнули, а

администрация Буша взяла на себя диктаторскую власть и использовала фальшивое видео Бен Ладена для совершения нападений на Афганистан. А позже... Ирак. В последующие недели мы с Дастином смотрели новости с болью в сердце: мы видели, как американцев обманывали и заставляли верить в то, что некоторые ближневосточные юноши были в ответе за смертоносные нападения в сентябре 2001 года.

Но настоящая боль, с которой мне пришлось жить, та, что сводит меня до слез даже по сей день, была в том, что, несмотря на предвидение нападений на Башни-близнецы, мы с Дастином не смогли спасти этих трех тысяч мужчин и женщин от гибели. Я помню, как смотрел новостную ленту, которая показывала, что здания ЦМТ горят, и мое сердце как будто разрывалось на части. Я позвонил Дастину, умоляя его сделать что-нибудь, сотворить чудо и отключить все бомбы. В перерывах между всхлипываниями я спросил его, есть ли способ обратить ракеты вспять, и когда он ответил отрицательно, я принял роковое решение.

Дастин подчинился и взял под контроль ракету, направлявшуюся к зданиям Капитолия, и перенаправил ее на поле в Шенксвилле. Может быть, нам следовало решить спасти те три тысячи американских мужчин и женщин, которые были в ЦМТ. Возможно, правительство и было бы уничтожено, но американский народ смог бы выжить. Люди, которые работали в башнях-близнецах 11 сентября 2001 года - они были бы еще живы. Но я решил спасти жизни, исходя из класса и статуса мужчин и женщин. Вместо того, чтобы взломать ракету, направлявшуюся в ЦМТ, я попросил своего дорогого друга Дастина перехватить ту, которая предназначалась для Вашингтона. А политики, чьи жизни мы спасли тем утром, они просто проснулись на следующий день и решили вторгнуться в страну, которая не имела никакого отношения к этим атакам.

Как только мы предотвратили нападения на столицу США, я внутренне надеялся, что это будет концом кровопролития, по крайней мере, на столетие. Конечно, люди, которые планировали начальную атаку, не были настолько глупы, чтобы попытаться снова!

Казалось, что я ошибался на счетах обоих. В ноябре 2001 года мне срочно позвонили из Санкт-Петербурга. Он обращался ко мне за помощью в связи с исчезновением восемнадцати сотрудников российских спецслужб, которые пропали без вести. У его коллег никогда не было привычки так внезапно пропадать с радаров. Мой знакомый был уверен, что произошло что-то не то. Я пообещал разобраться в этом вопросе и связался с Дастином. Объяснив

проблему, русский хакер согласился расследовать дело и попытаться найти людей.

Шесть дней спустя Дастин отследил перевернутую лодку в Чукотском море. Официальных выживших не было, но очевидцы в аэропорту Пойнт-Хоуп сообщили, что видели, по крайней мере, дюжину раненых мужчин, сопровождавших их на земле. Большинство из них были сильно накачаны успокоительными средствами или находились без сознания. После видеозаписей, сделанных в аэропорту Аляски, мы обнаружили, что самолет, который покинул Пойнт-Хоуп, приземлился в Нью-Йорке. Это было на одной из камер наблюдения аэропорта Кеннеди, она подтвердила мои подозрения. Российские агенты, похищенные из порта Аляски, были действительно теми же самыми людьми, которые были привезены в Нью-Йорк.

Мой разум было онемел от беспокойства. Я предупредил портовые власти Нью-Йорка и Нью-Джерси и сообщил им, что не менее десятка российских граждан находятся в плену у одной из местных авиакомпаний или в одном из аэропортов и должны быть немедленно спасены. Убедить американских пограничников помочь мне оказалось труднее, чем я себе представлял. Мой слабый русский акцент и манера поведения часто работали против меня, так как правоохранительные органы отказывались верить всему из того, что я должен был сказать. Быть из России означало быть полностью ненормальным. Идеи об американском превосходстве были настолько укоренены в политических, правовых и оборонных структурах США, что это почти заставило их демонизировать что-либо отдаленно русское и пренебречь предупреждением русского гражданина. В конце концов, один из моих известных соратников передал мою обеспокоенность соответствующим властям, и расследование было начато. В этот момент ни я, ни Дастин не смогли понять причину похищения. Но нам не пришлось долго ждать, чтобы это выяснить. 12 ноября Дастин сказал мне, что следит за рейсом 587 авиакомпании American Airlines, который только что взлетел из аэропорта Джона Ф. Кеннеди и вел себя подозрительно. Когда я попросил его уточнить, он сказал мне, что встроенный ретранслятор реактивного лайнера выключен, и он отклоняется от курса.

Я сразу же позвонил генералу, который находился на военной базе противовоздушной обороны недалеко от Уэстхэмптон-Бич, и сообщил ему о своих страхах и подозрениях. Он немедленно мобилизовал своих людей и подготовил истребитель для перехвата самолета, который к этому моменту уже направлялся в Вашингтон и набирал скорость. Я также сказал американскому генералу, что на борту было около восемнадцати российских заложников, которые, скорее всего, возьмут на себя вину за атаку, которая должна была произойти.

Старшие офицеры базы ВВС НГ быстро приняли меры. Они только что оправились от одной самой смертоносной атаки в американской истории лишь несколькими месяцами ранее и не желали повторения инцидента 11 сентября, поэтому они направили истребители для сопровождения самолета на землю. Однако тот, кто планировал этот переворот, не был заинтересован в сотрудничестве с ВВС США, и в схватке реактивный лайнер потерял управление и разбился над полуостровом Рокауэй в Куинсе, штат Нью-Йорк.

В результате этого инцидента погибло более двухсот пятидесяти человек, что делает его одним из самых смертоносных авиационных происшествий в истории США. К сожалению, нам в очередной раз не удалось спасти пассажиров рейса 587. Я почувствовал особую скорбь, когда через неделю со мной связался судмедэксперт и сообщил, что восемнадцать российских агентов были найдены в грузовом отсеке самолета. Он подозревал, что они скончались до посадки на самолет и, по всей вероятности, были выбраны в качестве козлов отпущения за предполагаемое нападение. В очередной раз американские СМИ были изящно защищены от правды. Национальный комитет безопасности перевозок посчитал, что американской общественности нет необходимости узнавать о готовящемся очередном крупном террористическом акте в том самом городе, который уже так сильно пострадал.

На этот раз я был согласен. Здесь было слишком много боли и потеря. И мы не смогли сделать что-то, чтобы предотвратить худшее. Что бы случилось с этим миром? Сколько еще людей должно было умереть, прежде чем мы наконец сможем заключить мир? Я изучил изображения места крушения рейса 587. Было так больно видеть тела женщин и детей, раздавленных стальными обломками. Тонны развалившихся частей тела, людей, которые мечтали жить, которые были любимыми- все они были жертвами акта террора. Я хотел кричать в мучениях и страданиях. Несправедливо, что невинные мирные жители всегда погибают за грехи немногочисленной группы, которая хотела вызвать ужас и захватить власть. У меня дрожали колени, и я горько плакал, клявшись найти виновных в убийствах и привлечь их к ответственности.

Я начал свое расследование с обращения за помощью к моему дорогому другу и попросил Дастина отследить взрывчатые вещества, которые были заложены во ВТЦ, и попытаться установить личность тех, кто мог установить эти заряды.

Мой друг обошел охрану и проверил планировки зданий ВТЦ, он смог убедить руководство сотрудничать. То, что он нашел, было кошмаром. Служба безопасности здания Всемирного торгового центра сказала, что в течение нескольких недель, предшествовавших атакам,

большинство офисов в башнях-близнецах и 7-м здании Всемирного торгового центра были пустыми, поскольку из этих зданий было произведено несколько эвакуаций. По словам ИТ-специалиста, с которым говорил Дастин, в выходные перед 11 сентября произошло полнейшее отключение электричества, во время которого все камеры были отключены. Я был убит горем, когда не смог найти веских доказательств взлома, но было ясно, что кто угодно мог проскользнуть в Башни незамеченным и подбросить контролируемые заряды взрывчатки. Мои поиски начались.

Февраль 2003 года

Это было уже в 2003 году. Иногда я попадал в тюрьму и выходил из нее! Во второй раз, когда меня подставили за взрыв и бросили в тюрьму, я начал терять всякую надежду увидеть дневной свет, но однажды утром приехал новый прокурор, чтобы обсудить мое дело. Он произнес длинную речь и перечислил имена пятидесяти человек. Он хотел, чтобы я дал против них показания или дал им информацию, которая бы их скомпрометировала. Я сказал ему, что знаю о конспиративной квартире, где хранятся устройства, которые могли бы инкриминированы в его целях. Он согласился выпустить меня под охраной полиции, чтобы я мог привести их на место. Это был мой шанс. Я знал, что другого шанса для меня не будет, поэтому я дал охранникам шанс ускользнуть и уехал на машине тюремного эскорта. Ехав по шоссе в течение семнадцати часов, я наконец остановился в зоне отдыха и позвонил Дастину. Хакер был рад, что я сбежал и пообещал снабдить меня необходимым комплектом для побега. Он подготовил для меня фальшивые удостоверения личности и неопознанные счета и сбросил их в заранее запланированное место.

Все, чего я жаждал, это информации.

Настройка на радио машины была настолько волнующей, что я едва мог сесть за руль. Новостной диктор говорил об американских солдатах в Ираке - я ожидал этого, но не думал, что так скоро начнется вторжение. Была еще одна война в Афганистане. Я покачал головой. Я был вне игры почти два года. Как Америка могла вступить в войну с двумя безобидными нациями? Если эта новость меня шокировала, то я не знаю, каким словом описать мое удивление, когда я приехал в офис знакомого в Нью-Йорке.

Линия горизонта была другой. Двух зданий не хватало! Да, Башен действительно не было. Исчезли. Осознание того, какой ужас разворачивался в роковой день сентября 2001 года, осенило меня. Город потерял свою славу. Таксист, везший меня по улицам

Манхэттена, хмурился от моего недоумения. Он сказал, что не так давно террористы угнали самолет и уничтожили Башни-близнецы.

Я немедленно связался с офицером, который работал в ЦРУ, и попросил его сообщить мне о результатах расследования. Он рассказал мне, что официальная история, которую правительство рассказало американскому народу, была прикрытием. Чиновник Агентства считал, что ВТЦ были разрушены в результате контролируемого взрыва. Он продолжил объяснения, как якобы утром 11 сентября 2001 года в Шенксвилле разбился еще один самолет, но это тоже было лишь прикрытием. Рейс 93, который, согласно правительственной истории, упал в Шенксвилле, фактически приземлился в аэропорту Кливленда Хопкинса из-за угрозы взрыва бомбы. Но до этого аэропорт Кливленда Хопкинса был эвакуирован, потому что ходили слухи, что угнанный самолет собирался приземлиться там. Власти аэропорта поспешили эвакуировать самолеты, в том числе Дельта 1989, который приземлился в Кливленде в 10:10. Власти проводили обыск в Дельте 1989 года в течение более двух часов, и пассажиров допрашивали в индивидуальном порядке.

Рейс 93 приземлился в Кливленде примерно в 10:45, но был эвакуирован в 11 часов. Согласно внутренней истории ЦРУ, некоторые пассажиры этих самолетов были сопровождены в штаб-квартиру ФАА, в то время как другие были доставлены в исследовательский центр NASA, который находился недалеко от западной части аэропорта. До сегодняшнего дня большинство пассажиров, эвакуированных с этих самолетов, так и не были найдены. Я был уверен, что их держали где-то в безопасном месте, например, по программе защиты свидетелей, потому что я не мог себе представить, что правительство США похитит или убьет своих собственных граждан.

Я хотел исследовать события того рокового дня по частям, но сначала я почувствовал, что важно изучить обломки из ВТЦ. Контактное лицо ЦРУ не сомневалось, что именно контролируемый взрыв разрушил Башни, но сначала я не хотел ему верить. Затем он дал мне адрес свалки. Обломки Башен-близнецов хранились там для расследования. Я связался с Дастином и попросил его прислать мне пачку лабораторных материалов. Я собирался сам отправиться на свалку и выяснить, что вызвало обрушение зданий.

Я хотел верить в официальную версию разрушений Башен-близнецов, но когда я несколько раз смотрел видео с обрушением Башен, мне показалось более очевидным, что его обрушило нечто иное, но не пассажирский самолет. Воздействие предполагаемых самолетов и ущерб от пожара были крайне несвязанными, но каким-то образом разрушение зданий было невероятно симметричным. На видео, кажется, что верхняя часть северной Башни без особых усилий

опускается в неповрежденную часть здания, а обрушение остается симметричным от начала до конца. ВТЦ был 110-этажным зданием. После удара башня обрушилась. Почему на земле не было огромной кучи? Должно было быть много обломков 110-этажного здания, в котором находилось девяносто тысяч тонн бетона. Если это был взрыв, то кто-то, должно быть, разместил тысячи единиц взрывчатки на колоннах и балках, а затем взорвал их в точной последовательности.

Мой связной в ЦРУ рассказал мне, что пожарным потребовалось три месяца, чтобы потушить пожар, из-за взрывчатки, которая использовалась для разрушения Башен. Я вспомнил грузовики со взрывчаткой, которые были отправлены в гавань Нью-Йорка в 2000 году. Я направлялся на перехват динамита, когда попал в засаду и был арестован, а затем подставлен за террористические акты. Я подозревал отца Ирины. Он непосредственно отвечал за доставку динамита в город сразу после завершения президентских выборов в ноябре 2000 года.

Мое сердце разрывалось от мучений. Тысячи невинных гражданских лиц - трудолюбивых американцев, которые только и делали, что приходили на работу вовремя - тысячи погибали в муках ада ВТЦ. И трусливые люди, ответственные за это, наживались на трагедии.

Нет, преступникам никогда не сойдет с рук убийство столько американцев. Я собирался привлечь их к ответственности; но сначала я хотел собрать доказательства фактического преступления. Я знал, что взрывчатку, используемую при контролируемом взрыве, трудно потушить, потому что она содержит собственный источник кислорода, позволяющий ей гореть под водой. Поэтому, несмотря на то, что пожарные постоянно заливали обломки ВТЦ водой, это не помогало. Один из членов Ассоциации пожарных сказал, что они закачивают туда столько воды будто создают гигантское озеро. Это наводило на мысль о том, что в Башнях-близнецах были заложены взрывчатые вещества для ликвидации зданий, но я хотел увидеть вещественные доказательства.

Свалку в Нью-Джерси охраняли сотрудники частной охраны. Я вырядился ремонтником и проскользнул незамеченным. В контейнерах для хранения были тонны обломков, так что я сразу же приступил к работе. Я собрал образцы обломков и проверил их на наличие материалов для взрыва.

Я знал, что взрыв оставил после себя много улики, но казалось, что тот, кто его проводил, не хотел, чтобы обломки были найдены. Свалка, которую я обыскивал, была почти расчищена. В журнале учета было отмечено, что бригады по уборке уже отгрузили около 99 процентов конструкционной стали в Китай в виде металлолома. Меня больше заинтериговали прикрытие. Человек, ответственный за нападения на

Башни-близнецы, хотел очистить место преступления. Я спас все, что мог, от оставшихся одиннадцати грузовиков и отправил их несколькими доверенным ученым для более тщательного изучения.

Я перевел миллион долларов в частную лабораторию в Лондоне, где группа ученых согласилась исследовать обломки ВТЦ. Изучив пыль от взрывов, они обнаружили маленькие серые щепки неизвестного и частично зажженного нано-термита, доказывающие теорию ЦРУ о том, что Башни-близнецы были снесены в результате контролируемого взрыва. Эти ученые объяснили, почему здания упали симметрично вниз; это произошло потому, что количество взрывчатки и место были тщательно рассчитаны компьютерами, поэтому она пробила центры зданий.

Дастин провел собственное исследование типа взрывчатых веществ, которые использовались для разрушения башен. Он обнаружил, что при сносе действительно использовался нано-термит. Он также был известен как супертермит; смесь сверхтонкого алюминия и оксида железа, разработанная в таких высокоразвитых лабораториях национальной безопасности, как Лоуренс Ливермор и Лос-Аламос. Материал взрывается очень быстро. Эти вещества выделяют огромное количество тепла, которое могло бы стать причиной образования в кучах обломков бассейнов с расплавленной сталью и раскаленными балками и колоннами.

Я мало что мог сделать со своими вновь обретенными знаниями. Я попросил Дастина опубликовать мои исследования в интернете. Я связался с несколькими информационными агентствами и попросил их напечатать мою статью о реальных событиях 11 сентября 2001 года. Большинство СМИ выразили недоверие. Они отказывались верить, что Башни-близнецы были разрушены в результате взрыва. Сбитый самолет был очень популярной версией, которую никто не хотел игнорировать. Я все еще верил, что в Америке есть люди, которым будет интересно узнать правду, поэтому я опубликовал свое расследование в Интернете, надеясь, что кто-нибудь прочитает его и распространит правду.

Обнаружив, что нападения на Башни-близнецы и Пентагон не были делом рук иностранных террористов, я начал задаваться вопросом, почему Соединенные Штаты ввязались в войну с Ираком и Афганистаном. Конечно, не иракские фермеры подложили взрывчатку во Всемирном торговом центре. Я сказал своему другу-хакеру, что мне нужно поехать в обе страны, в которые вторглась Америка, и выяснить, за чем охотятся американские военные. Дастин взломал камеру беспилотного военного самолета наблюдения, который позволил мне наблюдать за зонами военных действий в Афганистане и Ираке. Десятки площадок по бурению нефтяных скважин проходили в Басре и Багдаде. "Бритиш Петролеум" вместе с пятью другими

нефтедобывающими компаниями уже захватили иракские нефтяные месторождения и используют бесплатную рабочую силу для зарабатывания денег.

Страны, в которые вторглась Америка, находятся в плачевном состоянии. С высоты птичьего полета я был свидетелем того, как американские силы арестовывали и перевозили тысячи иракских гражданских лиц в армейские лагеря. Я хотел узнать, что на самом деле происходит внутри ограждений из колючей проволоки, поэтому я переоделся в военную полицию и вошел в тюрьму, известную как "Хард-Сайт Абу-Грейб". Члены 320-го батальона ВП охраняли группу заключенных. Я проскользнул мимо них и начал фотографировать окружающие камеры. Повсюду были слышны болезненные крики и плач. Офицер военной разведки сказал мне, что эти люди могут быть террористами, поэтому они их допрашивали. Я использовал свою скрытую камеру, чтобы запечатлеть несколько снимков происходящего.

То, что я видел, было ужасно. Изображения были еще более ужасными. В каждой камере, в которую я вошел, были американские солдаты, которые били и пинали иракских заключенных, издевались над обнаженными телами. Это было похоже на сцену из оргии. Всех заключенных держали голыми, в то время как солдаты насильно заставляли мужчин-заключенных занимать различные сексуально откровенные позиции для фото- и видеосъемки. У некоторых из задержанных шее были обвязаны собачьими цепями, в то время как военные собаки без намордников пугали и кусали их. пытки были повсеместно, я даже не знал, как их остановить. Я принес карту памяти со всеми графическими изображениями и отправила копию по электронной почте нескольким СМИ.

В начале 2004 года несколько американских газет согласились опубликовать новости о жестоком обращении с заключенными. Только горстка фотографий, которые я им отправил, была напечатана на первой странице. Но этого было достаточно, чтобы волны шока разошлись по всему миру. Абу-Грейб стал нарицательным именем, многие законопослушные американцы испытывали отвращение к действиям своих солдат. Протесты вспыхнули на Бали, в Лондоне и Париже. Американские военные провели несколько уголовных расследований в отношении преступников, но лишь немногие из них были наказаны.

Войны в Афганистане и Ираке были в основном политическими шагами, предпринятыми несколькими влиятельными членами Сената США. Я попытался выявить лиц, которые сыграли важную роль в развязывании этих двух войн и наткнулся на семь вашингтонских бюрократов.

У них у всех было одно общее: пожизненное членство в элитном клубе под названием Совет. Один из членов Совета хотел выйти из него за несколько месяцев до этого и пытался слить ФБР несколько секретных документов, но умер при загадочных условиях.

Мне удалось восстановить части меморандума и расшифровать его с помощью Дастина. Казалось, что Совет разработал подробный план вторжения в Иран, который, кстати, является страной с четвертыми по величине залежами нефти в мире. Но, согласно документу, несколько членов Совета выступили против этого плана. Они утверждали, что вторжение в Иран будет иметь катастрофические последствия, поскольку его население в три раза превышает численность населения Ирака и в пять раз больше по размеру. Разногласия породили хаос и заставили нескольких высокопоставленных членов Совета уйти из состава Совета.

Отчим Ирины был низко поставленным членом Совета, и, по словам другого члена, вышедшего из группы, Ричард был яростно настроен против вторжения в Афганистан и Ирак. Он утверждал, что иракское правительство более чем довольны делится своей нефтью с американскими и британскими нефтяными компаниями, и вторгаться в них нецелесообразно. Однако Ричард выступал за нападение на Пакистан. Члены Совета проигнорировали его мнение и поддержали первоначальный план нападения. Они использовали уловку для нападения на Афганистан, и должностные лица Государственного департамента обвинили афганцев в укрывательстве непонятого террориста по имени Усама бен Ладен.

Используя этот предлог, Совет мог бы на законных основаниях вторгнуться в Кабул и построить газопровод, который соединил бы его с центральным пакистанским районом Мултана. За месяцы до нападения 11 сентября 2001 года высокопоставленные члены Совета встретились с министром иностранных дел Туркменистана, чтобы обсудить этот газопровод. В апреле они подписали многомиллиардный контракт на строительство газопроводов, которые выйдут из Туркменистана, пройдут через Афганистан и Пакистан и, наконец, доставят газ в Мумбаи (Индия), где уже работали электростанции "Энрон" и "Эксон". Это было удобное деловое предприятие, но оно стоило того: человеческие жизни приносились бы в жертву, чтобы набивать карманы богатством. По Транс-Афганскому нефтегазопроводу транспортировались крупнейшие в мире запасы, а компания "Энрон", инвестировавшая три миллиарда долларов в электростанцию недалеко от Мумбая, получала дешевый газ из Туркменистана по газопроводу, проходящему через Афганистан.

Большую часть того года я был заперт в тюрьме и не смог предотвратить войну. В Вашингтоне, округ Колумбия, члены Совета правили верховной властью и использовали свои богатства для

оказания влияния на изменения в политике, которые принесли пользу их компаниям. Если бы я узнал о Совете раньше, то, возможно, смог бы обговорить это с честными политиками в Вашингтоне, в центре внимания которых были интересы Америки.

Потом через три года я смогу узнать всех членов Совета и предоставить их правоохрнительным органам, но к тому времени ущерб будет нанесен. Военное вторжение почти уничтожило две нации. Это была трагедия, замаскированная под обман. Официальные лица ЦРУ, РУМО, НУВКР и АНБ молча отстранили членов Совета от общества и действовали весьма осторожно, чтобы не вскрыть суровую правду американскому народу. Мне было очень жаль, что многие американцы возлагали на президента Буша личную ответственность за войны в Ираке, Афганистане и обвиняли своего президента в экономическом кризисе, когда именно члены Совета были виновниками этих двух войн. Пять членов Совета, которые были главными акционерами DragonOIL, Вр, СР, Ехоп, UCol и Shell - всех нефтяных компаний, которые бурили скважины в Ираке для получения нефти, - были позже арестованы и заключены в тюрьму по обвинению в уклонении от уплаты налогов.

За четыре года столько всего произошло, что меня еще шатало от шока и смятения. Десятки высокопоставленных блюстителей закона и блестящих политиков, присягнувших на верность Совету, находились в камерах ЦРУ, но у меня были сотни вопросов, на которые не было ответов. В конце концов, я совершил ужасную поездку и поговорил с одним из пожилых бюрократов, который был акционером газовой компании. Я хотела узнать, что побудило Совет принять такие решительные меры, как вторжение в страны, которые никогда не поддерживали террористическую деятельность.

Человек был прямолинеен в своих ответах. Он утверждал, что являлся патриотом, и был убежден, что афганские трубопроводы жизненно важны для интересов США, так как они позволяют Америке взять под контроль нефть и газ, которые хранятся на территории бывших советских республик. Двадцать пять процентов мирового потребления нефти приходилось на Соединенные Штаты, которые в значительной степени полагались на иностранную нефть. Он сказал мне, что в центре внимания Совета были интересы Америки, и члены Совета не вводили страну в войну с Афганистаном и Ираком только ради личной финансовой выгоды.

Интересно, что бы случилось, если бы я не выставил фотографии. Сколько лет ни в чем не повинные иракские гражданские оставались бы на месте пыток? Я не хотел слишком много думать об этом. Это вернуло мне воспоминания из моего собственного заключения в тюрьме в течение тех двух лет, в которое я был помещен

приспешниками Ричарда. Независимо от того, соглашалась ли Ирина помогать мне или нет, я был полон решимости привлечь Ричарда и остальных членов Совета к ответственности.

Июнь 2003 года

Дэниел Маршал ждал на крыльце моего убежища, когда я вышел наружу, спустя неделю.

Я сразу узнал высокого Развед-Аналитика ФБР. Его песочно-перечные волосы и тяжелые глаза было не забыть.

"Что тебя привело сюда?" - Спросил я агента Бюро.

Маршал протянул мне бумажный пакет. "Документы судебной экспертизы, как ты и просил. Мы нашли совпадение."

"Отсюда поподробнее, Дэн." - Сказал я. "Я не помню, чтобы просил тебя принести отчет по суд-мед экспертизе."

"Верно," - Ответил аналитик из ФБР. "Ты не просил, но я сам решил капнуть в эту сторону. И узнал, кто стоит за войной в Чечне. Я распознал человека, который был главным провокатором."

"Кто?"

"Связной из ЦРУ подтвердил, что весь фасад был выполнен командой наемников Блэк-Опс, подчиняющихся твоему тестю."

"Что?" - Сказал я в ступоре.

"Оу, да ладно тебе, чувак. Ты правда удивлен?" - Сказал с сарказмом Дэниел Маршал. "Этот человек - чистое зло. Я изумлен тем, что ты с ней до сих пор в отношениях."

"Ирина бросила меня, Дэн. Она считает, что я предвзято отношусь к ее отчиму. Она верит, что Ричард невинный."

"Значит, вот, что могу сказать: Ричард - не невинный ягненок."

Развед-аналитик из ФБР с грустью кивнул. "Я нашел документы, подтверждающие его прямую причастность к атакам на Северном Кавказе. С конца 1999 до начала 2000, Ричард отправлял агентов на российскую границу, и приказывал своим людям провести серию атак для нанесения серьезного урона российским войскам, чтобы усложнить политический контроль российской власти над Чечней на несколько лет. Его повесткой дня была дестабилизация России, и в процессе, уничтожение всего населения Чечни."

"Ты о российском вмешательстве в Чечне, в 2000?" - Вопросил я.

"Как это делал Ричард? Казалось, что российские силы атаковали чеченских мятежников из-за абсурдных требований."

"Я собирался объяснить этот момент," - Спокойно сказал Дэниел Маршал. "Министр российской разведки полностью управляет всей развед-структурой. Ричард заплатил ему огромную сумму несколько лет назад, и с тех пор регулярно получал взятки."

"С каких пор?"

"Ричард платил советнику президента по вопросам разведки с 1985 года. Его подослали на его позицию в твоей стране при помощи австрийского преступника более, чем на десять лет, и Ричард надеялся использовать его для дестабилизации Советского Союза, для его дальнейшего развала."

"Откуда ты знаешь, что Ричард заслал шпиона в Москву?"

Дэниел Маршал громко засмеялся. "Потому что и ЦРУ, и ФБР знали о дополнительной активности Ричарда. Мы позволили ему нелегально заплотить Москве на тот момент, потому что правительство Соединенных Штатов действительно хотело, чтобы Советский Союз развалился. Но после этого, Ричард перестал себя контролировать, и начал приказывать своим двойным агентами саботировать все российское правительство, в конце концов развалив структуру КГБ."

"Зачем Ричарду уничтожать Советский Союз?"

"Ему нужна была власть над этой территорией. Советский Союз был слишком обширным, слишком сильным, и он разрушил его изнутри, посадив в президентское кресло марионетку. Простой человек, у которого не было выбора - ему пришлось выполнить то, что ему приказал Ричард. Вот так, как только Советский Союз развалился, Ричард заставил российского президента вторгнуться в Грозный и устроить бомбардировки. Его приказом было убить миллион гражданских в Чечне."

"Один миллион?" - Воскликнул я. "Но это же все население."

"Я знаю," - сказал Развед-аналитик ФБР. "Ричард хотел уничтожить все население, и планировал использовать для этого российских солдат. У нас есть доказательство того, что он отправил боеприпасы в 1994 в Дагестан, и приказал своим наемникам убедиться в том, что в регионе Северного Кавказа не останется ни одной души. Он со своими людьми смог убить почти сотню тысяч мужчин, женщин и детей, но к счастью, российское правительство подозревало, что их действия контролирует зарубежный агент, и согласилось пойти на перемирие с главой Чечни."

"Как Ричарду удалось убедить российские вооруженные силы в том, что чеченцы были их врагами?"

"Ему больше не нужно было волноваться о ком-либо в правительстве. Ричард сделал так, что психически неуравновешенный и глуповатый российский президент останется у власти с 1991 года, чтобы он мог приказывать ему сделать или сказать что угодно. Он хотел максимального кровопролития в России, он хотел смерти всех умных людей и офицеров, чтобы он со своими наемниками смог забрать контроль над всем ослабевшим населением."

Я начал перебивать его. "Российскую Федерацию не просто контролировать."

"После развала Советского Союза, Россия стала очень слабой нацией; страна, которая была разорвана на части практически Третьей Мировой Войной - Ричарду было просто воспользоваться хрупкой политической системой и с силой привести к власти глупого лидера. Затем, он заставил их убивать своих людей, пока у них не останется сил на собственную оборону. Так Ричард и его люди из Блэк-Опс контролировали все, активировав несколько коррумпированных двойных агентов, которым он платил. Эти несколько засланных россиян готовы были стать предателями, и согласились продать свою страну за кучку долларов, развязав ненужную войну."

Я вслух поразмыслил "Как ему удалось контролировать всю логистику?"

"Если ты знаешь Ричарда, ты понимаешь, какой он могучий. Он нанял большую группу наемников, которая сделала всю грязную работу, подкупил депутатов в Кремле, запугал политических лидеров и контролировал решения по нападению армии, где и когда устраивать ракетные бомбардировки. Так, ему удалось убить 100,000 невинных чеченских граждан. "Развед-аналитик из ФБР выглядел разочарованно."

Я заметил, что он устал, поэтому быстро попрощался с ним и вызвал такси.

Январь 2007 года

Неделя была суматошной. Мой друг Дастин помогал мне с несколькими расследованиями, и один из его близких контактов в спутниковом центре НАСА сотрудничал с нами, предоставлял нам новостную сводку с геополитических спутников.

Когда я зашел в компьютерную лабораторию Дастина в этот день, ученый из НАСА был занят работой.

"Привет, Кайл," - Поздоровался я с ним.

Кайл повернулся ко мне и помахал рукой. Он сказал мне, что нашел кое-что интересное на спутниковых снимках.

"Что ты нашел?" - Спросил я его.

"Я заметил группу иностранных военных кораблей у российской границы. Также, я заметил, что французский противолодочный самолет курсировал над этим районом на низкой высоте со вчерашнего дня."

"Что это значит?"

Кайл пожал плечами и начал голодно поглощать пачку чипсов.

"Я волнуюсь за Россию," - Сказал я ему. "Что, если Ричард не оставит свое безумие? Он определенно продолжает пытаться напасть на Российскую Федерацию снова и снова."

Кайл работал на Космический Центр Кеннеди НАСА более десяти лет, и он уже стал полноценным работником в Министерстве Обороны Ракетных Войск США. Он знал, что я всегда беспокоился за Российскую Федерацию, поэтому часто оповещал меня о некоторых аномалиях, зафиксированных в этой местности.

"Не стоит больше волноваться за Россию," - Сказал Кайл. "Это сильная страна, которая может выдержать любую атаку. Единственный способ нападения Ричарда на эту страну - установка нового президента-марионетки с последующим влиянием на Кремль изнутри."

"Как ему это осуществить?" - Вопросил я. "Россияне умные. Они больше не позволят самозванцу развалить нацию."

Кайл прокрутил что-то на экране компьютера. "Судя по рассекреченным архивам ЦРУ, Ричарду удалось проверить подобное в 1990, после успешного развала Советского Союза ему удалось посадить пешку в президентское кресло. Этот человек был психически слабым, и у него не было выбора, кроме как подчиниться Ричарду. Этот человек был в Кремле до декабря 1999 года, и за эти пару лет, Ричард использовал свои ресурсы в АНБ и ЦРУ для контроля над ним, что привело к нападению на Чечню и убийству тысяч невинных чеченских граждан, а также этнических русских."

"Почему ты так уверен, что Ричард был лично ответственен за начало Первой Чеченской Войны в России?"

"Мы нашли документы, показывающие переводы миллионов рублей старшим помощникам президента, и они, в свою очередь, убедили Российского лидера напасть на Чечню. Поверь мне, если Ричард снова хочет напасть на Россию или разрушить нацию, он не станет подрывать города, потому что у России есть серьезный арсенал, способный разрушить любую зарубежную враждебную фракцию. Если он и попытается что-то сделать — это будет попыткой заменить действующего президента на своего человека."

"Но Россияне не позволят самозванцу захватить управление страной," - Протестовал я.

"Кандидат, которого Ричард номинирует на пост президента, будет кровавым россиянином, показывающим фальшивый и яркий патриотизм, любовь к родине, но будет позволять зарубежным агентам проникать внутрь структур для уничтожения нации."

"Я не хочу верить в то, что Ричард столь силен."

"Пришло время поверить, потому что, возможно, ты слишком молод, чтобы помнить об этом, но я был младшим офицером ЦРУ, когда Советский Союз решил направить армию в Афганистан."

"Ты говоришь о войне 1979 года?" - Спросил я.

Работник Министерства Обороны ракетных войск кивнул. "Да, и по началу, Соединенные Штаты не хотели участвовать в ужасной разрухе, сохраняя нейтралитет между Афганом и Советами, но вскоре, пришли надежные развед данные, показывающие, что третья сторона платит миллионы долларов лордам афганской войны, торговцам наркотиками, которые покупали нелегальное оружие, а также издевались над афганскими гражданами и убивали советских солдат. Затем, мы решили вмешаться и начали тренировать моджахедов, потому что на тот момент, моджахеды были разумными, но не очень жестокими. Конечно, на тот момент, мы не знали, кто платит лордам афганской войны. Лишь через несколько лет Государственный Департамент узнал, что афганских лордов спонсировали деньгами Ричарда."

"Ричард участвовал в стольких конфликтах?"

"Да." - Подтвердил Кайл. "Но самое ужасное, это то, что он приказал и заплатил некоторым чиновникам в российском правительстве бомбить Чечню, некоторые источники сообщили, что Ричард приказал нескольким воздушным бомбардировщикам убедиться в том, что миллион чеченцев погибнет. Мы не понимали, почему он так ярко хотел смерти чеченцев, но, когда ты упомянул свою связь с Грозным, все начало вставать на свои места." - Сказал Кайл задумчиво.

"Я не знаю ничего о Грозном и Чечне. Я даже не знал, что у меня там есть родные, лишь то, что моя мать родилась там, и у нее были родственники в городах Чечни." Мой голос постепенно затих.

Было ужасно горько осознавать, что родину моей матери уничтожили из-за меня. Кайл был занят своими компьютерными делами, поэтому я тихонько вышел из его офиса и поспешил вернуться в свою квартирку. Я добежал до верхнего этажа и попытался скрыть тяжелые слезы ото всех вокруг. Почему я всегда был причиной стольких разрушений?

Не было смысла в страданиях стольких невинных людей из-за моих ошибок. Если Ричард злился на меня, почему он просто не убил меня, зачем ему было вредить стольким людям на моей родине?

Когда я перезахоронил тело моей матери на кладбище ее семьи, я поставил небольшой крест из уважения, но на сердце было тяжело и грустно. Я хотел поставить нормальное надгробие с огромным крестом на могиле моей матери, но это было бы слишком подозрительно. Тем не менее, тайна стала известной.

Не стоило переносить останки моей матери в Грозный. Это оказалось фатальной ошибкой, потому что Ричард преследовал меня, и узнал о корнях моей матери. Затем, он решил навсегда уничтожить

эту территорию, и дважды, он нанимал наемников для нападения на местность российской границы для убийства всех граждан Чечни.

Мой разум онемел из-за усталости и боли, я чувствовал себя бессильным, решил пойти в красный угол квартиры, где долго плакал. Если жизнь означала подобные мучения и грусть, то жить дальше я не хотел. Я надеялся на скорую смерть, и даже хотел бы, чтобы меня запытали до смерти, чтобы я очистился от всех своих грехов и ошибок. Я хотел пойти на улицу, чтобы меня там убил случайный убийца, чтобы моя душа смогла упокоиться.

Я потерял душу, спасая мир.

Я потерял свое тело, сражаясь.

Апрель 2007 года

Я возобновил свою деятельность по борьбе с международными преступными синдикатами, которые норовили начать новые войны. Я узнал о существовании трех производителей оружия, которые готовили крупные партии оружия в Европу и Азию. Мой информатор, работавший в офисе Ричарда, прислал мне закодированное сообщение. В загадочном сообщении упоминалось, что отчим Ирины контактировал с генеральным директором одного из производителей оружия, а также встречался с лидером оппозиции в Пакистане. Я решил сам проследить за Ричардом, чтобы узнать о его скрытых планах. Я поменял личность его шофера и заменил его на Дастина, пока переодевался в официанта ресторана, куда он направлялся. Я подключил к посуде прослушивающее устройство и записал разговор, который Ричард вел со своими партнерами в течение обеда.

Неделей ранее я получил срочное сообщение по международной горячей линии. Депутат Госдумы сообщил мне, что несколько американских самолетов нарушают государственную границу Российской Федерации, и РВС не потерпит такого нарушения международного воздушного пространства. Однако американские генералы, с которыми я переписывался, отрицали тот факт, что американские военные проводят какие-либо учения в этом районе. Он предположил, что российская разведка ошибается, но я знал, что этому есть другое объяснение. Кто-то использовал американские самолеты для того, чтобы спровоцировать реакцию России, а это, в свою очередь, спровоцировало бы долгожданную военную конфронтацию.

Я поспешил сообщить моему информатору в ГУ, что американские самолеты возле их границы были приманкой, которую

использовал австро-венгерец. Руководство Главного управления Генерального штаба ВС РФ подтвердило мое заявление и вскоре отозвало семь российских истребителей Су-27, которые пошли на перехват американских разведывательных самолетов над Черным морем. В очередной раз я почувствовал облегчение от того, что предотвратил ядерную войну, но мое терпение ослабевало. Сколько еще попыток Ричард должен предпринять для того, чтобы подтолкнуть два великих государства к войне? Его одержимость Россией с каждым днем становилась все более выраженной. Хотя мне надоело бороться и останавливать войны, но, как вскоре я узнал, у отчима Ирины были другие планы.

Я вспомнил шквал выстрелов. Я вернулся в прикрытие, чтобы дать себе время сбежать. Воздух вокруг меня был наполнен осколками металла и огнем. Быстрые всплески пулемётного огня, я думал с ужасом. Я бросился в траву и начал ползти. Стрелок, должно быть, потерял меня из виду, потому что пули больше не летели в мою сторону. Мой рот был наполнен грязью, когда я прижимал свое тело к мягкой земле и увеличивал расстояние между собой и нападающими. Но в бешенстве я не смог опознать нападавших.

"Это была группа убийц, Дастин, - сказал я хакеру после того, как едва выбрался из парка живым. - Они ждали меня. Я не знаю, как мне удалось сбежать".

"Думаешь, ты был целью?" - хакер, похоже, волновался.

Я кивнул: "Я хочу их допросить. Можешь взломать камеры в парке и узнать, какой участок их забрал?"

"Да, дай мне минуту, - Дастин яростно начал наживать на клавиатуре и показал красный треугольник на карте. - Согласно полицейским отчетам, копы арестовали стрелявших. Один из нападавших был госпитализирован с опасными для жизни ранениями".

"Было два стрелка", - напомнил я ему.

"Да, другой находится под стражей в ЦРУ. Они допрашивают его."

"Напишите мне адрес здания Агентства", - я сказал Дастину и направился к своей машине.

Офисное здание Агентства, в которое я приехал, было замаскировано под брокерскую фирму "Страховая Аналитика". Мой пропуск в АНБ дал мне доступ мимо стойки регистрации. Меня сопровождал вооруженный охранник.

Я остановился возле многоэкранного монитора в помещении. Заключенного допрашивали, а точнее, на него кричали очень грубо.

"Эй, Фрэнк, - сказал я, читая имя охранника на его бейдже. - Кого они избивают в камере?"

"Человека, который стрелял в тебя, - охранник расплющил его губы насмешливо. - Он получает то, что заслужил".

Я смотрел на записи с камер наблюдения с разных углов из комнаты для допросов. Двое мужчин в балаклавах неоднократно использовали свои кастеты, чтобы наброситься на заключенного. Я заметил кровь, стекающую с его лица.

"Где он сейчас?" - я спросил охранника.

"Мы держим его в нашей подземной камере. Его допрашивают, пока мы с тобой говорим, - он увеличил одно из видео. - Вот, эта камера подает сигнал из камеры допроса".

"Агентство уже идентифицировало его?"

"Да, на самом деле интересно, что они нашли. Он - русский. Но что касается того, с кем он связан, мы понятия не имеем".

Я изучал сутулую фигуру. На камере была видна только левая сторона его лица, но я знал, что уже видел этого тучного человека с медными волосами.

Я посмотрел на офицера ЭПО: "Дайте мне код от двери лифта. Я зайду."

"Куда? - офицер службы безопасности стоял на своем. - Моя работа - обеспечить безопасность заключенного".

"Черт, мне нужно с ним поговорить, - я так громко сорвался, что он сделал шаг назад. - Сейчас".

Я знал, что ЭПО существуют для защиты сотрудников ЦРУ, объектов и заключенных, но у них не было полномочий препятствовать мне в допросе заключенного.

Я взял карту с магнитной кодировкой у офицера ЭПО и вставил ее в считывающее устройство в панели управления лифтом. Доступ на подземные этажи был ограничен для обычных оперативников.

Я нашел комнату для допросов и приказал двум мужчинам уйти.

Заключенный выглядел тяжело раненым.

Я чувствовал, как слезы заливают мои глаза, когда увидел его плачевное состояние. Заговорщики-русофобы в американских спецслужбах довели свою политическую рациональность до логического конца и во всем, что пошло не так в западном полушарии, винили КГБ. Это позволило им несколько демонизировать российское население и относиться к заключенным с полным презрением.

Агенты ЦРУ, проводившие допрос, проделали тщательную работу. Два передних зуба заключенного пропали. Один был сломан. Его нос был почти разбит. У него было сильное кровотечение из правого глаза. Я не знал, было ли у него нарушение зрения.

Я представился. Когда он услышал мой голос, он поднял лицо.

Он выглядел знакомо! Тогда я вспомнил...

Это было в начале 1970-х.

Я жил в полуразрушенном здании, в котором жило более пятидесяти сирот.

Жизнь была на грани износа.

Прошло больше года с тех пор, как я неохотно стал называть этот приют своим домом. Приближался мой тринадцатый день рождения, и я жаждал, чтобы жизнь изменилась ради меня. Я был подавлен, несчастен и зол. Ничего не происходило так, как я хотел. Голод был моим постоянным спутником.

Было воскресенье. Я знал, что в трех километрах к западу от меня будет ярмарка. У меня вообще не было денег, но мысль о том, что я нахожусь внутри огромного открытого рынка, заставляла меня нервничать. Я собрал всю свою теплую одежду и надел все вещи слоями. Потом я отправился на поиски.

Когда я приехал на ярмарку, местные фермеры и пекари устанавливали небольшие импровизированные палатки над обледеневшей землей. Я увидел человека, таскающего крытую тележку. Я поспешил к нему, с нетерпением помогая ему толкать колесную тележку впереди других. Там я увидел самые восхитительные вещи, обернутые в бумагу: бублики, курганы *куличей*, традиционный православный хлеб, а также пирожки с мясом. После смерти матери я никогда не видел такой пищи. Я чувствовал сладкий аромат хлеба, блуждающего вокруг меня, и не мог не вспомнить дни забытого детства в Лондоне. Я всегда так много ел. В моей начальной школе каждому ученику давали булку. Часто школьный учитель предлагал нам печенье и пирожные. Мне никогда не приходилось проводить день в голоде. Но как только меня отослали из Лондона, еда стала роскошью.

Теперь, в замерзшей русской деревне, я с нетерпением стоял вокруг продуктовых ларьков, надеясь, что кто-нибудь предложит мне кусок хлеба или кусок вяленой рыбы. Я ждал несколько часов. Я слонялся на ярмарке до вечера. Боясь, что стемнеет, я набрался смелости и подошел к мужчине средних лет, который продавал хлеб. Я попросил его дать мне маленький кусочек хлеба, объяснив, что у меня нет с собой наличных, но он плюнул в меня проклятием и предупредил, чтобы я держался подальше.

Я чувствовал себя ужасно, когда со мной так по-хамски обращались. Уничтожение от пекаря разозлило меня настолько, что я стал еще более отчаянным. Я был голоден и весь день ждал куска хлеба. Теперь я взял то, за чем пришёл. Я не хотел возвращаться в приют с пустыми руками. Я готов был украсть буханку хлеба, когда мужчина отвернулся. Я сидел на пальцах ног, смотрел с тревогой.

Раньше я никогда не задумывался о том, чтобы брать вещь без разрешения владельца, так воспитывала меня моя любимая мама, но мне бы хотелось описать, как я себя чувствовал. Голод был ужасный, и если бы кто-то этого не чувствовал, то я не думаю, что когда-либо смогу объяснить, насколько ужасно больно это может быть. Я был подростком, на грани голода. Холод и одиночество были моими постоянными врагами. Ужас смотрел на меня со всех сторон. Голод угрожал стать моим палачом.

Когда вечернее небо потемнело, я заметил, что пекарь упаковывает свой товар. Это был шанс, которого я ждал. Я склонился и притворился, что подметаю мусор с пола. Потом я взял длинный кусок хлеба и спрятал его в куртку. Это была узкая буханка, около десяти сантиметров в длину. Я собирался вернуться в детский дом, когда вспомнил о своих друзьях и юных товарищах, которые тоже страдали от невыносимого голода. У них тоже не было ничего поесть. Одной тонкой буханки хлеба мне хватило бы, но не хватило бы на всех нас. Было бы жестоко наслаждаться хлебом в одиночестве, поэтому я вернулся, чтобы украсть еще пять кусочков хлеба. Я представил себе, что мы могли бы нарезать каждый из них на десять средних кусков, и все пятьдесят детей смогли бы поделиться им.

В этот раз было труднее подойти к тележке с хлебом. Владелец упаковывал его в аккуратные кучи внутри тележки на колесах и прикрывал простыней. Я подошел сзади, но мужчина подозрительно посмотрел на меня. Я подумал, не заметил ли он, что уже пропал хлеб. Я просунул руку в простыню и бесшумно взял еще две буханки хлеба. Вдруг друг владельца тележки, который стоял позади меня, закричал. Он увидел, как я краду хлеб, схватил меня за воротник пальто и потащил к пекарю. Он схватил меня и обыскал карманы моей куртки. Увидев, что я взял пять буханок хлеба, он начал пинать меня и яростно кричать. Пришли другие владельцы магазина, прокляли меня и вырвали хлеб из моей руки. Они потащили меня за волосы и бросили на обочине дороги, прежде чем уехать со своей повозкой. Мои глаза горели горячими слезами. Я не знаю, что было больнее: боль от их побоев или унижение от того, что меня обзывают самыми гнусными именами. Люди рычали мне в ухо. Они называли меня ублюдком, вором, педиком и другими словами, которых я даже не понимал. Я не мог сказать, что хуже: боль от голода, от оскорбления, что мне приходится жить в голодной среде, или от того, что со мной обращаются хуже, чем с животным.

Те, кто избивал меня, не понимали, что буханка хлеба – это мое будущее. Я ждал ее несколько часов. Всё утро я мечтал о возвращении в детский дом, с мягким хлебом. Теперь, я был абсолютным неудачником. Я чувствовал себя хуже, потому что на мгновение оставалась надежда. На несколько минут я поверил, что у меня

получилось, но боль усилилась. У меня отняли всё. Меня трясло от гнева и боли. Все мое тело болело. Голова постоянно пульсировала. Я дрожал так сильно, что зубы стучали. Потом, не успев остановиться, я разрыдался.

Прошло много времени с тех пор, как меня избивал отец. В детстве он самым суровым образом наказывал меня за малейшие нарушения и не разрешал мне есть. Если я приходил домой поздно из школы, отец бил меня своим ремнем или любой другой посудой, которую он мог найти на кухне. Он приказывал мне не есть, а также приказывал маме ничего не давать мне. Если она не слушалась его и пыталась подсунуть миску с кашей в мою комнату, он бил ее так сильно и бил головой об стену, что я боялся, что она не выживет. Но это было давно. Я думал, что те дни мучений никогда не вернутся, но я ошибался. В этот день, когда меня еще раз заклеямили как злого ребенка и унизили, эти детские воспоминания вернулись снова. Боль стекала вниз по моему телу, снова.

Я обнял ледяную землю и истерически плакал. Я проклинал себя, свою ужасную жизнь, свою недобрую судьбу. Я не знал, кого призвать в этот час горькой беспомощности. Я плакал о своей матери. Я звал ее. Почему она оставила меня одного в этом ужасном мире? Почему она не могла быть жива для меня? В безумии отчаянной ярости я почувствовал безумную необходимость умереть. Я решил всю ночь продержаться на холоде, пока не замерзну до смерти. Поблизости было озеро. Я не умел плавать, поэтому подумал о том, чтобы прыгнуть в ледяные воды и утонуть. Я хотел, чтобы Бог убил меня. Я кричал вслух свои молитвы, когда говорил Богу, что не хочу жить в этом мире, и так как я не мог покончить с собой, я потребовал, чтобы он сразу же забрал мою душу. Я никогда в жизни не желал ничего так пылко. Я никогда не молился так искренне во имя умереть, потому что знал, что мне будет лучше жить на Небесах.

Даже если бы мне пришлось покончить с собой, это того стоило бы. Как бы ни злился Бог на меня за то, что я бы покончил с собой, он никогда не смог бы ненавидеть меня так же сильно, как эти люди, презиравшие меня. Я был уверен, что какой бы ужасной ни была загробная жизнь, она никогда не может быть столь же пустынной или болезненной, как эта, которую я проживал. Я понял, что лучше бы я был мертв и похоронен - забыт всеми теми, кто видел во мне обиду, кто считал меня грязью на углу прилегающей улицы.

Я ничего не для кого не значил. Моей матери больше не было в этом мире. Она была единственным человеком, который любил меня безоговорочно. Для всех остальных я был нежеланным, никем, нелюбимым и никому ненужным. Им было противно мое существование. Без меня они были бы счастливее. Мир был бы лучше без меня.

Со свежим порывом сожаления я понял, что никогда не приносил ни счастья, ни пользы в жизни окружающих меня людей. Я не мог помочь своей матери, которая страдала до самого горького конца. Я подвел своих сверстников в приюте и не смог принести им даже черствую буханку хлеба. Нет, я приносил только боль и разочарование своим близким. Теперь я больше не хотел оставаться в живых среди незнакомых людей, которые не любили меня или жалели.

Была ночь. Я не спал, плакал в холодную, беззвездную ночь, ожидая смерти, умоляя Бога дать мне умереть с миром. Я не помню, как я засыпал, должно быть, я упал в обморок. Когда я проснулся, уже почти рассвело. Знакомые лица сгрудились надо мной. Я чувствовал, как тепло просачивается в мое сердце. Мои товарищи были здесь. Дети из приюта нашли меня! Я был так слаб и бредил, что не мог ходить идти. Мое тело болело, и я бесконтрольно дрожал от высокой температуры, поэтому старшие дети помогли мне вернуться в дом. Сироты рассказали, как они искали меня всю ночь, когда заметили мое отсутствие.

Как только я отдохнул, мои сверстники обнаружили, что у меня высокая температура. Меня тошнило, и я не мог есть даже маленький кусочек еды. Моя температура не понижалась. Дети волновались. У них не было денег, чтобы купить мне лекарства, что могли бы снизить мою температуру. Некоторые из моих ближайших друзей прятали от меня свои пухлые глаза. Они не хотели, чтобы я видел их слезы. Мое сердце опустилось в пятки, я знал, что они боятся худшего; что я могу умереть. Они не хотели, чтобы со мной что-то случилось, потому что знали, что я всегда старался за ними присматривать. На следующее утро к моему другу Дмитрию пришёл посетитель. Его бабушка приехала навестить его. Он завел бабушку внутрь и умолял ее купить мне лекарство от моей лихорадки. Добрая старушка потрогала мой жгучий лоб и согласилась. Она поспешила в местный магазин и купила мне лекарства от температуры и сок. Мое здоровье резко улучшилось после того, как я принял лекарство. Я был обезвожен на протяжении следующих трех дней.

Если бы не бабушка Дмитрия, я бы наверняка умер от инфекции, лихорадки или голода, но меня спасли мои русские друзья. С того дня я вновь ощутил любовь к детям этого сибирского государственного приюта. Товарищество среди детей в моем детском доме было поразительным. Я принадлежал им. Они любили меня, как родного брата.

Надежда

Я надежды питал
Что любимая снова вернется.
Что поверит она
И на нежность мою отзовется.

Но того я не знал
Что незримою властной рукою
Отнимают сердца
Всех кто в связке по жизни со мною.

Все, кого я любил,
Иль ушли или боль испытали.
Откликаясь на зло
Ненавидели и презирали.

Я трудился как мог
Накопил я богатство и славу
Но к чему мой итог,
Если я проиграл в самом главном.

Потерял свою мать,
Не успел исцелить ее боли.
Чтобы счастье ей дать
Не хватило мне дней моих вольных.

Что в богатстве моем,
Коль нельзя воскресить мою маму.
Не вернут мне ее
Ни биткоины, ни виллы, ни замки.

Этих дней не вернуть
И нельзя изменить то, что было
Я хотел бы создать лучший путь
Если б Благо меня посетило.

Мое путешествие по жизни и любви

Я был так одинок -
лишь пятно на заснеженных землях России.
Я от боли продрог,
Та тоска мне была не по силам.
Я почти что забыл
Окруженный морозом, снегами
Что любимым я был,
И безумно скучал я по маме.
Вдруг остался один
Я отвержен семьей и страной.
Дико больно в груди
Нет ни тени надежды со мною.
В детском доме влачил
Приговор своей мытарской доли.
А вокруг палачи,
разрушение тела и воли.

Каждый день я встречал
Безнадежным и грустным как пленник.
О конце вопрошал,
И о смерти молил на коленях.
Моя жизнь как тюрьма,
Я москвич, одинокий в России.
Не сойти бы с ума...
О спаси меня, Боже всеильный!

Ни кола, ни двора.
Я унылый беглец в этом мире.
И к другому ушла
Моя нежно любимая Ира.
Словно яда стрела
Мое сердце пронзила измена
Как змея проползла
Источая отраву по венам.
Одного за другим
Отобрали друзей и невесту
И отчаяньем гоним
Я нигде не нашел себе места.

Я просыпался каждое утро и напоминал себе, что есть люди, которые меня очень любят, и мне придется жить ради них. Я должен был бы повзростеть и попытаться дать им лучшую жизнь. Каждый раз, когда жизнь хмурилась надо мной, я напоминал себе, что было бы эгоистично умирать, когда во всем мире есть беспомощные люди, которые ждут, что однажды кто-то их спасет или поможет.

Серьезности того страха, с которым я сталкивался каждый день, было достаточно, чтобы заставить самое сильное сердце разрываться, но у меня было кое-что достаточно прочное, чтобы разрушить Лагерь - я знал, что моя мама любила меня, мои друзья в приюте заботились обо мне. Несмотря на ужас и страдания в моей жизни, я вынужден просыпаться каждое утро и видеть бесчувственные лица инструкторов, которые учили нас убивать по команде, я держался за надежду, что переживу это испытание.

Но я не покинул Лагерь невредимым. Отнятие жизни у другого человека было более болезненным, чем можно себе представить. Несмотря на то, что бывший Полковник черного операций КГБ заверил нас в том, что целыми, которые нам были назначены в операциях по ликвидации, были профессиональными преступниками, мое сердце билось в боли каждый раз, когда мне приходилось нажимать на курок. Для меня было бы гораздо проще покончить со своей жизнью, чем убить человека.

В камере ЦРУ, где проводились допросы, я с удивлением смотрел на избитое лицо перед собой. Это *был* он.

Заключенным был не кто иной, как мой дорогой друг Дмитрий.

"Дима! Это правда *ты*?" - мои губы дрожали, когда я пытался сохранить самообладание.

Мужчина посмотрел на меня своими опухшими глазами.

"Как ты здесь оказался? - лопался я от любопытства. - Что случилось?"

"Я не буду с тобой разговаривать, - он выплюнул эти слова, прежде чемстонать от боли. - Ты предатель!"

Мои глаза так быстро расширились, что у меня болели мышцы лица: "Что ты говоришь, Дима? Я твой друг, помнишь? Мы были в приюте вместе. Твоя бабушка спасла мне жизнь".

"Ты *был* моим другом, - холодно ответил Дмитрий. - Теперь ты предатель".

"Почему ты так говоришь?" - слезы вот-вот собирались пролиться на мои щеки. Мой друг детства ненавидел меня. Мои раны и страдания начали напоминать о себе.

"Они сказали нам, что ты мертв, - наконец-то сказал Дмитрий. - Что ты умер в тюрьме после того, как тебя поймали. Но все это было

ложью. Я узнал, что когда ты покинул детский дом, ты стал шпионом и приехал в эту страну, чтобы продать свою Родину. Теперь ты служишь ЦРУ и предаешь свою страну. Когда мы были детьми, я верил в тебя. Ты помогал нам. А теперь ты всего лишь раб своих американских хозяев".

"Дима, тот, кто рассказал тебе все это обо мне, это ложь. Посмотри на меня! - я умолял своего друга. - Я совсем не изменился. Я все еще люблю тебя и других детей, которые были в приюте. Мы были как братья. Почему ты меня так ненавидишь?"

"Я не ненавижу тебя, - ответил Дмитрий. Он посмотрел на меня беспокойными глазами. - Мне жаль тебя. Ты обманул даже самого себя, чтобы поверить, что ты праведен, когда все, что ты делаешь, это служишь своим американским благодетелям".

Я сел на металлический стул и заглянул ему в лицо: "Хорошо, скажи мне, Дима, кто рассказал тебе все это обо мне?"

Моя друг громко вдохнул, прежде чем наконец-то ответил: "Мне было шестнадцать, когда я навсегда покинул приют. Это было через несколько месяцев после твоего исчезновения. Я не хотел быть там без тебя, поэтому бродил по улицам в поисках работы. Потом я присоединился к охранной компании, чтобы стать ночным сторожем. Все шло гладко, пока однажды на работе не появился человек. Он говорил со мной на ломанном русском".

"Кем он был?" - я спросил.

Дмитрий покачал головой: "Он никогда не говорил мне своего имени. Он был немного коротышкой, носил очень дорогой костюм и галстук".

Я без раздумий пролистал фотографии своего телефона и держал его перед ним. "Это он?" - я спросил, показывая недавнее фото Ричарда.

Челюсть Дмитрия слегка опустилась: "Да, но у него было меньше седых волос".

"Что он от тебя хотел?"

"Он рассказал мне все о тебе, - сказал Дмитрий. - Он сказал, что ты предатель и работал на американцев, чтобы убить русских граждан".

"Это неправда, - сказал я. Мой голос хрип. -Он лгал тебе, Дима. Человек, о котором ты говоришь, пытался разрушить мою жизнь".

"У него были доказательства, - настаивал мой друг. - Он показал нам фотографии вас в Америке, живущих счастливо".

"О чем он просил тебя, Дима?"

"Он не должен был просить! Он сказал, что я могу все исправить и отомстить, а потом отвез меня в тренировочный центр. Там были и другие дети из нашего приюта. Нас учили стрелять, драться".

"Что Ричард заставлял тебя делать?"

"Он сказал, что наша миссия состоит в том, чтобы остановить тебя, - бесстрастно сказал Дмитрий. - Я вызвался быть в ударной команде, чтобы убить тебя сам. Этот человек рассказал нам обо всех ужасных вещах, которые ты сделал против нашей страны".

"Он лгал тебе, Дима, и он лгал всем детям, которые тренировались с тобой, - мой голос ломался, когда я умолял Дмитрия понять. - Я никогда не предавал Россию. Мне пришлось кое-что сделать, чтобы выжить - я даже не могу сказать, что это было, потому что это государственные тайны, но, пожалуйста, поверь мне, когда я говорю, что люблю Родину так же сильно, как и ты, и я никогда, никогда никому не причинил бы вреда".

Дмитрий смотрел на меня опустошенными глазами. Я был шокирован, видев, что в этих круглых глазах нет тепла, которое я помню из моих дней в детском доме. Я встал, чтобы уходить.

Перед тем, как открыть дверь, я повернулся и снова обратился к нему: "Дима, ты когда-нибудь спрашивал себя, почему человек по имени Ричард таинственно нашел тебя и хотел сделать из тебя убийцу?"

"Он сказал, что мы знаем тебя лучше всех, так что мы сможем выследить и убить тебя".

Я жалко засмеялся: "Нет, я знаю того человека, который нанял тебя. Он давно пытался убить меня, но так и не смог. Все убийцы, которых он посылал за мной, оказались либо мертвы, либо арестованы. Знаешь, почему? Потому что меня учили лучшие бойцы, и они учили обнаруживать и избегать врагов. Но знаешь что? Ричард также хорошо меня знает. Он знает, что я никогда не причинял боль тем, кого люблю. Что бы они ни делали, я никогда не стреляю в своих друзей. Так вот откуда ты пришел, Дима. Думай!"

"Я не верю в это".

"Это правда. Спроси себя. Почему все, кого готовили убить меня из одного и того же приюта? Ричард изучал мое прошлое. Он нанял моих старых друзей, чтобы они пришли за мной, потому что он знает, что даже если бы ты или другие дети из приюта стреляли в меня миллион раз, я бы никогда не нанес ответного удара".

"Тот человек сказал, что ты убил много русских", - сказал Дмитрий, с меньшей убежденностью.

Я полностью вытер слезы, прежде чем говорить: "Ты был у меня на виду в парке, когда ты обсыпал меня пулями из пулемета. У меня была возможность выстрела, но я его не сделал. Другой стрелок - я повредил ему левую руку, чтобы он не смог меня застрелить. Но я не убил никого из вас, не так ли?"

Не дожидаясь его ответа, я бросился из камеры вон и направился обратно в свою резиденцию.

Я ворвался в компьютерную лабораторию Дастина и подошел к его столу: "Мне нужна твоя помощь, и она нужна мне срочно".

"Ух ты, кто-то умирает?"

"Зайди на сервер ЦРУ и достань мне журналы тюремных переводов".

Русский хакер вздохнул: "Ладно, как бы мне не нравилось притворяться, что я все знаю, взломать ЦРУ не так уж и просто".

"Просто сделай это. Узнай, куда перевели Дмитрия".

"Зачем?" - Дастин оттолкнулся на своём вращающемся кресле.

"Я собираюсь вытащить его".

Я услышал резкое дыхание Дастина: "Минуточку, разве это не он пытался застрелить тебя и превратить в рубленый мясной фарш?"

"Его заставили поверить в ужасные вещи обо мне, - сказал я. - Поверь мне. Он не враг".

"Хотелось бы в это верить, но улики говорят об обратном".

"Дастин, он мой друг".

"Нет, он убийца, - ответил хакер. - Он хладнокровно пытался убить тебя, и сейчас он там, где ему и место".

"Дастин, ты не видел, что они с ним делают, - воскликнул я. - Черные оперативники ЦРУ объявят его террористом и заставят его исчезнуть. Его будут пытать. Агенты проведут его через самые ужасные усовершенствованные методы допроса. Я не могу просто оставить его там".

Хакер взгляделся в мои слезящиеся глаза и согласился помочь мне. В течение пятнадцати минут он вводил различные коды в свою компьютерную программу.

Потом он повернул стул: "Я нашел твоего друга".

"Они его уже перевезли?"

"Дмитрий содержится в здании тюрьмы для особо опасных преступников в Уосо. Это место недалеко от реки Висконсин".

"Хорошо. Пришли мне планы тюрьмы".

"Эй, это не так просто, - предупредил Дастин. - Согласно тюремным записям, твой друг был помещен в крыло врагов народа".

"Ну и что?"

"Это крыло максимальной безопасности, то есть вытащить его будет намного труднее, чем из обычной тюрьмы. Ты не можешь просто надеть маскировку и вальсировать. Дмитрию не разрешается ни проводить время досуга, ни гулять во дворе тюрьмы. Абсолютно никаких контактов с людьми, кроме случаев, когда охранник приносит еду на подносе".

"Просто... пришли мне план тюрьмы".

"Уже у тебя в телефоне. В случае, если ты захочешь войти, охранники заберут твой телефон".

"Я запомню схемы, - заверил я хакера. - Ты сможешь открыть ворота для меня, так?"

Дастин почесал затылок: "Этот тюремный комплекс для особо опасных преступников находится в частной собственности".

"Почему меня это должно волновать?"

"Потому что в отличие от федеральных учреждений, этот комплекс использует платное программное обеспечение для поддержания безопасности по периметру. Эти компьютерные программы с закрытым исходным кодом очень трудно взломать. Я не могу гарантировать, что смогу открыть все двери удаленно".

"Все в порядке, Дастин, просто открой для меня внешнее электрическое ограждение. Я справлюсь с остальным, - я встал. - О, и еще достань некоторые документы. Значок ФБР для подстраховки, и униформу тюремного охранника. Я поменяю свою личность во время операции".

Я думал, что спасение моего друга детства будет довольно простой операцией, но на каждом шагу я сталкивался с препятствиями.

Когда я прибыл в тюремный комплекс, охранники были в центре при плановом отключении, что означало, что всем заключенным, персоналу и служащим было запрещено покидать отведенные им места.

В состав боевого отряда противника входили тринадцать вооруженных охранников. Мне удалось проникнуть под видом уборщика и войти в общую зону, прилегающую к комнате наблюдения охранника. В желтой тележке, которую я перевозил, не было чистящих материалов. Она была оснащена альпинистским снаряжением в комплекте с тяжелыми парашютами, свежевывглаженной полицейской и охранной формами, а также универсальным глушителем, который служил для перенаправления звонка из тюрьмы непосредственно к компьютерному специалисту. Если бы охранники подняли тревогу или решили набрать 911, то оператор экстренной помощи стал бы Дастин.

Дверь в камеру Дмитрия не была автоматической. Пришлось использовать пропановый резак, чтобы расплавить внутреннюю часть металлического замка, прежде чем попасть внутрь. Мой друг детства крепко спал.

"Дима!" – прошептал я.

Он проснулся с самого начала. "Пожалуйста, - он хныкал. - Только не снова. Я больше не могу стерпеть боль".

"Дима, это я!" - я мягко покачал его, поднимая его на ноги.

Мой русский друг выглядел растерянным: "Что ты здесь делаешь?"

"Я вытащу тебя отсюда, - заверил я его. - Ты едешь домой".

Лицо Дмитрия замерло: "Я никуда с тобой не пойду. Ты предатель".

"Я твой друг, Дима. Почему ты этого не видишь?"

"Ты работаешь на американцев!" - он говорил громче.

Я так испугался, что он может привлечь охрану, что я умолял его выслушать.

"Я только хочу помочь тебе, и я выведу тебя отсюда, нравится тебе это или нет".

"Я не хочу никуда с тобой ехать", - повторил Дмитрий.

"Как хочешь, - сказал я, решив. – Это не твой выбор. Я люблю тебя, Дима, и я никогда не позволю тебя здесь замучить до смерти."

"Какая тебе разница?"

"В прошлом месяце два оперативника ФСБ погибли под стражей в ЦРУ. Следователи заявили, что их сердце отказало после того, как напряжение электричества, подаваемое на их половые органы, стало слишком смертельным. Я не готов к твоей смерти".

Дмитрий прищурил глаза: "Ты правда не предавал нашу великую Россию?"

Я бросил в него спрессованную форму: "Переоденься. Ты будешь охранником, когда мы будем выходить отсюда".

Мое облегчение не знало границ, когда Дмитрий наконец-то начал сотрудничать. Он поверил мне и пошел со мной до точки выхода. Спустя шесть часов после того, как я спас его из тайной тюрьмы, мой друг находился на безопасном рейсе в Москву, под другим именем, которое для него создал Дастин.

На этот раз у меня были доказательства. У меня было достаточно информации, чтобы связать Ричарда с покушением на себя.

Дмитрий подтвердил, что Ричард завербовал его и тренировал наемников. Затем он послал его за мной. Если я смогу доказать это в суде, Ричарда могут судить как террориста. Я устал смотреть на то, как он причиняет боль моим близким и использует их против меня. Промывать мозги моему другу детства было непростительным поступком. Ричард непоправимо предал мое доверие.

Я немедленно отправил копию моих улик против Ричарда в следственный отдел Лэнгли, чтобы они могли запросить у судьи ордер и обыскать собственность Ричарда. Я не мог поверить, что был настолько близок к тому, чтобы наконец-то привлечь его к ответственности, но я также испугался. Теперь, когда я был так близок, я не мог позволить ему сбежать. Я лично направился на одну из конспиративных квартир Ричарда и надеялся стать частью команды по его задержанию, которая привезет его сюда. Когда я прибыл на конспиративную квартиру, она была окружена вооруженными

людьми. Они представились полицейскими АНБ и сказали мне, что им разрешено стрелять на поражение.

Я был удивлен, увидев, что Агентство национальной безопасности так стремится захватить Ричарда, мертвого или живого. Я спросил, почему его не арестовывают. Начальник отделения сказал мне, что они получили угрозу взрыва бомбы, Ричард угрожал взорвать гигантскую бомбу, если команда зайдет внутрь.

Я знал, что так всегда работал Ричард. У него всегда был запасной план на случай форсмажора. Я надел один из пуленепробиваемых костюмов и пробрался в здание Ричарда. Я воспользовалась задним входом, Ричард лежал на патио возле его кухни.

"Джон, дорогой мальчик, мне было интересно, когда же ты придешь", - Ричард сказал, с насмешливой теплотой.

"Я здесь, чтобы вывести тебя", - сказал я.

"Когда я дезертировал из восточногерманского Штази и поступил на работу в АНБ, я был впечатлен широтой охвата этой организации. Однако у нее было слишком много полномочий. Тогда я начал эту программу черных оперативников не только для того, чтобы защитить западные части Европы, но и для того, чтобы держать организованные преступные группировки на коротком поводке".

"Ты здесь и есть преступник".

"Я бы не стал отрицать, что люди, которые служат в моем подразделении черных оперативников, похожи на наемников, но они сделали много хорошего для мира, не так ли? Посмотри на себя, например. Я сделал тебя. Я спас твою жалкую жизнь и дал тебе шанс начать все сначала".

"Ты стал негодяем, Ричард, и заставлял своих сотрудников верить, что они служили американскому народу, хотя все, что они делали, было рабством во имя твоей пользы. Эта черная оперативная группа - преступная организация, и правительство США закроет ее сегодня, - я поднял пистолет и перезарядил его. - Двигайся!"

Ричард не сдвинулся с места: "АНБ считает меня врагом США, и им плевать, если я умру".

"Я тоже! - я закричал. - Я лично передам тебя федералам. Пошли!"

Ричард скрутил свои бледные губы: "Они пристрелят меня, как только я выйду за эту дверь".

"Мне подходит такой вариант. Я не буду тебя жалеть."

"Я не выживу, как только сделаю шаг за эту дверь", - он поднял одну из своих снежно белых бровей.

"Мне все равно", - мое терпение лопалось.

"Но ты должен, - Ричард с нетерпением смотрел на меня. Его глаза были дикими от волнения. - Твоя Родина подвергнется ядерной катастрофе, если я умру".

"Что? О чем ты говоришь?"

"Я заложил бомбу в очень ценном месте, где она может нанести серьезный ущерб как людям, так и окружающей среде".

"Где ты установил бомбу? Скажи мне, - я зарядил свой пистолет и направил его к нему в голову. - Местоположение. Немедленно!"

"Если ты позволишь мне уйти, может быть тогда, я скажу тебе".

"Этого не случится. Я пристрелю тебя, если ты не скажешь мне, где в России ты заложил бомбу!"

"Пока мы сейчас разговариваем, мой помощник следит за тем, чтобы бомба была установлена должным образом".

"Где он? Скажи мне или я буду стрелять".

Ричард смеялся: "Нет, не будешь. Ты не можешь убить меня, потому что бомба, которую я разработал, связана с крошечным механизмом в моем сердце. Она контролирует мой пульс. Как только мое сердце перестанет биться, бомба взорвется, она навлечет катастрофу на Россию. Это сделает чернобыльскую катастрофу похожей больше на пикник".

"Хорошо, я не убью тебя, но я буду держать тебя запертым здесь до окончания времен".

"Это будет проблематично. Видишь ли, есть код, который я должен передать своему коллеге в России. Только я знаю правильную комбинацию. Если я не буду звонить ему каждые двадцать минут и давать новый код, он будет знать, что я скомпрометирован, и он активирует бомбу, - Ричард вздохнул. - Так что, видишь ли, у тебя нет особого выбора, кроме как сопроводить меня в безопасное место, подальше от копов".

"Лучше скажи мне код".

"Глупый мальчик, - Ричард насмехался. - Не жди, что я отдам тебе свою страховку".

"Дастин, ты это слышишь?" - я говорил в наушник.

"Да, и я пытаюсь найти бомбу, которую, по словам Ричарда, установили в Москве. У меня нет никакого сигнала".

"Почему нет? - я глубоко вздохнул, чтобы удержать пульс. - Дастин, у нас меньше двадцати минут".

Хакер, похоже, был встревожен: "Бомба не активирована, поэтому сейчас она не излучает сигнал".

"Послушай, мне нужно, чтобы ты связался со своим информатором в 32335, - я говорил своему другу, имея в виду то самое элитное подразделение по кибербезопасности ГРУ. - Скажи им, чтобы отключили все линии связи по Москве".

"Я понял, - объявил Дастин. - Но было бы отлично, если бы я знал, на каком месте сосредоточиться. Москва огромна".

"Ищи любую атомную электростанцию. Ричард упоминал что-то о Чернобыле, так что я предполагаю, что он нашел одну из них под Москвой и планирует ее взорвать".

"Подожди, кажется, я что-то нашёл. Ты прав. Мой друг из ГУ только что вышел на связь. Под Кремлем есть ядерный реактор, атомная электростанция Ильича".

"Что? Зачем российскому правительству делать ее так близко, это настолько глупо и рискованно?"

"Это государственная тайна, но бывший оперативник ФСБ сказал мне, что это должен быть своего рода резервный генератор для правительства на случай отключения электричества".

"Хорошая работа, Дастин. Теперь мне нужно, чтобы ты связался с ФСБ и сказал им, чтобы они отправили своих саперов по обезвреживанию бомб в ядерный реактор".

"Это совсем не поможет, - провокационно улыбался отчим Ирины. - Атомный реактор – это огромное подземное здание. ФСБ может провести там несколько дней, не обнаружив моей уловки. Чего ты ждешь от них? Ты думаешь они раскопают Боровицкий холм?"

Я проигнорировал издевательство Ричарда и снова обратился к Дастину: "Скажи ФСБ, что угроза взрыва неизбежна. Возможно, попытайся упомянуть Боровицкий холм. Кремль буквально стоит на нем. Но не упоминай о причастности Ричарда".

"У них будут вопросы", - предупредил хакер.

"Я знаю, но отвлеки их, пока я не смогу подготовить оправдание. Дастин, ФСБ не должны узнать правду об этом. Они не должны узнать, что директор черных оперативников США собирался взорвать Кремль. Это приведет к войне".

"Понял", - заверил меня Дастин и отключил связь.

Ричард вздохнул отчаянно: "Ты доводишь мое терпение до предела, Джон. Я советую тебе последовать моему совету и выпроводить меня отсюда в целости и сохранности. Это твой единственный шанс спасти свою Родину."

"Я нигде тебя не поведу", - решительно утверждал я. - Ты потянул за последнюю ниточку, Ричард. Ты пошел за теми, кого я любил, и ты разрушил их жизни".

"Если ты имеешь в виду метамфетаминных наркоманов, которых я спас из сибирского приюта, я должен сказать, что удивлен, что ты думаешь, что эти бродяги любят тебя".

"Они были моими друзьями, - сказал я. Мой голос надрывался. - Дмитрий был моим лучшим другом".

"Тем не менее, он жаждал быть частью группы, которая вывела тебя из игры", - Ричард самодовольно прокомментировал.

"Ты манипулировал ими, чтобы они меня ненавидели".

"Нет! Я просто сказал им правду о тебе, что ты слабый жалкий парень, который бежит от одного хозяина к другому. А что касается русских уличных бродяг, которых я завербовал, то я оказал им услугу. Я дал им новую жизнь в обмен на выполнение нескольких убийств взамен. Ты должен знать, что я очень разумный человек".

"Разумно! - я не мог поверить, что Ричард на самом деле имел в виду эти слова. - Ты забрал жизни тысяч американцев! В этом не было ничего разумного".

Ричард скрестил ноги: "Ты обладаешь многими качествами, Джон, но единственное, чего у тебя нет, так это мудрости. Ты не понимаешь, что жертвуя тысячами жизней сегодня, мы можем спасти миллионы завтра и дать нашему правительству ресурсы, чтобы оно могло спасти больше, экспортируя демократию в страны, которые тонут в бездне фанатизма. Я лично поддержал театральные постановки 11 сентября, потому что знал, что это нападение даст правительству США повод для вторжения в Афганистан, где на повестке дня стоял давно назревший план трубопровода, а также в Ирак, где у моих собственных частных военных подрядчиков было достаточно возможностей для улучшения инфраструктуры богатой нефтью страны".

"Это самая развращенная идеология, которую я когда-либо слышал."

"Все было санкционировано. - Ричард продолжил. Его лепечущий австрийский акцент становился понятным. - Эта страна становилась слабой. Нам нужна была атака такая, как 11 сентября 2001 года, чтобы напомнить людям, что они воюют, что они должны быть едины против общего врага. И это сработало. Прежде чем называть меня чудовищем, ты должен хотя бы признать, что я сделал что-то хорошее в этом мире. После того, как я пообещал свою верность Соединенным Штатам, я действительно разработал планы по улучшению этой страны."

Я попросил Ричарда встать на ноги: "Хватит! Я не хочу больше слышать от тебя ни слова. Давай пойдем ко входу, чтобы полиция АНБ могла взять тебя под стражу."

Ричард остался на своем месте: "Как я сказал ребятам из АНБ, если они попытаются убить или схватить меня, бомба взорвется. Так что, если ты не хочешь, чтобы российская столица горела в очень ядовитом пламени, ты будешь подчиняться моим инструкциям. О, и прежде чем ты подумаешь о двойном перехвате меня, позвольте мне заверить тебя, что бомба, установленная под Боровицким холмом моим доверенным помощником, не является радиоуправляемым устройством. Если бомба взорвется, я подстроил ее так, чтобы все выглядело так, как будто кто-то из Белого дома послал сигнал. Ты ведь знаешь, что это значит? Москва, или что от нее останется, будет

думать, что Вашингтон совершил враждебный акт против их страны, и они быстро нанесут ответный удар".

"Чего ты хочешь?" – сказал я грубо.

"Вот что я называю хорошими переговорами, – Ричард скручивал себе пальцы. – Я хочу, чтобы один из военных боевых вертолетов "Вайпер" был на моей лужайке перед домом через полчаса. И для страховки, мне нужно, чтобы ты вытащил меня из этого жилища".

Я так разозлился, что подумал, что у меня голова лопнет. В течение стольких месяцев я готовил дело против Ричарда, и когда я, наконец, надеялся привести его, он активировал свой план Б. Он снова принуждал меня, заставлял помогать ему, чтобы избежать правосудия.

Еще раз он приставил пистолет к моей голове, но в этот раз на кону была не моя жизнь и не жизнь Ирины. Я знал, что Ричард не блефует, когда он утверждал, что подложил бомбу под Кремль. Российское правительство действительно исчезло бы в грибовидном облаке, если бы я не сопроводил его в безопасном месте вне досягаемости сотрудников АНБ и Минюста. Это была самая трудное дело, которое я когда-либо должен был выполнить, но я должен был прислушаться к инструкции. Я передал требования Ричарда руководителю штурмовой группы АНБ, и, выслушав то, на что способен Ричард, он согласился послать за нами транспортный вертолет.

Когда пилот отступил от вертолета, я занял его место и приготовился вывести Ричарда из окрестностей. Он приказал мне посадить его недалеко от Лос-Анджелеса. Я знал, что как только он войдет в аэропорт, я потеряю его навсегда, но я сдержал свое разочарование и позволил ему сойти с трапа возле взлетно-посадочной полосы. Прежде чем Ричард вышел из вертолета, он повернулся ко мне и со всей силой ударил кулаком в лицо. Я все еще держался за управление и не мог уклониться достаточно быстро.

Он ударил меня еще сильнее и яростно закричал: "Ты думал, что сможешь перехитрить меня? Ну, ты всего лишь слабый и жалкий человек, который думает, что может что-то изменить."

Инстинктивно я сопротивлялся, удушая его, но Ричард вслух начал задыхаться и напоминать мне, что если он умрет, то ядерная бомба под Кремлем взорвется, а если я удаленно нанесу ему вред или причину какую-нибудь травму, то он не свяжется со своим соратником, чтобы привести атаку в действие. Я внезапно отпустил его. Как только Ричард восстановил дыхание, он снова начал меня бить. Казалось, что старик теперь впадает в ярость, что я не смогу дать отпор. Как только кулак Ричарда упал мне в лицо, я попытался обеими руками отклонить его удары, прежде чем, наконец, выгнать Ричарда из вертолета.

Я едва сбежал, а Ричард исчез в одном из ангаров аэропорта.

Мое тщательное расследование последних действий Ричарда дало положительные результаты. Я опознал мужчин, присутствовавших на собрании. Один из них был американским послом в Пакистане, в то время как два других мужчины владели европейской компанией по производству оружия. Четвертый мужчина был одет в форму ВМС США. Я узнал отличия. Он был командиром СПО. Командир ВМС едва что-то сказав, только кивнул в ответ на предложения Ричарда. Отец Ирины уговаривал его переправить военный корабль ближе к Индийскому океану, чтобы он мог организовать нападение на корабль и подставить местного пакистанца для создания иллюзии терроризма. Естественно, Америка должна была нанести ответный удар, и два производителя оружия должны были быть готовы в одно мгновение поставить оружие в Пакистан, чтобы они могли использовать его для ведения войны против Соединенных Штатов. Ричард сказал им, что настало идеальное время для широкомасштабной войны, ибо люди все еще подавлены от американского вторжения в Афганистан. Генеральный директор согласился произвести в три раза больше своих обычных поставок и отправить оружие сельским жителям в районе пакистано-афганской границы.

Тем временем, я не мог найти мотив плана Ричарда. Почему этот человек так хотел начать новую войну с Соединенными Штатами? Война в Ираке и Афганистане обошлась американскому правительству в миллиарды долларов, а война с Пакистаном, который являлся ядерной державой, полностью искалечила бы американских военных. Я знал, что должен был помешать ему в реализации его плана, но почему Пакистан? Эта страна что-нибудь значила для него? Я решил провести расследование самостоятельно.

Я пошел в офис Ричарда, когда Ирины не было дома, и обыскал все тайники. Я просмотрел все его файлы. Потом в скрытой папке на его компьютере я увидел сотни фотографий. Почти все фотографии принадлежали моей названной матери и ее семье; мать и ее маленьких детей, которых я так хорошо спрятал от штурмовой группы Ричарда, но моя защита была недостаточной. Фотограф, должно быть, следил за семьей круглосуточно. Там были фотографии девушки в школьной форме, в парке, внутри торговых центров, с друзьями и, что самое тревожное, в ее собственном доме. Я подозревал, что Ричард заставил кого-то установить скрытые камеры внутри дома, но это было невозможно, потому что я нанял охрану, чтобы проверить очень тщательно дом изнутри. Электронных устройств не нашли. Я решил разгадать загадку и изучил периметр дома моей приемной матери. Я учел всех, кто жил в ее доме: мужа, шестерых детей и случайных

гостей, которые, в основном, были ее родственниками. Впервые за многие годы я лично наблюдал за жизнью приемной матери. Сейчас она постарела и носит большие платки. Должно быть, под влиянием индийского мужа она полностью поменяла свой гардероб, но от нее исходила бессознательная материнская любовь. Я набрался больше решительности во имя защиты ее дочери.

Младшая дочь русской женщины заканчивала начальную школу. Странно было видеть ребенка, свидетелем рождения которого я стал, был уже в подростковом возрасте. Ей было шестнадцать лет, она была одета как мама, но ходила пружинящей походкой, свойственной детям. Судя по ее поведению, можно было подумать, что ей не шестнадцать, а шесть. Длинный платок с узорами покрывал ее тело и волосы. Она носила украшенную традиционную тунуку и выглаженные брюки. Я был шокирован, это был индийско-пакистанский наряд.

Может быть, я все это время ошибался.

Муж русской женщины был не из Индии. Я искал место его рождения, и результат поиска в Интернете выдал зловещее место: Восточный Пакистан. Жена и дочь восточного пакистанца носили традиционные наряды. Теперь стало понятно, почему отец Ирины решил начать тотальное нападение на Пакистан. Судя по тому высокому уровню безопасности, который я поставил перед собой, чтобы защитить семью приемной матери; Ричард, должно быть, пришел к выводу, что эта семья каким-то образом связана со мной. Он специально нацелился на дочь, надеясь ударить меня по моему самому слабому месту. Я не позволю ему играть с моей жизнью. Я никогда не смог бы позволить ему или его людям забрать девочку у семьи. Одна лишь мысль об этом была ужасающей, но мысль о том, что Ричард сможет осуществить свои зловещие планы, заставила мое сердце биться в ярости, что я думал, что упаду в обморок.

Получив непосредственный опыт в промывании мозгов и сексуальной эксплуатации, я знал, на что способен старик. Он не только изуродовал мое тело, но и ввел мне женские гормоны, чтобы изменить мою пол. У мужчины не было предела разврату. Его попытка похитить мою сестру была для меня последней каплей. До этого момента я терпел его ревность, его болезненные игры, его манипуляции и даже его маленькую одержимость Ириной, но нападение на девушку или мать, женщину, которую я считал почти своей матерью и детей которой я приехал увидеть, было чем-то выше моего терпения. Я знал, что у него были связи с восточноевропейскими торговцами людьми. Не было никаких сомнений в том, что он сделает с девушкой, если ему удастся похитить ее. Ричард был способен причинить нанести ей столько вреда, что она потерялась бы навсегда; ее разум был бы пуст,

а душа - вечно страдала бы. Отчим Ирины считал меня виновным в том, что я украл у него его Ирину. Он хотел отомстить мне, украв то, что для меня было родным: младшую дочь моей приемной матери.

Отец Ирины был богат и имел контакты почти во всех правоохранительных органах мира, но я знал, что он заработал свои миллионы незаконно. Я отследил его банковские операции и обнаружил записи о том, что он перечислял огромные суммы долларов на оффшорные счета в Азии и на Балканах. Многие из тех, кто получал от него деньги, были осужденными преступниками. Я проследил его маршрут и обнаружил, что в прошлом году он встречался с одиннадцатью южноамериканскими предпринимателями, девять из которых впоследствии были заключены в тюрьму за контрабанду оружия и наркотиков.

Я собрал сотни отдельных файлов и заполнял их тем, что полиция назвала бы косвенными уликами. Я отправил копии в Министерство юстиции, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы обвинить его и наградить пожизненным тюремным заключением.

Мои усилия снова оказались недостаточными. Заместитель генерального прокурора Министерства юстиции связался со мной лично через неделю и сказал, что мне нужны реальные доказательства - неопровержимые доказательства, которые докажут вину Ричарда. Я был в растерянности.

Пятнадцать недель спустя непрощенный гость прибыл ко мне на конспиративную квартиру недалеко от Национального заповедника Ампка в штате Орегон. Я узнал этого человека, но не смог вспомнить его имени. Его лицо было знакомо, потому что я видел его в первые за несколько лет после прибытия в Соединенные Штаты. Он был партнером Ричарда в АНБ и часто присутствовал на брифингах. После того как я поприветствовал его в своем убежище, он представился контр-адмиралом Кентом Хоганом. Это было неожиданно. Человек, которого я знал еще с восьмидесятых, не был таким уж высокопоставленным военным. Он был начальником группы контрразведки Центрального разведывательного управления и консультировался с Ричардом почти по всем аспектам национальной безопасности. Эти двое мужчин казались неразлучными.

Я был поражен, когда увидел его, но это было таким шокирующим. Контр-адмирал десятилетиями занимался сбором разведанных, и найти меня ему, вероятно, было легче после того, как я попытался нарушить спокойствие, отправив по почте улики обвинения Ричарда в Министерство юстиции.

Судя по его дымчато-седеющим волосам, он был, по крайней мере, на десять лет старше Ричарда. "Я не знал, что вы все еще в строю Агентства, сэр", - сказал я ему.

"Я - нет, - контр-адмирал Хоган утверждал, расширяя глаза, налитые кровью. - Президент поставил меня во главе Национального центра контрразведки и безопасности, где я контролирую функции по охране военных сил, безопасности, правоохранительной деятельности и управлению чрезвычайными ситуациями на всех объектах, занимаемых Министерством обороны в регионе столицы. Отличная работа, если вам нравится быть прикованным к своему столу двадцать часов в сутки. Приезд в Орегон показался мне хорошей идеей".

"Зачем вы пришли ко мне?"

Человек расправил одну из своих корявых рук: "Думаю, ты знаешь ответ, сынок".

"Министерство юстиции переслало вам мою коробку с уликами", - предположил я.

Пожилой мужчина кивнул: "Однажды утром я нашёл все на своём столе, а потом узнал твоё имя. Вы с Ричардом давно знакомы, так что представь мое удивление, когда я увидел, что это ты пытаешься втянуть его в более чем двести отдельных преступлений".

Я открыл рот, чтобы объяснить свою позицию, но Контр-адмирал заставил меня замолчать взмахом своей руки.

"Когда Ричард завербовал тебя, чтобы ты работал его двойным агентом, я знал, что ты будешь очень изобретательным. И именно поэтому я отправился в это долгое путешествие, чтобы увидеть тебя, - Его лазурно-зеленые глаза светились от бодрости. - Ричард столько раз уклонялся от захвата и преследований, что Госдепартамент считает его неуловимым. Они рассматривают возможность предложить ему сделку; амнистию в обмен на имена всех его преступных партнеров".

"Каких партнеров?"

"Ты не знаешь? - Контр-адмирал Хоган расплющил свои восковые губы. - Разве ты не служил под его началом в 13-ой лиге?"

"Да, это был отдел черных оперативников Ричарда, который он работал под юрисдикцией АНБ, или, по крайней мере, это то, во что он хотел, чтобы я поверил. Я вышел, когда узнал правду. Это было прикрытием для преступной сети".

"Верно, - старик подтвердил. - Десятки офицеров ЦРУ и оперативников АНБ работали в 13-ой лиге, и ни один из них никогда не догадывался, что Ричард был мошенником. Уровень его допуска заставлял его чувствовать себя так, как будто у него есть карт-бланш для проведения несанкционированных операций. Ты был первым человеком, обнаружившим его истинные намерения, и попытался остановить его подпольные операции. Ты был единственным человеком, который был способен оставаться на шаг впереди него. Я верю, что ваш прошлый опыт в советском и восточногерманском Лагере, в качестве наемника, а позже, в качестве двойного агента, сделал вас щепетильным к мельчайшим деталям".

Как только Контр-адмирал упомянул советский Лагерь, в котором я был вынужден тренироваться и стать шпионом, мои глаза наполнились ностальгическими слезами.

Мысль о Лагере навеяла воспоминания, которые я надеялся оставить в Восточном блоке. Те годы моей жизни были похожи на жизнь в тюрьме строгого режима, за исключением того, что я был свободным заключенным. У меня была привилегия гулять по сельской местности и путешествовать по экзотическим местам, но я был связан цепями рабства. Над моей головой постоянно был подвешен топор смерти. Перед тем, как я закончил обучение, Полковник хирургическим путем имплантировал маленькую капсулу в основание моего черепа. Мне сказали, что это стандартная практика, когда всем активным агентам вживляют чип около основания головы. Как только он был активирован, мне сказали, что Лагерь может отследить мое местоположение и послать помощь, если она когда-нибудь понадобится. Это был их способ обеспечить мою безопасность. Позже, много месяцев спустя, когда я попытался сбежать и заглушить сигнал моего чипа, Дастин предупредил меня, чтобы я не делал глупостей.

Мой дорогой друг тогда просветил меня, что на самом деле содержалось в капсуле. Помимо того, что капсула является трекером, она была оснащена смертельной дозой токсичных наночастиц, которые могут быть выброшены в кровоток по усмотрению Полковника. Если бы он подозревал, что агент ушел в самоволку, он бы активировал его, мгновенно убив. Это была его страховка. Я помню, как горько плакал, когда Дастин впервые рассказал мне об этом. Полковник часто приказывал мне убивать людей, которых он считал врагами коммунизма, и я ненавидел отнимать жизни у этих жертв. Я хотел сбежать из Лагеря и уехать как можно дальше, но это не было выходом. Я не мог поверить, что навсегда застрял в этой жизни.

Меня отправили в США, когда я был еще подростком. Моя миссия заключалась в том, чтобы выдать себя за студента американского колледжа и остаться в стране в качестве советского агента под прикрытием.

Это была одинокая работа; мне постоянно угрожали отменой. В группе, на которую я работал, повсюду были шпионы. Конечно, начальник тренировочного Лагеря укоренял в новобранцах то, что мы были законными эмиссарами СССР, но это было далеко неправдой.

Лагерь, в котором я обучался, не был филиалом советского правительства. Меня вместе с тысячами новобранцев ввели в заблуждение, чтобы мы верили, что служим законному правительству. Нас посылали с подпольными миссиями по всему миру, и нам приходилось уничтожать криминальных авторитетов, военачальников и часто политиков, которые, по мнению Лагеря, могли отрицательно

повлиять на их страну. Часто наша работа требовала от нас убийств определенных людей. Нам давали подробный профиль цели. Очевидно, что люди, которых Лагерь хотел, чтобы мы уничтожили, были преступниками, которые совершили тысячи убийств или пытались подтолкнуть свой народ к войне. Устранив этих воюющих глав государств или дипломатов, моя организация считала, что они обеспечивают безопасность мира. Наша миссия заключалась в том, чтобы не допустить миру пасть в бездну разрушений, начав новую мировую войну. Я помню, как Полковник однажды сказал нам, что только за последнее десятилетие он и его коллеги предотвратили более пяти крупных войн, несколько геноцидов в Восточной Европе и Африке и обеспечили полное сотрудничество лидеров коммунистических государств в Восточном блоке с его организацией.

Как новобранца, меня отправили в Восточный Берлин, чтобы тренироваться под руководством самых опытных офицеров Штази, многие из которых были удостоены наград Второй Мировой Войны. Некоторые открыто заявляли о своей преданности прошлому нацистскому режиму, но их навыки не имели себе равных. Я научился точной стрельбе и рукопашному бою у этих людей. Через несколько месяцев после нашей подготовки многие иностранные высокопоставленные лица посещали нас и давали советы по вопросам мировой политики, а также учили нас, как стать хорошими лидерами. В то время я был еще подростком и ошибочно полагал, что те стоически настроенные мужчины, которые посещали нас, были дипломатами. На самом деле они были лидерами других лагерей. Во время обучения я узнал, что бывший Полковник КГБ, спасший меня из тюрьмы, был не единственным человеком, контролировавшим Лагерь.

Это транснациональная организация, базирующаяся в Восточной Германии и имеющая учебные лагеря в двух десятках стран. Девятнадцать директоров совместно контролировали Лагерь и решали, какие задачи будут приоритетными. Они голосовали о том, какой мировой лидер должен победить, а кто умереть.

Постепенно я узнал, кто были лидерами лагерей. Среди мужчин, которые сидели за главным столом, были директор Национальной организации противовозрывной деятельности Испании, бывший директор Разведывательной службы обороны Дании, заместитель генерального директора Разведывательной службы Аргентины, бывший глава Комитета общественной безопасности Польши, или *КДС.БП*, который отвечал за наблюдение за польскими гражданами, а также разведку и контрразведку, а остальные должностные лица были либо из КГБ, либо из Штази. Главными начальниками, которые управляли материально-техническим обеспечением Лагеря - группа, которую они называли на своих встречах *Военным Альянсом*.

В то время как ЦРУ считало его международной террористической организацией и организованным преступным синдикатом, который стремился творить хаос, но *Военный Альянс* считал, что они поддерживают мир во всем мире, контролируя национальные правительства и регулируя продажу оружия и разведданные.

Военный Альянс занимался торговлей оружием, военными тайнами, промышленной разведкой и медицинской промышленностью между европейскими странами. Министерство государственной безопасности Восточной Германии официально не являлось частью транснационального *Альянса*, но Управление государственной безопасности знало и одобряло существование Лагеря. Будучи новобранцем, я помню, как мне пришлось провести месяц под наблюдением двух командиров Штази в Дрездене. Именно там я узнал о существовании других центров вербовки. Один из чиновников Управления государственной безопасности сообщил нам, что у них есть девятнадцать полевых отделений, разбросанных по одиннадцати странам. Тайная полиция коммунистической страны имела авторитет только в Восточной Германии, но Лагерь и его руководители имели влияние на мировую сеть шпионов, предпринимателей, физиков и политиков. У Штази было досье на...

Старшие депутаты Партии социалистического единства, правящей партии Восточной Германии, открыто поддерживали тренировочные лагеря бывшего Полковника КГБ, а его новобранцы часто направлялись для обеспечения им круглосуточной охраны. Поскольку Партия социалистического единства Германии контролировала правительство и избирательный процесс и осуществляла надзор за вездесущим Штази, обеспечение безопасности руководителей партии было одной из главных функций Лагеря. Я сам должен был служить в охране председателя Госсовета. Именно во время этих миссий я узнал, какова реальная цель Лагеря. Полковник и его партнеры в *Альянсе* стремились к мировому господству, и хотя они верили, что будут обеспечивать безопасность международного сообщества, с каждой проходящей миссией я все больше разочаровывался в высокой цели этого дела. Я думаю, что переломный момент в моей убежденности наступил однажды вечером, когда двое мужчин были доставлены в наше полевое отделение в Дрездене.

Нам сказали, что это были бывшие новобранцы из Лагеря, которые передавали информацию американцам и переметнулись в ЦРУ. Я знал одного из них. Низкий молодой человек, который был весельчаком и всегда помогал новобранцам. Он был в советском Лагере, когда меня впервые нашел Полковник, он научил меня защищаться от ножевого нападения. Теперь он и его напарник стояли перед нами с завязанными глазами и в ужасе тряслись. Местный

командир Штази вызвал стрелковый отряд и расстрелял их, но не раньше, чем я смог поближе познакомиться с молодым человеком из советского Лагеря. Я хотел поговорить с ним, извиниться или хотя бы поблагодарить его за помощь, когда я был ничего не подозревающим наивным новобранцем.

Когда я приблизился к нему, я увидел, что ткань, которая была обернута вокруг его глаз, была пропитана слезами. Человек плакал навзрыд. Офицер Штази выступил с короткой речью, объяснив, что эти люди были предателями и заслуживали смерти, но всё, что я видел, это испуганного молодого человека, который надеялся выбраться из этого замкнутого круга и найти лучшее будущее в Америке. Он не был опасным или жестоким врагом. Он не заслуживал того, чтобы его застрелили, как животное, и кремировали без всяких почестей.

Я решил, что покину этот ужасный Лагерь. Я должен был как-то выбраться оттуда. Но для этого мне пришлось закончить обучение. Только лучшие новобранцы получали статус оперативного агента. Тем, кто преуспевал в боях на ножах, снайперской стрельбе, рукопашном бою, позволялось покинуть Лагерь. Я начал усердно тренироваться, надеясь завоевать доверие моих командиров и выпускников. Менее чем за два года меня повысили и отправили сначала в Париж, Лондон и, наконец, в Соединенные Штаты Америки.

Вскоре после приземления в США я начал искать способы навсегда вырваться из лап Полковника и его Лагеря. Именно в этот момент моей жизни я наткнулся на Ричарда, точнее, он нашел меня. Он представился директором Лиги 13, группы черных оперативников АНБ, Ричард предложил мне выход. В обмен на то, что стану двойным агентом и помогу ему снести все девятнадцать филиалов Лагеря, он заручился моим помилованием и предоставил мне новую личность. Я был бы свободен. Я согласился помочь ему после того, как он и его партнер АНБ Кент Хоган, показал мне сотни дел, которые доказали, что Полковник и его помощники хладнокровно убивали десятки мировых лидеров и казнили сотни своих людей, которых он подозревал в шпионаже.

Я знал, что эта информация была достоверной. Я сам был свидетелем того, как Полковник и его партнеры по Штази быстро убивали любого, кого они хотя бы косвенно подозревали в шпионаже или преступлении. Я хотел, чтобы кровопролитие пришел конец, и поэтому согласился помочь американцам.

Следующие три года я проживал тройную жизнь. Тот Лагерь знал, что я в Америке по их указанию, как агент под прикрытием в самом сердце крупного города Америки, как раз тогда я их предал.

Ежегодно председатель Совета национальной обороны Восточной Германии совместно с некоторыми кремлевскими руководителями и главными секретарями ЦК утверждали ежегодно

выделяемые средства Военного Альянса и лично встречался с Полковником и его партнерами, чтобы быть в курсе их миссии. Руководство *Альянса* будет держать Кремль в неведении относительно своей истинной цели, но внешне будет представлять собой организацию как законное разведывательное ведомство. Однако именно на этих встречах будут лично появляться тайные командиры Военного Альянса.

В течение многих лет ЦРУ и АНБ в сотрудничестве с британской разведкой пытались установить личность людей, контролировавших транснациональный "*Альянс*", но все это увенчалось небольшим успехом. Они хотели раз и навсегда ликвидировать Лагерь, но не смогли этого сделать, не определив, кто им управлял. Если бы руководителям было позволено остаться на свободе, то они просто открыли бы новый Лагерь и обучили бы новобранцев для создания другой армии. Крайне важно было определить партнеров Полковника.

По указам Ричарда и Кента мне удалось завоевать доверие Полковника и занять позицию его телохранителя. Это позволило мне получить доступ к тайным встречам партнеров, которые проходили в бункере эпохи Холодной войны в Шверине. Я незаметно фотографировал каждого мужчину и записал их разговор, чтобы черная оперативная группа Ричарда в АНБ смогла опознать их и найти местоположение их отдельных полевых отделений. Через полгода после Шверинской встречи я получил новости. Лагерь должен был быть расформирован. Американская и британская разведка совместно с офицерами связи КГБ провели массовый рейд, в ходе которого были успешно нейтрализованы все девятнадцать полевых отделений *Военного Альянса*. В ходе рейда были арестованы шесть командиров *Альянса*, но Полковнику вместе с остальными его соратниками удалось сбежать и, несмотря на всемирную охоту, их так и не удалось найти.

Как только Лагерь был ликвидирован, я был свободен. Или, по крайней мере, я так думал. Ричард и Кент сдержали свое слово и передали мне папку, которая содержала паспорт с американским именем, новое удостоверение личности и немного наличных. Хирурги военного госпиталя Уолтера Рида успешно вытащили капсулу чипа, встроенную в основание моего черепа, и мне было дано разрешение на свободное передвижение.

Но моя свобода не была слишком долгой. АНБ вскоре снова связалась со мной. Ричард лично просил меня о помощи. Он утверждал, что несколько бывших командиров Лагеря до сих пор находятся в бегах, а некоторые планируют отомстить американскому правительству за свержение их террористической организации. Ричард попросил меня остаться в Лиге 13 и помочь ему поймать Полковника и

остальных беглецов. Я надеялся, что эта задача скоро закончится, поэтому согласился помочь в поиске людей.

Месяцы превратились в годы, и миссии никогда не прекращались. Ричард хотел, чтобы я извлекал уникальные предметы, редкие артефакты, технологии химических бомб, копии жестких дисков от неизвестных людей и даже просил меня пытаться и убивать некоторых из его врагов. Через несколько лет я понял, что происходит. Это был Лагерь тот же. Я был втянут в очередную паутину обмана. Многие вещи, которые Ричард просил меня сделать, не звучали законно.

Я понял это, когда он сопровождал меня в Таллинн. Это была разведывательная миссия, он заверил меня. Мы должны были наблюдать и следовать за человеком по имени Юрий Рютель.

Ричард рассказал мне, что он был бывшим генеральным директором Службы внутренней безопасности Эстонии, но он был одним из тех, кто служил в *Военном Альянсе* и знал местонахождение Полковника и других партнеров. Мы загнали Рютеля в угол в фермерском доме недалеко от Таллинна, и Ричард взял его в заложники под дулом пистолета и попросил выдать местонахождение его друзей.

Рютель отказался предавать своих друзей. Однако Ричард был неумолим, и он становился все более нервным. Он попросил меня подождать снаружи, пока он будет допрашивать его. Я не хотел подчиняться, но решил не спорить. Я ждал снаружи, когда услышал режущий уши крик, доносящийся изнутри. Крик был похож на зов смертельно раненого животного.

Я забежал внутрь. Ричард говорил на немецком языке, выкрикивал вопросы начальнику эстонской разведки и приказывал Рютелю говорить о местонахождении золота. Я пытался понять, о чем он говорил. Ричард продолжал задавать тот же вопрос. В конце концов, Юрий Рютель уступил и описал ориентир, которая находился в Эйсмяэ, поселении на севере Эстонии. Он рассказал Ричарду, что золото было спрятано внутри надгробной плиты определенной могилы на кладбище в Харьюмаа. Ричард поспешил за картой и обозначил место. Пока его не было, я воспользовалась возможностью освободить человека. Когда я подошел к нему, я задержал дыхание. Металлический запах свежей крови обжег мою ноздрю. Что-то брызнуло на мои ботинки. Я посмотрел вниз и увидел, что наступил на лужу крови. Бывший генеральный директор эстонской службы внутренней безопасности истекал кровью с обеих рук. Я искал рану, но мои глаза отказывались верить в то, что я видел. На его руках не осталось пальцев. Они были отрезаны один за другим. Пальцы лежали в беспорядочной куче на грязном полу. Я оторвал глаза от ужасного зрелища и попытался освободить то, что осталось от рук Рютеля.

Оставался только мизинец его левой руки. У Ричарда не было времени отрезать его до того, как я вернулся.

Ричард увидел, что я делаю, и сказал мне не отпускать его. Я горел от ярости и игнорировал его приказы. Я отрезал кожаные ремни от рук и ног Рютеля и использовал свою шапку, чтобы остановить кровотечение. Я пыталась поднять эстонца на ноги, но он был слишком слаб, чтобы стоять. Когда Ричард заметил это, он вытащил свой служебный пистолет и выстрелил в беднягу. Пуля разорвалась в глазах Рютеля и вошла ему в затылок.

Я помню, как кричал на Ричарда, требуя объяснить, почему он пытал и убил безоружного человека, но Ричард насмеялся и сказал мне, что спасает мне жизнь. Он утверждал, что Юрий Рютель был опасным террористом, который был в ответе за убийства сотен женщин и детей, и поэтому его нельзя было отпустить на свободу.

В этот момент я знал, что спорить будет бесполезно. По возвращению в Соединенные Штаты я встретил еще одного человека, который знал Ричарда лучше меня. Я поговорил с Кентом Хоганом. Он знал Ричарда много лет и совместно с ним они создали Лигу 13, подразделение АНБ черных оперативников, которое проводило тайные операции по всему миру. Когда Ричард дезертировал из Штази в конце семидесятых годов, Хоган был начальником группы Контрразведки ЦРУ и направил своего друга на высшие должности разведывательного управления.

Я сообщил Кенту Хогану о том, что произошло в Эстонии, и он признался, что после ликвидации *Военного Альянса* Ричард был непредсказуем, так как постоянно пытался усилить свое влияние в мире шпионажа. По сути, он вышел из-под контроля АНБ и больше не принимал приказов ни от Министерства обороны, ни от Белого дома. Хоган опасался, что Ричард потерял равновесие и возвращается к своим прежним корням Штази.

У меня был мотив помочь Ричарду разрушить лагерь Полковника и сеть Военного Альянса, так как считал, что, как только это закончится, мне никогда не придется заниматься незаконной деятельностью и убивать политиков или гражданских. Я поклялся избегать кровопролития независимо от того, как сильно мои враги пытали или пытались убить меня. Я был полон решимости вести другую жизнь, лучшую жизнь.

Как только я увидел, как Ричард обращается со своими заключенными, я понял, что служить ему – это не вариант. Мир шпионажа не устраивал меня. Я ясно дал ему это понять. Тогда Ричард умолял меня выполнить последнюю миссию для него, но я отказался. Его подразделение захватило агента, который работал на Федеральную Службу Контрразведки, которая была более известна как ФСК. ФСК России была сформирована через несколько месяцев

после роспуска КГБ, но ее функции остались прежними. Ричард и его команда из АНБ строго допрашивали российского шпиона, пока сердце человека не отказало из-за пыток, и он не умер. Мое сердце горевало от этой новости. Это был второй раз, когда заключенный умер под наблюдением Ричарда. Я хотел подать официальные жалобы начальнику АНБ, но они отказались даже признать существование Лиги 13. Тринадцать дней спустя я услышал, что в Перми были взяты в плен два офицера американской разведки, и ФСК держала их в неизвестном месте. Через два дня после этого информатор ЦРУ, находившийся в ФСК, уведомил нас о том, что этих двух американских шпионов жестоко замучили до смерти, предположительно в отместку за смерть оперативника ФСК. Это был бесконечный порочный круг физической и душевной боли.

С тех пор я отошел от мира шпионажа и пытался вести нормальную жизнь. Я нашел любовь и уехал от Ричарда. Его падчерица Ирина согласилась жить со мной, и это доставляло мне огромную радость, но мое счастье было недолгим, потому что вскоре я начал сталкиваться с гневом моего бывшего благодетеля. Ричард был взбешен на меня за то, что я забрал у него его падчерицу. Он требовал, чтобы я расстался с Ириной и заставлял ее ненавидеть меня, но, естественно, я был против всего этого.

Я столкнулся с мрачными последствиями своего выбора. Я думал, что я достаточно силен, чтобы преодолеть любое препятствие, которое он ставил на моем пути, но я ошибался. Ричард превратил мою жизнь в ад. Он начал наращивать свою преступную деятельность и расширять свою оперативную группу в более крупную организацию. Ричард начал совершать многочисленные взрывы и перестрелки как внутри Соединенных Штатов, так и в Европе. Он так тщательно подставлял меня за многие свои преступления, что я даже не догадывался, что меня подставили. Он использовал Ирину как пешку и держал в кармане пиджака поддельные улики или оставлял инкриминирующие файлы в моем шкафу, так что когда полиция или ФБР врывались ко мне домой, они бы решили, что во всем виноват я.

Его постоянные нападения на мою жизнь возмущало меня, но я отказался брать правосудие в свои руки. В течение двадцати лет Ричард пытал и убивал сотни могущественных людей, я знал, кто его враги. Он лично казнил высокопоставленных офицеров Штази и советских разведчиков, близкие и друзья которых жаждали мести. Я мог бы легко передать его этим врагам и дать им возможность восстановить справедливость, но это не было бы законным. Я знал, что если бы кто-то из этих бывших советских агентов схватил Ричарда, они бы замучили его до смерти. И я был бы замешан в этом. Это было то, что я обещал себе никогда не делать. Если бы Ричард действительно был виновен в стольких преступлениях, я бы просто собрал

доказательства и направил их в соответствующие органы, чтобы он мог предстать перед судом.

Несмотря на многочисленные усилия, Ричарду удалось избежать поимки и наказания, подписав соглашение о признании вины с Министерством юстиции. Много раз он свидетельствовал в суде против меня, утверждая, что я совершал эти преступления. Он даже обвинил своего бывшего коллегу в ЦРУ в том, что он был двойным агентом, и подставил его за несколько убийств. Ричард также подставил одного из своих сотрудников в АНБ, который якобы пытал до смерти российского дипломата. Я знал, что это неправда. Ричард искажал правду, обвиняя своих невинных коллег в преступлениях, которые совершал он. В конце концов, он выбирался из федеральных тюрем, предлагая правительству информацию о готовящихся террористических актах на территории США. Позднее я обнаружил, что те будущие теракты, которые Ричард сумел предотвратить, были теми, которые он сам планировал осуществить в первую очередь.

В последние годы я стал все больше и больше понимать мотивы Ричарда. Его давний друг, Кент Хоган, рассказал мне, как Ричард был членом сверхсекретного транснационального Военного Альянса, но был изгнан из подпольной группы после того, как его партнеры увидели, как он выкачивал деньги на частные банковские счета в Южной Америке и Канаде. КГБ и тайная полиция Штази начали нацеливаться на его внерабочую деятельность и угрожали арестом.

Опасаясь за свою жизнь, Ричард обратился за помощью к Соединенным Штатам. Он продал своих друзей в Штази, а взамен получил иммунитет от судебного преследования и получил работу в ЦРУ. Позднее он поступил на службу в Агентство Национальной Безопасности и стал поочередно нападать на членов Военного Альянса. Его самым большим противником был бывший Полковник КГБ, человек, который спас меня из советской тюрьмы и сделал из меня шпиона.

Когда Военного Альянса не стало, Полковник потерял власть над своими восточногерманскими лагерями, а затем советское правительство начало терять контроль над коммунистической Германией. Менее чем через год после распада Лагерь была разрушена Берлинская стена, и Германия объединилась. Хотя для многих это была захватывающая новость, Ричард планировал такой исход с тех пор, как начал свой крестовый поход против Полковника и его бывших коллег из Штази. С уходом Военного Альянса Ричард смог подняться на вершину многочисленных преступных синдикатов и шантажировать их, чтобы они платили ему значительные суммы или бесплатно выполняли за него работу.

Лагерь был единственным препятствием для его преступной деятельности, потому что они упорно трудились с целью ликвидации

опасных преступников и террористов. Поэтому неудивительно, что с тех пор, как был свергнут бывший Полковник КГБ, Ричард сумел подстегнуть десятки государств к войне друг с другом. С момента падения Берлинской стены в разных зонах военных действий вспыхнуло около десятка конфликтов и погибло много людей.

Как только Ричард достиг верхних эшелонов АНБ, он создал подразделение черных оперативников для осуществления незаконной деятельности и дополнительных миссий, которые не были санкционированы правительством США. Он наживался на незаконных внутренних наблюдениях, убийствах, похищениях людей, незаконной продаже оружия и использовал эти деньги для финансирования своей сети, используя частную армию для совершения убийств за него. В число наемников, работавших на него, входили бывшие военные, мафиозные кланы и вольнонаемные убийцы со всей Европы. Он использовал свои неограниченные средства, чтобы превратить свою сеть в мировой преступный синдикат, имеющий свои базы на всех континентах. Его подразделение позволило ему построить убежища почти в каждой стране Европы и Африки.

Он использовал своих наемников-солдат для совершения политических убийств и похищений людей с целью вымогательства денег, и все это при том, что он создавал идеальный вид начальника американской разведки. Во время своего еженедельного собрания с Комитетом Сената по Разведке Ричард предоставлял им блестящие отчеты о том, как чудесным образом его подразделение черных оперативников выполняло тайные задания от имени ЦРУ. Если они подозревали его в совершении громкого убийства и поручали отделу внутренних расследований проанализировать его действия, он просто подставлял одного из директоров ЦРУ или агента ФБР по связям с общественностью в связи с этим преступлением. Ирония заключается в том, что каждый раз, когда старший офицер ЦРУ подозревал Ричарда в совершении преступления или обвинял его в финансировании террористической организации, неделю спустя его либо обнаруживали мертвым с предсмертной запиской, в которой описывалась его вина, либо его подставляли в связи с тем самым преступлением, в котором обвинялся Ричард.

Иногда я чувствую себя виноватым за свою роль в преступной деятельности Ричарда. Я невольно передал ему ключи от подпольного криминального мира, когда помог ему убрать Полковника. Когда все члены Военного Альянса были исключены из уравнения, Ричард свободно царствовал в мире мафии. Это было правдой, что Альянс часто разрешал внесудебные убийства, но они твердо стояли на том, что не допустят войны.

В течение нескольких десятилетий бывшие сотрудники КГБ и Штази держали подпольные преступные группировки под контролем

и не допускали всплеск войн в Европе и Америке, никогда не создавали фальшивые террористические организации и не подставляли других за свою деятельность, но как только группировка была ликвидирована, а коммунистическое правительство распалось, Ричард не терял времени на финансирование нескольких войн и создание фальшивых террористических организаций, чтобы сваливать вину за свою преступную деятельность на других. Он устраивал все так, что террорист с радостью брал на себя ответственность за его грязную работу. Все случайные акты насилия приписывались конкретным группам, члены которых загружали видеоматериалы в Интернет, объявляя о своей верности определенной религии или стране, унижая при этом других людей и их достоинство.

Когда контр-адмирал Кент Хоган появился у меня на пороге, я знал, что это не дружеский визит. Он не был обычным человеком. Наши пути пересекались много лет назад, когда Ричард вербовал меня для работы в АНБ.

Кент Хоган возглавлял Национальный Центр Контрразведки и Безопасности, а ранее был директором Агентства Пентагона по Защите Военных Сил. В нескольких коротких предложениях он ясно изложил причину своего визита. Нация столкнулась с надвигающейся угрозой, и Хоган подозревал, что за этим стоит его старый друг Ричард.

"Я работал с ним с 1980 года, - сказал мне контр-адмирал Хоган. - И я чувствую, что знаю его достаточно хорошо, чтобы понять, что он планирует что-то масштабное, что-то плохое, как для Соединенных Штатов, так и для их союзников".

"Зачем я вам нужен?" – сказал я.

Бывший коллега Ричарда по АНБ вздохнул: "Скажем так, наши интересы совпадают. Мы оба хотим, чтобы он ушел".

"Адмирал, если вы хотите, чтобы он ушел, почему бы просто не арестовать его?"

"Потому что это не так просто, - ответил Хоган. - У него есть информация".

"Информация?"

"Дядя Сэм не хочет, чтобы он был один. Мы хотим нейтрализовать оставшиеся его террористические ячейки. Ты слышал о его частных охранниках?" - контр-адмирал яростно нахмурился перед тем, как снова заговорить.

Я кивнул: "Блэксенд".

"Блэксенд – это только одна из многих групп, которые сейчас контролирует Ричард, - признал контр-адмирал. - Минобороны подтвердило, что Ричард либо лично создал ИГИЛ, либо заплатил кому-то за это. В любом случае, он имеет огромную долю в проекте ИГИЛ, но плохая новость заключается в том, что мы не обнаружили ни

одной из других ячеек, в которых он работает, и мы понятия не имеем, в каких странах находится половина из них".

"Должен признать, я понятия не имел, что вы живы. Ричард рассказал мне о вашей аварии на лодке. Выживших не было".

"Вот как мне удалось остаться в живых, - Кент Хоган горько засмеялся. - После того, как он убил двух наших общих друзей, я понял, что буду следующим".

"Кто они?"

"Этот забавный парень, Альфред, он был директором Национальной Разведки. Был первым боссом Ричарда, на самом деле. На следующий день после того, как Альфред позвонил мне, сказав, что верит, что Ричард стоит за взрывом грузовика в Нью-Джерси, я поехал к нему в его резиденцию в Кэмпдене. Он был мертв, когда я туда приехал. Коронер постановил, что это был несчастный случай. Очевидно, он слишком сильно превысил скорость на своей беговой дорожке, и у него случился сердечный приступ. Никакого обмана не было, но я подозревал, что это один из парней группы Ричарда сфабриковал сердечный приступ. А потом еще один мой друг, который был директором Национального Агентства Георазведки Минобороны. Он возобновил расследование в отношении Ричарда после того, как сотрудники НАГМО собрали и распространили карты и схемы, показывающие, как Ричард перевозил армию людей через канадскую границу. Неделию спустя он погиб в автокатастрофе. Я никогда не верил в совпадение, поэтому решил исчезнуть с глаз долой".

"И инсценировали собственную смерть?" – продолжил я.

"Да, я решил стать мертвым до того, как он сможет убить меня. Вот почему я все еще жив".

"Вы теперь с Пентагоном, - сказал я. - Ваши ресурсы должны быть обширными. Вы хотя бы определили страны, из которых работает Ричард?"

"Пентагон считает, что он создал базы в более чем тридцати странах. Мы знаем, что у него есть около пятидесяти доверенных сотрудников, которые контролируют эти ячейки, но мы не знаем, кто они".

"Знаем ли мы кого-нибудь из этих пятидесяти людей?"

"На данный момент Госдепартамент идентифицировал шестнадцать из них. Как его бывший коллега, я хорошо его знаю, поэтому Пентагон хотел, чтобы я возглавил поиски Ричарда. Я назначил команду, чтобы следить за Ричардом, и работаю над отслеживанием остальных его людей. Я постоянно поддерживаю связь между Министерством Национальной Безопасности и Министерством Обороны. Оба хотят покончить с этим. Они покончили с шантажом Ричарда и его головорезов".

"Он всего лишь человек, - успокоил я его. - Минобороны сможет выследить его... без моей помощи".

Контр-адмирал Хоган начал ворчать.

До того, как Хоган был назначен руководителем Национального Центра Контрразведки и Безопасности, он был начальником Группы Контрразведки ЦРУ. Именно во время своего пребывания на этом посту Ричард начал создавать свое собственное оперативное подразделение, которое он использовал для выполнения миссий, не санкционированных правительством США.

Когда он обратился ко мне, его голос был дружелюбным: "У Ричарда есть убеждение, что американский народ очень восприимчив к манипуляциям. Он неоднократно доказывал свою точку зрения, когда подставлял офицеров ЦРУ за преступления, которые он сам совершал, или нанимал наемников из своих частных фирм, и прикреплял их к своим коллегам или начальству, все это время получая повышение и похвалу".

"Я знаю столько же, сэр."

"С тех пор, как Ричард присоединился к агентству в семидесятые годы, он убеждал свое начальство дать ему полномочия нейтрализовать транснациональные сети Военного Альянса в Восточной Германии - Лагерь, как Вы его называли. Он знал вас задолго до того, как вы случайно присоединились к нам в качестве двойного агента. Ричард пытался завербовать несколько оперативников Лагеря до вас, но все они были пойманы и убиты. Вы были единственным, кто не только выжил, но и добился невозможного и уничтожил Лагерь вместе с десятками других офисов по всему миру".

"Сэр, вы говорите, что Ричард охотился за Полковником?"

"Нет, бывший Полковник КГБ не был так уж важен, - контр-адмирал Хоган отметил. - Он был одним из девятнадцати лидеров, которые контролировали эту организацию, известную как Военный Альянс. Или Альянс сокращенно. У них были секретные ячейки в более чем двадцати странах, но их штаб-квартира была расположена в Восточной Германии, о чем вы знали, так как вы сообщали, что ваше обучение проходило в основном в центрах Восточного Берлина и Дрездена. Официально Лагерь был террористической сетью, но неофициально ЦРУ знало, что ваш советский Полковник и его коллеги на самом деле пытались контролировать и ограничивать преступления в Европе. Они существовали для того, чтобы не допустить начала войны. Да, группа часто совершала убийства, которые нам не нравились, но, признаюсь, мир был более безопасным, когда они существовали. Так получилось, что правительству США никогда не нравилась идея о том, что один человек или одна организация обладают слишком большой властью, поэтому они позволили Ричарду

разбить Лагерь. Он завербовал вас и убедил помочь ему. И после того, как вы ликвидировали организацию, Ричард не терял времени на захват ЦРУ и захват командования. Он использовал файлы Штази, в которых была сохранена каждая мелочь о бывших высокопоставленных членах *Альянса*, и шантажировал их, взамен на информацию о местонахождении их денег. Он использовал эти деньги и власть для создания нескольких организаций и совершал огромное количество взрывов".

Я наблюдал тихо: "Он убедил меня, что Военный Альянс - опасная организация, которую нужно было остановить".

"Ну, он, конечно, хотел, чтобы Лагерь канул в небытие, - согласился Кент Хоган, - но только потому, что это было для него препятствием. Если бы Лагерь функционировал, Ричард никогда бы не смог совершить столько террористических актов в Азии, Европе и Африке".

"Какова теперь цель миссии, сэр?"

Контр-адмирал сморщился: "Арест Ричарда больше не является приоритетом. Госдепартамент больше заинтересован в закрытии его глобальной террористической сети. Мы думаем, что он всерьёз рассматривает возможность проведения крупномасштабной атаки на правительство США".

"Я услышал ваши опасения, адмирал, и я вижу, откуда вы, но как бы мне не нравился Ричард, я сомневаюсь, что он на самом деле будет атаковать Соединенные Штаты напрямую".

"Почему ты так думаешь?"

"Потому что я сам был в Китае. Я видел, как оперативники его охранной компании из Блэксенда распространяли свое влияние на национальный и частный военный сектор Китая. Они сотворили суперармию. Всё, чего Ричард хотел от китайцев, это чтобы они вторглись в Россию. Он до сих пор одержим уничтожением Российской Федерации. Я лично осматривал лагеря, которые он приказал строить боевикам из Блэксенда в Синьцзянском районе Китая. Он может вместить десятки миллионов человек. Он призывал Коммунистическую партию объявить войну России".

"Почему ты так в этом уверен?"

Я кивнул: "Потому что я встретился с председателем Синьцзян-Уйгурского автономного округа. Он сказал мне, что Пекин дал четкие указания. Они должны были сотрудничать с боевиками, которые работали непосредственно под руководством Ричарда, и давали указания, как действовать. Лагеря для интернированных строились таким образом, что когда китайские войска фактически вторглись бы в сибирские районы и оккупировали Амурскую область, они должны были доставить в эти лагеря миллионы российских граждан в качестве рабов. Чёрный оперативник дал чёткие указания председателю КНР

практиковать сбор органов у русских пленных и до вторжения дал им право начать экспериментировать с функциями лагерей на местном уйгурском населении".

"Вторжение в Россию - дело непростое, - начал контр-адмирал. - Как?"

"Это долгосрочный план Ричарда. Я говорил с заместителем министра Национальной Обороны Китая по административным вопросам. Он дезертировал год назад, но знал о планах Ричарда. Заместитель министра рассказал мне, что в Китае много агентов под прикрытием в Государственной Думе и Вооруженных Силах России, и десятки армейских офицеров находятся в их штате. Блэксенд окажет оперативную поддержку, когда Китай вторгнется в Россию, и любой российский гражданин, который окажет сопротивление оккупации, будет доставлен в лагерь для интернированных, построенные в Синьцзян-Уйгурском автономном округе.

"Что? Парень хочет повторить судьбу нацистской Германии, напав на Россию и поработив шесть миллионов солдат заново?" - Кент Хоган говорил с насмешкой.

"Возможно, Ричард хочет вернуть фашистскую славу, но скорее всего, он делает это, чтобы причинить мне боль".

"Причинить тебе боль? - начальник Национального Центра Контрразведки и Безопасности посмотрел на меня уничтожающим взглядом. - Объясни!"

"Сэр, не хочу показаться мелочным, но это началось после того, как я начал встречаться с его дочерью, которая на самом деле его падчерица. Ричард предупреждал меня держаться от нее подальше, но я любил ее и отказался бросить ее. С тех пор он неустанно пытается отомстить мне, нацеливаясь на моих русских друзей, подставляя их за преступления, а теперь, используя наемников из Лиги 13 для проникновения на российские оружейные склады и кражи ракет с ядерными боеголовками, только для того, чтобы подставить Россию за кучу преступлений. Теперь он хочет использовать Китай, чтобы навсегда уничтожить Россию. Все это было частью плана Ричарда. У него есть действующий офис в Шанхае, и он заинтересован в использовании Китая для оккупации и уничтожения России, используя своих частных охранных подрядчиков".

"Кто эти оперативники Блэксенда? - контр-адмирал спросил. - Наемники? Американцы?"

"Большинство из них были бывшими военными, но нет, я смог пробраться в несколько зданий Блэксенда, и то, что я увидел, поразило меня. Большинство наемников не были американцами. В основном это были ветераны Австралийских Сил Обороны. Несколько старших оперативников в Блэксенде, которые отвечали за консультирование китайской армии, на самом деле, ранее входили в состав 4-го полка

австралийских спецназовцев. Высоко мотивированные и опытные люди. Неудивительно, что они были настолько искусны в завоевании уважения военных сил Китая".

"Да, это глупо. Это подводит меня к моей первоначальной точке зрения. Поскольку Ричард, как известно, делегирует свои задачи высококвалифицированным наемникам, одного его исключения из этого уравнения недостаточно для того, чтобы остановить продолжающиеся террористические акты. Каждый из боевиков Блэксенда способен сам разжечь войну. У них есть средства, чтобы держаться в течение десятилетий, - контр-адмирал вздохнул. - Даже если мы арестуем Ричарда, он оставит достаточно людей после себя, чтобы продолжать это насилие в течение следующих трех десятилетий. Те частные фирмы, которые часто маскируются под законные компании или юридические фирмы, имеют неограниченное финансирование и связи. В их распоряжении тысячи хакеров и компьютерных программистов, способных получить доступ к Объединённой системе противовоздушной обороны Северо-Американского континента. Есть бывшие сотрудники разведки, которые пользуются привилегированными позициями в Блэксенде. Эти талантливые агенты научились подставлять невинных людей за их собственные преступления. Они учились у лучшего манипулятора, так что иногда мне кажется, что мы просто тратим время впустую, спасая людей".

"Правда, чем больше мы боремся, чтобы остановить эти войны, тем больше они возбуждаются и начинают более агрессивно готовить новые планы разжигания конфликтов, - прокомментировал я. - Кажется, мы никогда не сможем победить. Это не Ричард, против которого мы сейчас выступаем. Это организация, группа, настолько могущественная, что с ними нельзя бороться, по крайней мере, традиционным способом. Чем больше мы с ними боремся, тем сильнее они становятся".

Кент Хоган сжал свои пальцы: "Наряду с представлением России как варварской нации и русских как склонных к насилию, Ричард и его команда неустанно пытались показать миру, что Ближний Восток является террористическим образованием. Все мои источники говорят, что он лично контролирует все это".

"Я серьезно сомневаюсь, что он сейчас коснется североамериканского континента, - предположил я. - Ричард активно работает в Китае".

"Но у Пентагона есть доказательства того, что он стоял за созданием террористической сети ИГИЛ в Ираке, Йемене и Сирии", - сказал Кент Хоган.

"Его частная группа безопасности была ответственна за эту бойню, - я подчеркнул. - Они действуют как транснациональная зараза, готовят

истории, снимают кроважадные видео, загружают их в сеть и объявляют себя независимой террористической организацией. Сотрудники Ричарда делают эти вещи, используя его деньги, очевидно, но не обязательно с его благословения".

Глава Национального центра контрразведки и безопасности сжал губы: "Вот почему мы должны остановить его атаку на США".

"Какие у вас есть доказательства того, что нападение на американскую землю неизбежно?" – спросил я.

"Ну, вот в чем дело. За прошедший год отдел по контртеррористическим вопросам ФБР предотвратил три потенциальных ядерных атаки внутри Нью-Йорка и одну в Лэнгли".

"Что? Федералы вовремя прекратили атаки? Странно."

"Им помогли... Я имею в виду анонимные сообщения. Кто-то оставил сообщения на коммутаторе ФБР и дал им координаты. К тому времени, как агенты Бюро добрались туда, район был мертв".

"Мертв? – повторил я. - В смысле?"

"Подумай о том, что я только что рассказал тебе о том, что Ричард пытался повесить многие из своих преступлений на нескольких ближневосточных лидеров и членов их семей. Во время четырех попыток взрыва в прошлом году ФБР обнаружило вокруг активированного оружия трупы десятков мужчин. Первые два сценария выглядели так, как будто две конкурирующие банды пострадали от фатальной перестрелки, в результате которой все они погибли. Некоторые из погибших были опознаны как члены королевской семьи Брунея, Кувейта, ОАЭ и Са. Естественно, ФБР полагало, что эти люди контрабандой провезли бомбы в США через дипломатические уловки, но прежде чем они смогли взорвать их, все они оказались мертвы. Но Пентагон взял их дело в свои руки и решил, что это, скорее всего, подстава. Баллистические отчеты показали, что какая-то третья сторона установила бомбу там и расстреляла этих людей, чтобы создать впечатление, будто боевики с Ближнего Востока пытались уничтожить нашу страну".

"Итак, кто был настоящим преступником? Кто вообще привез ядерную боеголовку?"

Начальник Национального Центра Контрразведки и Безопасности обвел мое лицо холодным взглядом: "Прежде чем я скажу тебе это, я думаю, тебе будет интересно узнать, откуда взялись эти боеголовки?"

"Откуда?"

"Они были украдены с военного аэродрома *Балтимора* недалеко от города Воронежа. Российские власти с недовольством признались, что СВР уже несколько недель пытается найти пропавшее оружие, но они не решаются сообщить об этом международному сообществу, опасаясь санкций".

"О, нет, – я не мог подавить стон. – Если бы бомбы взорвались, то Минобороны подумало бы, что это российское правительство приказало?"

Бывший директор агентства Пентагона сочувствием продолжил: "Или мертвые боевики с Ближнего Востока, которые нянчились с боеголовкой, – предположил Хоган, – антироссийский расизм в Америке проявляется в форме ультраправого экстремизма, и это позволяет этой группировке беспрепятственно продолжать эти операции под нашим флагом, потому что они отвлекают внимание от своей виновности и просто приходят подставе граждан России за бомбардировку. Я хочу сказать, что было три атомных бомбы, которые вот-вот взорвались бы, и мы ничего не могли с этим поделать. Без этих подсказок мы бы не смогли определить местонахождение бомб".

"Тот, кто играл в эти игры, оставляя анонимные подсказки на коммутаторе ФБР, должно быть, стоял за попыткой атаки", – предложил я.

"Хорошая гипотеза, – согласился Кент Хоган. – Наш главный технический аналитик из Пентагона, Хсу Чун Сюн, смог отследить звонок и выяснить, кто звонил. Он использует подставные имена, но его имя при рождении было Хоакин Эро".

"Француз?"

"Отец-француз и мать-испанка. Он был с позором уволен из французского Иностранного Легиона за проведение несанкционированных бомбардировок гражданского населения. Оставив службу, Эро стал наемником. Убийцей по найму, чьим нынешним работодателем стал "Блэксенд Секьюрити". Пентагон считает, что Хоакин Эро – наемник".

"Крот?" – я жестикулировал своим недоумением.

"Он зарабатывает на жизнь буквально этим способ. Его любимое занятие – бурить ямы и взрывать ракеты или бомбы под землей. У Хоакина были активные офисы в Колумбии, Бразилии и Турции, но мы не знаем, где находится его нынешняя база".

"Разве Пентагон не следил за ним?"

"Мы делали это, и вот откуда мы знаем. Хоакина Эро последний раз видели шесть дней назад в парке Кобук. Это небольшой курорт в районе Большого озера к северу от Анкориджа, Аляска. По сообщениям, он проводил какое-то бурение; наш наблюдатель был слишком далеко, чтобы получить четкую картинку, но после того, как Эро уехал, в районе Большого озера произошло землетрясение магнитудой около пяти баллов. Национальный центр предупреждения цунами США не объявлял предупреждения, но сказали жителям оставаться начеку".

"Я не понимаю. Какое отношение имеет Хоакин Эро к землетрясению?"

"Хсу Чун Сюн поручил своей команде провести вторичное считывание сейсмических волн, вызванных этим землетрясением, и они подтвердили, что оно было инициировано силой, то есть в этом районе была взорвана подземная ядерная бомба, чтобы спровоцировать землетрясение".

"Они уверены?"

"Минобороны послало агентов осмотреть район Большого озера и угадай, что они нашли в парке Кобук? Внутри парка была вырыта яма глубиной почти семьдесят пять метров. Она была двухметровой ширины, и в ней были обнаружены явные остатки емкости с взрывчатым веществом, в которой находилась взорвавшаяся в ней бомба. Землетрясение было не природным".

"Как Пентагон может быть так уверен в этом?" – я повторил свой вопрос.

"Исследователи теперь способны различать сотрясения грунта, вызванные ядерными взрывами, и волны, создаваемые регулярными землетрясениями. Госдепартамент обеспокоен тем, что Хоакин Эро, возможно, планирует взорвать еще больше подземных бомб, и Анкоридж только что проводил испытания воды. А так как Эро работает на террористическую фирму Ричарда, нам нужно закрыть его операцию. И мы должны сделать это срочно".

Я молчал, контр-адмирал продолжил: "Министерство финансов не знает, куда исчезли триллионы долларов".

Я прокашлялся и прокомментировал: "Частным наемникам Ричарда удалось выкачать сотни миллионов долларов через американские банки для оплаты оружия, гостиниц, личных долгов по кредитным картам и других расходов. У них достаточно денег, чтобы держаться годами, и они способны творить хаос по собственному желанию. Даже если они не могут купить грязное оружие на черном рынке, есть много мест, где они могут его украсть и продолжить террор на протяжении долгих лет после ухода Ричарда".

"Да, и все это случилось потому, что Военный Альянс вашего Полковника был ликвидирован", – цинично сказал старик.

Я был ошеломлен: "Хотите сказать, что было ошибкой уничтожить бывшего Полковника КГБ и его Лагерь?"

"Нет, – провозгласил контр-адмирал, – это было необходимо. Нельзя было допустить, чтобы они стали слишком могущественными, но уничтожение Альянса также означало вручение власти в руки Ричарда. Он заставлял Блэксенд совершать теракты в Париже, Брюсселе, Лондоне и Берлине, что увеличивало мобилизационные возможности его частных подрядчиков и наемников. Он использовал группы расистов, местные террористические ячейки, чтобы замести следы".

"Насколько велика его сеть внутри Штатов?"

"По оценкам Пентагона, под его началом работает более пятисот высококвалифицированных людей. В наши дни Ричард занимал только закаленных фанатиков и, возможно, поручал им большие задачи. Хоакин Эро – один из его дорогих соратников, которому были доверены грязные бомбы, и ему удалось взорвать эти подземные, спровоцировав землетрясение в нашей стране. Данные, полученные с помощью сейсмометров, установленных по всей Аляске, показали, что использованная бомба была относительно небольшой. Нам повезло, что он выбрал Анкоридж для проверки своих подземных взрывов, потому что если он взорвет большую боеголовку недалеко от восточного побережья США, это может спровоцировать фатальное цунами над Вашингтоном и Балтимором. Люди подумают, что это было природное землетрясение, а правоохранительные органы будут в растерянности что делать дальше".

"Блэксенд умеют совершать террористические акты, а затем подставлять за это членов организованных или квазиорганизованных преступных групп", – сказал я.

"Блэксенд планирует использовать электромагнитно-импульсное оружие, чтобы нарушить работу национальной электросети. Мы полагаем, что они планируют масштабную скоординированную атаку пятнадцати военных баз в Южной Каролине, Юте, Колорадо, Флориде, Пенсильвании и Техасе".

Я покачал головой: "Если цель – армейская база, зачем атаковать электросеть?"

"Затем что Ричард, вероятно, знает, что военные базы США подключены к гражданским электросетям, – сообщил мне Кент Хоган. – Агентство, как и Пентагон, считает, что атака неминуема. И судя по недавним действиям Хоакина Эро, я чувствую, что бывший французский солдат планирует отвлекающий маневр в виде своего любимого подземного ядерного взрыва где-то на северо-восточном побережье. За этим стоит Ричард, и именно поэтому нам нужна твоя помощь, чтобы прижать этого ублюдка".

"Сэр, я понимаю ваше желание поймать Ричарда, но что-то подсказывает мне, что нападение внутри США может быть делом не уго рук. По крайней мере, он может не способствовать проведению столь масштабной атаки. Он предпочитает работать ювелирно. Ядерные взрывы, повреждение электрической сети. Это слишком громко".

"Что ты имеешь в виду?"

"В то время как люди, планирующие эти атаки, могут быть работниками Блэксенда, у них есть автономия делать что угодно настоящему. Я знаю, что Ричард базируется в Европе. Он из Австрии и большую часть своей жизни прожил в Восточной Германии, работая со Штази. Его главная цель – уничтожить Россию. Я не верю, что он

откажется от всего этого, чтобы создать небольшой хаос в Соединенных Штатах".

"Тогда кто, по-твоему, руководит всей операцией?"

"Это может быть его правая рука, – ответил я медленно. – Бывший бригадный генерал армии США. Ричард не поддерживает его, но и не возражает против его свободы действий, пока его люди занимают высокопоставленные посты в правительстве".

"Итак, у Ричарда связи внутри американской армии?" – Хоган спросил хриплым голосом.

"К сожалению, Ричард подкупил по крайней мере несколько сотен военных. Когда я работал в 13-ой Лиге, его подразделении черных оперативников АНБ, я вспомнил, что он редко активировал эти активы в армии и флоте. По крайней мере, два командира ВМФ верны ему. Они у него в кармане в качестве подстраховки".

Кент Хоган выглядел подавленным. "Это значит, что теперь нам есть о чем беспокоиться. Если генералы будут скомпрометированы, то в дополнение к ядерному удару мы можем стать свидетелями военного переворота. Я не думаю, что наша страна сталкивалась с такими трудностями за последние три столетия, – он вздохнул. – Расскажите мне больше о бригадном генерале".

"За последние три десятилетия, каждое совершенное им преступление, в том числе бомба ЭМИ в электросети Калифорнии и другие крупные международные катастрофы, он обвинял в этом либо арабов, либо русских. Официально бомба в машине в Мадриде была подложена баскскими сепаратистами. Взрывы в метро в Лондоне были совершены азиатской молодежью. За взрыв парижского грузовика – недовольный бывший сотрудник исчезнувшей НПО. Взрыв церкви в Шри-Ланке. Перестрелка в религиозном центре в Крайстчёрч. Все, казалось бы, несвязанные между собой террористические акты, проведенные разными группировками, но финансировавший Блэксендом. Эти наемники даже подстроили нападение на площади Брейтшайд в Берлине на двух немецко-русских студентов, а также ножевые нападения в Лионе и Париже на русских эмигрантов".

"Почему он подставляет русских за большинство взрывов?" – Кент Логан хотел знать.

"У Ричарда была личная неприязнь к России и Ближнему Востоку, – я выпалил. – Если оценка Пентагона верна, то наемники Блэксенда в конце концов взорвут ядерное оружие над США и подставят за него Иран, Са, Турцию или Россию".

"Почему ты думаешь, что Ричард подставит Иран за все это и нападет на Америку? – контр-адмирал нахмурился. – Военная разведка сообщила о подозрительной деятельности в районе Персидского залива. Видимо, Ричард взял под контроль корабль ВМФ и будет использовать своих хакеров для организации атаки. Он

намерен запустить ракеты на материк США и сделать так, чтобы это выглядело так, как будто атаковал Иран. Таким образом, он не будет отвечать за свои действия, и Пентагон будет думать, что Иран несет за это ответственность, и впоследствии примет ответные меры".

"Как это вообще возможно? – сказал я. – ОСПВО защищает американское и канадское воздушное пространство. Двадцать четыре часа в сутки. Как Ричард может отправить ракеты в Америке?"

"У него есть оперативник в Блэксенде, работающий под прикрытием на многочисленных авиабазах в Вашингтоне и Юте. Они выведут из строя ракеты, когда он решит запустить их. Все время обвиняя в этом богатые нефтью ближневосточные страны или Иран".

Я кивнул в понимании: "И поскольку ФБР уже перехватило несколько потенциальных атак, при которых были обнаружены трупы, они с радостью проглотят эту историю, и у Америки не останется другого выбора, кроме как дать ответный ядерный удар по густонаселенным городам Азии и Ближнего Востока".

"Как ты думаешь, что запустит эти действия? – контр-адмирал нахмурился. – Блэксенд официально был частным военным подрядчиком. Зачем бы им идти вразнос и начинать войну с нами?"

"Это могло произойти потому, что президент отказался предоставить амнистию одному из их членов, или, скорее всего, отказался от их предложений вторгнуться в другую богатую нефтью страну залива. Блэксенд процветает в военное время; прибыль ему приносит продажа оружия и контракты на восстановление после войны. Без новых войн они разоряются. И поэтому в игру вступают все эти извилистые хитрые планы".

"Ну, твой совет был бы бесценен для Госдепартамента. Помоги мне его уничтожить".

"Нет, сэр. Я устал от этой войны, которую так ненавижу", – чуть не всхлипнул я.

"Мы должны остановить его, пока он не вторгся в Соединенные Штаты и не взорвал их и не подставил наших союзников на Ближнем Востоке".

"Каким образом весь его план будет приведен в действие?" – я спросил.

Кент Хоган говорил решительно: "Я думаю, что Ричард подкупил какого-то старшего высокопоставленного правительственного чиновника в иранском правительстве, который возьмет на себя ответственность за нападения. Вот как он убедит мир, что Иран – виноват. Ты наша единственная надежда, сынок, так помоги нам найти Ричарда".

"Если Пентагон не может найти Ричарда, я не знаю, как я смогу. Кроме того, моя забота сейчас заключается в том, чтобы не дать

Ричарду осуществить атаку и подставить за нее Россию. Я твердо чувствую, что это его главная цель."

"Это война, сынок, и мы все должны внести свой вклад".

"Да, сэр, я знаю, но я слишком долго воевал в этой войне. Я устал. Я хочу мира сейчас. Мое время почти истекло".

Я хотел сказать контр-адмиралу, что мои дни сочтены, что я страдаю от более чем семи различных болезней и что моя иммунная система отказывает. Я чуть оставил силы продолжать жить.

Я просыпался каждое утро, дрожа от страха. Из-за ослабления иммунной системы я едва мог ходить более чем несколько ярдов.

Моя голова постоянно кружится, и время от времени меня ломает, потому что чувствую себя таким потерянным и побежденным. Я чувствовал себя ужасно одиноким и, чтобы успокоить одиночество, я стал больше участвовать в борьбе с международными преступными синдикатами. Я просто надеялся, что смогу прожить достаточно долго, чтобы помочь людям, потому что я пообещал себе, что при жизни больше не позволю обычным людям гибнуть в этих лживых войнах. Но я не знаю, как долго я смогу так продолжать.

Февраль 2008 года

Бывший агент АНБ, по имени Райан, помогал мне собирать улики против Ричарда. Молодой агент вызвался дать показания против отца Ирины по нескольким громким делам и пообещал обыскать записи Агентства на предмет расхождений, связанных с тем, что Ричард имеет дело с преступными группировками. Я не очень хотел прибегать к помощи Райана, но он оказался ценным активом. Несмотря на то, что он был сотрудником Агентства Национальной Безопасности, я не верил, что у него был еще какой-то интерес по отношению к своему бывшему боссу. Райан предложил использовать мою студию в качестве своей базы для изучения тысяч страниц стенограмм и телефонных разговоров, которые можно было бы использовать в качестве возможных доказательств. Мы проводили исследования в течение нескольких дней, но все собранные Райаном доказательства были расценены Министерством юстиции как косвенные или невесомые.

Я устал. Это был долгий проект. Райан в основном работал в моей квартире, так как мы оба работали допоздна. Большую часть ночей я засыпал на рабочем компьютере. Наверное, на третью ночь после того, как Райан переехал, я проснулся, чувствуя себя в опьяненном состоянии. Я пыталась идти в сторону кухни, но мои ноги были тяжелыми. Я споткнулся и упал на пол. Обычно я очень бодр, даже когда просыпаюсь из самого глубокого сна, но эта усталость была

неестественной, как будто меня накачали наркотиками. Через мои опущенные веки я заметил, как Райан смотрел на меня. Он говорил со мной, но я слышал только эхо. Это была пугающе быть таким беспомощным. Я не мог пошевелить руками, но почувствовал, как Райан встал и связал мне руки и ноги. Я хотел кричать, но мои слова не выходили у меня из горла. Должно быть, я терял энергию, пытаюсь не заснуть, потому что, когда я проснулся, я снова оказался на полу. Райан стоял неподалеку, и у него в руках было несколько скальпелей и острых предметов. Он собирался пытаться меня! Я запаниковал и боролся, чтобы ползти, но двигаться было трудно. Райан заметил, что я проснулся, и он начал приближаться ко мне, но я собрал все свои силы и, взмахнув ногами, снес его на пол. Должно быть, какой-то шум разбудил соседей, и пожилой мужчина по соседству поспешил меня спасать. Райан сбежал из квартиры, но я был спасен.

Я был в полном замешательстве, не уверен в том, что случилось накануне. Я не мог понять, почему Райан хотел пытать и убить меня.

Еще одна неделя исследований оказалась столь же бесполезной. Я решил поискать реальные улики и понял, что мне нужно обыскать личный сейф Ричарда, который был спрятан в его подвале. Однако, охрана в его доме была неприступной. Я неохотно снова обратилась за помощью к его дочери. Ирина хотела знать, почему я искал ее отца. Я говорил с ней, настаивая на том, что Ричард - самозванец, который всю жизнь пытался управлять ей, но Ирина заставила меня пообещать, что я не посажу его в тюрьму. Я сказал, что мы можем решить это только после того, как мы оба увидим документы, которые Ричард хранил в своем сейфе. Ирина согласилась и использовала свои ключи, чтобы войти в охраняемый комплекс. Было темно и пусто. Мы добрались до подвала дома и нашли единственную лестницу, которая вела в хранилище. Ирина оставалась на первом этаже, пока я спускался по скрипучей лестнице и обнаружил сейф. Это был огромный пожаробезопасный сейф с электронной клавиатурой. Мне нужна была помощь Ирины, чтобы разблокировать его. Она может знать пароль. Я побежал назад и искал Ирину повсюду, и, наконец, нашел ее во дворе дома, вымощенном булыжником. Она согнулась над маленьким электронным устройством. Я не видел ее лица.

Я беспокоился о ее благополучии, но когда я коснулся ее плеча, она повернулась и ударила меня в грудь, оттолкнув, я едва успел восстановить равновесие.

"Что это было?" – запротестовал я.

"Это!" – Ирина закричала, размахивая телефоном перед моим лицом.

Я смотрел на видео, которое проигрывалось. В немом фильме я увидел в моей квартире агента АНБ Райана, который был сотрудником

отчима Ирины. В нем было видно, как я сбиваю мужчину на пол, Ирина злилась на меня за то, что я вел себя так жестоко.

Я рассказал Ирине, что случилось тем вечером в моей квартире: "Меня накачали наркотиками, Ирина, и Райан собирался пытать меня. Твой отец, Ричард стоял за этим".

Ирина злилась: "Неужели ты не можешь перестать винить в своей жизни кого-то, кроме моего отца? Он не говорил тебе бить своих коллег."

"Райан меня подставил, – я умолял ее. – Он все спланировал, накачал меня наркотиками и пытал. Но твой отчим послал Райана убить меня. Он пытается разлучить нас, разве ты не понимаешь? Он похитил меня несколько лет назад, чтобы изменить мою сексуальную ориентацию. Мне промывали мозги два года, и все потому, что он хотел, чтобы у меня была сексуальная склонность к мужчинам."

"Я тебе не верю", – сказала Ирина, но ее голос слегка дрожал.

Она не знала чему верить, поэтому я продолжил: "Это был не первый раз, когда я заметил странные совпадения в своей жизни. Два дня назад в баре я сидел один, когда несколько человек пытались похитить меня, но я отбился от них. Остальным пришлось прекратить драку. Смотри! – я поднял кулак, чтобы показать Ирине синяки от предыдущей драки. – Я говорю тебе правду, Ирина. Твой отчим – тот, кто виноват. С тех пор, как я освободился от двухлетнего плена, я вижу много подозрительных людей, агрессивно настроенных против меня. Это не совпадение. Он хочет, чтобы ты меня возненавидела, разве ты не понимаешь? Он не оставит нас в покое, пока наши отношения не разрушатся. Мы должны что-то с этим сделать".

"Например? – Ирина сорвалась. – Заключить его в тюрьму?"

Я проигнорировал ее угрожающий тон: "Давай сначала узнаем правду о нем. Клянусь, если он невиновен, если он действительно не связан ни с какими транснациональными преступными синдикатами, то мы забудем обо всем, что произошло, и будем жить дальше. Хорошо?"

Я знал, что Ричард способен на многое, но что он настолько низко опустится, оставалось для меня непонятным. Когда он послал Райана накачать меня наркотиками, он ввел почти смертельную дозу комбинации препаратов, которые могли бы навсегда повредить мой мозг. Если бы в тот день моя голова работала нормально, я бы жестоко избавился от этого мерзкого человека и выгнал Райана до того, как он все это сделал бы, но я был под воздействием опасных химикатов и не помнил о том, что происходило.

На следующий день я сдал кровь на анализ, и результаты показали, что в моем организме присутствует несколько штаммов токсинов, один из которых ответственен за кратковременную потерю памяти. В тот день я понял, что моя жизнь стала полностью

атакованной. Я был так зол на Райана, что хотел убить его за то, что он напал на меня, и так сильно накачал меня наркотиками, но потом я понял, что Ричард, возможно, тоже шантажировал его или угрожал ему. Я не мог поверить, что Ричард опустится так низко, нанимая людей, чтобы завоевать мое доверие, чтобы они могли напасть на меня. Это было настолько горько и унижительно для меня. Я даже не знал, как защитить себя и удержать этих больных от себя, но я принял решение никогда не есть и не пить в присутствии людей. Я никому не мог доверять. Такой случайный коллега, как Райан, намеренно накачал меня наркотиками, и я, имея многолетние навыки и подготовку, не мог этого предвидеть.

С того дня я никогда не ходил ни в один бар или ночной клуб. Я почти никогда не пил на людях, и если пил, то только воду из запечатанной бутылки. Моя жизнь была ограничена, потому что у меня повсюду были враги. Я ненавидел жизнь в состоянии паранойи, но я избежать атак в будущем.

Май 2010 года

Отец Ирины связался со мной через одного из своих информаторов в АНБ, генерала армии, которому я доверял. Генерал Барнс был директором разведки Объединённого комитета начальников штабов и лично руководил моей миссией в Сербии, когда я сопровождал группу морских котиков ВМФ в регионе с целью нейтрализации угроз адресованных Соединенным Штатам. После того, как бомбардировки НАТО закончились в 1999 году, что привело к выводу югославских вооруженных сил из Косово, остатки вражеских боевиков готовились к партизанской войне, а Белый дом санкционировал скрытые действия по устранению опасности. Генерал Барнс заявил, что Ричард обратился с просьбой о встрече и утверждал, что произошло нечто срочное. Я все еще злился на него за то, что он нанял моих друзей детства из приюта убить меня, поэтому я проигнорировал его сообщения. Затем Ричард послал мне сообщение, прямо заявив, что моя помощь жизненно важна для спасения невинных жизней. Я сказал ему использовать одного из его агентов из его секретного отдела черных оперативников, но он настаивал на том, что я должен быть там, потому что Ирина пропала. Она уехала в Лиссабон четыре дня назад, но перестала отвечать на звонки после посадки на круизный лайнер, который должен был отправиться на экскурсию по побережью Южной Америки.

Мое сердце остановилось, когда я услышал об Ирине. Мысль о том, что она может быть в опасности, заставила мою кровь стыть. Я был готов на все, чтобы спасти ее, и это включало в себя

сотрудничество с самим дьяволом. Я согласился встретиться с Ричардом и спросил его, как я могу помочь в спасении Ирины. Он сказал, что у него есть подруга в Южной Америке, которая может помочь мне найти ее, но я должен был ехать без промедления. Я немедленно сел на самолет. В пункт назначения: Каракас.

Четырехзвездочный отель в Куа был забронирован на мое имя. Гостеприимный люкс, оснащенный удобствами, а также наполненный боеприпасами. Когда я пошел в холл отеля на завтрак, меня уже кто-то ждал.

"Доброе утро, сеньор! Я Николас Монкада."

Я посмотрел на молодого человека спортивного телосложения: "Ты меня знаешь?"

"Сеньор Ричард сказал, что вы меня ждали".

"Да, я ждал кое-кого".

Николас улыбнулся. "Надеюсь, вам понравилась комната, которую я зарезервировал для вас".

"Она великолепна, спасибо, – ответил я, – Николас, мне нужно проверить все подозрительные кварталы".

Венесуэльский мужчина победоносно посмотрел на меня.

Я уточнил: "Я не знаю, что Ричард сказал тебе, но кое-кто из моих близких пропал. Мне нужно найти ее".

"Вы имеете в виду похищение, – радостно сказал Николас. – Да, я все об этом знаю".

"Да, кое-кто, кого я люблю, исчез, и я здесь, чтобы найти ее. Круизный корабль, на котором она прибыла, здесь в порту Кабельо. Возможно, она все еще в стране".

"Но сеньор Ричард уже знает, где сеньорита, – доверился мне Николас. Он наклонился вперед. – Похитители выдвинули требование. Они хотели, чтобы мы доставили им пятьдесят килограммов чистого кокаина".

"Наркотики! – я случайно поднял голос, сразу же получив осуждающие взгляды от клиентов отеля. – Почему они хотят, чтобы мы доставили его им?"

"Потому что сегодня вечером транспортный грузовик, принадлежащий картелю Белтран-Лейва, доставит ровно пятьдесят килограммов героина на конспиративную квартиру в Паракотосе. Придется перехватить грузовик, конфисковать наркотики и оставить его на месте высадки. Похитители обещали освободить Ирину, как только они получают товар".

"Зачем похитителям нужны наркотики?"

"Сеньор, все, что люди делают, они делают это за деньги. Белый порошок ценен на рынке. Каждый килограмм продается минимум за сто пятьдесят тысяч".

Я сказал Николасу, чтобы он нашел мне карту города, чтобы я мог подготовить засаду. Через пять часов я отправился на разведку и заблокировал периметр, включая две дополнительные ловушки на прилегающих дорогах. Николас обещал позаботиться о машинах сопровождения, в то время как я выводил бы из строя броневедомитель и забирал пакет. Водитель фургона получил легкое сотрясение мозга, в то время как парализующий агент на основе фентанила, который я использовал, эффективно нейтрализовал оставшихся сотрудников службы безопасности.

Наркотик был внутри портативного сейфа. Я оставил посылку в назначенном месте и ждал, пока похитители свяжутся со мной. Через 20 минут мне позвонили по телефонной линии отеля. Незнакомый оставил сообщение консьержу отеля. Это был адрес. Николас узнал, что это адрес популярного ночного клуба в столице.

Ночной клуб был эксклюзивным местом. В бар стекались богатые местные жители, а все столики были уложены рядами бутылок шампанского и бокалами. Ночной клуб был домом тусовок очень богатых венесуэльцев. Я стоял у бара и всматривался в знакомые лица. Похитители специально упоминали, что Ирина будет в этом клубе.

Потом я увидел ее! Ирина медленно пробиралась по танцполу, изучая лица людей. На моем лице могла разразиться огромная улыбка. Она была похожа на богиню в своем невероятном платье с тонкими бретелями.

В течение нескольких часов в тот день я боялся, что потерял ее, и теперь Ирина вернулась к нам, целой и невредимой. Это было чудесно. Я стал осторожно подходить к ней, чтобы удивить ее.

Когда я был прямо за Ириной, я назвал ее имя. Она обернулась и чуть не упала врасплох.

"Ты в порядке? – я держал ее на расстоянии вытянутой руки, изучая лицо на наличие следов травмы. – Похитители... они не причинили тебе вреда?"

Ирина счастливо улыбнулась и обвила руки вокруг моей шеи: "Нет, я в порядке. Правда."

Освободившись, я обнял Ирину и долгое время страстно целовал ее: "Я волновался и боялся, что с тобой что-нибудь случится".

Ирина стряхнула волосы с лица: "Как вы меня нашли?"

"Мне кое-кто помог, – пока мы разговаривали, Ирина предложила танцевать под музыку. – Я думаю, что он был одним из помощников твоего отца. Он помог мне в переговорах".

"Кто он?" – Ирина хотела узнать.

"Вот там, – я указал на молодого венесуэльца. – Его зовут Николас".

Николас заметил нас и поспешил: "Так это и есть та прекрасная леди, которую мы так усердно спасали?"

"Спасибо, Николас, что спас меня", – сказала ему Ирина.

"Единственный способ отблагодарить кого-нибудь в Венесуэле – это согласиться потанцевать с ним, а, *сеньорита*? – Николас подал свою руку. – Могу ли я завершить танец Хорошо нашим традиционным способом?"

Ирина засмеялась от души и вырвалась из моих рук. Она присоединилась к Николасу в венесуэльском стиле Хорошо. Я смотрел со стороны, как пара умело танцевала всю ночь напролет. Когда рассвело, Ирина наконец-то освободилась, чтобы ответить на звонки. Минутой позже она подошла ко мне и извинилась.

"Папа только что звонил, – сказала Ирина. – Он очень волнуется, поэтому хочет встретиться со мной".

"Ничего страшного, – ответил я мгновенно. – Где он? Я отвезу тебя."

Лицо Ирины нахмурилось: "Он уже послал сюда машину. Он ждет меня в аэропорту к западу от центра Каракаса".

Я открыл рот, чтобы выразить протест, но Ирина заставила меня замолчать поцелуем: "Не волнуйся. Со мной все будет в порядке. После того, как мой отец уйдет, я присоединюсь к тебе в номере отеля".

Немного разочаровавшись в том, что Ирина так скоро уедет, я согласился подождать ее в гостиничном номере. Николас предложил подбросить меня до отеля. Десятикилометровая поездка через *Автописту Франсиско де Мирандан* была спокойной. Шоссе было пустым в такой ранний час. Как только мы подъехали к съезду, два автомобиля обогнали нас и резко замедлили движение.

"Николас! Берегись!" – предупредил я своего друга.

Николас кивнул и вдавил тормоз так сильно, как мог. Наша машина вздрогнула. Я опустил окно и собирался высунуть голову и опознать пассажиров машины, когда рядом со мной раздался тошнотворный звук.

Я повернул голову. Николас был прижат к рулю. Темное пятно расплылось на затылке. Я выглянул вовремя, чтобы заметить стрелка, который стоял рядом с боковым окном водителя. Он снова поднял пистолет, но я пригнулся и выбил дверь, прежде чем скатиться на бетонную дорогу. Двое мужчин вышли из второй машины и начали стрелять в мою сторону. Я упал на землю и прицелился в них из-под машины. Крик означал, что я выстрелил одному из них в ноги. Прежде чем я успел перезарядиться, я услышал позади себя звук, а затем что-то металлическое обрушилось мне на череп. Я погрузился в темноту.

Когда я пришел в себя, открыл глаза, но ничего не видел. Полная темнота ошеломила меня. Я пытался вытянуть руки, но что-то сильно ударило. Я был в сильно стесненном пространстве.

Знакомый резкий запах обжег мне ноздри. Он исходил слева от меня. Запах смерти! В темноте я почувствовал липкую кожу и цепь. Это был Николас. Я понял, что кто-то похоронил меня вместе с венесуэльцем. Я должен был выбраться, пока в крошечном пространстве не кончился кислород. Ящик был похож на деревянный гроб. Я пытался вытянуть руки за края и использовать ноги, чтобы ударить по поверхности. Сила вызвала ничтожные трещины, и грязь начала просачиваться внутрь, заставляя меня заткнуться. Я задыхался от напряжения. Это было безнадежно. Я почувствовал швы и отверстия для винтов в гробу, но они были заклеены деревянным клеем. Царапанье дерева заняло бы несколько часов и, скорее всего, было бы бесполезно. Если это была традиционная могила, то я был похоронен как минимум в десяти футах под землей. Я сомневался, что кислорода в этом маленьком пространстве хватит, чтобы продержаться так долго.

В моей жизни было много трагедий, и много раз я мечтал о быстрой смерти, чтобы положить конец страданиям, которые постигли меня, чтобы мир больше не мог подарить мне новые беды и испытания.

Но когда я оказался в ловушке в гробу, зажатым рядом с трупом дорогого друга и партнёра, в тот день я понял, что смерть не так страшна, как зловещая ловушка с трупом в могиле.

В день, когда я был похоронен заживо с мертвым компаньоном, я почувствовал, как цепи смерти тянут меня глубже в пустоту. В моем сознании я был жив, но мое тело было оставлено мертвым.

Страх потряс меня до глубины души, и я плакал истерически, как ребенок. По мере того, как моё дыхание становилось всё труднее и труднее в могиле, я старался не смотреть на туго натянутую кожу моего друга рядом со мной. Николас странно спокойно выглядел, как будто смерть была добра к нему. Мертвец больше не выглядел испуганным. Это я боялся неизвестной судьбы, которая ждала меня. Я не знал, как долго я останусь жив в стороне мертвых. Я не думал, что из этого ужасного положения можно будет выбраться.

Я пропустил руки через шипованную куртку моего покойного друга. У него в кармане был одноразовый телефон. Я вытащил его и набрал номер по памяти. Ирина ответила на первый звонок.

"Джон, где ты? – Ее голос звучал больше злым, чем взволнованным. – Я ждала в отеле несколько часов. Ты так и не пришел".

"Ирина, ты все еще в отеле?"

"Нет, когда ты не пришел в отель, я позвонила отцу. Он сказал, что ты должен был провести ночь с местной танцовщицей. На танцевальном фестивале *Vive la danza* в Каракасе".

"Но я ехал в отель, чтобы найти тебя, – слабо сказал я. Для меня разговоры становились напряженными. Нехватка кислорода начала заставлять меня чувствовать себя плохо. – Где ты сейчас?"

"Я сейчас с папой, – сказала Ирина. – Мы в его офисе АНБ".

"Ирина, послушай меня. Я в беде и мне нужна твоя помощь".

"Почему? Разве танцовщица не была достаточно хороша для тебя?" – Ирина была расстроена.

Я почувствовал, что произошло недоразумение, поэтому остался спокоен: "Пожалуйста, Ирина, я ни с кем не проводил ночь. Мы с Николасом ехали обратно в отель, когда попали в засаду. Он был убит. Застрелен. Я не помню, что случилось потом. У меня было сотрясение. Потом проснулся здесь. Кажется, я похоронен!"

"Кто-то похоронил тебя заживо!" – Ирина чуть не закричала.

"С Николасом, – я пытался сдерживать свои рыдания. – Его тело рядом со мной. Наверное, они подумали, что я тоже умер и поместили нас обоих в гроб".

"Ты похоронен заживо, – воскликнула снова Ирина. – Я уверена, что папа сможет тебе помочь. Оставайся на линии, пока я позову его."

Минутой позже глубокий голос Ричарда прозвучал через громкоговоритель телефона: "Джон, ты можешь сказать нам свое точное местонахождение?"

"Я не знаю, куда они меня забрали. Я похоронен где-то в Венесуэле."

"Ну, телефон, с которого ты звонишь, не отслеживается, что означает, что у нас тоже нет возможности отследить тебя".

Я слышал, как Ирина спорила со своим отцом на заднем плане. Она хотела полететь в Венесуэлу и искать меня.

Ричард протестовал: "Не обсуждается, Ирина. Тебе сейчас небезопасно ехать в Каракас. Кроме того, ты не знаешь, где он похоронен".

Ирина повысила голос: "Папа, я поеду туда, с твоим разрешением или нет".

Я услышал пронзительный шум на заднем плане. Это было похоже на полицейскую сирену.

"Видишь ли, Ирина, ты не сможешь покинуть это здание, – Ричард объяснил своей дочери. – Это экстренная тревога. Это значит, что весь объект АНБ сейчас находится под замком из-за внешней угрозы. Пока блокировка не будет снята, никто не войдет и не выйдет. Включая тебя."

Ричард обратился ко мне по телефону и проинформировал меня о ситуации с его стороны: "Я уверен, что ты можешь понять дилемму, стоящую перед нами, Джон. Моя команда серных оперативников в АНБ сейчас находится внутри этого объекта, так что мы не сможем

послать помощь в тебе, пока блокировка не будет снята. Это может занять до тридцати шести часов".

"Я не продержусь так долго. Здесь недостаточно кислорода.

Ричард, я застрял в гробу с трупом".

"Я знаю, поэтому мы должны обсудить некоторые трудные вопросы".

Я не поняла, на что намекал Ричард, поэтому спросила: "Какие вопросы?"

"Если ты не выберешься из могилы, я готов записать любую примечательную информацию, которую ты запомнил, – Ричард понизил голос и говорил почти по-отцовски. – Прежде чем закончится твой кислород, Джон, мне нужно, чтобы ты сказал мне, где ты хранил свои резервные жесткие диски".

"Зачем?" – я был озадачен его требованиями.

"Затем, что это может спасти бесчисленное количество жизней".

Я не ответил сразу, Ричард продолжал говорить: "Также постарайся вспомнить коды своих различных банковских счетов. Если ты не вернешься, ну, будем надеяться, что вернешься, но в случае худшего я обязательно использую деньги, чтобы помочь нуждающимся".

Мой разум кружился. Отец Ирины казался безразличным к моему тяжелому положению. Я был похоронен в гробу, зажат рядом с трупом друга, пытаюсь остаться в живых в стесненном пространстве, в котором заканчивался кислород, но все, о чем он просил меня, это оставаться на линии и рассказывать ему о местонахождении всего моего богатства и кодах моих секретных банковских счетов. Я не мог понять, зачем ему это делать. Мне нужен был кто-то, кто мог бы меня спасти, но офисное здание АНБ Ричарда удобно инициировало блокировку в ту же минуту, когда я попросил о помощи. Это было странно подозрительно.

Я быстро подумал и сказал Ричарду, что мой телефон садится, и что я его не слышу. Потом я закончил звонок и набрал еще один номер.

Мой дорогой друг Дастин ответил на звонок после шестого звонка.

"Это оператор, – пронзительный голос Дастина эхом прозвучал в моих ушах. – Вы ошиблись номером".

Русский хакер, вероятно, не узнал номер, поэтому я быстро сказал: "Дастин, это я. Не вешай трубку!"

"Но, конечно, это ты! – хакер пробормотал счастливо. – Голос совпадает. Ты в порядке? Ты говоришь странно".

"Это, наверное, гипоксемия."

"Недостаток кислорода? – русский программист начал заикаться. – Я не понимаю".

"Я застрял в Венесуэле, где-то похоронен под землей, я думаю, но понятия не имею, где. Думаешь, сможешь узнать, где я?"

"Я попытаюсь, – Дастин ответил. – И я направляюсь в аэропорт, чтобы лететь в Венесуэлу прямо сейчас".

"Но тебе понадобится вечность, чтобы прилететь сюда. Разве самый быстрый перелет из Москвы занимает не четырнадцать часов?"

"Точно, но я не в своей московской лаборатории. Вообще-то, я в Сенегале".

"Дастин, ты в Сенегале? – я был поражен. – Зачем?"

"Я отслеживал украинского взломщика кодов. Он разработал потрясающее программное обеспечение – но его ищет Интерпол, поэтому он никогда не оставался на одном и том же месте слишком долго. Интерпол считает его самым известным хакером в мире, и я согласен. Ходят слухи, что он жил в Дакаре до прошлого месяца".

"Ты можешь узнать, где я?"

Хакер сделал паузу: "Я иду по следу прямо сейчас. Нет, нет!"

"Что такое, Дастин?"

"Это одноразовый телефон. Ты пользуешься телефоном, который не отслеживается. Ты должен мне помочь! – Дастин задыхался. – Что последнее ты помнишь?"

"Мы были в перестрелке. Мой венесуэльский связной, Николас, ехал по шоссе, направляясь на юго-восток по шоссе Нуева Гренада в направлении проспекта Луизы Касерес де Арисменди, когда две машины заблокировали нас и... и они застрелили Николаса".

"Ты смог их опознать?"

"Они были в масках", – ответил я.

"Хорошо, это только начало. Я подключился к уличным камерам. Мужчин можно было увидеть, тащащих тебя и тело другого молодого человека в синий фургон. Я отслеживаю его траекторию. – Дастин сделал паузу. – У тебя есть какие-нибудь знакомые в Венесуэле, которые могут помочь найти тебя, пока я не приеду?"

"Ни одного, нет."

"Я сажусь в самолет прямо сейчас, – Дастин заверил меня. – Я должен быть в Каракасе через пять часов. Тебе придется подождать, пока я тебя не найду, хорошо? Мне просто нужно, чтобы ты удостоверился, что на телефоне достаточно заряда".

"Хорошо. Я буду сидеть тихо", – внутри я сжался от страха.

Я не думал, что мне хватит воздуха. Я думал о боли, когда жизнь так быстро вырывалась из моего тела. Безумные мысли вибрировали в моем сознании с невыносимой силой.

Дастин говорил быстро: "У каждого мобильного телефона своя радиочастота. Я могу найти его, как только буду в радиусе действия. Через четыре часа я должен приземлиться в Каракасе. А до тех пор, можешь сделать мне одолжение? Держись подальше от телефона."

Чтобы сохранить батарею. Как только я приземлюсь, я позвоню тебе и буду держать тебя в сети, чтобы сузить твоё местонахождение".

"Дастин, у меня в этом гробу ограниченный запас кислорода. Николас, ну, его тело прямо рядом со мной, и становится трудно дышать".

Мое сердце пульсировало от мысли о Николасе. Для некоторых жизнь может закончиться так быстро! Я направил мягкий экранный свет на лицо молодого человека. Часть его лба была оторвана от пулевого ранения, которое унесло ему жизнь. Парень стал твердым, его кожа – пурпурно-серой.

Я так боялась смерти. Я так отчаянно плакал о свободе, о жизни.

Мое сердце так яростно билось, что я едва мог дышать. Кислород в узком гробу истощался, и присутствие трупа рядом со мной доводило меня до грани безумия.

Я думал, что сойду с ума. Я боялся, что потеряю способность думать или говорить. Застряв глубоко под землей, я понял, что такое безумие. Это была потеря цели, отсутствие будущего.

Каждый раз, когда я смотрел направо, я видел лицо своего друга. Я видел его глаза. Мы с Николасом провели весь день вместе. Мы смеялись, шутили и посещали исторические достопримечательности Каракаса. Николас был эмоциональным человеком. Он был настолько полон жизни, что мне было трудно поверить, что тело человека гниет рядом со мной. Что его мертвое тело похоронено со мной в холодной темной могиле в десяти футах под землей и этого было достаточно, чтобы сделать из любого человека сумасшедшего от страха и боли.

Внутри темной могилы я молил Бога освободить меня от ужасов этой тьмы. Я молился о том, чтобы он дал мне еще один шанс. На этот раз я не подведу его. Я бы отдал свою жизнь ради человечества сейчас больше, чем когда-либо прежде. А потом я забыл, о чем молился. Я не знаю почему и как, но я невольно начала шептать одну из многих песен, которые пела мне мама, когда я плакал и проклинал отца каждый раз, когда он бил меня. Это была русская народная песня "На сопках Маньчжурии".

Я рыдал, пытаюсь петь "На сопках Маньчжурии", но забыл большую часть слов. Я вспомнил, что в песне упоминалось о том, как спокойна могила, но темнота внутри гроба не была запятнана спокойствием. Я потерял счет реальности, а потом вдруг, как во сне, я понял, что подошел к концу своей жизни.

И я был совсем один в мире мертвых. Время замерло, смерть столкнулась со мной, мое зрение расплылось, и в какой-то момент я потерял сознание.

Должно быть, я упал в обморок из-за недостатка кислорода, когда вибрация мобильного телефона разбудила меня. Дастин звонил.

"Мне удалось отследить фургон до главного кладбища Восточного Каракаса, – мой русский друг сообщил. – Это должно было быть очевидно для меня. Кладбище находится рядом с трущобами. Члены банд, которые там живут, часто хоронят там своих мертвецов."

"Сколько времени тебе понадобится, чтобы добраться до моего местоположения, Дастин?"

"Пятнадцать–двадцать минут. Я еду из аэропорта Симона Боливара, пока мы разговариваем."

"Аккумулятор моего телефона не продержится так долго. Осталась только одна палочка."

"Просто держись, я еду."

Я смотрел в темный экран, пока мои глаза не начали меня обманывать. Было так темно, что я не знал, открыты мои глаза или закрыты. Раньше я никогда не боялся темноты, но теперь я чувствовал холодный ужас, просачивающийся в мои кости. Сможет ли Дастин когда-нибудь найти меня?

Если это общее кладбище было таким же огромным, как он упоминал, как бы он узнал, какой кусок грязи покрыл мое тело?

Должно быть, я упал в обморок, потому что, когда я открыл глаза, я лежал на спине над свежерытой землей. Телефон все еще был зажат в моем кулаке. Я моргнул, чтобы все осмотреть. Лицо в очках выше меня глядело с облегчением.

"Ага, ты пришел в себя! – Дастин удалил кислородную маску с моего лица. – Эта маска позволила тебе дышать чистым кислородом. Тебе уже должно стать лучше".

Я слабо улыбнулась, пытаюсь кивнуть: "Дастин, как ты нашел меня? Аккумулятор телефона разрядился."

"Я наблюдал со спутника Landsat-13 и переключил его на наземное тепловидение, когда твой телефон сдох", – объяснил Дастин, помогая мне встать на ноги.

"Я рад, что ты смог заново подключиться к спутнику, находящемуся над головой, за такое короткое время".

"Я боялся, что не смогу, – звучал голос русского хакера бездыханно. – Там было одиннадцать свежих могил, и я начал выкапывать по одной, потому что не знал, какая из них – твоя. Потом я вспомнил тепловизор. Температура грунта фиксировалась во время одного прохода спутника. Я обработал результаты и обнаружил наличие тепловой аномалии внутри общего кладбища в Потоси, Венесуэла. Кладбище располагалось в руинах, но после этого найти тебя было несложно. На всем кладбище было только *одно* теплое тело".

Дастин направил меня к арендованному автомобилю, но я восстановил недостаточно сил, чтобы быть в состоянии сесть в автомобиль самостоятельно. Я утонул в кожаном сиденье и закрыл

глаза. Там было так много воздуха, так много света, такое разнообразие шума вокруг. Это казалось невообразимым еще несколько часов назад. Я был уверен, что гроб – это последнее, на что я мог положиться. Кладбище напугало меня до смерти. Никто в мире не узнает, человек в могиле умер или нет.

Прежде чем закрыть пассажирскую дверь, я бросил долгий взгляд на кладбище. Несколько надгробий были сбиты. Мертвые цветы были разбросаны. И место, где я был похоронен, было единственным зияющим отверстием на гигантском кладбище. Я понял, что моя жизнь пропитана глубокими шрамами, и боль, которую я испытал, заставила меня почувствовать себя живым трупом.

Когда машина уехала, я вспомнил, как мне повезло, что у меня есть такой друг, как Дастин. Если бы он не нашел меня, я бы мучительно умирал в собственной могиле.

Через шесть дней после того, как в Каракасе случилось чуть ли не смертельное событие, я попросил Дастина найти оставшихся в живых членов семьи венесуэльского мужчины, который служил мне верным проводником. Николас был хорошим другом, и я хотел отплатить ему, помогая его семье. Русский хакер потратил несколько часов на поиски известных сообщников Николаса в интернете и наткнулся на многочисленные записи с камер наблюдения с ним и Ричардом. Отец Ирины, очевидно, был хорошо знаком с этим человеком. Камера рядом со станцией техобслуживания в Куа показала, как Ричард разговаривал с другим мужчиной через несколько минут после того, как Николас уехал. Пара обменялась папкой, и неизвестный уехал в синем фургоне.

Дастин чуть выскочил из кресла. Он узнал его, точно такой же фургон, который перевозил меня и Николаса на кладбище. Номерной знак совпал. Это была машина моего нападавшего. Я не мог понять, почему люди, которые застрелили Николаса и похоронили меня заживо, встречались с Ричардом за несколько часов до того, как напали на нас. Я попросил своего друга расследовать это дело. Он подтвердил мое подозрение. Мужчины, которые ехали на синем фургоне, были задержаны при пересечении бразильской границы.

Силы специального назначения Боливарианской национальной полиции взяли этих людей под стражу, и после интенсивного допроса они признались, что были наняты мужчиной, чье описание совпадало с описанием Ричарда. Затем я понял, что отец Ирины действительно нанял этих людей, чтобы убить меня, но этот извращенный метод поразил меня. Вместо того, чтобы всадить пулю в голову, почему эти люди оставили меня в живых и похоронили в одном гробу с покойником? Я представлял себе, что это должна была быть психологическая пытка. Ричард был единственным человеком в мире,

которому я признался в своем врожденном страхе перед замкнутым пространством. Он знал, что я страдаю клаустрофобией.

Мучительные сны...

Они расспросят, в чем моя тоска
И отчего печаль так глубока.
Зачем почти беззвучно говорю,
Дрожу ночами долгими, не сплю.

Я рассуждаю, вспоминаю,
Все в памяти перебираю:

Я жил. Я умер. Жил опять.
Во сне отвечаю. Только снова,
Как будто время жизни вспять,
На мне с утра страдания оковы.

*And they ask me why I weep-
Why I speak in silent tones,
Why I tremble in my sleep.*

I reason, reminiscence and remain-

*I lived, I died, I lived again,
I answer in my dreams-
But when tomorrow I awake,
I must answer them again.*

Спустя пять лет после того, как я впервые начал работать на него, Ричард отправил меня на миссию в Дублин. Я должен был получить жесткий диск, содержащий информацию о нескольких VIP-аккаунтах в британском многонациональном инвестиционном банке. Это был

крупнейший банк в Европе, поэтому сервер был востребован многими сторонами. Я смог сделать его копию, но перед тем, как сбежать, меня схватили. Чтобы помешать преступникам получить доступ к полтриллиону фунтов стерлингов, которые были сохранены на этих VIP аккаунтах, я решил уничтожить сервер, но перед этим я запомнил список владельцев аккаунтов вместе с их балансом. Общий актив был близок к одному триллиону фунтов.

После того, как меня схватили, со мной обращались не слишком доброжелательно. Меня поместили в маленькую прямоугольную комнату без окон. Мои похитители никогда не входили в комнату, скорее они допрашивали меня через колонку над головой. Они требовали подробностей, которые были на сервере, но я сказал им, что ничего не знаю, но, конечно, они мне не поверили. Они угрожали повысить температуру в моей камере. Это было удушающе и болезненно. Моя кожа горела и чесалась. Точно так же, я думал, что это было худшее, что могло случиться со мной, две параллельные стены начали замыкаться. Человек на громкоговорителе предупредил меня, что они будут приближаться до тех пор, пока я полностью не задохнусь. Я все равно отказался давать им какую-либо информацию. Стены были все ближе и ближе. Я прижимал по одной ноге к каждой стене и поднимался к потолку, где вентиляционный канал давал мне возможность сбежать.

По возвращении в Соединенные Штаты Ирина была рада меня видеть. На этот раз я решил признаться и рассказать ей о своем расследовании. Я рассказал ей, что у нас есть доказательства того, что Ричард ответственен за мое испытание в Каракасе. Я показала ей доказательства того, что ее отец нанял людей, чтобы они похитили и похоронили меня на венесуэльском кладбище.

Ирина продолжала выражать недовольство моими поисками. Она не хотела, чтобы ее отчим попал в тюрьму. Я сказал ей, что несправедливо быть такой предвзятой. Ричард подставил меня за террористические атаки и бросил в тюрьму на пожизненное заключение. Если бы мне не удалось сбежать, то кто знает, сколько лет я бы оставался запертым в темной дыре, отрезанным от внешнего мира. Я был уверен, что она передумает насчет Ричарда, если увидит, что он замешан в планировании терактов 11 сентября 2001 года. Обломки были моим доказательством. Они содержали точно такую же взрывчатку, которую он провозил контрабандой через нью-йоркскую гавань за одиннадцать месяцев до нападений. Ричард знал, что я смогу остановить его и положить конец его планам, поэтому он вычеркнул меня из уравнения. Я показал Ирине, что у Ричарда был мотив для совершения нападений. Его акции в нефтяных компаниях увеличились в геометрической прогрессии после начала войны в Ираке. Его компания выиграла контракты на бурение нефтяных

скважин в Багдаде. Этому человеку нужны были деньги, ему всегда их было мало.

Я все еще пытался разгадать загадку о пакистанских ракетных комплексах, захваченных неизвестными наемниками. Я знал, что Ричард получал много прибыли от войны в Афганистане и Ираке, но я не знал, что он получил, начав войну с Пакистаном и Соединенными Штатами. В один из довольно непроизводительных выходных я читал деловые новости и наткнулся на статью, в которой говорилось о том, как атаки 11 сентября 2001 года отразились на американских фондовых рынках. В ней названы несколько компаний, которые разместили опционы на продажу определенных акций на фондовом рынке. Я знал, что пут-опцион – это предположение, что акции упадут, в то время как колл-опцион – спекуляция, что акции поднимутся. Опционы на продажу акций, которые были размещены за несколько дней до атак 11 сентября, вызвали много вопросов относительно мотивов фактических виновников. Далее в статье говорилось о том, как бизнесмен может получить огромную прибыль, если он сможет правильно угадать и разместить опционы на продажу акций правильной компании.

Атаки 11 сентября больше походили на дело рук своих, когда я смотрел на даты размещения опционов на продажу. 6 сентября 2001 года были размещены опционы на продажу акций компании "Юнайтед Эйрлайнз". Так как большинство пут-опционов истекает в течение девяноста дней, инвесторы должны купить их незадолго до того, как они ожидают падения цен на акции. Точные цифры были ошеломляющими. В тот же день, 6 сентября, объем опционов на продажу акций "Юнайтед Эйрлайнз" составил 3150, что более чем в четыре раза превышает средний дневной объем опционов на продажу в том же году. Объем поставки "Боинга" на 7 сентября 2001 года составил 27 294 штуки – огромное количество. В этом году он более чем в пять раз превысил среднесуточный объем ввода. За день до атак объем поставок акций "Юнайтед Эйрлайнз" составил 4516, что почти в одиннадцать раз превышает среднесуточный объем за год. Страховая индустрия, которая, как и ожидалось, будет сильно страдать от последствий террористических атак, видела аналогичные игры на своих пут-опционах. "Ситигруп", которая имела большое страховое подразделение, и компания страховых брокеров "Марш и МакЛеннан Кос." испытали необычайно высокие выходящие объемы всего за несколько дней до атак на Башни-близнецы и Пентагон. Я понял, что некоторые люди с предчувствием, должно быть, извлекли выгоду из атак 11 сентября, но я все еще не был уверен в том, как отец Ирины извлек выгоду из чудовищного нападения на американских граждан.

Это начало приобретает больше смысла, когда я выследил бывшего финансового советника и адвоката Ричарда, Джима Хейли,

который отбывал пожизненное заключение за предполагаемое мошенничество и незаконное присвоение. Я нанес личный визит Джиму и сказал ему, что знаю о нападении 11 сентября, а также знаю, что Ричард замешан в этом. Я обещал помочь вытащить его из тюрьмы, если он поможет мне уничтожить Ричарда. Джим неохотно помогал мне, но позже я обманом заставил его работать на меня, а не на его позорного работодателя, который позволил ему гнить в тюрьме. После моего третьего визита советник согласился дать мне координаты судоходной верфи. Он утверждал, что Ричард и двое его коллег по бизнесу более года координировали ограбление. Они начали операцию в начале 2000 года, прямо перед ноябрьскими президентскими выборами, и лично агитировали за то, чтобы в Белый дом был избран кто-то из семьи Буша. Ограбление было запланировано на 11 сентября 2001 года.

Мне не терпелось узнать об источнике ограбления. Джим рассказал мне, что они планировали забрать золотые слитки, которые были спрятаны в хранилище Федерального резерва, под Башнями-близнецами. Чтобы осуществить этот план без поднятия правительственных красных флагов, Ричард привез в Нью-Йорк специальный динамит и нанял наемников для установки взрывчатых веществ во ВТЦ. Я сказал Джиму, что кучка головорезов не смогла бы взломать защищенное здание, такое как Башни-близнецы, и заложить бомбы. Служба безопасности никогда бы не предоставила неустановленному персоналу доступ в эти охраняемые здания на столь долгое время, чтобы заложить эти взрывчатку. Это правда, сказал Джим, но у них была помощь изнутри. Всемирный торговый центр 7 был третьим зданием, которое было снесено. Он не был сбит ни одним самолетом, но был снесен взрывчаткой. Джим рассказал мне, что Башни были построены и принадлежат компании "Силверстайн Пропертиз", компании по застройкам, основанной Ларри Сильверстайном.

Кстати, именно Сильверстайн приказал вывезти из здания собак, которые распознавали взрывчатку перед сносом. Ларри Сильверстайн имел привычку обедать в ресторане Всемирного торгового центра со своими новыми жильцами каждый день, начиная с 26 июля 2001 года, но в день терактов 11 сентября он не заходил в здание. После сноса Башен Сильверстайн сумел максимизировать страховые поступления для финансирования восстановительных работ ВТЦ. Я вспомнил лондонских экспертов, которые осматривали обломки; они заверили меня, что взрывные заряды должны были быть размещены в здании заранее, и это не могли сделать непрофессионалы. Понадобились бы дополнительные инженерные знания, чтобы так аккуратно снести 47-этажный стальной небоскреб.

Чтобы подтвердить эту версию, я говорил с несколькими американскими инженерами. Они не смогли назвать веской причины обрушения 47-этажного здания площадью в два миллиона квадратных футов спустя семь часов после того, как Башни-близнецы обрушились, якобы столкнувшись с самолетами. В докладе комиссии от 11 сентября пытались сделать так, чтобы это звучало, как будто все три здания были сбиты самолетом, но это было не так. Независимые инженеры, с которыми я консультировался, пришли к выводу, что высотки со стальным каркасом могли быть снесены только взрывчатыми веществами в ходе процедуры, известной как управляемый снос. Обрушение трех зданий продемонстрировало множество особенностей самого сложного вида управляемого сноса, известного под названием "взрыв".

Я знал, что Джим не лгал о сносе Башен-близнецов, но мне все равно нужно было знать, что Ричард украл из подземного хранилища и где он спрятал пропавшие из тех хранилищ вещи.

Я был удивлен, узнав, что под Башнями было столько золота. Джим сообщил мне, что подразделение торговли металлами "Комекс" хранит золотые слитки для банков Новой Шотландии, Чейз, Манхэттен Банка, Банка Нью-Йорка, Гонконга и Банка Шанхая на общую сумму более миллиарда долларов. Но это была всего одна компания. По оценкам, в ВТЦ хранилось золото на триста миллиардов долларов. И хотя большое количество золота было обнаружено в ноябре 2001 года, Джим настаивал, что это была приманка. Ричард нанял частных подрядчиков, чтобы использовать туннель для доставки под Всемирным торговым центром 5 для транспортировки золота в сухоходный док. Он отправил около половины металлов в различные порты Европы, но остальное перевозить было слишком рискованно, поэтому оно все еще лежало в складском помещении в доках.

Не было никаких сомнений в том, что за нападениями на ВТЦ последовало исчезновение всего золота из его подземного хранилища, и Джим сказал мне, что знает, где Ричард хранил свои горы золота. Он сказал, что расскажет мне больше о месте только после того, как я его вытащу. Это была рискованная процедура. Вытащить высокопоставленного заключенного из тюрьмы штата было опасно и безрассудно, но у меня не было выбора. Я должен был остановить Ричарда и не мог позволить ему сбежать, убив так много невинных людей в Башнях-близнецах. Меньшее, что я мог сделать, это убедиться, что он не выиграет от их смерти.

Две недели спустя Джим сопровождал меня в зону сухоходства в Нью-Джерси. Кто-то, должно быть, сообщил Ричарду о моем прибытии, иначе он мог заподозрить, что, поскольку его финансовый советник Джим Хейли сбежал из тюрьмы, это означало, что он отказался от своего тайного местонахождения. Когда я прибыл в зону,

было уже слишком поздно. Три грузовых судна уже отплыли; их место назначения неизвестно. Я прыгнул на буксир под символом береговой охраны, чтобы обойти охрану и приблизиться к быстроходному кораблю. Я направил буксир ближе к корпусу и нашел путь к главной палубе. Мне удалось подняться на борт и осмотреть груз. Там, тщательно замаскировавшись под элитную мебель, были украдены тысячи золотых слитков из федерального резерва. Ричард спешил отправить их за границу, пока береговая охрана США не успела его перехватить.

Я отправил сигнал SOS, но береговая охрана сказала, что судно вышло из-под их юрисдикции. У меня было всего несколько минут, чтобы принять решение. Позволю ли я Ричарду и его преступным отрядам уйти с тысячами тонн золота, которое он будет использовать, чтобы убить еще больше невинных людей? Или я уничтожу его богатство и покалечу его финансово, и заставлю его вскрыться? Я сделал свой выбор до того, как понял. Я оснастил два массивных носителя взрывчаткой, прежде чем спрыгнуть в буксир. Я ехал обратно на берег, когда начались взрывы. Парижский грузовой корабль был больше, чем казалось, и весил пятьдесят тысяч тонн. Пятьдесят минут ушло на то, чтобы корабли полностью распались на части и опустились на дно океана. По быстрым подсчетам, я догадался, что было уничтожено по крайней мере сто миллиардов долларов золота. Я только хотел бы увидеть лицо Ричарда, когда он услышит, что вся добыча его жизни пошла ко дну Атлантики.

Отец Ирины был более изобретательным, чем я думал. Ему сообщили, что его корабли утонули, и он решил, что я на его пути, так что он пошел дальше. Он обналчил свои активы в многочисленных банках, и грузовик с деньгами направился к подземному хранилищу, о котором ничего не было известно. Дастин использовал все доступные ресурсы, чтобы отследить бронированный грузовик, и дал мне координаты. Я взял внедорожник и нашел грузовик. Но когда я добрался до хранилища банка, то заметил, что три одинаковых грузовика выезжают из подуровня. Дастин сказал мне, что все наличные были в *одном* грузовике, а значит, два других были приманками. Ричард ожидал, что я смогу это отследить, поэтому он планировал сбить меня с толку. Я не мог проследить за всеми тремя из-за нехватки людей, так что я должен был решить, какой из них везет деньги.

Грузовики въезжали на три отдельных автострады и набирали скорость. Я ехал на хвосте и попросил Дастина взломать камеру на улице и измерить вес грузовиков, отсканировав давление воздуха в шинах. Я предполагал, что самый тяжелый грузовик будет вмещать в себя наличные деньги. Остальные два должны были быть пустыми. Хакер выследил самый тяжелый грузовик и дал мне название шоссе,

на котором он находился. Я увеличил скорость своей машины, чтобы успеть навестать упущенное, и ждал, пока я буду достаточно близко. Затем я использовал одну пулю, чтобы вывести из строя переднее колесо, заставив водителя остановить бронированный грузовик. Я подошел к машине и попытался открыть стальные усиленные ворота, но они были сделаны из непробиваемого бомбоустойчивого материала. Я никак не мог отпереть двери и опустошить содержимое. Опять же, у меня был только один выбор. Я вернулся в машину и взял из багажника ракету, запускаемую с плеча. Я направил оружие на грузовик и выстрелил. Бронеавтомобиль загорелся и я поспешно отступил. Даже издали я видел долларовые купюры, летящие в огне. Ночь была спокойной.

Мой величайший противник потерял все богатства своей жизни менее чем за три дня. Я не ожидал, что он с честью примет поражение. Ричард рано или поздно нацелился бы на меня, но мне уже было все равно. Слишком много людей уже погибло. Тысячи американцев погибли во время атак 11 сентября на Башни-близнецы, которые Ричард и члены его совета координировали, чтобы украсть деньги правительства США, которые хранились под зданиями. Отчим Ирины также намеревался заставить ВМС США пойти на войну с Пакистаном, чтобы он и его партнеры могли извлечь выгоду из продажи оружия.

Я знал, что убрать только его недостаточно. Мне нужно было уничтожить его империю и всех, кто с ним работал. У него было бесчисленное множество доверенных лиц почти во всех секторах правительства, а также в известных криминальных семьях. Ричард регулярно встречался с нелегальными торговцами оружием и криминальными боссами, а также с генеральными директорами оружейных и медицинских компаний. Я не знал, сколько его друзей-миллиардеров коррумпированы, но собирался выяснить это постепенно.

Я собрал все свои выводы и отправил доказательства одному из членов Комитета по разведке Палаты представителей, который проводил расследование террористических нападений 11 сентября 2001 года.

События того дня в моей памяти напоминают мне будто это случилось вчера. Я помню крики и вопли жертв и выживших в результате кровавых нападений на здания Всемирного торгового центра. Я был в ярости и отчаянии, потому что ничего не мог сделать, чтобы спасти их. Мои усилия были использованы в другом месте. Я был в Вашингтоне, пытаюсь предотвратить попытки объявить переворот, чтобы правительство США взяло в свои руки борозды правления демократией. В тот день я так много плакал, что у меня болели глаза и яростно болело горло. Мне удалось обезвредить бомбы, заложенные под Белым домом, и эффективно обезвредить

взрывчатые вещества, которые были специально сконструированы и созданы с использованием украденных материалов из заброшенного оружейного склада советской эпохи в Тбилиси. Это, как я узнал много недель спустя, было частью разработанного плана переворота, в котором американская общественность и новое военное правительство собирались возложить вину за теракты 11 сентября на Россию. Спустя несколько лет я узнал, каков истинный мотив человека, который был непреклонен в том, чтобы подставить Россию в связи с нападениями на американскую землю в 2001 году. Он стремился создать раскол между этими двумя великими государствами.

Из своего стеклянного дома Дастин пытался подключиться к единственным двум спутникам, к которым у него был доступ. Он пытался следить за снарядами, которые пролетали над Соединенными Штатами. Я хотел спасти жизни невинных американцев, которые наверняка гибли в тот день сотнями, но я также знал, что мы не можем допустить переворота, потому что это позволило бы коррумпированным или неопытным генералам взять власть в свои руки и объявить военное положение. Бывшая первая леди, которая все еще была сенатором Нью-Йорка, была единственным человеком в Вашингтоне, который поверил мне, когда я предупредил их, что столица находится под угрозой. Если бы она не снабдила меня планами зданий Капитолия и Белого дома, возможно, мне никогда не удалось бы обнаружить и обезвредить бомбы, которые были заложены под историческими зданиями.

Однако это было бы иллюзией представлять, что нападения на Америку прекратятся сразу после терактов 11 сентября 2001 года. Месяцами позже было запланировано еще одно подобное нападение, потому что те изгои из американского правительства, которые хотели совершить государственный переворот, были недовольны тем, что не смогли сделать это 11 сентября. У них были планы разгромить столицу США воздушными ракетами, но ракеты, направлявшиеся в Вашингтон, были нейтрализованы моим компьютерным гением. Крушение ракет Дастин обрушил на округ Сомерсет в Пенсильвании. Мы знали, что еще два беспилотника направлялись в Нью-Йорк, но в то время я почувствовал, что необходимо сохранить демократию.

Непрекращающийся звук не давал мне заснуть. Это был экстренный пейджер, который я держал для личного пользования. Охранники, которым было поручено охранять семью моей названной русской матери, должны были сообщить кое-что срочное. Я подключился к защищенной линии и позвонил по номеру. Офицер службы безопасности сказал, что наткнулся на лазейку в системе безопасности. Они смогли опознать ночного вора, который покидал дом моей приемной матери. Никто из охранников не видел, как входил

незнакомец, но они получили расплывчатое изображение мужчины, который вломился в жилище семьи. Когда я получил это изображение, мне показалось, что оно выглядит знакомо. Я видел этого человека раньше. Дастин пытался помочь и провел изображение через усовершенствованное приложение для распознавания лиц, но это не дало никаких результатов. Человека не было ни в одной известной базе данных. Ощущение, что знаю этого человека, не покидало меня. Я несколько часов ломал себе голову и, наконец, смог опознать его.

Это было несколько лет назад, сразу после того, как меня освободили из двухлетнего плена. Отец Ирины был зол на меня за то, что я отказался разрывать отношения с дочерью, поэтому он решил наказать меня. Он нанял своих приспешников сломать меня психологически и физически, прежде чем позволить мне уйти. Истязатели высадили меня посреди оживленной улицы в Таиланде. Я бродил, как зомби, несколько дней, прежде чем отправиться в паб. Мужчина в расплывчатом образе был в ночном клубе, куда я пошел на встречу с криминальным осведомителем. Я вспомнил походку и язык тела. Это был человек, который обвинял меня, чуть не приставал ко мне, пока я не потерял сознание после того, как принял выпивку. Я был в полусознании, когда понял, что он делает. Он пытался изнасиловать меня. В состоянии наркотического опьянения я больше ничего не мог вспомнить, кроме того, что я вяло пытался ударить его, но потерпел неудачу.

Воспоминания той ночи стали более ясными, и я смог отчетливо вспомнить лицо мужчины. Он говорил на немецком. Это был один из многих языков, которые я изучал в советском Лагере, поэтому я с ним бегло разговаривал. Именно в этой дружеской встрече он подсыпал мне в еду наркотики и я потерял сознание. С тех пор, как Ричард начал свою кампанию по отдалению меня от Ирины, он посылал десятки людей соблазнять меня, надеясь, что я навсегда изменю свои сексуальные предпочтения и оставлю Ирину в покое. Этот мужчина был одним из них. Но я все равно не мог понять, почему его послали за семьей моей приемной матери. Я считал эту женщину своей семьей с тех пор, как перебрался в Америку в восьмидесятые годы, но эта женщина или ее муж не знали о моем существовании. Я хотел представить, что они - моя семья, но я не видел и не встречал эту женщину или ее шестерых детей в течение многих лет. Я предпочитал оставаться невидимым другом, который защищал бы их и утешался мыслью о том, что есть семья, с которой я мог бы дистанционно общаться.

Я лично прилетел в Нью-Йорк, чтобы поговорить с охранниками. Они дали мне более подробный отчет. Они считали, что в доме моей приемной матери было совершено несколько взломов, а в одном случае целью была дочь этой женщины. Значит, это опять была моя

сестра. Я действительно боялся, что отец Ирины снова нанесет удар по этой семье, но я верил, что моей охраны достаточно, чтобы защитить их. Ричард, похоже, был полон решимости поймать дочь-подростка. Она должна была быть окружена и защищена, но я недооценил рвение похитителей. Если им удалось проникнуть в дом под непосредственным наблюдением стольких моих охранников, то было совершенно ясно, что его люди были высококвалифицированными и очень опасными. Я не мог позволить, чтобы мою сестру схватил и пытал Ричард или его больные извращенцы, как они пытали меня еще в девяностые годы. Лучше умереть, чем быть похищенным теми, кого нанял Ричард.

В начале 2011 года в Ираке появилась группа, называющая себя ИГИЛ. Они утверждали, что являются частью террористической ячейки "Аль-Каиды", но я думал, что они более изощренные. Группа приобрела дурную славу в Ираке и Сирии и начала публиковать пропагандистские видеоматериалы в Интернете. Как только я узнал, что террористическая сеть является частью "Аль-Каиды", я понял, что это было прикрытие ЦРУ для чего-то еще, для чего-то более зловещего.

С каждым годом деятельность ИГИЛ становилось все более огромной. После того, как в 2014 году американские ВВС начали наносить авиаудары по сети, США нанесли почти девять тысяч авиаударов по Ираку и Сирии, что привело к значительному ослаблению ИГИЛ. Однако к 2015 году, как утверждается, в результате бомбардировки российского пассажирского самолета погибло более двухсот гражданских лиц. В следующем месяце в результате взрывов бомб в Париже погибли сотни людей. Шесть месяцев спустя, в июне 2016 года, человек, утверждавший, что он является членом ИГИЛ, застрелил десятки людей в ночном клубе во Флориде. Меня потрясли эти нападения, потому что я был в том ночном клубе Орlando в тот роковой день и едва выжил в перестрелке. Гораздо позже я понял, что я был мишенью той перестрелки.

Происходило так много международных инцидентов, что даже лучшие разведывательные службы мира не смогли это остановить. Я знал, что это не работа безумных ближневосточных террористов, но до сих пор не мог понять, кто дергает за все эти ниточки. ЦРУ в одиночку проводило все эти террористические атаки? Это был "общезвестный" секрет, что "Аль-Каида" была изобретением Агентства, которое использовало агентов, чтобы выдавать себя за джихадистов и вербовать потенциальных подрывников или фанатиков. Если ИГИЛ или ИГ были частью "Аль-Каиды", то это, должно быть, было создание нашего правительства. Но театральные постановки были слишком грубыми. Реальные люди умирали. Даже я сомневался, что Агентство

санкционирует такое крупномасштабное нападение на собственный народ.

Я взял на себя инициативу и отправил сообщение Ричарду и проинформировал его о своих подозрениях и наблюдениях. Я сказал ему, что два взрыва на нефтяных месторождениях над Средиземным морем, скорее всего, были актами саботажа, осуществленными той же самой группой, которая распространяла жестокую пропаганду в Ираке и Иране. Я надеялся, что Ричард воспользуется своей группой черных оперативников из нулевого дивизиона АНБ, чтобы выяснить истинных организаторов беспорядков на Ближнем Востоке.

Мой ход был ошибочным и, в некотором роде, фатальным. Однажды утром я сидел в кафе, когда мои глаза устремились на экран телевизора. Это были почасовые новости. Полиция искала вооруженного и очень опасного человека, который был ответственен за бомбардировку нескольких американских нефтяных месторождений. Я подавил поздравительную улыбку. По крайней мере, власти быстро установили личность преступника. С облегчением вздохнул я еще раз, чтобы посмотреть на лицо подозреваемого. Кофе, который я держал в руках, упал с унылым гулом на столе, пролив темное содержимое на мою рубашку и брюки. Лицо на экране было моим собственным! Я был беглецом!

Я бросился из кафе, пока меня никто не узнал. В течение восемнадцати дней я жил жизнью разыскиваемого преступника, уклоняясь от камер, находясь за километры от своей квартиры или известных сообщников. Но на двадцатый день я больше не мог этого вынести. Слишком долго я не разговаривал с Ириной. Она бы очень беспокоилась обо мне. Мне нужно было услышать ее голос и заверить ее, что со мной все в порядке. В тот день я позвонил Ирине и поклялся ей, что меня подставили. С облегчением я увидел, что она с готовностью поверила в мою невиновность. Я умолял ее увидеться со мной перед тем, как я покину штат. К моему большому удовольствию она согласилась встретиться на поляне в близлежащем лесу, где не будет ни камер, ни полиции. На следующее утро я с нетерпением ждал нашей встречи. Изучив поляну, я занял своё место на изношенной скамейке над травой. Через несколько минут Ирина подошла ко мне. Ее роскошные волосы мягко развивались, когда она приближалась. Я встал на ноги, готовясь обнять ее.

Но Ирина замедлила темп. Потом остановилась.

Я нахмурился, растерялся. Почему она так холодно на меня смотрела? Я чувствовал, как моя собственная улыбка исчезает. Что-то было не так. Я видел, как Ирина кивала кому-то за пределами моего периферического зрения. Следующее, что я увидел, это стволы как минимум пятидесяти пистолетов. Весь лес был окружен. Почти сотня полицейских и ФБР ждали в тени, чтобы поймать меня. Моя любимая

Ирина поспешила в броневик, избегая взглядов в мою сторону. Я хотел позвонить, сказать ей, что я невиновен и что люблю ее, но слова застыли у меня в горле. И с мучительной тряской в сердце я понял, что Ирина меня бросила.

Боль, которую я чувствовал, когда она мне не поверила и передала в ФБР, была более болезненной, чем все те пытки, с которыми я когда-либо сталкивался в своей жизни.

Мучения неописуемы. Чувства, которые топят тебя, когда человек, которого ты любишь больше всего на свете, не верит тебе, что она так плохо о тебе думает, и смотрит на тебя как на незнакомца - настолько болезненны, что я не думаю, что какой-нибудь человек сможет вынести качели эмоций, которые пронеслись по моим венам.

В тот день в лесу что-то внутри меня умерло, часть меня умерла, которая больше никогда не возвращалась к жизни.

Какой смысл мне было жить в этом мире, если моя любимая Ирина так плохо обо мне думала? После того, как я тысячу раз рисковал своей жизнью ради нее, она нашла причину бросить меня. Ирина видела, как я несчетное количество раз бросался на произвол судьбы, чтобы спасти простых людей, но она все равно верила, что я способен причинять боль невинным людям. Если бы она из всех людей в мире не смогла полюбить меня или доверять мне, то кто бы меня когда-либо полюбил? Кто когда-нибудь поверит мне? И по какой причине мне придется жить в этом мучительном мире - без любви и доверия?

Я казался бесполезным, моя жизнь - бесполезна. Не было большой любви и воспоминаний, за которые я мог бы уцепиться: не зачем было смотреть вперед, не к чему было возвращаться. У меня никого не было.

До сих пор у меня нет благодетеля. У меня нет отца, нет семьи, нет жены, нет детей, нет национальности, нет Родины, нет религии. Я пришел в этот мир один, и я оставляю эту жизнь только с одним человеком в моем сердце: я всего лишь сын своей матери.

.....

Это была еще одна миссия, санкционированная черной бюджетной программой АНБ.

Отчим Ирины дал мне четкие инструкции. Я должен был забрать посылку у человека в Сидзуоке и ждать в точке эвакуации в двух милях от самого города. Самолет должен был доставить меня на Фукусиму, где я должен был помешать группе китайских наемников сбросить в море необработанную радиоактивную воду с разрушенной АЭС в Фукусиме. В подразделение "черных оперативников" АНБ поступила информация о том, что нанятая китайской Триадой группа из тринадцати человек будет руководить штурмом и саботировать

резервуары-хранилища, в которых содержалась загрязненная вода, и будет выбрасывать значительное количество токсичной жидкости в питьевую воду страны по мере того, как остальные радиоактивные отходы будут разливаться в океан. Ричард настаивал на том, что эта миссия имеет первостепенное значение, поскольку выброс более миллиона тонн радиоактивной воды в Тихий океан нанесет беспрецедентный ущерб экосистеме, а опасные отходы нанесут вред морской флоре и фауне.

Мой связной должен был встретиться со мной в пивоварне в Сидзуоке, городе на южном побережье Японии. Я ждал более двух часов под полуденным солнцем, но когда никто не появился, я направился на конспиративную квартиру рядом с храмом Нагаошира. Место было пустым, но меня ждала молодая женщина. Ее звали Акеми Хасимото, и она сказала, что кто-то приказал ей ждать на конспиративной квартире, пока я не приеду. Я сообщил японской женщине, что, наверное, произошла ошибка, потому что мой связной так и не появился в пивоварне, и у меня не было запланировано никаких встреч на конспиративной квартире. Акеми также была озадачена неожиданностью, но она согласилась помочь мне найти моего связного. Мы отправились к первоначальному месту встречи, но район все еще был пустынен. Я объяснил, что мне нужно отправиться на разрушенную атомную электростанцию в Фукусиме, прежде чем мошенникам удастся загрязнить запасы питьевой воды в Японии. В течение следующей недели Акеми выступала в качестве моего проводника и помогала мне доставать для миссии основные предметы снаряжения, такие как оружие и пуленепробиваемую экипировку.

Но в день, когда я должен был уехать, я ушел с конспиративной квартиры для утренней пробежки, но когда я вернулся, то обнаружил Акеми, лежащую посреди гостиной. В комнате было жутко тихо. Я позвал Акеми, но она не ответила. Когда я слегка подтолкнул ее, ее тело перевернулось, и я увидел, что на ее туловище было несколько глубоких ножевых ранений. И мой карманный нож торчал из центра ее груди. Я закрыл рот и упал на пол. Это было невозможно. Как она могла умереть? Я видел ее час назад! Кто мог убить ее, используя мой собственный карманный нож? Я тщетно пытался вернуть к жизни японку, но это было бесполезно. Она истекла кровью. Помогая мне столько дней, женщина должна была умереть бессмысленной смертью. Я не сомневался, что тот, кто убил её, искал меня здесь, и когда они не нашли меня, они убили женщину, которая помогла мне самым самоотверженным образом. Я сгорбился над ее еще теплым телом, когда услышал звук клинка, пролетевшим над моей головой. Я уклонился инстинктивно, едва избежав смертельного удара по голове. Нападавшие были одеты в темные комбинезоны и маски из ткани. По

тому, как они использовали двухсторонние мечи, я мог сказать, что они принадлежали к одной из старейших боевых группировок. Удлиненный дракон был отпечатан на подошвах их мягкой обуви. Я узнал этот знак. Это были якудза!

Мое сердце колотилось, я уклонился от нескольких ударов, прежде чем победить одного из бойцов. Я схватил его меч. Он был настолько тяжелым, что я боялся, что он упадет. Я держал одного из мужчин на расстоянии вытянутой руки и говорил по-английски. Я объяснил, что не враг Японии и не причиняю ей вреда. Один из нападавших ответил по-английски и сказал, что якудза мстили за своих, и теперь моя кровь будет пролита в обмен на их девушку.

Когда на моем лице выразилось недоумение, один из нападавших бросил в меня карманный нож: "Мы знаем, что ты убил дочь нашего лидера".

"Я никого не убивал", – умолял я.

"Этой командой руководил отец Акеми Хасимото, а теперь ты ее убил. Мы казним тебя за это".

Я повторил, что невиновен, но вооруженные люди, обвиняли меня в нападении, с новой силой. Я едва отразил удар собственным мечом, но от удара я упал на пол, и лезвие разлетелось на куски. Я знал, что победить в этом поединке невозможно, поэтому пытался сбежать. Это была тяжелая борьба. Я рухнул на обочине и прятался там до заката. Оттуда я пошёл в местный магазин, пожилой владелец узнал меня, когда я ездил с Акеми. Он доверял мне, и когда я обратился к нему за помощью, старик-японец согласился помочь мне бежать от страшной якудзы. Он подождал до полуночи, а потом принес свою личную бекабуне. Деревянная лодка была построена для сбора водорослей, мужчина разрешил мне сесть на лодку и сопроводил меня до железнодорожного вокзала. Я сел в поезд, направляющийся на Фукусиму, я сел в последнем купе.

Моя поездка не продлилась слишком долго. Через несколько минут после отбытия поезда мое купе кишело агрессивно выглядящими мужчинами. Я узнал их по тату на запястьях. Татуировка дракона. Они были членами Якудзы, транснациональных организованных преступных синдикатов, происходящих из Японии, и у каждого мужчины была моя фотография в руках.

Я понял, что якудза начал охоту за мной, и нигде в Японии я не буду в безопасности. Поисковая группа в купе поезда сразу же узнала меня и стала приближаться. Я пытался выбить запечатанное окно рядом со мной, пока оно не разбилось – затем я спрыгнул с движущегося поезда на рельсовые пути. Промаях был близко, но я знал, что в следующий раз мне не повезет. Я снова пошел в магазин старика, но магазин был закрыт. Жалюзи были опущены. Я зашёл внутрь и поскользнулся на чём-то тёмном. Я встал на колени и мои

руки соприкасались с шелковистой материей. Что-то твёрдое, холодное. Тело! Это был добросердечный старик, который помог мне сбежать на вокзал за несколько часов до этого. Теперь он был мертв. Из тусклого света, который просачивался через окно, я увидел, что старику перерезали горло. Его казнили в стиле якудзы за помощь беглецу.

Масштабная охота за мной теперь имеет смысл. Акеми Хасимото была дочерью одного из самых страшных лидеров японской мафии, а теперь кто-то убил ее и подставил меня за убийство. Неудивительно, что ее отец отправил все свои ресурсы, чтобы найти и казнить меня. Я хотел бежать из Японии, как только представилась такая возможность, но чувствовал, что это было бы несправедливо по отношению к Акеми. Она была моим другом и помогала мне в поисках товаров в местных магазинах. Я должен был выяснить, кто на самом деле так жестоко ее убил, и почему те убийцы использовали мой карманный нож, чтобы заколоть ее. Вся ситуация, похоже, была тщательно продумана, и настоящие убийцы хотели, чтобы якудза поверил, что я убийца. Я надеялся поймать настоящего преступника и дать семье Акеми покой, которого они заслуживали, но я был сам по себе, без спутникового подкрепления, тактической поддержки и конспиративных квартир.

Мне потребовалось три недели, чтобы сбежать с острова Японии, и больше всего мне было больно от того, что многие невинные люди погибли, пока я был в бегах. Японскому лидеру якудзы удалось схватить человека, который убил его дочь. Он был подкуплен подставной компанией, которая была связана с "Блэксенд Секьюрити Контракторз". Во время допроса этот человек признался якудза, что Ричард приказал ему убить Акеми и подставить меня за убийство. Именно по этой причине он позаботился о том, чтобы с помощью карманного ножа, на котором были мои отпечатки пальцев, убили невинную японскую девушку. Если бы я мог спасти ее. Я искренне желал, чтобы кровопролитие прекратилось и я смог бы снова жить в мире.

Июль 2013 года

Гэри Хантингтон поступил на службу в армию США в качестве пехотинца и был назначен стрелком в 75-й десантно-диверсионный полк. Он служил в качестве командира группы снайперов до ноября 2007 года, когда окончил специализированный отборочный курс и поступил на службу в войска "Дельты". Во время одной из своих зарубежных миссий он столкнулся с частными наемниками – убийцами Ричарда и предотвратил убийство известного

ближневосточного посла. С тех пор, как он сорвал заговор Ричарда, он попал в поле зрения команды убийц из Блэксенда, которые совершали многочисленные покушения на его жизнь. Именно Гэри впервые обратился ко мне по поводу подозрительной встречи, которую Ричард устроил с двумя членами организации "Блэксенд Секьюрити Контракторз". Наемники казнили иракских полицейских, чтобы скрыть ограбление банка. Гэри понял, что частная охранная компания не является законной, и подал официальные жалобы в высшие эшелоны вооруженных сил. В последующие годы Постоянный специальный комитет по разведке провел многочисленные закрытые заседания, посвященные сомнительным действиям Блэксенда, и приказал американским военным разорвать с ними контракт.

Когда я обнаружил, что Ричард за последний год много раз ездил в Китай и пытался ликвидировать все свои активы, которые хранились в банках США и ЕС, я понял, что он замышляет нечто злое. Я хотел отправиться в Китай, чтобы узнать о его планах, но это было труднее сказать, чем сделать. Технически я все еще был беглецом. Ричард позаботился о том, чтобы у меня на спине всегда была мишень. Из-за моего русского происхождения Ричард заставил правительство США поверить, что я – угроза. Я не мог просто сесть на пассажирский самолет в Китай, не вызвав внимание Нацбезопасности или ФБР. Мне нужна была помощь того, кому я мог доверять. Я попросил русского хакера найти Гэри Хантингтона. Дастин отследил Гэри и предложил ему шанс помочь нам в этой миссии. Он согласился сопровождать меня в этой секретной операции за пределами США. Мы прибыли в округ Баоан рано утром в субботу. Дастин уже забронировал нам апартаменты в пятизвездочном отеле в подрайоне Чжуншань Ши.

Я дал Гэри предварительную справочную информацию о Ричарде и о том, как он работал на чужой земле.

"Откуда у Ричарда взялись деньги, чтобы начать такую масштабную международную программу, как ИГИЛ? Я имею в виду, что это должно было стоить больших денег. Чтобы заставить террористическую ячейку выглядеть реальной, ему пришлось нанять сотни наемников, устроить фальшивые взрывы в разных странах, купить оружие, сделать эти отвратительные пропагандистские ролики, обезглавливания в прямом эфире по телевидению, и этот список продолжается. Ричард не смог сделать все это в одиночку, - Гэри Хантингтон продолжил с решительностью. - Ему помогли. Как зовут польского парня, который признался, что снял несколько пропагандирующих роликов ИГИЛ?"

"Мацей Блашчак?"

"Да, он. Тот парень сказал, что у него были конкретные инструкции, чтобы ИГИЛ выглядела так, как будто ею управляют русские наемники. Он должен был создать сотни лагерей секс-рабов

для джихада в Ираке и Сирии и утверждать, что русские секс-торговцы контролируют все операции по контрабанде людей. Поэтому он назвал всех своих вымышленных преступников русскими подставными именами".

Дастин прокашлялся: "О, на случай, если тебе интересно. Я выследил Блашчака. В настоящее время он является президентом Европейского Института при Утрехтском университете".

"Профессор – террорист? Туше", – Гэри прокомментировал.

Я проигнорировала его и обратилась к Дастину: "Я думал, что Бруно Грюневельдер сказал нам, что он должен был сделать ИГИЛ хуже, чем нацистов. Разве не по этой причине Грюневельдер назвал все лагеря *"Наца Лав"*, в честь тех нацистских борделей, которые Армия Германии любила называть лагерями любви?"

"Не думаю, что Ричард рассказал ему все подробности, – Гэри продолжил. – Бруно сам придумал все эти блестящие планы. Парень все-таки немец. Нельзя винить его в том, что он пытался сделать так, чтобы его старые нацистские герои выглядели хорошо, создавая нечто, что казалось бы намного хуже, например, обезглавливание людей ИГИЛ и сексуальное рабство. Бруно Грюневельдер получил за это миллионы долларов".

"Точно, именно об этом я и говорю! Ричард отдал Грюневельдеру миллионы. Сотни миллионов, на самом деле." – Дастин сказал, его голос стал пронзительным.

Гэри хмурился: "Как Ричард заполучил такие деньги, не предупредив МВФ или мировые банки?"

"Возможно, у меня есть ответ на этот вопрос, – предложил хакер. – Я использую программное обеспечение, связанное с Даркнетом. Оно просматривает новости, социальные, в основном весь Интернет и отмечает все, что связано с Ричардом или Блэксендом. Я нашел кое-что интересное. Кто-нибудь из вас помнит поимку свергнутого лидера Ливии Муамара Каддафи?"

"Это было в 2011 году, верно?" – Гэри сказал.

Русский хакер кивнул: "Я перехватил определенный разговор, который произошел в октябре 2011 года между руководителями Блэксенда, которые обсуждали, как Каддафи не сотрудничал даже после того, как его пытали, и он отказался от местонахождения своего припрятанного золотого слитка и информации о банковском счете только после того, как они неоднократно насиловали его. Судя по всему, Каддафи не был захвачен ливийскими войсками, как это показали средства массовой информации. Люди Ричарда взяли его первыми и пытали его за информацию".

"В стенограмме упоминается, какую информацию они хотели достать из ливийского лидера?" – спросил я.

"Почти тридцать отдельных номеров банковских счетов. Согласно сообщениям, Муаммар Каддафи предоставил доступ агентам Блэксенда к около двухсот миллиардам долларов".

"У него было столько денег?" – солдат почти присвистнул.

"Скорее всего, у него было больше припрятано, – подумал я вслух, – но Ричарда, несомненно, беспокоило раскрытие истории в СМИ. Каддафи был не просто обычным бедуином, поэтому его нельзя было заставить исчезнуть. Я думаю, что после того, как он выжал из него всю информацию, Ричард подбросил его тело ливийским войскам".

"Национальный переходный совет Ливии воздал должное за поимку Каддафи, но они не смогли объяснить следы пыток на его теле, – Дастин читал с экрана. – Запечатанный отчет о вскрытии показывает, что Каддафи подвергали пыткам с хирургической точностью, чтобы сохранить ему жизнь. Позднее ливийские силы заявили, что он скончался от ранений, полученных в перестрелке".

"Ух ты! Это классика и клише одновременно, – Гэри жестикулировал энергично, когда говорил. – Ричард использовал миллиарды долларов, которые он украл у Каддафи, чтобы создать свою маленькую террористическую ячейку ИГИЛ".

"Значит, он положил миллионы на случайные счета и нанял добровольцев, чтобы убрать себя?" – я в пустоту задавал этот вопрос.

"Я бы не назвал их случайными, – хакер поправил меня. – Почти все счета, с которых финансировались индивидуальные террористические атаки, связанные с ИГИЛ, были открыты со счетов VIP-банка в банке ФК "Открытие", Сбербанке России, банке ВТБ и Газпромбанке, который является третьим по величине банком в России".

"Ричард сошел со своего пути, чтобы убедиться, что ИГИЛ выглядит как русская террористическая группировка, – Гэри Хантингтон бросил тревожный взгляд на меня. – Интересно, зачем ему это делать".

Я вздохнул: "Ричард знает о моем русском происхождении. Думаю, он все еще думает, что я верен России".

"Это очень мстительный поступок, – воскликнул Гэри. – Думаю, он планирует заставить Америку и весь мир поверить, что за ИГИЛ стоит Россия, чтобы международное сообщество проголосовало за то, чтобы наложить на Москву санкции или даже вторгнуться в страну".

Я кивнул: "Мы с Дастином очень старались предотвратить сотни нападений, которые Ричард планировал совершить по всей Америке. Только в 2015 году я остановил почти тридцать крупных нападений. Почти все они были сделаны так, будто это чеченцы или россияне. И с тех пор, как он узнал о семье, которая у меня есть, о моей приемной матери в Нью-Йорке, он также думает, что я верен мусульманам,

потому что муж русской женщины был из Восточного Пакистана. Это было частью его плана – навредить мне, поэтому он нанял автора, чтобы тот написал книгу "Сатанинские стихи". Это было одной из многих вещей, которые Ричард сделал, чтобы причинить мне боль".

Гари потер ладони: "Ладно, давайте разберемся с кризисом в Китае, хорошо?"

Дастин напечатал копии руководства Блэксенда, чтобы мы могли подготовиться к нашей миссии. Мы обсудили наилучшие способы нейтрализации угрозы, которую представлял Ричард, не предупреждая китайское правительство о нашем присутствии. Если бы Пекин узнал, что члены американской группы черных оперативников находятся в их стране без соответствующего разрешения, то они, не колеблясь, спровоцировали бы международный скандал с Белым домом.

Я был знаком с директором организации "Международная Амнистия" по Восточной Азии. Он предоставил мне список из трех тысяч частных охранных компаний, которые ведут бизнес в Китае.

Гэри просматривал отчет. "В Китае работает более трех тысяч частных охранных компаний, – прочитал он из моего доклада. – Чем Блэксенд отличается?"

"Несмотря на то, что нередки случаи использования Китаем зарубежного опыта для защиты своей империи, я не ожидал, что они наймут такую преступную группировку, как Блэксенд, и предоставят им доступ к своему внутреннему кругу безопасности, – сообщил я ему, подробно рассказав об уголовных обвинениях, с которыми Блэксенд и его оперативники столкнулись за последние пять лет. – Они практически наемники, ответственные за гибель тысяч гражданских. Ричард использует Блэксенд для убийств, отмывания денег, мошенничества с приватизацией, запугивания и вымогательства".

Зная Ричарда, я не был слишком удивлен, узнав, что "Блэксенд Секьюрити Контракторс" имеет такое многочисленное присутствие в стране. Официально компания Блэксенд была включена в список аффилированных компаний Пекинского канала безопасности (Beijing Security Channel), государственного китайского предприятия, которое с прошлого года выплатило компании Блэксенд восемьсот миллионов долларов.

Дастин прервал мои мысли: "Послушай это. Блэксенд купил акции "Джинлей Динамикс", государственного китайского предприятия, которому принадлежит тридцать процентов военных активов. Теперь они местные знаменитости".

"Ты можешь отследить их штаб-квартиру? – я спросил у хакера. – Я хочу знать настоящую причину, по которой Ричард посылает свою лучшую частную команду безопасности в Китай."

"Я идентифицировал две базы Блэксенд в Китае. Одна в Ухане. Большая – в Синьцзяне", – Дастин прокрутил изображение.

"Что они делают в Синьцзяне?" – спросил я хакера.

"Если я не ошибаюсь, похоже, что Ричард планирует открыть еще одно оперативное подразделение в этом регионе."

"Лига 13, – я пробормотал. – Это программа черных оперативников под юрисдикцией АНБ. Ричард создал ее, и он был ее директором".

"Откуда ты знаешь о Лиге?" – Гэри спросил. Его глаза были полны любопытства.

"Потому что я был частью этого, – сказал я просто. – Ричард завербовал меня, когда я приехал в Америку в качестве агента под прикрытием. Он убедил меня сменить сторону."

"Ты был в ФСБ?" – Гэри спросил.

Я вздохнул: "ФСБ тогда не существовало. Это было КГБ. И я верил, что работаю на советское правительство, но это не так. Человек, на которого я работал, был бывшим Полковником КГБ, который ушел в отставку за годы до того, как завербовал меня. У Полковника была сеть организованных тренировочных лагерей по всему Восточному блоку. Через несколько месяцев после того, как я начал обучение, он отправил новобранцев в средневековый замок в Восточной Германии. Это была его основная база операций".

"Хорошо, встреча начинается", – Дастин объявил.

"Где?" – я спросил, вставая на ноги.

Оперативник из Блэксенда, который попросил меня помочь ему выбраться из Китая, предлагал новую информацию об эндшпиле Ричарда в Китае, и он согласился встретиться с ним лично.

Дастин распечатал копию карты местности: "Наш контакт согласился быть на прилегающей улице, в тринадцати ярдах к югу от водохранилища Дакенгху. Он будет держать в руках сегодняшний выпуск "Дунгуань Таймс". Думаю, только один из вас должен пойти. Иначе он может испугаться, что видит целую кавалерию".

"Я пойду", – я вызвался.

Двадцать минут спустя я стоял лицом к лицу с мужчиной средних лет в соломенной шляпе над его истонченными каштановыми волосами.

"Я Конрад", – сказал он нервно, когда увидел меня.

Я кивнул: "Спасибо, что был здесь, Конрад. Ты сказал, что у тебя есть информация?"

"Да, и тебе нужно действовать быстро, если ты хочешь остановить это!"

"Остановить что?" – спросил я, растерявшись.

"Пока мы говорим, Ричард снабжает руководителя Коммунистической партии компрометирующей секретной информацией."

"Не мог бы ты уточнить, что это за информация?" – я надавил.

Конрад проглотил: "Послушай, Ричард на днях злорадствовал и сказал нам, что поскольку отношения с Вашингтоном и Пекином достигли нового пика из-за споров о торговле и правах человека, это было идеальное время, чтобы продавать информацию. В основном Ричард предлагал китайскому правительству использовать оперативников Блэксенда, чтобы ликвидировать присутствие всех агентов ЦРУ под прикрытием в их стране".

"Это невозможно! – я чуть не закричал. – Агенты Блэксенда могут быть наемниками, но они все-равно американцы. Как они могут убивать своих?"

Конрад горько смеялся: "Блэксенд больше не связан с правительством США. Мы – независимая организация, и сейчас мы официально преданы Пекину, потому что именно он сейчас снабжает нас оружием".

"Почему Блэксенд создает свою базу в Китае?" – я хотел бы узнать.

Конрад выглядел расстроено: "После того, как американские военные ликвидировали нашу компанию, Блэксенд потерял все активы. Правительство забрало у нас лицензию, поэтому Ричард запаниковал и нашел другого клиента в Китае".

"Он сказал нам, что готов заключать сделки с дьяволом, чтобы сохранить свою охранную фирму."

"Итак, Конрад, скажи мне, в чем дело? – я спросил прямо. – Что Ричард предложил китайскому правительству, которое заставило их согласиться на работу с Блэксендом? Они должны были знать, что оперативники Блэксенда виновны в убийстве десятков китайских политиков."

"Я не знаю, чего Ричард в конце концов надеется достичь, но он сказал Коммунистической партии Китая, что если они согласятся вторгнуться в Российскую Федерацию, он подарит им три триллиона долларов."

"Вторгнуться в Россию? – я начал задыхаться. Это было самое ужасное, что я слышал за все эти годы. – Это бессмыслица, Конрад! Китай и Россия – союзники."

"Правда, но Ричард сказал, что это его единственное требование. Если бы они согласились вторгнуться в Россию, он бы облегчил всю операцию и перевел им обещанные деньги. Кроме того, он предложил уничтожить все активы ЦРУ в материковом Китае, чтобы они были свободны от иностранного вмешательства".

"Что случится, когда китайцы поймут, что у Ричарда нет с собой трех триллионов долларов?" – я спросил.

Конрад выглядел слегка удивленным: "Но он уже это сделал. Так как восемь месяцев назад он перевел три триллиона долларов в Народный банк Китая."

Я покачал головой, чтобы отклонить его заявление: "Мы оба прекрасно знаем, что американское правительство следит за каждой сделкой, которая происходит в США."

Конрад улыбнулся: "Министерство следит за всеми международными финансовыми операциями, совершаемыми гражданами Соединенных Штатов. Ричард знает об этом."

"Тогда как он послал такие деньги?"

"Ричард знал, что не сможет перевести столько денег в материковый Китай, не привлекая внимания налоговой, – Конрад сказал мне. – Правительство и МНБ, в частности, сразу же отметили бы сделку и начали бы длительное расследование. Единственный способ, которым он смог бы повернуть нечто настолько масштабное, это временно отключить серверы контролирующего агентства и использовать счета Налогового управления для перевода денег. Так что, похоже, что деньги поступили непосредственно из казны правительства США".

"Значит, у них уже есть деньги? – спросил я. – У Китая теперь три триллиона долларов?"

Конрад серьезно кивнул: "И они сдержали свое слово и снабдили Блэксенд щедрыми контрактами. Сделка состояла в том, что Китай объявит, что он вторгся в Россию с юга, в то время как элитная группа безопасности Ричарда будет оказывать материально-техническую поддержку китайской армии".

"Значит, это то, что он планировал? – мои зубы сжимались так сильно, что я думал, что они сломаются. – Когда запланировано русское вторжение?"

"Она в процессе, – сообщил мне Конрад. – Ричард сказал китайскому правительству, что русские не будут слишком рады вторжению Китая, поэтому им нужен солидный план по сдерживанию инакомыслия. Он предложил Коммунистической партии построить концентрационные лагеря вдоль российско-китайской границы."

"Зачем?"

"Он планировал разместить по крайней мере от десяти до двадцати миллионов русских в этих лагерях для рабов. Наши архитекторы помогли спроектировать некоторых из них. Те, что в Синьцзяне, должны были стать прототипами настоящих лагерей."

"Ты говоришь, что массовое заселение этническими меньшинствами в Синьцзяне было идеей Ричарда?"

"Не совсем, – сказал Конрад. – Это был эксперимент с концентрационными лагерями. Китайские власти решили использовать их для чего-то прибыльного, так как строительство уже было завершено. Как только начнется война с Россией, в этих лагерях могли разместиться только российские граждане."

Мое лицо дрожало, когда я обращался к Конраду: "Слушай, Ричард кое-что упустил из виду. Он не принял во внимание, что Россия – ядерная держава, которая за считанные минуты может стереть Китай в порошок."

Конрад увлажнил его губы: "Ричард сказал, что у него все под контролем, потому что около пятидесяти российских политиков и высокопоставленных депутатов Госдумы подкуплены. Некоторым угрожают, в то время как другим щедро платят, чтобы обеспечить их лояльность. Он будет использовать оперативников Блэксенда, чтобы заставить других замолчать, если они будут создавать неприятности. И это будет идеальное правительство марионеток."

"Какова его одержимость этими концентрационными лагерями?"

"Ричард любит называть русских – простите за это, но он всегда говорит, что они дикари, которых нужно контролировать, сажая их в исправительно-трудовые лагеря. Не знаю, почему он так отчаянно пытался это сделать, но он что-то говорил об использовании русского рабского труда в бизнесе. Он также сделал подобное предложение Монголии. Их правительство уже начало строительство нескольких масштабных лагерей для интернированных вдоль монголо-российской границы. Мне казалось, что он хочет сделать Китай следующей нацистской Германией."

"Итак, что ты узнал, приятель?" – Гэри спросил меня, как только я вернулся с места встречи.

"После того, как американские военные отменили все контракты с Блэксендом, Ричард начал искать других заказчиков. Его первой остановкой был Китай. Ричард все еще имел доступ к серверам данных ЦРУ и использовал эту информацию, чтобы завоевать доверие лидеров Коммунистической партии Китая. Он заверил их, что сделает их страну свободной от вмешательства ЦРУ, если они согласятся использовать его команду и отдадут все их военные контракты Блэксенду. Блэксенд убил офицеров ЦРУ, которые были официально включены в список в Лэнгли, и продал личные данные агентов ЦРУ "под прикрытием" на материковом Китае, и один за другим агентов стали арестовывать или убивать китайские власти."

Гэри утонул на одном из надувных диванов Дастина: "Я совсем не понимаю. Эй, а что если это все фарс? Это могут быть фальшивая информация, верно? Китай ни за что не согласится вторгнуться в Россию по приказу сумасшедшего е****того, как Ричард".

"В 2012 году Ричард впервые обнародовал ИГИЛ, он призывал Китай аннексировать Сибирь и Магаданскую область. Конрад сказал мне, что китайское правительство постепенно переместит сто пятьдесят миллионов китайцев на российскую сторону Амура. "

"Парень не лгал, – Дастин повернулся в кресле. – Они уже начали мирное вторжение, где семнадцать миллионов китайцев уже перебрались в приграничную область России".

"Почему местные власти ничего не делают? " – спросил я в ярости.

"Потому, что регион, граничащий с Монголией, Китаем и Казахстаном, довольно пустыннен. Сейчас во всей Сибири проживает менее шести миллионов русских", – русский хакер сказал.

Гэри Хантингтон говорил почти сам с собой: "Ричард был здесь супернаемником. Он хотел монетизировать войну, поэтому он нанял китайское правительство за три триллиона долларов непосредственно из государственной казны, чтобы никто не смог его остановить, и тогда он начнет свой крестовый поход против России".

"И меня", – сказал я тихо.

Дастин замер: "Я не ожидал, что его месть зайдет настолько далеко".

"Дастин, мне нужно, чтобы ты помог мне выследить Ричарда. Пройдись по денежным следам со счетов Блэксенда, которые ты отслеживал до этих пор. Любые заметные банковские переводы, что-нибудь подозрительное. Найди это."

"Я не вижу никаких заметных переводов, но есть обновление на странице IG одного из оперативников Блэксенда".

"Обновления?" - я повторил.

"Ракета со спутником "Бейдоу-ЗГЕОЗ" только что поднялась с космодрома "Сичан" ".

"Дай мне местоположение космодрома", – сказал я хакеру.

"Космодром находится в городе Зейуан. Я могу организовать вертолет для вас двоих".

Гэри прокашлялся: "Не хочу навязываться, но я мог бы поехать в город Зейуан. Поверь мне, я знаю этот район. Во время тренировки моя команда "Дельта" осталась в этом районе для разведки в поисках подрядчика "Блэксенд Секьюрити", который, как считалось, был мошенником. Мы его не нашли, но я смог ознакомиться с территорией".

"Да, поезжай и проверь космодром. Я уверен, что запущенный китайский спутник связан с Блэксендом. Ричард может использовать его для безопасной связи".

"Или для дистанционного запуска ядерного оружия", – мрачно предположил Гэри.

Я подавил дрожь и обратился к русскому хакеру: "Если мы сможем найти китайские оборонно-промышленные объекты, мы сможем опередить любой потенциальный запуск. Мы не можем позволить Ричарду использовать их оружейный арсенал против России. У Федерации не будет шансов выстоять против масштабного китайского нападения".

Дастин возобновил свои поиски без раздумий. Через несколько мгновений он взглянул вверх: "Мне удалось войти в навигационную спутниковую систему Бейдоу, и она выглядит не очень".

"Что ты нашел, Дастин?"

"Спутник, который был недавно запущен, был оснащен определенным набором координат, то есть его единственная задача заключалась в мониторинге районов в указанных точках".

Я чувствовал себя слабым, и моя голова кружилась. Одна только мысль была слишком пугающей. Неужели ядерная война на горизонте? Я никогда не хотел верить в то, что Россия станет мишенью такого решительного человека, как Ричард. Он хотел причинить мне боль, и это был его шанс уничтожить мою Родину.

Я наклонился ближе к монитору и спросил: "А какие именно точки?"

"Спутник нависает над Греховой в Иркутской области, а также периодически дает обратную связь по одному из регионов Удачного. Это город в Мирнинском районе. В Эрзине также много движения. Я не могу понять, зачем. Эрзинский район Тувы – равнинный, сельский. Почему китайский спутник локализован на этом месте?"

Я попросил Дастина выяснить местоположение на карте. Я заметил, что Эрзин граничит с Монголией. Агент Блэксенда ранее упоминал, что Ричард предложил монгольским властям щедрые поставки не отслеживаемого оружия в обмен на их сотрудничество при вторжении в Россию.

Конрад смутно относился к скрытому плану Ричарда, но он начал приобретать больше смысла. Дастин загрузил несколько дополнительных изображений на свой компьютер. Я заметил, что на снимках видны скопления войск на восточном и западном конечных пунктах монголо-российской границы.

"Дастин, что это? На что я смотрю?"

"Китайские спутники сделали эти снимки, – русский хакер увеличил фотографию. – Они были сделаны за последние несколько месяцев. Согласно этим снимкам, произошла массовая мобилизация китайских войск вдоль Хэйхэ, города северной провинции Хэйлунцзян, расположенного на границе с Россией, на южном берегу реки Хэйлунцзян. Он находится непосредственно напротив русского города Благовещенска. Еще одно китайское пехотное подразделение можно

увидеть незаметно переправляющимся через Амур, направляющимся в Тамбовский район".

Мне не хватало воздуха и я заговорил сам с собой: "Ричард убедил китайское правительство запустить ядерную боеголовку над Россией и захватить Магаданскую область. Почему сейчас, когда мы говорим, войска движутся внутрь?"

Дастин качал головой: "Почему Китай согласился напасть на своего друга? Русские – их союзники!"

"Ричарду удалось манипулировать гораздо более умными нациями, чтобы предпринять более решительные действия в прошлом, – я сказал ему тихо. – Китайское правительство понесло несколько триллионов долларов убытков в последние годы. Они также сталкиваются с острой нехваткой продовольствия и зерна, так что это их шанс перебраться в российские города и захватить продовольствие у соседей. Но мы должны найти способ остановить это".

"Почему Монголия помогает Китаю? – Дастин спросил. – Я заметил скопление и монгольских войск на границе России".

"Конрад отметил, что ряд предпринимателей, базирующихся в Улан-Баторе, запустили совместное предприятие с китайскими государственными компаниями, в том числе с "Блэксенд Секьюрити". До фактического вторжения китайцев они обещали спокойно захватить Магаданскую область под видом местного бизнеса."

Русский хакер закатил голову, чтобы размять плечи: "Я никогда не был в Магадане. Ты знаешь, почему все за ним охотятся? Он чем-то особенный?"

"Магадан – ценный кусок земли, – я сообщил своему другу. – В нем находятся богатейшие в мире районы добычи полезных ископаемых, а также он находится рядом с Охотским морем, которое является одним из самых плодородных регионов Мирового океана."

"Куда ты направляешься? – Дастин сказал в тревоге, когда заметил, что я готовлю свою дорожную сумку. – И зачем тебе все эти пушки?"

Я вздохнул: "Слушай, я не могу остановить Ричарда один, и если я буду ждать возвращения Гэри, может быть уже слишком поздно".

"Слишком поздно для чего?"

"Оперативники ЦРУ, имена которых Ричард вскрыл китайской секретной полицией. Если я не предупрежу их в ближайшее время, они, агенты Блэксенда, отследят их и захватят их одного за другим".

"Не было бы разумнее, если бы мы сказали ЦРУ, что их агенты в Китае были скомпрометированы?"

"Если Агентство узнает, что оперативники были разоблачены, то они вывезут все активы из Китая, что станет колоссальной потерей для правительства США. Некоторые офицеры ЦРУ годами работали под прикрытием, собирая данные и устанавливая связи. Все это будет

потеряно. Я предупреджу их одного за другим и скажу, чтобы они оставались в убежище до тех пор, пока мы не нейтрализуем всех убийц Блэксенда. Кроме того, они должны оставаться внутри Китая на случай, если Ричарду удастся заставить Китай вторгнуться в Россию."

Дастин нахмурился вдумчиво: "Думаешь, это то, чего хотел Ричард? Заставить ЦРУ вытащить все их активы из материкового Китая?"

"Почему ты так думаешь?"

"Потому что со стратегической точки зрения это имело бы смысл. Как только ЦРУ уйдет, Ричарду не придется беспокоиться о мести со стороны американского правительства или о закрытии его организации. Если в Китае не останется ни одного оперативника Агентства, кто будет докладывать о нем и сообщать в Госдепартамент, что он задумал? Оперативники Блэксенда были бы единственными иностранными силами, находящимися на улицах Пекина."

В течение следующих шести месяцев я находился в состоянии шока, продолжая расследование китайского заговора о вторжении в Россию. Мои связные в Госдуме установили экстренный контакт со своим китайским коллегой и в конце концов пришли к какому-то соглашению, о котором я не был осведомлен.

Я искренне надеялся, что эта война никогда не начнется.

Тем временем, нападения на меня не прекращались. Я часто встречал свое лицо на плакатах в разделе розыска, обвиняемых в преступлениях, о которых никогда не слышал.

Это стало ужасной нормой для меня. По крайней мере, раз в месяц отчим Ирины нанимал кого-нибудь, кто подставлял бы меня за атаку, которую он сам заказывал или совершал. Иногда мне приходилось бежать в суд и доказывать алиби, чтобы дело было прекращено. Многие чиновники Пентагона знали, что у меня есть враги, которые постоянно подставляют меня за абсурдную деятельность, но попытки не прекращались. Часто я становился мишенью не только раз в месяц – иногда нападавшие пытались похитить меня, чтобы высадить на месте преступления или нападения, чтобы, когда я пришел в сознание, власти поверили, что я виновен.

Изначально я считал, что нападения – это совпадение. Я не хотел верить, что за всеми нападениями на меня и моих друзей стоит Ричард. Как он мог тратить все свое время и усилия, чтобы подорвать мой авторитет? Это было нелогично. Но некоторые из моих друзей, которые работали в полицейских участках, подтвердили суровую правду. Они узнали, что именно Ричард подставлял меня. Я не знал, что он хотел от меня, но он, казалось, решил вбить клин между мной и его падчерицей.

Когда я узнал, что именно Ричард совершает террористические акты и возложил вину на меня, я не сказал об этом Ирине. Я знал, что

она любит Ричарда как настоящего отца, и мысль о том, что он способен на такие поступки, опустошила бы ее разум, поэтому я хотел держать ее в неведении и справляться с кризисом в одиночку.

Это не всегда было так просто. Часто последствия атаки под фальшивым флагом были с большой перспективой. Ричард не просто нацелился на меня, но и на моих близких. Однажды он попытался убить моего друга и оставил пистолет с моими отпечатками. Он хотел, чтобы мой друг поверил, что я пытался его убить. Я хотел, чтобы мои друзья были в безопасности, поэтому я с нерешительностью обратился за помощью к Ирине и рассказал ей, что делает ее отчим. Я надеялась, что она сможет помочь мне вопреки планам Ричарда. Ирина изначально скептически относилась к моим заявлениям, но после обыска в квартире своего отца, она обнаружила доказательства того, что он подставил меня в нескольких малозаметных поджогах нескольких городов на юго-востоке Соединенных Штатов.

Несмотря на то, что благодаря помощи Ирины мне удалось спастись от возможного пожизненного заключения или смертного приговора, я до сих пор неохотно общался с ней по вопросам, связанным с ее отчимом. Я уставал рассказывать ей о каждом разе, когда Ричард пытался убить меня. Я уставал рассказывать ей о том, как плох ее отец или как сильно он меня ненавидел. Я не хотел, чтобы ее отношения с отчимом стали напряженными из-за меня. Я также знал, что вовлечение Ирины могло быть контрпродуктивным, потому что когда она спрашивала об этом Ричарда, он быстро обвинял меня во лжи. Большую часть всего я не говорил ей и боролся за свою жизнь и свободу в одиночку.

Сентябрь 2014 года

Я смог преодолеть потоп препятствий, выставленных Ричардом, и, наконец, смог принять участие в самом счастливом моменте своей жизни. Я женился на Ирине, мы расписались, а через неделю мы отправились в православную церковь, чтобы совершить обряд венчания. Я был в восторге. Ирина выглядела потрясающе в своем платье цвета слоновой кости, и я был заворожен ее грацией и красотой. Теперь мы будем вместе навсегда. Мои глаза следовали за ней, когда она скользила к алтарю, где я ее ждал. Все происходило идеально по расписанию.

Потом мы услышали шум. Рёв бетона, разбивающегося об асфальт. Гигантское расписное стеклянное окно церкви было разбито, осколки рассыпались над алтарем. Я бросился на Ирину, чтобы защитить ее от осколков. Что-то горячее струилось по моему лицу. Разбитое стекло гигантского окна порезало меня в нескольких местах,

ослепив собственной кровью. Ирина плакала от страха. Я уткнул ее с дороги и запихнул под длинные сиденья скамейки. Я смотрел, как священник покачивается. Он выглядел шокированным. Я побежал спасать его, но еще один рев потряс церковь. Взрыв разорвал крышу на части и разнес обломки над нашими головами. Я взглянул наверх и увидел, что половина потолка исчезла. Дневной свет проникал внутрь. Священник лежал на полу, руки прижаты к ушам. Я дотянулся до его бока и вытащил его из-под открытого неба – как раз вовремя, потому что непрерывный грохот пулемётной очереди теперь эхом разносился по разорванной крыше, обсеивая патронами каждый сантиметр здания. Это было безумие! Я никогда не видел такой кровавой бойни за многие годы. И столкнуться с ней во время венчания было вдвойне неприятно.

Моей главной заботой была безопасность Ирины, и я знал, что мы должны были укрыться на парковочном месте снаружи. Выход был в двадцати футах позади меня, поэтому я схватил Ирину и священника и вышиб дверь. Даже когда мы двигались, я видел, как еще один большой кусок крыши упал на пол. Мы пытались убежать от гигантских кусков падающего бетона и кирпичей, но сзади церкви раздался кровавый крик. В отчаянии, чтобы спасти Ирину, я забыл, что в церкви были и мои дорогие друзья, которые пришли на свадьбу. Я вытолкнул Ирину и священника через двери, дав им указание уйти как можно дальше от церкви и вернулся к развалинам.

Я заглянул сквозь густой черный дым и заметил плачущий силуэт на вершине бетонного кургана. Кусок витой металлической опоры с частично разрушенного потолка упал на тело моего друга Дастина, прижав его к пыльным кирпичам. Я выкрикнул его имя, пытаюсь вызвать ответ, но он был без сознания и с трудом дышал. Он был в ловушке. Дастин бы умер, если я не доставил его в больницу!

"Дастин!" – я снова закричал, ударив его по щеке. Не было ответа. Что-то мокрое прилипло к моей руке. Это была кровь! Сквозь пыль я пытался найти источник раны. Он получил легкую травму шеи. Я отчаянно надеялся, что это не серьезно.

Я приступил к расчистке обломков голыми руками, освобождая верхнюю часть тела от бетона. Дастин начал двигаться, полусознательно. Металлический стержень, прижавший ногу к кирпичам, не двигался, поэтому я стал тянуть сильнее, в конце концов, вытаскивая металл из мышц ноги, я освобождал ногу.

Как только я оказался вдали от кровавой бойни, и Дастин был уже в безопасности в больнице, я начал осматривать руины церкви, изучая гильзы, пытаюсь найти подсказку, кто был виновен. Но это не увенчалось успехом. Нападавшие использовали оружие, купленное на черном рынке, что означало, что его нелегко отследить или отследить до его первоначального владельца. По настоянию Ирины я отложил

поиски и отправился на заранее спланированный медовый месяц со своей невестой. Несмотря на травму в день свадьбы, Ирина с радостью провела неделю в Париже. Мы вместе катались на велосипеде, ели в ресторанах и делали планы на будущее.

Однажды ночью Дастин позвонил на коммутатор отеля. Мой друг-хакер, который восстанавливался после травмы ноги, рассказал мне что пока я был в медовом месяце в Париже, он пытался выяснить, кто ответственен за нападение в день моей свадьбы. Казалось, что Дастин смог достать несколько скрытых снимков со спутника, на которых были изображены машины, которыми пользовались наши нападавшие. Один из бронированных грузовиков, который использовался для запуска взрывчатых веществ в церковь, был зарегистрирован на австрийского торговца оружием. Дастин проверил его биографию и выяснил, что он был другом детства Ричарда, который учился в той же начальной школе в Гамбурге. Я знал, что Ричард родом из Австро-Венгрии, но мне не хотелось верить, что он сделает что-то настолько радикальное, например, взорвет церковь только потому, что я был полон решимости жениться на его падчерице. Новость о том, что Ричард пытался убить меня вместе с моими друзьями, чтобы не дать мне жениться на Ирине, настолько беспокоила меня, что у меня не было сил продолжить свой отпуск. На следующий день я прервал медовый месяц и вернулся в США.

Мой дорогой друг Дастин уже был в работе, пытаюсь выяснить источник нескольких атак, которые взбудоражили сеть безопасности национального правительства. Он регулярно связывался со мной, чтобы держать меня в курсе его находок. Я часто считал его сообщения излишними, но знакомый тон его голоса давал мне решающее облегчение от постоянного беспокойства в моей собственной жизни.

Дастин был единственным оставшимся кусочком моей прошлой жизни. Мы с ним были неразлучны с тех пор, как встретились в Лагере бывшего Полковника КГБ в России. Я был диким новичком, который ничего не знал о технологиях, но Дастин был терпелив и учил меня пользоваться компьютером. Он знал, что я в технике не разбираюсь, и помог мне ассимилироваться в русскую культуру и понять общество в целом.

Мое пребывание в Советской России было полным отчаяния. Я не хотел быть там. На меня нападала тоска по дому, но я также не хотел возвращаться в Англию. В Лондоне у меня ничего не осталось. Все, кого я любил, исчезли. Мой дом был там, где была моя мать - и она покинула эту землю, оставив меня брошенным в этом холодном мире. Из Москвы приехали дальние родственники и отправили меня к своим родным в отдаленные уголки России, такие как Кунцево, Звенигород или Рамешки, где я пребывал недолгое время, прежде чем снова был

изгнан. Члены семьи отвергали законность моего рождения и отказывались заботиться обо мне. Мне приказывали немедленно уезжать. На этот раз моим назначением стал государственный сиротский приют в Сибири.

Название ничего не значило для меня, люди были чужими, земля была неизвестна. Я мог говорить по-русски немного, но тогда я еще не умел ни читать, ни писать на этом языке. Моя дорогая мама говорила со мной на родном языке, учила меня традиционным народным песням, таким как *"Ох, мороз, мороз"* или *"Калинка"*. Все, что я знал о чудесном русском наследии, было от нее. Она описывала степи и то, как казаки, калмыки и татары выживали в суровых условиях. Моя мать, заядлая балерина, была очарована музыкой, она читала экзотические истории о музыке Римского-Корсакова, Рахманинова, Чайковского и знакомила меня с такими, как Пришвин, Толстой, Горький, Пушкин. Но помимо этого, мне не было интересно знакомиться с ее родной землей, хорошо зная, что я никогда не поеду туда.

Но жизнь имела на меня другие планы, и ее смерть привела к тому, что я был изгнан на ее Родину. Моим первым впечатлением от великой страны России было то, что это огромная, малонаселенная, бедная страна с бесконечными зимами и ужасными дождями. Я боролся за выживание в месте под названием Сибирь. Все, что я знал об этом месте, было то, что это должно быть волшебная земля очаровательных лесов и своеобразных охотников-воинов, которые величественно царствовали в бесконечных заснеженных лесах и пели песни с волками. Но реальность, в которой я проживал, имела очень мало сходства с народными сказками, которые я слышал.

В сиротском приюте отчаяние грозило победить меня, но я мучился от холода, обморожения, вшей, чесотки и дизентерии и все-таки боролся за выживание. Постепенно у меня сложились прочные отношения с братьями-сиротами из государственного приюта, и страдания моих юных товарищей вселили в меня какую-то моральную или нравственную ответственность. Я любил их, как свою семью, моих братьев. В глубине души я был настоящим русским и готов на все ради своих товарищей.

Если бы я бросил их на произвол судьбы, они бы погибли от голода, пренебрежительного отношения к ним и от сильного зимнего холода. Я должен был остаться с ними и помочь им. Поэтому я взял на себя тяготы авантюрной жизни и стал бродить по соседним деревням и рыбным базарам в поисках одежды, еды или припасов, которые могли бы помочь моим товарищам выжить.

Мои поиски не длились вечно. Я становился старше и мудрее. Появились амбиции, я сотрудничал с другими подростками и решил

обеспечить большой суммой денег приют на содержание юных товарищей, томившихся в ветхих условиях.

План был безупречен – мои товарищи совершали набег на заброшенный в склад и забирали запасы обработанного меха. Я оставался на периметре, охранял выход. Но, как оказалось, склад не был брошен, началась перестрелка, в результате которой погиб один из сторожей. Позже я узнал, что сторож достал оружие и пригрозил застрелить одного из моих товарищей, который запаниковал и попытался выбить пистолет, в результате чего он случайно выстрелил. Все дети бежали в замешательстве, но я не мог смотреть, как седой ночной сторож истекает кровью, поэтому я остался, пытаясь остановить его кровотечение, и не давая ему уснуть.

Я надеялся спасти его, но было уже слишком поздно. Сторож стонал на ледяной земле, кровь текла из его тела. Выглядело так, как будто у него сломаны ребра. Я не хотел представлять, какую боль он, должно быть, испытывал. Я схватил его за руки, надеясь согреть их, и мои действия вернули его к сознанию. Его глаза были открытыми и пустыми, его лицо вяло двигалось, жестикулируя с болью жест отставки. Он обвинял меня в своей смерти, я думал с ужасом. Его обвиняющие глаза дважды моргнули, прежде чем они перестали что-то видеть, и рука, которая была в моих ладонях стала очень холодной.

Умиравший стон старика пронзил мое сердце, но в конце концов он замолчал. Человек через некоторое время перестал двигаться, и с тяжелым сердцем я готов был вернуться в детский дом и воссоединиться с товарищами, но у судьбы были другие планы.

Местная полиция ждала меня у двери и без колебаний арестовала. Мои руки, которые были в крови старика, их сразу скрутили позади и грубо повели в тюремный фургон. Меня обвинили в убийстве. Я заявил о своей невинности, и неудивительно, что суд постановил, что я виновен. Все чертовы улики указывали на меня. Полиция нашла меня сидевшим над трупом, мои руки и одежда были в крови, и я был совсем один на складе. Когда мне был вынесен смертный приговор, отчасти я почувствовал облегчение от того, что скоро все страдания, с которыми я столкнулся в своей жизни, закончатся, но я был неправ, потому что мучения только начались.

Тайный спецназ КГБ инсценировал мою смерть в тюрьме и привез меня в их Лагерь для подготовки шпионов или около того. Пройдет много лет, и я узнаю правду: Лагерь вообще не был официальным центром *Комитета Государственной Безопасности*, а управлялся бывшим Полковником КГБ, который стал мошенником и разыскивался как советскими, так и американскими властями.

Мой тренировочный Лагерь в России стал для меня олицетворением боли и разрушения, и для меня это было хуже смерти. Но, как и все ужасные вещи в жизни, Лагерь дал мне то, что я

никогда не смог бы найти в другом месте. Я познакомился с Дастином, блестящим молодым хакером, которого насильно нанял бывший Полковник КГБ и который был главным инструктором в области техники для новобранцев. Он научил меня элементарным знаниям о компьютере и заставил оценить технологию во всей ее сложности. Хотя я был благодарен ему за помощь, у меня не было желания оставаться в Лагере и становиться шпионом.

Всё, чего я хотел для себя, это безусловной свободы; а не шпионажа, борьбы или мародёрства. Каждый день я просыпался, обещая себе, что пойду выполнять приказы Полковника, и как только поручение будет выполнено, я убегу. Я знал, что Полковник имплантировали чип в основание моего черепа, и если бы я исчез без объяснения причин, он, не колеблясь, активировал его и убил меня. Но я предпочитал смерть крепостному праву.

Когда наступит утро, мне будет поручено возглавить группу новобранцев в миссии с высокой степенью риска, вероятность успеха которой составляет менее одного процента. Один за другим я слышал крики страха и видел, как они погибают под огнем противника, исчезают в едком дыму минометных обстрелов, вырубаются автоматическим оружием или попадают в плен к безжалостному врагу, не соблюдающему никаких правил войны. Я знал, что попасть в плен к этой мафии или преступникам хуже смерти, поэтому я всегда возвращался из своего тщательно спланированного отступления и предлагал своим стажерам прикрывать огнем и спасал того, кого мог спасти. Мой побег пришлось отложить на другой день.

По возвращении в Сектор Полковник проводил подробный брифинг, и если он обнаруживал малейшие несоответствия в нашем рассказе об операции, то отправлял виновного в серую комнату, где его либо жестоко допрашивали, либо убивали. Много раз я пытался взять на себя вину за ошибки в операции, чтобы пощадить молодых новобранцев, но это не всегда срабатывало. В нескольких случаях я замечал, что компьютерный хакер сознательно давал Полковнику ложную информацию, чтобы спасти мне жизнь. Он взламывал камеры, на которых видели, что я убегаю или совершаю незаконные обходы, и удалял эти изображения, чтобы Полковник никогда не узнал, что я пытался убежать. Я обязан русскому хакеру жизнью...

Тем временем, атаки продолжались. ИГИЛ взяла на себя ответственность за более двадцати трех взрывов, включая взрывы в лондонском метро, взрывы на мюнхенском стадионе, перестрелки в Копенгагене, взрыв грузовика в Амстердаме, а также кровавую бойню в Орландо. Американские спецслужбы также возложили на них ответственность за все остальные взрывы, которые не попали в новости. Один из видеороликов, который транслировался почти на

всех новостных каналах, был сценой, где боевики ИГИЛ казнили нескольких египтян. Я попросил Дастина проанализировать кадры, снятые на этих видео, и он отследил их до первоначального места загрузки в Даркнете. Компьютерная лаборатория, которая произвела это видео, принадлежала голландскому торговцу оружием, который был давним соратником Ричарда. Отец Ирины стоял за еще одним международным преступным синдикатом, я начал понимать это с ужасом! Видео террористов были ужасными, но не потому, что они были жестокими, а потому что были хорошо спланированы.

После предварительного изучения Дастин пришел к выводу, что в компьютере голландца несколько раз использовалось программное обеспечение для видео редактирования. Мы отследили видео-приложение до его местонахождения, Дастин определил компанию, которая продала видеоредактор, и обнаружил, что компания хранит каждую копию видео, которая редактируется их приложением в обход их защите. Я знал, что хранить данные о клиентах незаконно, поэтому лично посетил генерального директора этой компании и убедил его показать мне неотредактированные видео, которые были загружены в их приложение с конкретного сервера Агентства. Он согласился поделиться со мной оригинальным видео только после того, как я пригрозил разоблачить их компанию за нарушение законов конфиденциальности клиентов. То, что я увидел в оригинальном видео, было ошеломляющим.

Это видео, которое бойцы ИГИЛ загрузили для мировой аудитории. На нем была показана группа мужчин, стоявших перед флагом ИГИЛ, они убивали египетских христианских рабочих, и даже нападали на женщин. Эта террористическая группа якобы выставила его на всеобщее обозрение, но мое расследование показало, что голландец распространил его среди сообщества разведки, прежде чем выпустить его на всеобщее обозрение. Дастин сравнил обнародованное видео с неотредактированным, которое мы нашли на оригинальном сервере, и обнаружил, что то, которое был обнародован, на самом деле представлял собой отредактированную версию. Неотредактированное видео показало странный феномен. У мужчин на оригинальном видео странный язык тела. Хакер проверил их на наличие опознавательных знаков и заметил татуировку Техасских Рейнджеров на предплечьях двух мужчин на заднем плане. Я заметил, что почти у всех мужчин на видео были золотые обручальные кольца. Еще одной примечательной вещью, которую я нашел, были золотые цепочки на шеях пятерых стрелков с подвесками в виде кресты.

Дастин провел быстрый поиск в Google и указал мне, что один из основных постулатов исламской веры заключается в том, что татуировки запрещены их религией, и верные последователи считали,

что татуировка является тяжким грехом, потому что она причиняет ненужную боль телу и изменяет естественную форму.

Я согласился с Дастином в том, что вряд ли террористы, исповедующие бессмертные убеждения религии, запрещающей татуировки, будут иметь татуировки американских рейнджеров по всему телу. Дастин также отметил, что золотые обручальные кольца, которые были надеты на большинстве террористов на необрезанном видео, также противоречат основному постулату *их* исповедуемой веры. Ислам строго запрещает мужчинам носить золото и шелк. Мне было интересно, как эти религиозные фанатики, особенно террористы, могут быть настолько невежественны в своих основных заповедях. Наконец, на видео, когда двое палачей наклоняются вперед, с их шеи виден крестик. На человеке казалось, была надета золотая цепь под рубашкой, но его крестик и цепь выскользнули, когда он выстрелил из винтовки. Мне показалось это любопытным, учитывая, что мусульмане, к какой бы секте они ни принадлежали, единодушны в одном: что Иисус – Пророк Божий, которого не убивали на кресте. Они верят, что вместо него был убит самозванец, что Иисус воскрес на четвертое небо и, конечно же, в конце концов вернется на землю и избавит мир от всякого зла. Мусульмане считают Иисуса пророком, как и Мухаммада, Авраама, Моисея или Адама, и не верят в то, что Иисус в большей степени Сын Божий, чем Адам, так как в Коране говорится, что и Адам был создан без отца и матери. Таким образом, мусульмане возненавидели ношение крестика, потому что считали, что ношение крестика оскорбляет их почитаемого Пророка Иисуса. Я знал, что если эти ребята на видео носили крестики, то они не могут быть мусульманами. Теперь вопрос был в том, *кто они?* И на какую организацию они работали?

Видеозапись казни ИГИЛ имела две версии: одну, которая была выпущена для широкой публики, и другую, которую мы извлекли из программы для редактирования видео. В неотредактированной версии видео продолжалось еще долгое время после того, как все заключенные, предположительно, умерли. Камера продолжала снимать, когда заключенные в оранжевых комбинезонах вставали и поздравляли друг друга. Несколько палачей в масках снимали свои маски и давали пять мужчинами, которые притворялись заключенными. Дастин быстро увеличил их лица и в течение нескольких минут сделал успешную идентификацию разоблаченных палачей. Опознав лица, один из них был бывшим рейнджером армии США, а другой – бывшим заключенным, дважды арестованным за незаконную торговлю оружием. Согласно судебным записям, в одном случае человеком, внесшим залог за освобождение бывшего заключенного из тюрьмы, был сам Ричард.

Дастин продолжал печатать на клавиатуре и пытался установить личность оставшихся преступников. На заднем плане стоял бывший оперативник ЦРУ, который, по сообщениям, погиб в 2011 году в результате взрыва террориста-смертника в Кандагаре, унесшего жизни одиннадцати старших офицеров Агентства. Я просмотрел его рассекреченное досье. Оказалось, что он отвечал за координацию ударов с воздуха и был поставлен на испытательный срок за нанесение нескольких ударов беспилотными летательными аппаратами по деревням в Пакистане и Афганистане, в результате которых погибли сотни гражданских, в том числе дети. В его досье также упоминается, что у него был брат, погибший в результате нападения талибов в 2006 году. С тех пор его выполнение приказов ухудшились, и он был отстранен от исполнения служебных обязанностей за агрессивное поведение.

Дастин дал мне несколько адресов, и я старался изо всех сил найти их, но в основном, все попытки заканчивались безуспешно. Единственный активный адрес, который я обнаружил, был бывшего заключенного. Я отследил его до курортного района Майами. После интенсивного допроса он признался в участии в коротком видео. Он получил от неизвестного источника сто тысяч долларов чистой наличкой, а на следующий день получил по почте паспорт с подставным именем. На пакете было указано, что он должен лететь в Марракеш, где он встретился со съемочной группой и принял участие в нескольких тренировках. Съемочной группе пришлось надеть комбинезоны и притвориться убитым. Макдугал сказал, что он действительно думал, что это был отрезок из голливудского фильма, пока не увидел видеозапись ИГИЛ с ними в главной роли. После многочасового допроса я не мог получить от бывшего осужденного никаких других конкретных деталей, кроме денежного следа, через который он получил свой платеж. На нем был цифровой след других операций голландца. Дастин также заметил, что точно такой же логарифм использовался для отмывания наличности на банковских счетах Ричарда, когда ФБР заморозило его активы. Ранее Ричард использовал эти деньги для установки бомб в бункере времен Холодной войны, чтобы подставить мать Ирины. Он хотел, чтобы Ирина поверила, что ее мать хочет ее смерти.

Я гонялся по холодным следам, пока совсем не пал духом, но когда я вернулся в свою квартиру, Дастин был бодр, проигрывая сцены из видео снова и снова. Он не слышал, как я зову его, потому что на нем были тяжелые наушники.

Я тронул его за голову, он так испугался. Он выпалил: "Ты напугал меня, Джон".

"Что ты делаешь, все еще смотришь фильм ИГИЛ? – я рухнул на низкий диван. – Я выследил всех актеров. Никто ничего не знает больше, чем мы".

Дастин задумчиво прищурился: "Кажется, я что-то нашел. Это может быть совершенно неважно, но я подумал, что тебе стоит взглянуть на это. После того, как ты ушел, я пропустил этот фильм через несколько слоев анализаторов голоса, – Дастин проиграл видео и сделал паузу. – Этот человек никогда не снимал маску, но это он кричит нецензурные выражения на арабском без акцента и клянется в верности террористической группировке. Здесь, прямо перед тем, как стрелять из винтовки, он довольно громко кричит имя Бога. Мне удалось записать его голос и провести его по американской базе данных. Я воспользовался ресурсами военной разведки и нашел совпадение в профиле нашего сотрудника."

"Тебе удалось его опознать?" – спросил я быстро.

"Почти. Видишь ли, я должен был быть уверен, поэтому нанял независимого специалиста по аудио-криминалистике из Даркнета. Он также подтвердил, что этот человек, который говорит по-арабски – Пол Халеби, сирийский христианский лингвист, работавший на вооруженные силы США. Хотя он был иммигрантом, он был нанят американскими военными в качестве переводчика. Внутренние источники утверждают, что он был самым доверенным лингвистом армии США, и в течение пяти лет он работал в качестве эксперта по вопросам разведки в лагере для задержанных в Гуантанамо. Однако контр-адмирал Дилейни, который два года назад занял пост командующего лагерем "Эхо", перевел Халеби из лагеря Гуантанамо после того, как появились слухи о том, что Халеби применял крайнее насилие в отношении арабских заключенных. Бригадный генерал Джон Леуброн, психиатр, который много работал с заключенными в Гитмо, подал три отдельные жалобы на сирийского лингвиста. Д-р Леуброн сообщил, что Халеби подвергал арабских заключенных психологическим и сексуальным пыткам во время допросов, что задержанные окаменели от него и дезориентировались, если он входил в камеру для допросов. Другой офицер, который жаловался на Пола Халеби, написал, что Халеби урезал запасы воды в камере задержанных для того, чтобы задержанные не могли омыться для молитвы. Создается впечатление, что у него была личная неприязнь в отношении мусульман, и он использовал свое знание законов шариата для систематического подавления их морального духа. – Дастин показал несколько изображений, которые он извлек, взломав камеры наблюдения Гуантанамо-Бей. – Есть также фотографические доказательства этого. Из-за этого Халеби обмазал кровью лицо молодого заключенного, чтобы он считал себя нечистым. Заключенный истерически рыдал до впадения в беспамятство, и ему

пришлось вводить успокоительное. Все это есть в его армейских файлах".

Я записал имена, которые упоминал Дастин, и поспешил найти следующего преступника, который стоял за созданием видео ИГИЛ. Это был долгий процесс. Я сталкивался с многочисленными препятствиями. Когда я ждал перед резиденцией лингвиста американской армии, я увидел, что напротив меня остановился седан. Окна опустились, и я увидел вспышку из дула пулемета. Инстинктивно я развернул машину назад и нырнул за руль. Стрелок сделал U-образный поворот и протаранил заднюю часть моей машины. Я вилял своей машиной и ударил нападающего спереди. Его подушка безопасности взорвалась, прижав его к сиденью. Я подбежал к его машине и оттащил его, пока седан не взорвался.

Заключенный, которого я привел, был готов сотрудничать. Он сказал мне, что ему щедро заплатили за мое убийство. Если он этого не сделает, это сделает кто-то другой. Дастин просмотрел финансовые записи. Человек получил деньги с не отслеживаемого счета, который, помимо нескольких грандов, положил несколько миллионов долларов на некоторые сайты социальных сетей. Хотя денежный след был зашифрован и перенаправлен через слишком большое количество отмытых счетов, Дастин нашел базовый логарифм, идентичный серверам АНБ Ричарда, соединяющим все эти транзакции. Я спросил заключенного, почему бывший директор АНБ платил пользователям социальных сетей. Он сказал мне, что они не обычные пользователи, но являются ценным активом. Десятки мужчин и женщин сыграли важную роль в распространении страха перед ИГИЛ и другими постановками.

Я поручил Дастину отследить источник денег. Он сказал, что за деньгами, которые были переведены на эти счета, легче следить, потому что они поступают ежемесячными платежами. Я обнаружил неустановленные суммы денег, переведенные как минимум двум дюжинам пользователей счетов Инстаграм, у каждого из которых было около миллиона подписчиков. Дастин нашел одного для меня. Влоггер или пользователь Твиттера, базировалась в Лондоне, она получила три миллиона долларов в прошлом месяце. Она, в свою очередь, переводила случайные суммы нескольким пользователям Твиттера и YouTube влогерам. Я также отследил полмиллиона долларов, которые были отправлены голливудскому режиссеру. В следующем месяце этот режиссер снял фильм, в котором показывается, как арабский террорист взорвал какое-то церковное здание. Как минимум два телевизионных сериала получили финансирование с этого кайманского счета за последние полгода. В обоих телесериалах подробно рассказывалось о том, как террористы

ИГИЛ убивали христиан и использовали химическое оружие для разрушения больниц.

Это было в начале 2015 года. Еще одно волнение, связанное с ИГИЛ, произошло в Париже. Было совершено нападение на французский сатирический журнал "Чарли Хэбдо". Предполагаемые нападавшие, в балаклавах, выглядели странно знакомыми на записях камер наблюдения. Я сравнил их язык жестов с нападавшими на других разрекламированных видеозаписях казни ИГИЛ и внимательно следил за жестами боевиков, когда они возвращались в свою машину после нападения возле офиса французской еженедельной газеты. Правда, было странное сходство. К этому времени в СМИ появились эксклюзивные материалы, освещавшие террористический рейд в офисе "Чарли Хэбдо", и, что неудивительно, мифические боевики ИГИЛ были обвинены в совершении этого насилия. Несколько мужчин из стран Ближнего Востока, естественно, были обвинены в этих нападениях и отправлены во французскую тюрьму, чтобы предстать перед судом по обвинению в терроризме.

Ричард вернулся к своей игре по сеянию раздора в Европе и разжиганию хаоса и катастроф в регионе. Его тщательно продуманная террористическая сеть, которая стала популярной по мере того, как ИГИЛ приобрела известность в 2014 году, когда Ричард использовал ее для захвата больших участков земли в Ираке, Сирии и ряде других городов на Ближнем Востоке. Хотя казалось, что ИГИЛ базируется в иракском городе Мосул, я был потрясен, увидев значительные денежные следы, ведущие к известным фигурам в Кремле. Источником этой информации стало Европейское подразделение командования США. Они опубликовали длинный доклад, в котором подробно рассказывалось о том, что Россия являлась основным центром содействия ближневосточной террористической группировке.

Как сын коренных русских, я знал, что эти доклады не могут быть правдой. У Российской Федерации не было желания проводить бомбардировки и перестрелки в Европе и на Ближнем Востоке. Я отчаянно пытался найти правду. Опросив этих русских, я узнал, что их подставляют, чтобы они взяли на себя вину за все взрывы, которые происходили под прикрытием ИГИЛ. Лидер группы называл себя Абу Бакр аль-Багдади и взял на себя ответственность за десятки терактов. По мере освещения в новостях, Ричарду удалось продолжить цифровые блицкриги экстремистской пропаганды, чтобы убедить мировые СМИ в том, что ИГИЛ действительно является независимой террористической сетью, финансируемой Россией. Как и вся мировая сеть разведки, я был озадачен цепью событий и стал глубже погружаться в финансовую часть операций ИГИЛ. Мне не потребовалось много времени, чтобы выяснить, кто или что стояло за созданием этой группировки.

Я пытался понять причину последней атаки Ричарда. Что он может получить, начав перестрелку во Франции? Пока казалось, что он придерживается изначального плана возложить вину на Москву, чтобы Западная Европа вторглась в Российскую Федерацию, чтобы *остановить* распространение ИГИЛ.

Я приближался к правде, и поскольку Ричард снова пытался меня убить, я знал, что приближаюсь к раскрытию его эндшпиля. Я не сомневался, что, создавая ИГИЛ и подставляя Россию за ее преступления, Ричард пытался достичь какого-то злого конца. Он казался всемогущим.

До тех пор мне удалось собрать улики, доказывающие причастность Ричарда к созданию террористической сети, но я все еще не знал, кто выполнял за него эту работу. Два дня спустя я получил ответ. Генерал США, базировавшийся в армейском командном центре в Багдаде, утверждал, что он добился значительного прогресса в борьбе против ИГИЛ. Я сказал Дастина выследить всех, кто встречался с генералом за последние три года. Мы следили за камерой наблюдения в его резиденции в Вирджинии. Нам не потребовалось много времени, отчим Ирины заходил через парадную дверь генерала. Изображение датировано 2010 годом, ровно за несколько месяцев до создания ИГИЛ. Я знал, что если он был нанят Ричардом для распространения пропаганды фальшивой террористической организации в Ираке, то, должно быть, ему заплатили значительную сумму наличными. Но его банковский баланс был очень низким. Затем я попросил Дастина отследить каждый банковский счет, который был зарегистрирован на его домашнем компьютере. Это был джекпот. Через час после того, как Ричард вышел из дома генерала, он вошел на банковский счет в Банке Рейхштейна. На счету было двести пятьдесят миллионов долларов.

Ричард сделал умный ход. Он не *перевел* деньги на счет пешки. Это может легко отследить любой правительственный сторожевой пёс. Вместо этого он использовал довольно не отслеживаемый метод доставки наличных. Любой, кто соглашался работать с ним, получал счет и кода банка предоплаченного банковского счета, на котором была щедрая оплата. Я знал, что будет труднее поймать Ричарда за оплату каждого из преступлений, для совершения которых он нанимал других. Но я не мог перестать пытаться. Я продолжал посещать место взрыва, который Ричард совершил от имени ИГИЛ, и пытался собрать улики с близлежащих камер и видеозаписи с камер наблюдения.

К счастью, как и у всех преступников, у Ричарда была слабость. Во всяком случае, он решил свалить вину на меня или мою Родину. Хотя я родился в Лондоне, Ричард знал о моем русском наследии и знал, что я частично вырос в Москве. До настоящего времени он также узнал о том, что я пытался скрыть от всего мира чертову информацию: что мой

биологический отец был никем иным, как советским премьером, который царствовал в шестидесятые годы и сыграл важную роль в восстановлении советской славы во время Холодной войны.

Мое сердце отказывалось верить, что человек, который вырастил меня, который, как я знал, был моим отцом, на самом деле был мне чужим; человек, который женился на моей матери, чтобы избавить ее жизнь от проклятой смерти. Было больно узнавать факты, которые, как ты знал, были непоколебимыми, но они рассыпались на куски. Я знал, что человеком, который доминировал в моем детстве и железным кулаком контролировал каждый аспект моей жизни, был моим отцом. В письмах моей матери ее семье и на страницах ее дневника было сказано обратное. На тех затертых листах она писала, что я пришел в этот мир в результате иного союза – союза между ней и советским премьером.

Постепенно я узнавал больше о своей биологической семье от дальних родственников и их мемуаров. Несмотря на то, что мужчина, которого моя мать называла моим настоящим отцом, часто критиковался западными державами за то, что он коммунист, многие исследователи приписывали ему отстранение власти от Иосифа Сталина. Однажды я разговаривал с профессором Московского университета, который лично знал моего отца. Он сказал мне, что хотя Сталин и мой отец были близкими товарищами, вскоре они разошлись. Это было после смерти его первого сына или моего старшего брата, который, как сообщается, скончался за два десятилетия до моего рождения.

Профессор сказал, что мой старший брат и его жена стали жертвами сталинских репрессий. Как летчик истребителя он пропал без вести и предположительно перешел на немецкую сторону. Советская разведка подозревала его в продаже государственных тайн немецким национал-социалистам, и вскоре он был арестован и предан суду за государственную измену. Сталин лично хотел его казнить, хотя отец умолял диктатора пощадить его сына. Сталин отказался, и его расстреляли. Его жену не пощадили. Сталин арестовал ее по обвинению в шпионаже и приговорил к десяти годам лишения свободы в трудовых лагерях до отсылки в Казахстан.

Человек, которого моя мать называла моим биологическим отцом, так и не простил Сталину казнь его первенца и с того дня начал скрытую кампанию по изгнанию диктатора с поста. У него получилось в конце 1950-х годов, вступив на пост Премьера в Советском Союзе. Став премьером, он начал массовые программы политических реформ, включая освобождение немецких военнопленных, которые трудились в Сибирских ГУЛАГах почти десять лет. Он также разрешил политическим изгнанникам вернуться на родину, в том числе чеченцам, которым он разрешил вернуться на Кавказ. Новый премьер

наладил связь с иностранными государствами, активно участвуя в решении вопросов безопасности, таких как Суэцкий кризис, и возглавляя Советский Союз во время Кубинского ракетного кризиса.

Когда отчим Ирины узнал о моей семейной истории, его нападки на меня были направлены не только на то, чтобы причинить мне боль. Он понял, что Россия сыграла в моей жизни более важную роль, чем я признавал. Поэтому в своих последующих диверсионных операциях Ричард начал подставлять Россию за все. Когда он финансировал группу ИГИЛ, он кропотливо работал над тем, чтобы российские агенты несли ответственность за кровавые расправы, которые должны были произойти в Ираке и Сирии под именем этой группы. Ему не составило особого труда свернуть эту подставу, так как старшие должностные лица Агентства и Бюро были склонны верить слухам, которые касались России. Это было частью их представления о Российской Федерации.

После нескольких недель осторожного расследования Дастин смог расшифровать несколько скрытых веб-чатов, которые Ричард использовал для вербовки наемников в Азии и на Ближнем Востоке. Из сообщений, которые мы перехватывали, создавалось впечатление, что новая террористическая ячейка, которую создал Ричард, предназначалась главным образом для дискредитации суверенитета России. Он создавал искусственные денежные следы для того, чтобы МВФ и другие наблюдательные финансовые органы поверили в то, что именно Российская Федерация финансировала террористическую сеть. Интерпол получал анонимные сообщения, свидетельствующие о том, что Российский фонд прямых инвестиций замешан в терактах ИГИЛ. Более пятнадцати информационных агентств начали передавать новости, в которых РФПИ обвинялся в финансировании терроризма.

Я работал день и ночь, чтобы развеять эти ложные обвинения, потому что знал, что новости и репортажи фальшивы и поддельны. Дастин тщательно проверил инвестиционный фонд и пришел к выводу, что Российский фонд, имеющий резервный капитал в размере семидесяти миллиардов долларов, конечно же, не несет ответственности ни за какие атаки на Европу и Азию. Мне удалось убедить несколько новостных СМИ воздержаться от трансляции подобной лживой пропаганды о России и продолжить сбор доказательств невиновности Федерации. Однако это была нелегкая задача.

Несмотря на то, что были представлены веские доказательства того, что ИГИЛ была группой наемников, которую финансировали бывшие мошенники АНБ, должностные лица Госдепартамента, с которыми я встречался, похоже, хотели купиться на рассказ Ричарда. Я не мог понять, почему они так хотели верить, что российское правительство финансировало все атаки ИГИЛ с целью дестабилизации обстановки на Ближнем Востоке. Люди в руководстве ЦРУ, похоже,

нашли лазейку в антитеррористической индустрии для маркетинга ксенофобии и поднятия проблемы россиян как группы – под лозунгом защиты США. Неважно, есть ли у них доказательства, подтверждающие их утверждения. Для них Россия была виновна, так как были обвинения. Американцы отказались верить в то, что Россия – миролюбивая нация, которая никогда не хотела никому навредить.

У России не было мотива нападать ни на одну страну, я тщетно пытался всем объяснить.

Тем не менее, паранойя продолжалась, и старшие офицеры ЦРУ и американские военные руководители, которые говорили со мной, развивали мои опасения и заявляли, что Россия, должно быть, создала ИГИЛ для того, чтобы создать разногласия между богатыми нефтью союзниками США в Персидском заливе. Командир воздушно-космической обороны Североамериканского континента - совместной американо-канадской операции, которая отслеживала воздушное пространство над Северной Америкой на предмет наличия ракетных и авиационных угроз, зашел настолько далеко, он объявил, что переместит свои ударные группы из их командного центра на базе ВВС "Фредриксон" в Колорадо в ряд пунктов назначения, расположенных вокруг Москвы. Это объявление заставило мою кровь в жилах стыть.

Я тщетно пытался закрыть операцию Ричарда, но она была слишком абстрактной и охватывала многие сферы, чтобы контролировать. Он работал через международные колл-центры и использовал многочисленные подставные компании, чтобы замести следы.

Эта группа оперировала с ювелирной точностью. Несмотря на мониторинг международных диалогов, я не мог предсказать следующее место, куда Ричард собирается нанести удар. Массовые перестрелки в отеле "Коринтия" в Триполи, Центре Кертис Кулвелл в Техасе, поезде "Таллис" в Париже и Национальном музее Туниса. Взрывы бомб в российском авиаперевозчике "Метроджет", взрывы и стрельба в Анкаре, Бейруте, Сирии, Египте и Ираке, а также в торговом центре в Джакарте. Бомбардировка музыкального фестиваля в Ансбахе, Германия, а затем взрывы недалеко от дома. Нападение на Университет штата Огайо, а также попытка нападения на автобусные терминалы Портовой администрации Нью-Йорка. Список был бесконечным. К настоящему моменту у меня было приблизительное представление о том, как Ричард работает. Я знал, что его следующая цель будет внутри Соединенных Штатов, потому что он хотел показать американцам, что русские хотят разрушить их страну, чтобы разъяренные патриоты ответили атаками с воздуха. На этот раз я угадал место его атаки до того, как он нанес удар. Это был ночной гей-клуб в Орlando.

В тот день я появился рано и заметил трех подозреваемых террористов, которые готовились расстрелять людей в стиле казни. Двое из тех, кого я поймал, были бывшими оперативниками АНБ, которые теперь работают в программе черных оперативников Ричарда. Однако я не смог полностью нейтрализовать угрозу, но сумел обезвредить две огромные бомбы, которые были установлены под танцполом. Очевидно, что у Ричарда был запасной план и он послал четвертого стрелка, чтобы сеять хаос в ночном клубе.

Я знал, что он попытается подставить российское правительство за проведение террористических актов по всему миру, он надеялся повернуть мир против них. Если бы его план сработал, результаты были бы катастрофическими. Несмотря на достаточное количество оборонного потенциала, у России не было бы шансов выстоять против всех сил НАТО.

Я знал, что мир *должен был* поверить, что русские не стоят за этими терактами, поэтому я обратился с настоятельным призывом к знакомым мне депутатам Государственной Думы и умолял их вступить в активный бой там, где Ричард построил свои террористические ячейки. Большая часть его деятельности была сосредоточена в Ираке и Сирии, поэтому я убедил политиков направить российские войска в Сирию, чтобы страны НАТО могли сами убедиться в том, что Россия не является преступником. Они бы отправили пехоту в Сирию, чтобы остановить рост ИГИЛ, сделали бы они это если стояли за этим? Мои предложения оказались полезными, и Кремль был вынужден это сделать. В конце концов, российские войска вошли в Сирию и сформировали союз с местными вооруженными силами и гражданскими партиями, чтобы победить созданную там группировку наемников Ричарда.

Ноябрь 2014 года

Американские СМИ без остановки выпускали новости о нескольких подозреваемых российских шпионах. Когда я читал новости одним утром, я понял, что они звучат подозрительно. ФБР заявило, что они проводят расследование о покушении на убийство трех американских сенаторов и губернатора Вайоминга. Это было так дико, особенно, потому что предполагаемые преступники были пятью российскими гражданками, которых обвинили в использовании политических группировок для получения доступа к этим американским политикам.

Одна из российских подозреваемых была арестована - ее посадили за решетку, пока остальные были в бегах. Лишь одна из подозреваемых призналась, что пыталась убить сенатора США. Мне

было любопытно, почему эта история стала такой громкой. Я решил провести расследование, и мой дорогой друг Дастин взломал защищенную линию сотовой коммуникации российских шпионов, которых арестовало ФБР. Мой друг хакер позже узнал, что один из близких друзей Ричарда постоянно был на контакте с тремя женщинами из России, которых обвиняли в убийстве. Я знал его. Его звали Фабьен - в его привычки входили частые бизнес-сделки с российскими олигархами. У него имелась банковская система в России.

Дастин узнал, что Фабьен использовал деньги с российских банковских счетов для перевода денег российским гражданкам в Америке, затем похитил их детей и запугал их, чтобы они устроили нападение на американских сенаторов. Фабьен хотел, чтобы ФБР отследило денежные переводы, чтобы они поверили, что россияне планировали эти убийства. Но это была очень сложная подстава, мы узнали об этом, когда загрузили телефонные разговоры и прослушали их. Сообщение было страшным и угрожающим. Лишь одна российская туристка из Нью-Йорка согласилась выстрелить в сенатора, потому что ее родителей похитили люди Ричарда, но другие российские гражданки отказались кого-либо убивать и сбежали. Было подозрительно, потому что российские гражданки жили в Америке, но Ричард смог подставить их таким образом, чтобы ФБР поверило в то, что они настоящие шпионки, работающие на СВР. Одна из них призналась ФБР в том, что она агент СВР, так как одну из ее дочерей убил Фабьен. Чтобы убедить правительство США в том, что российским гражданкам приказали выполнить эти убийства по инструкции Москвы, Фабьен притворился россиянином и говорил на русском, сказал им убить американских сенаторов, которые лоббировали интересы Украины в конгрессе, а также выступали против России. Один из моих контактов в ФБР сказал, что они смогли арестовать убийц потому, что за пару часов до убийства сенатора, они получили анонимное предупреждение о том, что российский убийца собирается прикончить сенатора, но как только российская гражданка прибыла на место, ФБР ее арестовало.

В тюрьме, женщина призналась, что человек из России приказал ей убить сенатора. Я понимал, почему она считала Фабьена россиянином - он хорошо спланировал все так, будто Москва прислала киллера, чтобы убить американских политиков. На деле, человек, который давал ей указания, вовсе не был русским. Он был американцем, и работал на Ричарда. Но он был опытен, подставлял россияна, каждый раз, когда он связывался с российской туристкой, он притворялся русским, чтобы Россия стала виновной в смерти американского сенатора.

Апрель 2015 года

Мой старый друг Сэм связался со мной и обратился ко мне за помощью в разрешении серии скоординированных нападений, которые, как ожидал Интерпол, должны были произойти. Он попросил меня присоединиться к нему и встретиться с представителем Интерпола, Хадриеном Малрони, в его загородной резиденции.

За последний год я неоднократно беседовал и переписывался с Хадриеном, но наши физические пути пересеклись только однажды, когда я препятствовал нелегальной поставке оружия через американо-канадскую границу. Учтивый агент Интерпола был также директором Агентства пограничных служб Канады и ведущим аналитиком Канадского центра анализа угроз терроризма.

Хотя я слышал много хорошего о Хадриене Малрони, я не был уверен, стоит ли мне доверять и сообщать ему о том, что я обнаружил, но Сэм отбросил в сторону мои опасения и заверил меня, что Хадриен был его старым другом и ему можно доверять.

Сэм Кларк был одним из немногих людей в мире, кто знал Ричарда так же хорошо, как и я, потому что мы оба работали в 13-ой Лиге, подразделении черных оперативников АНБ, которое Ричард создал после того, как стал злодеем.

Представившись, Хадриен кратко изложил основные вопросы, которые расследуют Интерпол и Канадский центр анализа угроз терроризма. Он сделал краткий обзор недавнего события в Европе, где несколько сатирических журналов подверглись резкой критике за публикацию оскорбительных карикатур на религиозных и политических деятелей. Канадский офицер предположил, что за публикацией карикатур, скорее всего, стоял Ричард. Услышав это, офицер ЦРУ встал на ноги и прервал его.

"Что это с ним и с карикатурой? – Сэм Кларк выпалил. – Ричарду нравится рисовать или как?"

Следователь из Интерпола сложил свои пальцы, прежде чем ответить: "Я думаю, он почувствовал, что это будет идеальным мотивом. Я помню письмо, которое мы перехватили с редактором французского сатирического журнала. Он несколько раз переписывался с Ричардом, чтобы получить необходимые указания. Ричард приказал ему перепечатывать карикатуры столько раз, сколько он мог, независимо от беспорядков или протестов в соседних городах или странах. Редактору журнала предлагалось пять миллионов долларов за неделю этой работы. Кроме того, Ричард заверил их, что будет обеспечивать для них охрану, и выразил надежду, что произойдут некоторые беспорядки, чтобы использовать это движение

для маскировки своей деятельности и свержения или замены нынешнего французского правительства".

"Он мог нанять любую газету или журнал в Европе, чтобы напечатать оскорбительную карикатуру и начать гражданскую войну, – сказал я канадскому следователю. – Почему он выбрал Францию?"

Сэм ответил: "Я думаю, это потому, что он знает, что они доверчивы. У него в прошлом был опыт общения с сентиментальными французами. Это просто эмоциональные люди, которых легко ввести в заблуждение. Я имею в виду, подумай об этом – сколько французов на самом деле знают, что один австриец заплатил владельцу сатирического журнала, чтобы тот напечатал карикатуры на некоторых религиозных деятелей? Они понятия не имеют, что Ричард использует их как марионеток и дергает за ниточки".

"Он делал это раньше, – Хадриен Малрони спокойно заявил. – Когда он сворачивал Блэксенд и искал отмываемые деньги для создания еще одной террористической организации, он решил украсть деньги у ливийского лидера и каким-то образом сумел убедить страны НАТО в том, что Каддафи представляет угрозу. Это было в 2011 году".

"Ты имеешь в виду мартовские атаки?"

Хадриен кивнул: "Как только возглавляемая НАТО коалиция начала военное внедрение в Ливию, французские самолеты атаковали силы, поддерживающие Каддафи в Бенгази, и позволили боевикам Блэксенда захватить Каддафи и выпытать из него информацию обо всех его банковских счетах. По настоянию Ричарда французские самолеты нанесли воздушные удары по танкам и машинам ливийской армии и дали людям Ричарда достаточно времени, чтобы спастись бегством. Затем он использовал деньги ливийского диктатора для создания пресловутой ИГИЛ и совершил сотни мелких нападений, обвинив в этом вымышленную террористическую организацию".

"О каких нападениях ты говоришь, Хадриен?" – я спросил.

Канадский офицер разведки смотрел на меня полузакрытыми глазами: "Боевики Блэксенда угрожали франко-алжирцу, чтобы он взял на себя ответственность за попытку взрыва церкви недалеко от Парижа. В последний раз, когда он напал на локации в Париже, он позаботился о том, чтобы СМИ получили сфальсифицированную версию событий, и французские СМИ, будучи наивными, купились на его рассказ, и даже мировые лидеры присоединились к хору и поверили, что за этими терактами стоят экстремисты или террористы ИГИЛ. Он знает, что у французов есть слабости – они легко травмируются и чувствуют боль всякий раз, когда происходит теракт".

"Интерпол знал обо всем этом и не предпринял решительных действий?" – Сэм спросил с недоверием.

Хадриен Малрони продолжил: "Интерпол предотвратил фактическую атаку на церковь и обнаружил, что в тот же день

планировались взрывы еще около сотни церквей. Мы отследили источник всех этих заказанных взрывов, он был на складе в полукилометре от церкви Сен-Элоя, римско-католической церкви в Дюнкерке".

Я спросил: "Что нашёл Интерпол?"

"Подробные планы террористических атак, но что поразило нас, так это заложники, которые там были."

"Заложники?"

"Да, территория порта строго охраняется, и около двадцати человек ближневосточного и североафриканского происхождения были заперты в грузовом контейнере, – сообщил нам канадский аналитик по борьбе с угрозами терроризма. – Их готовила команда хорошо вооруженных наемников – в основном бывшие военные из Восточной Европы, но некоторые из руководителей группы были американцами. Мы позже обнаружили, что они были частными военными наемниками Блэксенда. Но вы никогда не догадаетесь, что они планировали. Когда мы приехали туда и проверили территорию после огромной перестрелки, то увидели, что это был целый рассадник террористов в чистом смысле этого слова. Молодым людям с Ближнего Востока было приказано прикрепить бомбы к своим телам и взрывать их в стратегических точках французских городов. Все они были оснащены высокочастотной ушной связью, с помощью которой наемники общались с ними и они могли дистанционно взорвать взрывчатку С4".

"Я в это не верю, – заявил Сэм. – Неважно, как сильно кого-то принуждают, но они не согласятся взорвать себя".

"Нет, – согласился Хадриен, – но они бы так и сделали, если бы их близким угрожали. Мы спасли мальчика североафриканского происхождения, который приставил к груди пистолет и отказывался сдаваться. Он очень мало говорил по-французски, и его было очень трудно успокоить, но в конце концов я убедил его поверить мне. Когда я спросил его, почему он держит пистолет, он ответил, что *должен* убить по меньшей мере сто французов в течение этого вечера. Он рассказал мне причудливую историю, и после того, как я рассказал ее сирийским и турецким властям, я понял, что он говорит мне правду".

"Что тебе сказал террорист?"

"Я приказал тактическому подразделению Интерпола эвакуировать мальчика из помещения, и через пару часов он был тщательно допрошен и дал нам полный отчет о том, с какой дилеммой он столкнулся. Он рассказал спецслужбам Интерпола все о том, как его сестра была похищена неизвестной группой людей и что ее удерживают торговцы людьми. Мальчику, говорящему на арабском языке, сказали, что если он не будет помогать и не возьмет на себя ответственность за расстрел сотен французских гражданских, то его

мать будет убита, а сестра продана на рынке секс-рабовладельцев ИГИЛ. Как бы необычно это ни было, группа из двух человек из подразделения контрразведки Интерпола отправилась к турецко-сирийской границе и обнаружила его одиннадцатилетнюю сестру. Команда Интерпола нашла сестру мальчика в охраняемом комплексе. На тот момент все стало еще более интересным. Девочку охраняли несколько канадских спецподразделений, которые считали, что тюрьма, которую они охраняют, является ценным активом ЦРУ. Члены элитного подразделения спецназа понятия не имели, что их обманывал Ричард и его коррумпированная организация, но когда они узнали об этом, то согласились выступить против своего работодателя. Таким образом, мы собрали достаточно доказательств того, что стрелявшие на самом деле не были террористами, а были принуждены к совершению массовых актов насилия".

Сэм яростно нахмурился: "Итак, люди, которые расстреляли пятерых гражданских в парижском супермаркете – ты говоришь, что их заставили убивать?"

"Больше похоже на принуждение к совершению террористических актов, – Хадриен Малрони поднял плечи. – Правда, эта ситуация повергла в шок, даже меня. Эти люди ближневосточного происхождения были обычными гражданами – бакалейщиками, фермерами и механиками, и их шантажировали, чтобы они совершали акты террора или снимали видео, на которых они брали на себя ответственность за то, что было написано в словах к видео. Я допрашивал одного из наемников Блэксенда, который лично готовил заложников. Он признался, что наушники на арабских мужчинах были установлены, чтобы они не отступили от своих инструкций, поскольку эти люди колебались, и не хотели отнимать жизни своих соотечественников – французов. И единственное указание, которого должен был придерживаться каждый из стрелков или бомбардировщиков – это сказать определенные слова, например Алла, Мухаммед или Акбар, перед тем, как взрывать себя. Если бы они не выкрикивали эти арабские слова, их близкие были бы убиты".

"Почему Блэксенд так отчаянно напал на Францию?" – спросил я его.

Канадец прищурился: "Я думаю, что Ричард хочет разжечь гражданскую войну в стране, ликвидировать законное правительство и заменить его марионеточным, которое он сможет контролировать."

"Что меня злит, так это то, как он постоянно использует Францию во благо своей цели, – Сэм Кларк закурил. – Как он это сделал в 2011 году, заставив французские ВВС бомбить Ливию, убив сотни гражданских, и все это потому, что он хотел захватить и допросить Каддафи и завладеть его богатствами".

Канадский аналитик по борьбе с угрозами терроризма посмотрел на Сэма: "Все двести миллиардов Каддафи пропали без вести, верно?"

Сэм кивнул: "Экономические аналитики ЦРУ пришли к выводу, что у него денег и не было. Они не могли сказать, куда они пропали, но где бы Ричард их не спрятал, их невозможно было отследить".

"Ему повезло, что он украл деньги у ливийского диктатора и создал мощную террористическую организацию, за которой он мог эффективно скрывать все силы Блэксенда и полностью дестабилизировать ситуацию на Ближнем Востоке".

"Со таким количеством денег, неудивительно, что он смог нанять столько преданных солдат, которые верно служат ему, – я пробормотал тихо. – Кто-нибудь из вас знает, что Ричард планирует дальше?"

"Согласно инструкции, которую мы извлекли из порта в Дюнкерке, боевики Блэксенда должны были нацелиться на Вену. Это был номер два в их списке".

"Что тогда было номером один?" – спросил я.

"Ницца, Париж и Лион".

"Я понимаю, почему он нацелился на Францию. Ему нравится играть с эмоциями людей. Но зачем нападать на свою страну? Ричард родом из Австрии".

"Может быть, именно *потому, что* он оттуда, – Хадриен объяснил. – Ричард имеет сильное влияние на организованные преступные группы в Вене. Вероятно, он приводит своих головорезов в движение там, пока мы говорим."

"Кстати о самом дьяволе, – Сэм перебил. – Я получил предупреждение на электронную почту моего Агентства. Сегодня рано утром по главным улицам Вены бегали стрелки. Полиция сообщила, что вооруженные нападавшие в балаклавах бегали по общественным площадям и стреляли в случайных прохожих".

"Я был прав, – сказал Хадриен. – Твой Ричард уже установил своих наемников на рабочие места."

"Мы наверняка узнаем, являются ли они боевиками Блэксенда, если они последуют типичному террористическому протоколу. По словам захваченных нами людей, им, ведущим перестрелку, приказано кричать *Аллах* или *Мухаммед* перед тем, как стрелять, – Сэм Кларк сказал это перед тем, как включить репортаж в новостях. Он увеличил громкость и кивнул. – Это правда. Нападавшие были застрелены, но австрийская полиция подтвердила, что мужчины кричали на *Аллах* перед началом стрельбы. И аналогичная стрельба произошла в Зальцбурге накануне."

"Это интересно, – прокомментировал Хадриен. – Вы читали полицейский отчет по предполагаемому нападавшему? Полиция утверждает, что они нашли у него ноутбук, который содержал

многочисленные электронные письма и сообщения, в которых сообщалось, что он умирает от желания вступить в ИГИЛ".

Сэм вздохнул: "Как иронично! Стрелок хотел вступить в террористическую организацию, финансируемую самим Ричардом. И он взял ноутбук с доказательствами на бойню. Отлично."

Хадриен Малрони выглядел рассеянным. Ему позвонили, он сразу нахмурился: "Это Германия. Мои коллеги из Европола только что прислали мне последние новости из их берлинского офиса."

"Эти новости чем-то подозрительны?" – я спросил.

"Еще несколько подробностей о нападениях под фальшивым флагом в Баварии, – сказал мне Хадриен. – Служба разведки ФРГ разобралось с этим делом после того, как полиция Берлина наткнулась на некоторые улики – по чистой случайности. Они невольно раскопали подпольную террористическую организацию, которая, как мы теперь знаем, финансировалась Ричардом. Боевики Блэксенда снабдили группу оружием и дали им детальные чертежи для нападения на правительственные здания и убийства конкретных правительственных чиновников".

"Как они так легко о них узнали? – спросил я. – Ричард знает, как заметить свои следы".

Хадриен Малрони сделал глубокий вдох: "В прошлом месяце немецкий лейтенант Бундесвера был арестован берлинской полицией, которая обвинила его в мошенничестве".

"Что за мошенничество?" – я надавил.

"У офицера были фальшивые документы, удостоверяющие личность. Фальшивое удостоверение личности, лицензия и целая подставная биография. Полиция думала, что это обычная кража личности, пока не изучила имя, которое он использовал. Это было арабское имя".

"Но зачем?"

"Лейтенант Бундесвера был зарегистрирован как сирийский беженец под вымышленным именем и обратился с просьбой о предоставлении убежища в Баварии. Его заявление было одобрено, и ему было предоставлено жилье в приюте для беженцев, и он даже получал государственные пособия. Позднее он использовал свое удостоверение личности для приобретения оружия, синтетических взрывчатых веществ и транспарантов ИГИЛ, убедившись в том, что все это прослеживается до его имени".

"Как может немец выдать себя за сирийского беженца? Его должны были заметить другие беженцы", – Сэм рассуждал.

"Это хорошая мысль. Интерпол допрашивал его недолго.

Лейтенант сказал, что он вообще не знает арабского языка, но говорит по-французски и выдает себя за франкоязычного сирийского иммигранта. План был безупречен, поэтому в течение недели после

того, как он поселился в своем доме для беженцев, он начал покупать оружие".

"На кого он нацелился?" – Сэм Кларк спросил.

"Человек признался в планировании изощренной атаки. Он намеревался убить трех политиков, выступающих против иммиграции, чтобы казалось, будто эти самые беженцы, приезжающие в Германию, совершают эти теракты. Он также настаивал на том, что действовал в одиночку, но мы знаем, что это была не операция одиночки".

"Почему ты так уверен?"

"Мы определили его партнеров. Два солдата из *Йегерского батальона 131* должны были ввести группу убийц в терминал прибытия аэропорта Берлин-Тегель, куда должна была прибыть международная экуменическая делегация из двенадцати человек, состоящая из представителей Всемирного Совета Церквей, в том числе Лютеранской Церкви в Финляндии. Группа убийц должна была пристрелить их, как только они покинули место выдачи багажа. Убийцы имели при себе фальшивые документы, удостоверяющие личность, и планировали замаскировать убийство под террористический акт, совершенный сирийскими беженцами".

"Они не могли сами создать фальшивые личности сирийских беженцев", – я заметил.

"Я согласен, – сказал Хадриен. – Личность имела в себе цель надежного прикрытия, которое позволило бы им убивать избранных должностных лиц и заставлять власти верить в то, что это сделал какой-то случайный арабский беженец. Я сам проверил поддельные документы. Они были отправлены лейтенанту Бундесвера с американского адреса. Конечно, к тому времени, как мы поделились своими знаниями с Министерством национальной безопасности, это место было уже заброшено. Кто бы им ни пользовался, он исчез".

"Какой вывод сделала немецкая полиция?"

"Пресс-секретарь Федеральной полиции сказал нам, что считает, что арестованные надеялись совершить убийства таким образом, чтобы это казалось было сделано радикальными исламистами-террористами. Что странно, учитывая, что они принадлежали к ультраправым партиям, и помимо того, что у них было незаконное оружие, в их домах были обнаружены большие тайники с памятными вещами нацистов".

В пустоту я задал вопрос: "Почему же немецкие военные не начали это расследование раньше?"

"Правда в том, что оно продолжается, и у них было около сотни подозреваемых под постоянным наблюдением. Этот арест стал для меня сюрпризом, – заметил Хадриен. – Интерпол надеялся выследить всех членов до того, как арестовать главных подозреваемых."

"Почему тогда военные не подождали?" – Сэм спросил.

Канадский офицер разведки сжал губы, прежде чем продолжить: "Мой друг – Полковник Бундесвера. Он говорит, что эти люди перемещались для нападения на несколько правительственных зданий в Берлине и Мюнхене, поэтому они должны были их задержать. Тревогу вызвало открытие, что с прошлого года из немецких военных арсеналов исчезло тридцать тысяч патронов".

Я спросил: "Мы знаем, кто их забрал?"

"У Интерпола не было конкретных зацепок, но пока что похоже, что ультраправая подпольная организация взяла под контроль элитных наемников. Полиция Северного Рейна-Вестфалии заявила, что за ограблением стоят правые экстремисты, – Хадриен тщательно подбирал свои слова. – Я не сомневался, что Ричард финансирует их. Согласно записке, которую мы получили от подозреваемого террориста, их учили сражаться не на жизнь, а на смерть за свое дело".

"Какой?"

"Очистить Германию от всех иммигрантов и восстановить славу нацистам. Но был подвох. Все нападения на парламентариев и правоохранительные органы должны были быть замаскированы, будто их совершили иммигранты ИГИЛ".

"Ричард хочет начать гражданскую войну, дестабилизировать правительство", – Сэм сказал раздраженно.

Я перебил: "Каким образом он отбирает всех этих людей?"

"Возможно, я смогу помочь тебе с этим, – предложил Хадриен. – Оперативная группа по кибер защите Федеральной службы защиты конституции Германии обнаружила чат экстремистов, которым пользуются ультраправые фанатики. Каким-то образом этому чату удалось оставаться незамеченным в течение многих лет."

"Что еще нашла ФСЗ?" – офицер ЦРУ хотел узнать.

"Они работают синхронно с ФКБ Германии, я имею в виду Федеральное криминальное бюро Германии, они выяснили, что восемь немецких компаний, базирующихся в Китае, финансируют эту террористическую ячейку. И как вы думаете, кто эта корпорация, которая обеспечивает безопасность этих немецких компаний? Блэксенд!"

Мы не прокомментировали это, и Хадриен продолжил: "На этой неделе отделение контрразведки немецкой армии арестовало 37-летнего сержанта-майора после того, как в его резиденции были обнаружены огромные запасы боеприпасов и тротила. Немецкие следователи считают, что этот человек готовился к нападению на Ландтаг Саксонии".

"Прости, что?" – сказал Сэм в замешательстве.

Хадриен быстро прояснил: "Это правительственное здание, которое служит резиденцией парламента федеральной земли Саксонии. В настоящее время военные проводят массовое

расследование по подозрению в ультраправом подпольном движении в его рядах. Немецкая полиция также арестовала унтер-офицера из элитного немецкого армейского подразделения в прошлый вторник после того, как он был замечен открыто прославляющим их нацистское прошлое. У него был огромный запас оружия и боеприпасов военного образца".

"Как ты все это узнал, Хадриен?" – Сэм Кларк спросил.

"От моего связного в немецких вооруженных силах, – сказал Хадриен. – Полковник Бундесвера сказал, что армия расследует дело ультраправого подпольного движения, используя ряды специальной части сухопутных войск, элитных военных, похожих на британскую САС или американских Зеленых Беретов".

Сэм вздохнул с отчаянием: "Я не понимаю, как Ричард протянул свои щупальца в самые секретные спецподразделения Германии."

"Восемь человек были арестованы в юго-западной части Германии. Среди арестованных, исповедовавших верность ультраправым идеологиям, были два солдата и офицер военной разведки. Их нанял анонимный источник, который заплатил им семь миллионов евро за ряд фальшивых террористических атак на высокопоставленных политиков-антифашистов и свалил вину за это на беженцев".

"Подождите, зачем солдатам-расистам соглашаться убивать политиков, поддерживающих их антииммигрантские взгляды?"

"Я рад, что ты спросил об этом. Мы задали тот же вопрос заключенным. Они признали, что для того, чтобы инсценировать идеальное нападение под флагом, их работодатель предложил им напасть и убить немецких политиков, которые не поддерживают политику правительства в отношении беженцев. Это был единственный способ убедить средства массовой информации и общественность в том, что арабские беженцы действительно совершили эти нападения. Другой человек, студент одного университета Берлина, был арестован после того, как офицеры ФРС Германии заподозрили его в планировании жестокого акта насилия против государства, он был обвинен в ультраправом экстремизме. Как и другие мужчины, он также должен был выдать себя за арабского или турецкого иммигранта".

Сэм Кларк сжимал и разжимал кулаки: "Я надеялся, что Ричард за этим не стоит, но я опять ошибался. Почему этот ублюдок не может остановиться? Сначала он взрывает бомбы во Франции, потом нанимает головорезов, чтобы они бегали по улицам Вены и стреляли в прохожих, а теперь он финансирует настоящий переворот в Германии. Это безумие!"

Я попытался его успокоить: "Послушай, Сэм, Ричард не единственный злой человек в мире. Я уверен, что есть люди и похуже,

чем он. Если бы у них было столько же власти или денег, сколько у Ричарда, тогда кто знает, что бы они сделали?"

Моего друга похоже эти слова особо не убедили.

Хадриен положил умиротворяющую руку на плечо Сэма: "Ты не ошибаешься в опасениях касательно Ричарда. Я прочитал только частичный отчет о расследовании. Один из лидеров ультраправой неонацистской террористической ячейки заключил сделку с немецким прокурором, и в обмен на смягчение приговора он дал нам местоположение своей конспиративной квартиры в Бремене на севере Германии".

"Ребята, вы там что-то нашли?" – Сэм спросил.

"Множество карт, фото, набросков и несколько документов, детально описывающих план Ричарда для Европы. Мы не ошиблись, полагая, что он решил свергнуть большинство законных правительств в Европе и заменить их людьми, которых он воспитал на своей собственной идеологии."

"Какой же у него эндшпиль?" – я спросил.

Канадский аналитик по противодействию террористическим угрозам медленно моргнул: "По словам офицера Бундесвера, которого мы арестовали, у них была только одна миссия: устраивать беспорядки в немецком обществе, совершая безудержные убийства, взрывы и обезглавливания, а также подставлять за это иммигрантов, арабов или сирийских беженцев. Эндшпиль состоит в том, чтобы возродить холокост в современности. Он хочет посадить всех ближневосточных мужчин и женщин в лагеря или тюрьмы, задержать всех беженцев на неопределенный срок и контролировать правительство. И если мы правы насчет одержимости Ричарда ИГИЛ и создания впечатления, будто Россия финансировала эту террористическую организацию, то я не удивлюсь, если он действительно захочет возродить Вторую Мировую Войну. Нацисты, безусловно, следовали этим шагам – сначала небольшие акты насилия против евреев Европы, затем депортация некоторых, затем истребление всех евреев, затем они захватывали одну соседнюю страну за другой, после чего объединили всю Европу и вторглись в Россию."

Сэм нахмурился: "Террорист знал, какие страны станут следующими мишенями?"

"Мы узнали даже больше, – сказал Хадриен. – Согласно полученным переводам, мы смогли предсказать следующий шаг Ричарда. Он пошёл по кругу, правда. Сначала это были Франция и Австрия, но картина показала, что следующими в списке были Германия и Испания. И, наконец, оперативники Блэксенда намерены захватить Польшу и Италию. Не думаю, что пока они захотят сделать врага из Лондона, но мы перехватили письмо по электронной почте, в котором призывали нанести ядерные удары по Англии и Франции, и

подставить за эти удары либо Турцию, либо Российскую Федерацию. Таким образом, уровень боевой готовности в этих странах все еще находится на критическом уровне".

"Ты в порядке?" – Хадриен говорил тихо.

Потом я услышал голос Сэма: "Ты в порядке?"

Моя голова ходила кругом, когда я пытался разобрать слова моего друга, но в ушах раздался странный звон. Мне было ужасно плохо. Меня тошнило от мысли, что Европа снова вяжется в войну и кровопролитие. Я вздрогнул от мысли, что станет с Россией – будет ли она снова страдать? Как можно жить нормальной жизнью, когда впереди такая смертельная опасность?

Я получил срочное сообщение от бывшего соратника из Лагеря. Мы много раз спасали друг другу жизни, выполняя совместные миссии в бывшем Советском Союзе. Моим другом, который сейчас работал в Главном Управлении, оказался российский военный атташе по делам Югославии. Он сказал, что Россию ложно обвиняют в организации государственного переворота прямо перед голосованием в парламент 2016 года в Черногории, но при содействии подразделения по кибербезопасности 27562 ГУ, он обнаружил, что это была подстава. Москву ложно обвинили во вмешательстве в выборы другого государства. Мой друг заверил меня, что у российских спецслужб нет причин свергать проНАТО-национальное правительство, которое существовало в Черногории.

Я хотел узнать, на каком основании НАТО обвиняет Российскую разведку в организации переворота в Черногории. Мой друг заверил меня, что все доказательства, которые были представлены в местных судах, были обманом, и не было никаких фактических доказательств участия России. Прокуроры предъявили чеки, в которых указывались, что деньги за заговор о перевороте были переправлены из штаб-квартиры ООН в Москве через Вестерн Юнион конкретным членам оппозиционной партии. Факты выглядели странными – я знал, что шпионские агентства никогда так не работали. Они бы никогда не оставили таких очевидных бумажных следов. Больше похоже на подставу, но я понятия не имел, кто мог подставить Россию за переворот.

Мой друг умолял меня использовать мои американские ресурсы и узнать правду. На следующий день я пришел на работу и воспользовался помощью двух моих контактов из АНБ, которые в настоящее время работают в Госдепартаменте. Они предупредили об этом свое начальство, но, как я и ожидал, исполнительный директор Центральной службы безопасности АНБ дал понять, что Россия действительно несет ответственность за попытку переворота в Черногории. Лично я не удивился. Многие старшие офицеры и

руководители американских спецслужб и военные советники с энтузиазмом верили в самую дикую теорию о России и были убеждены, что все волнения, происходящие на евроазиатском континенте, были делом рук мошенников ФСБ. Разочарованный отсутствием поддержки со стороны своего начальства, мой знакомый провел собственное расследование и через неделю направил мне свои отчеты.

То, что я видел в этих отчетах, было шокирующим даже для меня. Два офицера ЦРУ были непосредственно вовлечены во весь заговор о перевороте, и они усердно работали над тем, чтобы создать впечатление, будто за всем этим стоят русские. Я выследил одного офицера Агентства, который стал частным консультантом по вопросам безопасности после возвращения в Штаты. Он организовывал переворот в Черногории вместе со своим другом, который владел охранной фирмой в Сарасоте. Двое мужчин были засняты на камеру. Они планировали сорвать выборы. Полиция Черногории обнаружила их заговор и выдала ордер на арест сотрудников ЦРУ, но они бежали из страны. Однако по просьбе черногорского правительства пограничная полиция ОАЭ задержала их, но судья эмиратского суда по вопросам борьбы с терроризмом решил их освободить и отправил обратно в Америку.

Я был озадачен результатами своего расследования и каким-то образом почувствовал, что мне не хватает жизненно важного звена – кто убедил ЦРУ провести продуманную схему подставы России? Это уже второй раз за последнее десятилетие, когда иностранные граждане активно вовлекаются в то, чтобы Россия выглядела злодеем для НАТО. Кто-то, казалось бы, намеревался спровоцировать физическое противостояние с самой большой нацией в мире. Через несколько месяцев я бы узнал личность человека, который нанял этих двух офицеров Агентства для осуществления государственного переворота в Черногории от имени России.

На третий день, когда Дастин не отвечал мои звонки, я начал волноваться. Хакер никогда раньше так не делал. За те годы, что я работал вместе с ним, я никогда не видел, чтобы Дастин игнорировал телефонные звонки.

С тех пор, как я покинул русский детский дом, я избегал заводить друзей. Это было слишком рискованно для меня и могло навредить им. Я не хотел подвергать опасности чью-либо жизнь. Эпизоды из моего прошлого были достаточно болезненными для меня, чтобы проживать их снова; у меня не было желания возрождать забытую боль.

Я родился в Лондоне, отец не любил меня. Моя мать, которая пыталась укрывать меня от худшего, умерла, когда я был еще

мальчиком. Меня изгнали из дома мои дальние родственники и приговорили к выживанию в малоизвестном российском приюте, где вместе со старшими детьми размещались сотни детей-сирот-инвалидов. Дисциплина была строгой, малейший проступок побуждал персонал давать детям успокоительное, чтобы успокоить их или усыплять. Я был встревожен этой практикой, но по сравнению с жизнью в доме моего отца, я считал это облегчением.

Жизнь в сибирском приюте была далека от идеала, но жаловаться не хотелось. Государственное жилье было ненормальным, но, по крайней мере, никто не избивал и не издевался надо мной там. Я переосмыслил этот факт много лет спустя – после переезда в США, где я часто общался со студентами колледжа или старшеклассниками. Многие из этих американских студентов приехали из центров для несовершеннолетних или государственных приемных семей, потому что они были сиротами или покинуты при рождении. Они рассказали мне об ужасной жизни в американских детских домах, где санитары и рабочие регулярно избивали и насиловали маленьких мальчиков и девочек.

Один студент колледжа, с которым я разговаривал, сказал мне, что его усыновила богатая пара в Калифорнии, но через год он сбежал. Я спросил его, почему он решил бросить богатый образ жизни, и он сказал, что его приемный отец и его друзья каждый день насиловали его и заставляли пить мочу. Другие американские дети, с которыми я разговаривал, упоминали о подобных ужасных инцидентах в их приемных семьях. Они говорили, что большинство семей соглашалось усыновлять детей из государственных детских домов только для того, чтобы получать деньги, которые правительство давало им на уход за детьми, но вместо того, чтобы тратить на них, приемная семья растрачивала деньги.

Внутри я был благодарен за то, что не был американцем. Я был рад, что мое детство прошло в российском детском доме, где меня никто никогда не обижал. Мне посчастливилось быть вдали от моего жестокого отца, но память о нем пугала и мучила меня годами. Меня преследовали звуки его шагов. У меня болели уши от напряжения, когда я смотрел, вернулся ли он домой, был ли он снова зол или пьян. Каждое утро я с нетерпением изучал его лицо, чтобы понять, не в плохом ли он настроении.

Вскоре после моего седьмого дня рождения я снова стал свидетелем ужасов. Мою мать жестоко били в живот. Она ревела от боли, когда мой пьяный отец бил ее чем угодно, что лежало на кухне: ложкой, вилками, посудой и даже кастрюлями. Я думаю, что в тот день у нее был перелом черепа, потому что ее отвезли в больницу и она неделями носила большую повязку на голове. Помню, я умолял ее взять меня с собой и переехать куда-нибудь еще – подальше от этого

ужасного избиения и издевательств. Но моя мать только качала головой и плакала. Ее крики боли преследуют меня и по сей день.

Я был ребенком, приговоренным смотреть и слышать, как его маму избивал жестокий отец; бессилен остановить страдания, которые разрывали ее любимую душу. Если бы мои слезы могли остановить эти издевательства и унижения. Страх, ненависть и гнев затуманивали мой юный разум, когда я мечтал о том, как спасти свою мать и сбежать из ада. Сейчас, когда я пишу об этом эпизоде своей жизни, у меня по щекам бегут слезы, но в молодости я уводил свой разум от травмы, чтобы верить, что скоро все станет нормально. Но как я ошибался.

В подростковом возрасте я нашел утешение в товарищах, с которыми познакомился в отдаленном уголке России. Их страсть, любовь и энтузиазм вселяли в меня надежду. Дастин был одним из таких товарищей, с которыми я вырос, я мог на него положиться. Я знал, что могу положиться на русского хакера и звонил ему, не раздумывая, из разных часовых поясов, он всегда был готов помочь мне, а я – ему. Теперь эта жуткая неуверенность убивала меня. Я объехал все пять его известных резиденций и, наконец, связался с Кёртисом МакДоннеллом, аналитиком данных, который работал вместе со мной в АНБ. Кёртис начал свою карьеру в АНБ в качестве лингвиста-криптолога и в настоящее время являлся заместителем директора по сбору данных. Он также был знаком с Ричардом и с тех пор работал в Госдепартаменте. Я объяснил ему в нескольких словах, что меня беспокоит. Дастина не было, и мне нужно было выследить его и убедиться, что с ним все в порядке. Кёртис обещал помочь.

Восемнадцать часов спустя зазвонил мой телефон. Кёртис МакДоннелл сузил круг до трех возможных мест, где мог находиться Дастин. Он обнулял последние места, откуда пинговал его цифровой след, и пришел к выводу, что вероятным местом будет выведенная из эксплуатации атомная электростанция в Пембрукшире, графстве к юго-западу от Уэльса. Я не нуждался в дальнейшей его поддержке и улетел в Англию.

Мне понадобилось меньше часа, чтобы найти объект. Я позаботился о том, чтобы не брать с собой подкрепление; если бы Дастин был заложником, похитители бы увидели, нас. Поэтому я пошел один и незаметно прокрался под покровом ночи, пока не смог войти в заброшенный комплекс. Я мгновенно перестал что-то видеть, было темно, я пытался проморгаться, пытаюсь привыкнуть к тусклому освещению. Внизу сидела неподвижная тень фигуры.

Дастин сидел в центре зала. Его руки и ноги были связаны, а вокруг его рта было намотано несколько слоев скотча. Я спрятал оружие и побежал, чтобы освободить его, но когда Дастин увидел, как я подбираюсь к нему, он так яростно покачал головой, что я подумал, что он потерял рассудок. Его сверкающие глаза замкнулись на моих, и

он слезливо покачал головой и кивнул на пол. Мои глаза устремились на тонкие провода, которые шли под креслом и, казалось, исчезали в досках пола. Тогда я понял, о чем мой дорогой друг пытался меня предупредить. Он был привязан к ловушке! Перемещение его с плиты спровоцировало бы взрыв тротила, уничтожив каждую живую частицу в радиусе десяти ярдов.

Я осторожно подошел к русскому хакеру и у меня получилось убрать скотч, который закрывал ему рот. Он вздохнул с облегчением и предупредил меня, чтобы я не подходил ближе. Его похитители знали, что я приду спасать его, поэтому они привязали его к этой плите, которая взорвется, если вес сместится. Мое сердце вздрогнуло, когда я услышал это. Мои глаза замерли на моем друге, когда я пытался придумать решение. Я спросил его, есть ли какой-нибудь способ обезвредить бомбу – Дастин сказал, что механизмы настолько сложны, что для этого понадобится помощь специалиста. Маленькая оплошность была бы смертельной.

Я не был так опытен, как хакер, поэтому принял решение. Я поменялся с ним местами, аккуратно убирая его ноги и заменяя их своими. Мы убедились, что тот же вес остался прикрепленным к плите спускового крючка бомбы. До тех пор, пока я оставался на спусковом крючке бомбы, она не взрывалась. Когда мне, наконец, удалось сбалансировать свой вес на стуле с нажимной плитой бомбы, Дастин приступил к снятию корпуса с пола и отделению триггерных проводов. Ему потребовалось двадцать минут, чтобы перерезать провод, который подключался к взрывчатке, я старался не думать, что случится, если провод на спусковом крючке бомбы не будет отключен. На мгновение мой разум был наполнен невыносимыми страданиями при осознании того, что я могу потерять ближайшего друга в одно мгновение. Неужели Дастин и я в итоге умрем в отдаленном месте, вдали от цивилизации, наши тела будут разорваны в клочья, разбросаны по заброшенному анклаву? Мысли были угнетающими.

Моя собственная судьба не волновала меня так сильно, как судьба Дастина. Невинный хакер был втянут в это дело, только потому что он пытался помочь мне. Если бы что-то случилось с Дастином, это была бы полностью моя вина. Я заставлял его исследовать секретные документы и загружать секретные данные из несанкционированных источников, чтобы я мог быть на шаг впереди от тех, кто планировал напасть на Европу, Россию или Америку. Дастин, несомненно, помогал мне в моих начинаниях – и теперь его жизнь оказалась под угрозой. Мои досадные мысли парализовали меня. Я даже не заметил, что моему другу удалось успешно вытащить спусковой провод из устройства. Бомба была отключена. Мы были в безопасности. Дастин снова был свободен.

Это была изнурительная неделя, после которой я уволил своих технических агентов и решил навестить Ирину. Я был уверен, что смогу убедить ее, доказав ей, что «случайные» террористические атаки на крупные центры в Азии и Европе были преднамеренными актами саботажа. Как только Ирина поймет, на какую жестокость способен Ричард, я думал, что она не будет продолжать поддерживать его.

Дверь в квартиру Ирины была приоткрыта. Опасаясь, что что-то не так, я достал свой револьвер и вошел в коридор. Он был пуст. Телевизор был включен в гостиной, поэтому я направился к телевизору и понизил громкость.

"Не двигайся!"

Я поднял руку и медленно повернулся. Это была Ирина. Ее служебное оружие целилось на меня.

Я задержал дыхание. "Ирина, послушай, опусти пистолет, – я сказал, подходя ближе к ней.

"Еще один шаг и я буду стрелять, Джон. Клянусь."

"Ладно, ладно. Пожалуйста, просто опусти пистолет. Зачем ты это делаешь?"

"Я сдам тебя", – сказала она, ее голос был леденящим.

"Сдашь меня?" – я повторил. Я понятия не имел, о чем она говорила.

"Ты стоял за этими взрывами, – Ирина плюнула в меня. – Я видела тебя. Ты была на месте. Ричард – он показал мне доказательства. Это все время была ты. Создал такую террористическую ячейку, как ИГИЛ, чтобы иметь возможность убивать людей под их прикрытием."

Я покачал головой: "Ты совершаешь ошибку, Ирина. Я никогда никого не убивал."

"Ты солгал мне, – кричала она на меня. – Я доверяла тебе, а ты только и делал, что убивал невинных людей. Я видела твою фотографию. Ты был в ночном клубе Орландо в ночь стрельбы, и в Бостоне. Вы убили десятки людей."

"Нет, нет! – я начал паниковать. Я не знал, почему Ирина верила в это. – Послушай, что бы Ричард не рассказал тебе обо мне, это ложь."

Она должна была знать меня как никого другого в этом мире, она должна была верить мне. Она видела, как я рисковал своей жизнью миллион раз ради незнакомцев, которые меня ненавидели. Я рисковал своей жизнью тысячи раз. Я должен был умереть. Зачем мне рисковать своей жизнью, если я действительно хотел убивать людей? Как она могла поверить в это?

"Правда? – сказала Ирина. – Он показал мне, кто ты есть на самом деле. Технически тебя не существует. Ты русский убийца, которого послали сюда шпионить за американскими спецслужбами. И ты

собираешься отрицать это? Ты убивал людей, чтобы зарабатывать на жизнь, Джон."

"Я не буду отрицать, но ты не знаешь всей истории", – я умолял ее и сделал шаг вперед.

Я был так зол, что не хотел верить, что она говорит это все всерьез.

Ирина закричала и подняла оружие: "На землю. Руки за спину".

Мои колени дрожали, когда я сопротивлялся со слезами: "Не делай этого, Ирина".

"Сейчас же!"

У меня не было выбора, кроме как подчиниться. Ирина мне не поверила. Она думала, что я преступник, который лгал обо всем. Я не мог винить ее в том, что она делала то, что считала правильным, но боль от предательства пронзала мое сердце, как горячие ножи.

Я отчасти знал, что происходит в моей жизни. Меня подставили за все преступления, которые совершил отчим Ирины. Каким-то образом, когда Ричард узнал, что я отследил ИГИЛ до него, он решил подставить меня за все убийства, которые совершил он сам – в том числе в Орландо, Бостоне и Лос-Анджелесе.

Нынешняя дилемма охватила меня горем и отчаянием, но я все еще думал о том, что произошло за последние несколько месяцев. Мой дорогой друг Дастин был так жестоко отнят у меня. Моя любимая держала меня на мушке и обвиняла в совершении чудовищных преступлений. Всех тех, кого я любил, либо их забирали у меня, либо испытывали нечеловеческую боль из-за меня, либо ими манипулировали, чтобы они ненавидели меня. Я обладал огромным богатством и силой, которые позволяли мне помогать странам восстанавливаться после стихийных бедствий и не давать им воевать друг с другом, но какая от этого польза мне или кому-либо из моих близких? Я не мог заставить Ирину любить меня или доверять мне. Я не смог спасти моего дорогого друга Дастина от судьбы, которая хуже смерти. Пока он лежал без сознания, высококвалифицированные врачи и специалисты, которых я вызывал, ничего не могли сделать, чтобы спасти его.

Я подвел слишком много людей.

Я не смог спасти свою мать. Я не мог подарить ей счастья в жизни. С моим рождением она впала в отчаяние. С того дня, как она забеременела, я приносил ей только горе и печаль. Она страдала от невыносимой боли и страданий, регулярно подвергалась пыткам и в конце концов умерла, пытаясь спасти меня. Если бы я мог подарить ей хоть один день счастья; может быть, тогда вся боль в моей жизни стоила бы того, чтобы ее испытать. Но... но я не смог. Я не смог наполнить ее жизнь радостью и утешением. Я думал о своих деньгах и

биткоиных с отвращением. Как бесполезны они были! Я мог получить доступ ко всем валютам мира, но моя мать была мертва, страдала до самого горького конца. Я не мог изменить прошлое, но мне очень хотелось бы хотя бы создать альтернативу.

Ирина надела на меня наручники и отвезла в офис АНБ в Форт-Миде. Мои данные обработали и удержали в камере несколько часов. Потом приехало шесть человек. У них не было ни значков, ни униформы, и они обвинили меня в том, что я террорист, вражеский боевик, который пытался убить американских граждан. Мое отчаянное отрицание пропускалось мимо ушей, мне завязали глаза, связали сзади руки и впихнули во внедорожник без опознавательных знаков и увезли в неизвестном направлении. Страх перед неизвестностью заставил меня задуматься. В глубине души я надеялся, что милосердная пуля пронзит мое сердце и погасит всю боль, которую я чувствовал. Я был беглецом в этом мире, и сама моя жизнь была моей тюрьмой. Я никогда не чувствовал себя настолько бессильным.

Мешок на голове не давал мне возможности определить, куда эти мужчины меня тянут. Меня протащили примерно по десяти ярдам травы и отвезли в подземную обитель. Там начался мой ад.

В течение следующих четырех месяцев меня пытали, изо дня в день. Не было ни дня покоя. Это была секретная тюрьма ЦРУ. Я не знал, где я был, но дознаватели заверили меня, что этого места официально не существует. Я был задержан призраками и содержался в их месте обитания. Они могли делать со мной все, что угодно. Снова и снова мне задавали одни и те же вопросы. Они называли меня террористом и верили, что я разбомбил российский самолет и сделал все остальные вещи, за которые Ричард меня подставил. Я сказал им, что меня подставили, но пытки только усиливались. Меня сотни раз топили ледяной водой. Однажды я пытался утопиться, вдыхая холодную воду, но они оживили меня, прежде чем я смог покончить с собой.

Я больше не мог этого выносить.

Потом они начали пытки электрическим током. Напряжение увеличивалось с каждым сеансом допроса. Я тщетно надеялся, что кто-нибудь найдет меня. Возможно, мой связной в Агентстве знал бы, где я. Блестящий инженер, спасший меня на Балканах два года назад, сумел бы все выяснить.

Но никто не пришел меня спасать. Проходили месяцы, и пытки только усилились.

Молитва

Возьми мою измученную суть
Мне положи ладонь на изголовье
Я знаю что грехи устлали путь,
Но я хочу очистить их любовью.

*I offer to Thee my tortured soul,
My heart no longer soothes the mind,
I know 'tis my sins taking toll,
But with Thy love, I wish to bind.*

Горит надежда в сердце наболелом,
Перед глазами страхи проплывают
И коль душа моя покинет тело
Предстать перед Спасителем желаю

*Hope glistens within my heart,
And fear flashes before my eye,
But if flesh and soul should one day part,
And reside with one so Almighty High-*

Услышь мою молитву это ночью
Когда уснули города, селенья
Никто не помешает злобной мощью
Мне испросить от ада избавленья

*Then hear my prayer this dark night,
When all Thy slaves in slumber dwell,
None to impede, none greater in might,
I seek Thy word for immunity from hell!*

Мое единственное горе было в том, что я был еще жив.

Мне казалось, что прошла целая вечность, мне дали пищу.

Прежде чем я успел перекусить, следовательно вытащил сэндвич из моего рта. Я был слаб от голода. Никогда не мог подумать, что желудок может так ужасно болеть от голода. Человек в очках держал еду вне моей досягаемости. Он держал ее передо мной, желая, чтобы я страдал. Еще один день без еды. Я не знал, как долго я смогу

выжить. Я вспомнил, как тренировался в Лагере бывшего Полковника КГБ. Он учил нас разным играм разума, чтобы противостоять пыткам.

Но я проваливал свои тренировки. У меня не хватало сил, чтобы продержаться так долго.

Меня осенило, что я страдаю не только от физической боли, но и от нервного срыва. Я не мог пережить боль в сердце – моя любимая Ирина считала меня убийцей. Она мне не верила.

Мне было больно не потому, что отчим Ирины подставил меня, а потому, что она верила, что я способен делать эти ужасные вещи, в которых меня обвинял Ричард. Насколько это ужасно, когда единственная женщина, которую я любил в этом мире, единственный человек, которому я доверял свою жизнь, не верила мне?

Офицеры ЦРУ, которые допрашивали меня, пытались выполнять свою работу. Их учили извлекать информацию из террористов, и теперь они верили, что, пытая меня, они смогут предотвратить будущие террористические атаки и спасти жизни американцев. Несмотря на боль, которую я испытывал в их руках, я понимал их позицию. Я ничуть не винил их в том, что они заставляли меня проходить через усиленный допрос – эти глупцы не знали, что меня подставили. Как они могли быть уверены в моей невиновности? Как они могли понять, что я стал жертвой процессуально безрассудной охоты на ведьм и был подставлен за все эти ужасные преступления, о которых они узнали?

К сожалению, в результате этих взрывов в Мадриде и на Бали погибло так много людей, а еще больше ни в чем не повинных гражданских погибло в перестрелке на знаменитом Рождественском рынке перед Страсбургским собором и во время массовых расстрелов в ночном гей-клубе Орlando, но, хотя я сожалею о том, что не смог предотвратить эти нападения и зашел так далеко, что мне пришлось взять на себя частичную ответственность за них, но я не участвовал в бомбардировках или перестрелках. Тем не менее, Ричард приложил огромные усилия, чтобы обеспечить наличие большого количества доказательств суду, что я был тем сумасшедшим убийцей, сеявшим хаос на всех континентах.

Мое собственное затруднительное положение едва ли беспокоило меня; я скорбел о потере моей любви, о моей Ирине, которая предала меня в тот момент, когда я больше всего нуждался в ней. Но я не мог на неё злиться. Да, ее недоверие было душераздирающим, но кто может винить Ирину за то, что она встала на сторону Ричарда? В конце концов, он был мастером манипулирования. Нет, я простил ее задолго до того, как меня перевезли в скрытую тюрьму ЦРУ, но муки от того, что меня бросил любимый человек, убивали мое сердце.

Жизнь казалась мне бессмысленной.

Какой смысл выживать, если те, кого ты любишь, тебя ненавидят? В этом мире были еще миллионы людей, которых нужно было спасти, которые нуждались в жизненно важной помощи, чтобы прожить хотя бы еще один день, но я чуть не потерял силы идти дальше.

Какое-то время я больше не испытывал энтузиазма бросаться в смертельные ловушки, чтобы спасти людей.

В конце концов, разве не это я пытался сделать в Орландо?

Я поехал туда с одной целью: предотвратить перестрелку, которая, как я узнал, должна была произойти. Тем не менее, я не смог спасти невинные жизни, их все-равно разорвали пули на куски.

Я подвел себя. Моя любовь предала меня. Все казалось бесполезным. Мир для меня был мертв.

Мои дознаватели стали получать удовольствие от моих страданий, поэтому они начали больше пытаться меня водой. Тонуть – это ужасно. Чувство, что ты тонешь, было настолько ужасным, что я не думаю, что нет таких слов мире, которые могли бы это описать. Когда жуткие американские дознаватели держали мою голову в ледяной воде, ледяная жидкость бросалась мне в нос, в рот и в глаза, причиняя огромную боль сердцу и легким, в то время как все мое тело бесконтрольно билось в конвульсиях, пока я боролся и отчаянно брыкался, чтобы освободиться. На этот раз я был полон решимости умереть, но они вовремя вытянули меня и ввели мне адреналин.

Мое существование было жалким. Я валялся у их ног – позорное проявление жалкости. К моим рукам и туловищу были прикреплены десятки электродов и проводов, которые обжигали большие участки моего тела. С ужасом я смотрел на свою мертвую кожу, свисающую с ожогов. Мои слезы и пот высохли и стали солёной корочкой на моих полых щеках. Это было пугающее зрелище, но пытки продолжались. Я чувствовал себя беспомощным, как осужденный, у которого не было другого выбора, кроме как принять свою судьбу.

Когда я становился слишком слабым, чтобы кричать от боли, я погружался в ужас и отчаяние. Мои глаза в слезах молили о пощаде, и мое сердце кричало о помощи, но пощады не было.

О, как бы я хотел, чтобы я никогда не появился на этот свет! Мое существование было проклятием. Моя жизнь ничего не стоила. Мое тело было позором. Почему моя мать не задушила меня после моего рождения? Я был бы избавлен от этой жестокой жизни, если бы она только смогла забрать мою жизнь.

Во время одного из допросов я, должно быть, снова потерял сознание, но настойчивые инквизиторы Агентства снова и снова возвращали меня к жизни, вводя адреналин в мою кровь. На этот раз мне удалось вырвать кусок иглы из шприца и спрятать его во рту. В тот день, когда меня перевозили в комнату электрических пыток, я сделал

свой ход. Я открыл оковы кончиком иглы и вырвался на свободу. Металлическим стулом я вырубил троих мужчин, и использовал их ключи от машины, чтобы выбраться из подземной тюрьмы. Снаружи было так светло, что я был почти ослеплен. Месяцами я был вынужден оставаться в темноте. Без надежды на жизнь и свет. Я ехал бездумно в течение часа, пока на улице не появился знак *"Добро пожаловать в Колорадо"*. Я с ужасом понял, что эта тюрьма находится в Соединенных Штатах. Я знал, что ЦРУ проводит незаконные допросы вражеских агентов на территории других стран, но я никогда не мог себе представить, что они будут пытаться людей на американской земле.

Мой побег был недолгим. АНБ прибегло к помощи ФБР, чтобы выследить и вернуть меня, человека, который расстрелял десятки людей в Орландо. Я знал, что не могу снова рисковать и попасть в заточение снова, поэтому незаметно проскользнул в свою квартиру и начал собирать все свои вещи. Мне пришлось бы провалиться сквозь землю на некоторое время, пока все не прояснится.

Я услышал, как пистолет перезаряжается. Металл прижался к моему затылку. Я замер.

"Ты беглец, Джон", – голос Ирины зазвучал позади меня. Мое сердце ушло в пятки. Только не снова!

"Если ты собираешься застрелить меня, ты должна убить меня сейчас, – я сказал ей, мой голос был чуть не дрожал. – Я не вернусь туда."

"АНБ приказало нам сдать тебя", – Ирина сказала.

"Ты хоть представляешь, что они со мной сделали? – я закричал, боль грозила разорваться в груди. Я вспомнил страх перед заточением и изоляцией в секретной тюрьме ЦРУ. Я закрыл глаза и продолжил с суровостью. – ЦРУ забрали меня. Они держали меня в секретной тюрьме. Четыре месяца, Ирина. Четыре месяца. Меня били током, и меня топили столько раз, сколько тебе не представить. Они... они сжимали мою голову металлическими кольцами, пока не появлялись трещины в черепе, и кровь... из моей головы... она продолжала течь по глазам... Я ничего не видел. Я страдал."

Ирина выглядела растерянной: "Я не знала этого. Они сказали, что тебя допрашивают. Я никогда не хотела, чтобы тебя пытали, Джон. Я только хотел, чтобы ты предстал перед правосудием. По американским законам".

"Я не американец, разве ты не видишь! – я закричал, прежде чем остановиться. – Меня нет в этой стране. У меня *нет* паспорта. *Нет* свидетельства о рождении. Они сделали меня призраком, чтобы американские законы не распространялись на меня. ЦРУ сказало, что они могут обращаться со мной хуже, чем с животным, и им это сойдет

с рук, потому что Министерство юстиции не знает о моем существовании, – я поднял рубашку и показал ей глубокие порезы на спине и животе. Кожа была влажной от побоев, которые я пережил от цепи. – Ты хоть представляешь, что со мной случилось, когда ты арестовала меня и передала Агентству? Меня ужасно пытали, Ирина! Разве ты не видишь, что я едва могу говорить? Три моих передних зуба сломаны. Власти сказали, что я их собственность. Они заперли меня в яме и сказали, что я буду гнить там вечно.”

“На этот раз я отведу тебя в ФБР, Джон. Я не могу тебя отпустить.”

Я грустно покачал головой. В моих глазах уже мелькали ужасные сцены последних нескольких недель пыток ЦРУ. Постоянная режущая уши музыка. Часы погружений в ледяной воде. Волны мощных ударов и пинков, направленных в мое лицо и пах. И не говоря уже о сжигающем напряжении, которое вводилось каждый час во время пыток на электрическом стуле. Каждый раз, когда меня поражали электрическим током, ослепительная боль проникала в каждый сантиметр моего тела и заставляла мозг превращаться в кашу. Во время пыток мои крики боли часто застывали в пересохшем горле.

“Я не собираюсь возвращаться”, – мягко сказал я, наполовину надеясь, что женщина, которую я так отчаянно любил, опустит пистолет и отпустит меня на волю.

Ирина решительно подняла подбородок и крепко держала свое служебное оружие. Она не отпускала меня, я понял. Мои глаза так яростно горели, мне приходилось очень часто моргать, чтобы сохранить ясное зрение. Это был конец. После нескольких месяцев мучений меня отправили бы обратно в этот ад, из которого я едва сбежал. Как жизнь могла стать настолько суровой? Мое горло разрывалось от попыток сдержать крик.

Ирина приближалась, уменьшая расстояние между нами. Она была профессионалом. Я знал, что она наденет на меня наручники, как только приблизится к руке. Я промямлил невнятные извинения перед тем, как выбить пистолет из руки Ирины. Он упал с глухим звуком, и я побежал к пожарной лестнице. Ирина взяла свое оружие и выстрелила в мою сторону, но ее пуля отскочила от оконного стекла. Я спрыгнул с окна, но недостаточно быстро.

Ее вторая пуля попала мне в живот и заставила упасть на землю с глухим звуком. У меня не было времени ждать и выздоравливать, поэтому я поднялся и быстро похромал, пытаясь исчезнуть в ночи, бежав, спотыкаясь по темной улице. Спазмы мучительной боли доносились у меня из живота. Пуля Ирины, должно быть, разорвала мне кишки. Рана горела с такой силой, что мне хотелось закричать. Несколько раз я падал, вставал и продолжал двигаться. Я не думал, что Ирина следит за мной, но я должен был продолжать двигаться. Возможно, она предупредила власти.

Боль от предательства была слишком мучительной, она ранила меня в самое сердце, разорвав его на куски. Я бежал, чтобы не быть пойманным, чтобы уйти от осуждения. Я заметил эстакаду в нескольких метрах впереди. Я бросился под нее и спрятался в темноте. Через несколько мгновений, ослабленный, я рухнул, я был готов к смерти. Я рухнул на грязный бетонный и разрыдался, как испуганный мальчик.

Мне не к кому было обратиться в этом мире.
Я был ранен... и одинок.

Путь Печали

Я скрыл свое отчаянье в потоках,
Тех, что текут сквозь безмятежные мечты.
Где места Страху нет, Надежд крепки мосты.
Весенний ветерок шумит в истоках.
Прекрасные природы ухищренья
В них прятал скорбь свою без утомленья.

*I concealed my despondencies within the streams,
That flows through my tranquil dreams,
Where Fear cannot intrude nor Hope impair,
Nor the winding breeze of Spring compare,
The plays of Nature I found so fair,
But hid all the same with abysmal care.*

Скрывал свои страдания я умело
Пока терпение мое оборвалось
Угрюмый жизни взгляд мне отвести пришлось
Ведь клинья времени потребовали смело
Того, что непонятно для живущих -
Команды грусти призрачной моей.
Нет, невозможно для живых людей
Так устоять пред скорбью вездесущей.

*I veiled my miseries till I could not fare,
And no longer bear life's silent but sullen stare,
And when swollen wedges of Time did demand,
Which so few among men could understand,
Nay! So few among living could begin to stand,
What the haunted whispers of my sadness command.*

Моя печаль в себе несла
асю тяжесть скрытого позора,
Жизнь насмехалась, как могла,
И молчаливым приговором
Уничтожала всякий раз,
Когда утаивал я слезы,
Как будто мир отдал приказ
Следить за мной, вершить прогнозы.

*My sadness bore the brunt of concealed infamy,
But strange was the endurance of life's mockery,
As though it had no sense of delight or despair,
As though the world was host to a mighty seer.*

А я любил душою всей,
Заботой, нежностью, терпением.
От мрачной пустоты моей
Уж не спасали песнопенья,
В тиши печальные моления.
Любовь была всего сильнее
И терпеливей всех напастей.
Я ею прогонял ненастья
Моих тяжелых грустных дней...

*With rigorous regard to every hidden tear,
And loved with a love that should forever care,
And loved with patience I could no more bear,
With a heart that couldn't see and a mind that couldn't hear,
I restrained the wings of sadness with a sadder prayer.*

В третий раз, когда Дастин стал мишенью, я почувствовал, что надежды на его спасение было мало. В течение тринадцати дней никто из моих внештатных хакеров не мог отследить его местонахождение и не мог подключиться к глобальной спутниковой связи. Две недели ужасного отчаяния мучили меня, пока я не смог найти Дастина, едва живого, в подземной камере. Его тело было в побоях и ушибах. Не понадобился эксперт, чтобы понять, что моего друга безжалостно пытали.

Русский хакер, которого я знал с подросткового возраста, сейчас находится в вегетативном состоянии, едва живой. Ричард не жалел усилий, чтобы ослабить его и сделать его бесполезным, подвергая жестоким пыткам самого умелого взломщика. Дастин был наказан за то, что был моим другом, за то, что помогал мне, и за то, что узнал все о замысловатых планах Ричарда конфискации денег и оружия у торговцев нелегального оружия по всему миру. Я не мог понять, какие другие формы психологической и физической травмы пережил Дастин в руках Ричарда, но медицинские тесты показали, что его барабанные перепонки были многократно проколоты острыми иглами, а в нос ему засовывали металлические прутья, чтобы разрушить переднюю часть мозга. Это и вызвало коматозное состояние у Дастина.

Мой дорогой друг теперь был в хосписе, лишенный большинства воспоминаний, как призрак своего крепкого прошлого. Иногда я так сильно скучаю по нему. Не было тех, кто не ценил энтузиазм Дастина, который мог был спасти тех, кто попал в беду? Технический гений беззаветно служил миру и своим гражданам, и сейчас его некому было оплакивать.

Я не мог в это поверить. Мой мозг отказался признать реальность. *Дастин действительно был в вегетативном состоянии.* Мой самый верный помощник и самый талантливый компьютерный программист, которого я когда-либо знал, исчез.

Я знал, что без него жизнь никогда не будет прежней...

Декабрь 2015 года

Месяц спустя я направился на свою конспиративную квартиру в Сиэтле, где двое мужчин, которых я спас от банды вымогателей, временно обосновались. Я надеялся скрывать их от своих оппонентов до тех пор, пока суд не согласится взять их под программу защиты свидетелей. Когда я подъехал, напротив дома был припаркован темный седан с затонированными окнами. Я был встревожен. Никто не должен был знать, что я укрывал двух жертв мафии. Я остался в слепой зоне и подошел к машине сзади. Не успел я дернуть за дверь, как вышел человек. Я отшатнулся, когда увидел человека, сидящего на переднем сиденье.

"Лиам?" – я с удивлением.

"Кем еще мне быть?" – Лиам Флитвуд улыбнулся.

Лиам Флитвуд был бывшим офицером Службы сбора специальных данных, сверхсекретной программы, которая финансировалась из скрытого бюджета правительства США, которая

была создана для борьбы с мировым терроризмом и защиты Америки и ее союзников. Мы пересекались, когда я еще работал под юрисдикцией Ричарда в АНБ, и Лиам часто сопровождал меня в зарубежных командировках для координации сбора разведданных и наблюдения. Его департамент был подпольным и официально не существовал.

Эта совместная программа Центрального разведывательного управления США и Агентства национальной безопасности под кодовым названием F7 вела секретное наблюдение как во враждебных, так и в дружественных странах, и Лиам лично отвечал за поддержание защищенных линий связи между шпионами в Центральной Америке.

Мой бывший коллега из АНБ выглядел изможденным. Я осмотрел его лицо, прежде чем спросить: "В чем дело, Лиам? Какие-то проблемы?"

"Чувак, я рад тебя видеть, – Лиам похлопал меня по спине и присел на одну из низких металлических лавок на пешеходной дорожке. – Ты поддерживал связь со своей семьей?"

"Семьей?" – я повторил, в растерянности, не понимая о чем он говорил.

"Мать, которую ты говорил, обнаружил после переезда в США", – напомнил мне Лиам.

Я улыбнулся. "Конечно, я помню. Ты что-нибудь о них узнал? – сказал я, добавив немного правды. – Честно говоря, я не смог поддерживать связь. Сколько у нее сейчас сыновей? Четыре или пять?"

"Пять", – сказал Лиам.

"Вау, я не знал о последнем", – признался я.

"Ну, здорово, что ты скучаешь по ним – пока они еще живы", – пробормотал Лиам, его голос дрогнул от беспокойства.

"Что ты имеешь в виду, Лиам?"

"Я имею в виду, что, несмотря на все наши усилия, и удвоив их охрану, я не верю, что мы сможем спасти твою мать или ее детей."

"Лиам, перестань говорить загадками, – я слегка повысил тон, теряя терпение. – Ты можешь хотя бы объяснить мне, кто охраняют мою мать и почему она в опасности?"

"О, Боже, ты правда не знаешь?" – Лиам выглядел взволнованным.

Я пытался удерживать голос ровным: "Не знаю что?"

"Я нанял еще одну группу охраны, чтобы обезопасить семью. Мои указания им были ясны: никогда не спускать глаз с твоей семьи".

Мое недоумение показалось на моем лице: "Но зачем? Что заставило тебя думать, что они в опасности?"

Лиам выглядел так, как будто я потерял память: "Ты не помнишь?"

"Не помню что?"

"Ты позвонил мне из Орнсколдсвика в зимнюю ночь. Сказал, что кто-то ввел тебе яд, не имеющий противоядия, и шантажист пообещал дать тебе лекарство, если ты убьешь известного местного политика."

Мои брови морщились, когда я пытался вспомнить инцидент.

"Я был в Швеции", – сказал я, и мой разум на мгновение вернулся в ту холодную декабрьскую ночь.

Это был канун Нового года. Я прятался за сугробом снега, пытаюсь согреться. Моя цель была внутри одного из каменных особняков на берегу озера Веттерн.

Шестнадцать часами ранее я пробирался к своему эллингу около Лонг-Бич, когда трое мужчин в балаклавах напали на меня и ввели что-то в мою руку. Прежде чем я успел оправиться от шока, вызванного нападением в моем собственном доме, мужчины уже ушли, но оставили папку с не отслеживаемым одноразовым телефоном. Через пятнадцать минут зазвонил телефон. Звонивший говорил искаженным механическим голосом. Он сказал, что мне осталось 24 часа. Игнорируя мою ярость, он объяснил, что мне вкололи токсичное нервнопаралитическое вещество, предназначенное для постепенного разрушения моих жизненно важных органов. В течение двенадцати часов я почувствую действие препарата. Если в течение первых двадцати часов не ввести противоядие, мое сердце и легкие откажут, и вскоре после этого я умру. Пока мужчина говорил, я пытался успокоиться, я спрашивал, где я могу найти противоядие. Наступила пауза, и мужчина велел мне открыть конверт и проверить его содержимое. Там была фотография седовласого мужчины. Мне не нужно было читать заголовок, чтобы понять, что это Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций.

"Что ты хочешь от ООН?" – я потребовал ответа.

Безымянный в трубке продолжил: "Мы хотим, чтобы ты уничтожил цель".

"Я не убиваю невинных людей", – гневно ответил я.

Возникла длинная пауза: "Нервнопаралитическое вещество, которым тебе введено, начнет действовать в твоем кровотоке в течение двух часов. Если ты не получишь противоядие, у тебя не будет выбора, кроме как подчиниться нашим командам".

"Я лучше умру, чем буду слушать тебя, – настаивал я, – и кроме того, я сам смогу найти противоядие."

"Я сомневаюсь в этом, – ответил человек. – Токсин в твоей крови был сделан на заказ. Только у нас есть противоядие. Если ты будешь следовать приказам, мы сможем спасти тебя".

В тот момент я понял, что у меня нет выбора. Хотя я знал, что преступники, которые ввели нервнопаралитический агент в мою

кровь, не будут соблюдать свою сделку, даже если я пойду на это убийство, но я также знал, что если я откажусь, они пошлют другого киллера, чтобы убить Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. Это был мой единственный шанс предупредить мирового дипломата и спасти его жизнь. Я сделал глубокий вдох и сказал человеку, что сделаю то, что от меня требуют. Удовлетворительно хихикая, звонивший дал мне координаты цели. Цель была в Швеции.

Я приземлился в аэропорту Йёнчёпинга по приказу неизвестного. Он пообещал доставить мне противоядие от яда, который мне вкололи, как только получит доказательство того, что дипломат ООН был убит.

Спазмы головной боли мучили меня, и я знал, что яд распространяется по моей кровеносной системе. У меня не было достаточно времени, чтобы предупредить Генерального секретаря или инсценировать его смерть. Мне понадобилась помощь извне, поэтому я позвонил своему дорогому другу Дастину и попросил его выяснить, кто мог стоять за нападением на меня. Дастин отследил записи с камер наблюдения вокруг моего лодочного домика и смог отследить номер машины, который засняла камера в трех милях от моей резиденции. Автомобиль принадлежал подставной компании, которую отец Ирины однажды использовал для покупки недвижимости в районе пляжа Лагуна. Когда Дастин прислал мне по электронной почте фото машины, я сразу же вспомнил его. Я видел, как Ричард приехал на Форде Мустанг на вечеринку Ирины в прошлом году. Я не мог себе представить, что Ричард как-то связан с моим отравлением, но Дастин заверил меня, что трое мужчин, которые напали на меня и ввели яд, вышли на этом месте из Форда Мустанг. Хотя я не был убеждена, что отец Ирины хотел шантажировать меня, чтобы я убил Генерального секретаря ООН, я решил связаться с Ириной и поделиться своими опасениями.

Моя любимая Ирина разозлилась, когда услышала о моем состоянии. Она работала в здании АНБ вместе с отцом и обещала, что сразу же попросит его о помощи, но я остановил ее. Я сказала ей, что есть вероятность того, что Ричард был вовлечен в это, так что было бы мудрее, если бы она сказала ему, что ей случайно ввели тот же нервнопаралитический агент.

Каким бы черствым ни был Ричард, я знал, что он не был бессердечным и по-настоящему любил свою дочь. Ирина подчинилась моим указаниям и сказала отцу, что ей каким-то образом ввели токсичное нервнопаралитическое вещество, и ей нужен антидот. Ричард не был дураком, и я хорошо это знал. Он никак не мог поверить, что его дочери ввели тот же самый нервнопаралитический препарат, который введи мне, поэтому я сказал Ирине винить меня. Я

умолял ее сказать отцу, что это я ввел ей тот же штамм нервнопаралитического агента, который вкололи мне какие-то таинственные злоумышленники. Мгновением позже появился Ричард с синей капсулой и приказал Ирине сразу же ее проглотить. Он сказал, что противоядие полностью вылечит ее. Ирина притворилась, что проглотила ее и побежала к выходу из здания. Она пообещала принести мне противоядие без промедления.

Ричард, должно быть, предвидел, что Ирина попытается спасти мне жизнь или принесет противоядие, поэтому он заблокировал все здание АНБ. В течение следующих двенадцати часов никого не пускали внутрь и наружу. Ирина была в ловушке. Она позвонила мне на одноразовый телефон с защищенной линии и рассказала, что случилось. Мы оба знали, что я не выдержу еще 12 часов без противоядия. Мое тело медленно ослабевало и лихорадило, я начал испытывать кратковременные потери сознания. Я хорошо подумал и дал Ирине новый набор инструкций. Я попросил ее сказать Ричарду, что я нахожусь на юге Швеции, в ожидании эвакуации. Ирина должна была притвориться, что злится на меня за все это, и должна была попросить отца арестовать и посадить меня в тюрьму навечно. Ричард был доволен этим предложением и, несмотря на блокирование выходов, подготовил отряд из двух человек, чтобы схватить меня. Тактическая группа была на складе с боеприпасами, собирала снаряжение, тогда Ирина вошла, притворяясь, что помогает им зарядить оружие. Она тактично засунула капсулу противоядия в левый карман формы одного из мужчин. Перед их взлетом Ирина позвонила мне в последний раз и сказала, где она спрятала капсулу. Теперь мне оставалось только ждать, пока агенты придут ко мне и попытаются арестовать или схватить меня, тогда я смог достать противоядие из кармана члена команды черных оперативников АНБ. К тому времени, как ударная группа прибыла в Швецию, я был ужасно слаб и почти мертв. Но было еще не поздно. Я подождал, пока двое мужчин подойдут к моему убежищу, прежде чем устроить им засаду. Я вырубил их наглухо, вытащил капсулу из левого кармана мужчины. Бледно-голубая капсула была там. Я был безмерно благодарен Ирине за то, что помогла спасти мне жизнь.

Мои глаза смотрели вдаль, когда яркие воспоминания об этом случае проносились в моей голове, но мой друг этого не заметил.

Лиам кивал: "Я знал это, но я был за тысячи километров от тебя и ничего не мог сделать, чтобы помочь тебе. Когда ты позвонил мне, ты сказал, что яд начал влиять на жизненные показатели, и что тебе осталось жить меньше пяти часов. И ты попросил меня об одном одолжении".

"Я не помню, – признался я. – О чем я просил?"

"Ты сказал: позаботиться о моей семье и постарайся помочь им, если у них когда-нибудь будут финансовые проблемы. Я даже не знал, кого ты имел в виду в то время. Ты никому из нас не рассказывал о русской женщине, которая явно стала для тебя почти родной матерью, но после того, как я ответил на твой звонок, я просмотрел твой маршрут путешествия, и твои записи совпали по нескольким пунктам с тем, что ты был в одном и том же месте. Я нашел твою семью и нанял группу охраны, чтобы присматривать за ними".

"Какую группу охраны?"

"Я не знал никакой суперэлитной команды телохранителей, поэтому связался с Филиппом Лафоном, старым знакомым из ГИГН, у которого были контакты в Европоле и нидерландском СРБ. Этот парень был обязан мне жизнью, поэтому, когда я попросил его о помощи, Филипп организовал перелет элитной команды голландских и русских охранников в Штаты и предложил круглосуточную охрану твоей семьи".

"Ты сделал это для меня?" – я громко дышал, мой голос наполнялся эмоциями.

"Эй, ты думаешь, я когда-нибудь забуду, что ты сделал для моих близнецов? – Лиам сказал, его глаза омрачались воспоминаниями. – Я не думал, что увижу их снова, а ты, рискуя своей жизнью, остался под прикрытием этих ублюдков, чтобы найти точное место, где похитители прятали их".

Я покачал головой, чтобы отбросить его благодарность, но Лиам продолжил: "Я знаю, что эта семья важна для тебя, и я также знаю, что происходит, когда люди нашей профессии любят тех, кто не находится под прикрытием. Они становятся мишенями, как мои дети – для моих врагов. Поэтому я сделал то, что сделал бы любой друг, Джон, я попросил Филиппа организовать охрану для наблюдения за русской женщиной и ее детьми, и я рад, что сделал это".

"Они были мишенью?" – спросил я, внезапно испугавшись. Мысль о том, что она попадет в опасность, заставила мое сердце болезненно пульсировать.

"Боюсь, они были не просто мишенью, Джон. Я говорил с человеком, отвечающим за их безопасность. Дугласом Клайвом. Бывший специальный агент ФБР, который добровольно защищал твою семью ценой своей жизни. В прошлом году он арестовал двух человек, которые признались в попытке похищения твоей сестры. Девушка направлялась в колледж, когда головорезы пытались загнать ее в угол, прежде чем заткнуть в поджидующий фургон. Если бы людей Клайва там не было, я боюсь представить, что бы случилось".

"А как же пятеро мальчиков? На них напали?"

"Все мальчики уже взрослые. Они съехали; четверо из них женаты. Трое имеют собственных детей и живут в других штатах. Нет,

они не были мишенью. Похоже, за маленькой девочкой охотятся многие".

"Кто они? – спросил я, – Похитители?"

"Было нелегко отследить их до своих работодателей. Но тот, которого мы поймали в начале прошлого года, был более сговорчивым. Мы следили за твоей сестрой, она шла в колледж, группа наблюдения сообщила, что строительная компания заблокировала ее обычный маршрут. Восемь дорог были полностью перекрыты, и единственная открытая дорога вела к заброшенному складу. Мы увеличили масштаб спутниковых снимков и увидели, что здание кишит подозрительными людьми с пулеметами, а на крыше сидит вертолет военного класса. Было очевидно, что кто-то тщательно продумал похищение. Я сказал службе безопасности Филиппа держаться поблизости, а Клайв вызвал ФБР и местную полицию. Они произвели несколько арестов на том складе и на дороге. Мы не удивились, узнав, что строители были подставными. Но я был рад, что мы смогли спасти ее".

"Так на кого они работали?" – я повторил свой вопрос.

"Да, арестованные Клайвом признались, что им заплатили, чтобы они похитили девушку и передали ее группе захвата возле станции "Саут Паром". В гавани ожидал морской контейнер, и девочку планировали переправить через Атлантический океан. Ее конечным пунктом назначения был порт Латакия".

"Я никогда не слышал об этом порту, – сказал я. – Где он?"

"Это главный морской порт Сирии, расположенный в городе Латакия".

"Почему похитители хотели отвезти ее туда?"

"Только один из них знал весь план. Он действовал по приказу немца. Цель миссии состояла в том, чтобы передать девушку в лагерь секс-рабынь для джихада на севере Сирии, где предполагаемые боевики устраивали оргии с местными женщинами. Технически это был бордель. Там жили десятки женщин. Они свободно утверждали, что их похищали для боевиков ИГИЛ. Позже мы обнаружили, что это был рекламный трюк. Женщины признались потом, что им хорошо заплатили за разглашение ложной информации".

"Я слышал о фальшивых секс-рабынях ИГИЛ, но какое отношение это имеет к дочери русской женщины?"

"По приказу немца похитители планировали бросить ее в борделе и изнасиловать. Им было приказано записать все на видео и отправить ему".

"Какого черта! – я воскликнул. – Хочешь сказать, что мою сестру собирались пустить по кругу?"

"Это бы выглядело намного хуже, – признался Лиам. – Немец дал конкретные указания относительно похищения. Поскольку они

боялись, что ФБР возьмется за дело о похищении и начнет общенациональный розыск, их первой задачей было сделать видеозапись признания, в которой они принудили ребенка признаться, что она вышла из дома по собственной воле, чтобы вступить в террористическую организацию ИГИЛ, и добровольно стать невестой для террористов, практикующих секс-джихад".

"Это ужасно, – я закрыл глаза, не понимая смысл во всем этом. – Как они могли доказать что-то настолько абсурдное?"

"Телефон твоей сестры был раздавлен возле Нью-Йоркской гавани. Когда люди Клайва нашли его, они увидели, что он не ее. Похитители сделали вид, что она потеряла телефон. Самое странное, что в ее телефоне было 50 гигабайт данных, доказывающих ее жизнь с боевиками ИГИЛ, в качестве добровольной наложницы. Ювелирная работа – тысячи сообщений в чате и сотни фотографий, подробности полетов и скриншоты официальных документов – все, чтобы убедить власти в том, что это не было похищением, – Лиам продолжил. – Вся идея была в том, чтобы заставить ФБР прекратить поиски девушки. Если бы они думали, что она бежала из Соединенных Штатов, чтобы стать наложницей террористов в Сирии, то никто не стал бы слишком ее жалеть. Мы даже нашли подробную расшифровку видео, которое должно было выйти в эфир. Я не могу начать с того, как нам повезло в тот день, не позволив этим больным уе*****м забрать твою сестру".

"И все это время я не знал об этом", – повторял я, ошеломленный собственным незнанием.

"Я был более озадачен этим действием террористов. Было иронично, что похитители планировали изобразить твою сестру как террористку, которая хотела выйти замуж за сирийских боевиков ИГ, которая как бы недавно приняла религию отца и приняла новое имя и личность после короткой поездки в Москву и Санкт-Петербург".

"Какую религию?"

"Она приняла образ жизни монахинь после встречи с настоятельницей одного из православных монастырей. Во время своего визита в Россию четыре года назад она осталась с родственниками матери и встретилась с духовенством Патриаршего собора. Подросток был очарован жизнью монахинь и поклялась быть такой же как они. Её мать, очевидно, не одобряла этого, и с тех пор, как она вернулась в Америку, мы стали свидетелями череды больших разногласий и словесных перепалок в семье из-за её клятв."

"Как ты узнал о том, что думают об этом остальные члены семьи?" – я перебил.

"О, это, – легко сказал Лиам. – Мужчины Филиппа прослушивали дом твоей матери во имя мер предосторожности, естественно. У нас есть прослушка внутри. Так что, да, были серьезные разногласия. Никто в семье не одобрял, чтобы девочка пошла в монахини, но она,

казалось, была настроена решительно. Из разговора, который мы слышали, кажется, мать не разрешила девочке остричь волосы, как того требуют монахини. Им также удалось запретить ей посещать Россию, так как именно там она перешла в православное вероисповедание. Из того, что мы узнали, девочка, казалось, серьезно настроена на то, чтобы стать монахиней навсегда. Так что можешь себе представить, как странно это все выглядело, когда мы узнали, что больной немец приказал своим головорезам заставить вашу сестру заснять видео, на котором она бы клялась в верности ближневосточной террористической группировке под названием ИГИЛ, – Лиам сделал паузу. – Очевидно, он понятия не имел, как будет выглядеть на самом деле его план."

"Что еще ты узнал о происхождении немца? – я спросил, изучая фотографию, которую мне передал Лиам. Человек выглядел странно знакомо, но я не мог вспомнить его имени. Я посмотрел на своего друга. – Какое его настоящее имя?"

Лиам вздохнул: "Бруно Грюневельдер, сорок девять лет. Родился и вырос в Дюссельдорфе, но иммигрировал в США в 2004 году, через год после того, как его жена, которая была дочерью богатого человека, покончила с собой. Полиция Мёрсенбройха расследовала эту смерть как возможное убийство, но вскоре мужа оправдали. Что касается его информации, то мы проследили его семейную историю. Никаких признаков психического расстройства или преступной деятельности. Его отец вырос в прекрасной буржуазной семье, в свою очередь, он воспитывал сына как социально ориентированную личность, которая, похоже, увлекается прелюбодеянием, и в настоящее время выдвигает свою кандидатуру на местных городских выборах. Пока что он намерен стать мэром".

Я знал, что видел Бруно раньше. Его улыбка выглядела знакомой. Я видел его в спортзале. Это было примерно в 2008 году. На Гавайях. Я тренировался, когда он начал говорить со мной. Наверное, я потерял сознание, потому что, когда я проснулся, я был в звукоизолированной квартире. Игла была прикреплена к моей руке. Мое тело было парализовано. Бруно стоял у капельницы и увеличивал дозу того, что было в пластиковом пакете.

Я чувствовал себя опьяненным. Раствор, который вводили в мою вену, должно быть, был токсином. Когда я спросил его, что происходит, он просто рассмеялся и сказал, что я буду умирать медленной смертью. Я не знал, что он имел в виду, но гораздо позже понял, что он, должно быть, накачал меня наркотиками в спортзале и привез к нему домой.

Мне удалось сбежать. Я сделал вид, что упал в обморок, и когда Бруно отошел, я мгновенно вырвал иглу и сбежал. Мало того, что отчим Ирины нанял этого человека, чтобы убить меня, но он хотел,

чтобы тот же человек напал на мою семью и на мою сестру. И всё потому, что у меня хватило наглости забрать у него любимую Ирину. Безнравственность Ричарда стала шокировать меня, и я не хотел даже думать о том, на что он готов пойти, чтобы навредить мне.

Лиам изучал выражение моего лица. Он выглядел обеспокоенным.

"Его криминальное досье? – я спросил его. – Этого подозреваемого."

"Его нет. Этот совсем не похож на преступника. Хотя он был довольно занят с момента прибытия в Соединенные Штаты. Если нашим банковским записям можно доверять, то кажется, что Грюневельдер устроился на работу к Ричарду в 2008 году".

"Это было много лет назад. Почему отец Ирины нанял этого человека более десяти лет назад?" – я задавался этим вопросом вслух.

Лиам Флитвуд провел рукой по голове: "ЦРУ отследило связь Ричарда с несколькими частными военными компаниями, включая Блэксенд, элитную группу, работающую по контракту с правительством США с 2005 года. Эти наемники в основном служили преторианской гвардией для дипломатов Госдепартамента до тех пор, пока наемники не сошли с ума и не начали принимать участие в несанкционированных перестрелках и уничтожении гражданского имущества. Восемнадцать охранников из Блэксенда были признаны виновными в многочисленных массовых убийствах в Ираке, Афганистане, Гватемале и на Кубе. Когда Блэксенд потерял лицензию на работу в Ираке, Ричард потерпел финансовый крах, потому что вложил в них огромные деньги. С 2008 года оффшорные банковские счета Ричарда перестали работать, но мы отследили почти семьсот миллионов долларов, которые он перевел на счет в Лихтенштейнском Ландесбанке. Только один человек имел доверенность на этот счет, и он также сделал сотни снятий наличности".

"Кто?"

"Бруно Грюневельдер."

"Хорошо, значит, он работал на Ричарда, – сказал я, – но в чем заключалась его работа? Человек, у которого, казалось бы, нет уникальных навыков – зачем Ричарду платить ему миллионы долларов?"

"Может быть, Грюневельдер и не обычный преступник, но он, похоже, экономический преступник. Он не связан ни с какими государственными учреждениями или правоохранительными органами. Помимо обнарождения нескольких рынков секс-работладельцев ИГИЛ вблизи турецко-сирийской границы, подразделение контрразведки Службы сбора специальных данных располагает доказательствами, связывающими его с несколькими громкими взрывами. Хотя не похоже, что он лично совершал какое-

либо из этих нападения, его задача заключалась в работу с документами для нападения на автомобиль в Шарлотсвилле, Блумингтон, а также двух нападения на нью-йоркские грузовики. Он рассылал по электронной почте ложные сообщения в информационные агентства, в которых сообщалось, что эти теракты были совершены от имени террористической группы под названием ИГИЛ. Полиция Нью-Йорка действительно считала, что виновником инцидента с протараниванием грузовика на складе "Хоум Депо" был человек ИГИЛ."

"Что насчет дел, о которых ты упомянул: он сделал несколько сотен пропагандистских видео ИГИЛ? Насколько жестокими они были?"

"Он, явно не террорист, но, конечно, еще тот манипулятор. Ричард поручил ему создать и распространить все секс-видео ИГИЛ и распространить информацию о предполагаемых наложницах во время войны в Ираке и Сирии. Он признался, что создавал лагеря любви для ИГИЛ, но настаивал на том, что это была чисто его идея. Очевидно, Ричард не знал и не имел никакого отношения к пропаганде сексуального рабства".

"Но тогда о каком лагере любви говорил Грюневельдер?"

"Это что-то вроде борделя. Когда мы надавили на него, чтобы получить дополнительную информацию о том, почему он назвал бордель "Наза Лав", Грюневельдер сказал нашему агенту, что он пытался быть оригинальным, и из своих скудных знаний немецкой истории он вспомнил нацистские любовные лагеря, в которых они принуждали заключенных-женщин из концентрационных лагерей во время Холокоста обслуживать нацистским солдатам и охранникам. Он думал, что любовный лагерь ИГИЛ будет резонировать с этой темой. И чтобы сделать это еще более поэтичным, немец сказал, что все лагеря рабов секс-джихада были основаны внутри мечетей, места молитв. Он сказал, что был немного очарован, когда узнал, что командиры нацистской армии во Франции всегда превращали местные еврейские синагоги в военные бордели для своих солдат, а иногда, они заставляли дочерей раввина служить людям *Вермахта*. Все это звучало безумно, но Грюневельдер искренне черпал эти идеи из истории своей страны. Группа безопасности не могла поверить в то, что они слышали об иракской-сирийской террористической группировке".

"Почему?"

"После того, как с Блэксендом разорвало контракты правительство США, Ричард, который был основным акционером подрядчика по обеспечению безопасности, ликвидировал группу и в начале 2009 года использовал свои активы, чтобы создать еще одну черную оперативную группу – за исключением того, что на этот раз он

не связывал ее ни с каким американским или европейским агентством. Он назвал ее ИГИЛ и перенаправил свои активы в Ирак для организации фальшивой террористической ячейки. В то время как эти наемники выполняли большую часть работы для ИГИЛ, многих местных жителей, а также известных иракских и езидских преступников и заключенных вербовали и обучали члены Блэксенда. Затем ближневосточным боевикам было поручено провести различные незаконные действия, включая подрывы на обочинах дорог, расстрелы и, наконец, объявления о создании небольшого королевства на ирако-сирийской границе".

"Я знаю, что Ричард стоял за созданием ИГИЛ, но он очень старался подставить за ее создание Россию. Я проследил денежный след. Было впечатление, будто российское правительство финансировало деятельность ИГИЛ".

"Да, так он и сделал, — признался Лиам. Мой друг прикусил губу, его глаза щурились в смятении. — Однако мы обнаружили некую аномалию. Именно в тех десятках видеозаписей и интервью, которые постоянно транслировались BBC, ANN и другими международными новостными СМИ. Сотни иракских и езидских женщин снялись в интервью и документальных фильмах, утверждая, что они являются наложницами ИГИЛ. Некоторые утверждали, что их нанимали в качестве наложниц, в то время как многие другие подробно рассказывали о том, как их продали в рабство, поэтому они должны были обслуживать сотни бойцов. Мы сотрудничали с восемью агентами Министерства разведки Ирана, и им удалось выследить двадцать девять женщин, которые утверждали, что они являются рабынями, в видеороликах на YouTube. После допроса женщины признали, что их наняли".

"Что значит "наняли"? — я повторил.

"Их наняли несколько людей анонимно, им заплатили в долларах только за проведение интервью и создание графических видеозаписей. Некоторые из женщин, которые давали интервью, были бедными сельскими жителями, которые нуждались в деньгах. Очевидно, что им не нужно было участвовать в этих порнографических видео, но они должны были дать интервью о том, как жестоко насиловали их иракские и сирийские боевики. Они также должны были утверждать, что все их сутенеры и работодатели были русскими. Но большинство видеозаписей были сделаны с участие бывших заключенных женской колонии. Десятки женщин из женской колонии Кадмии были освобождены при соблюдении таких условий".

"Мировые СМИ обсуждали эти видео и интервью", — вспоминал я.

"Да, пиар-группа Грюневельдера посетила один из борделей в приграничной зоне и завербовала семьдесят женщин. Они рассказали

нам, что они были рады выйти на камеру и делать порнографические видеозаписи и другие видео во имя ИГИЛ. Им сразу же заплатили. Несколько женщин сказали, что их работодатели платили в долларах и просили их работать мимикой. Те, кто хорошо проявляли себя, получали паспорта ЕС".

"Почему ты так уверен, что Грюневельдер стоит за борделями ИГИЛ?"

"Мы отследили деньги, которые были использованы для финансирования секс-лагеря. Банковский счет принадлежал Бруно Грюневельдеру, тому же человеку, который нанял этих свиней, которые хотели похитить твою сестру. Грюневельдер не просто делал пропагандистские видео, он также нанимал огромное количество езидских женщин, чтобы они давали интервью и участвовали в других видео, таких как обезглавливание или что-то вроде того. Их работа заключалась в выходе в прямой эфир и чтению подготовленного сценария. Похоже, что весь план Грюневельдера по созданию этих видео состоял в том, чтобы использовать их в качестве запасного варианта, если бы он похитил твою сестру. Он хотел, чтобы все выглядело так, будто она вступила в ИГИЛ как наложница, пока он бы нанял около сотни человек, чтобы они неоднократно насиловали ее и записывали это на видео".

Слезы наполняли мои глаза, я не смог их подавить. Мучения были невыносимы, и я отвернулся от Лиамы, мрачно рыдая в тени. Я хотел кричать в муках, но горло опять сжимало. Что я мог бы сделать, один, против такой мощной грубой силы? Преступники, которых нанял Ричард, имели непомерный опыт, отчаянно желали власти и денег, они не имели никакого права разрушать жизнь маленькой девочки? Они забрали у меня сестру и мать и пытали. Я жил в неведении, пока с каждым днем состояние моего здоровья ухудшалось. Я был чужим в своей жизни, бессильным, чтобы защитить тех, кого любил. Имел ли я право умереть, когда моя семья была обречена на самую страшную судьбу?

"Почему, Лиам?" – я схватил друга за руку и говорил умоляюще. – Я даже не знаю членов семьи русской женщины лично. Я никогда их не встречал! Зачем Ричард это делает? Почему он посылает головорезов за этой семьей?"

"Я думаю, что старик все больше и больше расстраивается из-за того, что ты ликвидировал его поле влияния и поспособствовал его увольнению из АНБ. Я предполагаю, что это его способ отомстить. Он не может добраться до тебя, поэтому нанимает людей, чтобы похитить твою сестру и причинить тебе боль".

"Почему он думает, что маленькая девочка важна для меня?"

"Отчим Ирины, наверное, предположил, что девушка была особенной для тебя, так как Ирина была особенной для него."

"Это абсурдно, – я выпалил. – Я даже никогда не встречался с ней. Я не знал, что у моей названной матери есть дочь."

"Ричард просчитался. Конечно, он ошибся, но это не повлияло ни на его методы, ни на его планы насчёт нее. Он нанимал убийц, мошенников, бизнесменов, политиков, обычных людей, которых он находил, он посылал их за ней, веря в свою извращенную идею, что ты и она каким-то образом связаны и нападение на нее будет идеальной мстью".

"Но Ричард в тюрьме. Я сам позаботился об этом. Он в безопасном месте, пока мы разговариваем."

"Как тебе это удалось?" – мой друг был ошеломлен.

"Это сделал не я, правда. Это была Ирина. Я показал ей улики, и она поверила мне, когда увидела, что он создал ИГИЛ и использовал свою частную охранную компанию для извлечения прибыли из поддельной террористической организации. Как он использовал эту организацию, чтобы угрожать правительствам и использовать правительство для своих целей. Она просмотрела все улики с несколькими высокопоставленными следователями, денежные переводы, фотографии его агентов Блэксенда, зависающих с членами ИГИЛ и дающих им деньги, а также записи инструкций, которые они раздавали. Каждое изображение, каждый телефонный звонок, каждый банковский счет, каждая поддельная личность, каждое видео, и распространение их в СМИ, все доказательства, которые мы могли спасти. Она передала его ЦРУ. Он сейчас у них под стражей".

"Ты говоришь о его дочери Ирине? – Лиам спросил с невольностью. – Разве не вы двое были вместе?"

"Были. В прошлом, – ответил я решительно. – Я скучаю по ней, но она встречается с кем-то другим."

"Мы его знаем?"

Я покачал головой: "Джеральд Саркози, молодой предприниматель. Он француз. Работает атташе в разведывательном бюро страны. Он хороший парень. Похоже, они отлично ладят".

"Почему бы тебе не поговорить с ней, Джон? Я знаю, как вы были близки..."

"Многое изменилось, – я перебил своего друга. – После того, как я выбрался с той секретной тюрьмы, для меня это было чересчур. И Ирина до сих пор не может простить меня за то, что я заставил ее отдать отца – ну, отчима властям".

"Ричард – это зло! Этот м***к нанял секс-торговцев, чтобы они похитили и продали твою сестру в рабство. Я просто надеюсь, что ЦРУ введет ему яд, – Лиам сделал паузу и сделал глубокий вдох. – Теперь я все больше и больше волнуюсь, потому что, по словам моей службы безопасности, Грюневельдер – не единственный нанятый Ричардом головорез. По крайней мере, двое других мужчин активно

преследовали твою сестру; оба, казалось, были полны решимости похитить ее. Я опознал одного из восточноевропейских головорезов. Румен Желязков."

"Кто это?"

"Они все хотят одного и того же. Ричард обещал им сотни миллионов долларов и евро, если они смогут похитить твою сестру и продать ее торговцам людьми."

"Почему они верят Ричарду? – я спросил. – Разве они не знают, как он работает? Он всегда убирает своих сотрудников. И он никогда не платит им обещанные деньги. Я сам это видел. Он нанимает убийц, чтобы убрать соперника, но всегда убивает и убийцу, лично."

"Такие люди, как Грюневельдер и Желязков, промышленяют этими делами за деньги. Я имею в виду, что Ричард предложил им почти миллиард долларов каждому. И за то, что... он снял кучу порно-видео. У меня предложение – это убрать всех наемников. Это единственный способ обезопасить ту семью".

"Нет, Лиам, это будет ошибкой." – я настаивал.

"Ошибкой? Брат, я видел, насколько опасны могут быть Желязков и Грюневельдер. Мы должны прикрыть их планы."

"Представь, что сделает любой другой преступник, если ему предложат миллиарды? Если мы уберём этих головорезов, Ричард заставит свою фирму выставить мою сестру на открытый рынок. Как ты думаешь, что тогда сделают любые другие картели, мафии и наемники? Они разорвут ее в клочья."

"Зная, что в нашем мире множество извращенцев, я жалею о том, что у меня есть дети, – вздохнул Лиам. – Что, если их жизни окажутся под угрозой? – он задумчиво хмурился. – Но ты прав; убить их не решит проблему. Я провел некоторое время с уличными бандами во время работы в агентстве под прикрытием и могу сказать следующее: некоторые низкоуровневые нелегальные торговцы оружием и поставщики наркотиков еще хуже. Я видел, как они убивали людей за 10 баксов. Если бы этим преступникам предложили один миллиард долларов за контрабанду девушки и продажу ее торговцам людьми или запереть ее в борделе, ты даже не представляешь, с каким бы рвением они бы выполнили заказ".

"Да, если мы хотим решить эту проблему, то мы должны докопаться до сути." – я сказал.

Лиам кивнул: "Моим приоритетом было отвлечь их, чтобы убрать ее из внимания. Я рад, что сумасшествие ИГИЛ ослабло; у меня есть еще одна вещь, о которой стоит беспокоиться."

"Я не понимаю. Зачем одному человеку придумывать такие сказки, как наложницы ИГИЛ, и вскрывать везде свои бордели, только ради того, чтобы попытка похищения выглядела естественной?"

Мой друг Лиам выглядел подавленным: "Грюневельдер превосходит все ожидания, когда дело доходит до манипуляций. Хотя я считаю, что у Ричарда были скрытые мотивы, когда он приказал своим агентам по безопасности в Блэксенде создать террористическую сеть ИГИЛ, он никому не приказывал снимать все эти культовые видеоролики о наложницах. Это было единственное детище Бруно Грюневельдера. Немец надеялся похитить твою сестру и запереть ее в одном из лагерей-борделей ИГИЛ."

"Зачем?"

"Когда моя служба безопасности допрашивала его, Грюневельдер признался, что получит обещанные миллионы только в том случае, если предоставит видеозаписи, на которых, по крайней мере, сотня мужчин занимаются сексом с маленькой девочкой. Он договорился о том, что мужчины, которым заплатили, будут в том сирийском лагере насиловать и оплодотворять ее. Видимо, Ричард обещал удвоить оплату, если она забеременеет."

"Ты упомянул, что в начале этого года в кампусе колледжа моей сестры произошел инцидент. Кто за ним стоял?"

Лиам посмотрел на меня нервно: "Тот самый Бруно Грюневельдер. Он пытался сделать еще один из своих трюков."

"ИГИЛ уже распалась, – напомнил я моему бывшему коллеге. – Я усердно работал вместе с российскими и американскими спецслужбами, чтобы закрыть оставшиеся точки ИГИЛ Ричарда. Если Грюневельдер был одержим тем, чтобы все выглядело так, будто моя сестра бежала в ИГИЛ, то почему он предпринял еще одну попытку похитить ее?"

"Ах, но я не говорил, что это была попытка похищения, Джон. Это было намного хуже."

"Хуже? – я повторил. – Я не понимаю."

"Дуглас Клайв, бывший специальный агент ФБР, которого я назначил ответственным за безопасность твоей семьи, ну, он рассказал мне все подробности. Бюро было страшно осознать, что у них кроты в близком окружении."

"Что случилось?" – я надавил на Лиаму, чтобы узнать подробности.

"Ну, сразу после того, как я попросил Клайва присмотреть за твоими матерью и сестрой, он поставил по периметру девять специальных агентов, чтобы они присматривали за ними. Через год твоя сестра поступила в престижную школу Лиги Плюща на Манхэттене, и трое сотрудников службы безопасности присоединились к ней. Я дал им конкретные указания никогда не оставлять девушку без присмотра ни на минуту. К счастью, они подчинялись моим указаниям, и через два месяца после начала первого семестра я услышал от агентов самую странную историю".

"Что произошло?"

"Сначала люди Клайва и телохранители Филиппа, которые защищали семью, держались на определенном расстоянии. Они следовали за машиной твоей сестры, когда она ехала в колледж, но после предупреждения из центра ЦРУ по борьбе с терроризмом, они усилили бдительность."

Мое незнание делало меня нетерпеливым: "Что именно случилось с Агентством?"

"Поначалу мы были не уверенны; в следственных отделах ЦРУ было много сигналов тревоги. И не раз всплывало имя твоей сестры."

"Как?" – я вздохнул, расстроившись.

Лиам Флитвуд сделал паузу и потер лоб: "Старший офицер из нью-йоркского офиса ЦРУ сообщил мне, что они получили срочный запрос от начальника отдела по борьбе с киберпреступностью Соломона Брунштейна. К его семнадцатилетней дочери Рифке, которая была студенткой-первокурсницей университета Лиги Плюща в Нью-Йорке, обратились несколько человек, утверждающих, что они являются оперативниками ЦРУ. Они попросили ее шпионить за одной из ее друзей. Подруга, о котором шла речь, был не кто иной, как твоей сестрой. Рифке выдали флешку, мужчины проинструктировали ее подключить устройство к ноутбуку твоей сестры и другому электронному устройству. И это еще не все. Рифке было приказано быть осторожной и вставить флешку в ноутбуки нескольких других учеников того же класса – по сути, любого, с кем общалась твоя сестра."

"Так называемые люди из ЦРУ сказали ей, почему она шпионила за своими друзьями?"

"Да, они заявили, что твоя сестра была очень опасной террористкой ИГИЛ, которая вербовала последователей в колледже, и единственный способ доказать ее вину – это прикрепить флешку к ее электронным устройствам."

"Что Рифка Брунштейн сделал? Она подчинилась?"

"Она умная девочка. Когда эти подозрительные люди сказали Рифке, что твоя сестра – террористка, она усомнилась в этом и вместо того, чтобы подключить электронное устройство ко всем ноутбукам своих одноклассников, она позвонила своему отцу, который работал в ЦРУ, и рассказала ему, что случилось. Соломон Брунштейн был встревожен. Его брат, Джефф Брунштейн, был сенатором Соединенных Штатов, и двое мужчин пытались добраться до сути этого фиаско. Они поняли, что их дочь или племянница стала мишенью преступной группировки и стремились защитить Рифку. Соломон провел собственное расследование и не смог опознать ни одного из так называемых офицеров ЦРУ, ходившим аудиториям Лиги плюща. Брунштейн был убежден, что эти люди самозванцы и используют его

дочь для каких-то не очень хороших целей, поэтому он привлек группу техподдержки Агентства и попросил их осмотреть флешку."

"Что было в ней?"

"Много данных. Транскрипции сотен телефонных звонков, текстовых сообщений, даже фотографий, селфи и видеозаписей террористов, державших оружие. Но причина, по которой мы были втянуты во все это, была в том, что во всех текстовых сообщениях или электронных письмах, которые были записаны на флешке, была подпись твоей сестры."

"Это был классический способ подбросить улики", – заметил я, вспоминая, как Ричард несколько лет назад с помощью подобных методов подставил меня за бомбардировку.

Лиам кивнул: "Заранее записанные сообщения, поддельные электронные письма и смс-сообщения. Если бы этот флэш-накопитель был прикреплен к ноутбуку вашей сестры хотя бы на несколько секунд, то все данные были бы перенесены на жесткий диск ноутбука, что создало бы впечатление, будто она вербовала своих одноклассников в сирийскую террористическую группировку. Нам повезло, что ребенок ходит в колледж Лиги Плюща. Почти все ее одноклассники связаны с кем-то из высокопоставленных лиц в правительстве. Сенаторы, предприниматели, знаменитости – все они отправляют своих детей в эти школы и колледж. Поэтому, когда к одному из них подошли, как Рифке, и попросили подставить девушку, она не слепо последовала этим ложным инструкциям, а вместо этого пошла к папе или маме."

"Ты все еще не знаешь, кто пытался ее подставить?"

"Мы не узнали сразу, – признался Лиам. – Но как только мы подключились к камерам наблюдения, мы смогли опознать самозванцев ЦРУ, которые вербовали Рифку Брунштейн. Они работали внештатными сотрудниками охранной фирмы в Торонто. Но на самом деле эта фирма была подставной компанией, которую использовал Бруно Грюневельдер, тот самый парень, который пытался похитить твою сестру и отправить ее в лагерь-бордель на турецко-сирийской границе."

"Если Грюневельдер хотел подставить мою сестру за террористическую деятельность ИГИЛ, то почему эти люди из ЦРУ попросили Рифку подключить ту же флешку ко *всем* ее одноклассникам из колледжа Лиги плюща?"

"Я предполагаю, что это было сделано, чтобы закрепить виновность твоей сестры. Как только устройство было подключено к ноутбукам других учащихся, это выглядело бы как интерактивная вербовка. Все сообщения были сконструированы таким образом, чтобы показать, что это было сделано с ноутбука твоей сестры, но если бы и на компьютерах других детей были эти данные, это показало бы,

что к ним обращался вербовщик из ИГИЛ. Таким образом, дело было бы раздуто до эпического масштаба, и ФБР или АНБ взяли бы твою сестру под стражу за то, что она была вербовала в ИГИЛ."

"Что это за одержимость – пытаться подставить первокурсника колледжа за террористическую деятельность?"

"Честно говоря, я не думаю, что Бруно Грюневельдер глуп. Да, он пытается подставить других людей, но только потому, что у него навязчивое расстройство. Он отвечал за оперативный отдел "Блэксенд Секьюрити", который был ликвидирован правительством США, поэтому ему пришлось создать другую группу, чтобы заменить его. Блэксенд является предшественником террористической организации, которую он создал в Ираке и Сирии. Как только он создал эту ИГИЛ, он, будучи осторожным человеком, не хотел, чтобы правоохранительные органы выяснили, что он сделал. Он очень хотел, чтобы мир поверил, что ИГИЛ – настоящая террористическая организация. Никто не должен был знать, что он просто предал Блэксенду немного иной вид, превратив его в ближневосточную террористическую организацию. И чтобы убедить американцев, что он не создавал ИГИЛ, этот немецкий парень с 2010 года снимает короткометражные фильмы, телешоу и видеоролики. За последние четыре года я отследил как минимум двести таковых, которые он частично финансировал, режиссировал и продюсировал."

"Какие фильмы?"

"Различные темы и жанры. Экшн-фильмы, драмы и военные фильмы, собирающие миллионы. Но восемьдесят процентов фильмов, снятых им, связаны с террористической группой под названием ИГИЛ. Эти фильмы показывают, насколько опасны эти ближневосточные террористы, как они проникают во все города мира, как они проводят бомбардировки по всему миру и держат рабынь для своих утех и т. д. Главной целью, похоже, является пропаганда; Грюневельдер отчаянно пытается заставить зрителей поверить, что ИГИЛ реальна, и что это ближневосточная группировка не связана ни с ним, ни с Блэксендом."

"В начале 2000 года, – сообщил я Лиаму, – было много случаев, когда продюсеры фильмов финансировались неизвестной стороной. Я сам расследовал несколько таких случаев и обнаружил, что именно отчим Ирины заплатил нескольким голливудским режиссерам за съемки фильмов о его жизни, об Ирине, а также о том, как будут уничтожены Башни-близнецы Нью-Йорка. Ему нравится зарабатывать деньги, снимая фильмы. В основном, развлечения, немного политической деятельности, которую ты знаешь, все те же старые обвинения в терроризме, которые он создал, но в основном это просто бизнес."

"Ричард снимал фильмы, пропагандирующие терроризм?" – Лиам спросил.

"Не совсем. Это один из его многих способов заработка. Он получает прибыль от производства блокбастеров. Восемьдесят процентов фильмов и телепередач Ричарда не связаны с терроризмом. Это криминальные триллеры, драматические или военные фильмы. Он платит продюсерам за создание фильма, а затем зарабатывает миллионы долларов."

"Ну, я думаю, работники Ричарда научились снимать фильмы у него. Мы отследили его банковские переводы – похоже, наш мастер подстав, Грюневельдер, также заплатил десяткам авторов за написание сценариев и книг о том, насколько реальна ИГИЛ, и о том, как ближневосточные террористы захватывают Америку. По иронии судьбы он заплатил этим авторам за публикацию их книг как нехудожественной литературы, чтобы читатели верили каждому слову. То же самое можно сказать и о фильмах; большинство голливудских блокбастеров о ИГИЛ и террористах окрестили документальными фильмами, хотя в них и не было ни одного факта."

"Что случилось после подставы в колледже? – я спросил. – Как только тебя предупредили, что моя сестра стала мишенью?"

"Мы повысили безопасность. И это оказалось тактично, потому что менее чем через месяц после случая с Рифкой Брунштейн, мы заметили несколько неуниверситетских филиалов в общественной столовой на Бродвее. Каждое утро ваша сестра посещает местную церковь, она помогает в кладовой и на кухне, там пасторы проводят службу для бездомных в этом районе. Мы заметили, что к бездомным приближаются люди, которые приехали забрать еду и одежду и принять участие в бесплатном общинном ужине в Пресвитерианской церкви. Некоторым из бедняков была предложена работа. Наша служба безопасности была в состоянии повышенной готовности, поэтому мы подошли к этим бездомным и спросили их, чего хотят от них незнакомцы. Один из них сказал, что его попросили бросить небольшую бомбу в полицейскую машину. Другой молодой бездомный сказал, что мужчина, с которым он разговаривал, сказал, что он работал на всемирную группировку под названием ИГИЛ, и он попросил его взять бомбу и оставить ее в школьном шкафике. Все, что они попросили взамен, это чтобы он загрузил пост в свой Фейсбук и Твиттер, утверждая, что Аллах и Мохаммед велели ему сделать это. Этого хватило, чтобы понять, что это была еще одна подстава, поэтому мы предупредили местные власти и арестовали тех фальшивых вербовщиков ИГИЛ. Но это был второй раз, когда люди, связанные с твоей сестрой, становились мишенью для немца и его группы ИГИЛ".

"Бездомных вербовали люди Грюневельдера?"

"Не просто обычные бродяги, – пояснил Лиам. – Мы изучили информацию церкви о безопасности. Фальшивые вербовщики ИГИЛ обращались только к тем мужчинам или женщинам, с которыми контактировала твоя сестра. В конце концов, это была подстава, выполненная грубо, снова предназначенная для того, чтобы заставить власти поверить, что твоя сестра была террористкой, которая вербовала бездомных."

"Что вы делали после этого конкретного инцидента?"

"Мы закрыли их, – ответил Лиам, пристально смотря вдаль. – Местное отделение ФБР было извещено, и они задержали людей, которые пытались завербовать бездомных. Также, мы повысили уровень безопасности, и с тех пор команда безопасности стала следить за твоей сестрой повсюду в кампусе. У нас также было взаимопонимание с сотрудниками общественной безопасности. Они были проинформированы о смягчающих обстоятельствах и предоставили нам доступ к университетским камерам наблюдения. Неприятности возникли однажды, когда твоя сестра заскочила позавтракать в столовую в кампусе для девочек. Моя группа безопасности была неподалеку, когда они заметили, что за ней вошла вторая девушка. Им показалось странным, что девушка, которая вошла за ней, была одета в идентичную одежду и даже имела точно такой же рюкзак. Меня сразу же уведомили об этом, поэтому я смог дать команду, чтобы они приглядывали и за твоей сестрой, и за ее двойником. Тем временем я был у камер наблюдения центральной зоны обслуживания столовой. Я заметил, что другая девушка, которая была одета в ту же одежду, что и твоя сестра, необычайно долго была в салат-баре. При увеличении масштаба камеры я заметил, что она что-то распыляла на овощи и подносы с едой. Я предупредил охрану кампуса и посоветовал взять девушку под стражу. Они схватили ее и изъяли большую бутылку спрея."

"Что девушка распыляла на подносы с едой?"

"Смертельные дозы яда", – Лиам ответил.

"Яд?"

"Да, ни моя служба безопасности, ни отдел общественной безопасности колледжа не имели понятия, почему эта девушка была одета как твоя сестра и разбрызгивала яд на еду в столовой. Служба безопасности кампуса закрыла столовую и очистила все подносы с едой, но это произошло не так скоро. Около одиннадцати студентов пострадали от легкого пищевого отравления из-за воздействия аэрозоля, но мы смогли скоординировать действия с ФБР и обеспечить их противоядием."

"Это серьезно."

"Мы проводили поверхностные допросы, но девушка-двойник была профессионалом, обучена сопротивляться допросу."

Неудивительно, что она тоже не была студенткой и украла удостоверение личности у другого первокурсника, чтобы показать его в столовой. Отравление было загадкой, но как только манхэттенское отделение ФБР послало свою группу криминалистов для расследования этого дела, они смогли пролить свет на происходящее".

"И что они нашли?"

"Это был перцовый спрей твоей сестры, который она носила на случай чрезвычайной ситуации. Двойник сумела украсть его из ее заднего кармана рюкзака и заменила содержимое на ядовитый раствор. Если бы мы не видели, как она распыляла содержимое над подносами с едой и не перехватили эту девушку, она бы успешно отравила всю столовую, убив сотни людей. Подозревали бы твою сестру в этом преступлении и взяли бы под стражу в ФБР."

"Ты лично говорил с агентами ФБР, ответственными за это расследование по делу об отравлении?"

"Даже еще лучше, – сказал Лиам. – Я поехал в офис Бюро на Манхэттене и проверил их систему безопасности. Один из российских спецназовцев, который охранял твою сестру, обнаружил странный сигнал, исходящий из серверной. Когда он проверил его, то обнаружил, что камера видеонаблюдения, направленная в определенную камеру хранения, была взломана, на ней отображалось заранее записанное изображение на главном экране дисплея. Это было тридцатисекундное видео, на котором твоя сестра спокойно сидит в камере ФБР."

"Два агента ФБР были скомпрометированы. Один признался во взломе камеры. Он сказал, что у него не было выбора. Его дочь была похищена и была бы убита, если бы он не сделал то, о чем просили похитители. Другой старший агент сказал, что ему вкололи специфическую дозу амфетамина и он может получить сердечный приступ, если ему не дадут антидот."

"Каковы были их задачи? – я спросил. – Агентов ФБР?"

"Кому-то было приказано настроить камеры и испортить канал. Старшему агенту было приказано взять сестру под стражу по обвинению в терроризме и запереть ее в специальной камере – той, в которой камеры были отключены".

"Они сказали, почему камера отключена?"

"Агенты ФБР утверждали, что не знали подробностей, но их шантажист намеревался, что они собираются проводить там несанкционированную деятельность. Я был встревожен этим и приказал нашей команде безопасности возобновить допрос девушки, которая была поймана, когда распыляла яд на подносы с едой в колледже твоей сестры. Ты бы никогда не поверил в то, в чем она призналась."

Я ненадолго закрыл глаза, прежде чем исправить смиренный взгляд на моего друга. Работая в рамках совместной программы Центрального разведывательного управления США и Агентства национальной безопасности, Лиам часто отвечал за проведение тайного наблюдения во враждебных странах. Его сверхспособность обнаруживать аномалии была поразительной.

"На данный момент, Лиам, я не против поверить в самую странную историю", - я признался нехотя.

"Девушка сказала, что ее единственная работа заключалась в том, чтобы подставить твою сестру и обеспечить то, чтобы ФБР взяло ее под стражу, после чего два агента ФБР, которых заставили сотрудничать с ними, сопроводили бы ее в специальную камеру без присмотра. Как только твоя сестра оказалась бы в этой камере, пятеро мужчин будут ее ждать. Их работа заключалась в том, чтобы надругаться над ней и сделать несколько видеозаписей этого и записать весь инцидент для передачи главному боссу. Команде было обещано почти миллиард долларов США за осуществление этого отвратительного акта."

"Они планировали напасть на нее *внутри* здания ФБР?" – я повторил, не желая верить, что такие вещи вообще возможны.

"Прямо у них под носом, – подтвердил Лиам. – Так как камеры были взломаны, агенты, наблюдающие за камерой, ничего бы не заподозрили и даже не знали, что происходило в комнате, когда бедную девочку привезли. И прежде чем ты спросишь, парень, который нанял эту сложную команду и организовал присутствие мужчин в комнате допроса твоей сестры, чтобы сделать эти видео, ну, это был тот самый Бруно Грюневельдер."

Я пытался удержать дыхание, борясь со спазмами от тошноты. То, что Лиам рассказал мне, было ошеломляющим; это было слишком для меня. После стольких лет жизни сиротой, я приехал в Соединенные Штаты, чувствуя себя одиноким и брошенным, когда встретил эту русскую женщину, которая была удивительно похожа на мою собственную мать. Ее доброта и щедрость растопили мое сердце, и вскоре я стал считать ее своей второй матерью. Она напомнила мне о доме, о любви, которой мне не хватало с детства, и когда у этой женщины появились собственные дети, они стали мне как родные братья.

Часто я приходил к ней домой и пытался забыть все ужасы своего прошлого и настоящего. Русская женщина была моим якорем, её дети – моими братьями и сестрами. Теперь, когда я стоял в тени и слушал, как отчим Ирины замышлял разрушить жизнь моей сестры, мое сердце горело в беспомощной ярости. Я не мог представить, как кто-то может быть настолько жестоким, что приказал сотням мужчин напасть на маленькую девочку. Я думал о своей матери – ее дочери, которая стала мишенью для самых неумолимых преступников в мире, только

потому, что я был как-то связан с ними, даже удаленно. В конце концов, это *была* моя вина. Я поднял плечи, оставшаяся сила, казалось, уходила из моего тела. Я утопал в абсолютной печали.

Мой друг Лиам все еще говорил, но я слышал его очень слабо, как будто в трансе.

"Я знаю, что это слишком для тебя, но я должен был сказать тебе."

"Говори", – я пробормотал, дезориентировавшись.

"О бывшем египетском солдате."

"Прости меня, Лиам, я немного потерялся. Что ты говорил?"

"Я подумал, что ты должен знать о третьем человеке, которого задержала служба безопасности Филиппа."

"Кто он?"

"Питер эль-Геюши. Бывший солдат египетской армии, уволенный без почестей после того, как у него нашли незаконные наркотики."

"Что еще люди Филиппа узнали о наркодилере?"

"Он сказал, что рядом с домом твоей матери бродят подозрительно одетые мужчины, и двое из них собирались угнать машину твоей сестры, когда вмешалась служба безопасности и взяла их под стражу. После продолжительного допроса они признались, что были наняты Питером эль-Геюши. Мы отследили местонахождение этого человека и выяснили, что он управлял элитным баром в Каире и занимался нелегальным бизнесом на стороне, включая поставки наркотиков и торговлю людьми."

"Их работодатель – осужденный преступник?" – я спросил.

"Эль-Геюши получил степень бакалавра военных наук в Египетской военной академии, когда был осужден за хранение наркотиков и выслан из страны. Я лично беседовал с директором академии генерал-майором эль-Димири, который сказал, что этот человек был бесчестно уволен после того, как яростно дрался со своим инструктором по учениям. После того, как военные с позором уволили его, эль-Геюши стал боксером и участвовал в нескольких уличных боях низкого уровня. Он сотрудничал с несколькими другими бойцами-любителями и начал свой наркобизнес, прежде чем заняться этим новым делом."

"Новым делом? – я повторил. – Им приказали похитить мою сестру?"

Лиам кивнул: "Боюсь, это было хуже, чем просто похищение. Люди, которых мы задержали, они были бойцами и боксерами-любителями. Мы скопировали данные их телефонов. У них были строгие инструкции похитить американскую девушку, перевезти ее в заброшенную зону возле Бризи-Пойнт, где они организовали временный порт."

"Люди, которые были задержаны... кто они такие?"

"Если ты имеешь в виду национальность, – ответил Лиам, – двое из уличных бойцов были этническими бразильцами, один – бывший японский бодибилдер, который был дисквалифицирован из соревнований после того, как его обвинили в применении допинга. Другим человеком, который попытался похитить вашу сестру и почти добился успеха, был бывший мастер смешанных единоборств из Литвы. Похоже, что Питер эль-Геюши нанял сборную команду мужчин, чтобы напасть и похитить твою сестру".

"Ты их допрашивал?"

"Да, и мы многое узнали о заговоре Питера. Арестованные утверждали, что их работодатель лично сидит в нью-йоркской гавани вместе с тридцатью другими боксерами, которых наняли, чтобы они сексуально надругались над ребенком и записали все на видео. Аналогично было и с другими мужчинами, о которых мы говорили. Ричард нанял его на ту же самую работу."

"Как он мог? Нанимать профессиональных борцов для нападения на маленькую девочку? Даже взрослые мужики побояться такого противника."

"Ты забыл, что Ричард сделал с тобой в 2000 году? – Лиам напомнил мне. Его голос хрипел от боли. – Я не забыл. Я помню, сколько раз он пытался убить тебя. Он подставлял тебе смертельные ловушки налево и направо, но тебе всегда приходилось это игнорировать. Всегда быть мягким и благородным. Каждый раз, когда Ричард сливал твою личность мошенникам, ты возвращалась к нему на коленях. Я понимаю, почему у тебя было к нему снисходительное отношение. Он был отцом твоей Ирины, и ты не хотел ранить ее чувства, но на самом деле, чувак, если бы кто-то пытался убить меня столько раз, я бы давно стер его с лица земли."

"Лиам, я знаю, что Ричард – ужасный человек, но я не убивал его, несмотря на то, что у меня был шанс сделать это, потому что я не хотел, чтобы Ирина знала, что я – человек, который лишил ее отца жизни."

"Ричард ведь даже не был её отцом? М***к просто притворялся ее настоящим отцом все эти годы, чтобы поудобнее устроиться. Она знает, что он убил ее настоящего отца, чтобы получить полную опеку над ней?"

"Ирина знает, – я ответил тихо. – Она знает, что Ричард ее отчим, но она верит, что он любит, как свою собственную дочь. И я показывал Ирине убедительные доказательства того, что Ричард убил ее биологического отца, но каким-то образом Ричард сумел убедить ее в обратном. И Ирина простила его."

Бывший офицер Службы сбора специальных данных выглядел одурманенным: "Что, черт возьми, он сказал ей на этот раз?"

"Ты знаешь, как Ричард может. Он сказал ей, что причина, по которой он убил ее отца, была в том, что он страдал от рака и страдал от постоянной боли, поэтому он попросил его милосердно закончить свою жизнь. Ричард не отрицал, что убил ее настоящего отца. Он просто объяснил ей, почему он это сделал. И она купилась на его оправдание. Снова."

"Но ты! – Лиам выпалил. – Ты должен был узнать все получше, чем сразу идти работать на этого подонка или заводить отношения с его дочерью. Ирина может быть доверчивой, но ты позволяешь ему вытирать ноги об тебя. Он знал, что ты легкая мишень, и это сделало его таким смелым. Ричард знает, что он может напасть на каждого члена вашей семьи и похитить их, продать сутенерам и даже казнить, и ты оставишь его в покое."

"Это неправда", – начал я, но мой друг меня перебил.

"Посмотри, что он сейчас делает! – Лиам сказал уныло. – Ричард тратит миллиарды долларов, вероятно, ликвидировав все свои сбережения, он нашел единственную слабость, которая у тебя есть – твою приемную семью. Поэтому он выбрал в качестве мишени русскую женщину и ее детей и бросил свою энергию на маленькую девочку, которую он считает твоей сестрой. Ребенок дал клятву пойти в монахини, но для него это не имеет значения, не так ли? Папа твоей Ирины хочет отомстить тебе за то, что ты украл его девочку, поэтому он нанял десятки преступников и уличных боевиков, заплатив им миллионы, чтобы они похитили твою младшую сестру и продали ее на рынке в Восточной Европе и Южной Америке."

"Боевики... почему они согласились делать такую работу?"

"Питер Эль-Геюши завербовал своих товарищей-боевиков для нападения на твою сестру, вероятно, потому, что он сильно доверял им, они наверное хорошо хранят секреты или равномерно делят деньги. Как и другим, Ричард заплатил ему и его друзьям 500 000 долларов США, что составляет около миллиона египетских фунтов. Им обещали больше, если они смогут доставить достаточно грязных видео. Я также проверил биографию бойцов. Некоторые из них были бывшими бойцами смешанных единоборств, но были дисквалифицированы из профессиональных боев после положительных результатов тестов на наркотики. Они были разорены, поэтому ухватились за шанс заработать миллионы."

"Я не хочу верить, что Ричард способен нанять столько опасных преступников для нападения на мою семью", – сказал я нарочито.

Лиам выглядел пораженным, когда он ответил, его голос был тяжелым: "Если я что-то и знаю о Ричарде, так это то, что он больной озлобленный старик."

"У него могут быть свои недостатки, но он сказал мне, что любит Ирину, – я продолжил. – И, Лиам, я верю ему. Ричард никогда бы не сделал ей ничего плохого."

"Он сумасшедший, чувак! – мой друг перебил меня. – Снаружи Ричард может выглядеть и даже вести себя как обычный джентльмен. У него даже может получиться сделать вид будто спасает людей. Его старые приятели из Штази, наверное, до сих пор верят, что он придет им на помощь, если у них когда-нибудь будут неприятности. Но никто не понимает, что под отполированной внешностью старика скрывается психопат, который становится безумным от ненависти и мести."

"Я думаю, ты преувеличиваешь. Я ни разу не видел, чтобы Ричард терял самообладание. Если он начинает беспокоиться, то это потому, что он слишком беспокоится о своей дочери."

"Ты забыл, что случилось в 1999 году? Ричард буквально похитил твоего друга – светловолосого агента – и пытал его у тебя на глазах. Скажи мне, так ли нормальный человек себя ведет?"

Когда я не ответил, Лиам продолжил: "Ричард заставил своих головорезов пытаться твоего друга, чтобы ты рассказал о всех своих счетах с деньгами. Он знал, что тебе будет больнее всего, если ты увидишь, как твой армейский приятель страдает от мучительной смерти на твоих глазах, и ты ничего не сможешь с этим поделать или спасти его. Это убило бы тебя, если бы ты не смог спасти его, потому что знал бы, что он страдает из-за тебя. Ты бы чувствовал себя виноватым. Ричард любит играть в эти игры разума."

"Если бы он ненавидел меня так сильно, он бы попытался убить меня", – я рассуждал.

"Если бы он хотел твоей смерти, он мог бы убить тебя давным-давно, – повторял Лиам, – так что что-то подсказывает мне, что его конечная цель – сохранить тебе жизнь."

"О чем ты говоришь? – я воскликнул. – Ричард послал за мной почти сотню убийц, чтобы они принесли ему об голову."

"Да, я знаю, но в глубине души, я думаю, что он колеблется нажимать на курок, потому что чувствует, что от этого ты и станешь победителем, – бывший офицер спецслужбы заметил. – Его ненависть и гнев по отношению к тебе не ослабеют после твоей кончины. Он хочет видеть, как ты страдаешь. И единственный способ, который он думает, поможет ему, это нацелиться на тех, кто близок к тебе, особенно на семью. Самое близкое, что у тебя было, это русская женщина, которую ты считал своей приемной матерью. Так как этой приемной маме сейчас почти семьдесят, я думаю, он подумал, что она слишком стара и ее смерть не причинит тебе боль. При высоком давлении, диабете и болезнях сердца леди все равно не продержится слишком долго, поэтому он выбрал в качестве мишени ее младшую дочь."

"Дочь моей приемной матери? – я покачал головой. – Я до сих пор не понимаю, почему Ричард думает, что она имеет ко мне какое-то отношение?"

"Все, что он знает, это то, что она самая молодая родственница у тебя. Он хочет пытать ее, чтобы навредить тебе."

"Я не могу в это поверить! Я даже никогда не встречал эту девушку, Лиам. Пока ты не показал мне файл, я не знал, как она выглядит. Я знал мать и старших мальчиков, но уже несколько лет не знаю, как она выглядит. Зачем Ричарду наказывать случайную маленькую девочку, чтобы навредить мне?"

"Я не могу объяснить, почему Ричард делает свои больные поступки?"

"Знаешь, что я думаю? Иногда мне нравится представлять, что все это просто объект моей фантазии. И нет убийц и секс-торговцев, которые охотятся за моей семьей. Мне тяжело выживать, если думаю, что это реально. Слишком нелепо, что Ричард заходит так далеко, чтобы попытаться причинить мне боль."

Лиам Флитвуд осторожно моргнул: "Для Ричарда это совсем не бессмысленно. Ты украл его дочь, забрал ее у него. Он был одержим Ириной – странным образом – и много раз предупреждал тебя, чтобы ты отступил. Но ты этого не сделал."

"Эй, это несправедливо, – запротестовал я. – Ирина любила меня. Мы встретились годами."

"Я знаю, но он этого не знает, – Лиам напомнил мне. – Твоя Ирина счастливо жила в пузыре со своим отчимом, когда ты ворвался и начал за ней ухаживать. В своем извращенном сознании он увидел, что ты забрал его дочь, чтобы причинить ему боль. Теперь он хочет забрать кого-то близкого у тебя, например девочку, которую ты считаешь своей младшей сестрой, и заставить тебя почувствовать ту боль, которую он испытывал, когда потерял Ирину. Он рассчитывает на твою совесть и мечтает о наилучшем способе причинить тебе боль. Продать свою сестру, чтобы ее насиловали и издевались над ней – это его способ наказать тебя."

"Это больно!" – я закричал.

"Я знаю, что это садизм, но он думает, что это единственный способ отомстить тебе. Помнишь, над чем он шутил, когда ты работал в его группе черных оперативников? Я все еще был связным в АНБ, так что я часто натыкался на него. Любимой шуткой Ричарда был разговор о том, каким иррациональным и эмоциональным ты был. Он всегда говорил нам, что ты никогда не станешь хорошим агентом, потому что твои эмоции всегда берут верх над тобой. Он говорил, что твое чувство морали делает тебя наивным и некомпетентным, потому что ты откажешься от всего, если твои близкие будут в опасности. Ты скомпрометировал миссии и все операции, чтобы спасти только

одного человека. Ричард считал эту твою черту забавной и отвратительной."

То, что Лиам говорил мне, было хуже, чем любой кошмар, который я когда-либо видел или представлял! Это было ненормально, когда десятки мужчин соглашались брать на себя такую ужасную задачу. Они могли быть готовы похитить молодую студентку колледжа, которая хотела пойти в православные монахини. Как они могли хотеть пытать ее и насиловать?

Я был расстроен. Я чувствовал себя бессильным.

Не в состоянии осознать страшные новости, я был уже готов попрощаться с моим другом, но он надавил на папку файлов в моей руке.

Я спросил: "Что это?"

Лиам Флитвуд расправил руки смутно: "Просто краткий профиль личности и информация о нескольких других мужчинах, которых я выследил. У меня не было ресурсов, чтобы прочесть каждый сантиметр их жизни, но все они, кажется, получают большие суммы денег от Ричарда."

"Они киллеры?"

"Это смесь низкоуровневых наркодилеров и изощренных убийц. Некоторые из них – бывшие военные, даже награжденные солдаты. Некоторые были бесчестно уволены. Я даже опознал двух политиков в этой куче. Лоббисты и бюрократы. Все они марионетки Ричарда. У одного из них были связи и с одесским мафиозным кланом, и с сицилийской мафией. Он лично знает несколько сенаторов."

"Он тоже представляет угрозу для моей семьи?"

"В каком-то смысле, да. Человек наживается на международной торговле наркотиками и людьми, но он может быть тем, кого ты классифицируешь как агента под прикрытием, но в данном случае – сутенера. Нет сомнений, что он охотится за твоей сестрой и, возможно, придумывает планы по ее похищению и продаже в сексуальное рабство, но его самые активные миссии направлены на старшую девушку."

Мои брови слегка нахмурились: "Какая старшая девочка?"

"Старшая сестра; ну, кузина твоей сестры. Две девушки неразлучны, так что их легко перепутать, будь они сестрами. Но на старшую девушку, недавно напали. Дважды в ее машину въезжал грузовик. Она едва выжила. Один мужчина наехал на группу, которая постоянно следила за ней до ее рабочего места и колледжа. Я не хочу в это верить, но на самом деле, похоже, что жизнь кузины гораздо в большей опасности, чем жизнь твоей сестры."

"Нападающие пытаются убить ее или похитить?"

"Кузину? – Лиам сказал. – Нет, мы не думаем, что они пытаются похитить, скорее убить. Её рабочее место кишело убийцами. Убийц

нашли на крыше ее офисного здания. Она занимается благотворительностью и организует митинги от имени "Международной амнистии" и ООН. Именно внутри здания ООН мы схватили одного из киллеров, который был одет как швейцар."

"Как ты думаешь, почему так много людей хотят убить ее?"

"Я думаю, что мужчины, которые пытаются похитить твою младшую сестру, боятся старшей девочки. Она жесткая, ездит в Вест-Пойнт, имеет друзей в армии, очень общительная, ходит на стрельбища и источает крайнее доверие. Они беспокоятся, что она может сорвать их грязные планы и защитить младшую сестру. Один из мужчин пытался скинуть ее машину с моста. Думаю, он хотел нейтрализовать фактор риска. Если он похитит маленькую девочку, он не хочет, чтобы старшая приехала за ним и отомстила."

Я показал на папку: "Все, кто здесь есть, пытались убить ее, так?"

Лиам зашевелил губами мгновенно: "Все люди в этой папке пытались как-то навредить твоей семье, но двое из них казались одержимыми убийством кузины меньшей девочки. Один из них, похоже, был очень заинтересован в налаживании связей. Он связался с несколькими российскими преступными синдикатами и канадскими секс-торговцами и предложил им миллионы долларов авансом, чтобы они согласились взять под свою опеку американскую девушку и поместили ее в борделе, пока она не покончит с собой. Хочешь знать, чью фотографию он отправил тем бандам? Твоей младшей сестры."

"Почему полиция его не задерживает? Он способствует торговле людьми!"

Мой друг быстро ответил: "Я прочитал несколько перехваченных коммюнике, но не все. Эфиопская организация по торговле людьми, с которой он связался, согласилась продать девушку в рабство. Он находился в постоянном контакте с российской мафией и заверил их, что уже позаботился о контрабандистской части, заплатив таможенникам миллион, чтобы "посылка" прошла через границу в Россию. Казалось, что он немного одержим наймом российских торговцев для продажи девушки в сексуальное рабство, но, похоже, российский преступный синдикат не хотел иметь с ним дело."

"Даже после того, как он предложил им столько денег?"

"Российский пресс-секретарь сопротивлялся идее похищения американской монахини, которая учится в престижном колледже Лиги плюща, и принуждения ее к проституции. Они сказали, что их проститутки приходят добровольно, поэтому им не нужно никого пытаться, чтобы заставить подчиниться. Они считали, что риск быть втянутым в международный инцидент слишком велик и попросту не стоит того. В своих ответах наемник Ричарда угрожал использовать свои контакты в офисе губернатора, а также своих друзей в Квантико, чтобы закрыть бизнес русской мафии по перевозке наркотиков и

нелегальной торговле оружием, если они не согласятся забрать груз. Однако канадский бордель и западноафриканские наркоторговцы согласились забрать девушку и заставить ее заниматься проституцией."

Когда Лиам остановился, я едва мог моргать. Мои глаза горели от боли.

Мой разум немел. Ветер покалывал мое лицо. Я с шоком заметил, что мои щеки были мокрыми от слез. Я не понимал, что плачу.

Утренние новости были слишком шокирующими для осознания.

Мои бывшие коллеги из АНБ и друзья из Агентства не упускали ни одной возможности напомнить мне, что препятствия, с которыми я сталкивался в жизни, были моими собственными. Они настаивали на том, что мои враги неустанно встречались на моем пути, потому что я был слишком робким. Возможно, то, что они говорили, было наполовину правдой. Я помню, как был на советских сборах, когда был подростком. Я был самым истеричным новобранцем в Лагере, и малейшая провокация сводила меня с ума от ярости.

Мой инструктор Михаил пытался скрывать от Полковника мои наклонности. Помню, как сбросил большой холодильник с крыши пятиэтажного общежития, потому что некоторые из новобранцев подняли шум по поводу того, что другим парням запрещали хранить еду в холодильнике. Я поругался и пригрозил сбросить его, если они не будут со всеми делиться. После этого инцидента некоторые из новобранцев стали меня опасаться и стараться избегать меня.

Переезд в Америку был событием, который поменял жизнь. Я был очарован быстро меняющейся жизнью и успешно интегрировался в общество как агент под прикрытием, но даже при работе под прикрытием мне было трудно сохранять спокойствие в стрессовых ситуациях. Мои соседи по комнате в колледже замечали мое хаотичное поведение и называли меня сумасшедшим русским. Им казалось странным, что я часто рискую без причины.

Как только я вступил в 13-ю Лигу, мое поведение несколько изменилось. Я неустанно работал в подразделении черных оперативников АНБ, чтобы закрыть самую большую в мире организованную преступную группировку – Лагерь, в котором я тренировался. В некоторые дни я чувствовал себя так будто впадаю в безумие и полностью теряю рассудок, но потом я встретил Ирину, спокойную молодую женщину, которая была всего на несколько лет старше меня. То, что она появилась в моей жизни, кардинально

изменило меня. Мое сердце стало спокойным, и я не чувствовал той страстно к своим миссиям, как раньше.

Все, чего я хотел, это уйти из обманчивого мира шпионажа и жить с Ириной. Но я дорого заплатил за этот выбор. Отец Ирины Ричард, который также был моим работодателем в АНБ, не одобрял наши отношения и очень ясно выразил свою неприязнь. Он посылал меня на многочисленные миссии, обреченные на смерть, и часто предупреждал вражескую сторону о моем присутствии. Когда я попадал в плен в Чили, Северной Корее или Китае, Ричард отрицал любые данные о моем существовании и заверял Госдепартамент в том, что он меня даже не знает. В результате я оставался запертым в их камерах для допросов, не имея ни надежды, ни спасения, ни возможности получить помилование, постепенно подвергаясь пыткам на грани безумия.

Каким-то образом, каждый раз мне удавалось сбежать, так как мои старые друзья спасали бы меня. Но когда я возвращался в Соединенные Штаты, вместо того, чтобы кипеть в гневе и ненависти, я чувствовал себя подавленным и несчастным. Мое сердце не хотело мстить Ричарду за то, что он причинял мне боль, потому что я слишком любил его дочь. Возможно, это была моя слабость любить так сильно, это, безусловно, ослабило мой боевой дух.

Я любил Ирину и был готов пойти на все, чтобы защитить ее, и Ричард использовал это, чтобы заставить меня выполнять все более опасные тайные задания для него. Он часто прятал Ирину и говорил мне, что она была похищена. Мои инструкции заключались в том, чтобы вернуть определенный ценный предмет или поймать грозного преступника, чтобы добиться ее освобождения. Я был умелым шпионом и должен был заметить его манипуляции, но не видел того, что было прямо передо мной. Я доверял ему.

В течение многих лет Ричард играл с моими эмоциями, даже похищая и пытая меня в течение нескольких лет, при этом промывая мозги, чтобы я забыл мою настоящую личность.

Если бы я был хотя в половину так же свиреп, как мои русские коллеги, возможно, он бы не играл с моим разумом так часто; возможно, он бы не пытал меня с таким усердием; возможно, он бы не навредил моей семье. Может быть, если бы я был немного смелее, Ричард не обращался бы со мной, как с животным. Он свободно использовал меня, пытая, промывая мозги и манипулируя мной, как морской свинкой.

Я сотни раз рисковал своей жизнью ради него, пытаясь освободить его от незарегистрированных мест заключения и похищений наемников. Я боролся с невозможными препятствиями в получении для него информации, редких документов, секретных жестких дисков и денег, потому что он убедил меня в том, что это

правильно. Я взламывал сверхзащищённые банковские хранилища, чтобы украсть инкриминирующую информацию о нем, которую использовали его враги, чтобы шантажировать его. В течение многих лет он использовал меня, чтобы добиться беспрецедентной власти. Каждый раз, когда он заманивал меня в опасный город, я спасался и возвращался к нему, потому что где-то в моей голове я хотел верить, что он любит меня, как своего собственного сына. Я не могу вспомнить, сколько раз я спас его от врагов, когда они послали профессионального киллера, чтобы убить его. Я думал, что он был одним из хороших парней, но много лет спустя, я обнаружил, что люди, которые приходили за ним, требовали мести за своих близких, которых Ричард лично казнил или пытался убить раньше.

Ах! Теперь мне некого винить, кроме себя, за свою судьбу. Я сам навлек на себя это. Я шел по пути собственного уничтожения, будучи верным единственному человеку, который не заботился обо мне.

Это я продолжил отношения с его дочерью после того, как получили столько очевидных предупреждений и понял его неодобрение. Это я сделал его самым могущественным человеком в мире. Именно я достал информацию о местонахождении его жены, что привело к её окончательной гибели. Именно я изъясил у преступников и отмывателей денег не отслеживаемые деньги и разведанные, и с восторгом передал их ему.

Я сам стал причиной своего разрушения. Мне некого винить в своих грехах, кроме себя самого.

Я считаю, что это только моя вина. Это я был ослеплен благодарностью. Это я хотел любить его как отца, надеясь, что когда-нибудь у меня будет идеальная семья с Ириной. Моя собственная человеческая слабость ослепила меня.

†=====†

Как только я начал думать, что жизнь не может шокировать меня еще больше, мне позвонили из хосписа.

Это было медицинское учреждение, в которое я перевел Дастина. Женщина, отвечающая за центр, сказала, что пациент не реагирует. Через несколько минут я получил второй звонок. Это было местное отделение полиции. Они хотели допросить меня. Я был главным подозреваемым в убийстве пациента, который только что задохнулся.

В недоумении я позвонил в частную больницу. Они подтвердили, что мой дорогой друг Дастин мертв. Доктор признал это убийством.

Моя кровь в венах болезненно пульсировала. Я не знал, что делать, но я знал, что есть только одно место в мире, где я должен быть сейчас. Мой друг Дастин только что умер, и я должен был быть

там с ним. Я не мог оставить его. Все эти дни Дастин прикрывал мою спину, и теперь мне нужно было быть с ним рядом в этот час.

Я бросился к своей машине и поспешил в хоспис. Два квартала вокруг медицинского здания были оцеплены. На каждом углу была полиция. Я знал, что это подстава. Кто-то убил Дастина и подставил меня в убийстве. Реакция полиции на подозреваемого в убийстве была очень необычной, но я подозревал, что кто-то захотел меня слить и предупредил копов, что я попытаюсь приехать сюда, чтобы увидеться со своим другом.

Я перепробовал все возможные пути для входа в комплекс, но периметр был крепко оцеплен. В конце концов, я удвоил силы и попытался войти в здание пешком, но меня заметили два офицера. Они приказали мне остановиться, но я знал, что если меня схватят, ЦРУ отберет у них полномочия и отправит меня в секретную тюрьму. Но полиция пригрозила меня своим служебным оружием, так что я не смог бежать. Я ждал с руками за спиной. Когда один из копов подошел, чтобы надеть на меня наручники, я сбил его с ног, взял его в заложники и отступил в ожидающий меня полицейский фургон. Я отпустил полицейского, прыгнул в фургон и едва смог бежать.

Он ушел! Я наконец осознал действительность. Это было слишком для меня той ночью. Я был в бегах более восьми дней, уклоняясь как от власти, так и от наемников, пытаюсь спасти одного дорогого друга от жестокой смерти, которая угрожающе надвигалась на него. Несмотря на все мои усилия, все мои отчаяния, мой друг был мертв.

Это было слишком разрушительное событие для меня. С сильным содроганием я спустился на пол, растворяясь в слезах. Мое лицо было покрыто пылью и грязью. Пока горячие слезы стекали по моему лицу, оставляя бледные следы на щеках. Я видел, как мигающие сирены направлялись ко мне. Со стуком в сердце я вспомнил, что я все еще беглец. Ричард все еще продолжал охоту на меня. Часть меня хотела сидеть на этом самом месте и оставаться здесь до конца жизни, но инстинкты взяли верх, и я встал на ноги и направился к одному из близлежащих переулков. Я был в растерянности от горя, но я искал уединения, чтобы в одиночестве оплакивать своего друга, подальше от обвиняющих взглядов людей, которые понятия не имели, что я пережил в своей сравнительно короткой жизни и как много боли я испытал.

Дастин поддержал меня, когда все в мире отвернулись от меня. С подросткового возраста, когда я впервые вступил в Лагерь негодяй-Полковников КГБ, Дастин поддерживал меня, хотя едва знал меня. Он был на год младше меня, он сам был еще очень молод, но он выдержал суровую атмосферу тренировочного центра и спасал меня столько раз, что даже не счесть.

Его никто не провожал в последний путь. Я подготовил все к похоронам! Мне пришлось хоронить своего дорогого друга.

Я не мог поверить, что это тело исчезнет с лица Земли; этот человек, который обезвредил сотни бомб, перенастроил десятки спутников, он давал мне возможность успешно завершать свои миссии и спасать столько людей в мире; а теперь он шел.

Когда Ричард угрожал взорвать ядерный реактор недалеко от Кремля, именно мой дорогой друг Дастин лично заглушил связь в столице и помешал Ричарду передать приказ. Он был непосредственно ответственен за спасение жизней миллионов российских граждан и должен был получить наивысшее почетное звание, однако после его смерти некому было наградить его Героем Российской Федерации. Дастин предотвратил сотни внутренних террористических актов на территории Соединенных Штатов, но он так и не получил награды или признания за эти заслуги, поскольку нас не было в официальном американском справочнике. Мы не были ни официальными агентами, ни сотрудниками правоохранительных органов. Если бы Дастин был офицером Центрального разведывательного управления, то, возможно, в офисе ЦРУ в Лэнгли ему бы вручили маленькую звезду, но этого не произошло. Мы были одни.

Когда пришло время похорон, мое сердце разрывалось от боли, мне придется бросить его тело в темную дыру. Я зажал горсть грязи над его могилой и не мог перестать плакать. Дастин будет жить здесь вечно. Мой дорогой друг никогда больше не сможет со мной поговорить.

Самая сложное в этом мире – хоронить своих друзей.

Я надеялся, что бог, в которого он верил, позаботится о нем на небесах.

ДЕНЬ СКОРБИ

Ох, как печальны стали эти дни,
Когда ты, друг, покоишься в могиле.
Теперь молитвы ранние мои
Тоски не облегчат, друг милый!
Пока Душа твоя в темнице
С утратой не могу смириться.

*Oh! How distressing my days
Have been beyond thy tomb,
Know, my comrade, no earthly praise,
Can ever remove my gloom,
While thy soul is left to gaze,
Within this darkened room!*

И хоть Земля забрала твою плоть
Твой вечный оберег — Господь.
Звезды тихой вечерней слезой
Опечалются вместе со мной.
Мое разбито сердце — да,
Твое ж свободно навсегда!

*Though thy flesh, earth has taken,
Thy Lord shall remain with thee,
And the evening stars that awaken,
Have mourned along with me,
And though my heart is now broken,
Thine have been forever free!*

2016 год, январь.

"Привет, как вы?"

"Все хорошо," - Медленно ответил я, оборачиваясь, чтобы посмотреть, кто со мной говорит. "Я где-то вас видел, но не могу вспомнить, где."

"Я был криптографическим кибер-планировщиком отряда Блэк-Опс в АНБ. Работал на Ричарда, когда вы еще были у него на побегушках." Человек высокого роста протянул мне руку. "Зовут Тед Коллинз."

"Рад встрече, Тед." - Ответил я искренне. "Что вас сюда привело?"

"Я веду расследование," - пояснил Тед. "Видите ли, после того как я покинул отряд Ричарда, ко мне обратились ЦРУ и ФБР - они сказали, что подозревают Ричарда в незаконной деятельности."

"В какой еще незаконной деятельности?" - Спросил я, растерявшись.

"Помните чем занимались нацисты? Еще в сороковых?" - Спросил Тед. "Они резали цыган, русских, славян и евреев. В те деньки, евреи были как арабские террористы в Германии, у которых не было права на существование. Вот что австриец сотворил с нашей прекрасной нацией."

"Когда вы говорите, что нацисты - зло, что вы имеете в виду?" - Спросил я.

Тед Коллинз терпеливо ответил. "Они ведь тоже обвиняли людей в преступлениях, которых они не совершали."

"Правда?"

"Да, в начале Второй Мировой Войны, Адольф Гитлер понимал, что большинство немцев не хотели войны, поэтому надеялся убедить их, проведя операцию "под фальшивым флагом". Дело происходило на станции "Глейвиц", немецкой радиостанции, расположенной недалеко от границы с Польшей. В конце августа 1939, Гитлер собрал группу немецких осужденных и одел их в польскую военную униформу. Затем этих несчастных привели на радиостанцию Глейвиц и расстреляли. Их тела разложили вокруг радиостанции таким образом, чтобы казалось, будто их застрелили во время штурма здания. Нацистские агенты внутри здания станции зачитали анти-германскую декларацию на польском языке, в которой утверждалось, что польские военные силы захватили радиостанцию Глейвиц. Этот топорный фарс повторялся сотни раз пропагандистской машиной Геббельса, в следствие чего появился минимальный настрой и принятие немецким народом неизбежности войны, которая вспыхнула в виде атаки Гитлером Польши, 1 сентября 1939 года."

"Это ужасно!" - Подметил я.

"Это так," - Согласился Тед. "Германские нацисты также повесили множество преступлений на русских солдат. Не прекращая создавали пропагандистские видео, в которых актеры, одетые в русскую униформу, избивали и ели детей, делали из этого целые фильмы. Это было художественное кино, но немецкое правительство показывало эти видео подмечая, что это настоящие вырезки боевых действий. Они ужасно много врал о русских. Поэтому немецкие граждане и были столь запуганы, когда советские войска захватили Берлин. А теперь Ричард, австриец, как и Адольф Гитлер, буквально за ночь превратил американское правительство в нацистское. Используя горстку американских сенаторов, Ричард успешно пропитал нашу демократическую систему коррупцией. Сложно представить, что

предыдущая администрация, как во времена президента Рейгана, президента Картера или президента Кеннеди, и сенаторы, сидя в конгрессе, официально и легально разрешали бы законы, которые оправдывали пытки посредством утапливания, электрошока, или мора голодом!"

"Действительно. Никогда этого не понимал."

Криптографический кибер-планировщик отряда Блэк-Опс из АНБ кивнул. "Американское правительство официально не приветствует пыток. Мы не такие. Мы - свободная страна, которая выступает против пыток. В этом наше величие, но во что нас превратил Ричард? Он испортил наше СМИ. Промыл мозги нашим гражданам. Он сильно увеличил градус ненависти - сначала заставил людей ненавидеть религию, и мы видим, что из этого вышло, сначала люди начинают ненавидеть кого-то за их веру, а следом начинают ненавидеть людей по расовому признаку. И теперь люди, которые хранили в сердцах ненависть к мусульманам на протяжении двадцати лет, начинают ненавидеть черных Американцев, или же Афроамериканцев. Мы видим рождение напряженности, сродни гражданской войне. Между демократами и республиканцами. Невиданные ранее напряженности. Раньше не было потребности в партиях, а теперь у всех крайние взгляды, как в нацистской Германии, либо ты из СС либо ты работаешь на союзников. Их превратили в столь полярные противоположности, что ты либо за одних, либо за других, третьего не дано."

"Я понимаю."

"Я видел, как он разгромил все американское правительство прямо у меня на глазах," - гневно прокомментировал Тед. "Вы понятия не имеете, что он контролирует почти сто процентов СМИ."

"Но как?"

"С помощью фейковых новостей."

"Но это же невозможно," - возразил я. "Это же Америка."

Коллинз ответил. "Да, но он создает фейковые новости."

Например, заставляет одного человека убить другого, а затем поднимает эту тему в СМИ и приказывает им немедленно начать рассказывать о произошедшем в эфире. Он был настолько влиятелен, что смог подкупить все до единого крупнейшие британские СМИ, чтобы они публиковали его новости, после чего журналисты, проверяющие факты, видели, что новости - настоящие. Так он поступил и с сетью террористов ИГИЛ. Он подкупил тысячи женщин для того, чтобы они появились в СМИ и дали фейковые показания. Я провел собственное расследование. После того, как Ричард создал ИГИЛ и попытался использовать их для прикрытия собственных преступлений, горстка юных сирийцев захотела вступить в эту организацию, наслушавшись о ней страшных историй. Эти мальчики также хотели свергнуть Башара, потому что он убил большинство

членов их семей, и все три тысячи юных сирийцев были убиты Ричардом."

"Почему он убил всех этих юнцов?" - Спросил я.

"Потому что как только они попали в ИГИЛ, они увидели порочную систему секса в тренировочных лагерях, эти дети считали, что это неправильно, потому что Ислам и их культура против сексуального рабства, их вера наказывает всех, кто совершает прелюбодеяние, рабство также запрещено их религией, и когда весь мир принял рабство за норму, эти молодые ребята сказали, что одна их вера не позволит им наблюдать практику рабства, и начали бороться против. Так как в их религии было запрещено рабство, они пытались выставить это как проституцию внутри ИГИЛ, но Ричард использовал подставных членов ИГИЛ, чтобы те убили 2700 человек, чтобы замести следы, следовательно никто не узнал, что ИГИЛ вовсе не исламская или арабская группировка."

"Кто конкретно убил этих людей?" - Поинтересовался я.

"Он был преданным работником Ричарда, который был с ним с 2006 года, и был ответственен за убийства сотен граждан Ирака. - Ответил Кримографический Кибер-планировщик. "Он работал на ЦРУ и отряд Блэк-Опс АНБ, также убил для них много моджахедов, его первичной задачей было докладывать обо всех членах ИГИЛ, которые искренне пытались сражаться за свою свободу против тиранического правительства Сирии. Он убил мусульман, которые пытались попасть в ИГИЛ, потому что они вскоре понимали, что убивать детей и принуждать женщин становиться проститутками - совсем не по Исламу. Таким образом, только самые настоящие злодеи-оперативники из ЦРУ, или наемники Блэксэнд остались в ИГИЛе, те, кто готов был убить за деньги и были верны Ричарду, им было наплевать на собственную религию, страну, или семью."

Я вздрогнул в страхе. "Этот агент Ричарда, он действительно убил тысячи гражданских?"

"Вы не знали?" - Спросил меня Тед. "Я думал, вы слышали о нем. Он известен. Широко известен, как командир ИГИЛ."

Я утомленно моргнул, и Тед продолжил говорить.

"Виджу, вы обеспокоены. Но поверьте мне, Америка, которую вы видите сегодня, это не та Америка, которую я знал. Настоящая Америка - очень свободная нация. Я знаю, что вы русский, и сознание вашего народа скорее всего пропитано тем, что американцы плохие, но истина в том, что Америка на самом деле не такая. Никогда не думайте так об Америке. Все эти секретные тюрьмы и пытки - нас на это направил Ричард. Он дает каждому своему наемнику по двадцать или тридцать миллионов долларов, и приказывает им направиться в Ирак или Афганистан, где они подставляют пару-тройку сельских жителей, или пастухов, затем взрывают машину или что-то подобное,

надавливают на одного-двух высокопоставленных чиновников спецслужб, и просят их отправить подставных террористов в секретные тюрьмы.

"Но зачем ему это нужно?" - Спросил я человека из АНБ.

Криптографический Кибер-планировщик из отряда Блэк-опс АНБ вздохнул перед ответом. "Потому что он хочет пытать этих арабов или мусульман в секретных тюрьмах. Его безнадежное желание - начать новый холокост. Вот зачем ему это. Пожалуйста, не считайте американцев злом. Мы не плохие люди. Некоторые просто глупы. Мы слишком глупы, не можем увидеть полную картину, мы люди простые, поэтому когда кто-то убеждает нас в том, что кто-то террорист, или что какая-то религия - это террористическая ячейка, мы приходим в ярость. Мы не плохие люди. Я надеюсь, что русские, вроде вас, не считают, что все американцы злые и больные извращенцы, которым нравятся пытки и изнасилования заключенных. Я знаю, что прошу о многом, ведь вас пытали агенты ЦРУ, вы лично находились в их секретных тюрьмах, но все же, не считайте нас жестокими тиранами, которые всех пытаются. Это полнейшая ложь. Нас, американцев, запутали, дезинформировали."

"Я знаю, на что способен Ричард." - Признался я. "Я тоже работал на него."

"Несколько десятилетий назад, когда я попал в эту секцию АНБ, у меня был другой взгляд на Америку. Я знал, что мы живем по определенным идеалам, которые за нас придумали наши предки. Но после того, что я увидел за последние десять лет, я не могу понять ту Америку, которую вижу сейчас. Все изменилось за последние пару лет, даже я сам больше не могу узнать происходящее вокруг. Настоящий ужас, тревога и ненависть. СМИ, растоптанные Ричардом, были безжалостны, и мы на это купились. Американцы обезумели в ненависти, стали считать, что каждый мусульманин по всему миру может устроить теракт, взорвать их дом, убить их детей и изнасиловать их женщин, потому что подкупленные Ричардом СМИ не прекращали свои проповеди и распространяли свою ложь на протяжении многих лет. Из-за этого, когда коррумпированные или просто наивные чиновники легализовали пытки, секретные тюрьмы и секретные войны, американская публика считала подобную жестокость нормой. Большинство людей по-настоящему эмоционально обезумели и даже не могли понять, что их обманывает величайший манипулятор, какого еще не видел свет. Ричард был хитрым, но у него в руках была огромная власть. А сейчас, мне страшно, что вы можете подумать. Я знаю, что вас пытали, пока вы находились в лапах ЦРУ, но я надеюсь, что вы не станете судить всех американцев из-за столь сурового испытания."

Я энергично покачал головой. "Я не думаю, я правда так не думаю. Я люблю всех американцев. Я всегда любил. Это моя страна. Это земля мне сродни дому, ведь я был здесь с восемнадцати лет. Я не могу сказать, что ненавижу американцев. Я их знаю. Я был в Сербии во времена Боснийской Войны, и сражался бок о бок с американскими миротворцами, я знаю, что их сердца наполнены благородством. Да, у некоторых могло быть большое эго, но у всех были добрые сердца. Никогда не считал американцев плохими, что бы не говорили в СМИ, и я понимаю, что американцев обманули, дали им ложную информацию и завели не в ту сторону. И к сожалению их заставили ненавидеть не тех людей. У них есть сильное стремление, и к сожалению, это можно использовать против них самих. Пожалуйста, не думайте, что я презираю вашу нацию. Я знаю, что американцы - хороший народ. И всегда знал."

"Рад слышать," - Сказал Тед. "Вы видите, как американские политические партии чуть ли не развязывают гражданскую войну из-за мелочей. Это не из-за того, что у нас плохие манеры или из-за того, что мы не благопристойны. Просто Ричард свел всех с ума своей ложью и манипуляциями, из-за него люди стали слепыми ненавистниками религии, стали презирать либералов, как демократов, потому что они боятся, и ими легко манипулировать."

"Я верю, что это все результат манипуляций." - Признался я, вполголоса.

"Мы не были такими. Однажды, мы были величайшей нацией на Земле, а теперь, любая страна Ближнего Востока, считает, что мы кучка больных педофилов и садистов, которые любят пытки. Люди Ближнего Востока ненавидят нас, потому что считают, что мы ждем любого удобного шанса напасть на их нацию, и подорвать их школы и больницы. Они видят во всех американцах детоубийц."

"Разве Америка — это не демократия?"

"Может была когда-то, но не стоит забывать, что до Второй Мировой Войны, Германия также была демократической, и они превратили свою страну в ужасное место, медленно развили ненависть к евреям в национальную, и вскоре, гестапо и нацистские полиция, вроде солдат СС, начали арестовывать и казнить людей без разрешения, не было никаких законов, чтобы им помешать. Подобное Ричарду удалось сделать с Соединенными Штатами. Манипулируя американцами и правительством при помощи фейковых новостей, Ричард создал фашистскую систему в одночасье, и успешно отобрал у всех право на личное. Он заставил правительство открыть охоту на ведьм, с того момента арестовывали всех, чья внешность была похожа на ближневосточную или арабскую. Он убедил ФБР в том, что двойные агенты и шпионы нужны везде, где молятся мусульмане, а также держать шпионов в церквях и синагогах, чтобы приглядывать за

людьми. Он исключил секреты и личную жизнь из общества, запугал людей воображаемыми террористами, заставил правительство следить за американцами даже в их собственных домах. Ричард сумел внедрить столько страха в сознание американцев, что люди в этой стране теперь находятся в бреду, сходят с ума из-за ненависти и страха. Чтобы избавиться от этого страха, большинство людей согласилось атаковать Ирак и Афганистан, потому что Ричард убедил их, что убивая граждан этих стран, они смогут жить в безопасности. Так он планировал использовать американское правительство, чтобы атаковать Афганистан, Пакистан, Йемен, Ирак или Саудовскую Аравию. Не нашлось американцев, которые были бы против его планов."

"Но зачем Ричарду вообще нужно было атаковать эти страны?" - Спросил я из любопытства.

"Из подобных войн он извлекает огромную прибыль," - Ответил Криптографический Кибер-планировщик отряда Блэк-Опс из АНБ. "У Ближнего Востока очень много денег, а Ричард надеялся заставить Америку развязать со всеми этими мусульманскими странами войну, а затем украсть все их деньги, а также сократить все их ресурсы. И, конечно же, для этого ему нужен был какой-то предлог, поэтому он и создал вымышленную террористическую группу под названием Аль-Каида, но вскоре, люди начали подозревать, что организация вымышленная, а также на тот момент, администрация не была заинтересована в очередной войне. Но затем, когда на службу вышла новая администрация, у Ричарда появилась отличная идея. Он создал организацию, так же, как и Аль-Каиду, но назвал ее Исламское Государство. Знаете ли вы, почему он назвал ее ИГ?"

"Понятия не имею."

Тед коротко кивнул. "Потому что он знал, что таким образом любая мусульманская нация в мире станет выглядеть террористической, следовательно правительство Соединенных Штатов сможет напасть на все это мусульманские нации. По словам Ричарда, Исламским Государством была любая страна в мире, где большинство граждан были мусульманами. Он хотел использовать эту организацию как рубеж всех его жестоких операций, и в то же время, все выглядело бы так, словно в этом виноваты мусульмане. Он хотел нападения на все мусульманские страны мира, хотел уничтожить эти страны и убить их атаковать любое государство Европы, которое бы его не послушало, если они не прислушивались к его идеям после запугиваний. Когда европейские нации не соглашались с шантажом или запугиваниями, Ричард просто взрывал церковь в Париже, мечеть в Новой Зеландии, торговый центр в Москве, или какой-нибудь бар в Америке, а затем перекладывал вину за это на ИГИЛ или на выдуманное им Исламское Государство."

"Но зачем ему это?" - Упирался я.

"Потому что в таком случае, он побеждал по всем фронтам," - Ответил Тед Коллинз. "Европейские Государства становились запуганными и прислушивались ко всему, что он затем говорил об ИГИЛе, а также, им хотелось отомстить за теракты, напасть на те нации, которые по словам Ричарда были ответственны за взрывы, затем убивать или подрывать те мусульманские страны, потому что это ему было как бальзам на душу."

"Почему Ричарду это нравилось?"

"Потому что это дает ему возможность воровать нефть и другие полезные ископаемые у стран Персидского залива. Вы когда-нибудь задумывались, почему Ричард обвинил такое большое количество молодых людей из Саудовской Аравии в теракте 11 сентября 2001 года? Потому что его целью было убедить американское правительство в том, что нужно ввести войска в Саудовскую Аравию. В 2002, Ричард был уверен, что сможет атаковать Саудовскую Аравию, но хоть он и провел столь масштабную кампанию против молодых арабов, он недооценил правительство США. И вскоре, некоторые сенаторы начали расследовать взрыв Мирового Торгового Центра 11 сентября, вследствие чего выяснили, что теракт 9/11 было провокацией "фальшивого флага", которая была проведена изнутри федерального правительства США сетью злоумышленников, которые, возможно, контролировались Уолл-Стрит и Лондонским Сити, но они не могли знать, что за всем этим стоит Ричард. Эта военная провокация широкомасштабной машины была исполнена козлами отпущения, которые затем были опознаны и очернены при помощи ФБР и СМИ, а агенты, которые служили засекреченной организации, и теневые техники, которые на самом деле создали эту трагедию - просто наблюдали. Основные аспекты 9/11 были скоординированы при помощи законных тренировок и военных игр, которые затем изменились, поменяли направление, и вскоре забрали жизни при помощи приверженцев теневой сети самозванцев. Главный командный центр скорее всего был расположен в развитом военном центре, находящемся на частной военной базе. Ричард проследил за тем, чтобы события 11 сентября 2001 года заняли огромную часть СМИ, в самой крупной массовой манипуляции с промыванием мозгов граждан.

Я ставлю следующий вопрос. "Почему у Ричарда не получилось развязать войну с Саудовской Аравией, если это изначально был его план?"

Тед взял паузу перед ответом. "К счастью, у большинства американских бизнесменов были хорошие отношения с Королевством Саудовской Аравии, и они хорошо знали членов королевской семьи лично. Так что, хоть Ричард и пытался всеми силами направить войска в Персидский залив, правительство с ним не согласилось. Бизнесмены

считали, что атаковать страны вроде Саудовской Аравии, которые снабжают Америку нефтью на миллионы долларов бесплатно, было бы политически и экономически глупо и нецелесообразно. Потому что если Америка нападет на Саудовскую Аравию, Российская Федерация образует с ними союз, и заявит о своих намерениях по покупке нефти. А если Россия и Китай начнут закупать нефть в Саудовской Аравии, Америка никогда больше не сможет снова стать успешной. Но Ричард упорно хотел отобрать нефть и ценные ископаемые у Саудовской Аравии. Лишь благодаря близким отношениям и деловым сделкам между Саудовской Аравией и американскими бизнесменами, Ричарду не удалось убедить конгресс начать осуществлять план по вторжению в Эль-Рияд. Если бы план Ричарда удался, мы бы потеряли нашего лучшего союзника, который был им уже пятьдесят лет, щедро снабжал Америку нефтью, по цене дешевле воды. И вдобавок, Саудовская Аравия осталась преданна Соединенным Штатам, и продолжила отказывать в торговых транзакциях русским и китайцам. Они преданно сохранили эти дружеские отношения. Очевидно, Ричард был разочарован, но долго не ждал, следом взялся за ИГИЛ или Исламское Государство, приказал им совершать самые анти-исламские вещи, чтобы люди по всему миру их возненавидели, оклеветали их, и заставили их делать то, против чего учат их религии. Ричард - бывший нацистский солдат, он с рождения пропитан ненавистью к Ближнему Востоку, и к арабам, и к израильтянам.

"Какая же сумасшедшая идея - создать террористическую организацию ИГИЛ Ричардом," - Мягко подметил я.

"Ричард это уже делал," - Сказал мне Тед. "Он создал Аль-Каиду и решил создать группу под названием Исламское Государство, он будет создавать видео, в которых переодетые террористы притворяются мусульманами, и совершают ужасные преступления на камеру, чтобы затем крутить это по всему миру, после, Ричард наймет известные информационные агентства, как BBC, чтобы они публиковали фейковые новости."

Я немедленно спросил. "Зачем известным радиостанциям публиковать фейковые новости?"

"Ричард заплатил им миллионы долларов, и они с радостью распечатали и заполнили все свои первые страницы фейковыми новостями. Ричард собирался показать, что закон Шариата - это криминальная идеология, даже учитывая то, что все законы ИГИЛ были против Шариата и Исламских законов, люди ведь этого не знали. Они думали, что происходящее в ИГИЛ - по-настоящему, и верили, что Ислам - жестокая религия. Никто и не думал проверять эту информацию, ведь все публиковалось известными СМИ. Зачем Ричард все это проворачивал? Потому что гораздо проще было сеять

ненависть и зарабатывать на этом деньги, а затем управлять целыми правительствами при помощи страха.

"Такой способ получать деньги и власть просто ужасен," - Прокомментировал я.

"Это так," -Согласился со мной Тед Коллинз. "Но можете ли вы себе представить, на что был бы способен Ричард, если бы ему удалось оставить эту администрацию США у власти еще на восемь лет? Тот же президент, что ворвался в Афганистан и Ирак. Он скорее всего принудил бы конгресс объявить войну в большем количестве стран, чем нацистская Германия. И у него получилось бы убить гораздо больше мусульман, чем нацистская Германия убила евреев. И все это лишь ради денег, ради роскошного образа жизни."

"Разве нацисты убивали евреев ради денег?"

"Да, в те дни, все евреи были очень богаты, большинство банкиры и предприниматели. Поэтому немцы и убивали их миллионами, забирая все их состояние, перед тем как травить их в газовых камерах концентрационных лагерей. Также убивали и русских миллионами, потому что хотели отобрать огромные территории на реке Волге, богатые нефтью. Но сейчас у Ричарда новая цель. Он захотел украсть всю нефть Ближнего Востока." Тед вздохнул. "Какой же мерзкий этот Ричард! Ненавижу его до глубины души."

"Я понимаю ваше состояние, Тед." - Сказал я. "Я тоже его ненавижу."

"Оу, нет, приятель." Вскрикнул Тед. "Я ненавижу Ричарда гораздо больше вас. Он уничтожил мой образ, уничтожил великий образ моей нации. Он уничтожил настоящую Америку, и забрал всю красоту и очарование, которые были у Америки благодаря Джорджу Вашингтону и Абраму Линкольну. Мы были величайшей нацией в мире. Ричард и его жадные, сумасшедшие, больные агенты и наемники, которые убьют кого угодно, подставят кого угодно ради получения кусочка власти в американском правительстве или ради лишнего доллара. Они настолько помешались на деньгах, что готовы убить последователей любой религии, перевернуть любую веру, будут манипулировать кем угодно лишь бы набить карман деньгами. Им не важно, насколько плохо американцы будут выглядеть для граждан других стран. Им наплевать, что американские граждане потеряют свою свободу, и уж точно наплевать на раскол нашего общества, республиканцы и демократы будут враждовать всегда. Все, ради чего они живут, это частичка политической власти и пачка денег в кармане. Вот, что из себя представляет Ричард, его агенты и наемники Блэксенд. И вы хотите сказать, что я его ненавижу? Ну, приятель, ты понятия не имеешь насколько я его ненавижу! И точно понятия не имеешь, как его ненавидели бы американцы, если бы знали, как он поимел нашу страну в последние тридцать лет."

"Последние тридцать лет?" - Спросил я с удивлением.

"Знаешь ли ты, что в восьмидесятых, Ричард протолкнул несколько бывших нацистов в ряды американского сената?"

"Правда?"

"Да, это факт. Я лично видел. Эти сенаторы в кармане у твоего работодателя еще со времен восьмидесятых. Он заставлял их лоббировать его интересы, и выполнять за него всю грязную работу."

"Как один человек может нанести столько ущерба столь великой нации, как Америка?" - Спросил я своего друга.

Криптографический Кибер-планировщик отряда Блэк-опс из АНБ спокойно ответил. "Видишь ли, проблема в том, что мы люди простые. Американцы наивные и добродушные, мы не любим закручивать слова. Большинство американцев - это горстка ковбоев и с добрыми сердцами. Когда люди нами манипулируют или обманывают нас, мы этого даже не понимаем. Когда кто-то говорит нам, эй, эта религия - ваш враг, а все ее приверженцы попытаются вас убить, следом мы автоматически начинаем косо на них смотреть, и хотим их всех убить. Большинство американцев считают, что раз арабы хотят убить наших гражданских, следует просто атаковать их, и убить часть их гражданских. Американцы верят, что граждане Ближнего Востока все террористы. Но мы не желаем зла, правда. Мы не жестокие. Американцы - вовсе не жестоки, мы не нацисты. Хотя сейчас, когда я думаю о нацистах, мне интересно, а что, если они на самом деле не были столь жестоки, а лишь были жертвами, как и мы. Может их использовали, как и американцев сейчас, их направили не в ту сторону, и они начали ненавидеть невиновных людей. Кто знает? Может ими манипулировали они все еб**улись, как и мы. Если бы американское правительство не поменялось в 2008, минимум двадцать других мусульманских наций были бы под ударом. И сотни миллионов мусульман умерли бы. Ричард к тому моменту уже стал бы мультимиллиардером, за счет всей украденной из Кувейта, Катара и Омана нефти, заполнял бы свои задние карманы долларами.

Я вслух поинтересовался. - "Зашел бы он настолько далеко лишь ради денег?"

"Скажу тебе так, Ричард - филигранный планировщик, он аккуратно подбирал слова, создавая сеть террористов ИГИЛ. Также, он выбрал и имя для лидера террористической организации - Калиф, таким образом, все, кто слышит это имя, на подсознательном уровне будут ассоциировать его с Исламом. Какой изощренный способ получить деньги арабов, которые мы и так получали бесплатно. У нас бесплатно была их поддержка. Бесплатная нефть. А после того, что сделал Ричард, Россия сможет настроить их против нас, потому что теперь арабские лидеры считают нас убийцами. Они верят, что американцы - убийцы гражданских и палачи Гуантанамо. Жертва всех

этих американских солдат, которые посвятили всю свою жизнь защите родины, со дня рождения этой страны, триста лет назад, все ушло в пустую, потому что сейчас, когда нас видят арабы, когда они смотрят на американских солдат и офицеров ЦРУ, все, о чем они думают, это то, как мы собираемся похитить их и изнасиловать в секретных тюрьмах, потому что так они теперь видят американцев. Благодаря старому у*бку, сумасшедшему манипулятору, арабы никогда не смогут относиться к нам нормально, как раньше. Ричард и его личная охрана с приближенными промыли мозги американскому народу."

"Да, я знаю, поэтому я его и ненавижу," -Заступился я за своего американского друга.

Тед холодно перебил меня. "Ты утверждаешь, что ненавидишь его, но это не правда. Ричарду удалось разрушить нашу страну из-за тебя. Очернить и довести до упадка мою нацию."

"И в чем же моя вина?" -Спросил я.

"Ты был с ним слишком мягок, и несмотря на многочисленные возможности убить его, ты всегда его отпускал."

"Ну, Ричард был отцом моей девушки," -Слабо протестовал я. "Я боялся убить его."

"Он зашел так далеко, потому что ты позволил ему," -Повторил Тед. "У тебя было столько шансов заткнуть его, но ты ими так и не воспользовался. Ты пытался быть благодарным ему, и решил, что никогда не пристрелишь его, что бы он с тобой не сделал. Из-за того, что ты не захотел его убивать, сегодня миллионы невинных людей умирают из-за ужасных преступлений, которые совершил Ричард. Мне жаль это признавать, но вина целиком лежит на тебе. Если бы ты убил его, еще когда был молодым, когда он все еще не имел власти, столько плохих вещей в мире не произошло бы. Я ненавижу его больше всего на свете, но недавно, когда я увидел, что он делает в Китае, я немного обрадовался."

"А что Ричард сделал в Китае?" -Поинтересовался я.

"Когда Ричард начал использовать свою личную охрану для создания концентрационных лагерей в Синьцзян-Уйгурском автономном округе Китая, убивая миллионы мусульман при помощи китайского правительства для прикрытия, я обрадовался, что он хотя бы не делает это с помощью американцев, и на этот раз, Америка не станет виновной в убийстве невинных мусульман. На этот раз, не Америка использовала дронов для бомбежки невинных граждан в Ираке и Афганистане. Впервые, у Америки появился шанс стать настоящей Америкой, на день или два, мы смогли пожить как обычные люди, потому что Ричард столь занят убийством мусульман в Китае, что ненадолго перестал взрывать церкви и аэропорты в Соединенных Штатах. Он хотя бы удовлетворен в Китае, где он уже убил миллион тюрков и этнических китайских мусульман, в своих

огромных концентрационных лагерях. Он приказал своим наемникам пытать мужчин, женщин и детей до смерти, а также заставил стерилизовать еще миллион человек, чтобы у них не могло быть детей, также, как нацистское правительство делало в Германии, во времена Второй Мировой Войны. Я слышал, что Ричард строит еще двадцать лагерей смерти в Китае на свои деньги, при помощи своих спецслужб и европейских наемников, кто спонсирует и тренирует китайские правительственные службы. И даже так, я рад, что он занят тем, что использует китайское правительство для убийства невинных мусульман, это лучше, чем заставлять американцев убивать гражданских. Раз китайское правительство изначально с коммунистическим режимом, ему проще их контролировать, чтобы впоследствии превратить их в реплику нацистского правительства.

"Убийство любых людей - плохо," -Протестовал я. "Мы не должны радоваться этому."

"Ты прав," -Согласился со мной Тед. "Потому что как только я пойму, что Ричард может убедить Китай напасть на Соединенные Штаты, они начнут помещать американских граждан в концлагеря, как и уйгурских мусульман, и тогда я буду уже не так рад, но сейчас, я спокоен, потому что его больной разум занят где-то в другом месте. Я всего лишь хочу сказать, что он бы заставил Америку напасть минимум на двадцать стран к 2012 году, если бы мог, но опять же, некоторые американцы все же остались людьми, и не смотря на то, как в СМИ рассказывают о том, что арабы и их религия, которая за тысячу четыреста лет не произвела ни одного акта насилия или резни - худшее, что есть на свете, Ричард выставил ее как самую большую веру в мире, и даже после убийства тысяч американцев на американской земле с помощью переодетых арабов и мусульман, большинство американцев все же не согласились на убийства гражданских и нападение на другую страну, вроде Ирака или Афганистана. Они не позволили правительству убивать еще больше невинных людей, как это было в Германии. Потому что эта страна полна людей с любовью и добродетелью в сердцах. Но иногда они забывают об этом, на фоне огромного энтузиазма. Да, существует много американцев, которые страстно ненавидят арабов и Ближний Восток, но только лишь из-за своего настоящего патриотизма. Они просто считают, что любой приверженец этой веры - худший человек на свете, ведь последние тридцать гребанных лет им вдалбливали это в головы. Дошло до того, что за последние пятнадцать лет, американскому правительству пришлось убить тысячи гражданских в этом регионе. Но даже тогда, американцы не позволили увеличить это число до миллионов, как было в нацистской Германии. И наконец, мы вышвырнули Ричарда из страны, но он решил начать проливать кровь там, где придется. Но прежде, чем отправиться в Китай, Ричард попытался создать ИГИЛ в

попытке развязать новую цепочку войн, выставив крупнейший в мире культ самой страшной религией на свете, и попытался убедить СМИ в том, что люди этой веры - настоящее зло. Большинство почти поверило, что миллион человек этой религии способен начать нападать и убивать всех вокруг. Его планом было использовать ИГИЛ для атаки всех западных стран, включая Париж, Берлин, Лондон, Мадрид, Украину, Россию, Соединенные Штаты и Канаду.

"Зачем ему вторгаться в эти страны?"

"Чтобы контролировать правительства. Это был его главный план, но благодаря России, которая отправила войска в Сирию, стратегически разделила ИГИЛ, убила и арестовала большинство подкупленных Ричардом агентов, которые притворялись террористами, ему пришлось на время забыть о своих планах. Но зная его, я уверен, что он скоро вновь попытается создать подобную организацию. Может, в этот раз он использует целую страну. Существует вероятность того, что он попытается свергнуть правительство какой либо страны, а затем использует ее для нападения на весь мир, чем заставит остальные нации атаковать в ответ. Может, это будет Иран. Знать этого мы не можем. Может Пакистан. Кто знает? Но сейчас, есть ощущение, что Ричард попытается использовать Китай для завершающей фазы.

"Ты думаешь, что он правда способен на подобное?" - Спросил я. "Ричард старый австриец, который воевал во времена Второй Мировой Войны, но достаточно ли он умен для этого?"

"Думаю, что да," - Ответил Тед. "Представь, насколько он поменял образ арабов и их религии. На протяжении тысячи четырех ста лет существовала мирная религия, которая не совершила ни одного преступления и не убивала гражданских, даже когда была очень влиятельной, присутствовала в Европе семьсот лет не проливая крови, Ричарду удалось изобразить их самой жестокой религией в мире и заставить всех их ненавидеть настолько, что пять миллиардов людей готовы убить их. Девяносто процентов фильмов, крутящихся во французском СМИ, испанском СМИ, австралийском, британском и американском - придуманы и созданы специалистами по пропаганде Ричарда, который постоянно использует фейковые новости и фильмы, распространяющие ненависть. Он щедро тратит деньги и с радостью заплатит миллионы долларов для создания даже одного фильма. И когда он доходит до бокс-офиса, карманы Ричарда набиваются деньгами.

"Откуда тебе известно, что он платит за съемки этих фильмов?"

"Потому что мы отслеживаем потоки его денег. ЦРУ отслеживает финансовые транзакции продюсеров фильмов, и средства поступают с одного из Блэксенд-аккаунтов Ричарда. Так он использует СМИ, фейковые новости, шантажированных сенаторов, он даже запугал и

убедил некоторых командиров ЦРУ, чтобы они продолжили строить секретные тюрьмы, а также обеспечил их поддельными террористами, которых принудили либо подкупили, чтобы они создали видео с признаниями. Настоящие лидеры фейковых террористических организаций - оперативники Блэксенд, переодетые в мусульман, которые притворяются террористами на видео ИГИЛа. Эти больные люди готовы собственных родителей продать ради пары долларов. Иногда арабские христиане, или бывшие мусульмане, которые ненавидят свою предыдущую религию, а иногда простые крестьяне, которым лишь нужны деньги, соглашаются сняться в видео для Ричарда, ведь они могут хорошо подобрать правильные арабские фразы, чтобы террористическая группа выглядела настоящей. Он нанял множество арабских христиан для написания текстов с правильной исламской терминологией, таким образом ИГИЛ выглядит по-настоящему, как и человек на позиции командира - Калиф Багдади. Это стало его главным планом, как только Аль-Каида развалилась, немедленно Ричард активировал ИГИЛ и начать клепать сраные видео одно за другим.

"Зачем Ричарду убивать невиновных в Йемене?"

"Только из-за того, что он хотел заполучить все деньги Саудовской Аравии. Он также пытался свергнуть сирийское правительство, потому что хотел напасть на Ближний Восток, используя Сирию как прикрытие. Он совсем с ума сошел, когда понял, что больше не контролирует американское правительство в 2009 и 2010, когда новая администрация пришла к власти. Правительство быстро ликвидировало ряженого Бен-Ладена, и поняли, что большинство видео, которые иногда снимал Ричард, оказались фейковыми. Ричард и вправду считал, что может превратить Америку в Китай, заставит нас строить концлагеря, как китайцы, но не смог. Он даже использовал ФБР, чтобы мучить граждан США, особенно после 11 сентября, когда ФБР начали похищать людей прямо с улиц без ордера на арест. Я думаю, что планом Ричарда было превратить американскую полицию в немецкое гестапо, но мы отбили свою свободу и вышвырнули его. И теперь он в Китае. Ничего против я не имею. Пусть убивает китайских мусульман до тех пор, пока не захочет атаковать Америку. Мы достаточно из-за него страдали. Он использовал наше правительство, чтобы нелегально зарабатывать деньги. Ричард использовал американское правительство, чтобы спровоцировать Арабскую Весну, а затем атаковать Ливию, чтобы захватить и начать пытать ливийского лидера Каддафи, а затем забрать у него двести миллиардов долларов, которые стали его черными деньгами. Затем он потратил эти деньги на создание организации, известной, как ИГИЛ, которыми Ричард позднее стал терроризировать американское правительство, что в последствии привело к новым убийствам. Но на этом он не

остановился. Он использует ИГИЛ для нападения на Саудовскую Аравию, чтобы забрать все их нефтяные деньги, которыми набирает свои задние карманы. Один больной психопат может уничтожить весь мир. Начал все это с убийств американцев на территории Америки, обвиняя в этом детей с Ближнего Востока, из-за чего мы затем вторгаемся в эти страны.

"Я не понимаю, зачем американским войскам было отправлять столько боевых дронов против ИГИЛ, если это фейковая организация." -Протестовал я.

Тед Коллинз нахмурился. "Хороший вопрос. На протяжении нескольких лет, Ричард скармливал ложную информацию пентагону, в которой были планы по воздушной атаке конкретных целей в Ираке и Сирии. Потому что в этих местах были люди, которые узнали, что ИГИЛ - это фейковая террористическая организация, которая убивала только арабов, и контролировалась европейскими наемниками. На любого местного, узнавшего настоящее предназначение ИГИЛ немедленно высылались боевые дроны, которые решали проблему для Ричарда. Он нанял команду способных наемников, которые без конца подставляли местных арабских селян в подрывах, а затем передавали ложные доказательства американским военным, чтобы они с ними разобрались. Уверен, что эта информация для тебя - не сюрприз, потому что ты сам зачастую был жертвой подстав Ричарда, не так ли?"

"Да, я знаю."

"Ричард и его люди - лучшие в своем деле, если они обвиняют кого-то в преступлении, они не просто подставляют тебя, они еще и публикуют это в новостях, а также снимают об этом фильмы. Таким образом, им удастся выставить жертву худшим человеком в мире. Вот поэтому ковбоям из американского правительства и не удавалось поймать его по следам. Некоторые члены конгресса были у него в кармане, но большинство наших законодателей действительно верили в то, что арабы плохие. Иначе, представить тяжело, что наши законодатели сидели в американском сенате, одном из священнейших мест нашей страны, где мы обсуждаем то, как освободить людей, и где американские лидеры освобождали афганцев от советов, помогали боснийцам отбиться от сербов, помогали всем людям с угнетенными правами по всему миру, отправляя американских миротворцев, но затем внезапно Ричард выставил нас киллерами, смог посадить туда своих сенаторов, которые продвигают законы о легализации пыток и избиений. Он убедил нас и манипулировал нами, чтобы выставить убийцами. Он поиздевался над нами, и использовал наш патриотизм против нас. Заставил нас убить людей, которых он ненавидел, религию, которую ненавидел."

Я сказал. - "Но он же всегда ненавидел Россию. Это была его цель."

"Это правда, но Россия была сверхдержавой." -Объяснил Тед Коллинз. "Он бы провернул этот трюк и с Россией, но понимал, что Россия слишком сильна. Он знал, что ему бы понадобилось очень много денег, чтобы атаковать Россию, поэтому его выбор и пал на Ближний Восток. В его списке, Россия была следующей. Но так как это одна из сильнейших наций в мире, Ричарду нужно было достаточно денег, чтобы противостоять. Ему нужна была религия для прикрытия, а также деньги от распространения ненависти. Он занимается тем же дерьмом в Китае. Старик наконец исполнил свою мечту по помещению мусульман в концентрационные лагеря, и по убийству миллионов разом. Ну, я не против, до тех пор, пока его большие агенты находятся за пределами Америки. Пока он не убивает наших граждан и подставляет других людей. Я не против того, чтобы он использовал Китай для убийства мусульман, главное, чтобы он выпустил из своих грязных рук Америку. Его мечта наконец сбылась, детей пытаются, женщин насилуют, людей убивают, и все это в секрете, как у нацистов. Его проблемой было то, что ему нужно было как-то убивать евреев и мусульман, теперь он спокойно делает это в Китае. Ты помнишь, что Ричард сделал в Испании?"

"Нет. Что там произошло?"

"У Блэксенд был договор с испанским министром внутренних дел, Испания разорвала договор, и в течение месяца Ричард устроил три теракта в Мадриде, обвинив в этом ИГИЛ, в атаке на вокзал он обвинил сепаратистов из Баски. После этого происшествия, испанский министр внутренних дел немедленно вернул в силу предыдущие договоры с Ричардом.

"Это все произошло в Испании?"

"Да, так и было." -Сказал Тед Коллинз. Он выбрал Испанию, потому что она граничит с Европой, но там достаточно мало офицеров ЦРУ, которые могли бы вмешаться в делишки Блэксенд. Там не было много ИИ, спутников, ЦРУ, БНД или мафии, как в Италии. Вот почему Ричард решил заработать там пару миллионов долларов. Но как только их правительство отказалось вести с ним дела, он произвел несколько точных терактов, чтобы их запугать."

"Когда это произошло?"

"Примерно пять лет назад. Где-то в 2014. Я сам был там, вместе с другими офицерами ЦРУ, для расследования терактов, и мы выяснили, что это была подставная работа. Изначально, я отправился туда, чтобы расследовать нелегальный трансфер больших денежных сумм, в которых фигурировали имена испанской королевской семьи, но дело развалилось, как только они отказали в договоренностях Ричарду. Так он и контролирует всю Европу, включая Францию и Германию. Он обвиняет в терактах ИГИЛ, а затем терроризирует их. Он всегда заставляет своих врагов стать вашими врагами."

"Да. Я помню, как он со мной поступил. Меня однажды чуть не убил бывший американский солдат, который пытался подстрелить меня, но однажды, ФБР арестовало его, и пыталось выяснить, зачем он пытался убить меня, он рассказал им, что пытался отомстить мне за убийство его жены и детей. Клянусь, в жизни не убивал ни чьих жен и детей, но позже я узнал, что это Ричард убил их, а затем подставил меня, организовав все так, чтобы улики указывали на меня. Этот солдат позже узнал всю правду от ФБР и извинился передо мной, но ты прав, Ричард способен на многие ужасные вещи."

"Да, Ричард постоянно срабатывает своих врагов."

Я медленно кивнул. "Помню несколько лет назад, как другой человек пытался убить меня. Он был одним из лучших агентов отряда Блэк-Опс АНБ, а также был верен Ричарду. Он был одним из главных палачей, пытал меня в 1995 году, тогда крысы сгрызли часть моей плоти и мышц руки. И так, когда он пришел, чтобы убить меня, Ричард думал, что я сам убью его, защищаясь, но единственное, в чем я могу поклясться могилой своей матери, это то, что я никогда бы не стал убивать кого-то из-за личной мести. Ричард хотел, чтобы я убил его, потому что он был его врагом. Но я поклялся не убивать гражданских. Лишь несколько недель спустя, я узнал, что причина, по которой этот человек пытался убить меня, это сфабрикованная подстава Ричарда. Он постоянно так делает, хочет, чтобы я разобрался с его врагами вместо него."

"Слушай," - Посмотрел на меня Криптографический Кибер-планировщик отряда Блэк-Опс АНБ и коротко сказал. "Я чувствую себя ужасно, из-за того, что нас поменяли ролями пару лет назад."

"О чем ты?" - Спросил я Теда.

"Ты ведь русский, да?" - Сказал Тед с досадой. "Мы, американцы, и даже европейцы, мы все думали, что русские - холодные и злые люди. Мы все верили, что вы, ребята, до сих пор убийцы, как во времена советов и эры Сталина, и что вы способны на убийство миллионов собственных граждан. Но сейчас, американцев ненавидят, как русских. Из-за одного австрийского манипулятора, наше правительство стало жестче чем русское, теперь, в Америке можно легально пытать граждан в секретных тюрьмах, но Россия больше ведь таким не занимается. Теперь все наоборот. Люди считают, что твоя страна - хорошая, когда моя - по всему миру считается злодеем."

"Я уверен, в мире еще есть люди, которые считают американцев свободолюбивыми хорошими людьми," - Утешил я своего американского друга.

Но Тед Коллинз покачал головой. "Нет, дружище, я плохо знаю русских, но даже если вы все еще плохие, люди сейчас думают, что вы хорошие, потому что твоя страна не создавала у себя пыточные заводы Гуантанамо, твоя страна не атаковала Ирак, не подрывала

гражданских. Мне бы хотелось, чтобы Америка не выглядела такой плохой."

"Я уверен, большинство людей это понимает. Они знают, что в Америке больше хорошего, чем плохого."

Тед Коллинз выглядит неуверенным. "Разве? Иногда мне хочется, чтобы люди знали, что все дерьмо, которое ассоциируют с Америкой, на самом деле чуждо нашей культуре. Но мы ведь не можем ходить и рассказывать другим странам, что какой-то чувак, бывший нацист, испортил нашу страну. Думаю, что по той же причине, по которой мы не можем рассказать миру о том, что 11 сентября 2001 не было делом рук молодых ребят из Ближнего Востока. Будет слишком опасно выставлять Ричарда на показ, и рассказывать людям, что этот австриец - единственный, кто виноват в трагедии. Граждане Европы должны верить, что за этим стояли арабы, иначе начнется хаос, и репутацию Америки будет уже не вернуть никогда."

"Но в какой-то момент люди должны узнать истину, разве нет?" - С нетерпением спросил я.

"Нет, если из-за этого пострадают невинные люди. Смотри, ты же сам в этом разбираешься. Что там с теми взрывами русских жилых домов утром сентября 1999 года? Ты расскажешь государственному СМИ России, что это все дело рук Ричарда? Потому что если расскажешь, это вернет наши страны во времена Мировой Войны. Рассказывать всем и все - не всегда мудрейшее решение. И как американец, я все еще думаю, что у тебя в стране есть русские, помешанные на убийствах, как Сталин, совершивший сотни военных преступлений, и казнивший миллионы. Но это не значит, что взрывы домов были делом рук русских, но люди в это никогда не поверят."

"Хотелось бы рассказать им правду," - Вздыхнул я.

"Мы не можем," - Просто ответил Криптографический Кибер-планировщик. "По той же причине, по которой мы не можем никому рассказать, кто ответственен за создание ИГИЛ. Нужно убедиться, что американцы и европейцы верят, что террористическая организация была создана Иракцами и Сирийцами. Нельзя позволить им узнать, что группа больных европейцев и американских наемников сплотились, чтобы создать организацию, которая будет промышлять операциями фальшивого флага."

Чего я до сих пор не могу понять, это почему Ричард так сильно старался создать эту странную сеть террористов под названием ИГИЛ? Разве это было необходимо?"

"Ричарду нужно было заработать как можно больше денег в кратчайшие сроки, поэтому ИГИЛ подходил как надо. Он представил эту подставную террористическую организацию очень кровавой, целью офицеров ЦРУ и оперативников АНБ, нанятых Ричардом для создания ИГИЛ, хоть они и работали на дядюшку Сэма, было то, что

американские спецслужбы делают постоянно - показать агентов преступниками, чтобы выловить настоящих преступников."

"Тренированные офицеры ЦРУ должны были понять, что создание террористической сети ИГИЛ - не могло быть санкционировано правительством." -Заявил я.

"Возможно, эти агенты считали, что они оказывают огромную услугу стране, помогая Ричарду, особенно, потому что старик посмел притвориться директором АНБ. Но это одна из старинных фишек американской сети спецслужб. Они слабо переплетены, и у каждого оперативника над головой есть агентство со своими заданиями и миссиями. В каком-то смысле это отлично, если вдруг кто-то захватит Вашингтон и введет военное положение, будут существовать тысячи агентов и независимых офицеров ЦРУ, которые автономно будут защищать Америку, но здесь есть и свои минусы. Вот почему появляются проблемы, когда какой-то хитрец вроде Ричарда бросает на нас свой взгляд. Он может нанести гораздо больше ущерба, например в России. Благодаря концу коммунистической эры, у России есть связанная сеть сбора информации, и очень тяжело вклиниться в подобные внутренние отношения в подобных ситуациях. Нельзя просто так заставить офицера ФСБ или СВР подорвать где-то бомбу, если ты не пойми кто. Всем в цепочке их командования должны будут дать слово, таким образом операция перестанет быть секретной, но и фальшивым флагом такую операцию считать тоже будет нельзя.

"Но все же, было глупо создавать ИГИЛ, а затем с помощью этой фальшивой организации атаковать такое количество стран."

"Ричард хотел, чтобы ИГИЛ внушал страх по всему миру, а когда ИГИЛ атакует случайные города по всему миру, легко затмить страхом все правительства. Это было достаточно эффективно. Обвиняя во всех смертных грехах конкретную религию, Ричард был уверен в том, что люди миллиардами будут ее искренне ненавидеть.

"Но как у него получилось?"

Тед Коллинз выдохнул - "Он создал фейковые истории о "невестах джихада" и распространил ложные новости о том, как они делают из женщин рабынь, и убивают детей. Я так понимаю, тебе интересно, откуда я узнал о фейковых "невестах джихада"? Ну, у нас в ЦРУ есть команда, которая работает с СВР и БНД. Они подтвердили, что "невесты джихада" в Сирии - развитая кампания по обману некоторых членов сирийского правительства и горстка наемников, которые публиковали эти новости, чтобы отвлечь международное внимание от своих собственных преступлений. Но Ричард тщательно все продумал, и у него получилось нанять актеров, чтобы изобразить фатву, и другие материалы пропаганды, чтобы очернить ИГИЛ. Сирийское правительство знало, что Ричард использовал актеров, которые изображали сексуальных жертв джихада, брал интервью для мировых

СМИ, но они даже не пытались задержать распространение дезинформации и кампании фейковых новостей, потому что им выгодно распространять подобные ужасные вещи в подобном стиле.

"Это жестоко."

"Мы даже половины этого не видели. Теперь, когда мы узнали, что ИГИЛ - подставная террористическая организация, я боюсь, что Ричард попытается использовать Китай для нападения на Соединенные Штаты, потому что он уже ведет там кампанию концлагерей, убивает миллионами этнических китайских тюрков-мусульман в автономном округе Синьцзян. Лично мне не важно, сколько миллионов китайцев эти большие ублюдки в итоге убьют, но я не хочу, чтобы он снова нацелился на Соединенные Штаты, а ведь он может."

"С чего ты взял, что он хочет напасть на Америку?"

"Мы собираем разведывательные данные через даркнет," - Признался мне Коллинз. "Последние два года, ФБР множество раз находило и изымало биологическое оружие, химическое оружие, и даже ядерное, в различных городах, находящихся на территории Соединенных Штатов. И самое смешное, большинство этих операций базировалось на анонимных звонках. Ни ФБР ни ЦРУ не знают, кто присылает эту анонимную информацию спецслужбам. А что еще больше удивляет, так это то, что все эти бомбы и оружие были обнаружены неподалеку от террористов, людей с Ближнего Востока, но никто из предполагаемых преступников не был задержан живым."

"ФБР застрелило их на месте?" - Спросил я.

"Нет, когда ФБР добивались до конкретных локаций, преступники уже лежали мертвые недалеко от оружия. Конечно же, ФБР подозревает, что террористы скорее всего сами случайно отравились своим же оружием, или более вероятно, человек, который анонимно отправлял данные и убил их. А вот АНБ подозревает, что человек, отправивший дюжину анонимных заявлений в ФБР, возможно и есть человек, который провез через границу контрабандой все эти грязные бомбы."

"Если он сам их ввез в страну, зачем ему говорить об этом ФБР?"

"Может, это глубоко разработанная схема, по которой все будет выглядеть естественно, и когда он взорвет настоящее био- или химическое оружие в США, ФБР без проблем поверит, что это дело рук всех тех юнцов с Ближнего Востока, которые столько раз пытались добиться подобного ранее. Таким образом Ричард обогатится: если он успешно обвинит ИГИЛ в использовании ядерного оружия, он легко сможет уверить конгресс в том, что нужно объявить войну странам Персидского залива, и заметь, тогда он сможет забрать себе все нефтяные деньги, после чего жить припеваючи."

"Манипуляции слишком опасны."

"Лично я считаю, что лучшая работа Ричарда была в Испании. Он шантажировал министра внутренних дел, и принудил его аннулировать сделку, заплатив ему сотню миллионов евро. Мы говорим о лучшем манипулятивном у*бке в мире.

"Может, он способен на все это из-за СМИ..."

"Конечно, без СМИ это все было бы очень сложно, но поверь мне, даже без них, Ричард и его частная охрана нашли бы какой-нибудь способ манипулировать и обманывать людей. Мы можем лишь надеяться, что он перестанет подставлять людей с Ближнего Востока, или любую другую нацию, и американцы когда-нибудь узнают правду о теракте 11 сентября и взрывах ИГИЛ.

Октябрь 2016 года

Начиная с лета 2016 года я внимательно наблюдал за морским движением в южной части Тихого океана. На спутниковых снимках видно, как китайские военно-морские и береговые корабли проходили в северных водах исключительной экономической зоны России, и после более пристального осмотра мой технический специалист обнаружил, что Китай получил в свое распоряжение несколько высокотехнологичных импульсных энергетических устройств, которые они пытались использовать в воздушной и морской войне. Я знал, что милитаризация Южно-Китайского моря в Китае горячо оспаривается Соединенными Штатами, поэтому неудивительно, что Центральное разведывательное управление направило в Китай команду для изъятия устройства.

Я знал, как работает отчим Ирины, и было похоже, что он гонялся за оружием для себя, чтобы получить прибыль от его продажи на черном рынке. К этому времени я выследил Блэксенд и обнаружил, что у него восемь баз на материковом Китае. У Ричарда были связи по всей стране, и мне нужно было узнавать, что он собирается делать со своими силами. Хотя заместитель директора АНБ координировал межведомственную целевую операцию по поиску Ричарда, но она оказалась безуспешной и все агенты зашли во тупик. Я искал альтернативный путь со своей собственной командой из трех человек.

На основе данных, собранных с разведывательного спутника, я пришел к выводу, что секретное оружие разрабатывается внутри военно-морской базы Илинь на юге Китая. Я взял напрокат штурмовой вертолет Еврокоптер и полетел на островную крепость. Я ожидал найти действующую военно-морскую базу, но вместо этого наткнулся на усиленный подземный ангар: это была китайская подземная авиационная база! Это шокировало, потому что на спутниковых

снимках этой информации не было. Я хотел выяснить, что находилось внутри этой секретной базы, поэтому я взломал систему безопасности и пробрался внутрь. Десятки истребителей Shenyang J-8 Finback были расставлены внутри подземного пространства, но не было никаких следов импульсного оружия.

Я связался со своим начальником технической службы, Джо, веселым молодым человеком, который ранее работал в Минобороны, но потерял свой допуск к секретной информации после того, как был обвинен в низкоуровневых киберпреступлениях. До того, как помочь мне, Джо работал научным инженером в Кальтек. Его диплом в области компьютерных наук, полученный в университете Суррея, позволил ему преуспеть в американском институте.

После встречи со мной Джо согласился сотрудничать и взламывать опасные места в Даркнете, чтобы помешать плохим парням извлекать смертельную информацию.

"Джо, я на базе. Я не смог найти наши устройства здесь, – сказал я хакеру. – Компьютерный терминал не отвечал."

Джо не ответил сразу. В отличие от моего покойного русского друга Дастина, который посвятил большую часть своей взрослой жизни тому, чтобы помогать мне, Джо был интровертом и предпочитал, чтобы наши взаимодействия были сведены до технической терминологии.

Затем последовала пауза. Потом Джо заговорил. "У меня тут кое-что есть, – радостно сказал он. Когда он говорил быстро, его британский акцент становился более выраженным. – Хорошо, что ты подключил мое устройство к главному терминалу."

Джо продолжил объяснять, как он обнаружил расхождение в пропускной способности китайского базового терминала, который он считал троянским вирусом, но оказалось, что кто-то ввел вирус и переименовал кэш оперативной памяти перед тем, как украсть данные.

"Откуда ты все это знаешь?" – спросил я его.

"С устройства, которое ты подключил, я смог заглянуть в главный компьютер. Я обнаружил масштабную информационную течь. Это может означать только то, что кто-то без разрешения получили доступ к системе и загрузили спутниковые кадры на тридцать гигабайт."

"Как они это сделали? – я был искренне озадачен. – Я думал, что китайские военные используют безопасную систему."

"Так и есть, – согласился Джо, – а это значит, что кто-то с аттестацией ЦРУ был там прямо перед твоим прибытием."

"Джо, мне нужно, чтобы ты воспользовался спутником и узнал, куда человек ушел."

"Я уже это сделал, – ответил компьютерный хакер. – Двое мужчин покинули это место и направились в лабораторию недалеко от острова Хайнань. Я посылаю тебе точные координаты."

"Спасибо", – искренне сказал я и начал готовиться к полету. Я должен был добраться до острова Хайнань и забрать устройство у того, кто его украл.

Шесть часов спустя мой вертолет приземлился в гавани Хуафэн. Если Джо был прав, устройство было доставлено в здание в двух милях к югу от моего местоположения. Следуя международному навигационному приложению, я смог определить местонахождение лаборатории, но вместо этого я нашел здание, точнее разбросанные обломки пятиэтажного бетонного сооружения. Кто-то снес все здание. Я использовал сканер, чтобы найти след высокоимпульсного устройства, но его нигде не было. Я потратил еще пять часов на прочесывание обломков, поиск выживших, но их не было. Большинство тел зацементировали в бетон.

Я готовился покинуть это место, когда мои глаза заметили человека, лежащего у обочины. У него был взъерошенный вид, как будто кто-то оставил его умирать. Мужчина истекал кровью из-за огнестрельного ранения. Мой вертолет был готов к взлету, поэтому я затащил раненого на борт и направился обратно в безопасное место в городе Тайчжун, единственное место, что я построил на Тайване. На борту вертолета я провел базовую медицинскую обработку его ранений, и он постепенно пришел в сознание.

Как только пассажир набрал достаточно сил, чтобы встать, он начал бороться с ремнем безопасности и попытался выйти из вертолета. Я попытался сдержать его физически, но он оказался гораздо сильнее. Несмотря на тяжелые ранения, ему почти удалось одолеть меня. Он сражался, как профессионал, скорее всего, он был из спецназа или Силы Дельты, возможно, ЦРУ. В конце концов, я убедил его успокоиться. Я осмотрел его лицо на предмет каких-либо опознавательных знаков. Его короткие каштановые волосы и скульптурная линия челюсти заставили меня подумать, что он, скорее всего, из Западной Европы, но у меня не было возможности это подтвердить. Я спросил его имя, но его прохладный пустой взгляд устался на меня, он отказывался говорить. Мне было слегка любопытно, поэтому я связался со своими коллегами. Я отправил Джо фото человека, которого я спас, и попросил его прогнать его через наше приложение по распознаванию лиц, чтобы посмотреть, есть ли совпадение. Мой программист не смог найти положительное совпадение, поэтому он провел несколько обширных проверок биографии безымянного человека.

Человек, которого я спас в Китае, был бывшим офицером БНД, который шесть лет назад поступил на службу в ЦРУ в качестве

секретного агента. Официально, Федеральная разведывательная служба включила его в список агентов в отставке. Его звали Виктор Шлутер, служивший в службе внешней разведки Германии, и с тех пор, как он прибыл в Соединенные Штаты, предложил свои навыки служения американским и немецким интересам. Джо смог отследить его благодаря послужному списку в базе данных Министерства обороны Германии и выяснил, что Виктор был также бывшим *спецназовцем*, печально известной немецкой группой спецназа, которая была известна как самая эффективная тактическая команда в Европе.

Я отправил Виктора на самолете в США и умолял его рассказать мне, что он делал на отдаленном китайском острове и как он оказался в конце концов лежащим в обломках лаборатории. С неохотой он ответил на мои вопросы, он доверился, поэтому рассказ о своей миссии в Китае.

Виктор и его партнер по антитеррористическому подразделению ЦРУ были направлены на удаленную военную базу для извлечения мощного импульсного устройства, которое китайское правительство планировало использовать в качестве оружия. Найдя оружие, он отправился к месту его изъятия, но его напарник из ЦРУ обманул его. После того, как он выстрелил в него, второй оперативник захватил устройство, разрушил лабораторию и оставил его умирать. Виктор добавил, что если бы я не спас его вовремя, он мог бы умереть.

Я попросил Джо прогнать личность партнера Виктора через глобальное приложение для распознавания лиц, которое специально сужает поиск до филиалов разведывательного сообщества. Результаты подтвердили мои подозрения: у его партнера было три отдельных оффшорных банковских счета, на каждом из которых было более пяти миллионов долларов. Человек, несомненно, работал "кротом", поэтому украл высокоимпульсное устройство, чтобы помешать усилиям ЦРУ. Когда Виктор узнал, что его предали, он согласился помочь мне вернуть устройство. Я был благодарен за дополнительную пару рук в этом деле. Я знал, что КСК – элитное подразделение, похожее на британскую САС или американских "Зеленых беретов", а его оперативники были лучшими в Европе. Иметь его на своей стороне было выгодно.

Виктор Шлутер был все еще нездоров. Его рана только затягивалась, а дыхание затруднено. Бывший немецкий специальный оперативник КСК страдал от симптомов, похожих на грипп. Его температура поднялась до максимума, и он сильно потел. Врачи, которых я привел, сообщили мне, что его ситуация не опасна для жизни, и он, скорее всего, поправится, если он будет больше отдыхать.

Я предложил Виктору безопасное бунгало на острове Ванкувер, где он мог бы остановиться и отдохнуть. По дороге на конспиративный

дом мы стали свидетелями ограбления. За непрозрачными окнами джипа мы видели, как грабили пожилую женщину. Двое мужчин держали в руках ножи и призывали ее отдать все свое имущество. Я подумал об уведомлении ближайшего полицейского патрульного автомобиля об инциденте или дистанционном подаче сигнала пожарной тревоги в соседнем здании в надежде на то, что присутствие столь большого числа людей, эвакуируемых из зданий, заставит грабителей бежать, но у меня не было достаточно времени, чтобы принять решение. Виктор, несмотря на то, что получил огнестрельное ранение, которое могло привести к летальному исходу, выскочил из движущегося автомобиля и побежал на помощь попавшей в беду женщине. Он сбил нож с рук грабителя и помог старушке встать на ноги.

Я был поражен его рвением к помощи людям. Виктор совершенно пренебрег собственной безопасностью, когда увидел, что кто-то еще нуждается в помощи. Редко можно было найти кого-то, кто был бы так готов рисковать своей жизнью и благополучием ради совершенно незнакомых людей. Когда я отвез Виктора на конспиративное жилище, я сделал ему предложение. Я пообещал помочь ему всем необходимым оборудованием, если он решит сотрудничать со мной в оказании помощи людям, чья жизнь находится под угрозой. Два месяца спустя мы начали нашу первую совместную миссию.

Моя техподдержка из Кальтек оставила закодированное сообщение на моем мобильном телефоне. На защищенном сервере Европола было объявлено тревожное сообщение; где-то на этом континенте была неизбежна атака, и предполагалось, что потери будут масштабными. Я связался с вице-президентом исполнительного комитета Интерпола по территории Европы и передал ему мои опасения, но он выразил свою неспособность продолжить расследование без каких-либо веских доказательств. Зная, что я вряд ли получу какую-либо поддержку от американских разведывательных бюро, я решил позвонить Виктору и попросить его о помощи. Его опыт работы в Европе оказался чрезвычайно полезным. Изучив закодированное послание, Виктор сказал, что должен лететь в Лион и найти источник информации. Не выяснив, кто отправитель послания, невозможно будет сузить круг угрозы и предотвратить ее. В тот день мы полетели во Францию.

Источник информации было трудно отследить. Виктор Шлутер связался с заместителем начальника судебной полиции Парижа, который был его наставником много лет назад. Начальник французской полиции смог предоставить нам несколько адресов известных преступников. Мы исключили их один за другим. Во время третьего рейда мы ворвались в здание старой школы. Оно казалось

заброшенным, но когда мы с Виктором прошли через периметр, мы услышали выстрелы. По крайней мере восемь человек стреляли в нас. Виктор предложил мне укрыться и сказал, чтобы я проскользнул внутрь здания и попытался найти компьютер и сделать копию жесткого диска. Я колебался, чтобы оставить его одного отбиваться от восьми нападавших, но он настоял. Я бросил ему свой Ругер ЕС9 и побежал к зданию.

Первая комната, в которую я вошел, была пуста, за исключением худого человека. Он засовывал бумаги в маленький камин и не заметил меня. Я схватил его сзади и сбил с ног. К тому времени, как я добрался до камина, большая часть бумаг была уничтожена. Мне удалось спасти часть напечатанной страницы. Это было похоже на письмо. Единственные разборчивые слова были нацарапаны на дне. 10-18 AM.

"Я изучил все возможные комбинации, – признался я Виктору, как только присоединился к нему. – Джо обыскивал весь континент на предмет встреч или конференций, которые должны начаться в 10:18 утра. Но он ничего не нашел."

"Сейчас не время", – прошептал Виктор, с некоторой строгостью в тоне. Он выглядел так, как будто кто-то умер.

"Что ты имеешь в виду?" – спросил я, вспомнив две буквы, которые были напечатаны рядом с датой.

"10.18 AM, – повторил Виктор. – Разве ты не видишь? Это завтра. Сегодня семнадцатое. 18 октября – завтра".

"Это встреча. Конечно! – Я воскликнул. – Тогда почему инициалы? Если А.М. не значит *после полудня*, тогда что же это может быть?"

Виктор не ответил сразу. "Дай мне минуту. Дай мне посмотреть, прав ли я... Я ищу. Хорошо. Вот оно. – Он повернул свой ноутбук, – Агнес Мюллер. Ты знаешь, кто она?"

Я медленно приближался к экрану: "А.М. Они говорили о президенте Германии."

Виктор кивнул: "Мы должны предположить, что эта группа нацелена на канцлера. Завтра, 18.10, канцлер Мюллер посетит Всемирный экономический форум в Давосе."

"Зачем кому-то убивать ее? – Я задавался вопросом вслух. – Если мы не сможем найти мотив, будет сложнее найти преступников."

"Может быть, это то, что она скажет на Форуме", – предположил Виктор.

Я немедленно связался с Джо и попросил его достать копию речи канцлера Мюллера, которую она должна будет произнести в Давосе. Стенограмма была довольно простой, со случайным упоминанием ядерной энергетики. Я читал этот раздел. В своей речи канцлер должна была объявить о том, что Германия прекратит использование ядерной энергии к 2021 году, а также остановит использование угля

для производства электроэнергии к 2028 году. В своем выступлении она расскажет о том, как эти меры позволят сократить выбросы парниковых газов и сделать Европу климатически нейтральной к 2030 году. Канцлер также должна будет взять на себя обязательство выделить один миллиард евро на создание глобального разоруженческого альянса, который заставит страны Шенгенской зоны ликвидировать половину своего арсенала, чтобы принести стабильность и безопасность в Европу и мир.

"Я выследил человека под именем Лукас. Считается, что он один из руководителей криминального подразделения на земле Северного Рейн-Вестфалия."

"Есть какие-нибудь зацепки, что Лукас делает в Северном Рейне-Вестфалии?" – я спросил Джо.

Виктор ответил: "Северный Рейн-Вестфалия – место стратегического значения для организованной преступности. Нидерланды являются одним из ведущих мировых производителей метамфетамина и расположены к западу от государства. Нелегальные поставки часто проходят через Антверпен или Рейн."

"Река?" – я спросил.

Виктор кивнул: "Северный Рейн-Вестфалия обеспечивает прибыльный рынок для торговцев наркотиками и оружием."

Я переподключился к Джо и попросил его найти все, что можно, о человеке по имени Лукас.

Компьютерный программист перезвонил мне в течение нескольких минут. "Он – сущее зло, с которым ты имеешь дело, – предупреждал Джо. – Лукас основал "Маншафт", транснациональную банду организованной преступности, базирующуюся в Германии. Большинство его сообщников – бывшие заключенные. И они открыто заявляют о поддержке немецких ультраправых партий, особенно главной оппозиционной партии в парламенте. Там в основном прикрываются телеграфные операции, но, похоже, они частично финансируются ультраправой неонацистской группировкой."

"Хорошо, Джо, расскажи мне, что ты нашел о Лукасе?"

"Он был арестован в прошлом году за попытку поджога, но обвинения были сняты из-за отсутствия доказательств."

"Что он пытался сжечь?"

"Здание. Подожди, это была одна из штаб-квартир *IG Bergbau, Chemie, Energie*."

"Что это?" – я повторил.

Виктор прокашлялся: "IG BCE" — это профсоюз, объединяющий работников, занятых в угольной промышленности или даже в сфере природного газа, кожи, бензина и других сопутствующих товаров. С 2017 г. IG BCE играет ключевую роль в энергетическом переходе Германии".

"Зачем профсоюз заботится о чистой энергии или о добыче полезных ископаемых?"

"Ни для кого не секрет, что ультраправый экстремизм в Германии распространяется, и эти группы, возможно, пытаются повлиять на политику, связанную с переходом на экологически чистую энергию. Или они могут быть недовольны канцлером Мюллер за другую ее политику."

Я вздохнул: "В любом случае, мы должны сообщить об этом немецкому правительству. Поездка Агнес Мюллер в Давос должна быть отменена."

"Я сообщу моему бывшему командиру в КСК, – согласился Виктор. – Он обеспечит личную безопасность канцлера."

Во время транзита в аэропорту Мальмё Лукас был задержан МУСТ. Сотрудники шведской разведки допросили его и успешно нашли его сообщников на территории Германии. Их личности были переданы в отделение БНД в Берлине, и тактическая группа, подобранная канцелярией, провела одновременные рейды в пятнадцати городах Германии. Среди многочисленных арестованных внутренних террористов были обнаружены восемнадцать полицейских и девять сотрудников внутренней разведки западной федеральной земли Северный Рейн-Вестфалия, которые были замешаны в ультраправых действиях, в том числе в планировании убийства лидера своей страны.

Помимо преследования обвиняемых, берлинская полиция отстранила от работы более сорока офицеров, работавших в группе наблюдения за разведкой. Они были виновны в том, что поддерживали насилие в отношении избранных должностных лиц в онлайн-чатах и придерживались неонацистских взглядов. После этого покушения на жизнь канцлера Министерство внутренних дел Северного Рейна-Вестфалии провело масштабные реформы государственного антитеррористического законодательства в попытке обуздать всплеск преступности.

На следующее утро я скачал копию ежедневной газеты "*Rheinische Post*", в которой освещались скудные подробности о вчерашних событиях. Не упоминая о том, как немецкая разведка предотвратила убийство канцлера, в новостях сообщалось, что крупная банда преступников в Северной Рейн-Вестфалии была навсегда ликвидирована, а ее члены заключены в тюрьму.

Миссия во Франции и Германии напугала меня так же сильно, но и принесла покой. Я чувствовал облегчение, что был в состоянии спасти жизнь немецкого канцлера, но мысль о том, что, казалось бы, непонятная преступная группа была способна убить крупного лидера страны напугала меня. Что, если бы я не смог расшифровать небольшую подсказку? Что если бы я опоздал? Я осознавал, что не

должен был брать на себя ответственность в одиночку. Присутствие Виктора дало мне силы упорствовать в колеблющихся событиях этого быстро меняющегося мира.

Как и мой покойный друг-хакер Дастин, который сопровождал меня в США после распада советского Лагерея, Виктор Шлутер был близким другом и коллегой. Мы не были связаны официальными деловыми контрактами. Точно так же, как Дастин не был моим сотрудником, так же и Виктор. Когда я спас немецкого оперативника КСК с пустынного острова в Китае, он вызвался помогать людям, которым выпала схожая судьба, и мы дополнили друг друга. На деньги, сэкономленные во время работы в Лагере, я закупил боеприпасы и данные, но в большинстве случаев этого было недостаточно. К счастью, огромная часть моего дохода пришлось на мои бизнес-предприятия, о которых я мало знал и о которых еще меньше времени заботился. В течение многих лет я имел честь защищать людей, чья жизнь была в опасности: руководителей предприятий, известных адвокатов, судей, предпринимателей, исследователей и политиков, чьи соперники по каким-то причинам хотели их ликвидировать. Я попросил мою техподдержку прослушать каналы связи потенциальных убийц и задержать их до того, как они выполнят свой приказ.

Начальник отдела кибер-операций Пентагона, Хсу Чун Сюн, связался со мной по прямой линии. Я встречался с ним однажды во время брифинга по разведке сигналов АНБ. Хсу хотел сообщить мне об обнаруженной аномалии.

Когда я попросил его уточнить, кибер-специалист объяснил: "Эсминец ВМС США был почти сбит русским кораблем в северной части Аравийского моря."

"Военные провели расследование?"

"Пентагон связался с российским командиром и заявил, что управление его кораблем временно взломано, они потеряли контроль и в считанные минуты столкнулись с американским эсминцем, и только мгновение спустя инженеру на борту удалось отсоединить неисправный кабель и восстановить контроль над кораблем."

Я спросил: "Что за русский корабль?"

"Тот, который чуть не сбил американского эсминца? – Хсу Чун Сюн сказал. – Это был управляемый ракетный фрегат Адмирал Геребек."

"Но я слышал об этом корабле. Адмирал Геребек входит в состав Северного флота России и является одним из новейших в их флоте."

"Да, и это также один из самых передовых военных кораблей российского флота, – подтвердил Хсу. – Малыш вооружен крылатыми ракетами, системами ПВО и другим лазерным оружием."

"Вопрос в том, как так легко взломали высокотехнологичное судно? – я выпалил. – Хсу, ты можешь представить, что бы произошло, если бы русский корабль действительно разбил американского эсминца? Военно-морской флот США объявил бы это актом войны и нанес бы ответный удар ракетами класса "земля-воздух", что привело бы к катастрофической мировой войне."

"Думаешь, я этого не знаю? – аналитик Пентагона выглядел взволнованным. – Вот почему последние три месяца я прочёсывал каждый беспроводной сигнал, который был передан на русский корабль, и думаю, что, возможно, что-то нашёл."

"Ну?" – я задал вопрос Хсу.

"Это должно было выглядеть так, как будто это сделала Россия, панель управления их военного корабля был определенно взломана."

"Как ты можешь быть уверен в этом?"

"За несколько часов до того, как российское судно сошло с ума, гиперзвуковые сенсорные трекеры Пентагона обнаружили массивный всплеск данных и трафика, идущего из внутренних районов Соединенных Штатов."

"Что это значит?"

"Что атака была отправлена или осуществлена от кого-то, кто был США, – заметил начальник отдела кибер-операций Пентагона, – так что я стал сужать источники. И вот что я нашел. Кто-то в радиусе сорока миль в Пенсильвании его провернул. Я использовал спутниковые снимки, чтобы найти там ближайшую сотовую вышку. Она принадлежала подставной компании, которая управляла средствами для Лиги 13. Теперь уже несуществующее подразделение АНБ черных оперативников."

"Как ты отследил это место?"

Начальник Пентагона по кибер-операциям взглянул на меня. "Я искал улики, – объяснил он. – Как только я сузил область поиска, я следил за всплесками данных, которые поступали с операционного суперкомпьютера. Я прочесывал спутниковые снимки Башен сотовой связи, колонн, всего, что выглядело не так. И я нашел это логово."

"Можешь ли ты приблизить отснятый материал со спутника? Я попытаюсь узнать достопримечательность."

Хсу Чун Сюн увеличил изображение, и я увидел очертания знакомого сооружения: "Я уже бывал на этой конспиративной квартире."

"Что?" – Хсу спросил.

"Ричард проводит свои выходные в этом районе. Это его конспиративная квартира."

Начальник отдела кибер-операции выглядел слегка раздраженным: "Кто такой Ричард?"

"Человек, который руководил подразделением черных оперативников АНБ, – я сказал Хсу. – Я работал на него в 13-ой Лиге. Если Ричард платит ультранационалистам в России, чтобы они начали восстание, он не перестанет предпринимать попытки. Предупреди СВР, что в ближайшие недели они могут появиться нападения или насильственные беспорядки."

"Как один человек может организовать серию атак под фальшивым флагом по всему миру?"

"Ричард - единственный человек, которого я не перестаю недооценивать."

Хсу Чун Сюн сидел прямо на своем стуле: "Тогда ты думаешь, это связано с аварией на русском корабле?"

"Что именно связано с чем?"

"Я отследил банковский перевод на счет в государственном Промсвязьбанке" – Хсу сообщил мне.

"Сколько?"

"Шесть миллионов долларов."

"Ты узнали, на чей счет поступило столько денег?"

"Нет, но я смог выследить парней, которые забрали чеки. По данным службы безопасности банка, вот этот человек снял больше половины денег, – Хсу включил видео на экране. – Около двадцати миллионов рублей."

"ID?" – я спросил.

"Он русский, поэтому его профиля не было в нашей базе данных. Я использовал открытый канал Пентагона, чтобы предупредить антитеррористический центр ФСБ об этом человеке, они поделились с нами с информацией. Похоже, что тот, кто прислал деньги, планировал завербовать ультранационалистов в России и щедро заплатил им, чтобы они начали хаос и беспорядки. Их целью было, в конце концов, свержение правительства."

"Им сказали выходить на демонстрации? – я попытался прояснить. – Куда им сказали идти?"

"Ультранационалистическая партия планировала провести митинг в День Национального Единства. Мероприятие называлось бы *"Русским маршем"* и было со-организовано с несколькими оппозиционными партиями, но только они получили оплату наличными из американских банков, – начальник отдела кибер-операций Пентагона бросил на меня изнурительный взгляд. – Это выглядит плохо, чувак, как будто американское правительство платит русским за восстание против их законно избранного правительства."

"Сколько людей ФСБ взяли под стражу?" – я хотел узнать.

"Пока, думаю, они просто держат парня из банка", – Хсу Чун Сюн всмотрелся в свой монитор. – Во время допроса он признался, что использовал деньги со своего счета, чтобы нанять мужчин и женщин для вербовки последователей, которые будут проводить демонстрации в Москве и Нижнем Новгороде, городе, расположенном примерно в 400 км к востоку от столицы, несмотря на то, что московские чиновники отказали им в разрешении на проведение демонстрации."

Я вздохнул вслух и сказал начальнику отдела по кибер-операциям, что до сих пор скептически отношусь к тому, что протесты и демонстрации в Москве были результатом иностранного вмешательства.

Хсу Чун Сюн был поражен. Он встал на ноги и держал передо мной маленький электронный блокнот: "Все до сих пор думают, что землетрясение в Турции было стихийным бедствием. Помни об этом. Ядерные испытания не подтвердили, в СМИ уж точно, я имею в виду."

Он застал меня врасплох. Я не знал, что Хсу пытался мне сказать, поэтому я умолял его объяснить.

"Ты знаешь о *Милли Истихбарате Тешкилет*?"

"Да, – признался я, – это государственное разведывательное агентство в Турции."

"Именно, – Хсу сказал в деловом тоне. – Ну, мой старый приятель Омер Чавушоглу работал программистом в МИТ и приехал со свитой в Пентагон примерно в 2010 году, но он занимает руководящую должность в МИД. Он связался со мной через несколько часов после землетрясения, произошедшего в девяти милях от греческого города Карловаси на острове Самос. Сотни турецких гражданских погибли в катастрофе."

"На этих островах постоянно происходят землетрясения", – я прокомментировал.

"Так я и сказал Омеру, но потом он прислал мне копию сейсмического отчета с одной из их местных армейских баз. Когда я изучал отчет, я не знал, что и думать."

"Почему?"

"Потому что длина волны не соответствовала обычным естественным землетрясениям, – Хсу сказал. – Кто-то выкопал яму шириной около трёх метров для испытаний ядерной бомбы возле турецкого и греческого островов. И это была несанкционированная правительством операция."

"Ты говоришь с такой уверенностью", – я сказал ему.

"Я знаю, что это землетрясение было вызвано ядерным оружием, – повторил Хсу, – не только потому, что сейсмический отчет несовместим с обычной длиной волны природных землетрясений, но

и из-за радиоактивного газа, который был обнаружен в пещере над испытательным полигоном."

"Насколько ты уверены в том, что именно из пещеры идет радиоактивность?"

"Довольно уверен. Во-первых, в этой операции не было туннеля для испытаний."

"Что это за туннель для испытаний?"

"Ну, как правило, для подземных ядерных испытаний выкапывают два вида туннелей. Один бурят в месте взрыва после детонации, чтобы ученые могли отбирать образцы ядра, но там только один тоннель. Для начала детонации ядерное устройство собирают и опускают в яму до тех пор, пока она не достигнет положения детонации, а затем яму запечатывают. Теперь, почему это поразило меня, так это расположение этого ядерного испытания. Подземные испытания обычно проводятся в тщательно отобранных местах, исходя из геологического строения, прежде чем ученые даже рассматривают возможность бурения вертикальной скважины глубиной около пятисот метров в грунте."

"Есть ли последствия таких испытаний?"

Хсу кивнул: "В этих подземных испытаниях почва поглощает большую часть реакционноспособных химических соединений, поэтому единственными нуклидами, которым удается выбраться в атмосферу, являются криптон-85 и ксенон-133. Беспилотник, который был отправлен на греческий остров, обнаружил угрожающее количество этих газов. Без сомнения это была ядерная бомба."

"Нет никаких доказательств того, что землетрясения происходят в результате подземных испытаний ядерных бомб", – утверждал я.

"Поправка. Доказательств не было, но это было до 1998 года, но всем известно, что были место толчки. Сообщалось о движении разломов и трещинах грунта, и взрывы часто предшествовали серии землетрясений. В некоторых случаях сейсмическая энергия, высвобождаемая при движении разлома, превышала энергию самого взрыва и наносила ущерб."

"Как мы можем удостовериться, что это не обычное землетрясение?" – спросил я еще раз.

Начальник отдела кибер-операций Пентагона за мгновение набрал что-то на клавиатуре и посмотрел вверх: "Я только что вошел в главную серверную Центра технических приложений ВВС на базе ВВС "Филдинг" в штате Огайо. Пока что предварительные сейсмологические данные военных указывают на то, что на месте проведения ядерного испытания произошло землетрясение магнитудой 6,1 балла."

"Как сейсмологи определяют, вызвано ли землетрясение сейсмически или техногенным ядерным испытанием?" – спросил я.

"Сейсмологи изучают линии колебаний, появляющиеся на сейсмографе. Волнообразные линии, которые ты видишь, являются результатом взрыва. Волнообразные. И очень сильно отличается от тех, что возникли в результате землетрясения. Когда тектонические плиты скользят под поверхностью земли, ты замечаешь распространение скачкообразных волн."

"Кто следит за ними, Хсу?" – я спросил его. Мысль о подземных испытаниях ядерного оружия, которые вызвали землетрясение, была ошеломляющей, и я хотел, чтобы в Турции этого не произошло.

Хсу продолжал объяснять мне: "Военные США используют сейсмографы для обнаружения и измерения взрывов бомб - почти везде в мире, за исключением, возможно, Северной Кореи, потому что у нас нет соответствующего оборудования вблизи этих регионов, но когда есть подозрение, что подземные испытания проводятся, специальные самолеты направляются в подозрительные районы для взятия проб воздуха. После взрыва или землетрясения в Турции, как хочешь, я отправил отчет Омера Чавушоглу моему начальству, которое утвердило стандартную процедуру проверки, они послали самолет Boeing WC-135 Constant Phoenix, чтобы взять образцы с греческого острова Самос, недалеко от эпицентра землетрясения в Эгейском море, в районе турецкого прибрежного города."

"И?"

"После анализа образцов воздуха были обнаружены криптон-85 и ксенон-133. В смертельных количествах".

"Мне не нравится быть пессимистом, Хсу, но не правда ли, что Турция стоит на вершине разломов и подвержена землетрясениям? Я помню то, что было в 1999 году. Тысячи людей погибли в результате двойного землетрясения на северо-западе Турции."

"Твоя точка зрения верна, – Хсу заверил меня. – И не только Турция подвержена землетрясениям. Землетрясения часто случаются и в Греции, но *этот* толчок был другим."

"Землетрясения ощущались по всему западу Турции, в том числе в Стамбуле, а также в столице Греции, Афинах, – я напомнил кибер-аналитику. – Как подземное испытание ядерного оружия могло нанести столько вреда?"

"Ну, все зависит от типа бомбы, которая была использована, – ответил Хсу. – Я смог проследить ударные волны и выделил уникальную схему. Видишь ли, у каждого типа радиоактивных бомб есть характерная длина волны, и американские военные ее используют. Действительно довольно просто определить, какие землетрясения происходят в результате подземного испытания ядерного оружия. Любой, у кого есть доступ к интернету, может это выяснить, – специалист по кибер-операциям сделал паузу. – Я поделился своими подозрениями с геофизиком из Гарвардского

университета, и он сказал, что Пентагон использовал эту технологию еще в 2012 году для определения типа бомбы, которую Северная Корея испытывала под землей. Конечно, северокорейцы солгали об этом и сказали, что это была термоядерная бомба, но наши исследования показали, что они испытали плутониевую бомбу первого поколения."

"В случае этого турецкого землетрясения, спутниковые снимки могут указать на виновника, верно?"

"Спутниковая разведка не принесет большой пользы, потому что место, где была пробурена скважина, не имело активного сигнала отслеживания сверху."

"Они не могли сами провести ядерное испытание, – рассуждал я. – Турция и Греция не имеют на своих территориях предприятий по производству плутония или урана."

"Я знаю это, – с нетерпением перебил Хсу Чун Сюн, – вот почему мы должны теперь до смерти бояться. Потому что это значит, что кто-то другой, третья сторона с несколькими ядерными боеголовками бежит по Европе."

"Почему ты так говоришь?"

Хсу Чун Сюн прожег меня своим тревожным взглядом:

"Возможно, ты захочешь присесть. Два российских бункера для хранения ядерных ракет были взломаны, а неизвестные похитили несколько боеголовок. Официально российское правительство отрицает, что у них было нарушение безопасности, но разведывательный спутник Пентагона может подтвердить это ограбление. Неофициально, заместитель директора СВР связался с АНБ и попросил помощи в поиске пропавшей боеголовки. И теперь им придется искать на одну меньше, потому что именно российская ядерная бомба была взорвана в той подземной испытательной скважине в Турции."

"Расскажите мне больше о вашем контакте МИД Турции? Есть ли у него идеи, почему его нация стала мишенью?"

"Вообще-то, есть, – нервно сказал Хсу. – Боюсь, поэтому я и хотел с тобой связаться. Я хотел бы воспользоваться твоей помощью."

"Почему Турция стала мишенью одержимого фанатика с ядерной бомбой?"

"Турция не была целью, – сказал Хсу. – В вот президент Турции – да."

"Я не понимаю."

"За шесть дней до того, как подземное ядерное испытание спровоцировало землетрясение в Турции, в офис президента поступило сообщение по зашифрованной линии. Звонивший потребовал, чтобы он взял на себя ответственность за ядерную атаку на Лондон, Берлин и Париж."

является членом террористической группы ИГИЛ, и поэтому они указывают на Россию."

Я закрыл глаза и сделал глубокий вдох, пытаюсь успокоить своё учащенное сердцебиение: "Но разве мы не предоставили Интерполу веские доказательства того, что ИГИЛ – это проект, созданный Блэксендом при содействии Ричарда, который хочет подставить за это российское правительство?"

"Мы отправили копию нашего доклада в Интерпол, – подчеркнул Джо, – но я не думаю, что Генпрокуратура получила результаты нашего расследования."

"Чего ты ждешь? Отправь это им", – я потребовал.

"Работаю над этим, – британский хакер ответил спокойно. – Не злись."

"И найди настоящих преступников, – я не мог перестать ходить по комнате. – Если мы не снабдим французскую внешнюю разведку настоящим преступником, то не сможем остановить их обвинения Кремля в происходящем."

"Суд публичный, Джон, это значит, что мировые СМИ будут внимательно следить за ним."

"Каковы обвинения против предполагаемого преступника?"

"Русский парень якобы обезглавил свою учительницу и открыл огонь по офицерам перед тем, как его убили. Все закончилось удобно. Теперь он не может защитить себя в суде."

У меня ужасно болела голова. Я не мог понять, почему Ричард нацелился на Францию. Он никогда не скрывал своей нелюбви ко мне, поэтому неудивительно, что он подставил Россию за создание террористической ячейки ИГИЛ или за попытку уговорить американских генералов на базе ВВС Барксдейл запустить ядерные боеголовки в Москве. Он сделал все это, чтобы наказать меня.

Но зачем нацеливаться на Францию? Я же не оттуда. Я не посещал эту страну много лет.

"Джо, – внезапно сказал я. – Можешь ли ты взглянуть на маршрут путешествия Ричарда и перекрестные ссылки на любое место во Франции?"

Мгновение спустя хакер негромко свистнул: "Как ты догадался?"

"Угадал?" – я повторил.

"Ты знал, что он будет в Париже с дочерью, не так ли?"

"Нет, у меня просто было предчувствие, – я внимательно посмотрел на хакера. – Что ты нашел?"

"За последние три года Ричард семь раз ездил в Париж. Каждый раз его сопровождала дочь и этот человек. Его зовут Джеральд Саркози."

Я узнал фото. Это был парень Ирины.

"Так я провел отдельный поиск. Твоя бывшая, я имею в виду Ирину и Джеральда, ездили во Францию более двадцати раз за последние три года."

"Есть идеи, почему они посещали этот город так часто?"

"Отец Джеральда Саркози - известный бизнесмен. Он также имеет большое влияние в *Национальном собрании*. Это часть французского парламента, – Джо сделал глоток своего энергетика. – О, и парень владеет несколькими поместьями в сельской местности. Спутниковые снимки показывают, что Ирина отдыхает в замке за пределами Парижа. Там присутствует огромная охрана. Джеральд любит оставаться под усиленной охраной."

"Интересно..." – я пробормотал. Я знал, что Ричарду было свойственно убивать или уничтожать любого, с кем спала его дочь. Что если Джеральд Саркози стал его последней мишенью? Ричарду было очень трудно смириться с потерей Ирины из-за кого-то другого. Атака на Францию может быть его способом добиться возмездия.

Я говорил медленно: "Есть только две причины, по которым кто-то поднял бы всю свою охрану: если бы они нашли себе врагов или если бы на них напали."

"Верно, – сказал Джо. – Я проведу поиски, попробую проверить, не подвергалась ли жизнь Джеральда Саркози недавним нападениям. Поехали. Попытка убийства полгода назад. Стрелок был убит, когда мотоцикл, на котором он ехал, столкнулся с фонарным столбом. Машина Саркози взорвалась в прошлом месяце. Его водитель завел зажигание, но машина взорвалась до того, как он смог сесть в нее."

"Классический стиль убийства, – утверждал я. – Это Ричард. Он стоит за всем этим."

"Ты уверен?"

"На девяносто девять процентов, – ответил я. – Так же, Ричард пытался убить меня, когда я встречалась с его дочерью. Он заставил убийцу взорвать мой лодочный домик после того, как я попросил Ирину переехать ко мне. Он также убил ее первого мужа Ноя, затем ее парня Тима, и теперь бедный Джеральд стоит перед лицом его гнева."

"Если ты прав, то доказать это будет несложно, – вдумчиво сказал хакер. – Я отслеживаю все телефонные звонки предполагаемого виновника обезглавливания, сделанные за несколько дней до нападений. Также, если кто-то, связанный с российским подростком, получал большие суммы денег."

"Будет замечательно, если ты сделаешь это." Я натирал висок, пытаюсь облегчить пульсацию, которая пробивала мою голову.

Последнее, что мне хотелось бы, это чтобы Ричард начал очередной крестовый поход против России и подставил российских граждан за такие чудовищные преступления, как обезглавливание и публичные казни.

Мы с Виктором продолжали пытаться спасти людей, чьи жизни были в опасности. Хотя я не всегда мог вовремя добраться до жертв, мне удалось спасти сотни людей. Несмотря на все мои усилия сохранить анонимность, иногда невозможно было скрыть мою настоящую личность от генерального директора технической компании или репортера, лауреата Пулитцеровской премии, или печально известного государственного прокурора. Некоторые из них связывались со мной несколько месяцев спустя, чтобы сообщить, что они приобрели акции своих компаний или коммерческих предприятий от моего имени. Я обнаружил, что владею значительными акциями многонациональных компаний и даже получил прибыль. Огромная часть этого богатства была использована для покупки информации от различных контактов, которые я наладил во время работы в Лагере Полковника, но я также пытался поддерживать благотворительность, которую начал во время моего пребывания в сибирском детском доме. Я знал, что дети, с которыми я рос, до сих пор борются за достойное существование, и сироты, которые сейчас проживают в этих ветхих государственных зданиях, чувствовали себя ничуть не лучше. Каждый месяц я перечислял деньги на счет нескольких доверенных лиц в России, которые использовали их для покупки продуктов питания и медикаментов для тех детей, которые находились в детском доме.

Если бы этого было достаточно, что я не мог дать этим детям то, что они заслуживают, или отплатить моим друзьям за их жертвы и дать им денежную компенсацию за то, что они рисковали своими жизнями, чтобы каждый день спасать людей, но это было не так. Правда в том, что у меня никогда не было достаточно денег, данных или боеприпасов. Часто, для того, чтобы выполнить миссию и полететь в отдаленную часть мира, мне нужен был доступ к небольшому самолету, который можно было бы оснастить всем необходимым, чтобы взломать ближайшие спутники. На моих счетах не осталось бы денег, поэтому мне пришлось занять у Дастина или других друзей и использовать их деньги для завершения миссии. Мои друзья понимали, что я делаю и было приятно осознать, что наше партнерство не было профессиональным коммерческим сотрудничеством, а скорее товариществом.

Когда мой дорогой друг Дастин стал недееспособным, я был убит горем и боялся, что у меня больше никогда не будет шанса познакомиться с кем-то настолько хорошим и верным. Но жизнь преподнесла мне неожиданный подарок. Я познакомился с Джо, британским программистом, который работал в Кальтек и обладал ненасытным любопытством и креативностью. С Джо и Виктором в моей жизни, впервые за долгое время, я не чувствовал себя одиноким.

Вокруг меня были люди, которым я мог доверять и любил их, люди, которые заботились обо мне.

Через месяц

Виктор Шлутер вошел в наш импровизированный офис за несколько минут до восхода солнца. Он был одет в обычное темное шерстяное пальто и с ним рядом была его возлюбленная Шатци. Немецкая волчья собака Сарлоса была спутницей Виктора с момента его приезда в Америку, и мы неохотно позволили собаке стать еще одним членом нашей маленькой команды.

"Завтрак?" – Виктор отдал мне бумажный пакет среднего размера.

Я посмотрел на него, изучая. Никто никогда раньше не приносил мне завтрак.

Я не ожидал, что он будет таким внимательным.

"Это чесночный бублик, – мой немецкий друг улыбнулся слабо. – И черный кофе."

"Спасибо, чувак." – я был тронут.

Виктор передал мне сумку и подошел к своей собаке. Он подарил Шатци маленькую игрушку в форме кости и усадил ее в углу.

"Сегодня утром я получил еще одно предупреждение", – объявил Джо.

Я потягивал кофе, который мне принес Виктор, но бросил напиток, прежде чем подойти к компьютерному столу Джо. Я знал, как нервничает хакер, если кто-то подходит слишком близко с напитком. Его гаджеты были его жизнью, и он был полон решимости защищать их.

"Какая тревога?" – я сказал случайно.

"С тех пор, как ты вышел из секретной тюрьмы, – ответил Джо, не глядя вверх, – я установил программное обеспечение над мировым интернет-трафиком. Оно может следить за множеством вещей."

"Что ищет твое программное обеспечение?" – я спросил.

"Ключевые слова, фразы, – объяснил компьютерный хакер. – Фильтрует электронную почту, текстовые сообщения, закодированные передачи. И когда он идентифицирует угрозу, он уведомляет меня. Согласно моим предупреждениям, эта женщина определенно является мишенью», – он вывел изображение в натуральную величину на экран своего мегакомпьютера.

Я изучил лицо женщины. У нее было мягкое круглое лицо с прямыми светлыми волосами, она была в блейзере с цветочным принтом: "Кто она?"

"Кларисса Шетланд. Она работает старшим техником по генераторам на Берлингтонской атомной электростанции."

Виктор, прокашлявшись, спросил: "Где находится станция?"

"В двух милях к северу от озера Онтарио."

"Это в Канаде?"

"Да, наша потенциальная жертва – гражданка Канады. Она живет в нескольких кварталах от атомной электростанции."

"Есть идеи, почему кто-то хочет ее смерти? – Виктор спросил обычным хриплым голосом. Он смотрел на экран. – Она не похожа на человека, который нажил бы много врагов."

Я обратился к хакеру: "А как же ее прошлое? Кто-то из ее прошлого может хотеть ее смерти."

"Она из Квебека. Училась в Университете Лавала в Квебеке. После окончания с отличием поступила на атомную электростанцию в качестве старшего техника. Не знаю, имеет ли это отношение к делу, но, согласно нашему досье на нее, во время учебы в университете Шетланд была членом белого националистического движения."

"Ты можешь получить удаленный доступ к ее телефону?"

"Уже делаю, – Джо сказал. – Вот. Я клонировал ее телефон. Теперь нам звонят каждый раз, когда звонят ей. Ее сообщения будут также всплывать. Джон или Виктор?"

Я слегка нахмурился: "Все еще есть источник вируса нестабильности, который заразил Уолл-стрит. Тот, который подпитывал гигантский скачок на фондовой бирже. Я еще не сузил круг преступников."

"Ты останешься в Нью-Йорке и узнаешь, кто виноват, – предложил Виктор. – Я поеду в Канаду и постараюсь обезопасить женщину."

Джо кивнул: "Теперь, когда все прояснилось, я начинаю получать информацию. Ее последние смс - они перенаправляются на твой телефон, Виктор. Они пришли от одного из ее коллег с электростанции. Его обновления в Фейсбуке и Твитере показывают, что он – ультраправый пропагандист."

"Он хочет встретиться с ней после работы", – я прочитал сообщение.

"Ничего необычного в том, что коллеги наверстывают упущенное", – заметил Джо.

"Но если кто-то пытается ее убить, мы должны знать кто это и нейтрализовать угрозу, – я сказал, решительно. – Виктор, как скоро ты сможешь быть в Онтарио?"

"К полудню сегодня, – заверил нас бывший немецкий спецназовец. – Я свяжусь с вами, как только угроза будет устранена."

Виктор Шлутер оставил свою собаку под моей опекой, но, несмотря на то, что я позаботился о том, чтобы у меня были все

необходимые средства для ухода за собакой, животное было неспособным к сотрудничеству и беспокойным. На второй день у меня появилось беспокойство по поводу отсутствия аппетита у Шатци, и я позвонила Виктору. Я спросил его, что я должен сделать для его собаки.

Виктор Шлутер не выглядел встревоженным. Он просто попросил меня позвать собаку к телефону. Думая, что это была шутка, я согласился. Виктор говорил со своим немецким волчьей собакой на немецком. В тот момент, когда он произнес слово *Бляйб*, Шатци послушно ударил меня по ногам. Тогда я понял, что собака Виктора понимает только немецкий. Неудивительно, что она была ворчлива и не склонна подчиняться моим инструкциям. Оставшаяся неделя прошла терпимо. Каждую ночь я давал Виктору немного поговорить с ней, чтобы он мог уговорить Шатци ложиться спать.

Виктор вернулся из Канады девять дней спустя. Его миссия заняла больше времени, чем мы ожидали. В рамках своего прикрытия он сумел стать телохранителем Клариссы Шетланд. После того, как Виктор предотвратил третье покушение на ее жизнь и обезвредил нападавших, она была поражена и предложила ему эту работу. Это обеспечило ему подходящее прикрытия и позволило остаться поблизости и защитить ее. Виктор сопровождал техника на ее рабочее место на Берлингтонской атомной электростанции и позаботился о том, чтобы она была цела и невредима.

Охраняя ее, Виктор узнал, что женщина стала мишенью, потому что пыталась предотвратить несанкционированную передачу данных, которая должна была просочиться на чужой сервер. Двое ее коллег пытались похитить ее, но бывшему оперативнику КСК это удалось предотвратить. Мы были рады, что смогли спасти жизнь другого человека, и я был благодарен за то, что Виктор был со мной, он взял на себя частичную ответственность за, казалось бы, недостижимую цель по обеспечению безопасности миллиардов мирных жителей.

Пять недель спустя я получил сообщение на свой давно забытый электронный адрес. Я использовал его только один раз во время операции в районе Панков Восточного Берлина. Полковник послал меня, чтобы устранить угрозу, но в итоге я спас жизнь цели и снабдил его документами и проездными документами. Цель также запомнила и адрес электронной почты. Я сказал ему использовать его на случай, если я ему понадобится. Сегодня появилось сообщение, и я знал, кто отправитель.

"Мне нужно, чтобы ты пропустил это через программу распознавания лиц."

"Кто это?" – хакер перестал жевать жвачку и продолжал набирать команды на клавиатуре.

Я тщательно подумал, прежде чем ответить: "Друг, которому нужна помощь."

Калифорнийский выпускник кивнул: "Локация уже в пути. Проверь свою электронную почту."

"Спасибо."

Тем временем Джо распечатал еще один лист бумаги и передал его мне. На нем было одиннадцать имен.

"Что это?" – я попытался найти знакомые имена, но все они оказались случайными.

"Я использовал цифровую проверку личности моего приложения для проверки и пометил этих людей. Они находятся в серьезной опасности."

"Все?" – я сказал, с недоверием. – Ты можешь быть более точным?"

"Боюсь, что нет. Их происхождение полярно противоположное. У меня могут уйти дни, чтобы составить профиль личности каждого из них. И даже если бы я это сделал, вы с Виктором сможете охватить только двоих из них. Кто будет защищать остальных?"

"Хороший вопрос, – сказал я и положил полицейский значок на стол. – Отдай это Виктору, когда он придет. Он будет детективом полиции Нью-Йорка в течение следующих семидесяти двух часов."

"Откуда у тебя это?" – Джо выпалил.

"Скажем так, у меня был друг в участке, который был должен мне услугу. О, не забудь отдать список Виктору. У него будет достаточно ресурсов, чтобы защитить этих ребят."

"А ты?"

"А как же я?" – я ответил, слегка с раздраженной задержкой.

"Ты рано уходишь, – Джо сказал остроумно. – Я просто подумал, что это странно."

"Нужно кое-что сделать. Не волнуйся. Со мной все в порядке."

"Привет, Слава!" – я обменялся приветствиями с Вячеславом Пузановым, моим старым другом из России.

"Ах, я думал, когда же увижу тебя", – красивый, седовласый мужчина средних лет тепло пожал мне руку, прежде чем провел меня в свой кабинет.

Последнее десятилетие он был независимым консультантом Федеральной службы безопасности и помогал мне в разрешении ряда дел в Агентстве.

Я кивнул: "Я видел объявление в номере *"Красной Звезды"* на этой неделе. У тебя неприятности, друг мой?"

"Лично? Нет, – Вячеслав внезапно нахмурился. – Но мне нужны были твои знания. Если быть точным, СВР нужны ответы."

"СВР? – я повторил. – Тебя уже повысили до внешней разведки России? Я должен поздравить тебя."

Вячеслав грустно улыбнулся: "Я здесь по работе. Произошёл инцидент."

Я не мог скрыть любопытство на своем лице.

"Юрий Решетников, агент СВР, был найден мертвым в своем кабинете, в него несколько раз стреляли, а именно в спину, – Вячеслав с тяжестью говорил. – Это огромная потеря для России."

"Они нашли преступника?"

Вячеслав покачал головой: "*Спецгруппа А* ведет расследование. Один из их агентов обнаружил тело."

"Я никогда не слышал об этой группе."

"Это самостоятельная подгруппа центра специального назначения ФСБ. Американцы посчитали бы это оперативной группой по борьбе с терроризмом."

"У ФСБ нет зацепок?"

"Да, но, как ты знаешь, американская бюрократия может быть очень жестокой, поэтому наше расследование зашло в тупик, – Вячеслав вздохнул. – Я знаю, что у тебя все еще есть контакты в Агентстве. Это будет много значить для нас, если ты расследуешь убийство и дашь нам знать. Его семья нуждается в закрытии этого дела."

"Семья?"

"Да, Юрий оставил жену и девятнадцатилетнюю дочь. В этом году она начинает учебу в университете."

"Где они?"

"Под арестом ФБР. Видишь ли, в этой части нет смысла. За день до смерти Юрия он вошел на свою веб-страницу СВР и использовал свои коды доступа для загрузки серии данных. Большая их часть была зашифрована, но у нас есть отрывки. Он искал все тайные места расположения тюрьмы вдоль восточного побережья. За несколько часов до того, как его застрелили, он также оставил сообщение своему брату, который является моим коллегой в ФСБ."

"Что Юрий сказал брату?"

"Сообщение было загадочным, но мы его расшифровали. В нем упоминается, что его жену и дочь держали на секретной базе ЦРУ, и он разрабатывал план, как их вытащить. Дважды он упоминал женщину. Привлекательную брюнетку, которая обещала освободить его семью, если он даст ей список мест, – Русский агент выглядел расстроенным. – Мы не понимаем, зачем ему врать собственному брату."

"Подожди. Ты хочешь сказать, что семья Юрия никогда не была в тюрьме ЦРУ?"

"Никогда. Они были под стражей в ФБР. Но после его смерти."

"Где они были до этого?"

"Я лично допрашивал жену Юрия. Она сказала, что женщина, американка, представилась агентом ФБР и сопровождала их в безопасное место и сказала, что это конспиративная квартира для защиты свидетелей. Женщина обещала им, что они смогут вернуться домой через день, но не смогла ни с кем связаться в эти часы. Я думаю, что кто-то из правительства США как-то связан со смертью Юрия. Мне нужно знать, кто и почему его убили."

"Я займусь этим, Слава", – я обещал своему другу.

Когда я вернулся в компьютерную лабораторию Джо, он готовил набор удостоверений личности для Виктора.

"Как прошла твоя поездка?" – хакер хотел узнать.

Я передал ему подробности расследования и попросил собрать записи камер видеонаблюдения всех сотрудников и посетителей офиса Юрия Решетникова.

"Расследование убийства русского шпиона? – Джо спросил. – Разве это не то, с чем ФБР должно было справиться?"

"Внутри Бюро может быть крот, – сообщил я ему. – Я делаю это в качестве одолжения. Кроме того, что-то не так со всем этим сценарием. Зачем американскому агенту лгать офицеру ФСБ о местонахождении жены и дочери и убеждать его красть данные из Центрального разведывательного управления?"

Компьютерный эксперт глубоко нахмурился: "Ты сказал, что они искали местоположение всех тайных мест вдоль Восточного Побережья?"

"Да, – я ответил медленно. – О чем ты думаешь?"

"Думаю, лучше всего начать с того, чтобы узнать, кого там держат."

Мой мозг стремился уловить его мысли: "Хорошо. Мне нравится, твоя идея. Кто-то, связанный с одним из высокопоставленных незарегистрированных задержанных, может стоять за этим трюком. Джо, ты можешь исключить ЦРУ. Офицеры Агентства будут иметь контакты в местах заключения, потому что большинство секретных объектов на территории США контролируются непосредственно подразделениями ЦРУ, занимающимися черными операциями. Остаются старшие агенты ФБР, руководители элитных тактических подразделений и даже заместитель директора."

"Хорошо, это займет некоторое время. Я проверю их алиби на время убийства и проверю, есть ли у кого-нибудь друзья или родственники на одном из скрытых мест."

Пока Джо говорил, на верхней части экрана его компьютера мигали несколько красных блоков с предупреждением. "Что это?"

"Тревога, – Джо взглянул на экран. – Подожди. Спутник, который я перехватил в Иллинойсе, перехватил сигнал бедствия недалеко от западного района Чикаго."

"Увеличь", – я призвал его.

"Там. Ничего особенного, кроме одной структуры. Это какой-то склад. Что в нем такого особенного?" – компьютерный программист вслух удивлялся.

Я не ответил.

Я видел эти сооружения раньше. Это был один из тех секретных объектов, где против их воли содержатся американцы, обвиняемые в терроризме. Задержанные содержатся в кандалах в течение длительного времени и лишены доступа к основным конституционным правам. Я знал, потому что был в одном из них.

Я сделал короткий телефонный звонок своему знакомому в Агентстве. Он подтвердил мои подозрения. Произошёл побег из тюрьмы. Незарегистрированный задержанный сбежал с секретной тюрьмы в Чикаго.

Мой друг из АНБ подтвердил личность заключенного. Это был Ричард!

Отчим Ирины сбежал. Ему помогли извне. Семь офицеров ЦРУ были убиты. Велась масштабная охота, но следов беглеца не обнаружили.

Я знал, что если бы Ричард был таким же изобретательным, как раньше, ЦРУ никогда бы не смогло его найти. Он оказался на удивление неуловимым. Смерть Юрия Решетникова тоже имеет смысл. Кто-то из Бюро использовал российского агента СВР, чтобы получить планы всех секретных тюрем в США, чтобы вытащить Ричарда из-под стражи правительства.

Я провел мозговой штурм, кто мог вытащить Ричарда из охраняемого объекта, но никто из подозреваемых не пришел в голову. Потом в моей голове завязалась полемика. Это был телефонный звонок. От Ирины. Она позвонила по моему старому номеру, который был официально отключен, но все равно был перенаправлен на мою личную линию. Я не мог понять, почему она вдруг связалась со мной. Наши отношения зашли в тупик после того, как я сбежал с секретной тюрьмы. Мне было трудно простить, что она предала меня и передала Агентству, несмотря на то, что я говорил о своей невинности и заверял ее, что меня подставили за взрывы.

Ирина, конечно, не поверила мне и держала меня под прицелом, пока агенты МНБ не сопроводили меня к объекту содержания незарегистрированных задержанных. Там начались пытки. Это были худшие месяцы моей жизни. Я погряз в жалости к себе и страхе, но каким-то образом не чувствовал никакого гнева по отношению к любимой Ирине. Я знал, что она все еще любит меня, и именно ее

чувство строгой праведности заставило ее так поступить. Она всегда следовала правилам и подчинялась приказам. Я ценил тот факт, что она была готова сдать меня, человека, который любил ее безоговорочно, только потому, что она верила, что я преступник. Ирина была хорошим человеком с ангельским сердцем. Но часто она становилась жертвой манипуляций своего отца и принимала решения, которые причиняли вред ей или тем, кого она любила.

В секретном объекте, где меня содержали, я оставался в здравом уме, думая о любви Ирины и чувствах друг к другу. Годы мы были неразлучны. Когда я приехал в Америку, именно огромное обаяние и необыкновенная грация Ирины привлекли мое внимание к ней и заставили влюбиться.

Когда я ответил на звонок Ирины, я не знал, что сказать. Я почувствовал гнев, вину, любовь и ненависть сразу. Ее отец находился под опекой Министерства юстиции в течение двух месяцев, и мы почти не поддерживали связь, кроме как однажды встретились в зале для совещаний АНБ. Ирину сопровождал человек, который выглядел смутно знакомым.

Саймон Девлин. Он работал в секретных службах Агентства и был начальником группы допросов в следственном изоляторе "Эхо", одном из самых известных секретных объектов, построенных ЦРУ. Там же, где я находился в плену в течение всего срока заключения. Именно Девлин лично наблюдал за пытками и приказывал своим людям применить ко мне все усиленные методы допроса, применяемые ЦРУ. Это включало – но ни в коем случае не ограничивалось – содержание в карцере, стрессовые ситуации, белый шум, пытка водой и лишением сна.

По этому случаю я временно оставил умиления и оттянул ее в сторону. "Что ты с ним делаешь?" – я гневно прошептал, подёргивая голову в сторону Девлина.

"Это Саймон. Он пригласил меня на свидание, – Ирина быстро моргнула. Ее глаза все еще были полны жизни и выглядели великолепно для ее возраста. Она выглядела так же, как я помню много лет назад, за исключением того, что в возрасте пятидесяти четырех лет эти прекрасные глаза украшала немного мелких морщинок, а широкие щеки немного провисли из-за возраста. Ирина все еще разговаривала со мной. – Я подумала, что мне нужно пойти куда-нибудь... чтобы забыть обо всем..."

Я понизил голос и прошептал с жалостью: "Ирина, как ты вообще могла согласиться пойти с ним на свидание? Саймон Девлин был тем, кто санкционировал пытки. Он отдавал приказ другим следователям морить меня голодом неделями. По его приказу я был заперт в отдельной бетонной коробке на несколько дней. Он больной. Как ты могла быть с ним после того, как увидела, что он со мной сделал?"

"Саймон упомянул тебя, но сказал, что лично никаких ударов током не совершал."

"Девлин приказал это сделать и дал добро", – я сказал прямо.

"Джон, он выразил сожаление. Я знаю, что этого недостаточно, но Саймон делал свою работу. Он неплохой человек."

"Я не могу в это поверить", – мое горло так болезненно сжалось, что я не мог сформулировать ни одного слова.

"Слушай, я знаю, тебе тяжело, – Ирина смягчила свой тон. – Но Саймон сказал, что любит меня. И с тех пор, как папа попал на секретный объект, я почувствовала, что присутствие Саймона помогает мне понять, каково это. Он знает, как работают секретные тюрьмы. Он был мне нужен, Джон."

Я кивнул, не мог больше говорить и вышел из зала для совещаний.

Я не ожидал, что она свяжется со мной через несколько недель после этой встречи.

Теперь, когда она была связи, прошлые воспоминания затопили мой разум. Я крепко держал мобильник, что мои побелели. Мне удалось выговорить: "Как ты?"

"Со мной все в порядке, я думаю, – Ирина говорила милым голосом. – Джеральд, тот, с кем я встречалась – он хороший человек и заботился обо мне."

Она имела в виду своего последнего парня, Джеральда Саркози, французского офицера разведки, базирующегося в Лос-Анджелесе. "Теперь мы счастливы. Но я скучаю по папе."

"Ричард должен ответить за свои преступления, Ирина. Ты видела его на слушании, не так ли? Он признался в убийстве десятков агентов ЦРУ. Он сказал, что стоял за нападением на здание ФБР в Ганновере. Он заслуживает того, чтобы его посадили."

Ирина громко вдохнула. Я думал, она плачет. "Я знаю, что мой отец сделал много ужасных и непростительных вещей, с американскими гражданами, с тобой. Но он любил меня, и он все еще любит меня, Джон. Я не могу просто сидеть здесь и позволить ему гнить в тюрьме."

"Он предстанет перед справедливым судом, – сказал я вежливо. – Слушай, когда ты передал меня ЦРУ, они бесконечно пытали меня."

"Пожалуйста, Джон, я сделала это только потому, что думала, что ты на самом деле виновен за ночной клуб Орландо, стрельбу в Париже. Папа показал мне улики."

"Я знаю, я знаю это. И я не виню тебя за то, что ты пытаешься сделать то, что считаешь правильным. Но ты должна знать, что меня били током и пытали водой столько раз, сколько ты не сможешь представить. Знаешь, почему? Потому что я был русским. Правительство классифицировало меня как врага. Они сказали, что у

меня нет прав. Никакой личности. У меня не было ни открытого слушания, ни справедливого суда. У меня даже не было доступа к адвокату. У Ричарда гораздо больше привилегий, чем у меня когда-либо было. Это он подставлял меня за свои преступления. Я бы его не жалел", – я сказал с уверенностью в голосе.

"Подожди, Джон, мне действительно нужно было сказать тебе это. Я говорила с Минюстом. Сделка отца о признании вины может и не сработать. Заместитель генерального прокурора был довольно ясен в этом. Он сказал мне, что они могут добиваться смертной казни", – голос Ирины дрожал.

"Прости, – сказал я через минуту, – но я не знаю, чем я могу помочь."

"Мне нужно вытащить его оттуда, Джон", – настаивала она.

"Ирина, это *ты* хотела сдать Ричарда. Ты знала о его преступлениях, о том, как он причинял боль невинным людям. Как ты вообще можешь думать о нарушении по крайней мере пятнадцати федеральных законов, чтобы вытащить осужденного террориста?"

"Он мой папа, – умоляла Ирина. – Я думала, что сделка о признании вины защитит его от обвинения, но я ошибалась. Мы с Джеральдом Саркози говорили об этом. Он хочет встретиться с моим отцом до... пока не поздно."

"Даже если бы я хотел помочь тебе, Ирина, – ответила я, – я не смог. Невозможно вытащить кого-то из скрытой тюрьмы. По двум причинам Первая – никто не знает, в каком месте задержанного допрашивают. Вторая – эти объекты усиленно охраняются и имеют многочисленные подземные секретные комнаты, которые запечатываются в случае попытки проникновения по периметру."

Ирина поблагодарила меня и бросила трубку.

Я немного думал об этом разговоре, но теперь, когда Ричард сбежал из-под стражи ЦРУ, я начал рассматривать возможность того, что она каким-то образом связана с его побегом из тюрьмы.

Я набрал личный номер Джо и оставил сообщение. Я попросил хакера отследить движение Ирины за последнюю неделю, включая время убийства Юрия Решетникова. Не было похоже на совпадение, что российский агент СВР был убит только через день после того, как он загрузил информацию о местонахождении секретных тюрем ЦРУ. Кстати, месторасположение секретного объекта, в котором содержался Ричард, также было в этом списке.

Хакер вернулся ко мне с информацией раньше, чем я ожидал.

"Ты захочешь присесть", – объявил хакер.

"Просто скажи мне, что ты нашел."

"Ну, я отследил всю электронную почту Юрия Решетникова, телефонные звонки и отследил всех посетителей, которые были у него

за неделю до смерти. Я нашел человека, привлекательную американку, о которой Юрий рассказывал брату", – Джо кликнул на маленькое изображение и увеличил его на экране.

Это были Ирина и русский агент. Похоже, они держались за руки.

"Ты уверен, что это она? Ирина?"

Джо прикусил губу и провел пальцами по экрану: "За день до этого. Здесь я взял на себя смелость сделать снимок со скрытой камеры в спальне Юрия. Похоже, у твоей девушки был серьезный роман с агентом СВР."

"Это бессмысленно", – пробормотал я.

"Для меня это совершенно логично, – ответил Джо. – Твоя девушка хотела вытащить своего отца из тюрьмы, верно? Но она из ФБР и не имеет доступа к серверам Агентства, так к кому же она пойдет? К русскому агенту, который может использовать свои ресурсы СВР для доступа к базе данных Антитеррористического центра агентства. Вероятно, она целуется с ним, чтобы подобраться поближе и убедить его получить разведданные; точные местоположения и чертежи секретных объектов ЦРУ – все, что ей нужно, чтобы вытащить его".

"Нет, Ирина не такая. Она не из тех женщин, которые используют людей. Она..."

"Я знаю, что у вас двоих есть история, но фотографии не врут, Джон."

"Я не знал, что она так отчаянно хотела вытащить Ричарда из тюрьмы", – тихо заметил я.

"Кстати об этом, – остановился Джо, – Возможно, у меня есть идея, почему".

"Надеюсь, ты не собираешься бросать еще одну необоснованную теорию", – сказал я, рухнув на один из его надувных диванов.

"Я проверил опечатанные файлы Министерства юстиции на Ричарда. Похоже, они всерьез задумывались о смертной казни".

"Ты уверен?"

Джо кивнул: "Я нашел копию последнего завещания Ричарда. Это стандартная процедура для заключенных, приговоренных к смертной казни. У заключенных есть возможность назначить исполнителей, опекунов для своих несовершеннолетних детей, а также указать, какие бенефициары должны получить какие части их имущества".

"Полагаю, ты просмотрел файлы Ричарда?"

"Да, но я был немного сбит с толку. У него было два отдельных завещания. Одно до ареста. И одно он составил две недели назад."

"Что он изменил?"

"В его предыдущем завещании он хотел оставить все поместье своей дочери Ирине. Я не знал, что этот старик настолько богат. Его состояние оценивают в более двух миллиардов евро".

"А какие изменения?"

"В финальном завещании он исключил имя Ирины. Теперь все принадлежит нескольким сотням организаций, благотворительных организаций и банков. У старика произошла резкая смена".

"Это странно, – сказал я медленно. – Ричард любил Ирину – я никогда в этом не сомневался, но зачем ему убирать ее из завещания?"

"Знает ли он, что из-за его дочери его арестовали?" – Джо спросил.

Я кивнул: "Ирина убедила Ричарда сдаться. Она лично отвезла его в офис генерального прокурора".

"Ну, это объясняет, почему папа разозлился на малышку. Когда он понял, что приговорен к смертной казни, он не хотел отдавать все свое богатство той, кто отправила его на виселицу."

"Ирина не виновата. Она думала, что поступает правильно."

"Да, я уверен, – пробормотал хакер. – Как только твоя девушка узнала, что ее папа удалил ее имя из завещания, она решила освободить его. Если бы он умер, она бы ничего не получила. Ни цента".

"Да ладно, Джо, ты не знаешь Ирину так, как я, – я запротестовал. – Она бы сделала это не ради денег. Я верю, что Ирина любила своего отца и хотела вытащить его. Точка."

Джо не спорил со мной после этого.

Хакер был смышлёным, но он никогда не мог понять Ирину. Она была сложной женщиной, сердце которой было полно неограниченной любви. Я восхищался ее преданностью отцу. Я знал, что она не была материалистом. Ирина, которую я знал, не заботилась о богатстве и власти. Она заботилась только о любви. Я знал, что если она вытащила Ричарда из тюрьмы, то это было потому, что она верила, несмотря на все его зло, что он любил ее.

Джо, возможно, был частично прав. После того, как Министерство юстиции одобрило смертный приговор Ричарда, он, наконец, отказался от своей настойчивой одержимости Ириной и решил оставить ее. Перед датой казни адвокаты Ирины проинформировали ее о последних событиях и она поспешила составить план по его освобождению из-под стражи ЦРУ. Возможно, Ирина хотела спасти Ричарда и реабилитироваться в его глазах и опять стать единственной наследницей, но я тоже считаю, что это был акт благотворительности. Она хотела получить деньги не для себя, а для своих детей. Я знал, что, по крайней мере, двое из ее детей живут с ней или живут в поместье, принадлежащем ей. Она была яростно защищающей и любящей мать и сделала бы все, чтобы дать своим детям лучшую жизнь.

Еще в 1995 году, когда меня ложно обвинили в непредумышленном убийстве и посадили в камеру смертников, мы с

Ириной поддерживали связь посредством писем и периодических посещений. Вскоре после этого моя судьба изменилась. Казалось, что будущее преподнесло мне сюрпризы, и я смог вернуться в объятия Ирины, невинный и живой.

Спустя много месяцев после того, как меня оправдали и отпустили, Ирина отвезла меня в детский сад, расположенный рядом с ее домом. Близняшки лежали в красивой кроватке. Красивые девочки выглядели не старше шести месяцев. Когда я спросил Ирину, чьи это дети, она расплакалась и рассказала, как забеременела во время моего отсутствия, и решила оставить малышей, потому что думала, что меня все равно казнят. Она родила близнецов за несколько дней до того, как меня выпустили из федеральной тюрьмы. Когда я захотел узнать, кто отец, Ирина заявила, что однажды ночью пошла в бар и в пьяном бешенстве оказалась на заднем сиденье машины бармена и забеременела. Я был немного удивлен, потому что это было не похоже на мою Ирину, чтобы она проводила бы ночь с незнакомцами, поэтому я посмотрел на нее с недоверием. В конце концов, она призналась, что потеряла сознание той ночью. Через несколько недель она почувствовала себя плохо и пошла к врачу, который подтвердил ее беременность. Врачи также сказали, что аборт очень рискован и она может умереть.

Ирина была очарована своими младенцами, и я гордилась тем, насколько преданной матерью она была. Но в моей голове постоянно царил неудержимое беспокойство. Кто был отцом детей? Ирина не помнила, что она действительно занималась сексом, она просто предполагала, что все-таки что-то было.

А если бы было другое объяснение? Я вытащил два ватных тампона из кармана и обмакнул их рты ватными тампонами. После запечатывания в пробирку я отправил образцы ДНК в частную лабораторию вместе с другим результатом анализа, который я сделал несколькими годами ранее. Я получил результаты теста ДНК на отцовство в течение трех рабочих дней.

Было совпадение. Результаты показали, что Ричард был биологическим отцом детей. Я знал, что ранее Ричард извлекал яйцеклетки у своей падчерицы и оплодотворял десятки из них с помощью экстракорпорального оплодотворения. Он нанимал многих местных и иностранных женщин в качестве суррогатных матерей, но скрывал этих детей от Ирины. Когда я обнаружил медицинскую лабораторию, где проходила эта странная практика, я был ошеломлен. Я взял Ирину с собой и показал ей эти ясли. Подземная лаборатория также была заполнена инкубаторами и трубками. Один из техников признался нам, что в настоящее время они оплодотворяют еще одну партию зрелых яйцеклеток специфической спермой, которая у них хранится. Ирина была настолько взбешена этим актом, что уничтожила

всю лабораторию, чтобы предотвратить использование ее яйцеклеток таким преступным образом.

По этому случаю я скрытал от нее результаты теста на отцовство. Я знал, что для Ирины будет больно узнать, что человек, которого она считала своим отцом всю жизнь, на самом деле использовал ее ДНК для отцовства своих детей. Я сказал Ирине, что у нас нет положительного заключения о том, кто отец, но она увидела отчет лаборатории, который подтвердил, что эти дети в детском саду на самом деле были ее биологическими детьми. Я в деталях опросил Ирину о том, как кто-то мог забрать ее яйцеклетки без ее ведома, и она предположила, что это может быть связано с операцией, которую она должна была пройти по указанию семейного врача, который сказал Ирине, что ее яичник нуждается в частичном удалении. Очевидно, что Ричард использовал операцию на яичнике Ирины как предлог, чтобы сделать возможным это суррогатное рождение детей.

Однако инцидент 1995 года был для меня более шокирующим, потому что на этот раз ее отчим не просто использовал ее яйцеклетки для ЭКО, а имел наглость фактически ввести свою сперму в ее организм и заставить ее проходить через опасную беременность, на которую она никогда бы не согласилась.

После моего освобождения из тюрьмы я был обеспокоен одержимостью Ричарда Ириной, но я также понимал, что он слишком сильно ее любит, чтобы отпустить. Он видел во мне врага, потому что чувствовал, что я лишаю его радости, уехав со его падчерицей, он всегда настаивал, что это его собственное дитя. Вместо того, чтобы ненавидеть Ричарда, я пыталась понять его. Годами старик занимался разведкой. Много раз его арестовывали и пытали иностранные и отечественные спецслужбы. Многие из его старых друзей и коллег предали его. Когда мать Ирины оставила его всего через пять лет после их свадьбы, Ричард был опустошен. Он часто рассказывал мне истории о своей покойной жене Екатерине. Ричард рассказывал мне, как его любовь к Екатерине перешла к Ирине, гордость и радость его жизни. Он был жив благодаря этой девушке. Я не сомневался, что он любил ее, и теперь, видя, как долго Ирина добивалась его освобождения из тюрьмы, несмотря на полное осознание его вины, я не был возмущен, что она была ему так предана.

Близняшки, которых она родила в начале 1996 года, уже ходили в колледж. Их образование, должно быть, стоило целое состояние. Я знал, что Ирина захочет позаботиться о своих детях и обеспечить им финансовую безопасность. Если бы она считала, что Ричард вернет ей место наследника своего огромного состояния, то кто мог бы винить мать за то, что она сделала все, что в ее силах, чтобы завладеть этими деньгами? Я был уверен, что она также пыталась обеспечить всех

суррогатных детей, которые родили детей от ее ДНК. Это было дорогостоящим делом.

Она была хорошей матерью. Я не могла ее за это наказать.

Я решил не преследовать Ирину и занялся спасением жизней мирных жителей американских городов, которые находились в опасности.

Виктор Шлутер все еще был в Канаде, когда еще одна крупная террористическая атака потрясла нацию. В течение шести дней в трех штатах прогремело три взрыва и состоялась смертоносная перестрелка, и мой компьютерный эксперт подключился к записям камер безопасности и указал мне, что предполагаемый стрелок, который был убит в ходе последовавшей перестрелки, на самом деле был ветераном вооруженных сил Соединенных Штатов Америки.

"Откуда ты это узнал?" – я спросил британского хакера.

"Я пропустил его фотографию через программы распознавания личности, к которым у меня есть доступ, и результат был тот же", – ответил Джо.

"Ты нашел его настоящее имя?"

"Это Кристофер Росс. Армейский капрал. Отслужил два срока в Афганистане. УВБ от взрыва СВУ."

"Убит в бою? – я повторил свой вопрос. – Ты уверен в этом?"

Джо кивнул: "Абсолютно. Но это официальная история.

Очевидно, Кристофер Росс умер не в Кабуле, потому что на этой фотографии он застрелил трех полицейских в Лос-Анджелесе".

"Но глаза у него стеклянные, – прокомментировал я, изучая видеозаписи перестрелки. – Росс смотрит в сторону. Могут ли его действия быть результатом посттравматического стресса?"

"Сомневаюсь, – мгновенно ответил Джо. – Его военный послужной список был звездным. В его армейском досье сказано, что он был образцовым новобранцем, без истории неподчинения. И даже если бы ты попытался объяснить его перестрелку как поединок ПТСР, что насчет Джереми Хайнса, Мичиганское телевидение сообщило о том, что он был убит при пожаре девять месяцев назад. Его тело так и не нашли, но государство признали его мертвым. Джереми Хайнс находился под стражей в компании «Норфольк Динамикс» в течение шести месяцев и получил психологический ущерб в результате несанкционированных химических экспериментов. Вот где он появился. Это было снято в апреле. Парень поджигает Национальный парк Лафайетт в Висконсине. Две сотни-семьдесят акров леса сгорели в этом обширном лесном пожаре".

"Зачем академику сжигать национальный парк? – я задавался вопросом вслух. – В этом нет никакого смысла".

"Это потому, что он был запрограммирован."

"Запрограммирован? Как?"

"Я выяснил медиков, которые спасли Росса с поля. Они работали на частную исследовательскую компанию «Норфольк Динамикс». Сотрудников той же компании первыми допрашивали, когда Джереми Хайнс погиб в том пожаре".

"Истинный вопрос должен заключаться в том, почему «Норфольк Динамикс» использовала обычного журналиста вроде Хайнса, чтобы разжечь лесной пожар, который разрушил бы сотни акров?"

"Сомневаюсь, что у «Норфольк Динамикс» есть что сказать по этому поводу. Это машиностроители, производители оружия - они создают солдат, программируют их на убийства и продают свою продукцию тем, кто больше заплатит".

Я не мог скрыть своего удивления: "Джо, откуда ты все это знаешь? Я думал, ты только начал расследование этого инцидента".

"Ну, я взял на себя смелость связаться с Виктором. Понимаешь, он уже был в Канаде, поэтому я попросил его осмотреть объект недалеко от пограничного перехода Северной Дакоты, потому что один из стрелявших был одет в рубашку, купленную в супермаркете в Эстеване, городе, который находится всего в восьми милях к северу от канадско-американской границы. Я предположил, что он жил там".

"Ты хорошо справился, — я похвалил молодого хакера. — Что Виктор узнал после осмотра канадского объекта?"

"«Норфольк Динамикс» находится в Саскачеване, Канада, и именно там они проводили подопытных - фактически, заключенных. Виктор нашел доказательства того, что Кристофер Росс и Джереми Хайнс содержались в этой лаборатории до отправки в США. Они были проданы отдельным покупателям".

"Покупателям? — я спросил. — Кто были покупатели?"

"Они работают как современный рынок рабов. «Норфольк Динамикс» продаёт свою продукцию. Клиентами являются предприниматели, политики, контрабандисты наркотиков или оружия - список их клиентов огромен. Но говорят о том, что они не продают свою продукцию всем, только тем, кого они могут лично проверить, разрешается подавать предложения в рамках закрытой системы торгов. И, конечно же, эти они изготавливаются на заказ, с учетом потребностей покупателей".

"Ты упомянул, что несколько солдат были спасены из тюремных камер Норфолька. Они все погибли от взрывов СВУ?"

Британский хакер сделал паузу: "Большинство погибли. Их национальности кардинально разные. Согласно журналу учета, который Виктор восстановил с жесткого диска на канадском предприятии, «Норфольк Динамикс» продала субъект покупателю из Мадрида".

"Когда?"

"Дата продажи - 3 марта 2004 года. Неделей позже была взорвана серия бомб через систему пригородных поездов Cercanías в Мадриде. Официально ответственность на себя взяла некая ближневосточная террористическая сеть, но эти файлы доказывают, что компания "Норфольк Динамикс" была лично ответственна за создание и доставку предполагаемого террориста или злоумышленника в Испанию. Подопытным был сорокалетний мужчина, который предположительно погиб в результате взрыва СВУ в Багдаде годом ранее".

"Ты нашёл всё это на жёстком диске?" – я хотел убедиться.

"Из того, что осталось от их компьютерной системы, – сказал хакер с недовольством. – Когда Виктор ворвался на объект "Норфольк Динамикс", они поняли, что игра окончена, и в спешке покинули это место, уничтожив все улики за собой. К счастью, Виктор спас поврежденные жесткие диски и отправил их мне по почте".

"Была какая-нибудь конкретная причина, по которой жертва-субъект в Багдаде погибла от СВУ?"

"Взрывы СВУ были идеальным прикрытием для них. Это усложняло задачу медиков по восстановлению частей тела, а сотрудники "Норфольк Динамикс", одетые в униформу, на месте происшествия спешно извлекали фактически тела и оставляли следы ДНК для спасательной команды".

"А как же все солдаты, которые также были убиты в этих нападениях на СВУ? Если военные объявили их умершими, на каком основании они делали такие объявления?"

"Они идентифицировали жертв по образцам зубов и тканей, которые жулики "Норфольк Динамикс" оставляли для них. За последние два года коалиционные силы понесли восемнадцать жертв - все от взрывов СВУ".

"Это значит, что у "Норфольк Динамикс" есть по крайней мере дюжина дополнительных пациентов для экспериментов. Нам нужно найти их базу. Соедини меня по прямой линии с Виктором", – я проинструктировал своего хакера.

Джо поспешил подчиниться и позвонил Виктору по защищенной линии.

Я поблагодарил своего немецкого друга за то, что он взял на себя такой колоссальный риск и нейтрализовал незаконный объект вблизи американо-канадской границы, но Виктор отбросил мою благодарность и сообщил, что он получил жизненно важную информацию от лаборанта, который работал на этом объекте.

"Это была не единственная лаборатория, которую построила эта компания, Джон, – предупреждал меня бывший немецкий спецназовец. – Когда я проник на объект в канадском городе, я обнаружил тщательно замаскированные фото-ловушки с датчиками

движения по периметру, которые были установлены для захвата нарушителей. Это было неприятно, но ловушки застопорили меня. Я видел, как мужчина бежал через потайной желоб. Я не смог его поймать, но смог сфотографировать. Его изображение было передано вам с Джо. Лаборант, которого я допрашивал, сказала мне, что он отвечает за подопытных, так что мне нужно задержать его и задать вопросы".

Я кивнул Джо и попросил его отследить пропавшего человека, о котором упоминал Виктор. Минутой позже Джо распечатал лист и положил его на стол. Это была фотоснимок человека по имени Тейлор Стоукс.

"Где сейчас Тейлор Стоукс?" – Виктор спросил.

Джо ответил: "АНБ передало его ФБР".

"ФБР?"

"Он был схвачен на американской земле, – объяснил я своему другу, – так что это их юрисдикция. Очевидно, после побега от тебя Стоукс пересек границу с США."

"Федеральные агенты обвиняют его в чем-нибудь?"

"Да, – сообщил ему Джо. – Тейлор Стоукс будет обвинен более чем по шестидесяти статьям, начиная с взяточничества и секс-торговлей и заканчивая изнасилованием первой степени и похищением людей. В мире будет на одного плохого парня меньше, потому что он точно проведет остаток жизни за решеткой".

"Это не возвращает жизни, которые он забрал, – Виктор сказал тихо. – Десятки жертв, которые потеряли воспоминания, навсегда забыли себя, их жизнь никогда не будет прежней".

"Надеюсь, при правильной терапии, они восстановят прошлые воспоминания, – Джо попытался показать весёлое лицо и обратился ко мне. – Разве тебя тоже не похищали? У тебя не было много воспоминаний о том времени, но в конце концов, ты восстановил воспоминания?"

"Я был другим. Когда я был на советском Лагере, Полковник регулярно подвергал новобранцев гипнозу, чтобы научить нас выдерживать промывание мозгов. У меня была встроенная защита".

Голос Виктора прозвучал из телефона: "Что случилось с другими субъектами, которые "Норфольк Динамикс" продала недавно?"

Джо ввел несколько команд на своем компьютере перед тем, как ответить: "Я не знаю, насколько это можно считать недавно, но одна из их жертв появилась после исчезновения в течение одиннадцати месяцев, субъект выстрелил в сенатора штата в упор. Шериф разоружил его и взял под стражу, но мужчина начал утверждать, что не помнит инцидента со стрельбой. Он понятия не имел, зачем он пытался убить человека".

"Где он сейчас?"

"В психиатрическом отделении больницы Таскиги."

"Я могу прилететь в больницу и осмотреть пациента", – предложил Виктор.

"Ты выполнил тяжелую миссию, Виктор, – успокоил я бывшего оперативника КСК, – но ты в Канаде. Мне будет намного проще поехать и проверить выжившего. Я буду держать тебя в курсе".

После того, как Виктор закончил звонок, Джо сообщил мне, что в учреждении в Канаде одновременно содержалось всего девять пациентов, так что это не мог быть их единственный лабораторный центр.

"У них, наверное, где-то спрятан объект побольше; место, достаточно большое, чтобы вместить десятки пленных", – Джо заявил.

"Сколько аварий в США сообщили о том, что персонал Норфолк ЕМТ были первыми, кто отреагировал на них?" – я спросил.

"Десятки только в этом году. Может быть больше."

Я пробормотал: "Что означает, что все предполагаемые жертвы живы".

"Лучше бы они были мертвы; они подвергаются бесчеловечным испытаниям и экспериментам, – Джо отметил. – Помимо похищения солдат, убитых в бою, эта группа также забрала многочисленных детей из США и Канады".

"Какой ужас", – я подавил вздох и попросил Джо связаться с психиатрическим отделением больницы Таскиги и назначить встречу с пациентом, который находился в карантине.

"Тебе повезло", – сказал хакер через несколько минут. – Ты помнишь генерал-лейтенанта Клейборна?"

"Да, он был милым стариком. Мы с Дастином спасли его от случая с заложниками в Белграде".

"Да, теперь он начальник отдела связи Сената США для секретаря армии. Генерал-лейтенант сейчас в Таскиги. Я сообщил ему о твоём прибытии, и он сказал, что с радостью даст тебе допуск на всю территорию".

"Спасибо, Джо. Тогда я лучше не буду заставлять генерал-лейтенанта Клейборна ждать".

В отличие от государственных кирпичных коробок, больница Таскиги выглядела как пятизвездочный отель. Охрана махала мне рукой, и военнослужащий в форме сопровождал меня прямо в психиатрическое отделение. Палата для пациентов не была закрытой, но была просторной с окнами от стены до стены и кроватями, оборудованными широкими телевизорами с плоским экраном.

Генерал-лейтенант Клейборн сразу же узнал меня и помахал мне: "Рад тебя видеть, Джон. Вижу, ты все еще занимаешься спасением невинных людей от ужасной судьбы".

"Боюсь, на этот раз это был не я, сэр, – я признался. – Мой друг Виктор обнаружил сети обмана, которую "Норфольк Динамикс" плетут все эти годы, и лично взломал их штаб-квартиру в Канаде."

"Да, я слышал о парне из немецких спецназовцев. Он сказал, что ты вдохновил его".

"Спасибо, сэр".

Клейборн отверг мою благодарность и познакомил меня с другим человеком, который осматривал коматозного пациента: "Познакомься с Генри. Он объяснит некоторые технические термины нам сегодня."

Я кивнул в знак признания.

Генри недолго пожал мне руку в перчатке и сказал: "Я - связной ФБР с Министерством здравоохранения и социальных служб США".

"У МОЗ есть юрисдикция здесь?" – я инстинктивно выпалил.

"Да, потому что это неотложная медицинская помощь", – Генри ответил немного раздраженно.

"В любом случае, теперь, когда вы здесь, есть ли что-нибудь, что вы и ваш друг обнаружили, что военные или Бюро должны знать?" – Генерал-лейтенант Клейборн любопытно посмотрел на меня.

Я громком слотнул, прежде чем ответить: "Мой друг Виктор был первым человеком, проникшим в одно из испытательных отделений, и он подтвердил, что в лабораториях "Норфольк Динамикс" людям промывают мозги, чтобы они делали поджоги, подрывали бомбы, устраивали перестрелки. Их обучают быть роботами-убийцами, а затем эти машины-убийцы продаются тем, кто больше заплатит – людям, которые хотят совершать преступления, но не хотят, чтобы они были с ними связаны. Но я знаю не больше, чем вы. Опрос этого пациента дал какие-нибудь результаты?"

"Немного, – ответил Генри, – но мы добрались до лаборатории, в которой его держали в заложниках. Мы отслеживали потенциальных клиентов и внимательно следим за ситуацией, но после того, как они действительно совершат свою следующую покупку, они перейдут к ним."

"Это просто очередной грязный бизнес, процветающий в интернете?" – я сказал.

Генерал-лейтенант Клейборн кивнул: "Многочисленные национальные и международные организации арендуют или покупают людей у Норфолька, компании, которая торгует людьми, находится в городе Уэйберн, десятом по величине городе в Саскачеване, Канада. Как обнаружил твой друг, Норфольк промывает мозги и продает этих людей доверенным покупателям. Они удовлетворяют специфические требования и нужды покупателя".

"Как персонализированный заказ?" – я сказал.

"Они снабдят выходцами из Ближнего Востока для взрыва, кавказцами - для перестрелки в супермаркете, ветеранами армии -

для поджога. Или даже тринадцатилетними, которые устроят перестрелку в школе. Дети составляют большую часть их субъектов, так как ими легче манипулировать, – генерал-лейтенант Клейборн замял страницу, лежащую на коленях. Необычный почерк ребенка заполнял страницы. – Ребенку, которого мы спасли, сейчас одиннадцать лет. Когда он пропал, он был в третьем классе".

Я резко вздохнул: "Что они планируют делать с американскими детьми?"

"Как работает Норфольк - все, что покупатель ищет, они поставляют, – генерал-лейтенант ответил. – Каждый субъект стоит больших денег. У них предустановленное мышление, которое требует времени на программирование и идеально подходит для молодых жертв; у большинства испытуемых память полностью стерта, но мы надеемся, что эти дети смогут полностью выздороветь".

"Они не всем продают товар, – добавил Генри, – только людям, которых они знают, например, частному наемнику из Блэксенда, купившему стрелка. Большинство покупателей - американцы. Но некоторые из них в Европе. Им нужны субъекты для совершения терактов, прокладывания бомб в машинах и т. д."

"Вы упомянули ветеранов, – я обратился к генералу. – Откуда "Норфольк Динамикс" взял американских ветеранов?"

"Я сказал не только ветеранов США, – Клейборн поправил меня. – Мужчины, которые были в бою. Сержант Деклан Уитчелл, из британской Королевской морской пехоты, погиб при взрыве на обочине дороги. Его тело так и не было найдено, предположительно погиб в результате взрыва. И еще один солдат, рядовой Николас Фрейзер из канадских вооруженных сил, также погиб при схожих обстоятельствах. Авария вертолета. Оба мужчины были спасены из испытательных центров Норфолька. Они были живы и физически здоровы. Хотя предварительное медицинское обследование показало, что они получили обширные повреждения мозга. Норфольк забрали их после того, как они инсценировали их смерть, и промыли им мозги. Они перевозили или переводили подопытных в Колган, который является некорпоративной общиной в округе Дивид, Северная Дакота. Мы считаем, что холдинг в Северной Дакоте является их основной базой в США".

Представитель ФБР продолжил: "Мы сравнили этих детей со списком пропавших детей в Соединенных Штатах. Здесь три положительных совпадения. Марк Кроксал, Эрик Мерфи, Хэл Фишер."

"Все ли они вернулись в свои семьи?" – я хотел узнать.

"Не у всех из них есть живые члены семьи, – ответил Генри. – Но Марку Кроксалу повезло. Ему уже двенадцать лет. Его забрали в возрасте восьми лет. Несмотря на то, что ему промыли мозги три года, Марк смог узнать своего отца".

"Как они промыли ребёнку мозги?" – я надавил.

"ФБР арестовало женщину-психиатра, – в голосе Генри было слышно отвращение. – Она была ответственна за то, чтобы молодые подопытные стали податливыми. Женщина достигала своей цели, выдавая себя за мать этих детей и поощряя их поддерживать идеологию насилия. В случае с молодым Марком его воспитывала в учреждении женщина, которая в прошлом была военным врачом и ухаживала за похищенными детьми, чтобы они стали террористами-смертниками и стрелками. В следующем году Марк начнет обучение в седьмом классе, и его школьный консультант вызвался его навестить и поддержать, чтобы помочь ему справиться с его психическим состоянием. Внешне ребенок нормальный, но все еще находится под воздействием промывания мозгов, которое может быть вызвано определенными событиями. По крайней мере, он выжил, и именно это имеет значение в данный момент".

"Сколько жертв погибло до этого момента?"

Генерал-лейтенант перебил: "Гевин Фрост - еще один солдат, пропавший без вести, предположительно ушел в самоволку, но на самом деле похищенный частной оружейной компанией. Ему не так повезло, как Марку Кроксалу. Гевина заставили застрелить мэра, а затем он покончил жизнь самоубийством. Полиция обнаружила у него в ухе слуховой аппарат, но теперь мы поняли, что это дистанционный громкоговоритель".

Я спросил: "А дети, которых они обычно похищают, принадлежат ли они к американским семьям?"

"Они действительно похищают детей из американских семей, – подтвердил Генри, – иногда также из канадских и мексиканских семей, но чаще всего они охотятся за детьми азиатского или ближневосточного происхождения. Они применяют к детям самые изощренные методы промывания мозгов и воспитывают в них убийц. В последнее время наблюдается всплеск активности в сети. Продажа детей резко возросла".

"Почему?"

"Я проверил список клиентов, – вдумчиво сказал представитель ФБР. – Похоже, было тринадцать заказов на детей-убийц. Или нормальных детей, похищенных компанией "Норфолк Динамикс" и обученных с промытыми мозгами, теперь уже террористов-смертников или стрелков. Эта компания увеличила количество программ для детей младшего возраста в основном потому, что спрос на них вырос".

Я покачал головой, пытаясь осознать всю информацию: "Зачем преступникам заставлять детей делать такую грязную работу за них?"

"Потому что это выглядит естественно, – Генри сказал. – Люди не задают слишком много вопросов. Даже ФБР отказывается

расследовать перестрелку в средней школе, в которой замешаны несовершеннолетние и жертвы. Они предполагают, что это была проделка одного, и не утруждают себя поиском связей с террористическими группировками".

"В последнее время они используют детей, чтобы преступления выглядели естественными, – генерал-лейтенант говорил с горечью в голосе. – И детям легче промывать мозги. Некоторым американским детям, которых учили изображать детей ближневосточных боевиков, промывали мозги, чтобы они давали ложную информацию, говорили на видео и учили взрывать бомбы, если к ним обращаются международные спасательные команды".

Мое лицо невольно скрутилось, когда я думал о тех похищенных детях, которым промывали мозги.

Агент ФБР продолжал говорить так будто он не заметил моих мучений: "Британский подросток была похищена этой группой два года назад. Позже она появилась на ужасном видео после того, как взяла на себя ответственность за нападение на автовокзал в Лидсе. Согласно записям на серверах Норфолк, они вделали из нее террориста-смертника, а затем продали ее доверенному лицу в Берлине. Покупатель использовал ее в качестве козла отпущения при взрыве бомбы в грузовике. В пропагандистских целях. "Норфолк Динамикс" обычно ликвидируют своих подданных после того, как они исчерпали себя, но в случае с британским подростком ей разрешили продолжать для разжигания пропаганды. Она размещает видеоматериалы, адресованные британской общественности, и ей платят за то, чтобы она появлялась в суде и давала ложные показания".

"Это безумие", – сказал я, наконец-то.

"Норфолк Динамикс" имеют очень разнообразный набор субъектов, – вздохнул генерал-лейтенант Клейборн. – Они похитили солдата, который служил в бельгийской армии в прошлом году. Капитана Седрика Гёрда. Он пропал без вести со своей военной базы в Антверпене. Его сосед по комнате, сержант Фрейлих, был найден мертвым на следующее утро, скорее всего, убит при сопротивлении похитителем".

"Норфолк пойдет на такой большой риск? – я воскликнул. – Ехать в Европу и похищать солдат стран НАТО!"

"Для них это прибыльный бизнес, – Клейборн заметил. – Они создают суперсолдата, машину-убийцу, которая запрограммирована на подчинение любой команде, даже самой смертельной".

Я нахмурился: "Сколько еще европейских солдат было спасено из их лабораторий?"

"Меньше дюжины, – Клейборн ответил. – Может, в их тренировочных лагерях и больше людей, но мы получили

подтверждение, что бельгийские и голландские военнослужащие и женщины были похищены".

"Что мы знаем о семьях исчезнувших мужчин и женщин?"

"К сожалению, список пропавших без вести составляет менее половины их субъектов. "Норфольк Динамикс" обычно инсценирует смерть своих жертв до их похищения. В зонах боевых действий у них идеальные условия. СВУ. Бомба в машине. Крушение вертолета. Похищение в Антверпене было исключением, но мы считаем, что компания нуждалась в бельгийском гражданине для выполнения определенной задачи".

Генри с серьезностью кивнул: "Прямо сейчас мы направляем все наши ресурсы на спасение российского военно-морского командира, пропавшего без вести с российского эсминца класса "Удалой" адмирала Виноградова. Официально Кремль считает, что он утонул, но мы перехватили некий разговор на частотах Норфолька, которая наводит на мысль, что они похитили его и промывают ему мозги, пока мы разговариваем".

У меня перехватило дыхание от этих новостей, что генерал подошел и начал успокаивать меня: "Полегче, Джон. Я знал, что это тебя заинтересует и побеспокоит, поэтому и позвал тебя сюда сегодня. Мы надеемся, что ты сможешь больше продвинуться в спасательной операции, чем мы".

Я сделал глубокий вдох, пытаюсь ясно мыслить, а потом заговорил с Генри: "Если я хочу спасти российского военно-морского командира, мне нужно точно знать, как Норфольк контролирует своих рабов. Какие наркотики они используют?"

"Хороший вопрос, – сказал Генри. – Почему бы тебе не изучить отчет об образцах крови этого пациента."

"Что этому человеку вкололи?"

"У него нашли амфетамины, стимуляторы, стероиды и анестетики. Даже если их принимать по отдельности, эффект от каждого из этих препаратов может быть смертельным, но так как его накачали комбинацией этих препаратов, его нервная система не в себе".

"Его жизненные показатели в норме?"

"Хотелось бы, – Генри выглядел стоически. – Его уровень эпинефрина зашкаливает. Он в пять раз превышает норму. Вся его симпатическая система в стрессе".

"Смогли ли вы определить, какой наркотик заставил его так себя вести?"

"Ты имеешь в виду, почему нормальный парень решил расстрелять полицейский участок? – Генри повторил. – Нет, одним из лекарств, которые ему ввели был PZ1, новый вариант соединения семейства РКС-зета-взаимодействующих белков, который, как было

клинически доказано, стирает краткосрочную и долгосрочную память".

"Я слышал о зета-белке... Считалось, что он стирает память субъекта, но никогда раньше не тестировался на людях."

"До этих пор. Токсикологические отчеты подтверждают, что тело жертвы было перенасыщено PZ1. Это редкий препарат, и при использовании в больших дозах он может вызвать необратимое повреждение мозга".

Я спросил: "Как это работает?"

"PZ1 – это цитоплазматический и связанный с мембраной белок, который вводится в ткани нейронов. Он буквально связывается с клетками мозга и стирает память".

"Он выглядит беспокойным", – заметил я.

"Это потому, что его сердцебиение, кровяное давление вышло из-под контроля. В течение двух лет он находился в испытательном центре Норфолка, этому человеку закачивали высокие дозы стероидов. Ему регулярно давали эфедрин для обострения остроты мышления, а также вводили коктейль препаратов, изменяющих настроение, для снятия стресса и страха. Мы ввели ему снотворное, но его мозг все еще находится в режиме полета".

"Значит, если я смогу найти и спасти морского офицера русского эсминца класса "Удалой" адмирала Виноградова, я должен дать ему успокоительное?"

Генри покачал головой, мягко улыбаясь: "Пусть врачи беспокоятся об этом, – он надавил на маленький портфель в моих руках. – Все, что нужно, чтобы успокоить жертву, находится здесь. Удачи!"

Вячеслав Пузанов звонил на мой личный телефон: "Я только что получил предупреждение от генерала Шувалова, нашего министра обороны, – сказал он без приветствия. – Возможно, сейчас происходит международный кризис".

"Слава, успокойся. О каком кризисе ты говоришь?" – я спросил офицера русской разведки. Я знал, что он был независимым консультантом Федеральной службы безопасности Российской Федерации, и у него был доступ к информации, о которой ЦРУ понятия не имеет.

Это был пятый звонок, который я получил с утра, и все они были связаны с предстоящей ядерной атакой где-то в Европе. Мне было интересно, связался ли со мной Вячеслав по этому же поводу.

"Это срочное дело и мы должны обсудить его лично."

Я согласился на время и место. Через час мы стояли под пешеходным мостом и обменивались небрежным приветствием.

"Министерство обороны предупредило нас о взломе, – медленно говорил мой друг, но я чувствовал срочность в его голосе. – В Калининградской области было скомпрометировано хранилище ядерного оружия."

"Что значит "скомпрометировано"?"

"Пропало несколько боеголовок."

"Скажи мне, где именно находится объект?"

"Примерно в сорока километрах от польской границы. Был пробит один из подземных бункеров под Куликово и украдены две ракеты с ядерными боеголовками."

"Интересно. Я не знал, что министерство обороны держит ФСБ в курсе дел?"

"Они этого не делают. Я сейчас в СВР."

"Слава, тебя тогда повысили? Я рад за тебя, друг мой."

"Я согласился на эту работу в СВР, потому что быть независимым консультантом ФСБ было довольно скучно".

"Ну, теперь твои руки будут развязаны, я уверен."

"Кстати об этом... я начинаю чувствовать, что получил больше, чем смог бы осилить..."

"Больше, чем ты можешь осилить?", – я поправил русского офицера разведки.

Вячеслав улыбнулся и продолжил: "Я пришёл за услугой. Поможешь мне найти какую-нибудь зацепку?"

"Слава, для тебя - все, что угодно", – я сказал искренне.

"Нам удалось получить цифровые спутниковые снимки с ядерной установки. У СВР есть основания полагать, что ядерные боеголовки были вывезены контрабандой из России и в настоящее время едут во Францию. Мы боимся, что преступники нацелились на Париж как на испытательный полигон".

"Я не понимаю. Российские хранилища ядерных ракет должны быть самыми безопасными в мире. Как кто-то может вломиться?"

Старший офицер СВР закусил губу: "Внешний периметр безопасности был нарушен при модернизации объекта в прошлом месяце."

"Понятно. И вы уверены, что боеголовку вручную перевозили во Францию?"

Вячеслав Пузанов кивнул: "Мы получили наводку, что оружие прибыло в порт Марсель Фос 16 дней назад".

"Марсель - самый большой порт Франции, – предупреждал я своего друга. – Как вы планируете выяснить, куда была перевезена бомба после прибытия в этот порт?"

"Вот почему я пришел к тебе. Твои ресурсы были бы полезны".

Известная десятилетиями как КГБ, Служба внешней разведки России была одним из старейших и самых обширных шпионских

агентств в мире. Ее оперативники преуспевали в сборе разведданных. Если Вячеслав считал, что перед Францией стоит неминуемая угроза, то, вероятно, он был прав.

"Чем я могу помочь?"

"Один из тех, кого мы отследили до Марселя, был бывшим сотрудником твоего бывшего работодателя."

"Моего работодателя?" – я был искренне озадачен.

"Да, коротышка, который всегда носил костюмы по индивидуальному пошиву. Рейнхард, я полагаю. Директор отдела черных оперативников АНБ, членом которого ты временно был."

"Ричард". Я умолк. Разворачивающийся кризис начал приобретать смысл. С тех пор, как Ирина начала встречаться с Джеральдом Саркози, жизнь француза неоднократно подвергалась нападкам. Машину Джеральда взорвали, это чуть не привело к его гибели, и вооруженные нападавшие неоднократно пытались его застрелить. Вскоре после этого рядом со школой Буа-д'Ольн на севере Парижа был обезглавлен француз. Это было рядом с резиденцией парня Ирины. Джеральд Саркози владел виллой в этом районе. Неудивительно, что предполагаемым преступником был 18-летний мальчик русского происхождения. Я ожидал, что Ричарда будут преследовать французские интересы, чтобы отомстить последнему бойфренду своей падчерицы, но даже я был потрясен, увидев, как он подставляет русских за нападения.

Казалось, что отчим Ирины начинает свой крестовый поход против француза и его страны.

Я попросил Вячеслава использовать свои контакты в Европоле и активировать национальную систему оповещения, а в случае необходимости инициировать ракетно-ядерную тревогу над крупными французскими городами.

Ричард хотел узаконить антироссийский расизм в общественном дискурсе, и он знал, что это сработает только в том случае, если он осуществит крупномасштабную атаку, подставив под удар российских граждан или используя российскую ракету, которая уничтожит французские города. Единственный способ помешать отчиму Ирины добиться успеха – это предотвратить ядерную атаку.

Мой друг Вячеслав все еще что-то рассказывал. Он задал мне вопрос. Я оторвался от своих мечтаний и безразлично смотрел на него.

"Я хотел спросить твоего мнения", – старший офицер СВР заявил.

"Мое мнение? Насчет чего?"

"Как, по-твоему, этот человек - Ричард - узнал все подробности о наших ядерных объектах? Только самые высокопоставленные чиновники ФСБ знали о существовании этих бункеров. Места были засекречены."

"Слава, может быть, пора мне кое в чем признаться."

"Признаться?" – Вячеслав повторил.

"Да, ты помнишь Екатерину Глазову?"

"Печально известный бывший оперативник КГБ? Как я могу забыть? Она была во всех новостях. Но разве она не мертва? Пыталась бежать, если я правильно помню."

"Да, но часть ее истории, которая так и не попала в новости, состоит в том, что после побега из федеральной тюрьмы Екатерину похитил ее бывший муж Ричард".

"Ричард, который Рейнхард?"

"Да, после дезертирства в США, Рейнхард взял себе псевдоним Ричард. В любом случае, в течение восьми месяцев он держал Екатерину в подземном бункере в Монтане. Ее постоянно пытали, морили голодом и током. Пока мой друг Дастин не смог отследить местонахождение Ричарда, а потом я пошел по его следу, что в итоге привело меня в ее логово".

"Она была жива? – офицер русской разведки сделал резкий вдох. – Когда вы нашли ее?"

Я кивнул: "Когда я спас Екатерину, ее здоровье ухудшалось. Из-за последствий жестоких пыток во время ее пребывания Ричарда под стражей она перенесла несколько сердечных приступов. После неполного выздоровления Екатерина рассказала мне, что Ричард держал ее в плену, чтобы узнать обо всех атомных электростанциях в России. Ему также нужны были координаты ракетных хранилищ. Я не знаю, сколько информации он смог получить от Екатерины, но сейчас я думаю, что этого было достаточно".

"Достаточно, чтобы прорваться через охраняемые периметры двух наших бункеров для хранения ядерных ракет и украсть несколько боеголовок, – Вячеслав хмурился. – Что еще ты узнал у Екатерины перед ее смертью?"

"Немного, – ответил я правдиво. – Я понял, в какой опасности она находилась, как перед правительством США, так и ее бывшим мужем, поэтому я спрятал ее на конспиративной квартире в Вашингтоне, недалеко от канадской границы. Мой план состоял в том, чтобы отвезти ее на Аляску и затем отправить обратно в Россию, но ничего не вышло".

"Ты был скомпрометирован?" – офицер СВР говорил скептически.

"Почему ты так говоришь, Слава? Я хотел защитить и помочь этой женщине".

Мой русский друг прищурился: "Мне трудно поверить, что такой опытный оперативник, как ты, возглавил рейдерский отряд на конспиративную квартиру Екатерины. Ты прекрасно знаешь, как передвигаться без слежки".

Мне показалось, что я почувствовал обвинительный тон в голосе Вячеслава: "Я не взял с собой ни одного спецназовца на конспиративную квартиру Екатерины. Это правда, Слава".

"Тогда кто в нее стрелял? – Вячеслав Пузанов бросил обвинительный взгляд в мою сторону. – Ты был единственным, кто знал, где прячется она!"

"Это не совсем верно, – сказал я тихо. – Ее дочь Ирина также знала, где она остановилась."

"Как дочь узнала?"

"Я сказал ей, Слава, и я не собираюсь за это извиняться. Екатерина умоляла меня привести к ней дочь – хотя бы раз. Перед тем, как бежать на родину, она хотела увидеть ребенка, которого так много лет назад оставила. И я подумал, что это правильно. Я надеялся, что Ирина поймет, что ее мать невиновна, после того, как услышит ее версию".

"Итак, ты устроил воссоединение матери и дочери? Но это не объясняет, кто застрелил Екатерину".

"Это было сложно. Видишь ли, Ричард манипулировал Ириной, чтобы она поверила, что ее мать – русская шпионка, которая предала отца и убила американских агентов. Она хотела, чтобы ее мать предстала перед американским судом. Когда я привел Ирину к матери, я подумал, что они хорошо ладят. Они смеялись, обнимались и даже плакали. Я не думал, что Ирина предупредит власти".

"Но она это сделала?"

Я вздохнул: "Она была с матерью весь день, а ночью мы ложились спать, и она случайно упомянула, что будет скучать по маме. Я не знал, о чем говорила Ирина. Потом она сказала, что уже сообщила американским правительству о местонахождении Екатерины Глазовой. Они должны были прибыть до рассвета и взять шпиона КГБ под стражу".

"Почему ты не забрал Екатерину немедленно?"

"Слава, я хотел. Я пытался, но ты не сможешь понять, как сильно я паниковал. Ирина сообщила мне, что оперативно-тактическая группа федеральных маршалов США по розыску беглецов в Спокане (штат Вашингтон) направляется к нам, потому что Екатерина была одним из самых разыскиваемых беглецов в стране. Я знал, что если Ирина заподозрит, что я хочу помочь ее матери бежать, она попытается остановить меня, поэтому подождал, пока Ирина уснет, затем побежал к телефонной будке и позвонил на ближайшую военную базу и предложил одному из пилотов вертолета сто тысяч за доставку его птички ко мне. Пришлось думать быстро. Я хотел вывезти Екатерину оттуда до приезда американских маршалов и их заместителей".

"Пилот прилетел?"

"Да, через пятьдесят минут. Пилот пытался посадить свой вертолет прямо возле конспиративной квартиры, но местность не

подходила для посадки, поэтому он сбросил веревочную лестницу и велел залазить в кабину по ней. Я пошел в дом и повел Екатерину на поляну. Даже несмотря на ее возраст, бывший оперативник КГБ была на удивление сильна. Она лезла вверх без всяких затруднений и помощи и почти добралась до вертолета, когда появилась ее дочь".

"Мне показалось, ты сказал, что ее дочь спит?"

"Ирина спала, – повторил я, – но шум вертолета, должно быть, разбудил ее. Она побежала прямо под вертолет и звала ее, кричала, чтобы она вернулась. Но Екатерина не слушала дочь. Помню, как она смотрела на Ирину свысока, говорила, что очень ее любит. Потом она повернулась назад и собиралась забраться в кабину вертолета. Вот тогда это и случилось".

"Что случилось?"

"Ирина достала свое служебное оружие и нацелилась на свою мать. Опять же она закричала и предупредила Екатерину, что если она не спустится вниз, то выстрелит. Екатерина улыбнулась и сказала, что не верит, что собственная дочь может выстрелить в нее, и тогда Ирина спустила курок. Не знаю, куда попала пуля, но я видел, как Екатерину начало шатать. Она чуть не упала, но одной рукой схватила посадочную подножку вертолета. Навероятно, но женщина держалась за вертолет. Тем временем летчик начал улетать, поэтому Ирина с помощью обеих рук выстрелила второй раз в маму. Возможно, эта пуля попала бы ей в грудь, но к этому времени я добрался до Ирины и сбил ее с ног. Но я опоздал. Пуля задела левое запястье оперативника КГБ. Екатерина потеряла равновесие и упала прямо перед нами. Высота, с которой она упала, была слишком большой. Падение было смертельным".

"Ты был там, и ты не мог остановить Ирину, чтобы она не застрелила свою мать?" – агент СВР смотрел на меня с трауром.

"Слава, я никогда не представлял, даже подумать не мог, что Ирина может сделать что-то подобное. Откуда мне было знать, что она на самом деле спустит курок?"

Мой друг выглядел опустошенным. Он не разговаривал несколько минут. Потом он волнительно кивнул: "Я тебя совсем не виню. Ты не мог знать, что печально известный оперативник КГБ будет убита собственной дочерью. Но скажи мне вот что: была ли еще какая-то информация, которую ты узнал от Екатерины до ее прискорбной кончины?"

"Она беспокоилась, что Ричард, вероятно, охотился за российским ядерным арсеналом и неустанно работал над тем, чтобы заполучить его".

"Екатерина Глазова, возможно, знала приблизительное расположение бункеров хранения ракет, но у женщины не было разрешения на вход на ядерные объекты. Даже под давлением она не

могла рассказать ему о протоколах безопасности. Это значит, что Ричард получил эту информацию из других источников".

"СВР должна использовать свои ресурсы, чтобы проверить всех сотрудников, участвовавшего в разработке бункеров, – я посоветовал своему другу. – Через порт в Марселе проходит более восьмидесяти миллионов тонн грузов в год. Невозможно будет осмотреть содержимое каждого контейнера. Лучше всего выяснить, кто контрабандой вывез боеголовку из России".

"На цифровом спутниковом снимке, который мы получили, виден один из трех подземных бункеров под Куликово, которые были выкопаны в августе, а в октябре снова прикрыты. До возвращения бункеров в рабочее состояние несколько сотен человек вызвались добровольно перевезти груз. Любой из них мог быть подкупленным Рейнхардом".

"Правда, – сказал я вслух. – Дай мне поработать над другой версией. Я дам тебе знать, что я найду."

"На чем ты сосредоточишься?"

"Я видел, как работает Ричард, Слава, и думаю, я знаю, где он планирует взорвать ядерную бомбу. Это будет рядом с родным городом Джеральда Саркози".

"Кто этот Джеральд?" – старший офицер СВР выглядел растерянным.

"Джеральд Саркози – последний парень Ирины. Но не волнуйся за него. Он является старшим членом французского парламента и члены его семьи почти во всех ветвях французского правительства. Я свяжусь с ним через Ирину и сообщу им об опасности, с которой они могут столкнуться".

"А что если взорвется ядерная ракета? – Вячеслав Пузанов положил руку на лицо. – Ты хоть представляешь, как это будет выглядеть? Французы подумают, что Россия на них напала, и Евросоюз сразу же ответит".

Я чувствовал покалывание мышц на лице. Кровь устремлялась к моим щекам, когда я понял, чем закончилась игра Ричарда: "Слава, вот так! Это именно этого хочет Ричард. Он взорвет русскую ядерную бомбу и подставит за это русского гражданина, как он это сделал несколько дней назад – в фальшивом инциденте с обезглавливанием, где подставили восемнадцатилетнего русского мальчика".

"Мы могли бы отозвать всех российских граждан из Франции, – неуверенно сказал Вячеслав. – Но есть и другая проблема. СВР перехватила коммюнике, которое направлялось в СВКР".

"Служба военной контрразведки Германии? – я спросил. – Что сказано в коммюнике?"

Мой русский друг колебался: "Ну, на данный момент информация не подтверждена, но агенты, работающие в Службе

военной контрразведки, сообщили, что сканирование грузовых контейнеров в порту Бремерхафена дало сигнал тревоги. Было обнаружено наличие радиоактивной частицы, то есть, возможно, что в порту находилось ядерное оружие. Российская Федерация опасается, что это может быть одна из боеголовок, которые были у нас украдены".

Я покачал головой в отчаянии.

Вячеслав заговорил после паузы: "Ты однажды упомянул, что Ричард из Австрии. Как ты думаешь, он действительно взорвет ядерную бомбу над Германией только для того, чтобы спровоцировать очередной мировой конфликт?"

"Ричард наполовину австриец, наполовину венгр, и я не уверен, на что он способен. Он действительно кажется неуравновешенным. Я не думаю, что кто-то в здравом уме когда-либо согласится совершать такие разрушительные действия. Может быть, с ним что-то случилось в детстве, или какая-то травма, с которой он столкнулся – это ненормально. Он знает, что это нелепо. Ричард знает, что если он взорвет три ядерных боеголовки над Францией только потому, что там живет парень его падчерицы, то это не только сожжет страну, но и уничтожит Германию, Чехию и его собственное родное государство Австрию. Я не думаю, что он в здравом уме, Слава, я думаю, что он мог полностью сойти с ума. Ненормально быть таким одержимым своей дочерью или заходить так далеко в вопросах мести. Сейчас он хочет наказать его за то, что много лет назад встречался со его дочерью - и он использует бомбы русского производства, чтобы доказать вину Российской Федерации в этом акте насилия".

"Должны ли мы сделать объявление и сказать всем гражданам России, чтобы они были начеку, потому что любой из них может быть обвинен за это?"

"Это не будет иметь значения, потому что Ричард все равно взорвет украденную русскую ядерную бомбу и подставит за нее ближневосточного гражданина. Он может даже заплатить чиновнику турецкого правительства или принцу Саудовской Аравии, чтобы тот взял на себя ответственность за нападение. Это то, чего он всегда хотел. Подставить Россию и развязать очередную мировую войну, – я предупреждал. – Помни, Слава, человек, с которым ты имеешь дело, не нормальный. Ричард – сумасшедший. Он может выглядеть нормальным, одеваться аккуратно, но с головой у него проблемы. Что я могу сказать? Он всегда был таким. Может быть, когда от него ушла жена, это вызвало у него какие-то деформации, а потом он начал эмоционально зависеть от его дочери Ирины, а когда она ушла от него, он действительно потерял все чувства и теперь думает, что бомбардировка десяти стран – это нормально".

"Москва очень обеспокоена этой ситуацией, – мой друг занервничал. – Что мне делать?"

"Скажи им правду. Я имею в виду французское правительство. Сообщите им, что одна из ваших ядерных боеголовок пропала."

"Мы не можем этого сделать, – заявил Вячеслав. – Это полностью подорвет доверие к России".

"Ты беспокоишься о доверии, Слава? Если Ричарду удастся подставить русских за французские атаки, то Россия будет уничтожена!"

"Я понимаю, что поставлено на карту, но если страны ЕС или США узнают о нарушении нашей безопасности, они будут оказывать на нас давление, чтобы мы сократили количество ядерных боеголовок, которыми мы обладаем. Америка и ее союзники по НАТО немедленно выйдут из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и заставят нас уничтожить большую часть наших межконтинентальных баллистических ракет, баллистических ракет, запускаемых с подводных лодок, и ядерных бомбардировщиков, – российский офицер разведки вздохнул. – Это критическое время для нас. ДРСМД- это единственная действующая сделка по контролю над вооружениями между нами и американцами. И срок его действия истекает в следующем году. Американцы не будут продлевать сделку, если найдут недочет в нашей системе".

"Тогда будем надеяться, что до этого не дойдет", – сказал я, низким тоном.

Старший офицер СВР все еще был взволнован.

"Не волнуйся, Слава, мои знакомые во Франции найдут боеголовку. Мы их остановим. Поверь мне."

Когда Вячеслав успокоился, я покинул и направился прямо к компьютерному хакеру Джо. Британский хакер был увлечен совершенствованием видеоигры.

Я размахивал рукой над его лицом: "Джо, тебе нужно кое-что сделать".

"Чёрт побери! – хакер встал на ноги. – Джон, ты выглядишь так, будто видел привидение!"

"Ну, мне нужна твоя помощь", – я говорил медленно, стараясь не сломаться от страха.

"Конечно, приятель, – Джо повернул свой стул на мультэкранный компьютер и активировал монитор. – Что мы ищем?"

"Несколько человек - один из которых является соратником Ричарда - вывезли несколько или одну боеголовку из хранилища ядерного оружия в Калининградской области России. СВР и ФСБ разыскивают преступников, пока мы говорим, и они сузили свои поиски до Франции. Она была контрабандным путем доставлена в порт Марсель-Фос".

"Я начну поиск по их данным о грузе. Похоже, десять тысяч судов использовали порт Марсель-Фос в этом году. Это бы помогло, если бы я знал дату прибытия".

"Шесть недель назад".

"Это было примерно в то время, когда во Франции начались скандалы по поводу журнала, не так ли?"

"Какого журнала?" – я ломал себе голову, пытаюсь вспомнить, какой инцидент вызвал скандал.

"Это было во всех новостях, – сказал Джо. – Споры начались, когда французский сатирический еженедельник опубликовал карикатуры на некоторых популярных личностей."

"Я не знал, что ты читаешь журналы, Джо."

"Вообще-то нет, – признался хакер, – но это ты попросил меня следить за всем, что связано с Ричардом, и поэтому я наткнулся на редакцию журнала".

"Какое отношение французский журнал имеет к Ричарду? Он является подписчиком?"

Джо покачал головой: "О, нет. Намного больше. Согласно электронным переводам, Ричард практически владеет журналом и всеми, кто на него работает".

"Как?" – я спросил.

"Помнишь, как ты просил меня следить за оффшорными банковскими счетами Ричарда? Те, которые он использовал для финансирования консультантов по безопасности в Блэксенде в Сирии и Китае? – Джо говорил торопливо. – Ну, мое приложение прозвучало тревожно несколько недель назад. В конце концов, я наткнулся на несколько крупных платежей, которые шли прямо со счета Ричарда в "Банк де Франс"; один миллион евро поступил на счет человека по имени Мануэль Биаред. Мне показалось, что его имя звучит знакомо, поэтому я быстро наткнулся на сатирический журнал "*Чарли Хамо*". Владелец журнала был Мануэль Биаред".

"Почему Ричард послал парню из журнала один миллион евро?"

Британский хакер кивнул взволнованно: "Странно, да? Ну, не после того, как ты прочитал это сообщение. Я обнаружил пятнадцать зашифрованных писем, которые шли между Ричардом и Мануэлем Биаредом. Можешь их прочитать."

"Избавь меня от подробностей, Джо. Просто скажи мне, какие инструкции Ричард передавал владельцу журнала."

"Ну, я не был уверен, что из этого выйдет. Письма были разными, но почти все они содержали конкретные инструкции о том, что печатать в своей еженедельнике. В первом говорится об арабском пророке, известном как Мохаммед. Ричард сказал редактору, что он хотел, чтобы журнал напечатал карикатуры на пророка и сделал это как можно более оскорбительно. Он также предупредил, что может

произойти реакция и протест, но они не должны бояться, потому что он защитит их с помощью частных охранников, а также команд адвокатов и публицистов. Ричард пообещал перевести еще один миллион через неделю и продолжать пересылать деньги, если редактор продолжит печатать оскорбительные карикатуры".

Я изучил письма, которые были отправлены редактору французского журнала: "Почему в этом письме упоминается поджог?"

Джо взглянул на письмо, которое я открыл: "Да, если ты прочитаешь письмо целиком, ты увидишь, что Ричард сказал редакторам, что он организовал некоторую контролируруемую обратную реакцию, которая включала поджог главного офиса журнала в определенную дату. Он попросил Биареда обеспечить, чтобы никто из его сотрудников не остался в офисе в тот вечер, чтобы без жертв учинить поджог".

"Кто должен был сжечь здание "Чарли Хамо"?"

"Согласно электронному письму Ричарда, он говорит, что подставит либо русского иммигранта, либо араба, в зависимости от кто будет".

"Джо, месяц назад ты прочитал мне небольшой отрывок из новостей. Это было об обезглавливании. Можешь освежить мою память?"

Британский хакер прочищал горло и перечитывал новости: "Парижская полиция застрелила восемнадцатилетнего русского парня, которого подозревали в том, что он отрубил голову своей учительнице из-за ряда оскорбительных карикатур".

"Точно. А французская разведка утверждает, что русский террорист финансировался Кремлем, верно?"

Джо кивнул: "На пресс-брифинге в ГДВБ заявили, что подозреваемый, возможно, был российским агентом. Думаешь, за этим стоял Ричард?"

"Я так не думаю, я знаю, что за обезглавливанием стоит Ричард. Кроме поджога, о чем еще Ричард предупреждал владельца журнала?"

"Из писем, которые я расшифровал до этих пор, нет никакой новой информации. Но сейчас я расшифровываю ещё семь сообщений, которые он отправил Мануэлю Биареду. Я узнаю больше через час."

"Хорошая работа, Джо. Продолжай копать".

"Виктор, собака идет с нами?" – я спросил, не в силах скрыть свое разочарование.

Голова и спортивное тело животного, похожего на волка, напоминали мне собак, которые преследовали меня бесчисленное количество раз. В целом я любил животных, но после стольких лет командировок по всему миру у меня развилась легкая неприязнь к собакам. Неоднократно мои попытки побега из камер пыток для смертников были пресечены, когда вражеские собаки, унюхали и обнаруживали меня, что помогало врагам вновь меня захватывать. С тех пор у меня развился врожденный страх перед этими животными. Кошки были моими главными любимчиками. Но я видел, что Виктор был предан этому животному. Его собака выглядела спокойной, с глазами, в которых едва виднелось проблески разума.

Мой друг погладил по голове своего питомца: "Когда я уехал из Германии, Шатци приехал сюда со мной. Она была единственным настоящим другом в моей жизни".

"Она иммигрировала? – я заметил. – Приятно видеть, что твой питомец хорошо акклиматизировался."

Виктор выглядел так, как будто не слушал меня: "Во время моей недолгой работы в Агентстве я не знал, что мой напарник был двойным агентом, служащим в группе черных оперативников. Было больно узнавать правду. Но я выжил, зная, что Шатци будет дома, она будет ждать меня".

Я изучал собаку. Она выглядела как обычное домашнее животное, но когда я смотрел в глаза, собака мягко рычала. Я напрягся. Ее глаза были схожи на волчьи.

Мы с Виктором проверили Шатци в специально отведенном для этого грузовом отсеке под кабиной и поднялись на борт внутреннего рейса в Филадельфию и заняли примыкающие к нему места. Пассажиры все еще садились в самолет, и мы не обнаружили потенциальную цель. Виктор предложил провести первый раунд. Он взял мои сканирующие очки и расположил их на переносице. Если бы техническому мастерству Джо можно было доверять, то это устройство эффективно выполняло бы сканирование сетчатки глаза каждого лица. Идентификация лиц сканировала лица и сверяла на сходство со всеми известными преступниками в этой тристатистической области, исключала или помечала соответствующим образом. Я надеялся, что очки будут эффективными. Тем временем, я начал спускаться по проходу в надежде просканировать верхние багажные отсеки на предмет наличия подозрительных предметов. Через пять минут я вернулся на свое место. Пока самолет был в безопасности.

Виктор Шлутер говорил со мной через наушник с микрофоном: "Какие возможные мотивы нам удалось найти?"

"Честно говоря, Виктор, я хотел бы быть уверен даже в одном из мотивов. Этот парень - сенатор Соединенных Штатов. У него много

врагов. Насколько нам известно, преступником может быть кто угодно."

Джо прокашлялся: "Может, это поможет. Сенатор, которого мы планируем защищать, в настоящее время является председателем Комитета по национальной безопасности и правительственным делам, а также входит в состав комитетов по бюджету, международным отношениям и торговле, науке и транспорту".

"Это совсем не звучит угрожающе", – сухо прокомментировал я.

"Он делает это, когда его голос может иметь особое значение в одобрении Конгрессом финансирования проекта внутреннего наблюдения".

"Как так?"

"Согласно телефонным разговорам между сенатором и спикером Палаты представителей, сенатор выступает против программы наблюдения и планирует проголосовать против".

"Кто выиграет больше всего, если законопроект пройдет?"

"Посмотрим, – Джо сделал паузу. – У меня есть кое-что. Галифакс Армори выиграл контракт на распространение электронных гаджетов для программы наблюдения. Они получают сотни миллионов, если конгресс одобрит законопроект."

"Где находится оружейный склад Галифакса?"

"Он базируется в Питтсбурге, – Джо сказал нам. – Они официально являются консалтинговой фирмой по безопасности, но похоже, что они делают гораздо больше, чем просто консалтинг. Я отправляю вам адрес их штаб-квартиры".

Рейс приземлился в международном аэропорту Филадельфии после полуночи. Мы с Виктором вышли по отдельности, приглядывая за возможными подозреваемыми.

Виктор говорил по связи: "Я вижу враждебно настроенного. Начинаю преследование."

Я не потрудился подтвердить и вместо этого продолжил поиски двух мужчин, которые должны были быть на этом рейсе. Я подключился к линии Джо и попросил его прислать мне копию официального расписания сенатора. Хакер прислал мне адрес на Честнат-стрит. В маршруте перемещения сенатора указано, что он будет проживать в отеле "Кимптон" следующие три дня. На завтра у него была только одна публичная встреча. На 12 вечера сенатор должен был провести пресс-конференцию по поводу выдвижения Альфреда Хэнли на пост министра торговли.

Я забронировал номер на том же этаже, что и свита сенатора, и за два часа до того, как он должен был прочитать пресс-релиз, я осмотрел территорию вокруг вестибюля. Ничего подозрительного найти не удалось.

Во время обеда сенатор покинул отель и прогулялся до ресторана морепродуктов, который находился в квартале от отеля. Его помощник и личная охрана проследовали за ним. Я проследил за ним.

Перед тем, как сенатор вошел в здание, я увидел джип, который мчался по улице. Окна автомобиля были тонированы. Но окно пассажира было опущено, и я увидел блеск снайперской винтовки внутри. Я открыл рот, чтобы выкрикнуть предупреждение сенатору, но я находился на расстоянии более ста футов. Я не смог вовремя до него добраться.

Потом я увидел, как тень человека бросилась к сенатору и вытолкнула его с дороги. Это был Виктор. Он прибыл вовремя, чтобы спасти жизнь сенатора. Я попросил Виктора сопроводить сенатора в безопасное место и оставить его в гостиничном номере, который был зарегистрирован под одним из наших подставных имен, а я вызвался выследить стрелка.

Джо подключил меня к дорожным камерам, мне удалось догнать нападавших, я отследил их до гаража рядом с аэропортом Ньюарка. Они скрывались пешком, когда мне удалось схватить их и передать в полицию. Детективы из Бюро национальной безопасности полиции допросили этих людей и обнаружили, что они принадлежат к группе *Скандинавских преступников*, базирующейся в Сан-Антонио. С 2001 года ФБР объявила эту группировку отечественной террористической организацией.

Люди, которых я поймал, признались, что были наняты управляющим директором частной охранной компании " Оружейная Палата Галифакс", которая получила бы наибольшую прибыль, если бы сенатор не смог убить своим голосом законопроект о внутреннем наблюдении.

В качестве меры предосторожности полиция Филадельфии посоветовала сенатору отменить все его общественные мероприятия до тех пор, пока он не проголосует по законопроекту, и сенатор не согласится остаться на конспиративной квартире, которую Виктор нашел ранее в тот же день.

Хотя у сенатора была своя личная охрана, я оставался с ним на время пребывания. Я надеялся охранять сенатора ночью, в то время как Виктор мог наблюдать за ним днем. Но на следующее утро мой друг Виктор не появился на конспиративной квартире. Я пытался связаться с ним, используя наш безопасный режим связи, но линия молчала. Я связался с Джо, но он тоже не смог найти Виктора.

Когда я пришел на конспиративную квартиру, я обнаружил Виктора привязанным к деревянному стулу. Он был едва в сознании. Я видел десятки окровавленных шампуров для барбекю, лежащих в комнате. Похитители, очевидно, пытали его, используя шампуры.

Когда Виктор увидел меня, его губы зашевелились.

"Сенатор, – он прошептал. – Им нужно его местоположение".

"Тише, не говори".

"Сенатор. Небезопасно."

"Я знаю, я знаю, – я заверил моего друга. – Мы поймали плохих парней. Сенатор в порядке, Виктор. Просто держись. Я отвезу тебя в больницу."

Мои глаза наполнились слезами, когда я увидел его спину. У него были ужасные синяки. У него было обильное кровотечение, и в затылке и позвоночнике были просверлены десятки маленьких отверстий. Бывшего немецкого спецназовца жестоко пытали, но он все равно не выдал местоположение сенатора.

Устойчивость Виктора произвела на меня впечатление. Я был поражен тем, что он смог выдержать такие сильные боли. Как бы его ни пытали, он не плакал и жаловался. Я восхищался его мужеством, потому что никогда не знал, что значит быть таким храбрым.

У меня была моя доля страданий, и мне приходилось подвергаться различным уровням мучений. Когда меня подставили за взрывы в ночном клубе Орlando, Ричарду удалось убедить американские власти, что я опасный террорист, работавший на ИГИЛ. Моя возлюбленная Ирина помогла агентам АНБ схватить меня и передала группе ЦРУ, которая занималась допросом врагов народа. Именно на их секретном объекте начался мой ад. Мои похитители упивались болью, и в течение нескольких недель я проходил через самый суровый уровень санкционированного правительством усиленного допроса.

Если бы я был настолько храбр, что я не распускал слез каждый раз, когда мучители звенели ключами от моей камеры, но я не был храбр. Мой мочевого пузырь сдался первым, когда они впервые подключили электрошок к моему виску и центру головы. Такая мучительная боль... Я не знаю, как я пережил неопишемую агонию. Я был недостаточно силен, чтобы вынести агонию и мучения. Мое сердце отказывало, а дух ломался.

В течение многих месяцев я спокойно спал по ночам, зная, что такой опасный предатель и террорист, как Ричард, был заперт под охраной правительства США. Человек, который пытался взорвать густонаселенные города, такие как Нью-Йорк, Париж, Берлин и Лондон, и пытался использовать своих частных военных подрядчиков, убивая тысячи невинных людей, наконец-то оказался там, где ему и место. Он не мог причинить мне вреда из своей камеры, но я опасался, что если Ричарду удастся сбежать из тюрьмы, он обязательно придет за мной снова. На этот раз он попытается убить меня.

Однажды вечером я направлялся к себе домой, когда у меня было странное предчувствие; как будто кто-то следил за мной. Я не мог найти никого подозрительного, но это чувство не уходило. Я был уверен, что за мной следят.

Я сделал три дополнительных обхода и, наконец, подготовился к поездке домой на метро. Когда я выходил из метро, двое мужчин прыгнули на меня и попытались проткнуть мое лицо штыком. Я голыми руками схватил лезвие и отодвинул его от лица, а затем с помощью ноги сбил с ног нападавших. Мне удалось схватить одного из них. Другой сбежал.

После нескольких часов допроса мужчина признался, что его нанял человек по имени Кирилл. Я знал, о ком он говорил: это был лидер одесского мафиозного клана Нью-Йорка. Я не мог понять, зачем мафии понадобилось меня убивать, поэтому направился напрямик в театр балета в Рего Парке, где, как я знал, присутствовали старшие братья. Я знал, что русская оргпреступность есть практически везде, поэтому я сразу же встал у стола и определил местонахождение Кирилла, он сидел со своими людьми. Я подошел к нему и потребовал объяснений.

Лидер одесского мафиозного клана сказал, что ему заплатили шестнадцать миллионов долларов за мое убийство, но, как мы разговорились, в театре погасли огни. Мафиози проигнорировали это событие и продолжили наблюдать за танцами, но я знал, что отключение линии электропередач типично для профессиональной ударной группы. Я знал, что одесский клан подвергся нападению, поэтому толкнул лидера под сиденье, как мгновение после град пуль обрушился на мягкое кресло, где он сидел. Обменявшись выстрелами, на несколько минут нападавшие отступили. Позже Кирилл рассказал мне, что его пытался убить соперник из банды, но он заверил меня в своей благодарности. Он сказал, что я спас ему жизнь, рискуя собственной жизнью, и благополучно передал его своим людям.

Но потом, он признался, что был нанят, чтобы убить меня, но согласился оставить меня в живых, дабы отплатить мне за то, что я спас его. Я попросил его назвать имя человека, который его нанял, но Кирилл сказал, что он никогда не видел его лично, его работодатель платил только необработанными бриллиантами. У меня не было банковского счета, который можно было бы отследить, я подумал с унынием.

Неделю спустя я пробирался в метро, когда десятки прохожих, в том числе несколько бездомных, пытались убить меня. Один, похоже, гражданский, пытался вонзить нож мне в живот среди бела дня! Я узнал оружие, которое нес один из убийц. Оно было русского производства, обычно использовалось киллерами мафии. Я был вне себя от шока. Кирилл дал слово, что не будет посылать за мной убийц.

Я забежал в вагон поезда и на каждой остановке менял пункт назначения. В тот день я едва целовался живым.

На следующее утро я проследил за домом человека, который послал своих людей причинить мне боль. Я осмотрел его собственность, но не смог найти никаких следов сына. Вождь шел по столовой в одиночестве. Кроме его телохранителей, я больше никого не видел в доме. Я подкрался поближе, подавляя охранников, но когда я стоял у окна, я слышал, как главарь банды лаял инструкции по его личному телефону. Он приказал своим людям продолжать поиски сына и казнить похитителей.

Я не мог поверить своим ушам! Возможно ли, что сын лидера одесского мафиозного клана был похищен? Я подождал еще несколько минут и услышал, как он сделал еще один звонок. На этот раз он приказал одному из своих людей завербовать еще пятнадцать человек, чтобы убить меня. Он предупредил их, что если они не принесут доказательств моей смерти, то его сына отдадут ему по частям. Похитители, очевидно, потребовали от лидера мафии только одного. Чтобы меня доставили к ним, живым или мертвым.

Я связался с *Солнцевской Братвой* и попросил помощи. Это была организованная преступная группировка, базирующаяся в России, но я знал, что они могут мне помочь. Мне нужно было знать, кто нанял Кирилла, чтобы убить меня. Я знал, что это была та же самая группа или человек, который похитил сына лидера одесского мафиозного клана, чтобы заставить его использовать своих людей для убийства меня. Я начал подозревать, что Ричард мог быть как-то связан с нападениями на меня. Это был не первый раз, когда он нанимал русских, чтобы убить меня. Ранее он вербовал моих друзей из сибирского приюта и убедил их убить меня. Он знал мою слабость. Он знал, что я никогда не причиню вреда русским, даже если моя собственная жизнь будет в опасности.

Казалось, Ричард в очередной раз манипулировал моими чувствами к Родине. Я знал, что Кирилл не виноват в том, что он пытался убить меня. Для него это была либо моя жизнь, либо жизнь его сына, и, как и любой отец в мире, он должен выбрал своего сына, но я покаялся вернуть ребенка и доставить его отцу невредимым.

Мне понадобилось еще три дня, чтобы найти сына Кирилла. Мальчик был жив, но его морили голодом. Я поймал одного из похитителей. Он признался, что был членом Блэксенда, частной охранной консалтинговой компании Ричарда, которую американские военные дезавуировали много лет назад. Я также узнал, что покушение на лидера одесского клана несколькими неделями ранее не было актом соперничающей банды. Предназначенной целью был не лидер мафии, а я. Убийцы каким-то образом проследовали за мной

в театр и планировали убить меня там, но, к счастью, я выжил и смог обеспечить, чтобы лидер клана остался невредим.

Моя голова неуклонно пульсировала, когда я проигрывал все события, которые произошла за последние пять дней. Моя жизнь была в смертельной опасности, и люди, которых послали убить меня, были моими собственными соотечественниками, моими товарищами. Было ужасно больно, когда мои враги нанимали русских, чтобы убить меня.

Я с нетерпением взял обезболивающее из бардачка моего автомобиля, но через мгновение, уронил фарфорового цвета таблетки на сиденье. Мои врачи предупреждали меня не принимать аспирин или тиленол из-за обширных повреждений печени, от которых я уже страдал. Мне пришлось выдерживать головную боль. В каком-то смысле я был рад почувствовать боль. По крайней мере, это была физическая агония, что-то временное. Однако, ощущение предательства, которое проникало в мое сердце, было невыносимым.

Я доставил подрядчика из Блэксенда вместе с мальчиком к Кириллу и сказал ему, что он больше не должен подчиняться приказу убить меня. Одесский глава мафиозного клана был очень рад воссоединению со своим сыном.

Я смог снова свободно передвигаться.

Сентябрь 2017 года

"Виктор!" – я закричал. Ответа не было, поэтому я направился на первый этаж здания. Другая стена обрушилась, обломки летели в мою сторону. Я был в облаке пыли, но опять звал друга.

На этот раз я услышал знакомый стон боли. Звук доносился из переулка несколько футов впереди. Я побежал к источнику. Сухой ледяной воздух обжигал мне нос, я прищурился сквозь туман, чтобы узнать, кто это.

Это был мой друг! Он был ранен.

Виктор лежал на тротуаре, его правое колено согнуто под неестественным углом. Должно быть, оно было сломано! Зияющая дыра над левым бедром была пропитана свежей кровью.

Я порвал рубашку и наложил ее как жгут на ногу. Это временно остановило кровотечение Виктора. Я поспешил залатать его травму. Я знал, что он не выживет в таком состоянии слишком долго. Этот человек нуждался в срочной медицинской помощи и мгновенной операции. Я тщетно набрал номера экстренной помощи. Ресиверы были неисправны. Я держал голову Виктора на коленях и завывал от разочарования. Почему никого не было рядом, чтобы помочь моему другу?

Я не мог представить, почему мобильник не работал. Во время моей работы в АНБ я слышал, что Министерство национальной безопасности создало отказоустойчивую систему, чтобы взять под контроль инфраструктуру сотовой связи в случае чрезвычайной ситуации. Они зарезервировали за собой полномочия по переадресации или деактивации сотовых телефонных линий и нарушению связи. Кто-то, должно быть, взломал ее и активировал коммутатор. У меня не было возможности вызвать помощь.

Приближающаяся снежная буря утопила мои крики от отчаяния. Я нежно положил его голову на землю и попытался снова позвать на помощь. Я бегал кругами, истерически махая над головой своим сотовым телефоном, надеясь получить сигнал, но ветер, должно быть, вырубил ближайшую сотовую вышку, потому что я не слышал сигнал набора номера. Сигнала вообще не было. Я вернулся к другу. Его обычная серая кожа стала бледной. Бывший немецкий спецназовец впадал в кому. Он не выжил бы без немедленного медицинской помощи.

Я принял жестокое решение. Как бы ни жаждало мое сердце оставаться с ним, мой мозг кричал, что необходимо идти за помощью. Я знал, что телефонный автомат находится менее чем в километре. Я мог позвонить в полицию и вызвать скорую помощь для моего раненого друга. Я осторожно протянул руку Виктору на лоб, пообещав, что вернусь без промедления. Потом я побежал к таксофону.

Звонок в 911 прошел без задержки. Я умолял оператора немедленно отправить сюда скорую. Женщина заверила меня, что помощь уже в пути. Вздыхнув с облегчением, я вернулся на то же место, где оставил Виктора.

Тротуар был пуст.

Мой друг ушел! Только темное пятно осталось на тротуаре, где он лежал.

"Виктор! — Я так громко закричал до боли в горле. — Виктор?"

Мой голос эхом звучал в пустоте, и ветер, казалось, уносил его в никуда. Куда он мог пойти? Виктор был не в состоянии двигаться, не говоря уже о том, чтобы уносить свое раненое тело на такое дальнее расстояние. Мое сердце опустилось в пятки от осознания. Должно быть, это была подстава. Кто-то, наверное, заранее все это спланировал - взлом мобильного телефона, отключение вышек сотовой связи, ранения моего друга: все это было для того, чтобы заставить меня уйти из этой зоны, чтобы его могли похитить! Но зачем? Зачем кому-то понадобилось захватывать бывшего оперативника немецкого спецназа? К этому времени приехала полиция. Скорая была удивлена, увидев меня. Им сказали, что тяжело раненый человек нуждается в немедленной медицинской

помощи. Я беспомощно смотрел на них. Как я мог объяснить водителю скорой помощи, что мужчина, которого он должен был забрать, был похищен неизвестным? Звучало ли это хоть правдоподобно? Я промямлил слабые извинения и хотел уехать как можно дальше от района, но скорая помощь хотела подвезти меня на их машине скорой помощи. Очевидно, я страдал от легкого переохлаждения.

Как только меня отпустили из скорой, я связался со хакером. Джо не мог понять, что я пытался сказать.

"Эй, что значит Виктор ушел?"

"Джо, он исчез, – я повторил. – Я не знаю, где он."

"Хорошо, – медленно сказал компьютерный хакер. – Расскажи мне, что именно случилось."

"Я был в Александрийском заливе. Мы с Виктором отправились туда, чтобы найти подозреваемого бомбардировщика, который делал покупки".

"Дай мне секунду, – Джо прервал меня. – Хорошо, я зацепился на спутник над регионом Тысячи островов на севере Нью-Йорка. Это там исчез Виктор?"

"Мы попали в засаду. Виктор отстреливался, получил тяжелое ранение. Я был внутри оружейного склада, вытащил двух стрелков, но к тому времени, как я вышел на улицу, Виктор уже был на холоде".

"Значит, он был с тобой все это время?"

"У меня не было мобильного, поэтому я пошел к таксофону, чтобы позвонить 911. Когда я вернулся, Виктора уже не было. Ни следа."

"Это плохо", – внезапно сказал Джо.

"Что плохого?" – Я спросил.

"Я не могу выследить Виктора, – извинился мой друг-хакер. – Спутник над регионом был перенастроен во время похищения твоего друга. Теперь я никак не могу его отследить."

Я замер, кровь прилила к моему лицу. Подавив дрожь, я ответил Джо: "Помнишь ли ты миссию, которую Виктор выполнял против части грузинской мафии?"

Джо ответил мгновенно: "Да, он был под прикрытием уже неделю, пока они не проломили ему череп. Он чуть не умер, не так ли?"

"Да, – я подтвердил. – Чтобы проверить на повреждение мозга, в больнице ему сделали электроэнцефалограмму. Как ты думаешь, ты можешь получить доступ к записям ЭЭГ?"

"Думаю, да, – сказал Джо, его голос прохрипел. – Ты предлагаешь то, о чем я думаю?"

"Я помню, ты говорил мне что-то о возможности отслеживать мозговые волны, – признался хакер. – Я забыл, как это работает."

"Джон, ты потрясающий, – воскликнул мой технический специалист. – Конечно, я помню. У каждого человека есть характерная мозговая волна, которая так же уникальна, как и отпечаток пальца. Таким образом, если мы знаем, как выглядят мозговые волны человека, мы можем технически определить их местонахождение. Ну, не мы, а люди из министерства обороны могут".

"Как именно им это удастся?"

"Когда я работал в Кальтек, заместитель министра обороны выступил с речью, в которой рассказал о том, как развивается МО и экспериментальная спутниковая сеть, способная считывать мозговые волны с орбиты, проводя дистанционную энцефалографию объектов".

"Как я могу получить доступ к спутниковой сети?" – я спросил хакера.

Голос Джо сбился с толку: "Честно говоря, я не знаю. Но если бы ты знал кого-то внутри, кого-то, кто работает в МО, то мог бы. Может быть."

"Спасибо, Джо", – я нажал на кнопку и набрал свой контакт в МО.

Мне потребовался еще час, чтобы связаться с Итаном Кроули, моим бывшим партнером по морским котикам, который в настоящее время является комендантом корпуса морской пехоты и обладает значительным авторитетом в Министерстве обороны. Объяснив ему, что случилось с моим другом, я рассказал Итану, что если я не найду Виктора в ближайшее время, его могут замучать до смерти. Итан согласился помочь мне и попросил прислать ему по электронной почте показания ЭЭГ. Он подключил показания электроэнцефалограммы Виктора к спутниковой сети "Оборона" и быстро дал мне местоположение. Это был адрес в Верхнем Ист-Сайде Манхэттена.

Не желая тратить время, я одолжил у Итана вертолет и прибыл по определенному адресу. Это было строящееся здание недалеко от Централ парка. Я приказал пилоту высадить меня на крышу. Высадившись, я заметил инертную человеческую фигуру, лежащую на недостроенной крыше. Я спрыгнул так быстро, как только мог, и бросился к человеку. Темные седые волосы и безошибочно серая бледность говорили мне, что это мой дорогой друг Виктор.

"Виктор", – я вздохнул с облегчением, когда пробирался к нему.

Он неуверенно поднялся и балансировал на низких перилах крыши. Я заметил, что его ноги были надежно перевязаны. Но над его грудью был вздутый пиджак, похожий на тяжелый пуленепробиваемый жилет.

"Виктор?" – я повторил, беспокоясь.

Мой друг смотрел на меня, быстро моргая. Я знал, что он пытался сдержать слезы.

"Виктор, поговори со мной?" – я умолял, пытаюсь удержаться между стальными стержнями, которые держали две стороны крыши вместе, и добраться до него.

"Не пытайся подойти, Джон, – сказал Виктор оборванным голосом. – Меня обвязали шестнадцатью фунтами тротила военного класса. Он может взорваться".

"Просто держись крепче, приятель. Я обезврежу его."

"Нет, бомба чувствительна к пульсу. Попытка деактивировать или обезвредить ее приведет к взрыву зарядов. Радиус взрыва двадцать футов. Не подходи ближе".

"Ну, тогда я вызову сапёров, – заверил я моего друга, пытаюсь успокоить голос, как будто всё под контролем. Я не хотел, чтобы Виктор знал, что мое сердце разрывается от ужаса. – Сначала я выведу тебя, чтобы специалисты могли снять с тебя жилет".

"Джон, ты не понимаешь. Бомба взорвется, если я попытаюсь снять жилет. Теперь ты ничего не можешь сделать".

"Черта с два, – я ответил. – Подожди, Виктор, я иду и обезврежу его сам."

"Она взорвется, – мой друг слабо протестовал. – Я пытался вывести ее из строя. Я знаю."

"Мне все равно! Если она взорвется, тогда нам придется выяснить, что такое загробная жизнь... вместе" – я проделал долгий путь и пересек узкие балки, избегая зияющих отверстий, которые показывали незаконченные нижние этажи строящегося здания.

"Джон, ты был хорошим другом", – говорил Виктор немного громче. Я посмотрел на него и увидел, что у него в руках полуавтоматический пистолет.

"Что ты делаешь?"

Виктор грустно покачал головой: "Я не могу позволить тебе навредить себе. Не подходи ближе".

"Или что?"

Виктор поднял оружие и направил его прямо на меня.

"И что теперь? Ты собираешься меня пристрелить?"

"Ты дал мне шанс на новую жизнь после того, как я должен был умереть. Ты дал мне смысл моей жизни. Я прожил достаточно долго, и благодаря тебе у меня был шанс делать больше добра, чем большинство людей за всю свою жизнь".

Я замер в шоке. Это звучало так не похоже на него: "Виктор, о чем ты говоришь?"

"Ты живешь. Делай то, что делаешь. Спасай людей. Только не меня. Не сегодня, – мой друг скривился. – Я хочу поблагодарить тебя за то, что ты дал мне второй шанс, за то, что позволил мне помогать людям."

"Ты можешь поблагодарить меня позже, после того, как я сниму с тебя жилет", – я сделал несколько быстрых шагов навстречу Виктору. Теперь мы были менее чем в десяти ярдах друг от друга.

"Не подходи, – тихо повторил Виктор. – Я не позволю тебе умереть напрасно".

"Это очень плохо, – я выпалил в ответ. – Это не твой выбор. Я приду к тебе и обезврежу бомбу, нравится тебе это или нет."

"Да, – внезапно сказал Виктор. Он прозвучал тоскливо. – Ты прав. Это не мой выбор. А вот это да."

Я посмотрел вовремя, чтобы увидеть, что он делает. Бывший немецкий спецназовец поднимал к собственной голове.

"НЕТ! – Я закричал. – Что ты делаешь?"

"Если я умру, тебе не придется обезвреживать эту бомбу, – сказал Виктор, кивая мне. – Спасибо, друг мой."

Прогремел оглушительный выстрел. Я сжимал глаза, не желая видеть ужас, который разворачивался перед моими глазами. Когда я, наконец, открыл их, я увидел изуродованный труп моего дорогого друга, лежащего всего в нескольких метрах от меня. Виктор застрелился. Его лицо выглядело расслабленным, как будто он заснул.

Мое тело дрожало от рыданий, которые он не слышал. Было так много вещей, о которых я хотел обсудить с ним – так много историй, которыми я надеялся поделиться, воспоминаний, которые нужно было пережить, но все это ушло. Мое горе грозило поглотить мой разум, и ничто, кроме мести, не могло избавить меня от этих страданий. Я скоро отомщу за его смерть.

Меня поглотила безграничная печаль. Я был тем, кто заслуживал наказания. Я должен был быть привязан к бомбе. Я должен был умереть, а не Виктор. Он был честным человеком, и его доброе сердце переживало за других. Я не переставал удивляться его стойкости. Он рисковал своей жизнью во имя спасения обычных людей каждый день. Я сбился со счета, сколько раз этот друг принимал пулю за меня.

Виктор Шлутер умер на моих глазах, обвязанный взрывчаткой военного класса, не в силах защитить себя от самой плачевной судьбы. Когда он выстрелил из пистолета, огнестрельное ранение обезобразило его лицо, оставив после себя искаленную плоть и кости.

Гибель Виктора опустошила меня, но мне пришлось страдать от горя в одиночку. Официально ни Виктор, ни я, не были ни в одной мировой базе данных. Мы были призраками. Наша работа требовала этого. Мы жили под псевдонимами и проведение обычных похорон моего друга означало бы, что он воскрес и снова умер. Правительственные учреждения были бы предупреждены. Было бы слишком много вопросов. Мои враги использовали бы это как возможность нанести максимальный урон тем, кого я любил. Как бы

это ни огорчало меня, я не мог оплакивать его должным образом. Я не мог похоронить его тело с достоинством, которого он заслуживал. Я не мог поставить ему надгробный камень. Я не мог провести службу за дорогого друга, который принёс в жертву свою жизнь, чтобы спасти мою. Но больше всего меня мучило то, что я не мог ответить перед его семьей.

За три года, что я его знаю, Виктор очень мало о них говорил.

Мы были профессиональными шпионами, работающими для защиты людей всех национальностей, рас и вероисповеданий. То, что мы делали, подвергало нашу жизнь риску и подвергало опасности тех, с кем мы были близки. В этом мире, чем меньше о нас знали, тем безопаснее. В результате мы с Виктором редко говорили о наших жизнях за пределами миссий. Мы никогда не делились информацией сверх того, что было необходимо. Только после его ухода я понял, что он за человек на самом деле. Его сила и стойкость были непревзойденными. Я не могу представить, как человек может иметь столько терпения в своем сердце. Какими бы суровыми ни были его пытки, Виктор никогда не сдавался. Он никогда не ломался перед тяжелейшими вопросами.

Но именно его бессмертная преданность до конца разбудила мое сердце с гордостью и одновременно разбила его. Он убил себя, чтобы не дать мне умереть. Я знал его в течение трех лет, но сейчас я чувствую, что он был моим другом всю жизнь. И по его действиям в последние минуты, казалось, что Виктор хорошо знал меня к тому времени. Он знал, что я никогда не буду следовать логике. Он знал, что мой мозг станет иррациональным, и я буду пренебрегать своей безопасностью, если буду думать, что его жизнь можно спасти. Он знал, что я попытаюсь обезвредить бомбу, даже если не будет возможности остановить таймер. И он принял окончательное решение, основываясь на своих знаниях.

Мой мозг проигрывал эту сцену тысячу раз. И каждый раз боль была такой же, как и в первый раз. Я мог представить его стоящим там, с пистолетом, поворачивая оружие на себя. Бывший немецкий спецназовец не был обычным самоубийцей, но он пожертвовал собой, не задумываясь, чтобы не дать мне приблизиться к нему.

Мое сердце так ужасно болело каждый раз, когда я думал о том, как безрассудно должна была закончиться жизнь Виктора, что я поклялся охотиться до последнего за теми, кто был ответственен за похищение моего дорогого друга и обвязывание его бомбой и таймером обратного отсчета. Иногда я чувствовал себя неспособным отомстить; мое сердце было разбито на слишком много частей. Я хотел сбросить бронезилет и выйти на улицу, под полным видом всех камер наблюдения, чтобы те, кто разрушили жизнь моего единственного друга, могли убить меня. Я хотел, чтобы они зарезали меня, чтобы мне

не пришлось чувствовать боль от потери такого друга, как Виктор, потому что он был кем-то гораздо больше, чем друг. Он был мне как брат.

Даже когда я жаждал смерти и желал, чтобы моя боль скоро закончилась, я колебался. Виктор умер, чтобы я мог жить и продолжать его работу. Он отдал свою жизнь, чтобы я могла победить и восстановить справедливость хотя бы в некоторых частях света. Я знал, что это то, что, скорее всего, происходило в его сознании, но, честно говоря, я больше не хотел нести ношу справедливости. Я не чувствовал энтузиазма по поводу принесения мира или справедливости в этот наполненный ненавистью мир. Это была сумасшедшая арена, где такого хорошего человека, как Виктор, обвязывают тротилом и доводят до самоубийства. Я хотел забыть о равенстве в мире. Всё моё сердце хотело убить всех, кто был в ответе за смерть моего друга.

Несколько дней я рыдал. Когда агония стала невыносимой, я утопил свои горести в бутылках ароматного вина, которое Виктор хранил на нашей конспиративной квартире. Больше недели я не мог работать. Джо, должно быть, звонил сотни раз, но у меня не хватило духу ответить. Компьютерный программист из Кальтек оставил звуковые сообщения, но я не ответил, потому что я не мог говорить. Мне нужно было всё закрыть, так что я посетил одно место, которое я боялся больше всего.

Я стоял у главного камня, я чувствовал, что мое зрение ослабло от слез, которые струились непрерывно. Казалось сюрреалистичным, что мой дорогой друг Виктор был похоронен здесь под ногами. Иногда это было слишком мучительно, что задерживается у его могилы, поэтому я ушел, желая оставить печаль позади, но я не мог оставить моего друга под этим надгробным серым камнем без имени. Я вернулся на свежую могилу и преклонил колени, чтобы быть ближе к нему. Я говорил тихо, уверяя моего друга, что он никогда не будет забыт, поклявшись найти убийц, которые забрали его драгоценную жизнь.

"Я всегда буду помнить тебя, как солдата, который погиб, пытаясь защитить других. Ты будешь отомщён!" – потом, опустив голос, говоря почти шепотом, я произнес слова, которые давно были у меня в голове. – Прости меня, Виктор. Прости меня за то, что я не знал, как тебя спасти".

Я долго ждал, надеясь, что где бы он ни был в загробной жизни, мой друг услышит меня и поймет, что я бы сделал все, чтобы поменяться с ним местами. Мой друг был мертв. Он больше не мог со мной говорить.

Я удивлялся, почему мертвые не могут говорить. Это было ужасно несправедливо. Но тогда, возможно, они знали о смерти то, что живые

не имеют шанса узнать. Но мое сердце как-то знало - что он слышит мой голос.

Мой павший товарищ, я скучаю по тебе, дорогой!

My Fallen Comrade

Вставай, мой друг! Услышь мой зов,
Проснись, рассвет прекрасен!
Мы миновали стан врагов
Уж солнце не погаснет.

*Arise, my friend! Awake to my call,
We have come beyond the fall,
Arise to the sunrise of this ball,
A sun that will rise and never fall!*

О, Друг! Победа лишь твоя
Трофей твой - боли стоны
Твое пристанище земля,
Теперь ты в мертвой зоне.

*O' Friend! Victory was thine alone,
And in vain has this time flown,
To bring in pain for thee to own,
Ushering thee into a dead-zone;*

Чтоб храм богатства процветал,
Жизнь, данную как чудо,
Как и другие, ты продал,
И мир тебя забудет.

*Along with men, both young and old,
Thy given life was slovenly sold,
For an eternity of riches and gold,*

Но Бог тебя освободит
И к миссии направит
Чтоб ты прошел к своей двери
И смог бы все исправить

*When God set free thy free-born soul,
So thou could reach thy lasting goal,
And advance through the threshold,*

И греясь в солнечных лучах
Забыв о тщетном беге,
Чтоб не расстаться никогда,
Мы встретимся навеки!

*Of an unmarked requisitioned door,
Which was visited by none before,
There- basking above a saffron floor,
We shall meet to part no more!*

Хотя я предпочитал, кошек в качестве питомцев, но я чувствовал себя все более и более привязанным к Шатци. Как будто со мной еще осталась часть Виктора. Я представлял, что мой друг еще со мной. После смерти Виктора я сполна взял ответственность за заботу о собаке. Я гулял и кормил ее в одно и то же время дня, чтобы ее график внезапно не менялся, но, несмотря на мои усилия, она, казалось, страдала от тревоги разлуки.

Я не знал, как помочь ей, как вернуть ощущение, что он с нами. Это было невозможно. Я искал утешения в компании Шатци. Немецкий волчья собака Сарлоса, казалось, понимала, что ее лучшего друга больше нет с нами. Она стала больше времени проводить со мной, сидя у моего стула, пока я работал за компьютером. Виктора не было уже чуть больше недели, и собака стала внимательно следить за мной, даже если я направлялась за покупкой еды.

В воскресенье вечером я непременно посещал могилу моего дорогого друга. Шатци сопровождала меня. До сих пор я не знаю, как животное почувствовало, что ее хозяин лежит в могиле, но выражения ее морды поразили меня. Шатци стонала, ласково расправляя лапы над надгробием, издавая скорбные звуки и глядя на меня этими умными миндалевидными глазами. Казалось, что собака хотела узнать, правда ли это, действительно ли *это* ее хозяин, лежащий под надгробием. Я встал на колени, чтобы встретиться с ее глазами. Неужели это были слезы в этих темных глазах?

Я взъерошил широкие треугольные уши Шатци и говорил негромко: "Виктор тоже был моим другом. Я скучаю по нему так же сильно, как и ты".

Шатци упала на живот и растянула ноги наружу, защищая место Виктора. Казалось, что собака решила остаться с хозяином. Почти час ушел на то, чтобы убедить животное идти со мной обратно на конспиративную квартиру. Но я знал, насколько важна была эта связь, поэтому каждую неделю я брал Шатци с собой на могилу и разрешал собаке оплакивать хозяина вместе со мной. Затем, чтобы подбодрить ее, я угощал ее любимым печеньем для собак и арахисовым маслом. Я надеялся сохранить эту дружбу до конца жизни. Так сильно я был должен своему другу, человеку, который самоотверженно пожертвовал своей жизнью, чтобы я мог выжить.

В течение трех лет Виктор спасал мне жизнь и защищал от пуль. Но я так и не поблагодарил его. Я никогда не спрашивал о его семье, никогда не делился с ним хлебом, никогда не рассказывал ему о своей жизни и о своей настоящей личности. Он казался сдержанным и отстраненным, поэтому я всегда давал ему пространство, не желая нарушать профессионализм. Но после его смерти, я сожалел, что был так далек. Жаль, что я не поблагодарил его за спасение моей жизни, за то, что он рисковал своей жизнью в работе каждый день.

За все время, что я работал с Виктором, я никогда не видел, чтобы он оступался. Он никогда не требовал от меня ни единой оплаты, не просил денег, не брал ни перерывов, ни отпусков. Наша работа была требовательной. Требовалось бросаться под пули, чтобы спасти незнакомцев, людей, которые никогда не узнали бы о нашем существовании, людей, которые могли бы относиться к нам снисходительно, но Виктор никогда не уставал их спасать. Он был предан всем в равной степени. Я никогда не выражал ему благодарности, никогда не обнимал его и даже не пожимал руку. Не знаю, почему я боялся, но, может быть, я думал, что он суровый человек. Только после того, как он умер за меня, я почувствовал жгучую боль сожаления. Нет в этом мире большего горя, чем муки сожаления о любимом человеке, которого потерял, который ушел навсегда. Я знал, что независимо от того, насколько могущественным я стану в будущем, или сколько богатства я накоплю, я бы никогда не смог повеселиться, не подумав о его жизни, не вспомнив, как он так усердно трудился, чтобы спасти простых людей, но не сумел дожить до того, чтобы увидеть плоды своего труда.

Когда я, наконец, вернулся на работу, я поручил Джо одну работу: найти ближайших родственников Виктора.

Джо вернулся ко мне в рекордно короткие сроки. Он обнаружил, что у Виктора Шлутера есть трое сыновей и жена. Судя по записям суда, они все еще были женаты, но разошлись. У нее был партнер. Её свёкор взял под опеку детей. Я был немного удивлен, услышав это. Виктор никогда не упоминал жену и не говорил об отце. Я тоже никогда не слышал, чтобы он говорил о своих детях. Но он был очень закрытым человеком, так что это было понятно.

Я размышлял над тем, что мне делать. Жена Виктора понятия не имела, где он и какая у него профессия. Я сомневался, что она знает, жив он или мертв. Но он был моим другом, и я чувствовал, что это мой долг - позаботиться о его семье и детях. Я также хотел открыть благотворительную организацию от его имени, но сначала мне нужно было убедиться, что его семья в безопасности. Я записал адрес, который Джо скачал из немецкого справочника, и отправил документ с конкретными инструкциями в нью-йоркскую частную юридическую контору. Там адвокатам по планированию трастов и недвижимости было сказано, что именно нужно делать с документами и соответствующими банковскими счетами.

Затем я полетел во Франкфурт. Отец Виктора жил в районе Оффенбаха в Гессене. Мне понадобился час, чтобы найти жилой дом.

"Wer ist da?" – слабый голос, ответил с другой стороны.

Я не знал, что ответить. Дверь открылась, и мужчина с седыми волосами и в очках встал у порога. По бокам его стояли два подростка.

Я быстро говорил на немецком, объясняя пожилому человеку, что я друг его сына.

"Виктора?" – он спросил и пригласил меня войти.

"Где ваши внуки?" – я спросил его. Джо намекнул, что дети Виктора живут со своим дедушкой во Франкфурте.

Старик улыбнулся с нетерпением и представил маленьких детей: Хорст, Карл и он с гордостью напомнил о Лотаре, третьем сыне, который учился в школе.

Я глубоко вздохнул и рассказал ему новость о смерти Виктора, стараясь дать как можно меньше информации. Он выглядел сдержанным и задал несколько вопросов о жизни Виктора в Америке. Я сказал ему, что он оставил трастовый фонд для детей, и адвокат скоро передаст ему подробности.

Его гостиная была богато украшена, на стенах почти не было пустого места. Я заметил большой портрет, стоящий над столом в центре, и спросил, чья это фотография. Хорст хотел показать мне изображение. Это была фотография моего дорогого друга. Виктор на ней, должно быть, только выпустился из немецкой военной академии. Я был тронут, когда увидел остатки его наследия, сидя в этом мрачном доме. Я сказал, что Виктору бы понравилось, что его портрет украшает одну из стен дома, в котором живут его дети. Отец Виктора согласился.

Перед тем, как я вышел из квартиры, передо мной стоял подросток. Он свирепо нахмурился: "*Я скучаю по отцу*". Должно быть, это был Лотар, старший сын Виктора. Он унаследовал от отца глубокие серые глаза и бледность кожи. Маленький мальчик хотел знать, где его отец.

Я сказала ему, что его отец пытался спасти жизни таких маленьких мальчиков и девочек, как он. Я объяснил, что его отец был героем, погибшим, пытаясь сделать мир безопаснее для него. Это вызвало маленькую улыбку на его лице. Подростки, которые казались мне далекими, теперь отстали от меня и молча стояли в вестибюле. Я колебался и попытался добавить несколько слов утешения. Но ничего из того, что я мог бы сказать, не уменьшило бы их горя.

"Твой отец был моим лучшим другом, – сказал я наконец-то. – Он любил тебя".

Младший сын Виктора побежал вперед и обнял меня. Каким-то образом мальчик поверил мне. Он понятия не имел, что его отец умер из-за меня. Он умер, чтобы спасти мою жизнь. Это была моя вина, и я чуть не заплакал. Из-за меня эти дети стали сиротами. Они не заслуживали потери такого благородного отца.

Чувствуя мою скорбь, двое других парней подошли ближе. Я протянул руки и обнял их. Я обещал вернуться. Перед отъездом я дал их дедушке слово, что буду заботиться о сыновьях Виктора, как о своих собственных. Глаза старика сияли смирением и добротой. Он

бессловесно кивнул и проводил меня до двери. Я не хотел, чтобы они увидели, как я слезы катятся по моим щекам, поэтому поспешно ушел и связался с Джо. Программист пообещал немедленно отправить все банковские документы в квартиру Виктора.

Я отправился в Германию, чтобы отдать дань уважения оставшимся в живых членам семьи дорогого Виктора, но я не ожидал, насколько тяжело будет донести весть о его кончине до его пожилого отца. Как можно сказать больному человеку, что его единственный сын умер? Люди - эмоциональные существа, и для того, чтобы принять неизбежную боль, им нужно закрыть глаза. Им нужно знать, когда и почему. Но я не мог сказать им. Я не мог сказать детям Виктора, что их отец умер героем, что он покончил с собой, чтобы мне не пришлось рисковать своей жизнью.

Я не мог рассказать им, как Виктор последние четыре года ежедневно рисковал своей жизнью ради спасения американских жизней. Как бы они гордились, если бы знали правду о миссиях и деятельности Виктора, и как он самоотверженно жертвовал всем ради незнакомых людей! Виктор никогда не требовал от меня оплаты - спасение человеческих жизней было не его делом, а его миссией.

Если бы они знали, что всего восемь месяцев назад Виктор провел под прикрытием шесть недель, проник в одну из уличных банд Бронкса и сумел найти лидеров преступной организации. Он обнаружил, что банда занималась контрабандой наркотиков в юго-западной части Бронкса и вербовала детей из рабочего класса пригорода и малообеспеченных кварталов города. Лидеры банды часто принуждали сбежавших детей и подростков, находившихся в приемных семьях, перевозить для них наркотики и другое опасное оружие. Виктор был лично вовлечен, чтобы остановить рост таких групп, и, подвергая себя большому личному риску, он смог помочь полиции Нью-Йорка в ликвидации всего преступного синдиката. После того, как полиция арестовала главарей банд, по улицам Бронкса ходили десятки детей, у которых не было ни опекунов, ни примеров для подражания. Они представляли собой уязвимую группу, которая была подвержена влиянию преступных банд и употреблению наркотиков. Виктор оставался в этом районе в течение нескольких недель и лично помогал многим подросткам в Бронксе. Он давал им уроки баскетбола, бокса и даже помогал многим детям вернуться в среднюю школу.

Виктору также удалось создать надежные приемные семьи для семнадцати афроамериканских детей, которые жили на улице после побега из центров для несовершеннолетних. Вернувшись с работы под прикрытием, Виктор рассказал мне, как он был шокирован жестоким обращением с некоторыми из детей, которые страдали в государственных молодежных центрах, что он сам хотел усыновить

детей, но я должен был мягко напомнить ему, что в работе, которую мы выполняли, не было места для таких роскошных вещей. Вместо того, чтобы усыновлять детей, Виктор лично проверил каждую приемную семью и отдал их в новые дома. Он разрешил мне сопровождать его в этом прощальном путешествии, и когда я сидел в машине, то заметил, что даже подростки постарше обнимали Виктора и плакали. Дети так хорошо с ним ладили, что не хотели оставлять его и оставаться в приемной семье. Вид Виктора, прощающегося с детьми, был эмоциональной картиной, которая довела меня до слез.

Друг, которого я знал много лет, в это время жил в Лондоне. Когда он услышал, что я в Берлине, он пригласил меня к себе домой на свадебную церемонию своего единственного ребенка. Обычно я отклонял приглашения и избегал общения, но я вспомнил, кто он такой. Помощник комиссара лондонской полиции Рассел Ширли.

Но в 2000 году, когда я впервые его встретил, Рассел был старшим офицером британской полиции, который помог мне предотвратить взрыв бомбы в машине возле лондонского оперного театра. Это была одна из самых ожесточенных перестрелок, с которыми я сталкивался после ухода из советского Лагерь. Позже я узнал, что это были сербские ветераны войны в Косово 1999 года, когда войска НАТО подвергли их бомбардировке и разгромили, командирам сербской армии были предъявлены обвинения в Международном уголовном суде в Гааге.

Нападавшие на меня в Лондоне были вооружены и, казалось, были готовы сражаться не на жизнь, а на смерть. Их целью был британский премьер-министр, который был ярким сторонником воздушной войны НАТО против сербов и призывал международное сообщество поддержать американцев в операции "Союзные силы".

Я подозревал, что энергичная поддержка ПМ войны против сербов заставила этих бывших сербских военных напасть на него, но я ошибался. Когда мы с Расселом следили за кортежем британского премьер-министра и осматривали близлежащие толпы на предмет признаков враждебности, мы не знали, что всего в километрах от нашего местоположения шесть сербских ополченцев связывали сыновей премьер-министра в фургоне и уезжали. К тому времени, как Дастин сообщил мне, что возле оперного театра, где мальчики-близнецы навещали свою мать, произошло похищение, было уже слишком поздно. Мы с Расселом поспешили на место, но похитители уже забрали двух мальчиков. Мы шли по их следу несколько километров и почти приблизились к ним, когда похитители заметили нас.

Мы преследовали сербских наемников на полной скорости, когда они бросили в нас гранату. У полицейской машины Рассела были отличные тормоза, и он смог свернуть с траектории гранаты, но

магнитная граната попала в мою машину и взорвалась до того, как мы успели уехать. Я оказался в ловушке под горящей машиной, когда Рассел заметил перевернутую машину и пришел мне на помощь. У него были ожоги второй степени на руках и плечах, но ему удалось вытащить меня.

После двухчасовой погони на машине мы наконец-то отследили похитителей до промышленной зоны. Поиски были безнадежными, мы обыскали одно здание за другим и не смогли найти близнецов премьер-министра. Мой друг Дастин снова связался со мной и сказал, что улавливает сигналы прямой трансляции всего в двухстах ярдах от моего местоположения. Мне было любопытно. Какие СМИ рискнут попасть в индустриальную зону Лондона и транслировать новости в прямом эфире?

Я незаметно вошел в здание. Оно было заброшенным и выглядело так же. Но потом я услышал крики испуганных детей. Мы с Расселом побежали к источнику и обнаружили двух мальчиков, тесно связанных внутри металлической клетки. Два военных обливали свои тела бензином, в то время как третий стоял на расстоянии. Рассел подошел к третьему человеку и бесшумно ликвидировал его.

Я заметил камеру, установленную напротив стены. Она была установлена на штативе, а высокий человек настраивал объектив. К тому времени, как он заметил мое присутствие, я уже заломал его и ударил фотоаппарат о землю. Я схватил его за шею, но он протянул свободную руку в карман. Мужчина вытащил прикуриватель и попытался бросить его в заправочный отсек, но прежде чем он успел его зажечь, я выхватил прикуриватель из его руки. Он боролся и проклинал меня, сказал, что я разрушил его единственный шанс сжечь двух мальчиков.

Когда я, наконец, одолел этого человека, я узнал его по фотографии из брошюры международного уголовного суда. Это был Золтан Сесель, подозреваемый военный преступник, который был офицером 189-й ракетной бригады югославской армии. Я выразил ему свое потрясение и умолял его объяснить, почему такой офицер, как он, разрешил своим боевикам сжечь двух невинных детей. Золтан признался, что он основал балканскую террористическую группировку для того, чтобы добиться справедливости, и сказал, что, хотя ему не нравится убивать детей, он пытается отправить послание британскому премьер-министру и заставить его почувствовать свою боль. Серб рассказал мне, как его дети погибли во время бомбардировки Белграда силами НАТО. Все четверо его сыновей сгорели в огне, который поглотил его дом. В прошлом году он планировал эту месть и выслеживал людей, которые были ответственны за начало войны. Золтан сказал, что узнал, что одним из величайших сторонников войны

в Косово был британский лидер, который призывал страны НАТО бомбить Югославию.

Во время войны 1999 года, когда сербский лидер Милошевич не согласился с призывами НАТО вывести свои войска в казармы и полностью вывести их из Косово, именно британский премьер-министр наиболее яростно выступал за полный штурм Белграда с воздуха. В последующие месяцы самолеты НАТО подвергли бомбардировке стратегические объекты и нанесли поражение сербским силам. В то время как пилоты наносили удары по военным объектам, в ходе этих воздушных налетов погибло множество мирных жителей. Включая четырех сыновей Золтана Сеселя.

Офицер сербской ультранационалистической армии-изгоев попытался оправдать свои действия и он надеялся сжечь двух мальчиков в клетке и заснять это, чтобы все мировые СМИ увидели, но я разрушил его план. Я понял боль этого человека, но тщетно пытался заставить его понять, что сожжение еще двух детей не вернет его сыновей. Пока Золтан говорил со мной, Рассел успокаивал близнецов, уверяя их, что теперь они будут в безопасности. Я сказал ему немедленно связаться с премьер-министром и сообщить ему, что его близнецы найдены.

Тем временем я заметил, что оба мальчика все еще дрожат от страха, поэтому я попытался успокоить их, представившись и спросив их имена. Близнецов звали Юджин и Томас. Они с нетерпением ждали возвращения домой, поэтому я успокоил их и объяснил, что это был драматический спектакль, а человек, который похитил их, играл только роль в фильме и никогда не хотел причинить им вреда. Мальчики поверили мне и начали смеяться. Я знал, что правда слишком болезненна для таких маленьких детей, как они, поэтому я надеялся, что они смогут забыть об ужасных событиях, которые вот-вот произошли. Я надеялся, что Юджин и Томас никогда не узнают, что они были в минутах до своего сожжения. Это осознание ужаса оставило бы шрамы на всю жизнь.

Рассел взял под стражу сербских террористов и успешно оставил мое имя в полицейском отчете. Мы поддерживали с ним скудную связь и лишь однажды он обратился ко мне за помощью. Это случилось, когда его дочь случайно заразилась токсином, работая без присмотра в бельгийской лаборатории. По этому случаю нам с Дастином удалось купить противоядие из закрытой военной лаборатории на Украине. Девушка была спасена и не пострадала ни от каких последствий.

Приглашение Рассела Ширли вернуло болезненные воспоминания, которые я хотел бы никогда не вспоминать. Но прежде чем отклонить его просьбу, я подумал о своем друге Викторе. Это был печальный момент в моей жизни. Мне было что сказать, но я не мог

сказать детям Виктора, каким благородным был их отец. Я решил нанести Расселу визит и рассказать ему о моем покойном друге Викторе. Может быть, если бы у меня был кто-то, с кем можно было бы разделить скорбь, это уменьшило бы мою боль.

Когда я приехал в Лондон, Рассел отвез меня в свой просторный дом. Он был переполнен гостями свадьбы, а домработницы украшали столы едой. Рассел познакомил меня со своими коллегами и сказал, что теперь он помощник комиссара лондонской полиции, и в конце концов поблагодарил меня за спасение жизни его дочери. Он настаивал на том, что его дочь жива сегодня, потому что я спас ей жизнь, принеся ей противоядие, но я сказал ему, что это не я спас ее; это Бог спас ее, используя меня. Если бы я этого не сделал, это сделал бы кто-то другой. Но Рассел сознательно посмеялся и привел меня в столовую. Он еще раз поблагодарил меня и пошел поболтать с другими гостями.

Я хотел протестовать, кричать, что он ошибается. Неужели он не мог понять, что у меня нет сил никого спасать? Я даже не смог спасти Виктора! И он стоял всего в нескольких метрах от меня, но не мог помешать ему умереть мучительной смертью. Если бы у меня была сила спасать людей, то моя мать не умерла бы сегодня. Мои друзья были бы живы. Большинство людей, которых я любил и о которых заботился; люди, за возвращение которых я отдал бы всё, исчезли. Их спасение не зависело от меня.

Аромат изысканной кухни витал по всему обеденному залу. Гости пробовали блюда, но вдруг я понял, что не голоден. Я был в дороге в течение девятнадцати часов, включая мой рейс из Берлина, но аппетит пропал.

В последнее время это часто случалось. Неважно, насколько вкусной была еда, я едва мог проглотить один кусочек. Даже самая вкусная еда для меня была безвкусной. Как ты можешь наслаждаться едой, когда все твои близкие умерли? И когда все, кто тебе когда-либо был дорог, больше не могут делиться с тобой этими восхитительными блюдами? Мои друзья, Виктор и Дастин, моя любимая мама, мой наставник Михаил и все те дети из моего сибирского приюта, которые ухаживали за мной, – они заслужили эти лакомства. Они заслужили эти удобства. Они пожертвовали своей жизнью ради людей, которые никогда не узнали бы их имени, но теперь, когда они ушли из этого мира, не имея возможности быть счастливыми, не имея возможности наслаждаться теплой трапезой или спокойно сидеть на пляже на закате, не боясь смерти и пыток, скрывающихся на каждом шагу.

Дастин заслужил эту еду. Виктор заслужил этот комфорт. Моя мать заслужила спокойное жилище у моря, где она могла бы проводить свои дни в комфорте. Они заслужили это. Не я. Я не

заслужил этого, потому что без них я никогда не смог бы насладиться ни одним из этих утешений.

Я удивлялся, почему мир издевается над нами таким образом. Почему ты получаешь деньги только тогда, когда они тебе больше не нужны? Почему ты получаешь комфорт и безопасность в своей жизни только после того, как твое сердце перестает биться? Почему ты получаешь возможность спать в теплой постели только после того, как безнадежно впадаешь в хроническую депрессию? Почему враги отказываются от погони за вами только после того, как вы начинаете страдать от маниакальной паранойи и теряете способность сохранять спокойствие?

Это жестоко, когда мир предлагает тебе деньги только после того, как все те, кого ты любил, умерли, и не осталось ничего общего с богатством, и не осталось друзей, которых можно было бы спасти, не осталось никого, кто мог бы тебе помочь. Как иронично, что после того, как ты потерял весь аппетит, ты в восторге от подносов с едой. Я не могу есть и переваривать даже лучшие деликатесы. Трудно не начать задыхаться, когда воспоминания о близких вызывают слезы на глазах. Ты не можешь наслаждаться чем-либо в этом мире, в этой жизни, когда все люди, которых ты любил, ушли; все люди, которых ты лелеял, исчезли навсегда; и все те, кого ты хотел спасти, мертвы.

"Тебе нужно это увидеть", – Джо направил меня к выходу.

"Не сегодня", – раздраженно ответил я.

В течение двух недель компьютерный хакер передавал мне файлы, которые заполнялись профилями людей, чья жизнь находилась в опасности. Но я не мог заставить себя сосредоточиться на крахмально белых страницах; я не мог собраться с мыслями и находить преступников, когда убийцы *моего* напарника еще были на свободе, дышали свежим воздухом, в то время как Виктор лежал в холодной земле, мертвый, похороненный без всяких почестей. Я бы не позволил им уйти.

Технический специалист из Калифорнийского университета снова прокашлялся, пытаясь привлечь мое внимание.

Я почесал щетину на подбородке: "Мы говорили об этом, Джо. Я не возьму новых дел, пока тех, кто сделал это с Виктором, не посадят на пожизненное. Я поклялся, что найду каждого, кто виноват в его смерти, и намерен это сделать".

"Я знаю, чувак, – успокаивающе сказал Джо. – Вот почему я пытался остановить тебя. У меня есть зацепка."

Я замер: "Что?"

Джо говорил торопливо: "Ты помнишь Клариссу Шетланд Старший техник на Берлингтонской атомной электростанции."

"Женщина из Канады? – я повторил. – Твое приложение пометило ее сообщение и пришло к выводу, что ее жизнь в опасности, поэтому мы послали Виктора быть ее телохранителем."

"Правильно, кроме одного. Я клонировал ее телефон во время операции. И знаешь что? Сообщения с угрозами, которые она получала, исходили от устройства, которое принадлежало ей самой."

Я не понимал, что хакер пытался мне сказать: "На что ты намекаешь?"

"Я думаю, что Шетланд играла с нами, – сказал Джо. – Она создала *впечатление*, что ее жизнь под угрозой, чтобы мы пришли к ней на помощь. Ну, в данном случае, мы пошли к ней на помощь".

"Джо, это только в теории, – вздохнул я. – На нее напали настоящие люди. Виктор рассказал мне, как ему пришлось отбиваться от шести или семи вооруженных нападавших. Кроме того, откуда ей знать, что мы отслеживаем глобальные спутники связи? Она не могла знать, что у нас есть система, которая отслеживает телефонные звонки и электронную почту и находит людей, которые являются потенциальными целями".

"Она знала. Я не знаю как, но я думаю, что женщина была на нашем пути задолго до того, как мы увидели ее линии связи. Шетланд проложила нам долгий путь. Я признаю, что мое приложение было обведено вокруг пальца".

"Как кто-то может быть настолько продуманным? – я задавался вопросом вслух. – Она была простым техником".

"Ну, может быть, это объясняет это. Кларисса Шетланд - не ее настоящее имя. Это подставное имя, которое она выдумала, когда устроилась на атомную электростанцию".

"Кем она была до этого?"

"Она жила в своем родном городе Квебеке и работала на компанию по экспорту продукции, которая называется Лига чего-то, вроде *Трэдецим*".

"Лига 13", – я ответил внезапно.

Джо выглядел удивленным: "Точно. Как ты узнал?"

"Потому что я работал в 13-ой Лиге. Много лет назад. До того, как встретил тебя."

"Что это?" – Джо спросил тихо.

"Это подразделение черных оперативников АНБ, контролируемое австро-венгерцем по имени Рейнхард. Он действовал в Америке под вымышленным именем Ричард. Он использует прикрытия, такие как компании по экспорту-импорту или страховые компании, и скрывает за ними свою корпорацию".

"Как ты с ним познакомился?" – глаза Джо сияли любопытством.

"Это долгая история, – сказал я вкратце. – Скажем так, он помог мне выбраться из очень опасной ситуации, и я думал, что обязан ему за это жизнью".

"Где этот Ричард сейчас?"

"Он – беглец, международный террорист, ответственный за совершение многочисленных террористических актов, в том числе за взрывы в Париже в 2015 году. Когда он еще был активным членом АНБ, Ричард создал частную охранную фирму под названием "Блэксенд". Это были военные подрядчики, которые действовали в Ираке и Афганистане. Ричард извлек огромную выгоду из этих сделок, но вскоре его наемники стали убивать слишком много гражданских в Ираке. Даже для военных это было слишком, даже для наших солдат в Ираке, поэтому комитет по разведке сената аннулировал военный контракт и приказал Ричарду распустить свою фирму".

"Полагаю, он их не распустил?"

"Он перевел команду".

"Куда?"

"В Китай", – я сказал. – Или, по крайней мере, часть из них.

Теперь, когда ты узнал о Клариссе Шетланд, я полагаю, что у Ричарда есть небольшая база и в Канаде. Очень похоже, что он распускает сети Блэксенда по соседям Америки."

"Это интересно, – заметил Джо. – В любом случае, думаю, я знаю, за чем охотилась Кларисса. Похоже, что она специально нацелилась на нас, а точнее, на тебя".

"Как?"

"Моя программа пометила ее номер, потому что она сама на себя напала. Джон, она знала, как мы работаем. Каким-то образом она узнала, что ты появишься и попытаешься спасти ее, если она заставит нас поверить, что ее жизнь в опасности".

"Зачем ей выманивать меня?"

"Может быть, кто-то, на кого она работает, хотел тебя, но их планы провалились, когда Виктор вызвался на операцию вместо тебя."

"Джо, пожалуйста, я знаю, что все это звучит интригующе, но я действительно не в восторге от того, что узнал о том, какой подлой была какая-то канадка. Я ищу людей, которые, возможно, были ответственны за смерть моего лучшего друга, и я намерен их найти".

"Именно поэтому я поднял вопрос о деле Шетланд, – пробормотал Джо. – Хотя большинство данных на серверах ее компании были повреждены, я следил за ее телефоном."

"С каких пор?" – мне было трудно поверить, что хакер сможет следить за жизнями сотен людей, которых мне удалось спасти.

"С тех пор как Виктор вернулся из Канады, – Джо говорил быстро. Он избегал зрительного контакта. – Я просто подумал, что должен быть уверен. Ты знаешь."

Я покачал головой: "Уверен в чем?"

"Ну, биометрический трекер на телефоне Виктора показал шаблон."

"Подожди, – я поднял руку, пытаюсь осознать все. – Не лги мне, Джо. Ты хочешь сказать, что следил за Виктором без его ведома? Это неприемлемо."

"Это было только для его защиты, клянусь. Я хотел убедиться, что он в безопасности, чтобы я мог послать помощь, или дать вам знать, есть ли были какие-то признаки неприятностей. Виктор никогда не просил подкрепления или помощи – знаешь, как немцы ведут себя".

"Что ты нашел?"

"Каждую субботу Виктор прилетал прямым рейсом в Монреаль-Трюдо и садился на такси к частному дому в жилом районе, расположенном в районе Сен-Лоран в Монреале. Мне удалось найти имя владельца. Вот фотография удостоверения личности владельца дома", – Джо положил мне в руку бумагу размером с ладонь.

Я прищурился, чтобы сфокусироваться. Прямые светлые волосы. Круглое лицо: "Кларисса Шетланд?"

Джо кивнул. Он выглядел мрачно: "За исключением того, что она использовала подставное имя при покупке недвижимости."

"Что Виктор с ней делал? Его миссия закончилась больше недели назад."

"Спутниковые снимки примерно того же времени показывают, что они долго гуляли по парку, ели в ресторане."

"Значит, у них были отношения? – я спросил, не дожидаясь ответа. – Но это не имеет значения. Личная жизнь Виктора – не наше дело".

"Может быть, и нет, но это ты сказал, что хочешь выяснить все, что произошло за последние часы его жизни. Я просто пытался помочь тебе".

"Кларисса Шетланд не имеет никакого отношения к его смерти. Я в этом уверен, – я повторил, складывая руки, когда размышлял над словами, сказанными Джо. – В этом романе нет ничего необычного. Виктор был ее телохранителем и защищал ее от многих нападавших. Это естественно, что у них была какая-то связь".

Джо присвистнул: "Виктор защитил ее от нападений, которые она сама создала, чтобы завоевать его доверие."

"Какие еще доказательства у тебя есть?"

"Устройство, которое было прикреплено к Виктору. Я нашел несколько отпечатков на нем. Кто бы это не сделал, он был небрежен".

"Они рассчитывали на то, что эта штука взорвется, – я мрачно сказал. – Очевидно, что отпечатки пальцев не должны были найти из обломков."

"Да, мне повезло. Один из отпечатков совпал. Принадлежит человеку, недавно освобожденному из исправительной колонии Аттики, он на испытательном сроке. Он эксперт по техническим взрывчатым веществам и подозревался - без осуждения - в подрыве трех бомб в торговом центре Денвера. Хочешь знать, кто внес за него залог после ареста?"

Я стоически посмотрел на хакера и не говорил. "Женщина по имени Клэр Саут, так же известная как Кларисса Шетланд".

"Ты уверен, что эксперт по взрывчатке установил бомбу на Викторе? – Мой голос скован эмоциями. – Где я могу его найти?"

"Я работаю над этим, – заверил меня Джо. – Я сообщу тебе, как только у меня будет место."

Адреса, который мне дал Джо, не существовало. Я следовал GPS, пока он не привел меня на небольшую поляну в северной части штата Нью-Йорк. Это место было окружено кустарниками. Ни одной души не было видно.

Я часами прочесывал это место, пока дверь ловушки не скрипнула у меня под ногами. Это был подземный объект! Я пробил металлическое покрытие и спустился в дыру. По дороге в главную комнату я клеил к балкам маленькие коробки со взрывчаткой. Это была бы моя страховка во время эвакуации.

Как и ожидалось, изготовителей бомб я застал вокруг карточного стола. Они не заметили, как я вошел. Я держал одного заложника и ранил троих других. В то время как они бились в агонии, я изъям их телефоны и другие электронные устройства, прежде чем связать их на выходе. Я знал, что они попытаются последовать за мной, и когда они это сделают, взрывчатка взорвется, в результате чего балки обрушатся и их собственное укрытие станет их могилой.

Я вернулся во временный операционный центр, который Джо создал в Стэмфорде, и передал ему гаджеты. Хакер приступил к работе и в течение двух дней отфильтровывал каждый байт данных с мобильных телефонов бомбардировщиков. На третий день он обнаружил джекпот.

"Запись? – я уточнил. – И ты нашел ее на телефоне эксперта по взрывчатке?"

Джо повторил подробности своих находок и велел мне прослушать запись целиком: "Записи голосов все еще анализируются, Джон, но я на сто процентов уверен, что слышал голос Виктора на заднем плане".

Мне не нужно было больше ничего слушать, я поспешил в компьютерную лабораторию Джо. Он предложил мне место в одном из его надувных кресел, но я отказался: "Мне нужно знать, что ты нашел, Джо".

"Точно, – Джо набрал на компьютере команду, в динамике появился шум. – Смартфоны, наверное, записывают все, что происходит вокруг них. Даже когда устройство выключено. Я взял этот отрывок из телефона подрывника, отпечатки пальцев которого были на устройстве, которое был пристегнуто к Виктору. Это было примерно в то время, когда пропал наш немецкий друг".

Запись началась с огромного статического эффекта, затем голоса стали более четкими.

"Где я?" – это был глубокий хриплый голос Виктора.

"Дорогой, я привела тебя в клинику. Ты в безопасности."

"Кларисса? – у Виктора, похоже, были проблемы с речью. Его слова были нечеткими – Что ты... Как ты нашла меня?"

"Ты был болен", – спокойный женский голос прошел эхом от динамика.

"Нет, помоги мне встать. Я должен вернуться." – Виктор говорил в спешке.

"Все в порядке", – повторила женщина.

"Другу нужна моя помощь, – продолжил Виктор. – Я должен идти."

"Тебе нужно лежать спокойно, Виктор, пока доктор не залатает тебя."

"Что ты делаешь? – у Виктора вдруг в голосе появилось беспокойство. – Моя нога повреждена. Мне не нужен бинт на груди".

"Виктор, пожалуйста, позволь доктору делать свою работу."

"Почему он надел на меня тяжелый поясной ремень?" – бывший оперативник КСК теперь говорил слаженно.

"Ты сломал несколько ребер, – звонко прозвучал голос Клариссы Шетланд. – Это всего лишь мера предосторожности, чтобы избежать дальнейших повреждений. Постарайся не двигаться".

"Готово, – ясно сказал мужской голос. – Активируется по твоей команде".

Через несколько мгновений запись утихла.

"Джо, что случилось потом?" – я потребовал.

Хакер выглядел взволнованным: "Я не уверен, но похоже, что эксперт по взрывчатке, должно быть, покинул окрестности. На его устройстве больше нет звука. Но я готов поспорить, что он говорил о бомбе на теле Виктора, когда сказал, что она готова к активации".

"Но Кларисса Шетланд была с Виктором, – напомнил я техническому специалисту. – Подключись к ее телефону. Я хочу знать, что она сделала после."

"Думаешь, я не пытался? – Джо ответил. – У нее либо нет смартфона, либо она была слишком умна, чтобы оставить его."

"Это была взрывчатка внутри его жилета, – сказал я. Мое горло снова сжалось. Я боялся, что слезы потекут, поэтому повернулся спиной к хакеру. – Виктор знал, что они что-то привязывают к его телу. Он ничего не мог сделать, чтобы предотвратить это. Это все моя вина. Я не должен был оставлять его без присмотра".

"Джон, ты не можешь винить себя. Ты пошел за помощью."

"Я должен был догадаться. Виктор был слишком умелым, слишком талантливым, чтобы позволить кому-то подойти к нему так близко и установить взрывное устройство на его теле. Но он ослабил бдительность, потому что знал Клариссу. Он доверял этой женщине. Как она могла? Зачем кому-то это делать?"

Мое расследование слегка отклонилось от курса после того, как я нашел женщину, которая была ответственна за жилет со взрывчаткой на теле моего дорогого друга Виктора. Именно в это время я узнал правду о том, что на самом деле произошло. Как и эксперт по взрывчатке, установивший смертельную бомбу на тело Виктора Шлутера, Кларисса Шетланд была пешкой. Настоящий игрок был кем-то, кого я знал, кем-то из моего прошлого. Джо был прав. Он заметил эту связь несколькими неделями ранее.

Женщина из Канады работала исключительно на Ричарда и действовала по его приказу. Я представлял себе, что нацеливание на Виктора было его способом причинить мне боль, потому что Ричард знал меня лучше, чем кто-либо другой. С тех пор, как я встречался с его дочерью Ириной, которая на самом деле была его падчерицей, Ричард никогда в жизни не давал мне ни дня покоя. Он хотел, чтобы я ушел из жизни Ирины, а когда я отказался, он начал нападения на моих близких, заставляя их страдать, чтобы наказать меня за то, что я украл его Ирину.

Мои друзья стали жертвами его мести. Мой друг Виктор умер, потому что мои враги хотели отнять все радости жизни у меня. Это было не то, от чего можно было легко избавиться.

Я помню, как ехал на секретное задание. Это был один из моих старых автомобилей, который я подчинил после небольшой аварии. Виктор часто ездил на мощных машинах, но в этот раз я тоже решил прокатиться на ней.

Во время маневрирования машиной, мои глаза устремились на автомобильный подстаканник. Там стояла бумажный кофейный стаканчик. Виктор купил кофе для меня перед смертью. Это был последний раз, когда он ехал на этой машине, я вспоминал с чувствами. Он высадил меня, но я забыл взять стаканчик с собой. Заметив бумажный стакан, мое горе снова ожило. Это заставило меня понять, что мой друг действительно ушел. Воспоминания о работе с Виктором крутились в моей голове, и я больше не мог вести машину.

Мои руки дрожали на руле, я остановился на пустынной дороге, слезы наворачивались на моих глазах.

Я не думал, что такой маленький случай сможет встряхнуть мои воспоминания и напомнить об ушедшем близком человеке. Раньше я не понимал, насколько важен Виктор для моей жизни. Его вклад в мое благополучие был бесценен. Я оплакивал тот факт, что у меня никогда не было возможности выразить ему свою благодарность. Я никогда не благодарил его как следует за то, что он сделал для меня. Он служил самоотверженно, никогда не добиваясь никаких компенсаций, зарплаты или вознаграждений. Было странно, почему я не ценил его так сильно, когда он был еще жив. Я думаю, что я не хотел доверять этому человеку, но после того, как он умер на моих глазах, чтобы спасти мою жизнь. Я понял, каким благородным человеком он был. Именно в этот момент я понял, что потерял друга, которого никогда больше не увижу.

Вина поглощает меня даже сейчас. Виктор не должен был умереть в тот день. Это должен был быть я. Я должен был умереть вместо него. Это моя вина, что мои враги уничтожили его.

Сумасшедшие воспоминания заставили меня рыдать бесконтрольно. Я чувствовал себя так, как будто потерял брата – брата, которого у меня никогда не было.

Когда я наблюдал смерть Виктора, я был уверен, что сойду с ума от горя. Слезы ярости постоянно стекали по моим щекам, когда я думал о том, чтобы нарушить все мои правила. Мне хотелось нарушить все правила, которые я установил для себя много лет назад; клятвы, которые я дал, никогда не прибегать к насилию и не мстить врагам. Я поклялся себе, что никогда не буду мстить, потому что знал, что в конце концов это уничтожит меня. Но теперь мне захотелось убить их всех, заставить этих людей столкнуться с той болью, которую я чувствовал. Какая польза от правил, когда все твои близкие умирают перед твоими глазами, один за другим, и у тебя нет никого, ради кого можно было бы жить? Я не хотел терять контроль, но мой разум становился погружался в сумасшествие. Я больше не хотел думать логически. В этом не было смысла. Тюрьмы было бы недостаточно для тех, кто убил моего друга. Они заслуживали смерти.

Когда я узнал о предательстве Ричарда и о том, как он организовал такой продуманный план, чтобы убить моего друга, я захотел переступить через все принципы, на которых я настаивал столько лет. Я рассуждал, что эти правила бесполезны, потому что в то время как я сражался с честью, у моих врагов не было ни правил, ни чести, ни кодекса. Я решил взять правосудие в свои руки и отправился на поиски Ричарда. У меня больше не было желания арестовывать его. Только смерть моего величайшего врага могла принести покой моему скорбящему сердцу.

Я наконец-то нашел Ричарда с помощью хакера и загнал его в угол в его же гараже. О, как отчаянно я хотел убить его, но не смог нажать на курок. Держа его на мушке, я рассказал ему, как умер Виктор, как он пытался спасти меня. Ричард молчал, возможно, в страхе еще больше меня испугать, но я навел на него свое оружие и потребовал объяснений. Я сказал ему назвать причину, по которой он приказал убить моего друга. Ричард собирался открыть рот, чтобы говорить, когда машина остановилась позади меня. Я повернулся и поровнял оружие на злоумышленника.

Это была Ирина!

Падчерица Ричарда выпрыгнула из машины и направила на меня пистолет: "Брось оружие, Джон".

Я не мог подчиниться ее приказу, не тогда, когда я был так близок к задержанию человека, который приказал ликвидировать моего друга.

Ричард прокашлялся, он сказал мне, что я должен выслушать его дочь. На его усохшем старом лице играла насмешка. Человек злорадствовал внутри за то, что обманывал смерть. Ирина снова выкрикнула предупреждение, пообещав застрелить меня, но я не слушал. В моем сознании я снова представлял сцену. Мой друг лежал в куче крови, привязанный к двадцати фунтам взрывчатки, умирая, чтобы я мог жить. Я не мог позволить Ричарду сбежать, поэтому принял решение взять его под стражу. Хотя я знал, что он заключит сделку о помиловании с разведывательными бюро и в кратчайшие сроки найдет способ выбраться из тюрьмы, я все же хотел передать его в ФБР и снабдить их всеми доказательствами его проступков.

Я мгновенно опустил оружие, но Ричард начал отходить. Боясь, что он снова может сбежать, я поднял пистолет и приказал ему вернуться. Ирина снова закричала и выстрелила в меня. Ее пуля выстрелила мне в плечо, разрезав в глубине в кость. Мне удалось опереться о припаркованную машину и остаться на ногах. Пистолет был у меня в руках, хотя теперь он бесполезно висел у меня на боку.

Она снова выстрелила. На этот раз ее пуля пробила мою левую почку, посылая шоковые волны боли по всему телу. Я упал на землю, мой разум отключился от агонии. Боковым зрением я видел, как Ричард и Ирина уезжали в ее машине.

Грустное сердце

Кем восторгался, бросили меня
Кого любил, подверглись спорам
И фантазийный этот мир, маня,
Меня оставил вовсе без покровов.

*Those I adored abandoned me,
While those I loved contended,
And life- shrouded in fantasy,
Has left me undefended!*

Ушла Надежда, стало нелегко
Нет даже тени утешения в уныньи.
Предательства стрела вонзилась глубоко
Что даже смерть мне не страшна отныне.

*Once the sole consoler of my heart,
I was forsaken by Hope's shadow,
And cut so deep by Treachery's dart,
Even death cannot hurt me now!*

Я бы умер в тот день, если бы не уборщик, который проходил мимо гаража и заметил меня лежащим. К тому времени, как скорая отвезла меня в больницу, я был едва жив. Когда я очнулся, врачи сообщили мне, что они должны были перелить мне тридцать два пакета крови, чтобы я остался жив.

Тогда я понял, что безумие – это опасная вещь, более того, потому что оно может напасть на кого угодно, в любое время. И если

позволить ему взять вверх, даже на мгновение, тогда ты обозлишься настолько, что не будет почти никакой разницы между собой и врагами.

Если бы я требовал мести, какая была бы разница между Ричардом, Клариссой Шетланд и мной? Ричард поразил меня там, где было больше всего, но я не могу позволить ему выиграть. В течение многих лет он и его друзья-политики в Вашингтоне открыто поддерживали русофобскую политику и надеялись использовать ее как рычаг воздействия на меня. При поддержке Ричарда проявления русофобии в Вашингтоне стали более откровенными и обнадеживающими. Мне было больно видеть, как антирусский дискриминация становится все более распространенным явлением в американском обществе, но это не остановило меня от попыток спасти как можно больше жизней. Я отказался от любви. Я жертвовал своими друзьями. Я потерял здоровье и чуть не лишился рассудка, но мне пришлось продолжить работу. Было слишком много людей, чьи жизни были под угрозой. И я должен был им помочь.

Я не мог позволить Ричарду забрать мою жизнь.

Я не мог позволить ему снова сделать меня убийцей.

Поэтому я заставил себя вытравить боль и спрятать свои крики и слезы горя от всего мира.

С того дня, как умер Виктор Шлутер, в моем сердце была пустота, которую я не мог заполнить, как бы я ни старался. Я не мог простить себя за то, что не смог спасти его. Всю свою жизнь я переживал выстрелы, взрывы бомб, отравления и промывание мозгов, в то время как те, кого я любил и заботился, умирали один за другим. Все, от кого я зависел, были у меня отняты. С тех пор, как я был ребенком, я потерял самых дорогих мне людей. Гибель Виктора была последней каплей. Я не думал, что смогу вынести боль потери другого любимого человека.

Хотя я рос сиротой, лишенной братьев и сестер или семьи, я любил Виктора, как брата. После его смерти я приложил большие усилия, чтобы подружиться со Шатци. Волчья собака была дорогим мне существом, но сначала я боялся властолюбивого животного. В течение стольких лет меня пытали и допрашивали в разных частях света, и почти все похитители использовали собак, чтобы запугивать меня. Меня кусали эти животные, часто от этих зараженных укусов я страдал. Для меня было вполне разумно больше любить кошек, но я знал, что собака Виктора - миролюбивое животное. Она бы никогда не причинила мне вреда. Мне было очень приятно видеть, что собака ответила взаимностью на мою любовь, и мы стали очень близки.

Теперь, все, что у меня осталось в мире, это собака, единственная частичка дорогого друга, который отдал свою жизнь за меня.

Мне нужно было все это прекратить, поэтому я попросил Джо переслать все адреса, принадлежащие сообщникам Клариссы Шетланд. Британский хакер все сделал. Я сделал копию этого списка и полетел в Канаду.

Мое предварительное расследование привело меня по адресу, расположенному рядом с армейской базой 9-й канадской дивизии в Онтарио. Само месторасположение было посредственным. Шесть односемейных домов стояли беспорядочно над неводеланным участком сельскохозяйственных угодий, но именно под одним из домов я обнаружил туннель. Грубо вырытый подземный проход вел прямо в командный центр армейской базы.

Когда я вошел в командный центр, я удивился, увидев, что он пуст. Я не мог себе представить, что канадская военная база будет держать самый важный район внутри армейского штаба пустынным.

"Джо, ракеты готовы для запуска! – я закричал, встревоженно. – Есть ли способ остановить запуск?"

"Дистанционно? – хакер сказал с сомнением. – Это невозможно. Кто-то из НОРАД пустил помехи на твое местоположение. У меня нет доступа."

"Хорошо, вот что мне нужно, чтобы ты сделала. Я записал тебя в командную консоль. У тебя должны быть инструкции по запуску – выясни, куда именно направляются ракеты".

"Я могу это сделать, но как это поможет?" – мой помощник задал вопрос.

Я вздохнул: "Если мы не можем предотвратить запуск, то меньшее, что мы можем сделать, это послать приказ об эвакуации в целевые районы. Спасти несколько жизней."

"Да, нет, это плохо", – Джо ответил. Он был на грани. На мгновение он замолчал.

"Ну что?"

"Цели находятся в Нью-Йорке, Вирджинии и Вашингтоне."

"Сузь место, черт возьми! Нужно передать приказ об эвакуации".

"Я боюсь, что это невозможно, – сказал Джо. Его голос снизился до болезненного шепота. – Ракеты, которые готовы для запуска – это не обычные ракеты. Это ядерные боеголовки, которые направляются в сторону Америки".

Я почувствовал, как мое сердце начинает биться сильнее. "Что! В Канаде нет ядерного оружия, Джо!" – я напомнил хакеру.

"Поправка, – ответил Джо. – Официально у Канады нет ядерных боеголовок, но они хранят американские на своих военных базах."

"Ты уверен?"

"Сотни контролируемых США боеголовок хранились на канадских военных базах до 1990 года. Официально Канада вернула

американцам все ракеты с ядерными боеголовками, но на самом деле они оставили часть из них на хранение. Кто-то знал, что это одна из военных баз, где хранились американские ядерные боеголовки, поэтому они использовали этот туннель, чтобы получить доступ к командному центру и направить боеголовку в Америку".

"Джо, продолжай отслеживать спутниковые снимки над сельхозугодьями. Я хочу, чтобы все, кто вошёл в дом с туннелем, были распознаны".

"Я еще не определил их всех, но у меня есть четкие изображения. Шести мужчин и одной женщины, они часто посещали этот крошечный дом за последние тридцать шесть часов. Кто угодно может угадать, кто эта женщина."

Я сразу догадался: "Кларисса Шетланд".

"Точно. Она и ее приспешники подготовили американские ядерные ракеты, они отправят их через границу".

"Сколько минут до запуска?"

"Три минуты, – Джо сказал. – И еще кое-что. Я перепроверил детали бомб. Каждая бомба несет нагрузку в восемь мегатонн – это эквивалентно восьми миллионам тонн тротиловой взрывчатки".

"То есть?"

"Я пытаюсь сказать, что эти боеголовки в *триста* раз более разрушительны, чем та, что сравняла с землей Хиросиму. Это означает, что если она попадет в цель, бомба создаст стопроцентную зону поражения в радиусе одиннадцати миль".

Я пытался удержать свое дыхание, отказываясь показывать хакеру свое беспокойство. "На счет три, – спокойно сказал я, – отрубил все коммуникации на северо-востоке США и Канады".

"Все коммуникации? – Джо повторил. – Радиовышки и вышки сотовой связи".

"Все, – я подтвердил. – Это единственный способ остановить запуск."

"Готово", – голос Джо зазвонил у меня в ушах минуту спустя.

"Джо, если ты отрубил все каналы связи, то почему я слышу тебя?"

"Потому что я говорю с тобой, используя личный спутник, который я запустил в космос некоторое время назад. Но причина, по которой я связался с тобой, не в том, чтобы общаться. План не сработал."

"Что не сработало?"

"Я получаю сигнал прямо сейчас! – голос Джо повышался. – Ядерные боеголовки все еще готовы к запуску."

"Как? Я думал, ты отключил радиосвязь."

"Это моя ошибка, – Джо говорил истерично. – Ядерные ракеты оснащены индивидуальной запусковой схемой. Даже если спутники не

работают, их можно активировать вручную. Думаю, один из людей Шетланд сейчас там. Они запустят их на месте."

"Где сейчас ракеты?" – я спросил.

"Я провожу тебя до точного места, но ты должен поторопиться. Время запуска – две минуты."

Я прижимал наушник ближе к уху: "Как мне деактивировать ракету, как только я доберусь туда?"

Джо прочистила ему горло. "В каждом ракетном отсеке земного базирования США есть предохранительный выключатель. Работники техобслуживания переводят его в безопасный режим, когда они находятся поблизости. Это предотвращает случайный запуск ракеты".

"Выключатель? Понял."

"Подожди! Может быть что-то еще. Если ракета вот-вот запустится, быть поблизости было бы крайне опасно".

"Джо, это не то, о чем я должен беспокоиться. Если ядерное оружие ударит по Соединенным Штатам, миллионы американцев погибнут, а Пентагон подумает, что Канада развязала против них войну, и они нанесут ответный удар. Белый Дом даст им зеленый свет, чтобы запустить несколько ядерных боеголовок в Канаду. Ты знаешь, что за Армагеддон произойдет, *если я не деактивирую ядерные боеголовки и не предотвращу запуск?*"

"Да, я знаю, поэтому я не могу думать здраво, – британский программист начал заикаться. – Там должен быть синий переключатель на каждой из ракет с ядерным зарядом. Он подключен к системе наведения луча на панели."

"Какова его функция?"

"В соответствии с руководством, которое я изучаю, система использует схему луча высоконаправленной радиолокационной антенны, чтобы соединить точку запуска ракеты с целью, так что если перевернуть переключатель, то боеголовки будут вынуждены перезагрузиться, фактически прервав команду запуска".

Двенадцать часов спустя я пересек американско-канадскую границу на машине и прибыл на конспиративную квартиру Джо в Вермонте.

"Когда ты стал фанатом подвалов, Джо?" – я сказал случайно.

Компьютерный хакер не выглядел радостным: "Когда ты замолчал, я запаниковал. На пару минут я был уверен, что испарюсь в грибовидном облаке".

"Вместе с семнадцатью миллионами американцев", – я сказал, покачивая головой. Последствия действий предыдущего дня никак не укладывались у меня в голове. День был странно расплывчатым, как будто это был ужасный сон, о котором ты забыл, как только проснулся.

Джо снова говорил слаженно: "Я не хочу думать, что случилось бы, если бы ты не смог деактивировать ядерные боеголовки. Я

арендовал этот подземный бункер. Он был отлит из цельного куска армированного сталью бетона. Я все еще слишком боюсь рисковать, выходя на поверхность, – он сделал паузу и посмотрел вверх с тревогой, – что теперь будет с ракетами?"

"НОРАД вернул свою власть. Я уведомил их об этой ситуации. Они задержали Клариссу Шетланд. Ты был прав насчет нее. До нападения Шетланд проникла на атомную станцию Саймона в Онтарио в качестве ученого и получила данные о ядерном арсенале. Она также завербовала своего ассистента на электростанции. Ты заснял его, когда мы наблюдали за домом, в котором был туннель".

"Электростанция Онтарио? – Джо негромко свистнул. – Это крупнейшая в мире атомная электростанция. Эти ребята были довольно серьезными."

Я кивнул, не заговорив.

"О, я думал, тебе будет интересно, – Джо положил свой планшет на стол. – Посмотри, что я нашел, когда прятался в этом уютном убежище. Разве это не тот человек, которого ты ищешь?"

Я изучал снимок экрана, который Джо показывал на своем iPad. Это был Ричард. В серии отснятых по времени кадров видеонаблюдения он пробирался на канадскую военную базу. Рядом с ним был командир базы, а также блондинка.

Я подозревал, что Кларисса Шетланд - внутренняя террористка, но я был удивлен, увидев, что она работала непосредственно на Ричарда.

"Когда именно это было снято?" – я спросил хакера.

"За пять дней до твоего отъезда в Канаду. Ричард был в том же месте за день до этого. Потом я выследил частный самолет, который доставил его на Аляску."

"Он все еще там?"

Джо энергично пережевывал губы: "После этого я не смог отследить траекторию его самолета. Я не знаю, в каком направлении он поехал оттуда. Прости."

"Не волнуйся. Ты сделал достаточно", – я похлопал Джо по плечу и покинул его подземное убежище.

Моя "сестра" была ответом Ричарда мне в качестве мести. Она была ответом на все его мечты о мести. Ричард думал, что использование маленькой девочки было единственным способом заставить меня прочувствовать боль, которую я навлек на него, отняв у него любимую падчерицу. Так что этот богатый могущественный старик пошел за семьей моей названной матери сразу, он использовал всю свою власть и деньги, всех своих головорезов и приспешников, свои планы и ухищрения, он нацелился на маленькую девочку. Весь свой гнев Ричард направил на нее, потому что думал, что, наконец, нашел мою слабость: семью, которая мне безразлична. Мой враг

стал врагом моей сестры. И вот, моя судьба и ее судьба столкнулись под перекрестным огнем засады Ричарда. Отец Ирины только что активизировал свою мести. Невинные стали его жертвами. Я не мог позволить ему разрушить семью моей приемной матери и навредить ее дочери, поэтому решил присмотреть за ней поближе. Я не смог защитить собственную мать, поэтому поклялся не допустить, чтобы с этой женщиной что-то случилось. Я никогда бы не позволил Ричарду или его команде психов похитить или мучать кого-либо из членов семьи русской женщины - единственное, что я считал своим домом.

Лучший способ, который Ричард придумал, чтобы отомстить за предательство своей падчерицы – это заставить страдать семью бывшего любовника его дочери. Он начал посылать своих людей, но я регулярно следил за ними. Они были защищены, несмотря на то, что понятия не имели о моем существовании.

Это был дождливый день, и Я отдыхал в элитном баре, проводя скрытое наблюдение за двумя членами высокого уровня, когда мой пейджер начал сигнализировать. Я перезвонил без промедления. Это было сообщение от моего друга, который обеспечивал безопасность моей семьи. Охрана Лиамы Флитвуда перехватила белого мужчину, который выходил из дома моей приемной матери. Мужчина был под стражей, и Лиам сообщил мне, что он лично проводил допрос. Сначала мужчина не хотел сотрудничать, но Лиам дал ему легкую дозу гипнотического препарата, чтобы ослабить его упрямство. Он начал говорить.

Он признался, что некто, чье имя он не знал, предложил ему несколько сотен миллионов евро в обмен на одно задание: похитить дочь моей приемной матери и снять порновидео с этой девушкой. Работодатель требовал доказательств в виде фотографий и видеозаписей до оплаты. Когда Лиам поинтересовался, как ему удалось проникнуть в дом и сделать так много фотографий, что никто не проснулся, он признался, что запустил газ несмертельного химического вещества в дом, которое ввело их в кому. Бывший офицер спецслужбы продолжил допрос и в конце концов показал полароидный снимок Ричарда и спросил его, не является ли он его работодателем. Лицо заключенного побледнело, и он медленно кивнул в ответ на вопрос Лиамы.

Когда мой друг Лиам сообщил мне о находках, он добавил, что мужчина, находившийся под стражей, дал ему три отдельных адреса имущества, которое он приобрел на деньги, уже переданные ему отчимом Ирины; похоже, что он получил несколько миллионов долларов за каждую партию фотографий из дома моей семьи. Мой разум, который до тех пор существовал в астральном уединении, сейчас сгорал от любопытства, потому что я не хотел верить, что такое

возможно. Мое сердце отказывалось признавать, что женщина, которую я считал своей матерью, оказалась в такой серьезной опасности.

Я хотел узнать правду, поэтому поехал в ближайшее место на карте. Это был большой каменный особняк в Форт-Ковингтоне, недалеко от американо-канадской границы. Я использовал свой пистолет, чтобы открыть двери и обыскал дом. Он был скудно обставлен мебелью, но я обнаружил скрытую дверь в полу на кухне. Используя ручную гранату, я взорвал часть пола и спустился вниз, чтобы обыскать. В подземной части дома была большая комната со стеклянными стенами. Рядом со стеклянной стеной находилась небольшая лаборатория. Я выстрелил несколько раз в дверь, но пули не смогли осилить в пуленепробиваемое стекло. Это место было укреплено системой безопасности военного образца. Мне было интересно, для чего все это. Я увидел мужчину в лабораторном халате, который пробирался к химически стойкому лабораторному рабочему столу. Похоже, он что-то проверял. Я вошёл бесшумно позади него и приставил пистолет к его голове. Он закричал и поднимал руки.

"Не стреляйте!" – лаборант умолял меня.

"Это зависит от тебя, – сурово сказал я. – У меня нет времени на игры. Что это за место и какого черта ты здесь делаешь?"

"Я всего лишь ученый, которого заставили работать на Кристофа".

"Кристоф? – я повторил. – Ты говоришь о темноволосом человеке с квадратной челюстью и очках с серебряной оправой?"

Рабочий кивнул: "Раньше я работал в исследовательской лаборатории, которая тестировала неврологические химикаты на животных, но в один прекрасный день, в мою смену, пропало огромное количество химикатов. После этого меня уволили. Компания думала, что я украл его."

"Ну, а ты?"

"Нет, я понятия не имел, кто это сделал, пока Кристоф не предложил мне работу. Вот. Когда я приехал в этот дом, он сказал мне, что мне нужно немедленно начать тестировать химикаты. Он украл их из лаборатории".

"Почему эти реагенты так интересуют Кристофа?"

"Комбинация реагентов, – уточнил исследователь. – Кристоф сказал мне, что он собирается привести девушку - молодую женщину, на самом деле, и он хотел немного промыть ее мозг, используя эти реагенты".

"Зачем?"

"Иногда они могут вызывать гипнотический контроль над субъектом и заставлять его совершать действия, противоречащие основным нравственным принципам человека. Кристоф был

непреклонен в том, что они будут использовать для принуждения молодой женщины подчиниться его сексуальным фантазиям".

"Каким образом эти химикаты работают?" – я спросил.

"Они могут превратить невольных людей в рабов, хотя в качестве побочных эффектов происходят значительные потери памяти. Я сказал Кристофу, что будут осложнения, и пригрозил уйти, но он запер меня здесь, в этом подвале и сказал, что убьет меня, если я не снабжу его этим веществом".

"Подожди, что Кристоф сказал тебе? Ты знаешь, почему он это делал?"

"Я так думаю, – тихо сказал лаборант. – Он сказал, что это все из-за видео, которое он должен был снять. Ему заплатят миллионы или даже миллиарды долларов за то, что он снимет для своего босса порно-видео. Я был шокирован, очевидно, и сказал ему, что для этого ему не нужны наркотики, но Кристоф сказал, что девушка, о которой шла речь, не хотела вступать в какие бы то ни было отношения. Он пытался с ней встречаться, но она стала православной монахиней и поэтому никогда не отвечала взаимностью. Теперь его босс сказал, что единственный способ получить деньги – это доказать свою сексуальную связь. Ему нужно было это вещество, чтобы сделать ее податливой".

"Ах, этот ублюдок", – я в гневе прошептал.

Я знал, что именно так и работал Ричард. Отец Ирины пытался сделать со мной то же самое и пытался уничтожить мою личность, удерживая меня в плену три года и промывая мне мозги, чтобы я стал гомосексуалистом. Теперь он нацелился на единственную семью, которую я считал своей.

Я сказал учёному покинуть особняк, тогда я вернулся на свою конспиративную квартиру. Мне нужно было узнать гораздо больше от разбойника, который вломился в дом моей сестры. Кристоф, или как там его настоящее имя, должен был дать мне ответы.

На полу лежало три тела. Стул, к которому был прикован Кристоф, был пуст. Моя охрана была мертва, а преступник сбежал!

Я сразу же связался с местными властями и попросил их АПБ всех подразделений национальной полиции найти этого преступника. Вскоре после этого они разослали ориентировки, но я знал, что тот, кто-то сумел вырвать троих из моих элитных охранников, сможет спрятаться и от полиции.

Я вздрогнул от беспомощной ярости. Что мне делать? Мои бывшие коллеги в Агентстве и АНБ использовали лучшие охранные агентства, чтобы обеспечить безопасность моей приемной матери и ее семьи, но есть факторы, не зависящие от нас. Отчим Ирины нанял

больше людей, чтобы напасть на мою сестру, чем кто-либо из моих друзей мог бы отследить.

Мне нужен был совет, как справиться с такой изнурительной ситуацией, и я обратился за советом к тому, кому я доверял. Это был Сэм Кларк, бывший офицер Агентства, который работал вместе со мной на многочисленных миссиях в Южной Америке. Последний раз я видел его шесть лет назад, когда организовывал миссию по спасению заложников в Гаване.

Кларк был честен и надежен. Хотя он работал под руководством отца Ирины, он узнал правду о старом директоре черных оперативников АНБ и расстался с ним после того, как Ричард был разоблачен за нападения на Башни-близнецы. Я позвонил ему и попросил о срочной встрече. Он указал место и время.

В час дня под мемориальным мостом Коулмана. Я не удивился. Мемориальный мост был построен с рядом проходов и отсеков у его якорных стоянок, которые служили большими складскими помещениями для состоятельных людей. Мост также был идеальным местом для создания базы командования для несанкционированной деятельности.

Я знал, что Сэм хотел встретиться на тайном объекте, которое было спрятано под мостом. Десятилетиями под мостом располагались частные винные погреба и хранили сокровища, но когда я добрался до этого места, то обнаружил, что оно весьма темное и пустое.

Мой друг из Агентства прибыл в согласованное место в десять минут второго.

Его знакомая торопливая походка отбрасывала длинную тень от другого конца темного корпуса.

"Ты опоздал, друг мой", – сказал я по доброте душевной.

Кларк смеялся. Его голос переключался с эхом через пещерное пространство: "Я не мог поверить, что это был действительно ты. Думал, что ты умер."

"Не мог позволить себе умереть, по крайней мере, в этот раз."

Мой друг принял серьезный тон. "В чем дело?" – он сказал, его голос звучал тревожно.

"Мне нужна твоя помощь", – признался я.

"У тебя неприятности?"

"Да, эм, нет, – я поправил себя. – У моей семьи".

"Твоей семьи?" – Кларк повторил.

Используя как можно меньше слов, я рассказал ему о том, что произошло за последние несколько недель. Я подытожил все, что Лиам рассказал мне о моей приемной семье и братьях и сестрах и, в частности, о том, как моя сестра стала мишенью многочисленных преступников, которым обещали щедрую награду, если они смогут причинить ей вред. Я начал задыхаться, когда я вспомнил, что

рассказал Лиаму Флитвуду пленный. Я не знал, как еще можно описать свой страх моему другу, но он, похоже, понял.

Сэм Кларк стоял в тусклом и пещерном помещении, держа руку на лице. Почти полная темнота пещерного пространства омрачала мое зрение, но я все еще видел глубокий хмурый взгляд на его лице: "Я пороюсь в этом, – обещал он. – Я воспользуюсь ресурсами Агентства, если понадобится, и получу подробности о тех мужчинах, которые следили за твоей семьей."

"Спасибо, чувак", – я начал, но мой друг отбросил мою благодарность.

"Поблагодаришь меня, когда я поймаю этих преступников", – сказал Кларк.

Мы обменялись коротким прощанием, и он разрешил мне уехать первым, дав мне пятнадцать минут на то, чтобы добраться до места назначения.

Теперь, когда я узнал о планах Ричарда, я знал, что он не будет нанимать одну команду людей, чтобы напасть на мою сестру. Отчим Ирины считал, что ребенок важен для меня – он не остановится, пока не сделает сотни этих видео с ней и разными мужчинами, и не передаст мне доказательства. Он думал, что это причинит мне боль; он делал то же самое, когда я был связан с Ириной. Он думал, что единственный способ заставить Ирину презирать меня – это накачать наркотиками и промыть мозги, чтобы я занимался сексом с мужчинами и женщинами-проститутками, делать записи этих встреч.

Неоднократно Ирина натыкалась на эти видео и изображениями со мной, снова и снова я рассказывал ей о том, что это сделал ее отец. Конечно, в то время я был достаточно наивен, чтобы поверить, что Ричард на самом деле *был* отцом Ирины. Каждый раз, когда он отговаривал меня от свиданий с Ириной, я думал, что он был слишком заботливым родителем, который хотел, чтобы его дочь была в безопасности. Я понял намного позже, кем Ричард на самом деле *был*. Он даже не был ее биологическим отцом – нет, он был больным человеком, который убил настоящего отца Ирины и посадил в тюрьму ее мать, притворяясь ее доброжелателем. А когда Ирина повзрослела, старик стал еще больше одержим ею и стал уничтожать любого, кто к ней приближался.

Отчим Ирины, который все еще настаивал, чтобы она называла его отцом, снова был в движении. Я отследил его личный самолет до частной посадочной площадки недалеко от Крэнстона. Я просмотрел все сохраненные документы, чтобы найти что-нибудь подходящее на Род-Айленде, но сколько бы я ни искал, я не смог придумать никаких веских причин, которые заставили бы Ричарда посетить эту

отдаленную локацию. Через несколько часов я получил отчётот СМИ. В этом районе был застрелен пожилой мужчина. Прочитав статью, я увидел, что это был не кто иной, как мой старший сводный брат, который родился от моего биологического отца. Несмотря на то, что моя мать и советский премьер были в отношениях, они никогда законно не состояли в браке, а на самом деле мать была вынуждена выйти замуж за *телохранителя* премьера, чтобы спасти своего нерожденного ребенка, семья моего биологического отца никогда не была ко мне добра. Они знали, что я их кровный родственник, и даже если они не одобряли отношения отца с молодыми женщинами и особенно с моей матерью, мои сводные братья и сестры признавали их кровь и родословную. Для них я был неприятен, но значим.

Единственный выживший брат и сестра были убит. Я не сомневался, что Ричард сыграл важную роль в убийстве старика, но как он узнал, что я - биологический сын советского премьера, пришедший к власти после смерти Сталина? Я ломал себе голову, пока не придумал только одного человека, который мог бы рассказать ему эту информацию. Это был мой отчим, который сидел в британской тюрьме за убийство моей матери.

Мне нужно поговорить с ним, чтобы узнать, связывался ли с ним Ричард, но мое сердце не выдержит, если я увижу его лицо. Даже после этих долгих лет мои глаза горели от боли каждый раз, когда я представлял себе пропитанное кровью тело моей матери и пулю, которая разорвала ее. Это была его вина. Пьяница, который систематически издевался над ней до тех пор, пока он случайно не убил. Моей дорогой мамы не стало из-за этого несчастного человека. Нет, я вообще не хотел навещать его в тюрьме. Вместо этого я нанял адвоката в Лондоне и отправил ему по почте список вопросов. Адвокат перезвонил мне на следующий день. Он подтвердил, что Ричард действительно посетил Лондонскую тюрьму. Мой отчим признался, что он не был моим настоящим отцом и что после того, как моя мать забеременела от советского премьера, начальник охраны, который случайно оказался членом мафии, хотел убить ее вместе с ребенком, чтобы защитить вождя от скандала, но он быстро женился на ней и заявил об отцовстве ребенка, чтобы пощадить его. Ребенком был я. Ричард, должно быть, удивился, обнаружив эту информацию о моем прошлом. Это была одна из тех вещей, которые я никому не рассказывал в этом мире. Я никогда не думал, что это имеет отношение к тому, кто мой настоящий отец. Я был сыном своей матери, потому что именно она больше всего страдала из-за меня. Мое рождение чуть не стало причиной ее смерти. Я не мог простить себя за это все.

Когда мы с Ириной стали встречаться, я стал последней мишенью ее отчима. Но в отличие от большинства мужчин в жизни Ирины, я был слишком упрямым, чтобы отпустить ее. Я любил ее и не был готов позволить Ричарду встать между ними. Вместо того, чтобы бросить Ирину по его указанию, я рассказал ей все о манипуляциях Ричарда. Она поверила мне и согласилась оставить властного старика и переехать ко мне. Это разозлило Ричарда больше всего на свете. Однажды он на публику ругал меня и предупреждал, чтобы я не расслаблялся с его дочерью. Ричард впоследствии начал подставлять меня за убийства, которые он сам совершал. Он посылал сотни убийц по мою голову. Когда все провалилось, он выследил единственную семью, которая имела для меня значение: русскую женщину, с которой я пересекся после приезда в Америку в подростковом возрасте. Ричард понял, что семья – это моя слабость, и теперь он нацелился на них.

В начале января 2011 года меня предупредили о планах поездок моей приемной матери. Группа безопасности Лиамы Флитвуда, нанятая для охраны ее семьи, сообщила о том, что они едут на ее родину. Я мало думал о поездке, но поручил охранникам незаметно сопровождать их в Россию. Зимой на протяжении поездки не было никаких осложнений в безопасности, и семья, похоже, была рада воссоединиться с тетьми и двоюродными братьями и сестрами.

Когда короткая поездка закончилась, Лиам рассказал мне о семье.

Его команда заметила, что дочь моей приемной матери души, Тёти повсюду водили девушку. Они посещали величественные соборы Новгорода, Кижи, Кронштадта и Санкт-Петербурга. Наверное, это была очень насыщенная поездка, потому что как только семья вернулась в Америку, мне было интересно узнать, что моя сестра перешла на новый образ жизни. Сотрудники службы безопасности Лиамы сообщили ему, что были свидетелями того, как подросток давал клятву воздержания и послушания в присутствии своих тетюшек по материнской линии. Девушка была очарована тетями, решила следовать их призванию и пообещала повиноваться настоятельнице, духовной матери церкви. Как и двоюродная сестра ее матери, которая была православной монахиней, моя сестра решила вести аскетический образ жизни и прожить свою жизнь в молитвах и созерцаниях, проведя две недели в местном соборе и ухаживая за комнатными растениями монастыря и наблюдая за птицами. Будет ли это лучшим образом жизни моей младшей сестры? Когда я удивился ее выбору, Лиам заверил меня, что подросток влюблен в историю ее семьи. Ее дед, отец моей приемной матери, был лидером во время коммунистической эпохи в бывшем Советском Союзе. Он превратил

большую часть своего огромного состояния в поместья, в том числе построил самый красивый монастырь в Вологодской области России. Когда девушка узнала, что ее дедушка владеет великолепным монастырем, она сразу же захотела стать частью православного христианства. Но настоятельница монастыря сказала ей, что для того, чтобы стать, ей необходимо прослужить два года послушницей, прежде чем ей разрешат принять первую клятву.

Должен признать, что часть меня хотела, чтобы она вышла замуж за молодого человека примерно в этом возрасте и вела обычную и счастливую жизнь. Меня беспокоило, что монашеская жизнь может сделать ее восприимчивой к скуке и отчаянию. Но, не считая незначительных опасений, я не придавал этому особого значения в то время. Разве не так поступают подростки в этом возрасте? Исследуют разные образы жизни?

Несколько лет спустя я все больше сожалел о решении моей сестры. Она была еще молода, но твердо предана своим клятвам, которые дала в подростковом возрасте, когда ездила в Россию. Она с отличием окончила среднюю школу, превзойдя своих сверстников почти по всем предметам. Однако парней в ее жизни не было. Она отклоняла все романтические ухаживания своих сверстников, она пропустила выпускной бал и усердно продолжила учебу в высшем учебном заведении, чтобы получить место в одном из престижных университетов страны. Я внутренне гордился достижениями своей сестры. Она преуспела в учебе на бакалавриате и была студенткой одного из местных вузов Лиги плюща. Однако она упрямо придерживалась монашеской клятвы и отказывалась встречаться с парнями, она проводила свободное время, работая волонтером в локальных церквях, раздавая еду и зимнюю одежду у старой пресвитерианской церкви Манхэттена.

несколько месяцев назад.

Я был на острове Святого Лаврентия, крошечном районе, окруженном Беринговым морем. Я встречался со старым другом из России, Вячеславом Михайловичем Пузановым, бывшим агентом КГБ, которого подставили за убийство нескольких старших товарищей. Я познакомился с Вячеславом, когда Полковник из Лагеря отправил меня в тюремный комплекс в Нерчинском районе: моя миссия заключалась в ликвидации агента КГБ, который, по утверждению Полковника, был очень опасным преступником, предавшим Советский Союз. В то время я был наивным подростком и не нашел повода усомниться в словах Полковника и отправиться на задание.

Меня тайно доставили в огромную тюрьму под подставным именем, мне пришлось потратить четыре дня на поиски цели. Когда я, наконец, нашел Вячеслава Пузанова, то заметил, что он хрупкий

человек, тяжело больной туберкулезом. Он каким-то образом узнал, что меня послал Полковник, и рассказал мне о реальной цели моего Лагеря. Он просветил нелегитимность Сектора, на который я работал, и сказал мне, что Полковник был дезавуирован *Комитетом Государственной Безопасности* много лет назад и был негодяем, который вел личную войну, используя свои прежние грамоты.

То, что сказал мне Вячеслав, имело смысл, поэтому я решил сам проверить факты и выяснил, что меня действительно вводили в заблуждение, а новобранцев – в Лагере Полковника. Они служили ему верно, веря, что Полковник представлял собой тайное подразделение КГБ.

Узнав правду, я решил освободить Вячеслава Пузанова из тюрьмы и прятал его в безопасном месте чуть больше двух лет. Перед отъездом в США я пообещал отправить ему деньги, чтобы он смог сохранить свое укрытие, не попадаясь на глаза Полковнику. Вячеслав и я поддерживали связь с тех пор, и с тех пор он снова вступил в разведывательную службу с чистым послужным списком и сыграл важную роль в уничтожении Полковника, который обманул и украл жизни у столько русских юношей и девушек.

Мой друг в настоящее время являлся независимым консультантом Федеральной службы безопасности Российской Федерации, на встрече со мной он хотел обсудить личную проблему, о которой я ему рассказал несколько месяцев назад. Речь шла о постоянных нападениях на мою семью. Русская женщина и ее дети находились в опасности. Дважды ее дочь была почти похищена.

Патрули безопасности, которые я назначил для их охраны, были перегружены огромным количеством нападений на каждого члена единственной семьи, которую я считал своей. Я знал, что есть только один способ остановить дальнейшие нападения на мою семью: найти преступников - не наемных головорезов, которых посылали похищать или убивать, а их главаря. Двое моих бывших коллег из ЦРУ обещали разобраться в деле о попытке похищения, но не смогли отследить источник. Я был разочарован отсутствием прогресса и связался со своим старым другом, который работал в Российской *федеральной службе безопасности* и имел доступ к удаленным спутникам. Я умолял его помочь мне защитить мою семью. Вячеслав Михайлович Пузанов с ужасом узнал о том, что маленькая девочка стала мишенью преступников, и пообещал сделать все, что в его силах, чтобы задержать всех до единого виновных в покушениях.

Вячеслав восхищался помещением ТЭЦ гигантского здания. "Как они питают свой завод? – он взглянул на ярко освещенное помещение. – Разве электросеть не обнаружила бы всплеск в этой области?"

"Нет, Слава, – ответил я, используя сокращение его имени. – Нет, если бы они использовали независимую станцию".

"Есть одна в сердце этого острова?" – спросил Вячеслав, не веря, что такая вещь может существовать на таком малоизвестном острове.

"После "Y2K Scare" местные власти решили построить генератор на случай, если здесь не хватит электричества", – я сказал ему.

"Америка полна интересных вещей, не так ли?" – русский говорил, но мое внимание переключилось на автоматические двери, которые были открыт.

"Мы не одни, Слава", – сообщил я своему русскому другу, я быстро познакомил его с двумя мужчинами, которые прошли мимо.

Сэм Кларк сделал несколько долгих шагов и пожал руку каждому из нас. Я заметил, что оба мужчины пришли с оружием. Пистолет Сэма был спрятан за пояс спортивных шорт. Бывший офицер агентства подозрительно посмотрел на Вячеслава, но я отмахнулся от его беспокойства.

"Слава – старый друг, – сказал я двум только что прибывшим офицерам ЦРУ. – Я доверяю ему свою жизнь, так что все, что ты собирался со мной обсудить, ты можешь рассказать при нем".

Офицеры кивнули, и мы направились к компьютерам, которые стояли в дальнем конце зала.

"Кстати, это Брюс Мур, мой протеже в Агентстве, – жестами Сэм указал на молодого человека, который сопровождал его на эту встречу. – Брюс провел большую часть исследований, о которых я собираюсь вас просветить. Он проделал большую работу – следил за потенциальными похитителями, наемными убийцами и оплачиваемыми диверсантами, которые уже некоторое время преследуют твою семью".

Я чувствовал, как мое сердце бьется быстрее: "Убийцы? Похитители? Почему такие опасные люди преследуют мою семью? Они же никто – гражданские, которые не имеют ничего общего с государственными тайнами или моими тайными операциями".

Сэм Кларк выглядел в недоумении: "Насчет этого, как часто ты с ними встречаешься? С твоей приемной семьей".

Я вздохнул с облегчением: "Ни разу. Я никогда не вступал с ними в контакт, – ответил я, – я знал, что связи со мной, поставит под угрозу их жизнь, поэтому я никогда не связывался с этой семьей и даже не разговаривал с ними. Причина, по которой они так важны для меня, заключается только в матери. Русская женщина, которую я впервые увидел в восьмидесятих годах, выглядела в точности как моя собственная мама и ее сын, которого я теперь знаю, был ее приемным, примерно моего возраста".

"Но вы следили за ними", – прервал человек по имени Брюс.

Я внимательно посмотрел на протеже Сэма. Брюс не был похож на типичного полевого оперативника. У него было около пяти сережек на ухе и он говорил коротко.

"Я следил – да – только потому, что это напоминало мне о доме. Но на самом деле я никогда не вступал в контакт. Семья не знает о моем существовании."

"Вау, это *не* то, чего я ожидал!" – Брюс выпалил.

Я хмурился, не понимая сути его слов.

"Эта семья оказалась чуть ли не аду, довольно драматично для каких-то мирных жителей, которые даже не видели тебя."

Я закрыл глаза, чтобы остановить тревогу, которая угрожала окутать мои мысли: "Насколько все плохо, Брюс? Ты занимался разведыванием данных несколько месяцев, так что рассказывай."

Брюс вытащил толстую папку из сумки и положил ее на металлический стол: "Я составил краткий профиль каждого из подозреваемых, которые, как мы полагаем, уже некоторое время следят и преследуют вашу семью. Из того, что я собрал, основываясь на прослушке и перехвате их электронной почты, они, возможно, отслеживали вашу семью в течение многих лет".

"Лет? – я повторил, не желая верить, что женщина, которую я считал матерью, так долго была мишенью опасных преступников. – Кто те мужчины, которые охотятся за ними?"

"Я проследил за четырьмя или пятью из них - они попадают в одни и те же старые категории. Внештатные наемники, бывшие правительственные агенты, в том числе оперативники Моссада, один из них - бывший криминальный информатор Европола, а также лидер банды из Мумбаи".

Сэм Кларк задумчиво кивнул: "Ты, наверное, должен знать, что последнее покушение на твою семью было довольно крупной операцией. Мы перехватили пятерых мужчин - все бывшие агенты "Шин Бет" - которые пытались похитить русскую женщину и ее дочь, средь бела дня".

"Я все время забываю, что у нее была дочь. Разве у женщины не было нескольких сыновей?"

"Пять мальчиков".

"На мальчиков тоже нападали?" – я хотел узнать.

Брюс качал головой в волнении: "Это необычно, но они ни не были мишенью, мы в этом уверены. Изначально мы считали, что главной мишенью была дочь, но после того, как мы схватили тех головорезов, которые пытались схватить мать и дочь, мы обнаружили интересного персонажа - главного злодея, который дёргал за ниточки".

"Кто он?"

"Яков Раухвергер, – Брюс заявил, когда положил на стол еще один файл. – Как видно из эмблемы его униформы, Раухвергер служил в спецподразделении разведки Армии Обороны Израиля."

"Он израильтянин?"

"Не совсем. Его отец был русским евреем, но он родился в Хайфе у матери-израильтянки и рос в основном в Тель-Авиве. С отличием окончил Тель-Авивский университет, а затем был завербован израильской разведкой. В настоящее время Раухвергер, как полагают, сформировал свою собственную рядовую часть в разведывательном корпусе Армии Обороны Израиля. Квалифицированный агент, по имеющимся сведениям, достиг стопроцентного успеха и выполнял многочисленные задания, убийств в секретном подразделении по борьбе с терроризмом. Этот парень нанял группу захвата, чтобы похитить вашу семью, но нам повезло, что мы были там, потому что люди, которых мы захватили, были более чем готовы к разговору".

Вячеслав Пузанов поднял вощеную бумагу и заморгал в тревоге. "Я знаю это лицо, – воскликнул он. – Я видел его где-то".

"Где, Слава?" – я спросил быстро.

"Конечно, – залопотал мой русский друг, как бы про себя. – *Это Раухвергер*".

"Боюсь, что имя для меня ничего не значит", – с нетерпением признался я.

"Он был в списке самых разыскиваемых СВР."

Сэм Кларк яростно нахмурился: "За ним охотится российская разведка? – он сказал, – зачем?"

"Почти по пятидесяти отдельным обвинениям, включая вооруженные кражи со взломом, рэкет, торговлю людьми в целях сексуальной эксплуатации, заговор с целью принуждения к труду и другие уголовные преступления, связанные с кражами драгоценных произведений искусства из наших национальных музеев и массовым отмыванием денег, – сообщил нам Вячеслав Пузанов. – Этот человек бежал из Федерации после того, как *Служба Внешний Разведки* выдала ордер на его арест. С тех пор мы не могли его отследить".

Брюс Мур прищурился. "Я удивлен, – заметил офицер Агентства. – СВР регулярно проводит мероприятия с целью борьбы с терроризмом и обмену разведданными с иностранными спецслужбами. Если они не смогли найти Якова Раухвергера, то он, должно быть, умеет прятаться".

Я взглянул на Брюса: "Что ты узнал об этом беглеце? От его охранников я имею в виду?"

"Их цель была весьма ясна. Им приказали похитить девочку и ее мать. Ее мама была, видимо, страховкой, но главной задачей было привезти ребенка и снять несколько сотен порно-видео. Их босс отдал им простой приказ. Если девочка откажется сотрудничать в создании видеозаписей, ее мать будет подвергнута пыткам на ее глазах. Один из мужчин, которого мы поймали, дал конкретную информацию – он был охранником и признался, что он и его коллеги должны были сниматься на этих порно. Очевидно, Раухвергер приказал им отрезать матери

пальцы один за одним, пока ее дочь не будет согласиться сотрудничать и сниматься".

"Зачем кому-то прилагать такие усилия, чтобы пустить девушку из американского колледжа по кругу?" – Сэм Кларк спросил.

"Да, мы тоже так подумали. Цель была странной. Тем не менее, мошенники из Моссада настаивали на том, что на кону большие деньги, и если они успешно доставят видео, то получат большую сумму денег за каждую сцену".

Я попытался прояснить все и обратился к Брюсу: "Как ты узнал все детали?"

"Мы перехватили защищенный телефонный разговор между этим парнем из Моссада и другим неизвестным человеком – предположительно, тем, кто его нанял - о том, что он получит компенсацию в миллиардах израильских шекелей, если ему удастся снять это видео с вашей сестрой и выложить его в интернет".

"Что?" – ничего из того, что он сказал, не имело для меня никакого смысла.

"Я принес запись, если хочешь послушайте сами".

"Раухвергер согласился на это задание?"

"Он звучал довольно восторженно. Послушайте, вот, он говорит: "Не волнуйтесь, я сделаю множество разных порновидео, что у каждого подростка в мире будет их копия, загруженная на их ноутбук". В соответствии с соглашением, он получил щедрый взнос и смог продолжить свою порно миссию".

"Почему ты так уверен насчет этого человека? Как долго ты держал его под наблюдением?"

"Шесть месяцев. Мы заметили, что Яков Раухвергер большую часть своих дел ведет через доверенных телохранителей. Моя команда следила за тремя из них - круглосуточно", – сообщил мне Сэм.

Его протез кивнул: "Человек, которого мы перехватили, тот, кто пытался похитить русскую женщину, был нанят Раухвергером. Он не знал подробностей планов Раухвергера, но сказал, что ему приказали похитить мать и держать ее в безопасном месте, чтобы дочь была вынуждена сотрудничать".

"Значит, девушку и маму не должны были держать в плену?" – я спросил, путаясь в результатах их расследования.

"Не в одном и том же месте. Мы знаем, что молодую девушку планировали похитить примерно в то же время, но местом ее назначения был Авивим".

"Что это или где этот Авивим?" – я спросил.

"Это мошав на крайнем севере Израиля, расположенный менее чем в одном километре от ливанской границы. Раухвергер владеет там двумя домами, поэтому мы отправились туда на расследование. Там

было частично спрятанное поместье, в котором находились шестнадцать охранников".

"Вы получили какую-нибудь информацию от охранников?"

"Они испугались Раухвергера, но один из охранников на допросе раскололся и сказал нам, что ему и его сверстникам приказали стоять наготове у цели. Полагаю, мы все знаем, кто был мишенью? Твоя сестра".

"Шестнадцать человек, чтобы охранять ее? Какого черта?"

"Очевидно, у них была работа, – скривился Брюс. – Каждому было дано указание заняться с ней сексом – им сказали, что она будет готова участвовать в этом, если они будут издеваться в прямом эфире над ее матерью, которая должна была быть похищена вместе с ней. Если девочка все равно не будет сотрудничать, они должны отрубать ей пальцы или другие части тела, пока она не согласится сделать запись".

"Сукин сын!" – Сэм Кларк яростно прошептал.

Его протезе склонил голову: "Русско-израильский агент под прикрытием выглядел законопослушным гражданином. Его дело было довольно аккуратным. Много наград. Парень – не преступник".

"Не преступник? – Сэм Кларк рычал. – Какой грязный ублюдок нанимает своих телохранителей, чтобы изнасиловать маленькую девочку? Худший вид свиней."

Брюс продолжил: "Яков Раухвергер был в большом долгу. Его профиль не совпадал с профилем профессионального преступника, но у него были связи. И Вячеслав был прав насчет того, что его разыскивает СВР. Недавно Раухвергер, по сообщениям, отмывал деньги для организованной преступной группировки в России. Он потерял их деньги либо умышленно, либо случайно, и вплез в огромные долги. Я считаю, что он хотел похитить девушку ради этих денег. В его прошлом за ним не числится никаких похищений, изнасилований или убийств".

Сэм прокашлялся и посмотрел на меня. "Есть одна вещь, которую ты должен был знать, Джон, – сказал он мне. – Мы не хотели упоминать об этом раньше, но кое-что мы узнали во время расследования денежного следа. Мужчины, которые были наняты для похищения и изнасилования твоей сестры, все были оплачены одной организацией".

"Какой организацией? – я спросил. – Мы можем закрыть ее, верно?"

"Это сложно. Похоже, что это наш старый работодатель из АНБ, папа твоей подружки, он создал отдельную сеть, защищенную группу, которая ищет наемников, для совершения различных незаконных действий".

"Ричард стоит за этим?" – я повторил.

"Да, – сказал Брюс. – Мы не знаем, каков был его мотив, но есть вероятность, что он поверил, что вы близки с этой семьей; это было ваше уязвимое место."

У меня кружилась голова от разочарования. Мир, в котором я жил, был далек от реальности. Мое сердце было разбито.

У меня никого не было, я никого не любил, никого не ненавидел. Я был только сыном своей матери, и все, кого я когда-либо любил, предали меня, а те, кто не отвернулся от меня, пострадали или были убиты. У меня не было дома. Ни страны. Ни национальности. Ни отца, ни личности. Единственный человек в этом мире, который любил меня, была моя дорогая мать, и с ее смертью часть моего юного сердца умерла навсегда.

Когда я, наконец, переехал в Америку и увидел русскую женщину, которая выглядела почти так же, как моя мать, мое сердце содрогнулось от ностальгии, как будто воспоминания моей матери возрождались. В моем воображении эта женщина была моей матерью – у них было такое сходство, что невозможно было не думать об этом. Ее сын был почти моего возраста – конечно, через несколько лет я обнаружил, что мальчик, которого я видел с ней, был не ее биологическим ребенком, а скорее приемным.

Сейчас, на этом этапе моей жизни, когда меня качает от многочисленных травм и ухудшения здоровья, я поражен тем, что в жизни меня ждут еще более горькие события. Приемная семья, которую я считал своей, подверглась нападению самых гнусных врагов, и я мало что мог сделать, чтобы отпугнуть тех убийц и похитителей, которые имели наглость похищать и пытаться похитить русскую женщину, похожую на мою дорогую мать. Ее дети становились мишенью головорезов, нанятых для того, чтобы издеваться над ними и пытаться их. Каким-то образом десятки врагов, которых я нажил за последние десятилетия, думали, что лучший способ причинить мне вред – через мою семью, и поэтому ничего не подозревающие мирные жители в этом доме стали мишенью этих международных наемников.

Сэм снова обратился ко мне: "Есть еще один человек, интересующийся семьей".

"Кто?" – я спросил.

"Молодая женщина. Она живет периодически в доме твоей матери".

"Подруга или родственница?" – я спросил.

"Она племянница, я полагаю. Но две девушки очень близки".

Протеже Сэма выступил с речью: "В то время как твоя сестра учится в институте Лиги Плюща в Нью-Йорке, ее старшая кузина собирается закончить с отличием Вест-Пойнт."

"Военная академия?" – я хотел уточнить.

"Да. Мы перехватили несколько убийц и изучили их каналы связи. Нет никаких сомнений в том, что там есть приказ о стрельбе на поражение".

"Нападающие хотят убить или похитить?"

"В отличие от твоей сестры, они не заинтересованы в похищении девушки из Вест-Пойнта. Они хотят ее смерти."

Я посмотрел на Сэма вопросительно: "Ты уверен?"

"Следуя нашей наводке, отдел уголовных расследований полиции Нью-Джерси арестовали 62-летнего мужчину в прошлом месяце. Он был наемником, посланным убить кузину девочки".

"Что кузина делала в Нью-Джерси, если училась в Вест-Пойнте?" – русский офицер разведки задался вопросом.

Брюс Мур ответил без колебаний: "Хороший вопрос. Кузина его сестры был там, чтобы навестить больного дядюшку, который был госпитализирован после перенесенного сердечного приступа. Она была там одна, тогда мы заметили неопознанного мужчину, выдающего себя за охранника больницы, за несколько минут до того, как она вошла в вестибюль. Затем он проследовал за ней до лифта и подождал, пока она выйдет, но, к счастью, один из наших агентов был там, и мы перехватили убийцу за несколько минут до того, как он набросился на нее. Мы нашли у него шприц со смертельной дозой мидазолама в его руке. Он был в нескольких секундах от введения раствора девушке".

"Ты уверен, что в шприце был яд?" – я спросил.

Сэм кивнул. "Доктор – анестезиолог в этой больнице подтвердил это, – ответил он. – В растворе содержался бром векурония, химикат, используемый при анестезии для парализации мышц, но в данном случае доза была фатальной. Конечно, мы допросили убийцу и передали его в полицию Нью-Джерси, но наш техник отследил деньги, которые он получил за убийство".

"Кто заплатил ему? – я спросил. – Ричард?"

"Довольно интересно, но нет, мы уверены, что за ней охотился не Ричард. Наемник был послан человеком по имени Румен Желязков. Он гражданин Болгарии, но за последние три года пятнадцать раз ездил в США. Имеет судимость".

Мои товарищи говорили в низких тонах и обсуждали оборонительные стратегии, но я едва их слушал.

"Мать была мишенью, я не могу в это поверить, – говорил Вячеслав. – Почему они не могли оставить русскую женщину в покое?"

"Им нужен был рычаг, я думаю, – объяснил Брюс. – Девушка дала какую-то клятву в русской православной церкви и отказалась быть распутной. Яков Раухвергер и его люди это как-то узнали, поэтому они планировали похитить мать, чтобы склонить ее к участию в своих порнофильмах".

"Отвратительно! – Вячеслав Пузанов зарычал, стуча по столу. – Я должен их повесить".

"Полегче, приятель, – сказал Брюс. – Подожди, пока не узнаешь о четырёх других мужчинах, которые стояли за ужаснейшими нападениями на эту семью. Некоторые из них профессиональные преступники. Парень Раухвергер – не преступник, он теперь работает на законную разведку. Но другой человек, которого мы перехватили, не так уж безобиден."

"Кто он?" – я спросил.

"Этот человек, – сказал Брюс, бросив открытую папку на металлический стол. На страницах было лицо мужчины средних лет, с задумчивыми глазами под темными, густыми бровями и блестящей лысой головой. – Его имя, или псевдоним, который он чаще всего использовал, – Румен Желязков."

Я прищурился: "Болгарин?"

"Он родился в Болгарии, мать – румынка, отец – болгарин. Отец в основном отсутствовал в его жизни, поэтому мать воспитывала его до самой смерти, предположительно, от преступлений, связанных с наркотиками. Желязков был отправлен в румынский католический приют, где его воспитывали монахини и священники".

Я все еще изучал снимок и прервал Брюса: "У тебя есть фотография постарше? Мне нужно знать, как он выглядит... возможно, десять лет назад?"

Мой друг Сэм сузил глаза: "Ты думаешь, что, возможно, знаешь его".

"Не просто знаю, Сэм, но клянусь, я видел его... и не раз."

"Где?"

"Последний раз, когда я видел его... это было в больнице. В отделении интенсивной терапии медицинского центра имени *Юрия Геннадьевича Постнова*. Его послали туда убить меня, в коридоре убили двух медработников. Тогда я сполз с каталки и надел белый халат, чтобы замаскироваться под врача, и сбежал из больницы, не успев выполнить свою миссию".

"Как ты понял, что именно он был в больнице, чтобы убить тебя?" – Брюс спросил.

"Я видел его с Ричардом так много раз. Он надежный убийца. Ричард пользуется его услугами с 1992 года."

"Они знают друг друга так долго?"

Я кивнул: "Вот как сильно Ричард ему доверял. Когда меня отправили в Кремль, Ричард сказал мне, что кто-то пытался взорвать бомбу под Спасской башней, и мне нужно было ее найти, пока никто не пострадал. Я сразу же приступил к заданию и обыскивал территорию, когда десятки агентов ФСБ окружили меня. Они сказали, что нашли тонны взрывчатки в моем номере гостиницы – это было

абсурдно, потому что до этого момента я даже еще не был в своей гостинице. Но тогда я понял, что меня подставили. Ричард послал меня в Россию, чтобы подставить меня за бомбардировки Кремля, и он, естественно, послал своего самого доверенного убийцу, чтобы сделать эту работу. Российское разведывательное бюро поверило, что я пытался взорвать Кремль. Излишне говорить, что я боролся за то, чтобы сбежать и доказать свою невиновность и выяснить, кто на самом деле заложил взрывчатку, и в этой потасовке я получил ранения и был госпитализирован. И этот болгарский убийца появился в больнице, чтобы прикончить меня. Если бы не Слава, я бы погиб или, что еще хуже, оказался бы в сибирской тюрьме лет на двадцать".

Брюс внимательно слушал, прежде чем начать говорить: "Ты упоминал, что дважды виделся с Руменом Желязковым. Когда была другая встреча?"

"В Венеции. Восемь лет назад. Желязков был на крыше со снайперской винтовкой. Его первый выстрел пролетел мимо, а вместо меня попал в пешехода. Я воспользовался своим тепловизором, и увидел Желязкова, но его вторая пуля частично сломала мне ключицу. Мне повезло, что я выжил".

"По крайней мере, кто-то здесь может подтвердить личность Желязкова, – прокомментировал Сэм. – Что еще ты узнал о его прошлом, Брюс?"

"Очевидно, что на его детство в какой-то степени повлияли его воспитатели, потому что в позднем подростковом возрасте он вступил в Базилитиканскую мафию и завоевал доверие босса итальянской мафии. По данным источника в Европоле, Желязков считался лучшим киллером мафии, с более чем пятнадцатью сотнями подтвержденных убийств".

"Значит, он убийца?"

"Румен Желязков был убийцей, – пояснил Брюс. – Неизвестно, чем он занимается в настоящее время, но мы отследили его недавно заработанные деньги."

Сэм перебил: "Не мог бы ты рассказать нам об источнике его денег?"

"Как именно он получает эти платежи? – я добавил. – Сотни миллионов долларов должны были быть отмечены Интерполом или налоговой службой, как минимум? Именно так я смог отследить источник в прошлый раз, когда Ричард выставил мою голову на открытый рынок".

"С тех пор он эволюционировал, – заметил Брюс. – Большая часть их платежей, похоже, поступает в виде необработанных бриллиантов и украденных произведений искусства и картин. Этот болгарский убийца переправил сотни миллионов евро в Ватикан и был замечен на встрече с несколькими кардиналами. Источник в Ватикане утверждал, что

Желязков является благочестивым католиком, который выразил сильное желание стать новым Папой Римским".

"Убийца хочет быть Папой Римским?"

"Мы перехватили коммюнике из фирмы Ричарда – похоже, что в дополнение к денежным подаркам в миллиардах, болгарскому убийце была обещана огромная поддержка в отношении его пожизненного стремления стать следующим Папой Римским", – когда Брюс говорил, он излучал энергию, но его голос замедлился, когда он описал телефонные разговоры болгарского подозреваемого.

"Как Ричард обеспечит избрание Желязкова на роль Папы?"

"Мы не совсем уверены в его планах, но Румен Желязков пожертвовал сотни миллионов в фонд поддержки Его Святейшества. Помимо материальной поддержки, Желязков брал уроки христианства в Папской Академии Богословия в Риме".

"Значит, он пошел в святые? – Вячеслав Пузанов скорбно прокомментировал. – Я не ожидал, что святой будет нанимать группы мужчин для пыток и нападений на молодую невинную девушку?"

"Я понимаю, что он планировал принять решительные меры, но из всех писем и телефонных разговоров, которые мы перехватили, не похоже, что он планировал казнить девушку. Один из нанятых фирмой Ричарда мужчин планировал ее изнасиловать и расстрелять. Я бы сказал, что он мог быть убийцей, но, возможно, изменил свое решение. Последние три года он проводил много времени в компании лучших из лучших Святого Престола, и это, возможно, вызвало ослабление его жажды насилия".

"Что мы знаем о его коллегах?"

"Как я уже сказал, его линии связи очень скрыты, поэтому мы не можем услышать все, что он говорит. Но мы заметили, что он провел много времени в замке на юге Франции. С ним кто-то жил, но нам еще предстоит выяснить характер их отношений".

"Мне плевать на его личную жизнь, Брюс, сотни наемников пытаются убить меня, – сказал я. – Все, что я знаю, это то, что этот болгарский наемный убийца был и является доверенным лицом и соратником Ричарда, и это меня беспокоит. Мне нужно знать, что задумал этот убийца".

Сэм прокашлялся: "Джон, ты помнишь Джастина Томпсона?"

"Бывший специальный агент ФБР? – я уточнил. – Да, как я могу забыть? Мы провели несколько совместных операций с Бюро, это было до того, как спас меня, и мы использовали кэш данных Агентства в дополнение к моей информации. Но он был стар. Разве он не ушел на пенсию десять лет назад?"

"Специальный агент Томпсон вышел на пенсию в возрасте шестидесяти семи лет. Но он все еще силен, как лошадь, и хитер, как черт, – Сэм Кларк закусил губы, прежде чем продолжить. – Ну,

наверное, мне следовало сказать тебе раньше, но на самом деле я нанял этого человека, чтобы он возглавил охрану семьи твоей матери."

Томпсон был старым другом, которому я доверял свою жизнь. Я знал его с первых дней работы в Агентстве, и не один раз он помогал мне доказать свою невиновность, когда я был обвинен в нескольких нападениях на американскую землю. Я знал, что он был надежным агентом ФБР, но мой разум пытался обработать информацию о состоянии безопасности моей семьи.

Я умолял своего друга: "Сэм, я не понимаю – ты, Лиам и Джастин. Почему ты внезапно решил окружить секретными службами мою семью? Не пойми меня неправильно, приятель, я ценю, что вы, ребята, действовали за моей спиной и пытались защитить меня и мою семью, но я понятия не имел, что они вообще в опасности. Честно говоря, я даже не поддерживал с ними связь в течение большей части этого десятилетия".

"Мы сделали это, – сказал Сэм. – Мы внимательно следили за ними, потому что знали, что у тебя есть опасные и могущественные враги. Мы делали то, что сделал бы любой друг. Несколько лет назад, когда семья русской женщины подверглась нападению, я не нашел никого лучше Томпсона, кому можно было бы доверить их безопасность. Он поклялся защищать семью, которая у тебя была в этом мире, поэтому я спокойно спал ночами, зная, что они будут в безопасности".

"А когда именно ты узнал о наемных головорезах, о тех, кто планировал похитить девочку?"

Сэм Кларк снова заговорил: "Несколько месяцев назад Томпсон связался со мной, чтобы сообщить о некоторых аномалиях, которые происходили в доме твоей семьи."

"Какие аномалии?" – я спросил, осматривая лицо моего друга. Несмотря на то, что Сэм был высоким человеком, его седьмой десяток привел к тому, что плечи слегка опустились, а глубокие линии акцентировали его большой открытый лоб.

"В твоей семье были случаи серьезного пищевого отравления и необъяснимого заболевания, – тихо сообщил мне Сэм. – Твоя мать перенесла два легких сердечных приступа. Отец хромал на работе. Дети, которые уже были взрослыми, также страдали от различных осложнений. Томпсон сказал мне, что он беспокоился и опасался, что семья могла стать жертвой массового отравления. Поэтому они мобилизовали команду в защитных костюмах для обыска помещений и осмотра всей еды и напитков в их доме. Хочешь угадать, что нашли охранники?"

"Насколько всё плохо?" – я сказал.

"Команда Томпсона взяла образцы из их еды и других добавок. Казалось, что почти все предметы были напигованы какими-то

отравами и другими химикатами. Потребовались недели испытаний, чтобы выяснить, кто настоящий преступник, но медицинская лаборатория подтвердила, что семью систематически травили. Поэтому люди в этой семье неоднократно страдали от необъяснимых болезней и недугов. Когда у матери случился легкий сердечный приступ и ее пришлось отвезти на операцию, Томпсон стал более бдительным в своих поисках, поэтому его команда проверяла все, что приходило по почте. Каждая посылка была проверена".

"Что они за посылки вообще получали?" – я хотел узнать.

"Всевозможные травяные лекарства, пищевые добавки и пакеты питания, которые обычно покупают большинство американских семей. К сожалению, все, что они покупали *онлайн*, было токсичным, хотя и через поддающиеся проверке источники, такие как Amazon и другие известные розничные компании. Некоторые из капсул содержали достаточно яда, чтобы убить, даже если их принимать периодически".

"Зачем кому-то травить всю мою семью? Какие у них были планы?"

"Я не могу быть уверен, Томпсон тоже не был уверен, но он решил усилить наблюдение и начал проверять всю входящую почту и посылки. Никого не удивило, что предметы, которые поступали через UPS, были сильно заражены. Не знаю, знала ли твоя мать об отравлении или как-то заподозрила, что ее семья подозрительно болела, но они стали посещать магазины здоровой пищи, чтобы покупать продукты там".

"Это был умный ход, – я вздохнул с облегчением. – По крайней мере, купленные в магазине продукты были бы безопасны для потребления."

"Боюсь, это было не совсем так", – начал Сэм.

"Что ты имеешь в виду?"

"Русская женщина – твоя мама, как ты ее называешь, поехала в близлежащий магазин витаминов и приобрела несколько добавок: порошок куркумы, капсулы с сухим чесноком, экстракт оливковых листьев и другие безвредные травы для здоровья сердца. Мы думали, что с этой покупкой все в порядке, пока наши специалисты не взяли пробы трав и не обнаружили аналогичный уровень токсичности и в них".

"Как? – я спросил у двух офицеров ЦРУ. – Кто мог подделать сотни случайных предметов из магазина?"

"Охранники были в таком же замешательстве, пока не проанализировали записи с камер видеонаблюдения магазина витаминов. Пять мужчин в штатском вошли в магазин, примерно за пятьдесят минут до приезда твоей семьи, и их видно на камере, они заменяют сотни банок на банки с токсинами".

"Владелец магазина разрешил им подделывать товар?"

"Кажется, им тоже заплатили. Или, по крайней мере, что-то вроде того".

"Я все еще не понимаю одно – откуда эти пять мужчин знали, что моя мать пойдет в этот конкретный магазин?"

"Хороший вопрос. Они следили за GPS автомобиля и прибыли в пункт назначения раньше женщины. Так они оставались на шаг впереди и сделали свое дело".

"Почему Томпсон не поймал преступников?"

"Он поймал, – повторил Сэм. – Как, по-твоему, еще мы узнали все подробности об их миссии по отравлению?"

"Ну?" – я сказал, жаждущий больше информации.

"Трое из тех, кого схватила твоя охрана, были готовы сотрудничать. Это были преступники, которым было приказано заменить конкретные добавки в некоторых магазинах. Они не знали, зачем им понадобилось отравлять бутылки с лекарствами".

"Кто их нанял?"

"Опять же, похоже, никто из них понятия не имел. Они были наняты по защищенной телефонной линии".

"Но им, должно быть, заплатили за дело, – настаивал я. – Разве Томпсон не отследил их банковские операции?"

"Кем бы ни была эта группа или человек, который хотел отравить всю твою семью, Джон, он был очень умён в этом. Они так хорошо замесили следы, что даже после использования ресурсов Агентства я не мог определить их работодателя. Мужчины утверждали, что они страдали от нехватки денег – деньги оставляли в случайных местах перед каждой остановкой. Иногда их работа состояла в том, чтобы зайти в магазин медицинских продуктов и заменить пятьдесят или сто бутылок ядом, а иногда им приходилось перехватывать почтальона и заменять пищевые добавки, которые поступали через онлайн заказы. В любом случае, бедная семья была в серьезной опасности. Чудо, что они до сих пор живы".

"Я не понимаю - зачем им заказывать десятки добавок вместо того, чтобы идти к врачу за правильным диагнозом и лекарствами? Была ли на это какая-то конкретная причина?"

"Я бы не стал называть пищевые добавки лекарствами; они больше похожи на здоровую пищу, такую как порошок из листьев малины, дополнительный порошок из черники, травы для очищения печени, порошок лимонного бальзама, листья эхинацеи или экстракты душицы или оливкового дерева. Они безвредны, но полезны для общего здоровья и иммунной системы".

"Насколько больны члены семьи после употребления отравленных добавок?"

"Помимо сердечного приступа матери, самой уязвимой жертвой был брат русской женщины. Полагаю, ты бы считали его своим дядей".

"Что с ним случилось?"

"Смерть, я хочу сказать, что он умер месяц назад – от серии сердечных приступов."

"Но почему? Как? – я спросил. – Я думал, что только эту русскую женщину травили медикаментами."

"Ее брат, который жил в Нью-Джерси, страдал от различных осложнений со здоровьем, и она отправила по почте несколько бутылок собственных пищевых добавок для сердца. Очевидно, что они были отравлены определенными химическими веществами, которые ухудшали сердечные заболевания".

"Что это были за химикаты?"

"Почти все добавки были насыщены антифибринолитическими препаратами, которые способствуют свертыванию крови. В нашей лаборатории было обнаружено значительное количество аprotинина, транексамовой кислоты и эpsilon-аминокапроевой кислоты в травяных добавках, которые принимал дядя. В результате он сразу же пережил сердечный приступ и его пришлось оперировать. К сожалению, после операции на сердце Ваш дядя перенес сепсис, который вызвал угрожающий жизни отказ многих органов, и умер в отделении интенсивной терапии. Это был тяжелый удар для всей семьи. Конечно, они понятия не имеют, что его отравили, но мы взяли образцы пищевых добавок, которые он принимал, и результаты являются достоверными".

"Эти убийцы!" – Вячеслав резко сказал.

Брюс специально потер ладони. "Ты не ошибаешься, – сказал он русскому шпиону. – Головорезы, которых нанял Ричард, сделали свое дело. Мы изучили образцы всех их купленных в магазине пищевых добавок и обнаружили, что почти во всех из них присутствует токсичный уровень мышьяка. Несчастными жертвами этого отравляющего трюка стали несколько человек из ближайшего окружения вашей семьи. Как мы упоминали ранее, у женщины теперь больное сердце. Но что еще больше удивило нас, так это медицинский прогноз девушки – кузины, которая там живет".

"Что с ней?"

"Она страдала от почечной недостаточности, и врачи даже не уверены, что диализа будет достаточно на данном этапе."

"У неё отказали почки?" – я повторял, неуверенно, не понимая как это связано с другими событиями.

"Согласно медицинским записям, к которым мы получили доступ, – подтвердил Брюс. – Твой друг Томпсон держал нас в курсе. Он узнал, что кузена употребляла несколько пищевых добавок, которые были отравлены и постоянно повреждали ее внутренние органы. Он думает, что девочка может быть неизлечимо больна".

Вячеслав Пузанов выдыхал шумно: "Как возможно, что такие ветераны-офицеры ЦРУ, как вы, не могут опознать преступников?".

"Вячеслав, это не так просто, – сказал Сэм. – Преступники очень хорошо заматали следы, но мы также бдительно следим за тем, чтобы защитить семью от дальнейшего вреда. На данный момент мы предполагаем, что за отравлением стоял один или несколько наемников, которые пытались похитить девушку".

Брюс Мур признал: "Мы просто не знаем, кто из мошенников стоял за этим."

"Чувак, я говорю, что мы пристрелим всех этих ублюдков", – заявил Сэм.

"Я не могу, – я быстро ответил. – Мы не убийцы".

"Разве ты не слышал, что они планировали для твоей семьи?"

"Планировали Сэм, – мягко напомнил я, – но на самом деле они этого не делали, не так ли?"

"Они не смогли выполнить свой план отравления, потому что мы вовремя остановили их, но мы не будем вечно рядом, чтобы защитить твою семью. Кто-то должен нейтрализовать угрозу".

"Я не могу позволить их казнь".

"Вау, я не понимаю тебя, человек. У меня тоже есть дочь, ладно, и позволь мне сказать тебе кое-что. Если бы этих мужчин наняли, чтобы они похитили и изнасиловали мою одиннадцатилетнюю девочку, я бы без колебаний застрелил этих м****й, и мне было бы все равно, удастся ли им осуществить их планы или нет".

"Если ты прав, то Ричард нанял более полдюжины убийц и похитителей, – напомнил я своим друзьям, пытаюсь удержать свой голос. – Мы не можем убить так много людей".

Сэм сжимал зубы. Его лицо покраснело от гнева: "Тогда что ты собираешься делать, а? Просто сядешь и позволишь им убить твою сестру?"

"Слушай, мы говорим о Ричарде, – объяснил я. – Если мы их уберём, он наймёт ещё двадцать. Мы должны придумать альтернативный план".

"Я никогда не понимал, что в нашем мире есть такие злые люди, – вздохнул Сэм. – Чувак, я очень сожалею, что у меня две девочки. Не знаю, смог ли я всю жизнь защищать своих дочерей от такого рода отбросов".

Брюс Мур скрестил пальцы за головой и покачал: "Ты беспокоишься о своих детях, Сэм? После расследования опасностей, с которыми столкнулась семья Джона, я решил никогда не заводить детей. Этот мир не подходит для детей".

"Те сукины дети думают, что могут насилловать невинных, и им это сойдет с рук, – подумал Сэм. – Разве у этих преступников нет собственных дочерей? Где же человечность?"

Протеже Сэма выглядел рассеянным: "Я бы не стал называть их преступниками, Сэм. Некоторые из этих ребят были обычными полевыми агентами, которые влезли в долги и нуждались в деньгах. Думаю, предложение Ричарда им показалось слишком выгодным, чтобы отказаться от него. Они не типичные наемники или часть какой-то преступной группировки".

"Не говори мне, что они хорошие парни, Брюс, – кричал Сэм. – Какие чокнутые согласятся пустить маленькую девочку по кругу и продать ее в рабство?"

"Я знаю, это плохо, ужасно то, что они планировали для его сестры, но все, что я говорю, это то, что я проверил данные о наемниках. У большинства не было криминального прошлого. У некоторых были свои семьи. У немецкого парня, который получил американское гражданство в 2009 году, есть собственная дочь. Он баллотируется на пост мэра в своем родном штате. У русского израильянина есть семья и он работает сверхурочно в Армии Обороны Израиля. Им всем за сорок".

Мой бывший коллега из АНБ заговорил: "Помнишь приложение для банковского мониторинга, которое твой друг Дастин установил в Федеральном Резервном Банке? Ну, ЦРУ отслеживало все входящие и исходящие транзакции, и мне сообщили об аномалии на счету отца Ирины. Приложение обнаружило всплеск финансовых операций Ричарда в августе прошлого года".

"Какой вид? – я хотел знать. – Депозит или снятие?"

"И то, и другое. Вот что привлекло наше внимание. Одна из подставных компаний, которую Ричард использовал в прошлом для отмывания денег, стала очень активной. На счет, принадлежащий гражданину Чехии по имени Гануш Лебенхарт, компания положила около тринадцати миллиардов чешских крон".

"Тринадцать миллиардов? – я повторил, быстро конвертируя сумму в доллары в своей голове. – Почему этот Лебенхарт получил столько денег от Ричарда?"

"В том-то и дело. Ровно через четырнадцать дней деньги были возвращены той же подставной компании, которая их послала".

Я хотел быть уверен, что услышал правильно: "Точно такая же сумма была *возвращена*?"

"Точно. Гануш Лебенхарт почему-то вернул эти деньги. Но наше любопытство было вызвано тем, что мы выследили парня только для того, чтобы убедиться, что он не попал в какую-то секретную схему отмывания денег".

"Что ты узнал?"

"Мы не узнали, – Сэм признал. – Филипп Лафон узнал".

Я кивнул, вспоминая старого знакомого Лиамы в ГВНЖ, который добровольно взялся защищать мою семью.

Сэм продолжил: "После того, как мы рассказали ему о гражданине Чехии, Филипп выследил его до конспиративной квартиры в деревне Новый Двур в Чехии. Филипп ненадолго задержал его во французской тюрьме. Гануш Лебенхарт был готов сотрудничать в обмен на снятие всех уголовных обвинений. Во время допроса Лебенхарт признался, что получал сотни миллионов долларов от контакта в Вашингтоне".

"Он сказал, почему ему так щедро заплатили? – я спросил. – Или как он вообще узнал об этом *контакте*?"

"Он знал Ричарда раньше – помог ему заключить сделку по добыче полезных ископаемых в Праге. Но на этот раз, когда Ричард встретил его, у него было уникальное предложение. Нестандартная работа".

"Что Ричард хотел от этого чеха?"

"То же, что и от Румена Желязкова, Бруно Грюневельдера и Якова Раухвергера, – сказал Сэм, переглядываясь с одного лица на другое. Он выглядел расстроенным. – Похищение твоей сестры".

"Опять?"

"Да, он показал нам файл, который получил от Ричарда. В нем были все мельчайшие подробности о твоей семье – где они живут, какие рестораны посещают, в какие школы ходят дети, маршруты путешествий и судебные протоколы. Лебенхарт говорил, что его задачей было похитить американскую девушку и передать ее местным чешским торговцам людьми, которые затем заманили бы ее в ловушку для принуждения к проституции. Но он был немного сбит с толку последней частью инструкций Ричарда".

"Когда этого парня наняли?"

"Примерно в 2009 году, мы полагаем. Болгарский убийца был нанят как минимум за пять лет до него. И если мы верим нашим источникам в Блэксенде, Ричард нанял пятерых человек, чтобы похитить твою сестру в 1999 году, а позже, в 2000 году, были наняты еще трое".

"В 2000 году? – я начал задыхаться. – Девочка, должно быть, в то время была совсем маленькой".

Сэм Кларк сказал: "Да, четыре или пять лет. Ричард нанял группу профессиональных торговцев детьми, чтобы похитить девочку. Позже им удалось проникнуть в частную католическую школу, в которой училась девочка, преступники поставили учителем своего человека, прежде чем они попытались похитить ребенка несколько раз".

"Твой контакт из Блэксенда не лгал, – внезапно сказал я. – Теперь я вспомнил. Примерно в то же время на мою семью напали. Старший сын русской женщины был на грани смерти. И семья настолько испугалась, что решила уехать из США и переехать в Индию или Восточный Пакистан, откуда родом отец".

Брюс выглядел удивлённым: "Значит, они просто все бросили и уехали в середине учебного года?"

"Отец маленькой девочки был старшим научным сотрудником в технической лаборатории и уволился с работы после того, как услышал, что его сына вот-вот убьют. После того, как семья переехала из США, на нее пока не было совершено ни одного серьезного нападения".

"Джон, ты рассказал мне об инциденте 1999 года. Разве не твой старый друг из КГБ тогда спас жизнь твоей матери?"

Я кивнул утвердительно.

Сэм, похоже, захотел поделиться своими знаниями с командой и обратился к своему протеже: "Джона подставили за убийство еще в 1996 году, и когда ему грозил смертный приговор, к нему приехали его приятели из России и пообещали позаботиться о его семье, и хорошо, что они сделали это, потому что его мать и маленькие дети стали мишенью Ричарда вскоре после этого".

Брюс с нетерпением ждал: "Что с ними случилось?"

"Кучка педофилов пыталась похитить шестилетнюю девочку из ее школы и продать ее в брюссельскую группировку по торговле детьми, и они даже убили двух российских охранников и подкупили еще парочку".

"Вау, ты говоришь, что команда охранников, которая должна была защитить семью Джона, продала их торговцам?"

"У каждого есть своя цена, – бывший офицер Агентства сложил руки. – Русский парень – Игорь Корабельников, это хорошо знал, он нанял своих лучших людей, чтобы защитить семью, но этого было недостаточно. Оpozнав среди своих людей несколько двойных агентов, Игорь перешерстил весь свой штат охраны и бдительно следил за тем, кто мог работать на две стороны. Торговцы людьми, которых нанял Ричард, к тому времени поняли, что за семьей Джона следит охрана, поэтому они направили свои усилия на то, чтобы купить их за красивые награды и не отслеживаемые наличные".

"Люди, которых мы выследили, обычные убийцы и гангстеры. Были ли эти люди в 2000 году настоящими торговцами детьми?" – Брюс Мур спросил.

"Да, это было международная группировка, и когда их задержали, полиция обнаружила огромный кэш файлов с детьми. База данных педофилов содержала более пяти миллионов фотографий и видеозаписей жертв, и мальчиков, и девочек в возрасте до одиннадцати лет, а некоторым было всего несколько месяцев".

"И больные извращенцы сумели втесаться в школу?"

Сэм пожал плечами и отвернулся от своего протеже: "Фальшивый учитель английского языка заключил сделку с полицией и признался, что ему предложили десять миллионов долларов, если бы он смог

похитить маленькую девочку из ее частной школы и продать ее группировке в Европе. Его работодатель дал им строгие инструкции снимать на видео все издевательства, чтобы получить за это вознаграждение".

"Больные у****ки! – Брюс пробормотал на одном дыхании. – А как же тот учитель в ее школе? Они физически пытались похитить младшую сестру Джона?"

"Да, у них были чертежи ее школы и дома, но они, вероятно, планировали переезд, но колебались, потому что люди Игоря защищали всю семью. Главный охранник Игоря, который погиб, пытаясь задержать одного из торговцев людьми, передал по радиации подкрепление за несколько минут до того, как в него стреляли. Он предупредил остальных членов команды о том, что два фальшивых учителя планируют похитить шестилетнюю, и у них есть лодка для побега, оснащенная всевозможным оборудованием. Подкрепление прибыло *до того, как* похитители смогли сделать свой ход. Один из арестованных позже заявил, что их план "Б" заключался в похищении девочки, когда она направлялась домой, и перевозке ее через озеро Онтарио в Канаду, где семь членов пресловутой подпольной династии Мудигано организовали продажу ребенка по высокой цене на сайтах с детской порнографией в Даркнете".

"Кто такой Мудигано?"

Я ответил: "Клан Мудигано был одним из старейших криминальных семей Канады, чьи корни в Онтарио можно проследить до 1929 года".

"Я слышал о канадской мафии, но, насколько я знаю, они не занимались торговлей детьми, – Вячеслав Пузанов сухо прокомментировал. – Клан Мудигано приехал из итальянского региона Калабрии, верно?"

Я кивнул: "Да, остатки мафии Ндрангета, но позже они перевели дела в Канаду. Сэм, ты думаешь, они занимаются торговлей людьми?"

"Мы их не знаем, – заверил его Сэм, – но Ричард заплатил им двадцать миллионов долларов, чтобы облегчить транспортировку маленькой девочки. И мы говорим о 2000 году. Двадцать миллионов означали многое в те дни, особенно для распавшейся криминальной династии. Удивительно, что некоторые люди делали бы за деньги".

"Я отвлекся на секунду, – Вячеслав прервал. – Ты упомянул Даркнет – чем он отличается от интернета?"

Брюс дал ему ответ: "Даркнет – это подраздел интернета, который скрыт от стандартных веб-браузеров. Он является центром для преступников, потому что они могут использовать его для сокрытия незаконной деятельности с помощью свободных программ-маршрутизаторов, которые скрывают свое местоположение, передавая информацию через Интернет и создавая сложные следы

доступа, которые затрудняют, а то и вовсе делают невозможным, отслеживание полицией передвижений пользователя в сети. Люди продают через Даркнет нелегальные данные и вещи, например, опиоиды, украденные кредитные карты и оружие. Это центр для торговцев людьми, они используют его для продажи детей педофилам. Мужчины Игоря нашли профиль этой маленькой девочки на нескольких сайтах Даркнета. Младшей сестры Джона, я имею в виду".

Вячеслав втапывал ногой землю: "Продавать шестилетнюю девочку в секс-рабство? Это безумие."

"Ричард заплатил им кучу денег", – Сэм заметил.

"Какой извращенец согласится сделать что-то настолько ужасное? Это же кошмар!" – Брюс горячо говорил.

"Я согласен, но мне кажется, что главный больной придурок – это Ричард. Что он думает получить, похитив ребенка и продав его в детское сексуальное рабство?"

Брюс сделал глубокий вдох и посмотрел на Сэма: "Как люди Игоря были настолько уверены, что торговцы людьми охотились, в частности, за сестрой Джона? Не за каким-то другим ребенком?"

"Там были сотни снимков, фотографии ребенка, играющего на заднем дворе, школьной игровой площадке и даже прогулки в парке с мамой. Они следили за ней с начала учебного года. Их машины также были заполнены фотоаппаратами и другим оборудованием, которое обычно используется для изготовления порнофильмов", – Сэм замолчал, как будто теряясь в мыслях.

"Это самое ужасное, что может случиться с кем-то, когда маленькие дети становятся мишенью для таких у**ов", – протестом Сэма говорил с чувствами.

Сэм кивнул: "И самое удивительное в этом то, что Джон понятия не имел, что его семья находится в опасности. Его друг Игорь связался с ним, когда он заболел и находился на последней стадии рака. Он позвонил, чтобы извиниться и сказал, что сожалеет о том, что не смог навсегда защитить семью и маленькую девочку".

"Почему они не привлекли полицию Нью-Йорка? Я уверен, что у полиции есть отдельное подразделение по защите детей."

"Он связался с ними, – я сказал, вспоминая то, что сказал мне мой друг много лет назад. – После того, как Игорь обнаружил банду торговцев людьми, он предупредил полицию, и они провели масштабные рейды в окрестностях. Три арендованные виллы, прилегающие к дому моей матери, были набиты камерами, и в этих домах проживали двадцать три члена восточноевропейской группировки по торговле детьми".

Брюс выдохнул: "Значит, жуликов тогда задержали?"

"Многие из людей Ричарда бежали из страны и бежали в Бельгию и Францию до того, как полиция Нью-Йорка смогла получить ордер на их арест", – я сказал ему. – Игорь лично связался с исполнительным директором Европола, который затем санкционировал совместную операцию с участием полиции Бельгии и Франции. Они объединились с Евроюстом и таким образом захватили большинство оставшихся членов банды по торговле людьми. Подразделения по борьбе с торговлей людьми в странах-членах ЕС и Европола также предложили свою помощь и помогли идентифицировать девять похитителей девочки, включая поддельного учителя ее частной католической школы".

"Жуткие соседи твоей семьи были задержаны, верно?"

"Полиция Нью-Йорка мобилизовала силы и окружила три арендованных виллы. В ходе операции, начатой нью-йоркской целевой группой по борьбе с торговлей людьми, было поймано более сотни членов группировки педофилов. Считалось, что это самая крупная операция по борьбе с торговлей людьми в истории штата".

На лбу Сэма сформировался легкий хмурый морщин: "Да. Я был в УБН в том году. Я помню рейд. Это был межведомственный рейд, возглавляемый Службой Маршалов США, и включавший пятьдесят человек правоохранительных органов. Если я правильно помню, власти изъяли поддельные удостоверения личности и паспорта, поддельные свидетельства о рождении и браке, мобильные устройства, золотые украшения и свидетельства о денежных переводах в этих виллах. Торговцы людьми были вооружены до зубов".

"Даже те, кто бежал в Европу, – вспоминал я. – После рейда в Нью-Йорке Агентство Европейского Союза по сотрудничеству в области уголовного правосудия арестовало и допросило в Румынии 11 подозреваемых. Среди них был убийца, известный как Вулкан. Я узнал псевдоним. Ричард использовал его для убийства члена британского парламента, а также председателя Генерального совета Коррезе. Он признался в убийстве школьной медсестры в школе маленькой девочки во время попытки похищения".

"Полиция узнала, почему он убил школьную медсестру?"

"Да, это было странно, потому что убийца сказал, что он убил медсестру, чтобы забрать всю награду себе".

"Награду?" – Вячеслав воскликнул в ужасе.

"Да, Ричард вроде как обещал заплатить все сто миллионов тому, кто первым доставит ребенка торговцам, так что была большая конкуренция, – я закрыл глаза, чтобы подавить прилив боли, которая окутывала мою грудь. – Убийца заметил, что школьной медсестре тоже заплатили, поэтому он убил конкурента, чтобы прикарманить прибыль и похитить девочку сам".

"В какую школу ходила маленькая девочка? – спросил старший офицер СВР. – Достаточно ли было охраны?"

"Она была зачислена в католическую школу для девочек в северной части штата Нью-Йорк. Охрана там была строгая. Там учились дети сенаторов, конгрессменов, предпринимателей и знаменитостей. Это была действительно элитная школа, со строгими академическими и спортивными программами. Безопасность была высокой, так что попытка похищения прошла не слишком гладко. Торговцы детьми планировали это в течение нескольких месяцев и, возможно, даже добились бы успеха, если бы родители не забрали девочку из школы в середине учебного года и не уехали бы на другой континент".

Вячеслав спросил: "Оба родителя решили переехать?"

Я пожал плечами: «Ну, люди Игоря держали семью под аудио и видео наблюдением. Он упомянул, что отец очень хотел уйти с работы в AT&T и уехать из страны, когда на старшего сына напали. Ребенку едва исполнилось тринадцать лет, когда вооруженные люди, нанятые Ричардом, попытались сбить его, когда он руководил религиозной службой рядом со средней школой. Русская женщина и ее муж много спорили о переезде в Индию, но в конце концов она согласилась уехать, когда он утверждал, что эти нападения, скорее всего, были расово мотивированными преступлениями на почве ненависти. Нам повезло. Вся семья переехала и выбралась из рук похитителя всего за несколько недель до того, как они планировали настоящий захват".

"И они жили в Индии все эти годы?"

"Не совсем, вскоре после этого они уехали в Лондон. Потом я слышал, что семья переехала в Японию на два года, прежде чем вернуться в Нью-Йорк".

Брюс зловеще присвистнул: "Если бы я знал, что мы имеем дело с таким м***ком, как Ричард, который похищает маленьких девочек и продает детей торговцам, я был бы менее удивлен, узнав об убийцах и педофилах, которых он нанял."

Вячеслав заговорил: "Мне любопытно, Брюс, о чем именно Ричард попросил Лебенхарта?"

"Чеха? – Брюс сказал. – Ричард специально попросил его нанять десятки чешских и словацких преступников, чтобы они напали на неё и записали для него порно с ней. Он сказал, что ему нужны фотографии и видео для работы".

"Что сделал чех? Пытался ли он подчиниться?"

"Не совсем. Я прочитал стенограмму его допроса, – рассказывал Сэм Кларк. – Получив первый платеж, Гануш Лебенхарт сказал, что начал готовиться к похищению, но хотел провести собственное исследование жертвы, прежде чем приступить к делу. Он сказал, что хочет быть уверен в том, что это связано с риском. Трое из его людей следили за твоей сестрой в течение недели и сообщили о своих

выводах. Они обнаружили, что твоя сестра стала монахиней и дала обет, чтобы вести монашескую жизнь. Она была постоянной прихожанкой и часто посещала местные соборы. Лебенхарт рассказал нам, что в тот момент он понял, что его жертва была невестой Бога, и начал делать оговорки о продаже ее в сексуальное рабство. У него также был предыдущий опыт работы с Ричардом, и он видел, как у него появилась привычка устранять своих сотрудников, как только работа заканчивается. Получить полмиллиарда долларов за, казалось бы, нелегкую работу, звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой, поэтому он серьезно опасался, что у Ричарда не будет планов оставить его в живых, как работа будет сделана. Тем не менее, так как он уже принял первый взнос, он быстро вернул всю сумму, чтобы Ричард не мстил".

"Он все еще под стражей?" – спросил Вячеслав Пузанов.

Сэм покачал головой: "Филипп убедил Интерпол освободить его, так как был уверен, что Гануш Лебенхарт больше не представляет угрозы для русской женщины и ее детей".

"Как он мог доверять человеку, согласившемуся переправить американку в сексуальное рабство?" – Вячеслав открыто удивился.

Брюс Мур ответил спокойно: " По той же причине мы решили обратиться к Драголюбу Кунарацу вместо того, чтобы преследовать его".

"Прости, но о ком ты говоришь?" – я перебил.

"Драголюб Кунарац – сербский торговец оружием, который был арестован американскими пограничниками при пересечении границы из Мексики, – заявил Брюс. – Это была случайность, что мы были предупреждены о его присутствии. Следуя обычному протоколу, агенты пограничной службы передали электронные устройства Кунараца в оперативную группу ФБР по кибер-расследованиям. Мой приятель из Квантико отправил мне по электронной почте содержимое ноутбука серба. Это была та же самая большая задача похищения ученицы школы Лиги Плюща в Нью-Йорке и сотнях секс-записей с ней. Я сразу же позвонил Сэму, и мы лично допросили подозреваемого".

"Он сказал, кто его нанял?"

"Ему не нужно было это делать. Мы отследили все его банковские переводы. Драголюб Кунарац уже получил первый взнос от Ричарда в размере ста миллионов долларов, и ему обещали еще полмиллиарда, если он сможет доставить сотни или около того секс-видео девочки с разными мужчинами. Когда мы сказали ему, что он будет арестован и приговорен к пожизненному заключению за попытку похищения, отмывание денег и незаконную торговлю оружием, Кунарац согласился сотрудничать и предложил стать нашим двойным агентом. Это была его идея. Он добровольно пошел к Ричарду и притворился, что он всё ещё преданный работник. Таким

образом, мы смогли отследить денежный след, который идет через Атлантику".

"Обращение Кунараца дало результаты?"

"Я бы сказал, что у нас есть преимущество, – признался Сэм. – После нашей сделки Драголюб Кунарац попросил Ричарда перевести ему больше наличных на счета, которые мы предварительно идентифицировали. Таким образом, мы смогли уведомить Министерство финансов и Налоговое управление и оперативно конфисковали почти миллиард долларов с пронумерованных счетов Ричарда".

"Томпсон все еще работает в Бюро?" – Брюс спросил своего босса.

"Нет, он уже *бывший* спецгент ФБР, – пояснил Сэм, – но он делает все возможное, чтобы обеспечить строгую охрану семьи."

"Тогда почему бы нам не попросить его дать наводку ФБР? – офицер ЦРУ предложил, подняв брови. – У них есть юрисдикция на территории США и они могли бы арестовать всех наемников, которые находятся внутри страны. Наши данные подтверждают, что Бруно Грюневельдер и Румен Желязков еще не покинули страну. Если ФБР схватит их сейчас, мы сможем частично нейтрализовать угрозу. Что касается Гануша Лебенхарта и сербского торговца оружием Драголюб Кунараца, то ни тот, ни другой никогда не ступали на американскую землю. А российско-израильский агент Яков Раухвергер – ну, он последние четыре года живет в Ливане, так что его нельзя арестовать в ближайшее время".

Сэм зажал губы: "По какой-то конкретной причине Раухвергер в Ливане?"

"У нас не так много подтверждений на этот счет, но считается, что у него есть жена, которая живет в Бейруте и ребенок, – ответил Брюс. – В любом случае, как я уже говорил, все эти мужчины, которые были наняты для похищения твоей сестры – обычные граждане – семьянины, ведущие нормальный образ жизни. Теперь мы можем связаться с Интерполом и попросить их выдать ордер на арест".

"Я не думаю, что арестовывать этих людей было бы мудрым поступком." – я заметил.

Воцарилась тишина, когда Сэм, Вячеслав и Брюс рассмотрели мое предложение.

"Ты собираешься отпустить их на волю?" – Сэм Кларк недоверчиво спросил.

Я умолял команду: "На каком основании мы должны их арестовать?"

"Что ты имеешь в виду? – Сэм заговорил. – У нас есть доказательства их преступления! Эти люди забрали деньги у Ричарда и планировали сделать столько ужасных вещей."

"Но это то, что они планировали, – напомнил я своим друзьям. – Никто из них на самом деле ничего не сделал."

"Благодаря нам и команде охраны, которую была на месте." – Брюс вмешался.

"Да, именно поэтому я говорю, что мы должны присматривать за семьей. Убедимся, что они в безопасности".

"Конечно, мы можем устроить охрану, но есть некоторые меры предосторожности, которые мы должны принять."

"Например?"

"Мы не можем позволить им уехать в Индию, – авторитетно заявил Брюс Мур. – Доступ к ИИ удален в Юго-Восточной Азии, спутниковые снимки там отстой, и у нас просто нет такой рабочей силы, чтобы защитить их в этом шумном городе".

"Я чувствую, что мы должны добавить Лондон в список бесполётных зон, – сказал Сэм. – У болгарского убийцы много контактов в Англии. Он был частью восточноевропейского преступного синдиката в Лондоне. Если он зашел настолько далеко, что нанял лидеров индийских банд, чтобы похитить девочку, то мы должны предположить, что он сделает то же самое в Лондоне".

Я любопытно посмотрел на своего друга. "Сэм, ты потерял меня там на минуту, – я поднял руку, чтобы привлечь его внимание. – Почему ты говоришь, что Индия стала опасной зоной для моей семьи? Разве муж русской женщины не из Индии? Они постоянно приезжают. Зачем преступнику их преследовать?"

"Вся твоя семья 8 месяцев назад летала на землю своих предков, чтобы присутствовать на похоронах родственника."

"Чьи похороны?" – я спросил, пытаюсь вспомнить о недавних смертях в семье.

"Бабушки, – сказал Сэм. – Мать индийца. Старушка умерла от возрастных осложнений и была похоронена на семейном кладбище, где-то в приграничной области. Как всегда делал Томпсон, он послал команду агентов российских спецслужб, чтобы они были защищали семью, хотя никто не ожидал, что в такой густонаселенной стране им будет нанесен какой-нибудь вред".

"Итак, что случилось?"

"Совершенно неожиданно. Семья ехала по дороге, на двух отдельных машинах. Они ехали к месту захоронения бабушки в селе, но у сестры было пищевое отравление и она осталась в городе. Двое охранников остались в городской резиденции, в то время как один автомобиль отправился за членами семьи. Но пристальное наблюдение за ними оказалось невозможным из-за грунтовых однополосных дорог, покрытых грязью. Российские охранники, которых позже допрашивали, рассказали, что видели три джипа и несколько мотоциклов, внезапно окруживших машину семьи и

державших их в заложниках. Они представились местными и сказали, что ищут девочку. Головорезы смотрели на фотографию и сравнивали ее с лицами пассажиров, чтобы выяснить, кто из них кто. Но ее там, конечно, не было. Твоя сестра была больна и осталась дома. К этому времени наша служба безопасности догнала конвой и после короткой перестрелки индийские головорезы сдались".

"Члены семьи?"

"Слава Богу, с ними все было в порядке. Не пострадали, но очень расстроились. В конце концов, это была похоронная процессия".

"Что российская служба безопасности сделала с членами банды?"

"После допроса нападающих, мы узнали о попытке похищения. Они сказали, что их босс попросил их забрать девушку. Наша охрана заставила головорезов отвести нас к своему боссу, Сунилу Кейривалю, главарю мафии, базирующемуся в Мумбаи. Когда мы арестовали и допросили его, Кейриваль неохотно признался, что его нанял европеец. Он сказал, что это была деловая сделка и что ему просто выдали задание".

"Для чего именно был нанят Кейриваль?"

"Это был план эвакуации, но его указания были несколько не христианскими. Главарь банды из преисподней Мумбаи дал нам доступ к своему ноутбуку, в которых мы смогли восстановить удаленные сообщения электронной почты и инструкции".

Вячеслав яростно хмурился: "Какие инструкции?"

"Я не знаю, как это описать, на самом деле, – начал Брюс, – Объект был идентифицирован по имени и фотографии в паспорте".

"Кто был целью?" – мой русский друг спросил.

"Сначала мы не хотели в это верить, мы думали, что это случайная молодая девушка, но потом прогнали это через приложение для распознавания лиц".

"Какова цель?" – я настоял.

Сэм Кларк вздохнул: "Целью была твоя сестра. Мы изучили электронную почту Сунила Кейриваля, полученную от его европейского работодателя. Фотография твоей сестры была прикреплена к защищенному письму - только с одним заказом: лидер индийской банды должен был отправить несколько своих головорезов, они в свою очередь должны были напасть, изнасиловать девушку и записать это на видео. Чтобы получить оплату, он должен был заснять на видео нападение и отправить по электронной почте фотоснимки работодателю".

"А кто его нанял?"

"Один человек. Его звали Румен Желязков".

"Желязков? – я повторил. – Разве не он был убийцей, которого опознала ваша команда?"

"Да, Сунил Кейриваль сказал нам, что он был гражданином Болгарии, который сотрудничал с ним ранее в нескольких делах контрабанды оружия, так что у них было взаимопонимание. Должен признать, что это был первый раз, когда мы узнали, что Желязков охотился за твоей семьей – после индийского инцидента. Интерпол годами искал Румена Желязкова, но не смог определить его местонахождение. Именно после того, как мы перехватили коммунике лидера индийской банды, мы опознали еще одного человека, которого Ричард нанял, чтобы похитить и напасть на девочку. Группа безопасности начала фиксировать все финансовые операции Желязкова и подтвердила, что он получил более пятисот миллионов долларов от отчима Ирины", – заключил Сэм.

Брюс прочищал горло: "Сунил Кейриваль оговорился случайной деталью. Он сказал, что Желязков предупредил его, что цель, скорее всего, будет крайне несговорчивой и не захочет снимать видео, поэтому ей придется тактично убедить".

"Что?" "Да, даже мне было трудно в это поверить. Но болгарский работодатель сказал Сунилу, что он должен использовать индийскую кобру и гремучую змею, чтобы напугать американку и заставить ее следовать их инструкциям и сняться в этих видео. Они посылали друг другу сообщения о том, как намеченная жертва дала клятву быть монахиней и не хотела нарушать свои обеты Богу. Итак, Румен Желязков как-то объяснил, что твоя сестра будет бояться змей".

"Какая-нибудь конкретная причина, по которой незнакомец из Болгарии думает, что девушка страдает офеофобией?"

"Это может быть как-то связано с инцидентом в колледже, – предложил Брюс. – Это было прошлым летом в ее университетском кампусе Лиги Плюща. Очевидно, твоя сестра увидела в столовой мертвого таракана или какого-то жука, и она закричала и упала в обморок от ужаса. Сотрудники общественной безопасности университета сопроводили в близлежащий медицинский центр "Ирвинг" для облегчения ее шока. Мы знаем это, потому что голландская служба безопасности, которая следит за ней, была неподалеку, когда это произошло. Возможно, наш болгарский убийца наблюдал за ней в то время".

Вячеслав Пузанов в разочаровании ударил себя по лбу. "Это должно прекратиться, разве ты не видишь? – он посмотрел на своих американских коллег. – Эта бедная семья не сможет пережить все эти нападения".

Сэм энергично ходил вперед-назад: "Я согласен с тобой, Вячеслав, но мы делаем все возможное, чтобы сохранить эту семью."

"У меня есть друг в СВР. У него есть связи с остатками нашей Солнцевской Братвы. Я немедленно с ним свяжусь".

"Как российская внешняя разведка сможет нам помочь?" – Брюс спросил.

Русский агент выглядел сбитым с толку. Его глаза сверкали, когда он резко посмотрел на меня: "О, я думал только о том, что сказал мой дорогой товарищ. Ты не хочешь убивать тех животных, да, поэтому у меня есть решение для тебя. Если они снова тронут твою семью или попытаются похитить твою сестру, то я лично возьму нескольких заложников и воспользуюсь СВР, чтобы они подстраховали меня".

"Кого ты возьмешь в заложники, Слава?" – я спросил с осторожностью.

"У тех преступников, которые причиняют вред твоей матери и сестре, есть семьи, – пояснил Вячеслав. – Если они подберутся к твоей семье, я заберу у них всех, кого они когда-либо любили. Мои контакты в СВР и Солнцевском братстве позаботятся о том, чтобы они заплатили за то, что сделали. Я не американец, как вы, господа. Моя кровь – русская, а в России мы заботимся о своей семье. И если кто-то причиняет вред нашим матерям или сестрам, мы не дадим им уйти".

"Слава, мы – официальные правительственные агенты. Захват заложников противоречит всем международным законам. Кроме того, те люди, которые планировали похитить мою сестру, возможно, были злыми, но их семьи не имели к этому никакого отношения".

"Может и нет, – уступил мой русский друг. – Но тогда преступники поймут, каково это – терять любимого человека, и как ужасно больно сердцу зная, что похищены маленькие дети и красивые жены. Если они не почувствуют эту боль, они никогда не откажутся от грязного плана".

Я почувствовал, как во мне вспыхнула беспомощная ярость: "Всю свою жизнь я пытался играть по правилам. Я никогда не верил в захват заложников, похищение детей плохими парнями. Но почему эти люди вообще соглашаются на эту извращенную схему похищения?"

"Это наемники, которые могут убить кого-либо за сотню баксов, – с легкостью сказал Брюс Мур. – Многие люди делали бы гораздо худшие вещи за гораздо меньшие деньги. Ричард предложил им миллионы, даже миллиарды. В дополнение к деньгам он обещал кое-что большее. Он обещал болгарско-румынскому убийце руководящую должность в Ватикане. Ричард сказал немцу, что поддержит его на городских выборах. Они все участвуют в этом деле за деньги, я думаю. Сомневаюсь, что кто-то делает это по личным причинам".

"Мне плевать, если бы им предложили мир, – горячо ответил Вячеслав Пузанов. – Я бы не согласился причинить боль невинной матери и ее ребенку, даже если бы Ричард дал мне за это сто миллиардов".

Брюс вздохнул: "Голландская служба безопасности заметила, что они упоминали о необычной встрече. Это было четыре месяца назад."

"Какая встреча?" – я хотел бы знать.

"Они наткнулись на пятерых членов отряда "Дельта", – сказал младший офицер агентства. – Подразделение "Дельта" следило за твоей семьей, и когда один из их членов был задержан нашей службой безопасности, он признался, что был нанят для работы по эвакуации".

"Эвакуации кого?"

"Девушки... Я имею в виду твою сестру. Руководитель группы, который был сержантом-майором в силах "Дельта", сказал нашим ребятам, что его группа была нанята тайной правительственной антитеррористической организацией для этой миссии. У них была специализация на извлечении целей".

"Какие были указания по миссии?"

"Так как это была нестандартная операция, они думали, что это была официально санкционированная правительством работа. Они должны были забрать девушку и передать ее другой команде эвакуации недалеко от мексиканской границы".

Вячеслав выглядел раздраженным: "Если это силы "Дельты", то они должны были *проверить*, исходят ли их приказы от правительства".

"Один из операторов "Дельты" упомянул, что их работодатель, который, очевидно, был анонимом, утверждал, что отец девушки был известным террористом, и им нужна была девушка для рычагов воздействия, для получения разведданных. Но он сказал, что двое из его команды отказались от операции".

"Почему?"

"Из-за денег, – Брюс Мур ответил. – Лидер отряда "Дельта" сказал нашим голландским охранникам, что каждый из его коллег получил 5 миллионов долларов за эту работу. Снайпер "Дельты" получил дополнительный миллион. Его задачей было устранить любое сопротивление. И им были предложены еще пять, как только пакет "посылка" была передана".

"Они хотели больше денег?" – я спросил.

Сэм Кларк наклонил голову перед тем как сказать: "Сержант-майор сказал, что он герой войны, а не преступник. Он совершил две поездки в Ирак и был награжден крестом за выдающиеся заслуги в спасении нескольких гражданских лиц из горящего здания. Но даже тогда, после всего его героизма, правительство не предоставило ему пять миллионов долларов за его службу. Он понял, что здесь что-то нечисто, поэтому временно отложил операцию, даже несмотря на то, что у его команды опытных людей было достаточно возможностей увести твою сестру из-под нашей опеки".

"Итак, он признался", – я говорил сам с собой.

Сэм кивнул: "К счастью, лидер "Дельта" сотрудничал с нами и предоставил нашей технической команде доступ к их банковским

счетом. Мы отследили деньги. Они были переведены непосредственно с оффшорного счета, который был зарегистрирован под известным подставным именем болгарского убийцы".

Я пытался дышать ровно: "За этим стоял Румен Желязков?"

Брюс поднял одну из бровей: "Не могу сказать, что я был явно удивлен. Когда мы узнали, что Желязков организовал план эвакуации, мы знали, что твоя сестра в большей опасности, чем мы думали".

"В этом рассказе все настолько нечисто, – протестовал я. – Как болгарский наемный убийца мог нанять команду "Дельты" и убедить их совершить похищение?"

"Ребята из "Дельты" утверждали, что они работали на подпольную группу в правительстве США. Сейчас, действительно ли они верили, что это была законная операция или нет, мы не можем это узнать точно. В любом случае, команда "Дельта" должна была передать ребенка мужчине в медицинской клинике недалеко от Харлингтона, Южный Техас. Мы дали наводку ФБР".

"Что нашло Бюро?"

"Они совершили рейд на клинику и произвели десятки арестов. Несколько разыскиваемых преступников, беглецов и восемнадцать человек, принадлежащих к мексиканскому картелю Синалоа – крупнейшей в мире организации наркобизнеса. ФБР также обнаружило скрытый проход, вырытый под этим местом. Проход шел прямо из округа Камерон и был связан с промышленной площадкой в мексиканском городе Тихуане. Это был самый длинный контрабандный туннель, когда-либо обнаруженный на границе с Мексикой, и он был оборудован железнодорожным полотном, дренажной и вентиляционной системами, а также высоковольтными электрическими кабелями".

"Смогли ли ваши люди допросить задержанных в этой клинике?" – мой русский друг спросил.

Брюс ответил утвердительно: "Агенты по борьбе с наркотиками на месте обнаружили большой контейнер, наполненный сотнями желто-коричневых скорпионов. Я взглянул на этих жутких тварей. Почти 80 мм в длину. Один энтомолог сказал мне, что эти скорпионы встречаются в восточной части Европы, в основном в Албании и Болгарии".

Вячеслав Пузанов выглядел взволнованным: "Почему мексиканский наркокартель держал скорпионов на конспиративном объекте?"

"Хороший вопрос. Я смог допросить арестованных головорезов, которые находились под стражей в ФБР. Похоже, что коробка со скорпионами была подарком".

"Подарком?" – я повторил.

"Лидер банды, который заплатил за строительство туннеля, был старшим членом могущественного наркокартеля Синалоа, известного своим коллегам как *Эль Локо*. Он сотрудничал с нами в обмен на смягчение наказания. Согласно его информации, скорпионы были отправлены к ним из порта Варны, крупнейшего портового комплекса в Болгарии".

"*Эль Локо* сказал, кто ему это отправил?"

"Да, это был тот же человек, который нанял его, в первую очередь – человек, который назвал только свое имя Румен. Они должны были получить *посылку* от Румена Желязкова. Мишенью была молодая американская студентка университета Лиги плюща, которого им должна была передать армейская команда США. Членам картеля было приказано ждать на конспиративном объекте, пока девушка не прибудет, а затем попытать ее, чтобы подчинить ее. Румен специально попросил их использовать скорпионов, чтобы напугать ребенка. Он упомянул, что так будет легче контролировать ее, так как она страдает от арахнофобии".

"Я не понимаю, – мой русский друг потирал лоб. – Зачем Румену Желязкову приказывать мексиканскому картелю мучить эту девушку скорпионами?"

"У них была одна работа – мужчины должны были сексуально домогаться ее и снимать это на видео. Это был единственный способ получить деньги. Румен предупредил их, что целью была послушница православной церкви, которая дала клятву стать какой-то монахиней, поэтому она не хотела сниматься в каком-либо порнографическом видео, поэтому в посылку были добавлены скорпионы. Он также велел им вывезти ее из Соединенных Штатов через подземный туннель и передать в руки торговцы, который находился в Тенансинго, Мексика, – Брюс бросил мимолетный взгляд на меня и опустил голову. – Члены картеля планировали принудить твою сестру к проституции после ее перемещения в Мексику."

"Это невозможно! Как? – моя голова была настолько тяжелой, что мне пришлось держать ее в руках. – Почему это все происходит?"

Сэм положил руку мне на плечо: "Мы можем сдержать угрозу, чувак. Министерство юстиции и национальной безопасности сотрудничало с мексиканскими правоохранительными органами, чтобы задержать оставшегося члена этой банды, который ждал, чтобы забрать твою сестру и туннеля в Мексике. Мы уверены, что дело было закрыто навсегда. И если сутенеры все еще хотят навредить твоей семье, я лично позабочусь о них".

Брюс повернул на него голову: "Но все те люди, которые охотятся за семьей Джона – что, если мы не сможем их остановить?"

"Не волнуйся, чувак, мы не позволим им забрать ее. – Сэм рычал, почти угрожающе. – И если эти ублюдки осмелятся даже приблизиться

к ней, мы выследим их и замучаем каждого до смерти. Они будут молить о смерти. Старый с***н сын больше никогда никого за ней не пошлет. Он перестанет нанимать торговцев детьми для ее похищения".

"Нет, это слишком рискованно. Мы не можем позволить этим у*****кам *забрать* ее. – Брюс Мур сказал. – Мы не можем позволить им даже прикоснуться к ней. Если они хоть на секунду подойдут к ребенку..."

"Ты выглядишь испуганным, Брюс. Ты знаешь что-то, чего не знаем мы?" – я высказал догадку.

"В одном из заграничных рейдов ФБР специальные агенты обнаружили смарт планшет. В нем было несколько сжатых файлов. Все эти файлы были прикреплены к электронному адресу, принадлежащему известному контрабандисту, который руководил несколькими международными группировками по торговле людьми в целях сексуальной эксплуатации, базирующимися в Катманду".

"Что ФБР делало в Непале?" – я спросил.

"Они действовали из своего полевого отделения в округе Макванпур Багмати Прадеш в центральном Непале. Это произошло после того, как люди Лиамы позвонили Сэму и сказали ему, что самолет отклоняется от курса. Это был беспосадочный рейс "Катэй Пасифик" из Нью-Йорка в Нью-Дели, но пилот внезапно сообщил по радио, что топливо осталось очень мало, и им пришлось приземлиться на каком-то острове недалеко от Непала".

"Полагаю, это был не просто самолет."

"Нет, твоя сестра была на нем, Джон. Она собиралась повидаться с родственниками в Индии. Двое из людей Лиамы, российской службы безопасности с голландскими силами, были на этом самолете и предупредили нас об аномалии. Мы сделали все возможное, чтобы полет не сбился с курса, но было что-то не так с приемом. На острове, на который они хотели приземлиться, была узкая посадочная полоса в глуши. Мы чувствовали, что это ловушка. Люди Лиамы нервничали. Пилот запаниковал, но мы заставили авиадиспетчеров приказать им оставаться на курсе и приземляться в ближайшем городе, а не на каком-нибудь богом забытом острове. А затем мы получили краткое сообщение от начальника ее охраны о том, что двое вооруженных людей пытаются проникнуть в кабину пилота и заставить пилотов отклониться от курса и направиться на остров. Мы знали, что планировалось что-то плохое, но с земли мы ничего не могли сделать. Кроме надеяться на их удачу. Потом самолет наконец-то приземлился. Пассажиры были в основном невредимы, но двадцать семь пассажиров пострадали от пищевого отравления, близкого к летальному исходу. Казалось, что кто-то в пищу на самолете

подсыпали бензодиазепин, предназначенный недолгого усыпления людей".

"Значит, они были в безопасности?"

"Да, но мы все равно хотели осмотреть загадочный остров. Когда федералы добрались туда, они сообщили, что он выглядел как заброшенная армейская база, но там была узкая взлетно-посадочная полоса, только что построенная. Но самая тревожная находка была внутри низко крытых бункеров. Судя по мусору, специальные агенты ФБР пришли к выводу, что там находилось не менее двухсот человек, которые жили в этих домах. И там было пять больших комнат с киноаппаратурой, камерами, жалюзи, мощным освещением и т. д. И там мы нашли этот планшет. Здесь я распечатал данные с него. Если хочешь, можешь просмотреть".

"Это похоже на статьи, Брюс." – я прокомментировал, быстро осмотрев страницы.

Офицер ЦРУ кивнул: "Да, это выглядело как психологический отчет. Он настолько детализирован, что кажется, будто это написала группа высококвалифицированных психологов, специализирующихся на психотерапии и других формах психологического лечения".

"Почему ты так говоришь?"

"Из-за содержания, – объяснил он. – Это, несомненно, было написано высококвалифицированными профессионалами, обладающими знаниями в области оценки человеческого поведения и психического здоровья. Название темы в этих отчетах скрыто, но есть фотография. Ты узнаешь снимок головы?"

"Моя сестра? – я прищурился. – Почему эти психиатры рассматривали ее профиль?"

"Я всмотрелся в них. Врачи, или скорее ученые, работали в медицинской лаборатории в Мэриленде. Очевидно, им было приказано изучить дело, где им дали подробности о конкретной американке. Их задачей было оценить ее профиль и дать рекомендации, как сломать ее психически, физически и психологически. После оценки ее поведения врачи прислали подробный отчет, объясняющий, какой метод будет работать лучше всего, чтобы сломать ее, и под каждым предложением есть заметки с боку. Причина, по которой я делюсь этим с тобой, заключается в том, что это было нечто большее, чем просто ужас, даже для того, кто работал в ЦРУ в течение многих лет. Я имею в виду, что, честно говоря, мы нанимаем психологов, чтобы он оставался в комнате пыток ЦРУ на секретных объектах, но никто из наших сотрудников никогда не заходил так далеко".

"Что ты имеешь в виду?"

"Среди них работает какой-то психопат-аналитик, в этом я уверен. Послушайте, на первой странице есть список проблем. В докладе

упоминается о том, что данная тема у молодого подростка, который поклялся стать православной монахиней и решил принять монашескую жизнь. В профиле ее личности указано, что она беззаботна, эмоциональна, обладает самоуважением, самоконтролем и чувством морали. Психиатрам было дано указание придумать рекомендации, которые сделали бы ее податливой к, ну, торговле, чтобы она не пыталась сбежать из плена и сотрудничать с похитителями".

"Значит, все дело в торговцах?" – я спросил.

"Да, мы полагаем, что они ждали на острове, надеясь, что самолет совершит там аварийную посадку. Там были сотни мужчин вместе с оборудованием для изготовления порнографических видеофильмов, и, согласно инструкции данного руководства, их работодатель приказал им заставить жертву сотрудничать, поэтому им пришлось придумать изощренные методы пыток, чтобы сломать ее".

"Маленькая девочка моей приемной матери?" – я начал громко дышать, не желая верить в слова, которые говорил Брюс.

"Какие пытки предлагали эти больные психопаты?" – Сэм спросил.

"Отчет ужасен, от которого меня тошнит. Врачи направили свои рекомендации трем мужчинам; они наняли их, чтобы получить объективную оценку и рассказать им о том, как лучше с ней справиться. Должен сказать, я повидал в жизни всякую грязную дрянь. Я сотрудничал с картелями и торговцами в Южной Америке, Китае, Африке и странах Карибского бассейна, но никогда в жизни не видел ничего даже близкого к подобным заранее спланированным пыткам. Это за пределами моего понимания. Каждый раз, когда я вижу эти сообщения, я понимаю все больше и больше, насколько ситуация опасна".

"Ты упомянул трех работодателей?"

"Да, похоже, что три сутенера планировали провести последовательность пыток твоей младшей сестры, в то время как двое из секс-торговцев намеревались казнить ее в течение нескольких месяцев после, возможно, опасаясь возмездия".

"Как насчет повышения безопасности?"

"Мы могли бы, но похоже, что ее безопасность под большой угрозой. – протезе Сэма предположил. – Два голландца мертвы, один убит в самолете, в перестрелке с близкого расстояния, и резервная группа может быть скомпрометирована. Те торговцы, которые были наняты для похищения, получили миллиарды долларов, и они отчаянно пытаются выполнить работу. Ричард дал им неограниченные средства на похищение ребенка, и ни одна служба безопасности не сможет устоять перед соблазном. Это вопрос времени. Сегодня или завтра охранникам либо заплатят, либо будут шантажировать, либо

убьют. Команда развалится, и некому будет защищать твою семью. Черт, даже у Президента и Первой леди США не так много врагов".

"Я не верю, что они могут нас одолеть, – объявил Сэм. – Я справлялся и с худшим. Еще в 1998 году я установил охрану африканского премьера, у которого восемнадцать военных пытались убить его, и я охранял его в течение десяти месяцев, пока работал над другими проектами Агентства. Я могу позаботиться о безопасности маленькой девочки и уверен, что справлюсь с этими торговцами детьми. Пусть эти ублюдки только покажутся".

Брюс слегка запротестовал: "Нет, Сэм, ты не можешь позволить им приблизиться. Потому что если они подойдут, это значит, что можем забыть о ней. Мы не сможем спасти ее от того, что они запланировали для девочки. Я читал отчеты. Команда психиатров составила детальный отчет о том, как наиболее эффективно пытать ее, основываясь на ее симпатиях и антипатиях, страхах и мечтах. Это было жутко настолько, что пытки могли бы испугать самого сильного морского котика. Они буквально написали четкие детали о том, как пытать ее наиболее эффективно и какая боль могла бы сломить ее психологически. Я прочитал электронное письмо одного из психиатров, направленное руководителю индийской банды и торговцу женщинами на Филиппинах. Они посоветовали похитителям морить американку голодом в течение нескольких дней, потому что в ее биографии упоминалось, что она воспитывалась в достатке. Индийский главарь банды искал совета, как внедрить девушку в бордель в качестве проститутки. Психолог предложил заставить ее уничтожить самооценку. Они сказали торговцам людьми заставить другую проститутку регулярно избивать девушку, заставлять ее чистить туалеты, обмазанные человеческими экскрементами, потому что, согласно ее профилю, в доме американки был персонал для выполнения таких обязанностей, она не была приучена к такой работе. У них была личная горничная, которая помогала в работе по дому, поэтому психиатры предложили заставить ее пережить крайнее унижение, убирая туалеты, которыми другие проститутки пользовались по меньшей мере шесть месяцев. Если она не начала бы сотрудничать, то ее должны были избивать и мочиться на нее. А затем торговцам сказали, что они должны заставить ее ходить по грязным канavam посреди филиппинских трущоб, ее должны были насиловать самым жестоким образом бездомные, уличные бродяги и наркоманы, чтобы ослабить ее боевой дух".

"Зачем такие ужасные пытки?" – Вячеслав начал заикаться заикался.

"Так как она была православной монахиней, идея состояла в том, чтобы унижить ее самым гнусным образом. Психолог проанализировал, что такое обращение в итоге разрушит ее

решимость и заставит отказаться от монашеской клятвы и сделает ее сговорчивой. А другой психиатр отметил, что самым эффективным способом сломить ее дух было бы обезобразить ее лицо, желательнее кислотой, так, чтобы ее никто не мог узнать, тогда она меньше хотела бы бежать из борделя. Существует целый отчет, посвященный ее известным страхам".

"Каким страхам?"

"Твоя сестра боится жуков, насекомых, тараканов и грызунов.

Психолог составил список предложений. Они посоветовали секс-торговцам заставить ребенка спать в комнатах с тараканами, особенно теми огромными азиатскими тараканами. То есть, если бы использование змей и скорпионов не дало желаемых результатов. Они также предложили, что если она бы потеряла рассудок или стала пытаться покончить с собой, похитители должны были использовать детей как средство угрозы ей, так как ее личностный профиль говорит о том, что она любит учить детей и, скорее всего, не захочет, чтобы маленькие дети умирали за нее".

"Послушница - я имею в виду твою сестру - она пожизненный член нескольких христианских благотворительных организаций в своей школе Лиги Плюща. Это написано в ее личном профиле. Психиатр знал, что ей нравится заниматься волонтерством и помогать детям с ограниченными возможностями, поэтому они придумали именно этот метод пытки".

"Откуда они так много знают о моей сестре? В этом нет никакого смысла."

Брюс продолжил: "Похоже, что они извлекли ее эмоциональный и личностный профиль из поисков в интернете. Они проверили ее профили в Снэпчат, Инстаграм, Фейсбук и Твиттер и проанализировали ее твиты и сообщения. Они изучили ее профиль, чтобы найти эффективные способы сломать любое сопротивление, которое у нее есть. Онлайн профили твоей сестры показали, что она любит детей, и это чувство было взаимным, поэтому, когда она попала в больницу из-за желудочного гриппа в 2015 году, все дети из ее воскресного класса и летней школы навещали ее в больнице до тех пор, пока больница не была перегружена огромным количеством доброжелателей и посетителей на целую неделю. Теперь эта информация в легком доступе в ее профиле Инстаграм. Я предполагаю, что эти больные психиатры изучают каждый пост и отправляют свои рекомендации торговцам людьми".

Вячеслав Пузанов заметно вздрогнул: "Ни один мужчина, ни одна женщина, правда, никто в этом мире, какими бы злыми они не были – не заслуживают таких пыток и наказания, что бы они ни делали, и меньше всех заслуживает невинная маленькая девочка, как твоя

сестра, которая только что объявила о своем намерении стать монахиней".

"Боже мой! Это ужасно, – Брюс вздохнул. – Почему бы нам не поместить ее в программу защиты свидетелей?"

"Защита свидетелей? – Сэм запричитал. – Ты шутишь? Этот старый урод буквально создал Лигу 13, подразделение черных оперативников АНБ прямо под носом у Министерства обороны. У него есть люди во на всех уровнях правительства. Ричард знает всех из разведывательных департаментов. Мы поместим ее под защиту свидетелей, и с его связями и поддержкой в триллионы долларов, ему понадобится меньше пяти минут, чтобы найти ее и отправить к большим похитителям и торговцам людьми. Он просто воспользуется ФБР, чтобы похитить ее".

"Я действительно удивляюсь, почему так много людей охотятся за мной и моей семьей. Я никогда не встречал их, я никогда не причинял им вреда, и, несмотря на все, что они сделали, все беды, которые они пытались навлечь, я все равно никогда не причинил бы им вреда. Если они так сильно хотят денег, почему они не могут заработать их каким-то другим способом. Даже если бы им пришлось их украсть, было бы лучше, чем согласиться быть убийцей или торговцем детьми. Почему они решили навредить мне и моей семье?"

"Мне жаль говорить, но это вроде как твоя собственная вина, – заявил Сэм. – Ричард послал этих людей за тобой и твоей семьей, потому что знает, что ты ненавидишь убивать и мучить людей. Горькая правда, но это твоя вина, что эти м****ки гонятся за тобой и твоими любимыми. Всю свою жизнь ты был слишком добр к людям, особенно к тем, кто ненавидел тебя больше всего. Интересно, помнишь ли ты, сколько раз ты рисковал своей жизнью, чтобы спасти Ричарда? Ты работал на старика много лет, и защищал его, как телохранитель. Он знает, что ты безобиден, и теперь ни Ричард, ни его головорезы не боятся тебя. На самом деле, готов поспорить, что они боятся всех на свете, кроме тебя, так как знают, что что бы они ни делали, ты не будешь бить в ответ, потому что пытаешься быть одним из хороших парней и пытаешься следовать кодексу. Как по мне, твой кодекс чести выглядит как серия глупых законов, которые могут убить тебя самого".

"Я просто хотел убраться подальше от Ричарда..."

"Серьезно, Джон, чего ты можешь ожидать? Ты работал на гадюку и не думал, что она вонзит яд в тебя? Клянусь, эти ребята не причинят вреда никому в этом мире, никому, кроме тебя. Даже если я буду умолять их напасть на меня, они не подойдут ко мне, потому что знают... они знают, что я с ними сделаю. Я не должен быть жалостливым. Если они злые, я могу быть хуже, и они не захотят узнать, на что я способен. И это их пугает, поэтому они не интересуются никем, кроме тебя".

"Если Ричард меня так ненавидит, почему бы ему просто не убить меня и покончить с этим?" – я задал вопрос своим друзьям.

"Он не хочет убивать тебя, Джон. Это очевидно. – Сэм проинформировал меня. – Ричард знает, что тебе наплевать на жизнь. Все, что его волнует, это причинять тебе боль. Он хочет, чтобы ты почувствовал сильнейшую боль. И он думает, что единственный способ добраться до тебя – это причинить боль твоим друзьям и семье. Ты сам мне сказал. У него были наемные убийцы, которые прикрепили бомбу к твоему другу Виктору, потому что он хотел, чтобы ты смотрел, как он умирает и разрывается на куски".

"Эта семья едва ли связана со мной", – я запротестовал.

"Ричард так не думает. Он верит, что они твоя семья. И поэтому он потратил более шести миллиардов долларов, чтобы нанять десятки торговцев людьми и педофилов, чтобы напасть на твою младшую сестру. Он просто хочет навредить тебе. Ничто больше не имеет для него значения в его жизни".

"Я бы хотел, чтобы меня не просто не было, Сэм, я просто хотел бы исчезнуть, и Ричард бы тогда забыл, что я когда-либо существовал. Я не возражаю против его попыток убить меня или похитить. Но, преследования моей семьи, они невинные мирные жители. Они не имеют ничего общего ни со мной, ни с моей сложной жизнью. Я заслужил все это, но они – нет".

"К сожалению, Ричард знает тебя лучше, чем кто-либо другой, – Сэм напомнил мне. – Он знает, какой ты эмоциональный. И он также знает, что физическая боль не так сильно влияет на тебя, как эмоциональные переживания. Вот почему он нацелился на ребенка."

"Сэм прав, – сказал Вячеслав Пузанов. – Ричард частично нацелился на склад российского ядерного арсенала, чтобы поразить твою душу. Он мог украсть французское оружие или американские боеголовки, но он хочет подставить Россию за уничтожение. Если ему удастся взорвать ядерные бомбы над крупными городами Европы, он хочет, чтобы европейцы думали, что это сделала Россия. Это очень грубо, но тщательно спланировано".

"Он украл ядерные боеголовки с российских военных объектов и хочет взорвать их над Европой! – у меня ужасно болит голова от одной этой мысли. – Все это, чтобы отомстить мне?"

Сэм Кларк расплющил рот с неодобрением: "Он знает, что тебе будет больно, если в Россию вторгнутся, так что он воспользуется этим."

"Если бы он хотел моей смерти, он мог бы убить меня давным-давно, – я сказал своему другу. – У него было много возможностей сделать это."

"Нет, он хочет, чтобы ты страдал, – настаивал Сэм. – Он знает твою слабость, Джон. Он знает, что причиняет тебе боль больше всего. Он

причинит боль тем, кого ты любишь. Вот почему он нацелился на людей, которые тебе безразличны. Чтобы навредить тебе больше всего. Это его способ отомстить. Он не даст тебе просто умереть".

"Это неправда", – я сказал неубедительно.

"Да, Джон, это так. Ты когда-нибудь спрашивал себя, почему он так неустанно преследует тебя? Почему он продолжает преследовать тех, кого ты любишь?"

"Он ненавидит меня за то, что я забрал у него Ирину?" – я пробормотал.

"Может быть, но я сомневаюсь в этом. – Сэм повернулся. – Эта твоя подружка, она теперь с каким-то французским чуваком? И ты сказал мне, что она дважды выходила замуж за последнее десятилетие. Ричард уничтожил каждого из них? Не так ужасно, как с тобой. Знаешь, почему? Потому что он знает, что ты – слабак".

"Я – слабак?"

"Да, он прекрасно знает, что что бы он ни делал с тобой или твоей семьей, ты просто простишь его и позволишь ему и его наемным убийцам уйти".

"Я действительно верил, что Ричард изменился."

"Ты сказал мне, что приставил пистолет к его голове, ты мог бы нажать на курок, закончить там его жалкую жизнь, а потом, но нет, ты должен был быть благородным. Как ты думаешь, почему он никогда не придёт за мной? Или Кёртисом? Или за кем-то еще? Потому что он знает, что мы не такие слабаки, как ты. У нас есть мужество. Если бы он позарился на наши семьи, если бы он когда-нибудь подошел близко к моим дочерям, я бы сжег его на костре. И Ричард это знает. Мы оба работали в его подразделении черных оперативников в АНБ, и он решил стать твоим врагом, а не моим. Поверь мне, даже если бы я по адресу f***** и его падчерица, он не осмелился бы подойти ко мне или моим близким".

"Все в моей жизни так проклято", – мягко сказала я.

Сэм вздохнул с нетерпением: "Мне жаль говорить так, но ты сам навлек на себя это, приятель."

"Это все моя вина! – я издал стон. – Ричард не сделал бы ничего из этого, если бы не я."

Сэм покачал головой: "Неправильно. Он бы все равно это сделал. Он умственно отсталый."

"Он не стал бы красть ядерное оружие, Сэм", – я возразил.

"Помнишь, что он сделал в 2009 году? – Сэм разозлился. – Мы чуть не пропустили весь его план в то время. Старый м***к заключил оружейные сделки с западноафриканским военным диктатором, им сказали, что они получат неограниченный запас оружия военного класса, если будут сотрудничать с ним".

"Я рад, что мы узнали о его планах и остановили его", – я вспомнил.

Офицер ЦРУ продолжал, как будто я не говорил: "Если бы не ты, если бы ты не обнаружил все карты, его подробные планы, то десять лет назад произошла бы еще одна мировая война. Он убедил бы военных одолжить ему силы, которые он хотел использовать для вторжения в Ливию. Его нефтяные аналитики сказали ему, что Ливия обладает крупнейшими в Африке доказанными запасами нефти, поэтому он решил, почему бы просто не выжать все из них. Поверь мне, когда я говорю это – его вторжение в Ливию не имеет никакого отношения ни к тебе, ни к твоему российскому происхождению".

"Может и нет, но подземные ядерные испытания в Турции, вызвавшие сильное землетрясение, были моей виной. Он использовал российские ядерные боеголовки, чтобы вызвать эту катастрофу".

"Джон, посмотри на меня. Ричард любит деньги, и он любит убивать людей, чтобы получать их. Ты не виноват. В 2009 году ты не дал ему вызвать еще больше кровопролития в Африке. По крайней мере, тебе удалось остановить и разоблачить его план. Благодаря тебе, Лэнгли смог изучить эти карты, чертежи и арестовать большинство воюющих сторон. Так что хватит винить себя во всем".

"Он делает это, чтобы подставить меня, Сэм."

"Отчим Ирины не подставлял ни тебя, ни русских, когда финансировал террористическую организацию в этих западноафриканских странах. Он нанял этих военных и объединил их силы, чтобы создать суперармию, которая позволила бы ему без особых усилий вторгнуться в Ливию и другие страны, – офицер ЦРУ утверждал. – Но мы использовали полученную тобой информацию и арестовали десятки военных преступников и местных лидеров. Плохие вещи случаются не из-за тебя. Наоборот. Много ужасных вещей не случилось в нашем мире из-за тебя и твоего упорного труда."

"Подумай об этом. Если бы ты его не остановил, Ричарду бы удалось убить миллионы гражданских. И прежде чем ты снова начнете начнешь все отрицать и возьмешь всю вину на себя, позволь напомнить, что войны в Афганистане и Ираке не имели к тебе никакого отношения, но Ричард использовал свое влияние в сенате и правительстве, чтобы заставить конгресс проголосовать за войну, чтобы обеспечить контракты с Блэксендом. Он бы продолжал сеять хаос, если бы ты не останавливал его столько раз".

"Кого он нанимает на работу в наши дни? – я спросил Сэма. – Есть ли у ЦРУ какие-нибудь зацепки?"

"Он нанял этих парней. – Сэм сказал, восстановив страницу в браузере своего телефона. – Некоторые из них бывшие военные, бывший зеленый берет, с позором уволенный морской пехотинец и

майор канадской армии. Мы считаем, что Ричард использует его, чтобы получить доступ к атомной электростанции в Онтарио".

"Его профиль выглядит безупречно".

"Кажется, что хороший человек, – Сэм утверждал. – Заставляет задуматься, зачем такому человеку соглашаться работать на такого злого человека, как Ричард?"

"Сэм, я знаю Ричарда довольно давно. Вот что я тебе скажу. Этот парень умеет заставлять людей делать все, что захочет. Он мастер-манипулятор".

"Тем не менее, этот человек – массовый убийца." – офицер ЦРУ заметил.

"Ричард знает, как купить человека, – я признался. – Он владел шахтами двадцать лет."

"Но этот канадский парень делает за него всю грязную работу", – Сэм ответил.

"Да, готов поспорить, Ричард убедил его, что это законная правительственная работа, санкционированная президентом, – я сказал без промедлений. – Вот во что я верил, когда он завербовал меня в свой отдел черных оперативников в восьмидесятых. Этот парень, вероятно, думает, что он помогает спасти мир, как я, когда на самом деле делал всю грязную работу за Ричарда".

"Почему эти люди работают на него? – Сэм задавался вопросом вслух. – Мне трудно поверить, что они поверили бы в то, что его дело имеет значение."

Я сказал: "Они не верят в его дело, но, скорее всего, служат ему за деньги. Он им много платит. Быть частью машины убийств – это позор... Уверен, они не знают, что на самом деле планировал Ричард. Я уверен, что он убедил этих убийц, что они служат большему делу, я уверен, что они заблуждаются".

"Может быть", – сказал Сэм.

"Он заставил меня поверить, что я работаю на АНБ, когда на самом деле выполнял для него незаконные миссии."

"Да, но мы были умнее, – сказал Сэм. – В конце концов, мы узнали, насколько извращенным был Ричард, и от его одержимости деньгами и властью его тошнило. Нам повезло, что мы вышли из команды черных оперативников, но он также усвоил свой урок, так что теперь головорезы, которых он нанимает, чтобы делать за него грязную работу, не очень умны. Это тупые идиоты, которые не способны отличить добро от зла. Наверное, Ричард усвоил урок после того, как мы оставили его службу".

"Почему он делает это сейчас? – я завопил. – Зачем?"

"Это его способ отомстить тебе, – Сэм подтвердил. – Он думает, что ты любишь Россию, поэтому он так отчаянно пытался убедить Китай вторгнуться в нее."

"Разве Ричард не понимает, что я умираю? – мое горло сжалось, когда я думал об ужасах, которые он планировал воплотить в жизнь. – Чего он добьется, уничтожив Россию? Если бы это причинило мне боль, тогда он должен был остановиться!"

"Ты забываешь, что Ричард верит в твою смерть, – офицер Агентства напомнил мне. – Для него ты погиб в той аварии на вертолете два года назад, где ты так чудесно инсценировали свою фальшивую смерть, но это сыграло небольшую роль, чтобы помешать ему нанять людей для похищения и пыток твоей приемной матери или ее детей."

"Хотел бы я знать, что движет им, – я сказал с интересом. – Я всегда считал его разумным, но медленно он менялся. Он не был таким, когда я впервые вступил в его оперативную группу АНБ. Он всегда действовал логично и на самом деле пытался уничтожить организованные преступные группировки".

"В нем всегда было это зло, Джон. – Сэм утверждал. – Ты был слишком наивен, чтобы увидеть это. Он думает, что ты уже мертв, но он не останавливает свои атаки. Он все еще захватывает оружие с российских военных объектов и пытается взорвать Европу и подставить за это Россию, надеясь, что это спровоцирует мировую войну, в которой все страны НАТО объединятся и вторгнутся в Россию. Для Ричарда неважно, жив ты или нет, чтобы сеять разрушение. На самом деле, я считаю, что если бы он отдаленно подозревал, что ты еще жив, он бы не осмелился предпринять столько смелых шагов, например, отправить ракеты с ядерными боеголовками во Францию и Германию. Он слишком хорошо тебя знает. Он знает, что атака такого масштаба просто невозможна, если вы дышите. Ричард очень хорошо знает, что ты сделал бы все, чтобы остановить это".

"Что бы он выиграл от всего этого?"

"Его жажда мести будет утолена. Он так ненавидит тебя, что ждал твоей смерти, чтобы осуществить свою мечту о том, чтобы сеять ужас на твою семью и родину твоей матери. Теперь, когда он уверен, что ты ушел из этого мира, он отпустил свою фантазию и решил пойти на ядерную атаку".

Я не говорил. Сама мысль об этом масштабе разрушения была ужасающей.

Мой друг продолжил: "Знаешь, чего я хочу? Я хотел бы сказать Ричарду, что вы все еще очень близки, и что он должен прекратить свою болезненную игру в попытках уничтожить Россию".

"Я едва жив, – пробормотал я. – Врачи предупредили меня, что моя иммунная система на грани коллапса. Каждый день у меня новые осложнения. Я не знаю, как долго продлится моя жалкая жизнь."

"Не будь пессимистами! – мой друг резко упрекнул. – Состояние твоего здоровья улучшится. Тебе нужен отдых, вот и всё."

"Он хочет уничтожить всех на свете, кроме своей падчерицы. Он умственно отсталый старик, не имеющий ни малейшего понятия добра, ни зла", – Сэм повторил.

Брюс прокашлялся: "Лично я думаю, что этот Ричард или как там его настоящее имя, возможно, все еще сомневается в твоём существовании. Я уверен, что часть его думает, что ты как-то пережил ту аварию с вертолетом и выжил. Это украденное оружие и попытки взрыва, вероятно, предназначены для того, чтобы выманить тебя из твоего укрытия, – протеже Сэма вдумчиво остановился, – по-моему, он как будто приманивает тебя на наживку, надеясь, что ты набросишься спасать людей."

Сэм кивнул нехотя: "Брюс прав. Ричард – это больше, чем просто зло. Этот старик – сумасшедший. Одержимый своей падчерицей, так сильно забившей ему голову, что он ничего не знает в мире, кроме как убивать людей. Я думаю, если бы Ричард был уверен, что ты мертв, он бы не остановился ни на минуту. Он бы немедленно начал свой проект Армагеддон".

Сэм Кларк позже сказал мне, что его команда узнала о другом смертельно опасном плане – к которому некоторые из похитителей были готовы, если смогут похитить мою приемную сестру. Нанятые Ричардом люди хотели похитить дочь женщины из России и убить всю ее семью, а затем обвинить ее в этом. Они считали, что это лучший способ сделать ее беспомощной, похитить ее и навсегда запретить внутри тюремного комплекса, их планами было заставить сокамерников пытать ее. Ричард нанял профессиональных преступников, бывших военных и наемников, чтобы устроить на нее налет. Мой друг Сэм Кларк подозревал одного из людей, который использовал псевдоним Никколо Маттарелла – этот бывший военный офицер, был одним из главных преступников, нанятых Ричардом для похищения моей сестры. Он был опасен, потому что был замешан в делах апулийской и баварской мафии. Также, он контролировал несколько ячеек ОПГ, расположенных в Канаде и Литве. Босс мафии считал, что вокруг моей сестры слишком много охраны, поэтому, он решил обвинить ее в убийстве всей своей семьи. Таким образом, если она попала бы в тюрьму, даже ее собственные дядя и брат ненавидели бы ее, считая, что она убила своих родителей. Один из моих друзей также сказал, что они узнали, что Никколо Маттарелла связался с женой старшего брата девушки, и сказал ей, что стоит передать девушку в их лапы. Он сказал американской сводной сестре, что, когда девушка придет домой, она должна будет сделать звонок, потому что он правительственный агент. К счастью, Сэм и его команда смогли перехватить звонок и добраться до дома сводной сестры, передать ей, что этот человек собирался похитить дочь женщины из России, и что он

не правительственный агент, а профессиональный преступник и наемник, которого нанял опасный человек для похищения. Также, они увеличили защиту россиянки и ее семьи, каждый день пытались сохранить их в безопасности.

Я не понимал, зачем им совершать такие ужасные вещи с моей семьей, но Сэм сказал мне, что эти преступники собирались убить всю семью россиянки лишь для того, чтобы похитить одну девушку, потому что Ричард предложил им миллиарды долларов за успешное похищение и налет на девушку. Ричард верил, что девушка была моей маленькой сестрой, он хотел навредить мне, даже если для этого потребуются убить всю ее семью. Наемникам, замешанным в попытке похищения, обещали деньги и политическую власть, в случае успеха.

Эти грустные и жалкие новости разбили мне сердце, я не мог представить, как жить с подобным горем. Я тихо плакал ночами, пока меня никто не видит, я винил себя во всех ужасных вещах, которые происходили со мной, потому что невинная семья россиянки могла пострадать только потому, что я их знал.

Пока продолжались нападения и покушения на жизнь моей сестры, на сирийско-турецкой границе разгорелась еще одна война. Я знал, что должен положить конец кровопролитию на Дальнем Востоке, поэтому я отправился с небольшой разведывательной группой для оценки ситуации на месте. Я обнаружил, что террористическая организация, которая контролировала многие небольшие деревни, получала деньги и поставки оружия из знакомого источника. Я отследил их до склада в Мюнхене, Германия. Я нанял группу немецких спецназовцев для проникновения в баварский комплекс и смог захватить нескольких ключевых членов террористической сети. Это была та же самая группировка, которая финансировала ИГИЛ и работала по приказу Ричарда и его людей.

Один из людей, которых мы поймали, бегло говорил по-английски. Я решил допросить его сам, когда увидел план большого лагеря беженцев в галерее его телефона. Программа по распознаванию лиц идентифицировала его как обычного предпринимателя, базирующегося недалеко от итальяно-швейцарской границы, но когда я увидел его удаленные электронные письма, я понял, что он опаснее, чем выглядел. Человек общался с не отслеживаемым аккаунтом электронной почты, но я узнал кодировку сообщений. Ричард использовал такую при общении со мной, когда я только начинал свои миссии в качестве двойного агента после приезда в Америку. Меня не удивило, что Ричард нанял другого агента для управления своими террористическими актами по всему миру.

Подозреваемый, использовавший псевдоним Никколо Маттарелла, был обучен армейской технике выживания и признался,

что удаленно связан с апулийской мафией. Его племянник был известен как член организованного преступного отряда, базирующегося в Сассари. Маттарелла сослался на незнание скрытого мотива Ричарда и сказал, что его работа заключается в похищении американки и продаже ее секс-торговцам. Ричард хотел, чтобы на девушку насильовали сотни мужчин разных национальностей и записывали эти акты на видео и загружали в Даркнет, чтобы я нашел эти унизительные видео и страдал от боли и беспомощного гнева.

Маттарелла сообщил нам о своей причастности к схеме похищения цели. Он и его команда были предупреждены, что девушка является православной монахиней и, будучи послушницей, готовится к служить в монашеском соборе, изучая жизнь Христа в Объединенной Духовной Семинарии Университета Лиги Плюща в Нью-Йорке. Как монахиня, она редко вела светскую жизнь и отвергала человеческие грехи. Это создавало большую проблему для похитителей, которые считали, что варианты ее похищения сужаются.

Подозреваемый Сэма Кларка, задержанный в баварском комплексе, сказал, что после того, как дочь моей приемной матери отвергла незаконные ухищрения всех наемников Ричарда, Ричард нанял профессиональных преступников и бывших военных подрядчиков и наемников, чтобы напасть на девушку. Он увеличил цену за дело, пока один из захваченных мужчин не признался, что получил бы один миллиард долларов наличными, если смог предоставить пятьдесят порно видеозаписей с моей сестрой. Ричард думал, что мне будет больно или я буду чувствовать себя преданным, если он сможет отправить мне видео с моей сестрой в главной роли.

Правда в том, что это разозлило бы меня, потому что маленькая девочка была мне как родная сестра, и потому что я считал ее мать – своей приемной матерью. Это предложение денег, полученных незаконным путем, заставило некоторых из наемных работников отчаянно сходить с ума, потому что эти люди были обычными, но амбициозными преступниками. Все, что они понимали – это деньги.

Деньги – это стимул, что-то, что мне было трудно понять, потому что я никогда не был слишком увлечен ими. Я никогда не заботился о деньгах: любовь и преданность были всем, что имело значение. Но люди – разные. Как раз тогда, когда закончился мой собственный кошмар, начался кошмар моей сестры.

Мой друг Вячеслав обратился за помощью к программисту, который входил в элитный отряд 70806 Главного разведывательного управления России. Хакер помог нашей команде расшифровать содержимое телефона и электронной почты подозреваемого. Содержимое писем было странным. Никколо Маттарелла просил Ричарда перевести ему больше денег, чтобы финансировать войну. И, в частности, лагерь беженцев. Я не мог понять, что подразумевалось в

сообщениях, поэтому приказал человеку рассказать мне все, что он знал. Потребовалось восемнадцать часов строгого допроса, чтобы раскрыть правду.

Человеку, которого мы схватили, было около пятидесяти. Он руководил международной торговлей наркотиками под псевдонимом Никколо Маттарелла и работал на отчима Ирины с начала 2001 года, а также сыграл важную роль в оказании помощи Ричарду в осуществлении ограбления после того, как он взорвал ВТЦ в Нью-Йорке.

Я надавил на него по поводу плана и зачем ему нужны были деньги, чтобы его построить. Для человека было необычно начинать войну и убивать людей только для того, чтобы сделать лагерь для беженцев. Но этот план лагеря был тем, что насторожило меня. Архитектурные планы совсем не выглядели как лагерь. Это было похоже на тюремный комплекс для особо опасных преступников. Сначала Маттарелла отрицал, что знал что-то еще, но позже признался в своем скрытом плане. Он сказал, что планирует создать импровизированный лагерь беженцев, в котором будут жить несколько тысяч женщин. Он будет находиться под постоянным наблюдением, а его собственные частные охранники будут охранять заборы из колючей проволоки.

Его цель состояла в том, чтобы тайно вывезти из Нью-Йорка конкретную американку и оставить ее с другими арабскими женщинами. Он сказал, что намерен совершить массовые изнасилования женщин, чтобы американская монахиня посчитала, что жестокое обращение с женщинами в лагере вполне естественно. Никто не мог сбежать, и поэтому у нее не было выбора, кроме как подчиниться. Я хотел узнать, откуда у него появилась идея об этой больной фантазии. Маттарелла сказал, что он много читал о вторжении НАТО в Сербию в 1996 году и читал записи очевидцев о том, как эффективно сербы насиловали тысячи боснийских женщин. По его словам, сербы держали тысячи боснийских женщин в качестве сексуальных рабынь в лагере Калиновик, поэтому он решил сделать то же самое на сирийско-турецкой границе.

Когда мой друг Вячеслав надавил на него касательно мотива, Никколо Маттарелла сказал, что все из-за денег. Ему обещали заплатить миллиарды долларов, если он сможет сделать с американской девушкой многочисленные порнографические видео, но так как она была православной монахиней, она отказалась бы сотрудничать с ним или с любым другим мужчиной, потому что она дала клятву послушания, целомудрия, чтобы подражать Иисусу. Маттарелла думал, что он сможет смягчить ее подчинение после того, как сотни других мужчин напали бы на нее, и он будет единственным, кто придет ей на помощь. Он рассуждал, что девушка в таком случае

согласится добровольно заняться сексом, и в конце концов он сможет снять все на видео и отправить их Ричарду.

Маттарелла также упомянул, что Ричард оговорил, что его деньги будут переведены в полном объеме только после того, как мишень родит нескольких детей от мужчин в лагере, поэтому один из его немецких коллег по имени Бруно предложил оплодотворить девушку, полагая, что она является ценным активом, но немецкий мужчина стал очень беспокоиться, потому что он был бесплодным. Он сказал, что ему удалось решить проблему, приведя своего младшего брата-аутиста в игру. Младший брат Бруно изнасиловал бы американскую монахиню и оплодотворил. ДНК его и его брата были бы слишком похожи и Ричард не смог бы обнаружить аномалию, и тогда он был бы вынужден заплатить им в полном объеме.

Хотя Никколо Маттарелла говорил под влиянием сыворотки правды, я не хотел ему верить. Ни один мужчина или женщина в мире не мог быть настолько бессердечным и больным. Я сказал своему другу, что не верю, что Ричард бы задумал такую большую схему против моей сестры, но Маттарелла заверил нас, что он использовал часть своих денег на первый взнос, чтобы снять несколько фильмов о своих планах на будущее.

Я сказал ему написать название фильма, который он снял. Маттарелла сказал, что его вдохновили на создание нескольких фильмов, основанных на войне в Сербии в 1995 году, где сербские ополченцы совершали групповое изнасилование тысяч боснийских женщин. Маттарелла упомянул, что его драматический фильм 2010 года пролил свет на его планы о том, что он замыслил, чтобы мою сестру насиловали мужчины, но позже он импровизировал и снял второй фильм в 2011 году, который назывался *"Кровь и сахар"*. Он сказал, что у моей сестры была старшая кузина, которая была безжалостна к мужчинам, и он знал, что для того, чтобы осуществить свой план изнасилования, он должен забрать девушку подальше от ее двоюродной сестры, поэтому в фильме 2011 года он отобразил, каково это – удерживать кузину подальше, в то время как он напал бы на девочку.

Я хотел узнать, что такого особенного в этой девушке, что он был готов начать войну между десятками стран Ближнего Востока, чтобы построить лагерь и запереть ее, но Никколо Маттарелла настаивал, что для него это не было личным. Ричард предложил ему слишком много денег за маленькую работу; несколько порно видео и оплодотворение и отправка улик.

Мне было любопытно узнать, какой способ оплаты использовал Ричард при его вознаграждении. Маттарелла прокрутил фото из его галереи и показал мне фотографию на его телефоне. Это был стол, покрытый редкими артефактами. Я узнала набор картин Энди

Уорхола, которые стоили двадцать пять миллионов долларов. Я лично украл её у торговца на чёрном рынке в Северной Македонии. Это было рискованное дело, но Ричард убедил меня, что правительство нуждается в произведении искусства, чтобы способствовать заключению торгового соглашения с Кипром.

Я поверил ему, потому что в том юном возрасте я слепо верил этому человеку. Я действительно думал, что он служил правительству США. Ричард заслужил мое доверие, я работал на АНБ, когда всё это время у него были его собственные скрытые дела, спрятанные под прикрытием подпольной группы чёрных оперативников. У меня был опыт в перестрелках, проникновениях и добыче данных, поэтому он часто посылал меня на самые трудные миссии и просил достать редкие драгоценности и артефакты для него.

Я увидел еще одну вещь у подозреваемого. Это была фотография пляжа во время шторма. Я знал, где я его видел раньше! Я нашёл три украденных картины покойного голландского художника Винсента Ван Гога у вора произведений искусства в Афинах.

В то время я хотела вернуть картины директору музея Ван Гога, но Ричард попросил меня сначала передать их ему, чтобы он мог проверить их на подлинность. Мои глаза горели от гневных слез, когда я увидел картину, лежащую на рабочем столе Маттареллы. Мужчина сказал, что ему подарили картину в награду за публикацию двадцати статей, в которых описано, как он будет править Ближним Востоком и строить лагеря для секс-рабынь, чтобы заставить мою сестру заниматься проституцией. Я также видел резной барабан весом в пятьсот фунтов на изображении. Я спросил Маттареллу, как он достал древнюю реликвию, которую я извлек из тайского храма в 2002 году. Скульптура шириной шесть футов, сделанная из гибискуса, кокосового дерева и колотой стали, была бесценным артефактом, который я сам передал Ричарду. Мне также не терпелось узнать, как яркая картина американского художника конца 19 века Гари Мелчерсу, стала собственностью Маттареллы.

Я никак не мог понять, что вместо того, чтобы передавать эти вещи казначейству США, Ричард прикарманивал их. И теперь мое сердце обливалось кровью, когда я видел, что Ричард использовал ценные вещи, которые я украл для него, для наемников, сутенеров и торговцев людьми для нападения на мою собственную семью и их пыток. Он буквально платил тем похитителям бесценными произведениями искусства, которые я достал для него много лет назад. Мне было больно видеть, что все они использовались для продажи моей сестры в сексуальное рабство.

В каждой книге или романе, или фильме, которые он произвел, он выражал свои планы нападения на мою сестру.

Мужчина, сидевший передо мной, утверждал, что чувствует себя незаинтересованным в сексуальных отношениях с православной монахиней, но опять же, Ричард был очень конкретен. Если он передаст то, о чем его просили, Ричард пообещал Маттарелле, что лично обеспечит ему высокую должность в правительстве и полностью профинансирует его политическую кампанию.

Меня еще беспокоило, что другого человека обманывают ложными надеждами и обещаниями богатства. Маттарелла ждал миллионы, которые Ричард никогда бы ему не отдал. Но так было в этом временном мире. Здесь ничего не было реальным, и все сверкавшие блески были просто миражами, заставлявшими забыть о будущем и заставлявшими даже самых смелых забывать о смерти. Мир казался проходным прекрасным. Он был полон искушений таких, как деньги и власть, но все, кто взирал на блестящие металлы и драгоценные камни, вскоре обнаруживали, что на самом деле является мир обманчив. Богатство подводит своих поклонников и уничтожает их друзей. Красота богатства может показаться очаровательной, но она заманивает даже самых осторожных, потому что дает нам ложные надежды, и в то время как многие очарованы его фальшивой красотой и очарованием, реальность этого мира заключается в том, что он в конце концов уничтожает даже самых больших его приверженцев. Я видел так много наемников и киллеров, которым обещали миллионы за убийство или похищение, но при этом все они погибли сами. У них никогда не было возможности зайти на свой банковский счет и увидеть там обещанные деньги; у этих убийц никогда не было возможности покупать на эти деньги роскошные яхты или особняки. Они вкусили реальность мира и его богатства; эфемерное существование нас и всего, что нас окружает. То, что сегодня было новым, завтра уйдет в небытие; власть имущие часто заканчивают в бедности; государи так часто становятся рабами; самые богатые тонут в нищете, а лучшие друзья меняют верность на враждебность.

Знание того, что всему прекрасному в этом мире суждено погибнуть, помогает нам принимать мудрые решения, но жаль, что все люди, которых Ричард нанял, чтобы напасть на мою семью и надругаться над ней, пренебрегли реальностью жизни и решили держаться за ложные надежды на деньги, власть и честь. Они решили погрузиться в глупость и остаться верными сумасшедшему.

Ричард сказал Маттарелле, что если ему удастся снять хотя бы одно порнографическое видео с монахиней, то на следующих выборах он лично сделает его вице-президентом. Мой друг Сэм чуть не рассмеялся на это все. Он насмехался над подозреваемым и сказал ему, что Ричард так не работает. Он никогда не награждает своих сотрудников, и как только они выполняют за него задания, он убирает

их по щелчку пальцев. Офицер ЦРУ предупредил Никколо Маттареллу, что Ричард, скорее всего, убьет не только его, но и его семьи, а также, возможно, убьет его мать и племянников.

В самом деле, Ричард знал, как использовать и манипулировать людьми для осуществления самых отвратительных действий за него. Его единственной целью было причинить мне боль настолько, насколько он мог, поэтому он нацелился на мою семью, думая, что это была моя единственная слабость. Я знал, что отец Ирины никогда ничего не делал и не планировал без конкретной причины, но я его начал понимать.

Мое состояние здоровья ухудшилось той зимой. Я не знаю, были ли это сезонный грипп, который поражал каждую косточку моего тела, или это было главное заболевание, от которого я страдал. Это было последнее. Врач, который меня осмотрел, выявил длинный список осложнений, которые я явно испытывал. Он предупредил меня, что, несмотря на то, что я соблюдал идеальную диету и принимал лучшие лекарства, мои дни были сочтены. Моя иммунная система быстро отказывала, и медицина мало что могла сделать, чтобы остановить неизбежную скоростижную смерть.

Пока моя болезнь прогрессировала, я искал утешения в путешествиях. Мое место назначения случайно переместилось к месту моего рождения. Я прилетел в Лондон, чтобы увидеть место, где я жил, будучи мальчишкой.

Проклятая и заимствованная жизнь

Ах, стоила ли жизнь моя страданий
Быть может, прожил я совсем напрасно?
Пришла беда, добавив скорби и стенаний
Моей судьбе, итак не столь прекрасной.

*Was it all worth it,
Did I live in vain?
Ah, but grief was complicit,
In this earthly gain!*

Меня печалит мой земной уход
Ах неужели я умру совсем один?
И лишь воспоминаний хоровод
Возможным будет спутником моим.

*I know not if I would die alone,
My end does so often grieve me—
The memories that will be shown
May be my only company:*

Презренья не пытался я снискать,
И выгоды мои столь неприметны.
В грехе, меня смерть будет поджидать
Иль я смогу остаться незаметным?

*I did not seek to earn disdain,
And cannot possess my own gain:
My death may well be in vain;
And I may inconspicuously remain!*

Это было в середине апреля, я сидел у Темзы, размышляя о своем прошлом. Я вспомнил день, когда моя дорогая мама испекла *Кулебяку* – продолговатый пирог, традиционный русский деликатес. Я помню запах, который проносился по кухне, как будто все это было только вчера. О, как моя мама любила кататься на замерзшем озере на юге Лондона в последние недели декабря. Я помню, как катался с мамой на коньках по замерзшему озеру в канун Рождества, хотя мне было далеко до ее мастерства, но бывшая балерина хорошо меня научила. Мама неустанно тренировала меня, она с улыбкой встречала мои движения и говорила, что однажды я стану хорошим танцором.

Сидя рядом с Темзой, я вспомнил, что вызвало пронзительную боль в моем тяжелом сердце. Моя жизнь была омрачена характерными страданиями, и я прошел через горе, беспокойство и страх. Я не хотел знать, что ждет меня впереди: такие знания не могли принести мне никакой пользы. Я был сам по себе, испытывая любовь, жизнь и смерть в одиночестве.

Ветер завывал под стремительно меняющимся небом, дождевая туча приближалась. Дождь шел бесконечно долго, и унылое небо становилось жалко серым. Внезапное желание любви захватило мои чувства, и я чувствовал, как мое горло сжимается, мои глаза горят. Как я хотел иметь семью! Мне было стыдно желать этого, но моя душа упрекнула меня: разве это не то, чего хочет большинство людей, прежде чем они умрут? Быть в окружении своих близких?

Как будто ледяной шип проткнул мое сердце, я понял, что у меня нет жены, которая бы оплакивала меня после моей кончины, и нет детей, которые могли бы получить мое наследство. Я никогда не знал любви отца. В наивном смятении я всю свою жизнь искал замену ему только для того, чтобы в конце концов полюбить и уважать человека, который, как я думал, любил меня как своего сына, а потом он предал меня. Он разрушил и испортил всю мою жизнь. Я смотрел на темные тучи. Где-то в этой пустоте была моя судьба, которая, несомненно, осудила мое существование. Почему еще жизнь была так жестока по отношению ко мне? Дождь был долгожданным облегчением для моих глаз, которые были наполнены слезами.

Меня никогда не любил отец, и я никогда не мог осчастливить свою маму, прекрасную женщину, которая вырастила меня, единственный человек, который любил меня безоговорочно и помогал мне без всяких сомнений. Несмотря на боль из-за меня, я никогда не смогу заставить ее гордиться, заставить улыбнуться или дать ей ту славу, которую она заслуживала. Я рос, наблюдая, как ее бьют и унижают каждый день. Она всегда скрывала это от меня, от всех. Моя мать в тишине пережила всю боль – в одиночестве, в одиночестве... Я помню летний день, когда она делала для меня чипсы, и ее плечо выглянуло из-под рубашки. Мне было всего девять лет, но глубокий

синевато-фиолетовый шрам, который проходил через ее плечо, шокировал и напугал меня. Я заметил огромную отметину на ее левом плече. Помню, я все спрашивал ее об этом.

Ребяческое упорство может быть захватывающим, и сначала она пыталась игнорировать меня, но когда я начал ее доставать, она знала, что должна дать мне ответ. Мама сказала мне, что она обожглась несколько дней назад во время приготовления пищи. Я заставил ее показать мне ожег, я был в ужасе. Любопытно, что я спросил её, исчезнет ли след от ожога позже. Она ответила правдиво и сказала, что, скорее всего, не исчезнет. Мне тогда исполнилось девять лет, и я не мог полностью осознать всю серьезность ситуации. Я понятия не имел, что моя мать страдала от рук моего пьяного отца. Я помню, как говорила ей: "Мама, однажды я повзрослею и стану очень богатым, и мы позовем врача, чтобы он сделал операцию и заставим этот шрам исчезнуть".

Я помню, как моя мать отвернулась, чтобы скрыть слезы, пока она плакала и хлопала меня по голове.

Этих маленьких воспоминаний о ее любви было достаточно, чтобы дать мне силу проходить через самые суровые мучения, которые я переживал за свою жизнь. Когда я потерял ее, я знал, что потерял единственного человека в мире, который когда-либо любил меня. Но любовь моей матери была достаточно сильна, она помогла мне пережить самые мрачные моменты моей жизни. Будь то пытки в китайской тайной тюрьме безжалостных следователей, или погоня за безжалостными убийцами в заснеженном лесу, или преследование на бронированных джипах посреди метели, автомобили, вооруженные пулеметами, которые выдавали залпы в моем направлении, или после того, как мой указательный палец был изрезан гаечным ключом специалистом по операциям во время допроса о местонахождении биологического оружия, или после того, как я вышел из тюрьмы в неизвестной стране ночью без какого-либо паспорта, денег или удостоверения личности и разыскивался как властями, так и наемниками, или после того, как я был ранен пулей и в течение семи часов прятался в одиночестве возле мусорной свалки, истекая кровью, замерзая и рыдая в тишине, чтобы спрятаться от убийц, которые были рядом, ища меня повсюду, или когда я прятался в придорожной канаве рядом с мертвым телом моего партнера. Многие умерли, пытаюсь спасти мою жизнь.

Слезы горя

Преследует меня день страшной боли
Когда я вспоминаю все ненастья
Что выпали моей семье на долю
Из-за меня мать потеряла счастье.
Враги меня пытались уничтожить
Страдания семье моей умножить.

Друзей моих забрали у меня
Товарищи против меня восстали
Беспомощна, слаба моя броня
Я слишком слаб, чтоб вам помочь, друзья!
Не смог помочь семье в ее печалях.

Мои приемные и мама и сестра,
В опасности и боли пребывали.
Как много света, счастья и тепла
Любви и радости они мне дали.

Но все разрушилось, принес я им несчастья
Как рад бы был я жизнь отдать свою
Чтобы они смогли изведать счастье.
Раскаиваюсь, плачу и люблю.

Если бы не любовь и молитвы моей матери, я бы никогда не выжил ни дня в пустыне смертельных ловушек, которые омрачают каждый мой шаг.

Но теперь я чувствую, что моя жизнь была ничем иным, как болью, и это жизнь, которая не стоит того, чтобы ее проживать или сохранять. Я нахожу оправдание своему продолжительному существованию в мире, вспоминая в памяти тысячи людей, чью жизнь я смог спасти. Действительно, я спас многих людей, возможно, остановил смертельные войны, но что-то подсказывает мне, что, возможно, ничего бы не случилось, если бы меня не было в этом мире. Если бы меня не существовало, то, возможно, хаоса и катастроф не было бы вообще. Я спас многих от опасности – может быть, потому, что именно я косвенно стал причиной разрушения в первую очередь.

Когда покину этот мир

Быть может, когда час прощания придет
Никто обо мне слез своих не прольет
Никто не заплачет, никто не вздохнет
Последнее дыхание судьба заберет
Я смело приму свой печальный уход.

*Perchance, none will sigh upon my death,
And no tears could there be shed,
I may exhaust my final breath,
Seeking the one who is already dead!*

Отправлюсь искать я умершие души
Которые ближе мне ныне живущих.

Когда я во тьме буду тихо лежать
Упавший, заблудший, спасенья искать.
Забит, не оплакан в мирской суете
Увядающий мой разум в своей пустоте,
Молитву любую от ныне живущих
Готов лишь лелеять и радостно слушать.

*But when I lie within the bier,
Fallen and un-mournd,
I shall cherish whatever prayer,
Mortals had adjourned.*

Не буду печалиться я о грядущем
Чтоб карты судьбы невзначай не нарушить
Уходят забавы и радости дней,
Сменяются болью незримой моей.

*Yet, for future perils I never shall grieve,
Lest our destinies be unearthed,
And present pleasures take their leave,
Unto an anguish unearned.*

Есть только Надежда, что в сердце живет
Одно упование: Спаситель придет!
Меня он разбудит, в блаженстве проснусь
Навеки от горестей всех отряхнусь!

*The sole hope I now can nourish,
Is to awake in bliss from that sleep,
And by the One who never will perish,
I never again should have to weep!*

Отчим Ирины хотел меня наказать. Он нанял головорезов и преступников, у которых не было ни чувства чести, ни чувства справедливости. Эти люди теперь делали все, чтобы получить доступ к моей сестре, и то, что они запланировали для нее, пугает меня до смерти. За какие деньги они могли это делать, я никогда раньше не понимал.

Я поражался своему собственному существованию. Это было проклятие, что я должен был существовать в этом мире. Были ли все, кого я любил, и каждая семья, которую я знал, обречены на смерть и страдания? С самого детства мои близкие не щадили меня. Моя любимая мать была застрелена, потому что пыталась защитить меня. Было больно представить, что все люди, о которых я забочусь, должны будут разделить мою ужасную судьбу. Моя семья стала последней жертвой моей судьбы. Они стали мишенью из-за меня. Если бы я мог выкопать яму в земле и исчезнуть в ней, возможно, никто больше не был мишенью.

Ричард думал, что любит Ирину. Чтобы продемонстрировать свою преданность падчерице, он считал, что должен уничтожить меня, но в процессе этого втянулся в такую смертельную игру порока, где жертвами стали невинные дети, моя приемная семья. Для него ненависть была зависимостью. Это была одержимость. Он нанимал сотни людей со всего мира только для одной цели. Они должны были похитить мою младшую сестру и продать торговцам людьми, а потом в бордель. Ричард думал, что это облегчит его боль от потери Ирины и заставит его покатиться со мной. Я встречалась с его падчерицей, не получив от него его благословения, и теперь он хотел наказать меня за мое непослушание, наказав семью, которую я годами называла своей. Он считал, что правильно наказывает меня, когда на самом деле, все, что он делал, это причинял вред невинным людям. Похищение и продажа невинных детей больше не были местью. Это было что-то больше. Это было душераздирающе и ужасно.

Мое сердце билось от одной мысли об Ирине. Часть меня все еще любила ее, несмотря на все наши разногласия и споры. Она была моей первой любовью. Тем не менее, я знал, что она хотела двигаться дальше, и когда Ирина выбирала себе в любовники других мужчин, я уважал её желания и позволял ей вести отдельную жизнь в её собственных условиях. Держаться за прах прошлого казалось мне неразумным. Я не питал к ней ненависти за то, что у нее появились новые друзья, и, конечно же, не питал ненависти к тем, кого она любила.

Я хотела бы, чтобы Ричард оказал мне такую же любезность. Он всегда утверждал, что в душе у Ирины только истинная доброта, но если он действительно любил ее, разве он не должен был отпустить ее? Почему он так ревностно преследовал меня? Почему он считал

необходимым разрушить полностью мою жизнь? Искать мою семью, моих юных братьев и сестер, нанимать преступников и торговцев людьми для нападений и похищений, чтобы причинить мне боль, было настолько ужасно, что я не мог себе представить, как это по-человечески возможно, чтобы один человек так резко возненавидел другого.

Если бы я мог объяснить ему, что любовь к кому-то не означает, что нужно ненавидеть другого, чтобы доказать эту любовь. Ричард был рад иметь нежные чувства к Ирине, но он не должен был превращать это чувство в пожизненную навязчивую идею причинения мне страданий. Его нападки выходили за рамки моей личности. Он нападал на любого и на все, что, как он считал, принадлежало мне или было дорого мне. В течение многих лет он проводил операции под фальшивым флагом, подставляя за них Россию, и когда это не увенчалось успехом, он убивал моих друзей одного за другим, пока мир не стал для меня пустым. Все, что у меня осталось теперь – это приемная семья, с которой я вырос. Моя приемная мать изящно постарела и жила, довольствуясь своими детьми и внуками, но в очередной раз моя смертельная судьба обрекла на смерть ее.

Врагом был не только Ричард. Уже нет. Люди, которых он нанял, чтобы похитить и пытать мою семью, были полны решимости совершить эти отвратительные поступки. Я знал, что это их вина, потому что если бы Ричард не предложил им столько богатства и власти, они бы оставили мою семью в покое. Но деньги были мощным стимулом – по крайней мере, для этих преступников, торговцев людьми и убийц. Они верили, что Ричард сдержит свое слово и передаст им обещанные деньги, но они мало знали о том, что у Ричарда была привычка устранять наемников после того, как их миссия была завершена. Он не был глупым стариком. Он знал, что если бы он не убрал всех наемников, с которыми он работал в прошлом, у него было бы много нежелательных врагов. Нет, Ричард никогда не верил в эту политику сохранения жизни своих сотрудников в течение слишком долгого времени. Я не был исключением. Этот человек пытался убить меня больше раз, чем я могу вспомнить, но в конце концов, он понял, что я был рад смерти, поэтому он решил оставить меня в живых, чтобы я мог видеть, как страдают мои близкие. Его навязчивая идея сделать мою жизнь несчастной только усиливалась с каждым годом. И теперь он нанял множество мужчин, чтобы сделать то же самое с моей семьей.

Надеюсь, эти купленные наемники не станут одержимы моей семьей после моей смерти. Станут ли они похожи на Ричарда и продолжают разрушать семью? Я содрогаюсь от мысли о том, какой ужас ждет эту невинную семью. Они стали мишенью самых опасных людей не по своей вине. Они не знали о моём существовании, и всё же

были обречены на страдания. Те торговцы детьми и похитители детей, которые строили тщательно продуманные планы по похищению моей сестры, даже не подозревали, что семья, которую они ищут, не связана со мной. Они никогда не видели меня, никогда не говорили со мной и, к большому сожалению, никогда бы не узнали, что вся опасность, с которой они сталкиваются, была вызвана маленькой ошибкой, которую я совершил несколько десятилетий назад.

Эти похитители еженедельно тратили миллионы долларов на то, чтобы нанять людей для нападения и пыток моей сестры, потому что они думали, что получат от Ричарда неплохое вознаграждение. Но какую ценность имеют деньги на самом деле? Это всего лишь бумага, которая может быть ликвидирована в одно мгновение. Иметь миллионы или миллиарды бесполезно, если человек не может жить, чтобы ими наслаждаться. Если бы люди знали, что эта жизнь так коротка, всего лишь мгновение ока, то они бы сомневались нападать на ребенка, который дал клятву стать православной монахиней. Нет смысла во всех этих пытках и жестоком обращении. Жизнь была слишком коротка, чтобы потакать такому пороку. Не было никакой уверенности в том, что человек доживет до следующего дня или до следующего часа. И единственное, что наверняка произойдет – это смерть, поражающая в самый неожиданный момент. Я знаю это, потому что десятки моих друзей и товарищей скончались, ушли из моей жизни. Они покинули мир так внезапно, что у меня никогда не было возможности с ними попрощаться.

Я знаю, что многие люди становятся убийцами или торговцами людьми из-за денег или из-за обещания власти и славы, но мне бы хотелось, чтобы они поняли, что деньги не имеют реальной ценности. Они не могут принести счастья в жизни. Я – доказательство этого. Я с радостью отдал бы все свои деньги, чтобы провести еще один день с одним из моих покойных друзей.

Однако Ричард использовал обещание денег, чтобы стимулировать этих преступников. Они взяли на себя обязательство выполнять его приказ и ни перед чем не остановятся, чтобы навредить несчастной семье. Мне больше не к кому обратиться в этом мире. Мое здоровье сейчас настолько хрупко, что у меня нет надежд на долгую жизнь. Кто защитит семью? Кто защитит детей, маленькую девочку от продажи? Я бы хотел, чтобы нанятые Ричардом люди проявили милосердие и подумали о своих близких. Я молю Бога, чтобы они передумали и оставили одержимость местью навсегда. Я надеюсь, что небеса защитят их, когда меня не станет. Я не хочу, чтобы кто-то из моих близких страдал после моей смерти, потому что даже моя смерть была бы ужасной, если бы она была напрасной. Если моя кончина не принесет даже капли мира на этот свет, то с чего бы мне было начать свое существование?

Я был морально измучен постоянной битвой души и умов. Мои старые друзья, которые служили вместе со мной в бывшем Советском Союзе, в подразделении черных оперативников АНБ или в Центральном разведывательном управлении, объединили свои ресурсы и ушли со своего пути, чтобы помочь моей пострадавшей семье. Такие друзья, как Игорь, Вячеслав, Лиам и Сэм, самоотверженно трудились и искали личности людей, которых Ричард нанимал для нападения и похищения. Они также узнали, что Ричард уже казнил троих из нанятых людей за то, что они не смогли выполнить свое обещание достаточно скоро и за то, что не убили достаточно количество людей в течение определенного периода времени.

Я не удивился.

Ричард склонен предлагать наемникам выгодные предложения, пытаться их за информацию, а потом убивать, чтобы сохранить чистоту своих записей. Но пока он не избавился от этих сотрудников, они были под ложным впечатлением, что Ричард заботился о них. Они искренне верили, что Ричард доставит им обещанные миллионы, но сама идея была абсурдной. Он не был настолько глуп, чтобы вооружить или сделать уличные банды или обычных головорезов богатыми. Конечно, они не знали об этом, поэтому сотни сутенеров, торговцев людьми, убийц и наемников, которых нанял Ричард, покорно работали на его, повинаясь ему, как святому хозяину, и согласились убивать и грабить по его приказу, даже если это означало уничтожение ничего не подозревающей семьи, похищение их маленькой девочки и продажу ее в рабство. Они не знали, что Ричард не был щедрым человеком. Он был работодателем, который безжалостно бросал своих рабов в бездну ада, как только получал то, что ему было нужно. Но любовь к денежной прибыли обманывала наемных работников, заставляя их забывать о неизбежном. Как и сотни до них, они были очарованы высокими надеждами на далекое будущее, которое заставило их забыть о предстоящей смерти.

Бруно и Кристоф были среди многих людей, которых мне удалось выследить и нейтрализовать. Когда я услышал о планах каждого человека о том, как они собираются выполнять приказы Ричарда, я не мог поверить своим ушам. Один из убийц, который был пойман на взломе машины моей сестры, рассказал мне, что он пытался подложить в машину взрывчатку и наркотики, чтобы подставить ее за контрабанду наркотиков и оружия. Их план состоял в том, чтобы использовать двойного агента, который работал в ФБР, и позволить мужчинам проникнуть в ее камеру и изнасиловать ее. Двойной агент Бюро временно бы отключил камеры наблюдения в камере, чтобы они могли выполнять свою грязную работу. И все это ради одного

видео. Все потому, что Ричард был болен местью. Мне было жаль, что я встретил семью своей приемной матери. Может, мне не стоило вмешиваться в ее жизнь. Я ничего не мог с этим поделать в восьмидесятые годы. Она напомнила мне о моей матери. Я думал, что быть ближе к паре было бы все равно, что держать часть дома рядом со своим сердцем. Но я ошибался.

Почему все, что связано со мной, разрушается? Почему всех, кого я люблю, убивают или арестовывают?

Я наверное никогда не узнаю.

Эти страхи и угрозы иногда заставляют меня хотеть покинуть этот мир и оставить всю боль позади. Я могу терпеть боль и пытки; в конце концов, меня учили этому под руководством жестоких сотрудников КГБ и учили противостоять боли и холоду, но теперь жертвами стали моя приемная мать и ее дочь, и они были на грани невыразимых страданий до тех пор, пока я жил на одной планете с ними. Но когда я слышу о глубине зла, которое есть в этих наемниках, я вне себя от ярости. От этого мне хочется ожесточенно сражаться со злыми людьми, которые причиняют боль другим ради собственной выгоды.

Я не знаю, как такая девушка, как дочь моей приемной матери, в итоге разделила ту же судьбу с таким мужчиной, как я, и была брошена в мой мир денег, власти, пыток, ненависти, политики, мести, подставы и убийств, но я знаю, что они не остановятся.

И я не смогу защищать их вечно, потому что не смогу жить вечно.

Я находился на грани смерти на протяжении двадцати лет. Отец Ирины впервые познакомил меня с несколькими проститутками. Это было вскоре после того, как меня похитили и промыли мозги. Он накачал меня наркотиками, а потом выпустил в бар, где вокруг меня было несколько проституток. Моя память работала с перебоями, на следующее утро я не оказался на том же самом месте. Пройдя анализ крови, мои врачи пришли к выводу, что я заразился ВИЧ, возможно, от сексуального партнёра. Позже я обнаружил, что Ричард все спланировал, чтобы заразить меня СПИДом. Это было в то время, когда лечение от ВИЧ/СПИДа не было очень прогрессивным, и поэтому, несмотря на поддержание здорового питания, я обнаружил, что мое здоровье очень быстро ухудшается.

Несмотря на приближающуюся смерть, я нашел причины пытаться выжить. Я искал убежища в объятиях любимой Ирины, несмотря на то, что именно из-за нее я так много страдал. Однако, казалось, что боль стоила того. Она была нитью, которая пронизывала всю мою бурную жизнь.

В Ирине я видел детскую невинность или наивность. Это заставило меня влюбиться в нее, когда я впервые приехал в Америку, будучи нервным русским подростком, которому поручали работу спецслужбы, которых я стеснялся. Но присутствие Ирины в моей жизни

меня освежало. Своим смехом она могла заставить меня забыть, что я вел опасную двойную жизнь. Она поддерживала меня в глубоких страшных испытаниях и спасала из тисков смерти столько раз, что трудно сосчитать. Мысли о ней могли заставить меня забыть об опасностях, в которых я постоянно находился. Я помню тот случай, когда Ирина сдала меня властям, которые, в свою очередь, передали меня в ЦРУ, их секретный объект. Я был заперт в подземной тюрьме в течение двух месяцев. Офицеры ЦРУ называли это секретным объектом. За те десятилетия, которые я провел, работая с преступниками, шпионами и коррумпированными чиновниками и дипломатами, я никогда не сталкивался с более жестокими пытками, чем те, которые я пережил там. Я был безнадёжен. Во время поражения электрическим током агенты играли со своими инструментами, повышая напряжение до фатального уровня. Я завывал в слезах от того, как спазмы боли проносились по моим венам, вызывая жгучую агонию до кончиков пальцев ног.

Вскоре даже мои слезы высохли, оставив полосы на лице – остатки человека, которым я был. Мне больше ничего не оставалось, кроме как топить себя в полном отчаянии. Я так страдал, что был уверен, что ни один обычный смертный не сможет пережить эту боль.

Тем не менее, в камере пыток неофициальной тюрьмы я не умер. Я был в агонии, но по какой причине?

Боль не была моим другом или спасением. Я не должен был умирать.

Жертва не принесет никакого спасения.

Но в те тяжёлые времена мысль об Ирине поддерживала во мне жизнь и здравый смысл. В перерывах между пытками я вспоминал ее прекрасное лицо и звенящий смех. Я знаю, что именно из-за нее меня арестовали, и из-за нее я оказался здесь, но я не злился на Ирину. В конце концов, ее обманул отчим. Ричард убедил ее, что я преступник, и Ирина, благодаря своей детской наивности, верила ему, а не мне. Она умоляла меня добровольно сдать ФБР, но я, естественно, отказался, прекрасно зная, что мне вообще не грозит честное правосудие, но Ирина, в своей праведности, настаивала, чтобы я подчинился. Затем она испытала на мне свое оружие и надела на меня наручники, прежде чем передать в соответствующие органы. Я был опытным агентом, которого обучали самые советские инструкторы, и не секрет, что я мог обезоружить Ирину и сбежать, но был крошечный процент, что ее пистолет мог выстрелить, скорее всего, ранив ее, а не меня. Я ценил свою свободу, но, конечно, больше любил Ирину и смиренно следовал ее указаниям.

На этом все не закончилось, потому что на третий месяц плена мне удалось сбежать из секретной тюрьмы ЦРУ, но когда я добрался до своей квартиры, чтобы забрать свои вещи, то обнаружил, что меня

ждет Ирина. Она увидела сигнал тревоги о моем побеге в Госдепартаменте, и была полна решимости арестовать меня еще раз. Я знал, что Ирина намерена добиться справедливости для меня, и если бы это была обычная американская тюрьма, я бы с радостью согласился, но еще один день в той тюрьме был слишком тяжелым даже для меня. Я не мог позволить ей схватить меня снова, и за мгновение ока мне удалось выбить оружие из руки Ирины и сбежать через окно. Я не был достаточно быстрым. Ирина выкрикнула предупреждение, что застрелит меня, если я не остановлюсь, но я проигнорировал ее. Часть меня не хотела верить, что женщина, которую я так сильно любил, на самом деле хладнокровно застрелит меня. Я бежал по пожарной лестнице, когда почувствовал это; жгучая пронизывающая боль прожигала мой живот и разрывала мои внутренности. Я посмотрел вниз на рубашку – пуля Ирины разорвала дырку в рубашке. Пуля вошла сзади, возможно, проникла в левую почку и вышла через перед. Прошло несколько лет с тех пор, как она выстрелила в меня, но у меня все еще есть зияющая рана в животе, откуда вышла ее пуля.

О любви и безумии

Улыбок радость помню любимой, ясность глаз,
И блеск её волос, под солнцем в дневной час,
И нежность её смеха, слова, что в рай несли,
И красоту, что манит как серебро луны!

Слепец честолюбивый? Правдивая любовь?
Я верил в наши чувства, но жизнь пронзила вновь.
Другого полюбила любимая моя
Отчаянно и сильно, отрёкшись от меня.

Ударились улыбки о лёд в её глазах,
Я изгнан, я не нужен – сказали мне в сердцах.
И сплетены их руки – надежда умерла,
Взамен любви – разлука, любимая ушла!

Я созерцал иронию своей жизни: из одиннадцати огнестрельных ранений в моем теле три были нанесены Ириной – остальные я получил при исполнении служебных обязанностей, сражаясь со смертоносными бандами и преступниками на протяжении трех десятилетий. Было два ножевых ранения и глубокий шрам, который я получил от женщины, которую любил. Но я не злился на нее. В большинстве случаев это были несчастные случаи или недоразумения. Ирина не хотела причинять мне боль. Я помню, как она выстрелила мне в ногу. Позже Ирина рассказала мне, что выстрелила в меня, чтобы я не смог ехать на рискованную миссию под прикрытием в Кастилию. Она пыталась спасти мне жизнь. И за это я искренне любил ее. Я знаю, что когда я умру, в моей голове будет только одна мысль, мысль о ней... Не было никого, кого бы я любил больше.

Всех, кого я когда-либо любил, у меня отняли. Со временем я понял, что больнее потерять того, кого любишь, чем вообще не любить. Я держался подальше от тех, кого я знал, кого любил, как настоящую семью. В моем детстве были великодушные люди,

которые, возможно, усыновили меня. Но счастье я никогда не испытывал, ни после смерти матери, никогда. Хотя перед тем как я повзрослел, когда мне было двадцать, когда меня наконец-то отправили в Соединенные Штаты, я наткнулся на русскую женщину, которая выглядела почти точно так же, как моя мама. Она жила с мужем и детьми на той улице, где у меня была квартира. Я никогда не встречалась с семьей лицом к лицу и никогда не пытался с ними познакомиться по понятным причинам. Они были слишком ценны для меня. Я не мог смириться с мыслью о том, что мои враги могут найти их. У русской женщины было несколько красивых детей – и я жил в каком-то блаженстве, заставляя себя верить, что они были моими младшими братьями и сестрой.

Мое сердце знало, что семья полюбила бы меня, если узнали бы, кто я такой, потому что у них были хорошие отношения между собой. Но чтобы спасти их от проклятой судьбы, я даже не пытался с ними встретиться, хотя иногда мне так хотелось поиграть с ними в баскетбол и показать им свои трюки или попробовать борщ их матери.

Я жаждал стать частью их семьи. Я так хотел подарить старшему ребенку несколько моих часов из личной коллекции, потому что он так любил часы, а я никогда их не носил. Я хотел, чтобы они ездили на моем Porsche 1967 года, потому что третий брат был так увлечен старинными машинами. Я мечтал пойти к ним домой и остаться у них в гостиной, когда меня освободили из тюрьмы после двух тяжелых лет в одиночной камере после того, как меня подставили за преступление, которого я не совершал, и мне некуда было идти.

Я хотел пойти к ним домой и стать их родным, чтобы мать заботилась обо мне, когда у меня была очень высокая температура и хроническая лихорадка после сепсиса от ножевой раны. Я хотел быть ее сыном и получать любовь, которую эти мальчики получают от своей мамы каждый день. Я хотел почувствовать роскошь безоговорочной материнской любви. Я хотел, чтобы меня любили и лелеяли хотя бы один короткий день, но я остановил себя. Каждый день я останавливал себя. Я так жаждал любви – быть частью любящей семьи и это причиняло мне боль.

Я хотел поехать туда, когда мне было одиноко в моей квартире, оправляясь от ран, рыдая в годовщину смерти моей дорогой матери, но сто раз я останавливал себя, чтобы семья не страдала от судьбы всех тех, кто был близок мне. Тех, кого я не смог спасти или помочь. Мои друзья. Мой любимая. Человек, которого я считал своим наставником, все тех, кого я любил, они стали мишенью. Я надеюсь, что моя приемная мать никогда не узнает, что судьба ее дочери была запятнана из-за меня, и я надеюсь, что она никогда не узнает, что ее малышка стала мишенью самых жестоких мучителей.

Надеюсь, я не подведу ее, как это было с моей собственной матерью; я не смог защитить свою мать.

Я не смог спасти ее.

Я был причиной ее страданий.

Я надеюсь, что жертва, которую принесла моя мать, не была напрасной. Я молюсь, чтобы это не случилось и с моей приемной матерью. Я молюсь Всевышнему, чтобы спасти женщину, ее дочь и ее семью от боли, потому что я бессилен защитить их. Я больше не могу их спасти от тех сотен мужчин, которые были наняты для издевательств над ними и их убийства.

Я уступил.

Я проиграл битву.

Я был побежден в этой войне ненависти и мести.

Когда я умру, не будет никого, кроме Бога, который защитит мою приемную мать и ее детей. Никто, кроме Бога, не сможет защитить мою страну. И все, что я могу сделать, это молиться и надеяться, что они не будут страдать, как я. Я не знаю, зачем невинной семье расплачиваться за грехи *моего* прошлого. Мое последнее желание – чтобы невинный ребенок не страдал от пыток и боли за мои грехи.

С каждым годом возникали новые осложнения. Многочисленные травмы, полученные во время моих полевых миссий, осложняли лечение. Я получил как минимум одиннадцать огнестрельных ранений, три перелома черепа, ампутацию руки, частичную слепоту и полную потерю слуха из-за перфорации барабанных перепонок. Но я все еще жив. Каким-то образом мне удалось остаться в живых, даже когда большинство моих близких ушли.

Мне всегда везло.

Теперь... Я не знаю, хочу ли я жить так дальше.

Декабрь 2017 года

Врачи говорят, что у меня осталось мало времени, моя иммунная система быстро отказывает. Все эти годы токсинов, ядов, плохого состояния здоровья и травм сейчас приносят свои плоды. Они говорят, что у меня может быть максимум месяц. Поэтому я лежу здесь, на больничной койке, наедине с единственным оставшимся компаньоном – Богом. Я многое потерял. Я буду по всему скучать очень сильно. И есть еще миллионы людей, которых я никогда не смогу спасти или помочь.

Я был обречен смотреть, как мои друзья и близкие страдают и умирают, в то время как я не мог ничего сделать, чтобы облегчить их боль. Я был незадачливым наблюдателем, так как все, что я построил, было уничтожено на моих глазах, теми, кому я доверял,

манипулировали, чтобы пойти против меня. Я думал, что смогу пройти через все это, но у меня не получилось. Я хотел быть сильным и бесстрашным.

Но я не смог.

Я не думал, что будет так мучительно больно быть человеком и шпионом.

*Soon, must I be gone and free,
My end is hastening near;
This may prove a farewell from me,
To those I held so dear!*

*This life has given too swift a decree,
Too bright its hope have been
And all the misery that fell on me,
Has served to forfeit my sin!*

DISCLAIMER

The characters in this book are entirely fictional. Any resemblance to actual persons, living or dead, is entirely coincidental. The novel, story, ideas, opinions and character are entirely fictitious. Certain long-standing institutions, places, countries, religions, political parties, agencies, public offices and news are mentioned but the characters, investigations and news involved are wholly imaginary.

This is a work of pure fiction. The debates and opinions expressed here are not meant to be offend any religion, race, history or culture and is a work of pure fiction. The names, characters, businesses, places, events, locales, and incidents are a product of the author's imagination and used in a fictitious manner.

While a number of the historical events mentioned in this book are historically accurate, the opinions expressed are those of the fictional characters and should not be confused with the authors. This book is not meant to offend any religions or race or culture or nation or historical or political figures.

The author and the publishers assume no responsibility for the negative depiction of any religion, race, country, nationality, culture, and hereby disclaim any liability to any party for any loss, damage, disruption or defamations caused by errors or omissions whether such errors or omissions result from negligence, accident or any other cause.